

И С Т П А Р Т
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

ИСКРА

№№ 1-52
1900-1903

ВЫПУСК
IV

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

ИСКРА

№ № 1 — 52

ДЕКАБРЬ 1900 — НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

П. ЛЕПЕШИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

№ № 24 — 30

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

1927

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

"ПРИБОЙ"

имени

ЕВГ. СОКОЛОВОЙ

пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

1927

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИСКРА № 24.

Проект нового закона о стачках. <i>Н. Ленин</i>	1
Еще несколько слов о дебютирующих либералах. <i>А. Потресов</i>	4
Революционный авантюризм. <i>Н. Ленин</i>	—
Из нашей общественной жизни	5
«Волчья пасть и лисий хвост». <i>Д-р прав</i>	—
Возмутительная история на ст. Тихорецкой	7
Интеллигенты и розга	8
Из секретных документов	—
Встревоженный помпадур	9
Пермь	—
Пермь	—
Из губернаторских нравов	10
Мариуполь	12
Петербург	—
Ставрополь	—
Киев	13
Нам пишут из Одессы	—
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	
Баку	—
В Батуме	14
Симферополь	—
Иностранное обозрение. Из западно-европейского рабочего движения	15
Из партии	16
Хроника революционной борьбы	17
Из области жандармских секретов	—
Сообщение об Абраме Борухе Каплане	18
От Петерб. Комитета Р. С.-Д. Р. Партии	19
Перси	—
Почтовый ящик	—
Примечания	20

ИСКРА № 25.

Новый захват самодержавия. <i>Л. Мартов</i>	21
Революционная «беллетристика». <i>А. Потресов</i>	23
К вопросу о программе. <i>Л. Мартов</i>	24
К вопросу о революционных бацллах. <i>Ефрон</i>	25
Что делать?	28
Беседа с «другом»-читателем. <i>Г. Плеханов</i>	30
«Полинейские всех стран, соединяйтесь!»	31
Из нашей общественной жизни	32
Побег из Киевской тюрьмы	—
Побойще в Одесской тюрьме	33
В окрестностях Риги	—
Поучительные прения	34
Курск	—
Крови, крови!	35
Романовы в роли приобретателей	—
В Москве	—
Пермь	36
Феодосия	—
В г. Ялте	—
Из деревни	—
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	37
Еще стачка у белого царя	—
В Симферополе	—

Стр.

Стр

Одесса	37
Тифлис	—
Хлудовская мануфактура (Смоленск. губ.)	38
Херсон	—
Хроника революционной борьбы	38
Из партии	—
Нам пишут из Петербурга	—
Киевским Комитетом издано	39
Предостережение	—
По поводу нового назначения Зубатова	—
Почтовый ящик	—
Примечания	40

ИСКРА № 26.

Политическая борьба и политиканство <i>Н. Ленин</i>	41
Последнее слово обвиняемого. <i>Л. Мартов</i>	43
Логика русского «терроризма». <i>Г. Плеханов</i>	44
По поводу верноподданнической оппозиции наших земцев	
<i>Не-земец</i>	48
Из нашей общественной жизни	50
Помпадурские шалости или либерал в роли секутора	
Новая пощечина русскому правительству	52
Батумский процесс	53
Последствия Киевского побега	—
Курск. <i>Красный</i>	54
Архангельск	55
Из области сыска	—
Харьков	—
Ставрополь Кавказский	—
Нам пишут из Перми	56
Красноярск	—
Енисейск	—
Иркутск	57
События в Финляндии	58
Из деревни	59
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	60
Краткий очерк рабочего движения в Бежице	—
Ст. Алмазная. <i>Сознательный шахтер</i>	61
Херсон	—
Из партии	62
Заявление С.-Петербургского Комитета	—
Заявление Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.	—
Южные товарищи о терроре	62
Нижегородским Комитетом выпущены листки	63
Донским Комитетом Партии изданы прокламации	—
Лодзинским Комитетом «Бунда» издана прокламация	
Немецкие социал-демократы о терроре	64
Иностранное обозрение. Из западно-европейской общественной жизни	—
Хроника революционной борьбы	65
Предостережение	—
Почтовый ящик	—
Примечания	66

ИСКРА № 27.

К эпилогу крестьянских бунтов. <i>Л. Мартов</i>	67
Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые соц.-революционерами. <i>Н. Ленин</i>	68

Стр.

Стр.

Признаки «безвластия» и «политического разложения» русского правительства. <i>Правдин</i>	70
«История повторяется». <i>Г. Плеханов</i>	72
Все о том же. <i>Н. Ленин</i>	75
Комитеты Особого Совещания. <i>А. и М.</i>	77
Из нашей общественной жизни	79
Политические процессы	—
Бобчинские в оппозиции. <i>Н. Троцкий</i>	82
К вопросу о пропаганде в войсках	83
«Неблагоприятные следы» правительственной мудрости	—
Шемакин суд в Валках	—
К 200-летию присоединения Шлиссельбурга. <i>Н. Троцкий</i>	85
Чернигов	—
Крым. Ялта	86
Самара	—
Письмо из Вятки	—
Из деревни	87
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
Краткий очерк рабочего движения в Бежице. (Окончание)	—
Смоленск	88
В Нежине	89
Астрахань	—
Красноярск	—
Нам пишут из Сибири	90
Из партии	—
Открытое письмо от гр. «Южного Рабочего»	—
Изданы прокламации	—
В № 5 «Жизни» напечатана	—
Хроника революционной борьбы	91
Предательство Н. К. Паули	—
Заявление	—
Почтовый ящик	92
Примечания	—

ИСКРА № 28.

«Мертвый хватает живого». <i>В. Засулич</i>	95
Шулера славянофильства. <i>Н. Троцкий</i> . . .	97
Из записок пропагандиста. <i>Н. Л. К.</i>	98
Из нашей общественной жизни	99
В тюремных застенках	—
Протест защитников	102
Духовенство старается	103
Вильна	104
Воронеж	—
Херсон	105
Позорное усердие	—
«Черный кабинет»	—
Результаты травли ссыльных. <i>Якутск</i> . . .	—
Нами получен документ	106
Из деревни	—
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	107
Скопин	—
Екатеринослав	—
В Новочеркасске	—
Из подмосковного района	108
В Иркутске	—
Харьков	—
Иностранное обозрение. Стачка американских углекопов.	109
Из партии	111
Социал-демократия и террор	—
Заявление	112
Киевским Комитетом изданы прокламации . . .	—
Хроника революционной борьбы	—
Почтовый ящик	113
Примечания	—

ИСКРА № 29.

Новые события и старые вопросы. <i>Н. Ленин</i>	115
Нижегородские рабочие на суде	116
Законная оппозиция незаконному правительству. <i>Н. Троцкий</i>	117
Две комедии «помилования». <i>Л. Мартов</i>	121
Опровержение или отступление? <i>Л. Дейч</i>	123
Борьба ростовских рабочих	125
Из нашей общественной жизни	129
Н.-Новгород	—
Саратов	—
Исключение подтверждает правило	130
Избавление студентов от Сибири или, вернее, Сибири от студентов	131
Казань	132
«К учащимся средних школ»	—
Проделки зубатовцев	133
Рязань	—
Либава	134
Из деревни	—
События в Финляндии	135
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
Петербург	—
Керчь	136
С юга	—
Из партии	—
Агитация среди народных учителей	—
Ив.-Вознесенск [<i>А. Любимов</i> - «Марк»]	138
Хроника революционной борьбы	139
Почтовый ящик	—
Примечания	140

ИСКРА № 30.

Осенние итоги. <i>Л. Мартов</i>	141
Зубатовщина в Петербурге. <i>Н. Троцкий</i>	143
Как соц.-дем. «поворачивают» к народничеству <i>Л. Мартов</i> .	144
Борьба направлений — пожива демагогам. <i>Л. Мартов</i> .	145
Новый «беспримерный» поступок «Искры». <i>Л. Мартов</i> .	147
Из нашей общественной жизни	148
Вопрос об «отрезках». <i>Л. Мартов (?)</i>	—
Кострома	149
Самара	—
Последствия Киевского побега	150
Курск	—
Еще о студентах в Сибири	—
Француз, как защитник русского «престола и отечества»	152
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
Ростов-на-Дону	—
Тихорецкая	153
Новороссийск	—
Новочеркасск	154
Сибирь	—
Ярославль	—
Москва	155
Вологда	—
Крым. Ялта	—
Иностранное обозрение. Стачка французских углекопов .	—
Из партии	156
Международный социалистический конгресс 1903 г. в Амстердаме	—
Петербургский раскол	157
Нам прислано следующее заявление	158
Хроника революционной борьбы	—
Почтовый ящик	—
Примечания	159

ПРОЕКТ НОВОГО ЗАКОНА О СТАЧКАХ.

Нам доставлен новый тайный документ: записка министерства финансов «о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организаций рабочих в целях самопомощи». В виду обширности этой записки и необходимости ознакомления с ней возможно более широких слоев рабочего класса, мы издаем ее особой брошюрой. Теперь же изложим вкратце содержание этого интересного документа и укажем на его значение.

Записка начинается кратким очерком истории нашего фабричного законодательства, указанием на законы 3 июня 1886 г., 2 июня 1897 г. и переходит затем к вопросу об отмене уголовного наказания за уход с работы и за стачки. М-ство фин. полагает, что угроза арестом или тюрьмой за самовольный уход с работы одного рабочего или за прекращение работы по уговору многих рабочих не достигает своей цели. Сохранение общественного порядка этим не обеспечивается, как показал опыт; рабочих эта угроза только озлобляет, убеждая их в несправедливости закона. Применять эти законы очень трудно «в виду крайней обременительности возбуждения сотни и иногда тысячи дел» за уход каждого рабочего, а также и в виду того, что фабриканту невыгодно остаться без рабочих, если их засадят за стачку. Признание стачки преступлением вызывает чрезмерно усердное вмешательство полиции, приносящее больше вреда, чем пользы, больше затруднений и хлопот фабрикантам, чем облегчения. Записка предлагает совершенно отменить всякие наказания за самовольный уход отдельного рабочего с фабрики и за мирную стачку (не сопровождаемую ни насилием, ни нарушением общественного порядка и т. п.). Наказания должны быть установлены, по образцу иностранных законов, только «за насилие, угрозы или обесславления (!), совершенные кем-либо из работодателей или рабочих по отношению к личности или имуществу другого и имеющие целью, вопреки свободным и законным намерениям последнего, принудить его или помешать ему» вести работу на тех или иных условиях. Другими словами, вместо уголовного наказания за стачки предполагается уголовное наказание за помеху «желающим работать».

Что касается до обществ самопомощи, то м-ство фин. жалуется на административный произвол в этом деле (особенно проявившийся - де в Москве, где общество механических рабочих заявило даже претензию на «посредническую роль» между рабочими и администрацией) и требует проведения в законодательном порядке нормального устава таких обществ и облегчения устройства их.

Таким образом, общий характер новой записки м-ства фин., несомненно, либеральный, и центральным пунктом является предложение отменить уголовное наказание за стачки. Мы не станем здесь подробно разбирать содержание всего «законопроекта» (это удобнее будет сделать после напечатания всей записки целиком), а обратим внимание читателя на характер и значение этого либерализма. Предложение предоставить рабочим некоторую свободу стачек и свободу организаций — не новость не только в нашей либеральной публицистике, но и в предначертаниях официальных, правительственных комиссий. В начале 60-х годов комиссия Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды из выборных от рабочих и хозяев и дать рабочим известную свободу организаций. В 80-х годах комиссия по составлению проекта нового уголовного уложения предполагала отменить уголовные наказания за стачки. Но теперешний проект м-ства фин. существенно отличается от предыдущих, и это отличие останется крайне важным знамением времени даже и в том случае, если предложение нового проекта так же останется под сукном, как и все прежние. Существенное отличие состоит в том, что новый проект характеризуется несравненно большей «почвенностью»: вы чувствуете в нем не только голос немногих теоретических передовиков и идеологов буржуазии, а голос целого слоя промышленников-практиков. Это уже не либерализм одних только «гуманных» чиновников и профессоров, это доморощенный отечественный либерализм московских купцов и промышленников. Этот факт, скажу откровенно, наполняет мое сердце высокой патриотической гордостью: алтынный либерализм купца значит много больше, чем пятиалтынный либерализм чиновника. И самыми интересными в записке являются не тошнотворные рассуждения о свободе договора и о пользе государства, а те практические соображения фабрикантов, которые прорываются сквозь традиционно-юридическую аргументацию.

— Невтерпеж! Надоело! Не суйся! — вот что говорит русский фабрикант русской полиции устами автора министерской записки. Послушайте-ка, в самом деле, следующие рассуждения:

«По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как естественное экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работы на фабриках и заводах и забастовки не отождествлялись бы с нарушением общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от незаконных и неосновательных и принимать

соответствующие меры к миролюбивому соглашению сторон. При подобном, более нормальном порядке меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие наличность беспорядка». Полиция не разбирает причин стачки, а заботится только о прекращении ее, пуская в ход один из двух приемов: либо заставляя рабочих (арестами, высылками и др. мерами «до употребления военной силы включительно») взяться за работу, либо побуждая хозяев к уступкам. «Нельзя сказать, чтобы хотя один из этих приемов был удобен» для гг. фабрикантов: первый «поселяет озлобление в среде рабочих», второй «укрепляет у рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий во всяком случае». «История забастовок, происходивших в течение последнего 10-летия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления быстрого подавления возникающих осложнений какой бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совершенно спокойных до сего рабочих, что приходилось пускать в дело казаков, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных требований забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали непременно аналогичные же стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось уже применять не систему уступок, а военную силу, что бывает для рабочих совершенно непонятным и поселяет уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей»... Чтобы полиция когда-нибудь удовлетворяла даже незаконные требования рабочих посредством воздействия на фабрикантов, это, конечно, увлечение гг. капиталистов, которые хотят сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы им меньше, чем приходится дать под давлением грозного призрака «нарушение государственного порядка и спокойствия». Записка подпускает шпильку м-ству внутр. дел, которое в циркуляре от 12 августа 1897 г., «изданном без соглашения с м-ством фин.» (вот где собака-то зарыта!), предписывает и аресты и высылки при каждой стачке и направление дел о стачках в порядке охраны. «Высшие административные власти, — продолжает записка излагать жалобы фабрикантов, — идут еще дальше (закон) и придают всем (курсив ориг.) случаям стачек прямо государственное значение... Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилиями) есть явление чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию. Охрана последнего в этих случаях должна бы выражаться в формах, подобно практикуемым во время народных гуляний, торжеств, зрелищ и т. п. случаев».

Это — язык настоящих либералов-манчестерцев, обличающих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом» (в другом месте записки), требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль ночного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрения заставил русских

фабрикантов не кто иной, как наш рабочий. Рабочее движение так широко разрослось, что стачки действительно стали «естественным экономическим явлением». Борьба рабочих приняла такие упорные формы, что вмешательство полицейского государства, запрещающее всякое проявление этой борьбы, действительно стало оказываться вредным не только для рабочих (им-то оно никогда кроме вреда ничего не приносило), но и для самих фабрикантов, в пользу которых это вмешательство делалось. Рабочие сделали полицейские запрещения фактически бессильными, — но полиция продолжала (и не могла в самодержавном государстве не продолжать) вмешиваться и, чувствуя свое бессилие, металась из стороны в сторону: то военная сила, то уступки, то зверская расправа, то заигрыванье. Чем меньше значения получало полицейское вмешательство, тем острее чувствовался фабрикантами произвол полиции, тем более склонялись они к убеждению, что им не расчет поддерживать этот произвол. Конфликт между известной частью крупных промышленников и полицейским всевластием все обострялся и принял особенно резкие формы в Москве, где система заигрыванья с рабочими расцвела особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацию, затеявшую опасную игру с собеседованиями рабочих и обществом взаимопомощи рабочих в механическом производстве¹. Чтобы приманить рабочих, пришлось дать совету этого общества известное право посредничества, — и фабриканты сейчас же встали на дыбы. «Сначала сей совет, — пишет под их диктовку записка, — обращался к чинам фабричной инспекции, но засим, видя, что последние не признают его компетенции в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал обращаться к оберполицмейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но дает им законный ход, чем санкционирует присвоенные себе советом права». Фабриканты протестуют против частных административных распоряжений и требуют законодательного установления нового порядка.

Правда, либерализм фабрикантов не выходит пока из очень узких профессиональных рамок, их враждебность к полицейскому произволу ограничивается отдельными проявлениями невыгодных для них крайностей, не направляясь против коренных основ бюрократического самовластья. Но о росте этой враждебности, о расширении поводов для нее, об ее углублении позаботится экономическое развитие России и всего мира, обостряя классовые антагонизмы капиталистических стран. Сила пролетариата в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличивается в силу самого процесса экономического развития, тогда как среди крупной и мелкой буржуазии все усиливается разрозненность и раздробленность интересов. Чтобы учесть это «естественное» преимущество пролетариата, социал-демократия должна внимательно следить за всеми столкновениями интересов среди господствующих классов, пользуясь этими столкновениями не только в целях извлечения практической выгоды в пользу тех или иных слоев рабочего класса, но и в целях извлечения полезного урока из каждого нового социально-политического эпизода.

Практическая выгода для рабочих от предлагаемого либеральными фабрикантами изменения закона слишком

очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомненная уступка растущей силе, оставление неприятелем одной из его позиций, которая уже фактически почти отвоевана революционным пролетариатом и защищать которую дальше не хотят наиболее дальновидные вожди вражеской армии. Невелика эта уступочка, что и говорить: во-1-х, смешно и думать о возможности настоящей свободы, свободы стачек при отсутствии политической свободы. Право арестов и высылки без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие. А сохранение этого права означает сохранение девяти десятых всей той полицейской склоки, тех безобразий и того произвола, который начинает претить даже и фабрикантам. Во-вторых, и в узкой области собственно промышленного законодательства министерство финансов делает очень робкий шаг вперед, подражая тому немецкому законопроекту, который немецкие рабочие прозвали „каторжным“ законопроектом, оставляя особые наказания «за насилия, угрозы и обесславления», стоящие в связи с договором о найме, как будто бы не существовало общих уголовных законов, карающих эти проступки! Но и маленькой уступкой русские рабочие сумеют воспользоваться для укрепления своей позиции, для усиления и расширения своей великой борьбы за освобождение трудящегося человечества от наемного рабства.

Что касается до полезного урока, которому нас учит новая записка, то мы должны заметить прежде всего, что протест фабрикантов против средневекового закона о стачках показывает нам на маленьком частном примере общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые (подобно соц.-рев.) до сих пор боязливо закрывают глаза на элементы буржуазной оппозиции в России и твердят по старинке, что «интересы» (вообще!) русской буржуазии удовлетворены. Оказывается, что полицейское самовластие приходит в столкновение то с теми, то с другими интересами даже таких слоев буржуазии, которых всего непосредственнее охраняет царская полиция, которым непосредственно грозит материальным ущербом всякое ослабление узды, надетой на пролетариат.

Оказывается, что действительно революционное движение дезорганизует правительство не только прямо тем, что просвещает, возбуждает и спланирует эксплуатируемые массы, но и косвенно тем, что отнимает почву у обветшалых законов, отнимает веру в самовластие даже у его кровных, казалось бы, присных, учащает «домашние ссоры» между этими присными, заменяет твердость и единство в лагере врагов раздорами и шатаниями. Но, чтобы достигать таких результатов, нужно одно условие, которого никогда не могли усвоить наши соц.-революционеры: для этого необходимо, чтобы движение было действительно революционным, т. е. поднимало к новой жизни все более и более широкие слои действительно революционного класса, преобразовывало бы фактически духовно-политический облик этого класса, а через его посредство и всех тех, кто с ним соприкасается. Усвоив эту истину, с.-р. поняли бы, какой практический вред приносит их бездейственность и беспринципность в коренных вопросах социализма, поняли бы, что не правительственные, а революционные силы дезорганизуют людей,

проповедующие, что против толпы у самодержавия есть солдаты, против организаций — полиция, а вот отдельные террористы, смещающие министров и губернаторов, поистине неуловимы.

Есть и еще один полезный урок в новом «шаге» фабрикантов ведомства. Этот урок состоит в том, что надо уметь пользоваться всяким, хотя бы даже и алчным, либерализмом на деле, и надо в то же время «в оба смотреть», чтобы этот либерализм не развращал народных масс своей лживой постановкой вопросов. Пример — г. Струве, разговор с которым мы бы озаглавили: «Как либералы хотят учить рабочих и как рабочие должны учить либералов». Начав печатание разобранной нами записки в № 4 «Освобождения», г. Струве говорит там, между прочим, что новый проект есть выражение «государственного смысла», каковому смыслу вряд ли-де пробиться через стену произвола и бессмыслия. Не так это, г. Струве. Не «государственный смысл» выдвинул проект нового закона о стачках, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этот проект, что государство «признало» основные начала гражданского права (буржуазную «свободу и равенство» хозяев и рабочих), а потому, что отмена наказания за стачки стала выгодной для фабрикантов. Юридические формулировки и вполне доказательные мотивировки, которые дает теперь «само» («Осв.» № 4, стр. 50) министерство финансов, имелись налицо давным-давно и в русской литературе и даже в трудах правительственных комиссий, но все это оставалось под спудом, пока не заговорили хозяева промышленности, которым рабочие практически демонстрировали нелепость старых законов. Мы подчеркиваем это решающее значение фабрикантских выгод и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на наш взгляд, значение предначертаний правительства, — напротив, мы уже сказали, что видим в этом усиление их значения. Но пролетариату в его борьбе против всего современного строя надо прежде всего научиться смотреть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящие побудительные причины «высоких государственных деяний» и неуклонно разоблачать те лживые напыщенные фразы о «государственном смысле» и т. п., которые ловкими полицейскими чинами выдвигаются по расчету, а учеными либералами — по близорукости.

Далее г. Струве советует рабочим быть «сдержанными» в агитации за отмену наказаний за стачки. «Чем сдержаннее будет она (эта агитация) по формам, — проповедует г. Струве, — тем больше будет ее значение». Рабочий должен хорошенько отблагодарить бывшего социалиста за такие советы. Это традиционная молчалинская мудрость либералов — проповедывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому-нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннее, чтобы не помешать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благоприятный момент, когда первый шаг уже сделан (записка составлена!) и когда признание каким-либо ведомством необходимости реформ дает «неопровержимое (?)» и для самого правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности (?) этих реформ. Так рассуждает г. Струве о разбираемом нами проекте, так рассуждали всегда российские либералы. Не так рас-

суждает социал-демократия. Смотрите, скажет она, — даже из самих фабрикантов кое-кто начал понимать уже, что европейские формы классовой борьбы лучше азиатского произвола полиции. Даже самих фабрикантов мы заставили своей упорной борьбой усомниться в всеилии самодержавных опричников. Смелее же вперед! Распространяйте шире приятную весть о неуверенности в рядах врага, пользуйтесь всяким малейшим колебанием его не для молчалинского «сдерживания» своих требований, а для усиления их. За счет того долга, который лежит на правительстве перед народом, вам хотят отдать копейку из ста рублей. Пользуйтесь получением этой копейки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга, чтобы окончательно дискредитировать правительство, чтобы готовить наши силы для нанесения ему решительного удара.

[Н. Ленин]

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДЕБЮТИРУЮЩИХ ЛИБЕРАЛАХ.

Первое слово политического дебютанта интересно всегда. Первое слово либерала, слагающего партию, интересно вдвойне. Значит, разложение политического строя России пошло далеко, если молчалиник-либерал прервал свое обычное молчание.

Мы живем в дни великой борьбы, растущей и обостряющейся. В недрах старой России шевелится Россия новая. Ей тесно в этих недрах; ей нужен простор. Общим несовместно им жить. Старое напрягает все силы, чтобы раздавить это новое. Новое собирается в бой, клича клич: «Кто за нас? Помогите! Враг силен, а задача громадна. Время не терпит. Каждый человек на счету. Нельзя молчать. Преступно быть зрителем.

Жизнь — не цирк, и борцы за свободу — не гладиаторы. Им нужна реальная помощь, не дешевое „браво“ глядеющей публики...».

И призыв к свободе услышан. Вернее — он сам лишь отзвук той бури, что скопилась в народной груди. Россия трудящаяся, Россия обремененная, Россия всех малых людей и большого страдания — бродит и «ставит своего человека».

И в это самое время раздается голос, именем либералов говорящий: Ваш — клич — пустое доктринерство, призыв в лагерь борьбы — напрасная претензия. Предоставьте «мирные элементы» их культурной деятельности, которая есть также... «борьба». Зачем навязывать «умеренным» неприемлемые средства и настроения?

«Действовать так значило бы — в угоду своим излюбленным идеям или в поблажку своему темпераменту — сужать великое освободительное движение, ясные и простые цели которого должны быть доступны возможно большему числу лиц»*.

И без вас, г. Струве, борцы за свободу знают, что можно требовать от русского обывателя и чего нельзя. Путь борьбы — путь тернистый. Не всякому дано быть борцом. Но тому, кто провозглашает себя участником «национального освобождения», не пристало играть словами. Нельзя, толкуя об «общем деле» «революционеров и умеренных», призывая к «единой борьбе», козырять — культурной работой!

Шутки прочь! Положение обязывает! От человека, появляющегося на арене политической борьбы, мы хотим доподлинно знать, как он думает бороться. Борьба ведь уже кипит и жертвы приносятся. Вы участвуете в деле «национального освобождения», вы кидаете вме-

* Эта и все последующие цитаты взяты из разных мест №№ 1—2 «Осв.».

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ.

Отношение соц.-рев. к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма, и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные в России сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». И наши соц.-рев. разносят марксизм, что называется, на все корки: «догматические предрассудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революционная интеллигенция закрыла глаза на деревню, революционная работа в крестьянстве запрещалась ортодоксией», и мн. т. п. Это нынче в моде — лягать ортодоксию. Но к какому подвиду надо отнести тех из числа лягающих, которые до начала движения в крестьянстве не успели даже наметить своей собственной аграрной программы? Когда «Искра» еще в № 3 обрисовала свою аграрную программу, «Вестн. Р. Рев.» только и нашелся пробормотать: «при такой постановке вопроса значительно стусевывается еще одно из наших разногласий», при чем с редакцией «В. Р. Р.» слу-

чалось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса «Искрой» («внесение классовой борьбы в деревню») она абсолютно не поняла. Теперь «Рев. Россия» ссылается задним числом на брошюру: «Очередной вопрос», хотя программы и там никакой нет, а есть лишь превознесение таких «знаменитых» оппортунистов, как Гертц.

И вот эти-то люди, которые до начала движения были согласны и с «Искрой» и с Гертцем, — на другой день после крестьянского восстания выступают с манифестом «от крестьянского союза (!) Партии Соц.-Рев.», при чем в этом манифесте вы не найдете ни одного звука, исходящего действительно от крестьянина; вы встретите только дословное повторение того, что вы сотни раз читали у народников, либералов и «критиков»... Говорят, что смелость города берет. Это так, господа с.-р., но не о такой смелости свидетельствует грубо размалеванная реклама.

Мы видели, что главное «преимущество» с.-р. состоит в свободе от теории, главное искусство их — умение говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо как-никак высказаться. Надо, например, выкинуть за борт «догмат русских с.-д. конца 80-х и начала 90-х годов о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата». Какое это удобное

сте с революционерами «соединенный вызов» русскому правительству? Хорошо. Каково же ваше отношение к другим участникам, в чем же выражается ваше сотрудничество с борцами революции? Г. Струве дипломатично молчит. За него договаривают его присные. Мы, земцы, — говорят они, — не можем «оставаться в нашем выжидательном положении». Нам угрожает, с одной стороны, «близорукая и неумелая бюрократия», с другой — в числе прочих бед — «общая почва классовых и эгоистических интересов», «революционная пропаганда». «Убежденные сторонники порядка и законности», «противники насилия, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу», мы стремимся создать такую «платформу», «на которой могли бы сойтись и войти в соглашение разнообразные кружки и группы, из которых, под двойным влиянием правительственной реакции и революционной борьбы, имеет шансы сложиться русская конституционная партия».

Другими словами: мы, пропагандисты «единой борьбы» и «соединенного вызова», — «в угоду своим излюбленным идеям» (как идея «законности»), «в похвалу своему темпераменту» (трусости) и «эгоистическим интересам» (имущих классов) — сужаем «великое освободительное движение» до того, что скидываем со счета политических комбинаций и возможных «соглашений» всех тех, кто до сих пор — так или иначе — но представлял собою это движение. Революционная борьба и правительственная реакция, демонстрирующая толпа и насильник с нагайкой в руке — явления, для нас одинаково сторонние и чуждые. Мы не идем на штурм, мы занимаем наблюдательные посты, мы ловим момент, когда растерянный взор неприятеля, смущенного бурей революции, остановится на нас с... ожиданием. Мы уже теперь парламентируем... в звании выразителей «единогласного общественного мнения», мы предупредительно даем советы врагу, пре-

достерегая от «рискованной игры» «за счет верховной власти».

Так дебютируем мы — «земская политическая партия»! «Под двойным влиянием правительственной реакции и революционной борьбы» появляется на свет — новейшее «пенкоснимательство».

Измена и лицемерие стоят у его колыбели.

Либералу-демократу не след итти по стопам новой партии.

Свобода не продается на базаре политических сделок. Ее надо отвоевать, заслужить борьбою.

Трудное дело — борьба, борьба революционная. Но формы ее настолько многообразны, содержание настолько всеобъемлюще, необходимость настолько очевидна, что самый «умеренный» демократ найдет себе место в ней. Он сумеет подавить свои антипатии и принести хоть частичку своей «умеренности» в жертву великой цели.

Русская социал-демократия ждет. Она в праве требовать поддержки в борьбе, «где дело идет о достойном существовании личности и нации».

[А. Потресов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

«Волчья пасть и лисий хвост».

Нам пишут из Петербурга от 4 августа: «Я писал уже вам о „высочайшем нагоняе“ земским деятелям, как называют они выговор Николая II за участие в нелегальном земском съезде. Со слов лица, близко стоящего к министерским сферам, и с любезного его позволения спешу поделиться с вами некоторыми подробностями об обстоятельствах, сопровождавших этот выговор.

словечко: «догмат»! Достаточно извратить слегка враждебную теорию, прикрыть это извращение жупелом «догмата», — и готово дело!

Весь современный социализм, начиная с Комм. Манифеста, покоится на той несомненной истине, что единственным действительно революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях. Спрашивается, что же надо думать о людях, которые «превратили» эту истину в догмат русских с.-д. определенной эпохи и пытаются уверить наивного читателя, будто этот догмат был «всецело основан на вере в отдаленность открытой политической борьбы»?

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенная социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такового слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интел-

лигенцией. По отношению к этому слою вполне прав Г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые еще не заняли никакой определенной социальной позиции или уже выбиты жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали. Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Чего стоит уже одна постановка вопроса: «Какие общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующий... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию?» Собственно говоря, на этот вопрос только и можно ответить вопросом: какие элементы интеллигенции вообще всегда держатся за существующий хаос идей, охраняют его и не поддаются определенному социали-

«Удостоиться получения „высочайшего нагоняя“ имели счастье далеко не все земские деятели, принимавшие участие в с'езде. Получили его только те, которые значились в доставленном г. Плеве списке присутствовавших на одном из заседаний с'езда. В этом списке, однако, фигурировали фамилии таких известных земских деятелей, как г. Шипов², председатель Московской губ. земской управы, и г. Стахович, орловский губернский предводитель дворянства. И вот г. фон-Плеве нашел, что для обуздания таких лиц „высочайшего нагоняя“ будет, пожалуй, недостаточно. Правда, в бумагах г. министра, в которых изложено было императорское неудовольствие на крамольников-земцев, неудовольствие это было отредактировано так „неудачно“, что трудно было понять, то ли это гневается царь, то ли его верный министр, — тем не менее, последний решил, что для большего устрашения „конституционалистов“ не худо будет им выслушать нагоняй из собственных его высокопревосходительных уст. Шипов и Стахович приглашаются в Петербург. Стахович принят был министром более чем холодно. Наговорив предводителю дворянства много неприятных вещей, которые в устах обыкновенного смертного с полным правом можно было бы счесть дерзостями, г. Плеве, между прочим, заявил, что он не представляет себе естественным и законным совмещение в лице г. Стаховича предводителя дворянства и участника подпольных совещаний и что в настоящий момент он, министр, не знает еще, где будет находиться в ближайшем будущем местожительство его собеседника. Г. Стахович отвечал, что он не считает министра в праве делать ему, как предводителю, какие бы то ни было замечания или выговоры и что он знает, когда надо будет подать ему в отставку, а уволен от должности он может быть или высочайшим указом или указом Сената. Несмотря на столь энергичный отпор временщику, г. Стахович покинул кабинет министра не с видом победителя. — Г. Шипов встретил более ласковый прием. „Я знаю, — сказал ему министр, — всю тяжесть положения, в которое поставлено в настоящее время земство. Я придаю последнему важное значение в жизни страны и сделаю все, что от меня зависит, для того, чтобы сделать земские учреждения менее зависимыми от местных правительственных органов. Я постараюсь взамен того приблизить их к центральным учреждениям империи и, понимая важность, необходимость обмена мнений земских деятелей по вопросам местной деятельности, постараюсь в бли-

жайшую же сессию Государственного Совета провести закон о периодических с'ездах представителей губернских земских собраний“. Г. Плеве до того увлекся своим либерализмом, что намекал даже на возможность установления конституционного режима, так что г. Шипову, не разделяющему конституционных воззрений, пришлось оспаривать министра самодержавного императора и указывать на более „естественный“ выход из тех затруднений, которые переживает правительство, именно на возможность возвращения к порядку допетровской Руси, девизом которой был самодержавный царь над самоуправляющейся земщиной. Не знаю, указал ли г. Плеве, что г. Шипов забыл упомянуть о необходимой спутнице самодержавного царя, о разнужданной опричнине, одним из достойных представителей коей он имеет честь состоять. Знаю только, что либеральный палач в заключение беседы упомянул и о трудности своего положения. „Таковы мои планы, — сказал он, — но осуществить их я могу при условии, если земство не будет мне ставить препятствий неуместной и вредной для дела фрондой. Я не самодержец, и мне приходится работать в сотрудничестве таких деятелей, как С. Ю. Витте. Я глубоко уважаю Серг. Юл. Он обладает ясным государственным умом и несокрушимой, не знающей усталости энергией. Но вы знаете его предубеждение против земства. Вы знаете его взгляд, что для блага России необходимо широкое развитие земских учреждений, но что для блага самодержавия необходимо упразднение земства. Нелегальные земские с'езды, вроде московского, будут лить воду не на мою мельницу...“

«Г. Плеве ошибся, однако: С. Ю. Витте успел уже изменить свои взгляды, изложенные в известной секретной записке его: „Самодержавие и земство“. С. Ю. Витте также не прочь сделаться либералом. „Я всей душой сочувствую земским начинаниям, — говорил он в беседе с кн. Долгоруковым, вызванным в Петербург также для получения реприманда. — Я понимаю, что покров ваш уезд сетью железных дорог, телеграфов, дай вам еще тысячу чиновников министерства финансов, — эти меры, если не будут обеспечены надлежащих условий для развития самостоятельности населения, будут бесполезны для его благосостояния“.

«Приятные разговоры, которые вел Плеве с Шиповым, не помешали министру закатить жесточайший разнос суджанскому предводителю дворянства Евреиннову, который вместе с председателем Суджанской уездн. земск. управы

стическому мировоззрению? Но с.-р. на несерьезный вопрос хотя и дают серьезный ответ. Они относят к «этим» классам, во 1-х, буржуазию, ибо ее «интересы удовлетворены». Этот старый предрассудок, будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии (ср. В. Р. Р.» № 2, стр. 132—3), составляет теперь общее достояние экономистов и с.-р. Еще раз: не научит ли их уму-разуму г. Струве?

Во 2-х, с.-р. относят к этим классам «мелкобуржуазные слои», «интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу». Откуда сие, аллах ведает. Что мелкая буржуазия не только не охраняет вообще и всегда существующий порядок, а, напротив, нередко выступает революционной даже против буржуазии (именно: когда примыкает к пролетариату), очень часто — против абсолютизма и почти всегда формулирует социально-реформаторские программы, это известно всем и каждому. Наш автор просто сболтнул «пошумнее» против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать погромче, против тех пороков, которые за собой чувствуешь.

И вот: так как с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиции между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелкобуржуазные слои интеллигенции, — поэтому они пишут о мелкой буржуазии так, как будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи. Им хочется также обойти тот неприятный пункт, что они не понимают принадлежности современного крестьянства, как целого, к «мелкобуржуазным слоям». Не попробуете ли вы дать нам ответ по этому пункту, гг. с.-р.? Не скажете ли вы нам, почему это, повторяя обрывки теории русского марксизма (напр., о прогрессивном значении крестьянского отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тот же марксизм доказал мелкобуржуазный уклад русского крестьянского хозяйства? Не раз'ясните ли вы нам, как это могут «собственники или полусобственники» в современном обществе не относиться к мелкобуржуазным слоям?

Нет, не надейтесь! С.-р. не ответят, не скажут и не раз'яснят ничего по существу, ибо они (опять таки подобно экономистам) твердо усвоили тактику сказываться по части теории в неях. «Рев. Россия» кивает на «В. Р. Р.» — это - де их дело (ср. № 4, ответ «Заре»), а «В. Р. Р.» рассказывает читателю о подвигах оппортунистической критики и все грозит, грозит и гро-

кн. Долгоруковым был вызван департаментом полиции для объяснения относительно участия их в составлении программы суджанского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Либеральная программа комитета, опубликованная в легальной прессе, сильно обеспокоила правящие сферы, внушив им тревогу, как бы в центре предстоящих, в присутствии царя, курских маневров не вспыхнула революция.

«Как вы могли, — кричал Плеве на г. Евреинова, — так дерзко истолковать высочайшую волю о созыве Особого Совещания, так грубо выйти из предначертанной комитету программы! Чего только не нагородили вы в своей программе. Этак вы скоро признаете, что для сельского хозяйства необходимо стрелять в высших должностных лиц империи!» — «Это вздор», пытался перекричать министра г. Евреинов, но не мог, и, красный от гнева на грубые окрики, выслушал до конца разнос. Вместе с Евреиновым и кн. Долгоруковым в Петербург по тому же поводу был вызван для объяснений суджанский податный инспектор г. Пустовитов. Последний после допроса, учиненного ему г. Витте, был допрошен г. Плеве. Кричал ли последний на него так же, как на Стаховича и Евреинова, сведений не имею, так как лицо, со слов которого передаю все вышеизложенное, под конец беседы, устыдившись, очевидно, распушенности гг. министров, поспешило разговор прекратить.

«Во избежание возможных нареканий в заключение считаю долгом оговориться, что приведенные мною речи гг. Плеве и Витте не представляют, конечно, дословного воспроизведения их бесед с земскими деятелями. Но за что я могу поручиться — это за подлинность самого смысла речей и за некоторую близость их формы к той, в которой они были выражены авторами.

«Если судить по тому, что было сказано гг. министрами, настроение их находится в периоде изменения. Изменяется, повидимому, настроение и их державного хозяина. Авторитет К. П. Победоносцева несколько упал в глазах Николая II. Его место как бы не занял... князь Мещерский. Говорят, издатель „Гражданина“ да какой-то чех-спирит Филипп в настоящее время наиболее близки к государю. Ника-Милуша спит и видит этого Филиппа. Растерявшись под натиском известий о признаках надвигающейся революции, Николай, чтобы предотвратить опасность, ничего

лучшего не придумал, как прибегнуть к... спиритизму* и проводит дни и ночи за столоверчением, вызывая дух возлюбленного родителя. И вот, что дух Александра III ему ни скажет, то Николай и сделает. В сем полезном занятии Николаю помогают вышенареченный Филипп (медиум), императрица-мать и Александра Федоровна... Бедный Ника!..

Д - р прав».

Возмутительная история на ст. Тихорецкой, о которой наш корреспондент сообщил в № 22 «Искры», продолжает занимать легальную печать. После того, как «Пет. Вед.» и другие газеты сообщили подробности этой истории, появилось официальное опровержение, исходящее от судебных властей. В опровержении заявляется, что Золотова (имя несчастной девушки) была арестована по подозрению в краже, что она никаким истязаниям и насилиям не подвергалась и неизвестно по какой причине отравилась после того, как первой ее попытке покончить с собою в первый же день ареста успели во-время помешать. Судебный следователь Пуссеп ни в чем предсудительном не уличен произведенным следствием.

А, между тем, легальные газеты продолжают говорить о «темной» истории в Тихорецкой и совершенно не обращают внимания на официальное опровержение. Вот до чего дошло русское правительство: его заявления в защиту действий чиновников не внушают уже никому никакого доверия. Столичные и провинциальные газеты продолжают верить в то, что на ст. Тихорецкой были совершены гнусные преступления служителями царского правосудия и полицейскими.

Но если общество не считается с заявлением правительства, то и правительство не считается с мнением общества. В то время, как всеобщее возмущение требует наказания негодяев, изнасиловавших и убивших Золотову, власти сообщают, что производится следствие для обнаружения виновников... тех беспорядков, которые произвели герои-рабочие, услышав о том, что случилось в арестантской камере. «Правосудие» намерено обрушиться не на головы преступ-

* Мы слышали, что «Ника» намерен пригласить на свои сеансы нашего известного специалиста по «загробным» вопросам, г-на Бердяева. (Р е д.).

зится еще пуще критику навести. Маловато этого, господа!

Соц.-рев. соблюли себя в чистоте от тлетворного влияния современных социалистических учений. Они сохранили целиком добрые старые приемы вульгарного социализма. Перед нами — новый исторический факт, новое движение в известном слое народа. Они не исследуют положения этого слоя, не задаются целью объяснить его движение характером этого слоя и отношением его к развивающемуся экономическому строю целого общества. Это все для них — пустая догма, изжитая ортодоксия. У них это проще делается. — О чем говорят сами представители поднимающегося слоя? О земле, прирезке, переделе. — Ну, вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею социализма». Вы не верите, читатель? Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им книга последняя скажет? А между тем это факт, и все процитированные нами словечки взяты из заявления «от крестьянского союза» в № 8 «Рев. России».

Соц.-рев. обвиняют «Искру», что, назвав крестьянское движение последним мятежом крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучают нас, может участвовать и в социалистическом движении пролетариата. Это обвинение наглядно показывает всю путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже в том, что одно дело — демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело — социалистическое движение против буржуазии. Не поняв самого крестьянского движения, они не могли понять и того, что испугавшие их слова «Искры» относятся только к первому движению. О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в том числе) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия. Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет — и приведет — к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут.

ников, а на головы тех, кто посмел мужественно выразить протест против преступления.

Русская публика не так давно горячо рукоплескала тем французам, которые смело боролись против преступлений, совершенных французскими властями и судьями в деле Дрейфуса. Хватит ли у общества решимости поддержать тех, кто выступил против преступлений подчиненных гг. Муравьева и Плеве?

Интеллигенты и розга.

По поводу корреспонденции из Воронежа в № 21 «Искры» нам пишут:

«Во всем этом сообщении кроется какое-то недоразумение: никакого вмешательства со стороны офицера в дело жестокой расправы с крестьянами гражданских чинов не было, да и не могло быть, так как войска в подобных случаях присутствуют только как стража, на случай беспорядков, вполне подчиняются гражданской власти и никакого активного участия в позорном и жестоком наказании не принимают. Военные врачи также не имеют никакого права вмешиваться в действия „гражданских властей“, так как этим они нарушают дисциплину и всегда получают в ответ на свое вмешательство: „Это вас не касается, вы состоите при войсках и выскажете свое мнение, когда у вас его спросят“. Когда трое из подлежавших наказанию крестьян заявили о своей болезни, врач Чериковер, осмотрев их, заявил, что находит наказание опасным для жизни несчастных, и последние были пощажены. Таким образом, сообщенное в корреспонденции неверно и факты искажены. Обращая внимание гг. корреспондентов „Искры“ на это печальное „недоразумение“, из-за которого страдает доброе имя ни в чем неповинных людей, мы подчеркиваем необходимость как можно тщательнее проверять факты и в качестве таковых сообщать только то, что безусловно верно.

Читатель „Искры“.

От редакции: Вполне присоединяясь к пожеланию автора письма, чтобы корреспонденты тщательно проверяли сообщаемые ими сведения, мы полагаем, что в данном случае суть дела была передана корреспондентом верно. Автор письма отрицает инцидент с офицером, просив-

шим освидетельствовать всех крестьян, и с врачом Чериковером, заявившим, что, по закону, этого не требуется. Но это только мелкая подробность. После разъяснения оказывается, во-первых, что осмотрены перед экзекуцией всего трое крестьян, которые об этом просили сами и, во-вторых, что врач Чериковер просил и добился пощадить только этих трех крестьян. Радуемся за трех крестьян, освободившихся от мучений и позора, но скорбим, что «доброе имя» такого «ни в чем неповинного человека», как г. Чериковер, остается невозстановленным, ибо факт его соучастия в мучительстве и позорении остальных крестьян не опровергнут.

Да, в соучастии! Городовой Алексей Кошелев (см. corresp.) «упорно отказывался от возлагаемого на него поручения» сечь крестьян и «даже плакал», а «интеллигент» врач молча (в лучшем случае) присутствовал при жертвоприношении на алтарь русского бога, бога сто-крат проклятой розги. Бывают преступления, предотвратить которые не по силам одному человеку, но и в этом случае на порядочном человеке лежит нравственный долг протестовать в одиночку. Между жрецами розги и гражданами не должно быть ничего общего, и тот, кто имеет печальное «мужество» без протеста присутствовать при виде наглого торжества человека-зверя, тот должен знать, что его имя будет поставлено рядом с именами Хвостовых, Клокачевых и других обер-экзекуторов!

Между виленским врачом Михайловым, определявшим число ударов, которые могут вынести рабочие-демонстранты, и теми военными врачами (и офицерами вообще), которые присутствуют при экзекуциях в деревне, нет большой разницы. Всех их мы будем пригвозждать к позорному столбу, всех отдаем на суд народа и просим читателей присылать для опубликования, для посрамления имена всех «молчаливых» сообщников царских палачей.

Боймся, что автору письма так и не удалось «умыть руки» врача Чериковера. Бедная леди Макбет! Бедный врач Чериковер! Мужичья кровь не отмывается с белых рук...

Из секретных документов.

Секретно.

Копия отношения Начальника Тамбово-Уральского Жандармского Полицейского Управления железных дорог г. Управляющему дорогами, от 21 июня 1902 г., за № 115.

Впрочем, для с.-р. все это — книга за семью печатями. Они даже всерьез уверяют «Искру», что расчистка пути для развития капитализма — пустой догмат, ибо «реформы» (60-х годов) «и расчистили (!) полный (!) простор развитию капитализма». Вот до чего может дописаться бойкий человек, которым владеет бойкое перо и который воображает, что «от крестьянского союза» всячинка сойти может: крестьянин не разберет! — Но подумайте, пожалуйста, любезный автор: не слыхали ли вы когда-нибудь, что остатки крепостничества задерживают развитие капитализма? Не кажется ли вам, что это даже почти тавтология? И не читали ли вы где-нибудь об остатках крепостничества в современной русской деревне?

«Искра» говорит, что предстоящая революция будет буржуазной революцией. С.-р. возражают: она будет «прежде всего революцией политической и до известной степени демократической». Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения, — была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была «до известной степени демократической»? Да ведь и программа самих с.-р. (уравнильное пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного

хозяйства, хотя бы и на общей земле, нисколько не устраняет капиталистических отношений в земледелии.

Чем легкомысленнее относятся с.-р. к элементарнейшим истинам современного социализма, тем легче сочиняют они «элементарнейшие дедукции», гордясь даже тем, что их «программа сводится» к таковым. Рассмотрим все эти три дедукции, которые, вероятно, надолго останутся памятником остроты ума и глубины социалистических убеждений с.-р.

Дедукция № 1: «Уже теперь большая доля территории России принадлежит государству — надо, чтобы вся территория принадлежала народу». «Уже теперь» умиленные ссылки на государственное землевладение в России набили нам оскомину в произведениях полицейских народников (à la Сазонов и др.) и разных катедер-реформаторов. «Надо», чтобы в хвосте за этими господами поплелись именующие себя социалистами да еще революционерами. «Надо», чтобы социалисты подчеркивали мнимое всемогущество «государства» (забывая даже, что большая доля государственных земель сосредоточена на необитаемых окраинах страны), а не классовую противоположность полукрепостного крестьянства и привилегированной горсти крупных землевладельцев, которые владеют массой лучших возделанных земель и с которыми «государство» всегда жило душа в душу. Вообра-

До сведения моего дошло, что служащие на Рязанско-Уральской железной дороге, находя в районе железной дороги различного рода воззвания, прокламации и т. п. издания преступного содержания, не передают таковые немедленно, как бы то следовало, чинам вверенного мне Управления, а представляют в порядке подчиненности начальствующим над ними лицам до начальников служб включительно, при чем прокламации и воззвания эти представляются не секретно, а свободно прочитываются в конторах служб и затем часто затериваются, или уничтожаются.

Находя такой порядок совершенно неудобным во многих отношениях, честь имею покорнейше просить вас, милостивый государь, не отказать сделать распоряжение, чтобы служащие на железной дороге лица, находя или получая прокламации и воззвания преступного содержания, немедленно передавали таковые чинам вверенного мне Управления.

Подлинное с надлежащей подписью.

С подлинным верно: Правитель Дел

В. Шихов.

Встревоженный помпадур.

Предписание, разосланное 17 июля 1902 г. нижегородским губернатором всем земским начальникам губернии.

«Имея в виду, что враги отечества, наводняющие империю, успели проникнуть и во вверенную мне Нижегородскую губернию, предписываю немедленно объехать все волости, призывая самих крестьян на борьбу с этими врагами, так как полиция и жандармы слишком малочисленны и бессильны; а потому заставить крестьян захватывать всех проходивших, раздающих вредные книжки, листки и газеты, и представлять их немедленно мне, при чем внушить крестьянам, что они строго ответят, если впоследствии окажется, что такие люди проходили через их селения и не были ими задержаны. Надеюсь, что среди крестьян много найдется сторонников порядка и благополучия и что они окажут содействие друг другу в смысле лучшего исполнения предписания начальства».

Подписал губернатор генерал-лейтенант

Унтербергер.

Земские начальники Макарьевского уезда, Нижегородской губ., получили на-днях такую телеграмму из министерства внутренних дел: «Немедленно отобрать сведения о слухах, какие ходят среди крестьян о наделе их земель».

Пермь. Купец Мешков, арестованный 6 февраля (см. № 19 «Искры»), был через несколько дней, после того как он внес 10 тысяч руб. залога, выпущен. Арестованный 1 февраля, благодаря проискам и доносу инженеров Мотовилихинского пушечного завода, и через 5 дней выпущенный, помощн. присяжн. пов. В. Н. Трапезников был 12 февраля вновь арестован и находится до сих пор в тюрьме. Одновременно с обыском и арестом в первый и второй раз у Трапезникова был произведен тщательный обыск в редакции газеты «Пермский Край», в которой Трапезников был одним из главных сотрудников. Также был произведен обыск в типографии, где эта газета печатается.

Арест Трапезникова вызвал безграничную радость и ликование среди местных представителей бюрократии и капитала.

Реакционная газета «Урал» с нескрываемой радостью поспешила возвестить миру, что наконец-то Трапезников (он же, как подозревала газета, писавший под псевдонимом Всев. Мирского), находится в верном и крепком, по выражению газеты, «футляре». Не скрывали своей радости и гг. инженеры пушечного завода, самодурство, произвол и держимордовские наклонности которых по отношению рабочих неоднократно разоблачались на страницах «Пермского Края».

Пермь. Одним казенным заводом Пермского уезда получена от окружного инженера секретная бумага, в которой предлагается управляющему сообщить подробные сведения о числе евреев, занятых на заводе работами, характером их должностей и проч. Не предполагая исключительность этого завода, думаем, что подобные бумаги разосланы на все уральские заводы. К сожалению, нам не представилось возможным скопировать означенный циркуляр; в случае, если такая возможность представится, не замедлим прислать копию.

жая, что они выводят чистую идею социализма, наши с.-р. на самом деле пачкают эту идею не критическим отношением к старому народничеству.

Дедукция № 2: «Уже и теперь земля перетекает от капитала к труду — надо, чтобы этот процесс был завершен государством». Дальше в лес — больше дров. Сделаем еще шаг к полицейскому народничеству, будем призывать (классовое!) «государство» к расширению крестьянского землевладения вообще. Это замечательно социалистично и удивительно революционно. Но чего и ждать от людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называют не переходом земли от крепостников помещиков к сельской буржуазии, а переходом «от капитала к труду». Напомним этим людям хотя бы данные о фактическом распределении «перетекающих к труду» земель: от 6 до 9 десятых всей купчей крестьянской земли и от 5 до 8 десятых аренды сосредоточивается в руках одной пятой доли дворов, т. е. у небольшого меньшинства зажиточных. Судите по этому, много ли правды в словах соц.-рев., когда они утверждают, что на зажиточных крестьян «мы не рассчитываем», а только на «чисто трудовые слои»?

Дедукция № 3: «Крестьянин уже имеет землю и пользуется ею в большинстве случаев в уравнительном распределении, — надо, чтобы это трудовое пользование было

доведено до конца... и завершилось бы через развитие всякого рода коопераций коллективным земледельческим производством». — Поскребите соц.-революционера, и вы найдете г. В. В.³! Как только дошло до дела, все старые предрассудки народничества, преблагополучно сохранившиеся под прикрытием увертливых фраз, выползли тотчас же наружу. Государственное землевладение — завершение государством перехода земли к крестьянству — община — кооперация — коллективизм — в этой великолепной схеме гг. Сазонова, Юзова, Н. — она, соц.-революционеров Гефштеттера, Тотомианца и пр. и пр.⁴, — в этой схеме не хватает совсем маленькой мелочи. В ней нет ни развивающегося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики? Разве не сказал сам г. Булгаков, что в деревне нет места для классовой борьбы? Разве замена классовой борьбы «всевозможными кооперациями» не удовлетворит и либералов, и «критиков» и вообще всех тех, для кого социализм есть не более, как традиционная вывеска? И разве нельзя попробовать успокоить наивных людей утверждением: «мы, конечно, чужды всякой идеализации общины», хотя рядом с этим утверждением вы читаете колоссальное фразерство о «колоссальной организации мирского кре-

Циркуляр этот получен спустя некоторое время после грандиозной стачки на Воткинском казенном заводе, Вятской губ., во главе движения стоял молодой еврей, 18 лет. Думаем, что между этим фактом и рассылкой циркуляра есть причинная связь.

Из губернаторских нравов.

I. «Клин» в Могилев едет!

Товарищ прокурора виленского окружного суда; полицмейстер Вильны — благодаря женьтибе на содержанке своего шефа — виленского ген.-губернатора Троцкого; герой известной истории насильственного закрытия востела в Крожах, Ковенской губ., сопровождавшегося варварской бойней; вятский губернатор, отличившийся борьбой с голодающими, вытравлением всех свободных элементов из земства — задушение единственной вятской газеты «Вятский Край» — такова карьера и главные подвиги вятского губ. Клингенберга, переведенного в награду сначала во Владимир, а теперь в Могилев.

Мерзавец, пьяница и развратник, он давил постоянно, систематично, с циничным презрением к подданным его величества. Цель его правления была — вытравить из обывателя даже мечту о свободном вздохе.

Цинизм его доходил до того, что, обезличив вятское губ. земское собрание введением туда своих клеветоз и вытравив все свободные элементы, он решился похвалить его: «Я рад, что теперешний состав собрания стоит на высоте своего призвания: раньше (при Батуеве!) больше говорили, теперь — больше делают!»

В 1898 г. он сажал под арест старшин, сообщавших о голоде.

В 1901 г. он издал известный циркуляр к крестьянам, чтобы они голодали «своими средствами», не надеясь на поддержку правительства: задача последнего — собирать издаты, а вовсе не кормить своих плательщиков!

Тогда же, в июле, он совершил поездку по губернии для выяснения размеров недорода. В одном селе его встретили крестьяне с хлебом-солью.

«Ну, на долго ли у вас хлеба хватит?» — спросил «Клин». — «Да до Нового года может хватить, а там уж не

знаем как», — был ответ. «А! до нового года хватит, ну, очень рад, что у вас все благополучно, и вы в помощи, значит, совсем не нуждаетесь», — сказал «Клин» опешившим крестьянам, и не подозревавшим, что его превосходительство может сделать передержку их слов, подставив под «Новый» гражданский год — год сельско-хозяйственный!

По уездным городам он держал советы со с'ездами земских начальников и земскими управами о борьбе против голодающих. На одном из этих совещаний какой-то земский начальник заявил, что он выдал хлеб из запасных магазинов, не дождавись распоряжения губернского правления: нужно было сеять, а денег не было.

— Прекрасно, г. земский начальник! — заметил «Клин». Ну, а если крестьяне не внесут хлеб в магазины, как вы думаете, кто заплатит за него? — Тот в смущении молчал. — Да вы, г. земский начальник, вы!

В одном из более либеральных уездных земств был выработан проект общественных работ на сумму около 300 тысяч руб. При посещении этого уездного городка «Клином» председатель управы явился к нему и изложил этот проект.

— Прекрасно! Превосходно! Как это стройно задумано, как это практично! — похвалил «Клин». — Ну, а как вы думаете, откуда вы деньги достанете для проведения этого прекрасного проекта? «Мы надеемся на помощь правительства» — отвечал председатель. — Напрасно, г. председатель, напрасно! Всегда нужно надеяться только на себя, только на себя!

Но вот «Клин» во Владимире. И он не уберется от влияния новой политики г. Зубатова, вдохновителя московского района. Увы! И ты, Брут, занялся социальной политикой! И ты стал заботиться о меньшем брате!

Но как бы вы думали, в чем выразилась его забота? — Он издал циркуляр к фабрикантам: по сообщениям подведомственных ему чинов оказывается, не на всех фабриках имеются каталажки для вытрезвления пьяных рабочих, а если есть, то не соответствуют всем требованиям науки. Поэтому он предлагает гг. фабрикантам позаботиться об устройстве каталажек и о поднятии их на должную высоту согласно последнему слову науки!

Итак, «Клин» едет в Могилев! Берегитесь, гг. могилевцы!

стьянства», о том, что «в известных отношениях ни один класс в России так не подталкивается к чисто (!) политической борьбе, как именно крестьянство», что крестьянское самоопределение (!) своими границами и компетенцией далеко шире земского, что это соединение «широкой... (до самой околицы?)... самостоятельности» с отсутствием «элементарнейших гражданских прав» «точно нарочито было придумано для того, чтобы... будить и упражнять (!) политические инстинкты и навыки общественной борьбы». Не любо — не слушай, а...

«Надо быть слепым, чтобы не видеть, насколько легче перейти к идее социализации земли от традиций обычного управления землей». Не наоборот ли, гг.? Не являются ли безнадежно слепыми и глухими те, кто до сих пор не знает, что именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости? Не побиваете ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушил пресловутую уравнительность общинных традиций и свел эти традиции к одной полицейской склоке?

Программа-минимум соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теории, является настоящим курьезом. Два пункта в этой «программе»: 1) «социализация земли,

т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся»; 2) «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономической кооперации... (для «чистого» политической борьбы?)... для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала... (под власть промышленного?)... и для приготовления грядущего коллективного земледельческого производства». Как солнце в малой капле вод, отражается в этих двух пунктах весь дух современного «социал-революционизма». В теории — революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений, на практике — беспомощное подхватывание того или иного модного средства вместо участия в классовой борьбе — вот все, что у них есть. Поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны, — Бабеф⁵, с другой — г. Левитский⁶. Это неподражаемо.

Если бы можно было серьезно отнестись к этой программе, то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, соц.-рев. обманывают и крестьянина. Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской бур-

II. «Либерал» у власти.

Тяжелы были годы воеводства «Клина» для вятских обывателей! Но вот судьба сжалась над ними и при-слала либерала: костромского помещика, енисейского вице-губернатора Хомутова.

Чем же отличается деятельность сознательного, циничного слуги самодержавия от либерально-размягченного исполнителя предначертаний предрекающей власти? Да просто тем, что первый вел прямо и последовательно свою линию: он знал, что все его укротительные меры встретят одобрение свыше. Благодаря этому, для обывателя создавалась своего рода определенность. Второй же не прочь иногда полиберальничать, повздыхать об объединении власти с народом, а глядишь, пока он вздыхает — вожжи-то немного и поослабли! Но лишь только в его размягченную душу вкрадывается, яко тать в ночи, подозрение: «А вдруг „наверху“ об этом узнают? А вдруг мною недовольны будут?» — как он обрушивается на ничего не ожидающего обывателя с нелепыми, показывающими лишь его растерянность карами.

Особенно вятским ссыльным пришлось испробовать на себе эту систему. «Клин» в конце этого года разогнал всех ссыльных из Вятки по уездным городам. Но вот появился либеральный воевода и на радостях повышения по службе разрешил им всем вернуться в Вятку. — «Я уважаю людей, которые имеют самостоятельные взгляды, — сказал он одному из них, но зачем же навязывать их другим? Пожалуйста, воздержитесь от этого!» Не правда ли, как мягко, как деликатно и либерально?

Но не долго продержался мир на земле! Из Питера был выслан в Вятскую губ., а Хомутовым определен в уездный город Глазов зубной врач Кершнер *. Его послали сюда до приговора: он выдержал две голодовки (в Предварилке и Пересыльной) и добился своего освобождения. Приехал он в Глазов, еще не оправившись от голодовок, желтый и расстроенный. И вот жил он там тихо и мирно да зубы у обывателей рвал. Как вдруг у него производят обыск и хотя ничего не находят, но все-таки высылают в с. Уни того же уезда, где он принужден жить в пол-

* Был арестован в апр. 1901 г. с листком Петербургской группы «Социалист».

ном одиночестве под надзором станового. За что же? Да по подозрению, что он поддерживает сношения с заграницей, где он жил некогда!

Это была первая «квитанция» либерала у власти. Не замедлила последовать и вторая.

В Малмыже ссыльные, истомленные своим бессмысленным существованием, оторванные от жизни, принужденные вариться в своем собственном соку, но в то же время получая отовсюду известия, что в остальной России жизнь повсюду кипит, решили хоть чем-нибудь выразить свое настроение, хоть чем-нибудь доказать, главным образом себе, что они еще не умерли духом. И вот они решили справиться 1-е мая, пройдясь по городу попарно с красными бантами в петлицах...

«Демонстрация! Крамола! А ну, как это припишут мне, моему либеральному образу мыслей?! Загнать их туда, куда Макар телят не гоняет!» И, действительно, как вы уже знаете, 6 человек разослано по глухим деревням, как, напр., Березовские Починки, куда можно проехать летом лишь верхом. Произойди такая история в другом месте, виновники «демонстрации», вероятно отделались бы месяцем-двумя высылки. Но ведь это ссыльные, с ними губернатор что хочет может сделать, и вот «либерал», дрожа за свою шкуру, наказывает их второй ссылкой, которая не уступит сибирской!

Теперь нам сообщают третий факт. Старик Балашев кончил свой надзор и уезжал из Вятки. Товарищи пошли провожать его на пароход и при отходе последнего кричали обычные дорожные приветствия. Полиция донесла «либералу»: демонстрация! — кричали: «Долой правительство!». Губернатор приказал разослать указанных полицией мнимых организаторов мнимой демонстрации — Спицына, Стучку и Шульца — по деревням. Но эти лица доказали ему, что никакой демонстрации не было, либерал смилостивился и отменил с перепугу отданное распоряжение.

Таковы «квитанции», выданные «либералом у власти» вятским ссыльным. Мы надеемся, что наши товарищи ссыльные разочтутся по ним: они употребят все усилия, чтобы осветить и заклеить каждый растерянный шаг этого «либерала», и будут энергичнее собирать и присылать нам все материалы по борьбе с голодающими и, вообще, по хронике общественно-политической жизни в Вятском крае.

жуазии. Это — обман, будто как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперация, можно ставить в виду «крестьянства» — социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим соц.-рев., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящихся» еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйства на земле, даже если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества. Соц.-рев. смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма, без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве значит затемнять единственно революционный принцип классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщины.

Мало того, соц.-рев. спускаются и до прямой реакционности, когда встают против требования проекта нашей

программы: «отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель». Во имя народнического предрассудка об «общинном начале» и «уравнительном принципе» они отказывают крестьянину в таком «элементарнейшем гражданском праве», как право распоряжаться своей землей, они благодушно закрывают глаза на словесную замкнутость действительной общины, они становятся защитниками полицейских запрещений, установленных и поддерживаемых «государством»... земских начальников! Мы думаем, что не только г. Левитский, но и г. Победоносцев не очень испугаются требования социализации земли для уравнительного пользования ею, раз это требование выдвигается как минимум, наряду с которым фигурируют и кооперации и защита полицейского прикрепления мужика к обеспечивающему его казенному наделу.

Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводит безыдейность и безпринципность, называемая некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось налицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ве-

Из Малмыжского уезда нам сообщают, что арестован кружок из 3 крестьян и 3 мещан, обвиняемых в совместном чтении нелегальной литературы. Этот кружок открыт через одного парня, который был будто бы подкуплен урядником, протерся в кружок и затем выдал всех.

Мариуполь. Кризис у нас сказался самым заметным образом: из 10.000 занятых рабочих осталось едва 800 человек. Два крупнейших завода — бельгийский «Никополь-Мариупольский» и французский «Провиданс» — совсем прекращают свою деятельность. Интересна история их возникновения и развития. Правительство, как известно, проявляет стремление привлечь иностранные капиталы; для поощрения оно каждый раз обещает определенный заказ. Так, Никополь-Мариупольскому заводу был обеспечен заказ в 2 миллиона рублей на трубы. Оборудование завода обошлось в 15 миллионов, оборудование «Провиданса» — 20 милл. Начинается приемка. Придирчивая браковка приводит к тому, что заказ ничего не приносит. Печен заказа второго не дают, ссылаясь на плохое исполнение первого, и вот завод замирает... Немишуема ликвидация. Этого-то и ждет правительство. За бесценок оно берет завод «в казну», или же завод попадает в русские руки. А в это время тысячи голодающих рабочих выбрасываются вон. Такая политика правительства — общее явление по всему югу. Не мало голодных смертей вызывает его любовь к России — то-бишь к русскому капиталу.

Петербург. Из числа петербургских студентов, приговоренных по студенческим делам к тюремному заключению от 3—6 месяцев, несколько человек подали прошения о помиловании и тотчас же были освобождены, приняты снова в университет и им разрешено было весною же держать экзамены.

Фамилии этих студентов: 1. Бутин де Кацман (горн.), 2. Медведев (унив.), 3. Пивоваров (техн.), 4. Куликовский (техн.), 5. Бебешин, 6. Михеев (горн.). Кроме того, многие студенты подавали прошение о пересмотре их дела министру или градоначальнику и тоже были тотчас освобождены.

Ставрополь. (Сообщено Ростовской группой «Искры»).

Слухи о крестьянских беспорядках в Полтавской и Харьковской губ. встревожили ставропольского губернатора, старого помпадур Никифораки, настолько, что он под шумок и со страха начал распространять слухи о готовящихся демонстрациях в городе Ставрополе и его уезде. Дело дошло даже до того, что он завел в городе совместно с жандармским ротмистром сыскное отделение, усилил количество городских, а в начале мая задержал целый батальон солдат местного резерва для усмирения якобы готовящихся беспорядков и выписал целую сотню казаков. На вокзале жел. дороги день и ночь сновали городовые и жандармы, своим видом тревожа исконно мирного ставропольского обывателя. Всякое ловое приезжающее в город лицо тщательно на вокзале осматривалось в виду того, что жандармы и полиция ждали «крамольников» с вокзала... Таким образом, мирный пошехонский город Ставрополь в глазах напуганной администрации явился очагом революции и очутился в осязном положении, в котором его держали с середины апреля до июня месяца. Помпадуры со дня на день ждали восстания. И, действительно, Никифораки получал все это время угрожающие подметные письма.

На столбах и заборах улиц города появились угрожающие надписи, как, напр.: «Жизнь или смерть». Среди обывателей царит паника, а в предместьях города Каменной Ломке, сосредоточии беднейшего населения города, шли толки о том, что нужно перебить всех чиновников и бар, что все скоро будет по-иному и т. д. Словом, под влиянием действий напуганной администрации, с одной стороны, и под влиянием проникших слухов о полтавских и харьковских беспорядках — с другой, издавна недовольное население Каменной Ломки и Воробьевки начинало мало-по-малу задумываться над истинным положением вещей... Но отсутствие инициативы у революционной интеллигенции гарантировало городу его сонное прозябание, хотя в этот момент достаточно было бы разумно брошенного революционного слова, чтобы организовать демонстрацию.

Жандармы и полиция совместно с помпадуром металась, как угорелые, и делали все от них зависящее, чтобы вызвать демонстрацию. На ярмарке в конце мая ходили патрули солдат и отряды городских и всех приезжающих

дет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием кооперации. В оценке данного момента аграрной эволюции России они забыли мелочь: остатки крепостничества, давшие нашу деревню. Знаменитая тройца, выражавшая их теоретические взгляды: интеллигенция, пролетариат и крестьянство — дополняется не менее знаменитой «программной» тройцей: социализация земли — кооперации — прикрепление к наделу.

Сравните с этим программу «Искры», которая указывает единую конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей. Путь для достижения этой цели один и в городе и в деревне — классовая борьба пролетариата против буржуазии. Но

кроме этой классовой борьбы продолжает еще вестись в нашей деревне и другая: борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в этой борьбе партия пролетариата обещает свою поддержку всему крестьянству, стараясь указать настоящую цель его революционному порыву, направить его восстание против его настоящего врага, считая нечестным и недостойным относиться к мужику, как к подопечному, скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отмены всех следов и остатков крепостничества, только очищения пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всего буржуазного общества.

[Н. Ленин]

на ярмарку осматривали, опрашивали и т. д., тормозили даже торговлю, так что ярмарка кончилась до срока и в коммерческом отношении не удалась, чем вызвано было недовольство среди торговцев и крестьян, обыкновенно сбывающих на этой ярмарке свой скот. Увеселения ярмарочные были отменены, всякое неизбежное на ярмарках скопление народа разгонялось самым бесцеремонным образом. Особенно в этом отношении отличался полицмейстер Герценвиц, бывший земский начальник. Он пускал в ход свои кулаки и нагайку, традиционную меру усмирения недовольных. Жандармы даже сделали набег на две квартиры мирных обывателей, ища в них «корней и нитей», отобрали при обыске кинжал и палку. Но «ствропольская революция», созданная воображением помпадур, которому не давали спать лавры харьковского помпадур, экзекутора Оболенского, все-таки не проявилась. А, между тем, вместо «крестов и орденов» Никифораки получил нахлобучку из Петербурга за то, что задержал батальон солдат, тогда как он первого мая должен был уйти на маневры.

Киев. В ясный субботний день 29 июня в Голосеевском лесу за предместьем г. Киева (Демиевкой) было схвачено около 100 человек рабочих и несколько интеллигентов. По словам одного полицейского, гулявших в лесу под праздник рабочих (для евреев суббота вменяет в обязанность гулять под открытым небом) захватили как социалистов «на собрании». Это «собрание» гулявших горожан прослежено было монахом из «Голосеевской Пустыни» (монастырь), давшим знать о своих подозрениях полиции. Когда появилась в лесу полиция с солдатами, многие гулявшие по лесу горожане стали разбегаться в разные стороны, но в виду выстрелов со стороны полиции некоторые (преимущественно женщины и близ них бежавшие мужчины) остановились и дали полиции возможность окружить себя. У арестованных были произведены обыски, и те из них, у кого найдено что-нибудь нелегальное (а у кого по нынешним временам нелегалщины не бывает?), задержаны и посажены в Лукьяновскую тюрьму (14 человек). Нечего и говорить, что многие из гулявших в лесу горожан, пойманные полицией, несмотря на заявления о своей непринадлежности к какому-то неизвестному им «собранию», несмотря на отсутствия, были арестованы, обысканы и провели не одну тревожную ночь в отвратительных условиях наших участков.

Нам пишут из Одессы, что в Одесском уезде в июне месяце был распространен среди крестьян гектографированный листок, экземпляр которого прислан в редакцию. «Каждый экземпляр читался и перечитывался и производил впечатление. Полиция рыщет, как сумасшедшая, в хвасте каких-либо вещественных доказательств их виновности и держит ни в чем неповинных крестьян». Большой спрос на социал-демократическую литературу.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Баку. 3 мая. Быстро выросший центр нефтяной промышленности, Баку еще недавно представлял царство исключительных интересов биржи и ажиотажа. Магическое слово «фонтан» кружило голову всему, имевшему то или иное отношение к нефтяной промышленности. А отношение имел почти всякий бакинский житель; прямо или косвенно все были заинтересованы в нефтяных делах, всякий надеялся отвести в свой канал что-нибудь из золотого дождя миллионов. Деньги лились рекой! Капиталы наживались и прожигались с американской бы-

стротой. Напоминание об общечеловеческих интересах прозвучало бы резким и смешным диссонансом в этом царстве рыцарей первоначального накопления. Только жестокие зверства в Турецкой Армении на время всколыхнули армянскую часть населения, и революционная национально-армянская пропаганда имела временный успех, поддержанный начавшейся эрой преследований армянского языка и национальности со стороны русского правительства. С наступившим затишьем в Турецкой Армении сошла с видимой сцены и Армянская Революционная Партия в России, как партия действия, сохраняя, однако, за собой симпатии сознательной части армянского населения. Армянские революционеры имели в Баку и революционные кружки среди рабочих. Мы не говорили до сих пор о последних. Горячке наживы на одной стороне соответствовало глухое недовольство угнетенного рабочего населения, которому, кроме нищеты, страданий да увечий, ничего не доставалось. Но, не просветленное социал-демократической пропагандой, недовольство выражалось в актах разрушения и мщения, да в бунтах, кончавшихся нередко жестокими побоищами между крестьянскими и мусульманскими рабочими. Мусульманское население в Баку самое многочисленное (по неточным сведениям здесь около 70.000 мусульман, около 50.000 армян, 30—40 тысяч русских, остальные — грузины, немцы, евреи, иностранцы). Мусульмане — большей частью персидско-подданные — приезжают сюда временно для заработков. Привыкнув у себя на родине к еще худшему политическому и экономическому гнету, они смотрят на Россию чуть ли не как на страну свободы и благополучия. К тому же крайне низкий уровень их потребностей делает их опасными конкурентами для рабочих-христиан и служит постоянной причиной взаимного недовольства и вражды. Из них-то состоит вся масса «амбалов» — рабочих на пристанях и низших промысловых рабочих. Обученных рабочих и ремесленников среди них нет. Описанная духовная атмосфера в Баку стала сильно изменяться за последние 2 года. Нефтяная промышленность стала входить в более постоянное русло, горячка быстрой наживы стала исчезать. Разразившийся затем кризис нефтяной промышленности закончил этот процесс. Средний и мелкий люд потерял иллюзии быстрого обогащения, а печальная действительность в виде расчетов служащих, понижения жалования и проч. стала проявляться очень ощутительно. В это время (1900—1901) в главных центрах России началась уличная агитация, и революционное движение, до того скрываемое под спудом, выступило на свет божий. Гул революционной борьбы донесся и до Баку, и под влиянием толчков жизни бакинцы на этот раз стали прислушиваться к нему с интересом и вниманием. Студенческие бюллетени, листки и вообще нелегальная литература стали сильно циркулировать по городу. В то же время началась и более правильная соц.-демократическая пропаганда среди здешних рабочих.

В зиму 1901—1902 г. здесь имело место несколько забастовок на заводах и в ремесленных мастерских, прошедших мирно и закончившихся уступками рабочим. Начало 1902 года ознаменовалось первыми жертвами социал-демократической пропаганды. В Баку арестовано было около 30 рабочих и несколько интеллигентов. Между тем, кризис с его безработицей, массовыми высылками безработных рабочих (до десятка тысяч), понижение платы и пр. усиливал недовольство среди бакинских рабочих и интерес к соц.-демократической пропаганде, а среди сознательной части рабочего населения вызвал стремление к более активной деятельности, укреплял убеждение в неизбежности открытой борьбы с самодержавием. Началась тайная агитация. Бакинский соц.-демократический Комитет решил выступить открыто. Осень и зиму он усердно распространял по рукам нелегальную литературу (брошюры и газеты «Искру» и «Южный Рабочий») и общерусские листки (о 19 февр. и проч.). По поводу мартовских арестов в Баку он выпустил листок уже за своею подписью. В конце апреля Комитетом были распространены: майский листок «Искры», собственный листок «Комитета» (печатный) и воззвание к обществу (гектогр.). Кроме него, циркулировало воззвание «К кавказской интеллигенции» (гектогр.), выпущенное группой соц.-демокр. Все эти листки разбрасывались, расклеивались на заводских

зданиях и на всех улицах и с жадностью читались всем населением без различия положений. Под влиянием усиленной устной и печатной агитации число желающих участвовать в демонстрации среди рабочих стало сильно возрастать, и Комитет назначил ее на 21 апреля. Мы не станем повторять всех подробностей ее, описанных в корреспонденции рабочего-участника демонстрации. Демонстрация вышла менее многочисленной, чем ожидалась: благодаря случайности, знамя развернуто было ранее условленного времени, и вместо 800 человек, на которых можно было рассчитывать с уверенностью, с Парашета двинулось всего человек 300. Тем не менее, ее надо признать безусловно удавшейся. Цель ее достигнута: повсюду только и разговоров, что о демонстрации; публика, не читавшая еще листов, стала усиленно искать их; все удивлялось, что в Баку могла утратить подобная демонстрация. Крик: «Долой самодержавие» разнесен по всему городу и повторяется каждым мальчишкой. В рабочей среде демонстрация произвела отличное впечатление. Она подняла дух рабочих и дала им уверенность в своей силе. Бакинские рабочие сразу поднялись в мнении своем и публики, и этот рост тотчас же был учтен жизнью.

1 мая рабочие на некоторых заводах и промыслах предъявили администрации свои требования и получили удовлетворение. Во многих же заведениях рабочие заявляли администрации о том, что не будут работать 1 мая. [Файнберг]

В Батуме ликуют: по просьбе Ротшильда вызваны из деревень рабочие (1.500 ч.), высланные в феврале административным порядком. Вернувшись в город, рабочие предъявили требования: освобождение арестованных, обеспечение семейств убитых и раненых, уплата жалованья за 3 месяца, сокращение на полчаса раб. дня, удаление шпионов и взяточников — приказчиков, увеличение заработной платы, сокращение детского труда до 6 ч. и пр. 3 недели вызванные рабочие не соглашались приступить к работе. 22 июня требования (почти все) удовлетворены. Началась стачка на заводе Хачатурова. (300 чел.). Требования те же. Завод Манташева удовлетворил стачечников еще в марте. Батумская группа (соц.-дем.) выпустила с начала событий ряд листов на грузинском яз. (печатных). [Файнберг]

Симферополь, 26 июня. За последнее время по всем городам Крыма возникают новые и восстанавливаются прежде существовавшие соц.-демократические рабочие организации. Сравнительное обилие интеллигенции; сравнительно высокий культурный уровень рабочей среды; отсутствие крупной промышленности и, следовательно, массовой агитации; наконец, либеральные традиции в буржуазном обществе, издавна отличавшие Крым, — все это указывает на ту специальную функцию, которую должны взять на себя и в состоянии осуществить крымские организации: сделаться поставщиком для южной России передовых рабочих-агитаторов и руководителей массового движения. Быстро разрастающееся движение в больших городах в связи с целым рядом технических и случайных затруднений до крайности затрудняет постановку там правильной пропаганды. Следствием является отсутствие вожakov у рабочей массы, поверхностность их — со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями, вроде приостановки движения из-за арестов нескольких передовых рабочих. Нам недостает постоянно функционирующей «школы социализма», лаборатории революционеров — и Крым, по местным условиям, может восполнить этот пробел. Крымским организациям надо только теснее сплотиться, устраняя элемент случайности из своей работы, совместными силами обеспечивая правильное питание местного движения и ведя по общему плану и под взаимным контролем пропаганду социализма и «практические революционные занятия» (так называют рабочие беседы об агитации, о тактических вопросах и о таких вопросах русской жизни, как финансовая политика или земский вопрос). Думается, что при незначительности крымских расстояний и при назревшей уже потребности разрешение этого вопроса не заставит себя долго ждать.

Пока же, в виду того, что в «Искре» не бывало еще корреспонденций от нас, следует отметить, что у нас вообще делалось за последнее время. В Симферополе листки местной организации были выпускаемы (в гектографированном виде): 1) по поводу 19 февр. — на тему о классовом антагонизме, о силе народных масс и необходимости политической свободы; 2) 4-го марта об общих причинах демонстраций и их значении; 3) 27-го марта — обозрение и оценка событий за последний месяц — выстрел Алларта, ссылка в Сибирь 95 студентов и т. п.; 4) майский листок; 5) 13-го мая, по поводу казни Балмашева и выстрела Леккерта — за подписью «Симферопольский Соц.-Демократ. Рабочий Союз». Прокламации распространялись обыкновенно путем передачи из рук в руки (чтобы не поднимать очень большого шума), а разбрасывались и расклеивались только 2 раза: с 5-го на 6-е мая (200 шт.) и 13 мая — 500 шт.

Начальство это выступление наше на свет божий «показало» в самое сердце, и оно приняло такие меры: 1) ряд обысков и арестов, все неудачных, все не по адресу организации; к некоторым, являясь с обыском, заявляли: «Дайте нам прокламации, и мы уйдем»; 2) ряд мер для охраны улиц на случай демонстрации: впервые на улицах Симферополя появились конные и пешие городовые (нагайкой они проломили голову одному рабочему); городовых и шпионов поставили столько, что прямо непонятно, откуда они столько взяли, усилили штат жандармов и, наконец, — венец всему! — жандармский генерал Трубинов, как он сам рассказывал, выпросил у корпусного командира, чтобы рота солдат «гуляла в публике» в день традиционного здесь праздника весны — с тем, чтобы по свистку бить демонстрантов, буде они окажутся; 3) затем после разброски прокламации 6-го мая, по свидетельству архиепископа Николая и полицмейстера Кузменко, были установлены ночные посты 60 городовых и облавы по ночам на прохожих, напр., на Садовой улице, — и, несмотря на это, 13 мая было расклеено и разбросано еще 500 «вареничков», как их у нас называют за треугольный вид (с красной ленточкой); никто при этом не попался, также никого не задержали и шпионы, расставленные было (на ночь) у почтовых ящиков (интеллигенции прокламации рассылались); 4) с 6-го мая две недели в казармах с офицерами дежурили солдаты Литовского полка (две роты), получившие по 4 холостых и 16 боевых зарядов — на случай «бунта», которого ждали то к царскому рождению, то к царским именинам; 5) кроме этих мер, ничем не отличающихся от обычных мер нашей бюрократии, чувствующей себя так непрочной, что боится погнубить от нескольких прокламаций, у нас г. губернатор выдумал нечто оригинальное. Именно, он обратился к содействию духовенства. 14 мая в Александро-Невском соборе о. протоиерей Тяжелов произнес полторачасовую речь, в которой полемизировал... с нашими прокламациями. Один перл из его речи необходимо сохранить для потомства в дословном виде: «Не верьте, — сказал он, что царь — враг народа и что вы должны уничтожить его власть. Это все вам пишут волки в овечьих шкурах. Ведь царь — помазанник божий, и, если бы он был против народа, — бог бы его не помазал!». Из других священных отцов отличался сам преосв. Николай, говоривший на выпускных экзаменах в семинарии и гимназии. В семинарии он говорил о «нахальстве агитаторов», дерзающих под носом 60 городовых раскидывать свои листки и якобы закидывающих свои сети даже в семинарию, а в гимназии его преосвященство сообщил, что он тоже читает нелегальные издания, но только надо «относиться к ним критически». 6) Наконец, губернатор призывал к себе ремесленного голову г. Петрова и просил его «повлиять на рабочих» и «присмотреть» за ними. Но в этом отношении он напрасно беспокоился — на них успели уже «повлиять» прокламации, а ко всяким «присматриваниям» они привыкли настолько, что, как ни старалась жандармерия и полиция, но никого из рабочего союза не заарестовали.

Не имея сейчас возможности писать также и о других городах Крыма, упомяну только, что майские листки соц.-демократических организаций, кроме Симферополя, были также в Севастополе, Ялте, Мелитополе, Евпатории, Феодосии и Керчи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИЗ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

На недавно происходившем съезде Голландской Социал-Демократической Партии, между прочим, была принята следующая резолюция (большинством 72 против 23 голосов):

«Конгресс выражает желание, чтобы государство взяло на себя заботу о всеобщем, обязательном и даровом народном образовании».

«Конгресс полагает, что необходимо на средства государства поднять уровень преподавания в народных школах и поставить их под контроль педагогов-специалистов».

«Констатируя, что большая часть рабочего класса Голландии требует для своих детей религиозного образования, конгресс не видит необходимости сопротивляться этому, потому что социал-демократия не должна из-за богословских споров разрушать экономическое единство рабочего класса, борющегося безразлично с верующими и неверующими капиталистами».

«Конгресс требует, чтобы материальное положение учителей, независимость которых должна быть гарантирована государством, было одинаково в церковных и светских школах и чтобы родители были свободны в выборе школы».

«Только при выполнении всей этой программы целиком конгресс дает согласие на такие мероприятия, которые будут иметь своим следствием уравнивание церковной школы со светской».

Наши голландские товарищи, повидимому, почувствовали, что в этой резолюции не все обстоит благополучно, и поспешили дать нам по этому поводу свое объяснение. Дело, оказалось, состояло в следующем: в Голландии давно уже идет борьба между либеральной крупной буржуазией и реакционно-клерикальной партией, в состав которой входят мелкие ремесленники, мелкие и крупные землевладельцы. Либеральная партия, достигши власти, позаботилась об устройстве хорошей народной школы. В 1878 году ею был проведен закон, лишивший церковные школы государственной субсидии. Реакционеры воспользовались этим законом для своей агитации, и им удалось на частные средства религиозных родителей даже увеличить число церковных школ, а также число учеников в них. Достигши вновь власти, клерикалы опять в 1889 году издали закон о государственном пособии церковной школе. Теперь голландским социал-демократическим депутатам в палате приходилось высказаться по этому вопросу. Они обратились за советом к своей партии, и мы видели, какой ответ она им дала.

Наиболее существенный довод в пользу резолюции заключается, конечно, в следующих словах: «Социал-демократия не должна из-за богословских споров разрушать экономическое единство рабочего класса, борющегося безразлично с верующими и неверующими капиталистами». Ставить вопрос, таким образом, значит не делать никакого различия между политической партией и профессиональным союзом. Последний имеет другие задачи и многие вопросы решает иначе, чем политическая партия. Ниже мы увидим, как данный вопрос решается профессиональными союзами. Что касается социал-демократической партии, то она стоит перед фактом разединения рабочего класса, — фактом, не ею созданным, и она обязана стремиться организовать и объединить его на почве своих принципов. Никакие соображения об экономическом единстве между верующими и неверующими рабочими не могут заставить ее отказаться от своего принципиального требования — отделения церкви от государства и школы от церкви. Клерикалы отлично понимают значение школы для своего политического влияния и стараются удержать ее в своих руках, а социал-демократы, утверждающие, что они стремятся к освобождению народа от всех форм рабства, как экономического, так и идейного, заявляют свою готовность продлить еще на неопределенное время влияние отживающего миросозерцания!

Выше было сказано, что профессиональные союзы имеют задачи, отличные от задач политической партии, и

потому иначе решают многие вопросы. Профессиональный союз имеет целью улучшение положения рабочих при данном экономическом строе. К борьбе за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы сводится наиболее существенная часть деятельности такого союза. Понятно, что цели профессионального союза могут одинаково признаваться и социалистами и их противниками, людьми религиозными и неверующими и т. д. и т. д. Более того: профессиональный союз заинтересован в привлечении возможно большего числа членов, так как это делает его более сильным и более стойким. Политическая же партия имеет целью ниспровержение существующего порядка вещей, ее члены должны быть связаны между собой общностью миросозерцания, общностью программы. Ее влияние на массу больше зависит от ясного понимания ее членами и от проведения ими на практике принципов партии, чем от количества ее членов. Так, напр., в занимавшем нас выше вопросе все члены социал-демократической партии должны признавать и уметь отстаивать тот пункт ее программы, в котором говорится об отделении церкви от государства; члены же профессиональных союзов могут быть разных взглядов на этот вопрос. Это-то и принято называть нейтральностью профессиональных союзов.

Однако, не все одинаково понимают эту нейтральность. Дело в том, что в некоторых европейских странах профессиональное движение возникло, сравнительно, позже социал-демократической партии и создано членами этой партии и благодаря ее деятельности в парламенте и в стране. В этих случаях профессиональные союзы являются плотью от плоти социал-демократической партии. Нейтральность союзов состоит в том, что они принимают в число своих членов и несоциал-демократов, но всем хорошо известно, что союзы эти имеют социал-демократический характер: они являются для многих рабочих лишь подготовительной школой к социал-демократии, точно также как и наоборот большинство рабочих, состоящих членами социал-демократической партии, входят в состав профессиональных союзов.

Эта взаимная связь двух течений, подкрепляющих и дополняющих друг друга, является бельмом на глазу для тех людей, которые хотели бы лишить европейское рабочее движение его революционного характера. Отсюда же исходит проповедь особого рода нейтральности, под которой эти новые друзья рабочего класса подразумевают отречение профессиональных союзов от социал-демократии и создание организации, подобной английским трэд-юнионам, которые не занимаются политикой, или вернее занимаются ею спорадически, когда это понадобится тому или другому цеху, той или другой профессии. Принципиальной борьбы социал-демократической партии, отстаивающей интересы всего рабочего класса, эти сторонники социальной реформы, как они себя называют, знать не хотят.

На происходившем 16—21 июня в Штутгарте съезде германских профессиональных союзов эти фальшивые друзья получили надлежащий ответ на все свои заигрывания: большинство ораторов на съезде старались подчеркнуть единство германского рабочего движения и связь профессиональных союзов с социал-демократической партией.

Эта связь сказала не только в речах, но и в духе принятых на конгрессе резолюций. Так, например, по вопросу о работе на дому конгресс высказался за желательность совершенного запрещения такой работы, дающей возможность предпринимателям прибегать к наихудшим формам эксплуатации, преимущественно, женского и детского труда. В виде переходных мер конгресс требует распространения на этого рода работы всех постановлений фабричного законодательства, подчинения их контролю фабричных инспекторов, запрещения детского труда, запрещения работать по ночам, по воскресеньям и праздничным дням, санитарного надзора за мастерскими и строгих наказаний за нарушение всех относящихся сюда постановлений.

Далее, конгресс высказался за необходимость более интенсивной агитации среди работниц и привлечения их в общие профессиональные организации. В особой резолюции высказано требование государственного страхо-

вания от безработицы, но предварительным его условием должны быть: неограниченная свобода союзов и стачек, предоставление профессиональным организациям прав юридического лица и правильный периодический подсчет числа безработных.

Не лишено интереса, что на заседавшем в первых числах июля в Мюнхене конгрессе христианских профессиональных союзов высказывались совершенно противоположные мнения: «С христианской точки зрения нельзя желать полного уничтожения работы на дому. Только мужчинам следует запретить заниматься такой работой». «Женщины должны создавать особые организации, отделенные от мужчин, но под верховным руководством мужских организаций»... «Следует окончательно запретить замужним женщинам работать на фабриках». И т. д. и т. д. Один английский социалист, присутствовавший на Штутгартском конгрессе, был очень удивлен, что в Германии существуют христианские профессиональные союзы. «Я не могу понять, — сказал он в разговоре с корреспондентом одной немецкой социал-демократической газеты, — какая связь существует между религией и профессиональными интересами. Ведь рабочие соединяются не из-за церковных, а из-за материальных причин. Фабрика и церковь — две вполне различные вещи. Товары производятся не для протестантов, католиков и т. д., а для людей, имеющих деньги». Тем не менее, такие союзы существуют на континенте в сравнительно большом количестве, и созданы они большею частью различными политическими партиями, стремящимися сохранить свое влияние на рабочих и не дать им уйти в социал-демократический лагерь. Является вопрос, как быть с такими организациями, в какое отношение к ним встать.

Решением этого вопроса пришлось, между прочим, заняться международному конгрессу рабочих текстильной промышленности, собиравшемуся в Цюрихе (2—6 июня). На этот конгресс явился 3 представителя от христианских профессиональных союзов, открыто враждовавших и даже вредивших профессиональным союзам другого направления. В виду этого, конгрессом была единогласно принята следующая резолюция, устанавливающая условия допущения на будущие конгрессы: «Заседающий в Цюрихе 5-й международный конгресс рабочих текстильной промышленности принимает к сведению тот факт, что в некоторых странах существуют профессиональные союзы, называющие себя желтыми (во Франции), христианскими или смешанными (т. е. состоящими из предпринимателей и рабочих) и основанные лишь с целью затруднить чисто рабочую профессиональную пропаганду. Конгресс решает не допускать на будущие конгрессы представителей указанных союзов, так как они являются представителями международного союза рабочих, стоящих на точке зрения классовой борьбы. Конгресс приглашает всех рабочих, каковы бы ни были их религиозные и политические убеждения, создавать профессиональные организации для борьбы с произволом предпринимателей за свое окончательное освобождение».

Укажем еще на некоторые другие решения этого конгресса, имеющие общий интерес. Решено добиваться запрещения сверхурочных работ и бороться за постепенное сокращение рабочего дня до 8 часов. Постановлено учредить международный стачечный фонд, и принята резолюция, обязывающая всех организованных ткачей и прядильщиков при выборах голосовать только за таких кандидатов, которые заявят свою готовность поддерживать в парламенте решения конгресса.

Решение, сходное с последним, было принято и на международном (13-м) съезде горнорабочих в Дюссельдорфе (16—23 мая). Один австрийский делегат пошел даже еще далее и требовал, чтобы избирали только кандидатов, представляемых социал-демократической партией, но, в виду отсутствия в Англии такого единства между социал-демократией и трэд-юнионизмом, пришлось ограничиться более общим решением. А между тем, оно имело в виду, главным образом, Англию, где еще недавно представитель рабочих вотирует в парламенте против закона о 8-часовом рабочем дне для горнорабочих. Даже на самом конгрессе трое английских делегатов, из которых один оказался членом парламента, вотируют против распространения

закона о восьмичасовом рабочем дне на тех горных рабочих, которые работают на поверхности земли. Неудивительно, что этот цеховой эгоизм английских трэд-юнионистов вызвал самую резкую отповедь со стороны других делегатов. «Если бы, — сказал один из них, — кто-нибудь из наших вождей позволил себе что-нибудь подобное, то он был бы выкинут из организации».

К другим решениям Дюссельдорфского конгресса мы напомним еще вернуться.

ИЗ ПАРТИИ

Харьковский Комитет Партии слился с местным «Союзом Борьбы за Осв. Раб. Класа» и принял двойное название: «Харьк. Ком. Р. С.-Д. Р. П.—Союз Борьбы» и т. д. Сформировавшийся в Полтаве Комитет Партии выпустил 2 (гектогр.) прокламации к рабочим: одну — о стачечной борьбе, а другую — о политической свободе.

Тверская организация преобразовалась в Комитет Партии и издала по этому поводу следующую прокламацию: «С 1 мая настоящего года Тверская Группа Росс. С.-Д. Р. П. приняла название Комитета⁷. Этим шагом местная организация окончательно включает себя в состав большого организованного целого — Росс. Соц.-Дем. Партии, из чего вытекает обязанность ее во всех своих действиях руководиться теми тактическими принципами, которые получили партийную санкцию, — право автономного решения только тех вопросов, которые носят исключительно местный характер. Таковы с принципиальной точки зрения последствия принятия Группой формы Комитета, ячейки партийной организации».

«В настоящее время русским соц.-демократическим организациям нельзя ограничиться простым заявлением о принадлежности к действующей в России Соц.-Дем. Партии вообще. Неизбежные в каждом живом деле теоретические и практические разногласия создали раскол между борющимися под одним знаменем организациями и их литературными органами. Примирить эти разногласия, установить единую точку зрения на спорные вопросы и властным словом прекратить состояние партийной анархии — дело всей партии и ее компетентного органа — съезда. Но пока это слово не сказано, всякая вновь возникающая в России организация должна, хотя бы в краткой форме, установить то или иное отношение к спорным сторонам. Эту, и только эту, цель преследует настоящий листок».

«Тверской Комитет примыкает к программе „Искры“ и считает ее освещение современных нам событий наиболее правильным. Задача объединения партийных сил, в виду мобилизовавшего все свои силы самодержавия; задача создания удовлетворяющего и количественно и качественно потребности момента — печатного органа, который разнес бы во все концы русской земли искры революционного пожара и стянул бы всех протестантов под красное знамя социал-демократии, короче, огромная работа — сплочение всех революционных сил для решительного натиска на русский политический строй и передача революционной гегемонии в руки русского пролетариата и его естественной руководительницы — Соц.-Дем. Партии — вот насущные требования переживаемого нами момента. Внести свою долю труда должна и всякая местная организация; по мере сил и возможности Тверской Комитет постарается выполнить это».

«В своей деятельности среди рабочих Тверской Комитет будет настойчиво подчеркивать политический момент. Он будет стараться использовать всякий случай, дающий возможность расширить политический горизонт рабочей массы, путем агитационного листка или летучей брошюры. Руководя рабочими в борьбе за чисто-экономические требования, Комитет будет указывать на недостаточность одной профессиональной борьбы. В виду недостатка привозной нелегальной литературы и растущего спроса на нее, Комитет постарается удовлетворить его путем собственного издательства».

«Относительно деятельности других оппозиционных слоев населения Комитет будет руководиться соображениями о наличии необходимых сил. Он берет на себя распространение нелегальной литературы среди местной интеллигенции. Всякий факт правительственного насилия и произвола, происшедший в районе его влияния, будет им оглашен в своих и партийных изданиях. Во всех тех случаях, когда поддержка его будет необходима, он поддержит посильно всякую попытку протеста со стороны других оппозиционных групп.

«Тверской Комитет обращается ко всем сочувствующим элементам общества с просьбой о материальной поддержке. Он просит другие организации перепечатать настоящий листок.

Тверской Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии»⁸.

Письмо в редакцию.

Прошу уделить мне несколько строк для опровержения одной инсинуации.

2 месяца назад я случайно присутствовал на квартире у социалиста-революционера N при объяснении между одним представителем нашей «Лиги» и г. Рубановичем, представителем Партии Соц.-Рев. Речь шла о недоразумениях, вызванных изданием одной группой, примыкающей к Лиге, бюллетеня на французском языке («Echos de Russie»). В виду дошедших до него нареканий на то, что «искровцы» изданием своего бюллетеня якобы пошли вразрез с начинаниями междуфракционного комитета в Париже, затевавшего такой же бюллетень, — наш упомянутый товарищ просил г. Рубановича выяснить в присутствии моем и товарища N это дело. Из последовавших затем объяснений мы с товарищем N смогли констатировать, что группа «искровцев» стала издавать свой бюллетень лишь после того, как упомянутый междуфракционный комитет отклонил идею совместного издания бюллетеня, как предприятия нежизнеспособного. После этого раз'яснения товарищ N и г. Рубанович признали, что поведение «искровцев» в этом вопросе было вполне корректным и что инцидент надо считать исчерпанным.

Каково же было мое удивление, когда 2 месяца спустя я прочел во французском листке, изданном «Партией Соц.-Рев.», тот же упрек по адресу издателей «бюллетеня», что они начали свое издание «в то самое время, когда русские социалисты и революц. группы за границей (включая и «Искру») искали путей и средств для издания сообща беспартийного бюллетеня»? Я приглашаю товарища N (которого не могу назвать, не зная, удобно ли это для него) подтвердить в «Рев. Росс.» правильность передачи мной результатов того «расследования», которое мы с ним произвели по поводу этой инсинуации. Если же он не признает эту передачу правильной, пусть об этом заявит печатно и, если может, возьмет на себя открыто ответственность за взведенное на нас — по моему убеждению, ложное — обвинение.

Л. Сергеев, член Лиги Рев. С.-Д.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге в начале августа аресты среди рабочих.

В Курске в конце июля арестованы: гимн. Лагутин, студ. Шекун и военный фельдшер Инютин; это второй случай арестов за нынешний год в полку. Ради маневров, на которых должен быть царь, город наводнен шпионами. Заказано 2.000 шпионских значков. Можно себе представить, какой «восторженный» прием со стороны «курского населения» встретит царь, когда обладатели этих значков подымут патриотический рев! — В целях охраны организована комиссия в составе вице-губернатора, полицмейстера, жанд. полковника и губ. архитектора для осмотра погребов и подвалов.

В Москве 11 июля, по распоряжению Спб. жанд. упр., арестован бывший статист. И. П. Чарушников и немедленно отправлен в Петербург.

В Киеве в июле был обыск в квартире лаборантов политехникума Кованько, Карманова и Попельского. Последний арестован. В июне арестовано несколько стояров за пропаганду среди солдат.

В Астрахани арестован юрист Сереженков, обыски у Вржосека и Евреинава.

Исаак Лалайц и Прасковья Лалайц, привлекавшиеся в 1900 г. (апрель) по делу Екатеринославского Комитета и газеты «Южный Рабочий», бежали и благополучно прибыли за границу: первый — из Балаганска, Иркутской губ., вторая — из Воронежа. Оба были высланы до исполнения приговора.

Из Сибири же бежали в последнее время: Лысик (по Московскому делу, бежал вторично), М. Жалудская (портниха из Варшавы, по делу «Бунда»), Феликс Держинский (рабочий из Варшавы, по делу польской с.-д.-ии, был арестован нелегальным после побега из Вятской губ.), Р. Орлова (по Кременчугск. с.-д. делу 1898 г.) и Сладкопевцев (из Спб.). По пути в Сибирь бежал Малиновский, сосланный на 8 л. по делу типографии польского «Работника».

С Ангара (Енисейской губ.) бежал одесский рабочий Гринштейн-Розенберг, сосланный в 1899 году, прибыл за границу. Из части в Екатеринославле бежали, через окно, и прибыли благополучно за границу: 1) рабочий Бабушкин (арестован в 1901 г. в Орехово-Зуеве) и 2) харьковский студент Горовиц (по делу Харьковск. Комитета).

Латыши Эрнест Ролау (бывш. моск. студ.) и Клява, арестованные летом 1901 г. на границе по обвинению в транспортировке литературы, сосланы: первый — на 6, второй — на 4 г. в Восточную Сибирь.

В хронику прошлого № вкралась ошибка: фамилия заседателя, за убийство которого судился А. Ергин, не Калашников, а Иванов.

Из области жандармских секретов:

В Петербурге 26 июня получена на имя министра земледелия и гос. имуществ телеграмма (шифрованная) из Харькова, в которой жандармский полковник просит министра не предпринимать со своей стороны ничего против тайного с'езда воспитанников средне-земледельческих училищ, происходящего в Харькове, так как он, жандармский полковник, уже выследил и надеется выследить до конца.

Недавно по почтовым учреждениям разослан тайный циркуляр о вскрытии в почтовых посылках переплетов подозрительной толщины, так как, по данным полиции, ими пользуются для пересылки революционных изданий.

В секретном циркуляре к губернаторам и начальникам жандармских управлений, за № 4328, от 27 июня 1902 г., департамент полиции предупреждает указанных лиц о циркулирующих по деревням революционных брошюрах и о тех приемах, которые применены издателями, чтобы скрыть их нелегальность (клеймо «дозволено цензурой» и адрес мнимого места издания). Предписывая «самый внимательный надзор за изданиями, распространенными среди крестьян через книгонош и через сельские библиотеки», департамент обстоятельно знакомит своих чиновников с содержанием четырех революционных брошюр, делая ссылки на страницы и довольно толково излагая основные мысли авторов. «В последнее время, — говорит циркуляр, — замечается особенно усиленная агитаторская деятельность разных революционных организаций, направленная преимущественно к воздействию на крестьянское население, в целях подорвать в нем доверие к действиям правительства, а также обострить отношения к частным землевладельцам».

Товарищи просят о напечатании следующего сообщения:

Абрам Борух Каплан, наборщик, арестованный 6 марта 1901 года в городе Нежине, Черниговской губернии, привезенный после в Петербург, в Петропавловскую крепость, был обвинен в устройстве тайной типографии в г. Нежине. В ноябре прошлого года, на одном из допросов, он выдавал товарищей, арестованных и неарестованных; предложил даже взять его в жандармы и подписал полное отречение от революционной деятельности и раскаяние.

Принимая во внимание, что Каплан, как нелегальный, занимал особенно важный пост и что он выдал много лиц, — мы признаем его очень вредным предателем, предостерегаем и призываем товарищей к полному прекращению с ним навсегда сношений и к оглашению его во всех революционных изданиях, несмотря на то, что он подавал прошение к мин-м вн. дел и юст., в которых он отрекался от данных им предательских показаний, что он дал для оглашения нижеследующий документ, написанный собственной рукой, и что получил он приговор — 5 л. Вост. Сибири.

ИСПОВЕДЬ ПРЕДАТЕЛЯ.

(Прилагаемая «исповедь» А. Б. Каплана может дать представление о том, какой тактикой жандармы успевают иногда одурачить и довести до предательства малодушных и несознательных революционеров. За недостатком места, отбрасываем все второстепенные подробности.)

Письмо из тюрьмы.

«Пишу под свежим впечатлением только что пережитого. Обвинялся я в устройстве тайной типографии. Следствие велось товарищем прокурора Трусевичем, при содействии товарища прокурора Беляева. Содержали меня в Петропавловской крепости».

В течение шести с половиной месяцев Каплан отказывался от дачи показаний. После этого тактика жандармов по отношению к нему изменилась.

«Я опять был привезен в жанд. упр. Я увидел общество, состоящее из господ Трусевича, Беляева и др. офицеров. Говорили все, но особенно выдавался Трусевич. Он уже не стал мне доказывать неправоту нашего дела. Он указывал мне на бесполезность революционной борьбы, на неравенство сил организованного правительства и неорганизованной горсти революционеров. Распространялся о том, что правительство наше совсем не консервативно, что оно само видит недостатки настоящего строя, но по опытности своей из любви к народу не желает сразу ломать веками утвержденного порядка вещей, но понемногу изыскивает средства к улучшению положения народа. Что русское правительство совсем не преследует экономической борьбы за интересы рабочих и даже, наоборот, всегда принимает сторону обиженных. Что если бы рабочие удалили из своей программы политическую борьбу, то правительство несколько бы им не мешало в их деятельности. Что легальным путем можно добиться гораздо больших улучшений в положении народа, чем революционной борьбой, которая толкает столько здоровых людей, имевших бы возможность на легальной почве принести больше пользы обществу, на скользкий путь тайной деятельности, которая доставляет большие страдания очень многим, но видимой пользы никому не приносит...» «...Говорили они также, что правительство наше стало смотреть на наказание политиков не как на акт мести, а как на меру, ограждающую общество от дальнейшего вредного влияния на него лица, совершившего преступление, и что если какой-нибудь революционер докажет, что он не намерен больше принимать участие в революционной деятельности, его немедленно освободят. Тогда же Трусевич предложил мне сделаться наборщиком при жанд. упр., основываясь на том, что я выразил сожаление об отсутствии всякого физического труда в тюрьме». «...Я ответил им, что, насколько я помню, я им не давал никакого повода к тому, чтобы они осмелились предлагать мне должность жандарма. После этого меня доставили обратно в тюрьму и больше не тревожили. — После всех этих споров мое до-

верие к жандармам сильно возросло. Я еще не был знаком с их тактикой, основанной исключительно на хитрости, и придал цену уверениям господ прокуроров и жандармов и дорого заплатил я за это доверие. Если, думал я в то время, правительство наше, представителем которого является в столкновениях со мной прокурор, говорит, что экономическая борьба в России дозволена, что преследуется только революционная деятельность, видя и чувствуя на самом себе, что каждый шаг наш вперед обходится так дорого, соглашаясь с прокурором, что положение рабочего класса, действительно, улучшается (забыл я, однако, при этом размышлении одно обстоятельство, что положение наше улучшается при энергичном сопротивлении правительства, а не при содействии его), что состав правительственных сфер меняется качественно, требуя лиц все более образованных, что каждый из нас при революционной деятельности находится на воле не долго, а попадает скоро в тюрьму или ссылку; поразмыслив, таким образом, я нашел, что в самом деле не стоит бороться с правительством, столь прогрессивным (по крайней мере, на словах), а лучше посвятить свои силы легальной деятельности среди рабочих, исключительно на почве экономических интересов. Мысль эта так овладела мною, что у меня явилось страстное желание выйти из тюрьмы и совершенно легализоваться, чтобы иметь возможность проводить свои взгляды в рабочей среде. А тут еще это предложение относительно поступления в наборщики! Раз у меня явились новые взгляды на вещи, я считал для себя постыдным скрываться от кого бы то ни было; и вот через несколько недель после сделанного мне предложения я посылаю заявление в жанд. упр., прося, чтобы меня туда вызвали. Я решил, что принять должность наборщика при упр. само по себе не составляет преступления против совести или товарищей, если оно вызвано более важными соображениями. Во всяком случае, думал я, если в этом кроется какая-нибудь хитрость, то я сумею во всякую минуту отказаться от роли, которую они захотят навязать мне. В жанд. упр. я застал только одного ротмистра, который при предложении, сделанном мне Трусевичем насчет работы, не присутствовал. Когда я ему объяснил в чем дело, он сказал мне, что прокурор, вероятно, пошутил, но обещал мне немедленно дать знать Трусевичу. Я, между прочим, рассказал ему о перемене, происшедшей в моих убеждениях, и своим намерениям при освобождении из тюрьмы начать конгр.-революционную агитацию среди рабочих. Он об этом немедленно доложил полковнику, и тот предстал передо мною со следующим предложением: „Если вы хотите быть освобожденным из тюрьмы и не подвергнуться взысканию за совершенное преступление, извольте дать откровенное показание насчет себя и всех известных вам революционеров“. Я, конечно, объяснил ему, что перемена убеждения еще не значит превращение в подлеца и предателя, и сказал, что на таких условиях я предпочитаю оставаться в Петропавловке. Он ушел. Между тем, о моем предложении был извещен Трусевич; он велел отвести меня обратно и привести на следующий день. На завтра прибыв в управление и найдя там Трусевича и Беляева, я заявил им о своем желании. Они, как и следовало ожидать, от своего предложения отступились и стали доказывать мне, что, раз я признаю революционную деятельность излишней, я должен помочь искоренению ее. Правительство, говорили они мне, потерпело от моих противозаконных поступков и теперь совершенно справедливо требует у меня вознаграждения. На что я им ответил, что я совершенно согласен с ними в том отношении, что я должен вознаградить правительство за нанесенный ему вред, но было бы подло расплачиваться свободой других людей. В знак своих легальных намерений я даже предложил им взять меня на какой-нибудь срок в жандармы, только с тем условием, что они о моем знакомстве с революционерами должны забыть совершенно и никогда не требовать у меня никакой подлости. Они не согласились на мое предложение, а стали доказывать мне, что разъяснение дела не есть предательство; что очень часто разъяснение обстоятельств облегчает участь многих людей, не принося вреда людям, и без того скомпрометированным указанием на их мелкие проступки; сказали мне, что дело нашей типографии может затянуться на неопределенное время оттого, что за

раз'яснением каждого незначительного обстоятельства проводят целые месяцы, поневоле привлекая к делу невиновных лиц, и что выяснение роли лиц, принимавших незначительное участие в деле и уже привлеченных к делу, является прямой обязанностью каждого. Им удалось настолько убедить меня, что я, имея в виду: 1) осветить роль каждого из действующих лиц, не предполагая, что я могу им этим принести вред, в особенности же двоих товарищей, раз'яснение роли которых могло им принести или даже принесло пользу, и 2) желая в интересах легальной экономической борьбы освободиться из заключения, опутанный со всех сторон лживыми прокурорами и жандармами, я оговорил нескольких лиц, при чем показания мои часто прямо подсказывались мне ими и впоследствии даже оказались ложными. На последних допросах их гнетущее влияние на меня было так сильно и я был так хитро оплетен их сладким речами, что я написал отречение от революционной программы. Но ослепление мое, к счастью, продолжалось недолго. Уже через несколько недель после последних допросов я разглядел всю фальшь и хитрость наших прокуроров-жандармов и горько сожалел о многих словах, чуть не силой вырванных у меня, хотя под маской вежливости, которые, может быть, отягчили участь нескольких лиц и не принесли желанного мною некоторым облегчения. Пусть же этот факт будет последним и да послужит он упреком для лиц, верящих в прокурорско-жандармскую справедливость и в то, что при содействии русского правительства им удастся облегчить участь стонущего под двойным ярмом русского рабочего.

Абрам Борух Каплан.

(От Петерб. Комитета Р. С.-Д. Р. Партии).

В Спб. по Екатерининскому каналу, дом № 45, кв. 17, проживает с женой агент страхового о-ва «Эквитебль» Абрам Израилевич Плоткин, он же Плотке, занимающийся исключительно страхованием, но не от огня, — а от врагов самодержавия. Натянув на себя личину противника самодержавия, очень сочувствующего революционному движению, этот мерзавец расставляет сети и ловит жертвы. Его квартира наполнена нелегальной литературой, шрифтом, поддельными паспортами, печатками и проч.

Живет в Питере давно, часто бывает в командировках (между прочим, был недавно в Казани), меняет фамилию и в адресном столе не числится. Приехал из Минска, где янали его за провокатора. Вот его приметы: лет ему 50. низкого роста, лысый, лицо бледно-землистого цвета, морщинистое. Стриженная борода, полуседея, голубые глаза, постоянно мигающие, говорит по-русски плохо.

Здесь же, в Спб., проживает и Рубашевский, известный по Киеву провокатор.

ПЕРСИЦ.

Года три тому назад г. Персиц явился в Женеву к Плеханову и, признавшись в том, что состоял агентом Зубатова, заявил о своем раскаянии и о своей готовности загладить свой грех *. Он предложил Плеханову свои услуги в роли нового Дегаева. Само собою разумеется, что это предложение было отклонено Плехановым, который, решительно не одобряя дегаевщины в принципе, находил к тому же, что раскаяние шпиона — вещь более чем сомнительная. Встретив недоверчивое отношение к себе со стороны русской женевской колонии, предупрежденной Плехановым, г. Персиц исчез с тем, чтобы вновь появиться летом нынешнего года в Женеве в качестве члена местного немецкого социал-демократического общества. В Женеву он приехал на этот раз из С.-Галлена, где он тоже втерся в немецкое соц.-дем общество и откуда было послано, — по его инициативе — напечатанное в № 22 «Искры» приветствие русским социал-демократам. Г. Персиц не понял, что в виду его прошлого всякое выражение им сочувствия русским

революционерам может быть рассматриваемо как «лобзание Иуды».

Когда до Плеханова и Ляхотского дошли слухи о том, что г. Персиц состоит членом немецкого соц.-дем. общества, они разоблачили его в присутствии Vorstand'a этого общества. Тогда г. Персиц «добровольно» вышел из ферейна. Но его бывшие (невольные) товарищи единогласно приняли резолюцию, по смыслу которой выходит, что если бы г. Персиц не поспешил выйти, то он был бы исключен.

Этот господин проживает теперь в Женеве, возбуждая справедливое негодование во всех тех, кто знает его прошлое и кому известно, как странно, — чтобы не сказать более, — ведет он себя в настоящее время.

Предупреждаем всех товарищей против этого экземпляра из сгаи грязной зубатовских птенцов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

С.-Петербург: «мы» 4 р. 50 к., еще «мы» — 6 р. 10 к.

От С. П. Б. С. Б. 19 р. 50 к.

От Б-ской группы за июнь:

от кружка — 100 м., из Л. через М-ую — 61 м (в том числе пожертвовано от Г. Р. И. — 8 м., от М-ой — 6 м., остальное за литературу). От Фанни из Л. — 50 м., с курорта — 56 м. (в том числе от Нат. Э. — 40 фр. на спец. цель, от нее же — 10 фр. для «Искры», от З-ва — 7 фр. 50 с., от друзей «до общей суммы в 70 фр.»).

Из Льежа: 30 фр. 60 с.

Нас просят поместить нижеследующий отчет Комитета Сибирской кассы в Цюрихе с 12 янв. по 22 июля 1902 г.:

Приход: в кассе с 12 янв. — 388 фр. 79 с.; из Цюриха — 324.39 (членских взносов 194.55, собрано по лист. раб. эмигр. — 20, пожертвовано 22.50, долги с прошлого бала — 11.60, через «Искру» г-ну П. 26.50, собрано на Protestversammlung 39.24, от продажи карточек Балмашева, изданных кружком N и R — 10 фр.); из Винтертура 42.50 (из них от Arbeiterbildungsverein'a — 10 фр.); из Давоса — 34; из Льежа — 198.40 (из них от харьковцев — 50 фр.); из Фрейбурга — 56.25; из Берлина — 60; из Брюсселя — 41; из Нью-Йорка — 50; из Карлсруэ — 5; из Фрейбурга через «Бунд» — 70.37. Итого 1.275 фр. 70 с.

Со спектакля 100 фр.

Расход: в Московскую тюрьму — 100; в Вост. Сиб. — 100.70 (38 руб.); собрано по лист. раб. эмигр. — 20; в Енис. губ. — 66.25 (25 руб.); на Сахалин — 153.70 (58 р.); ссыльным через Шарлоттенбург — 66.25 (25 р.); в Ирк. губ. ссыльному литер. — 40.50 (15 р.); в Александр. перес. тюрьм. — 48 (18 р.); от «Искры» г-ну П. — 26.50; в Митавск. тюрьм. — 50; эмигранту — 30; в Могилевск. губ. — 133; в Одессу через Берлин — 77.45; через «Бунд» ссыльным и заключ. — 220.37; в Иркутск. губ. — 69.25 (25 р.); в Енисейск. губ. через «Искру» — 60; почтов. расход — 12.55. Итого — 1271.07. В кассе 22 июля 4 фр. 63 с.

Загр. Лигой Рев. Русск. С.-Д. — издано: Ф. Энгельс. «Развитие научного социализма». Издание 2-е с предисловием Г. Плеханова.

Печатается и на днях выйдет в свет: «Самодержавие и стачки» (секретная записка мин. фин. о легализации стачек). С приложением статьи Л. Мартова: «Новая победа русских рабочих».

Печатается издание «Зари»: «Эрфуртская программа» К. Каутского, 2-е исправленное издание.

— Ъ. Ваша статья помещена в «Заре». Пришлите адрес для явки, получите литературу.

«Флоре из О.»: Из вашего города была в последнее время только корресп., помещенная в № 24, о ней ли спрашиваете? Прокламации, кроме присланной вами, не получали.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

* Подобное же признание было сделано им эмигрантам Бирюкову и Ляхотскому.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Здесь имеется в виду зубатовское «Общество взаимопомощи рабочих в механическом производстве», организованное в 1902 г. для отвлечения рабочих от политической борьбы и социализма.

Прим. 2. Шипов, Д. Н. — земский деятель, председатель Московской губернской земской управы, умеренный либерал с славяно-фильским уклоном, постоянный участник земских съездов. После 1905 г. входил в «Союз 17 октября», потом — в «партию мирного обновления». В эпоху революции служил посредником между Николаем II и кадетами.

Прим. 3. В. В. — псевдоним виднейшего теоретика народничества 80 — 90-х годов В. П. Воронцова, развивавшего в своих трудах («Судьбы капитализма в России», «Очерки теоретической экономии» и пр.) общие всем народникам этого периода взгляды на беспочвенность капитализма в России, на экономическую устойчивость крестьянской общины, жизненность мелкого производства в земледелии по сравнению с крупным.

Прим. 4. Все перечисленные здесь лица — идеологи мелкой буржуазии (Юзов — псевдоним правого народника Каблицы, Н. — он — псевдоним правого народнического теоретика — Н. Даниельсона, первого переводчика «Капитала» Маркса на русский язык).

Прим. 5. Бабеф, Франсуа Ноэль (1764 — 1797) — революционер-коммунист эпохи Великой французской революции, проповедывавший в своей газете «Народный Трибун» и в брошюре «Манифест Равных» общность имущества, и в том числе — общую собственность на землю. Будущее общество должно быть основано на коллективной собственности и на всеобщей трудовой повинности. Для проведения своих взглядов в жизнь Б. вместе с Дартэ и Буонаротти организовал подпольную организацию «Равных», подготовлявшую восстание против контр-революционного правительства (Директории 1795 — 1799 гг.), но был предан провокатором Гризелем, арестован и казнен вместе с Дартэ.

Прим. 6. См. № 14 «Искры», прим. 6-е.

Прим. 7. Социал-демократическая пропаганда в Твери велась уже в 1896 г. приехавшими из Петербурга рабочими. По началу организации Тверской Группы Р. С.-Д. Р. П. положено, повидимому, в 1898 г., когда высланный в Тверь раб. Прошли, автор одной из речей во время митинга в 1891 г. в Петербурге, организовал соц.-дем. кружок. В 1898 — 99 гг. в этот кружок входили рабочие: А. Лазарев, Б. Зиновьев, Сумеркин, Толстиков, интеллигенты: В. Новодворский, Б. Савинов и другие. В 1899 г. раб. А. П. Смирнов, интеллигенты Б. Александровский и Гусев входят в соц.-дем. организацию в Твери, позже к ним присоединяются: Л. Забелин, В. Панов, А. Буш, Вислоух и др. В 1902 г. число членов с.-д. организации превышает 100 чел. В различных местах Тверской губ. возникают соц.-дем. кружки. Влияние соц.-дем. организации на рабочие массы особенно возрастает после того, как Тверская Группа Р. С.-Д. Р. П. открыто заявила о своем существовании в прокламации, выпущенной 8 февраля 1902 г. по поводу забастовки на Залогинской фабрике, где произошло столкновение рабочих с войсками.

Искровское влияние на Тверскую Группу соц.-дем. началось, повидимому, уже в 1901 г. После II съезда Тверской Комитет Р. С.-Д. Р. П. в своем заявлении в № 60 «Искры», хотя и выявил примиренческие тенденции, но тем не менее решительно встал на точку зрения Ленина. «Мы считаем необходимым указать, — говорил Тверской Комитет в этом заявлении, — что первый пункт организационного устава совершенно неудовлетворителен, так как дает возможность проникнуть в нашу партию нежелательным элементам, могущим внести в нее буржуазные тенденции... Необходимо принять строго централистский тип организации, которому более соответствует план т. Ленина»... Перед III съездом Р. С.-Д. Р. П. Тверская организация участвует в «Северной Конференции Комитетов большинства». (Краткую историю Тверской организации Р. С.-Д. Р. П. читатель найдет в брошюре П. К. Александрова «Очерк рабочего движения в Тверской губ. 1885 — 1905 гг.». Изд. «Октябрь», Тверь 1923 г.).

Прим. 8. Редакция «Искры» в этот период энергично требовала от стоящих на ее точке зрения соц.-дем. организаций публичного заявления об их солидарности со взглядами «Искры». В своем письме к Московскому Комитету Р. С.-Д. Р. П., написанному В. И. Ленину благодарность за книгу «Что делать?», Ленин пишет: «Не думайте, пожалуйста, что нам неважно опубликовывать заявления комитетов об их солидарности с такими-то взглядами. Напротив, именно теперь, когда мы все думаем о соединении революционной социал-демократии, это особенно важно. Было бы весьма желательно, чтобы свою солидарность с моей книгой Московский Комитет облек в форму заявления, которое и появилось бы в «Искре» немедленно. Давно пора комитетам выступать с открытым провозглашением своей партийной позиции, порвать с той тактикой молчаливого согласия, которая преобладала в «третьем периоде» (см. Собр. соч., т. XX. Письмо к Московскому Комитету от 24 августа 1902 г. Курсив подл.). Почти одновременно с этим Мартов писал П. Б. Аксельроду, который летом 1902 г. виделся с «поваром» (Ф. И. Щеголкиным, одним из основателей «Северного Союза Р. С.-Д. Р. П.»): «Важно еще, чтоб повар понял, насколько нам прямо-таки необходимо (курс. подл.) возможно скорейшее заявление Сев. Союзом принципиальной солидарности с нами и готовности признать „Искру“ партийным органом. Как вы, вероятно, знаете, мы теперь к тому же склоняем Пет. и Моск. Ком-ты; есть надежда, что добьемся этого. Это будет первым шагом к сплочению револ. с.-д. сил. Наши сторонники должны понять, что их сдержанность и выжидательная политика в этом вопросе принесли уже значительный вред и грозят еще большим вредом» («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». Берлин. Письмо 22-е от 2 августа 1902 г.). Заявления Петербургского, Московского Комитетов появились в № 26 «Искры», в № 27 — «Южного Рабочего», в № 28 — Харьковского и т. д.

НОВЫЙ ЗАХВАТ САМОДЕРЖАВИЯ.

Учрежденная в начале года правительственная комиссия по выработке плана преобразования петербургского городского общественного управления приходит к концу своих работ. Насколько долго работают правительственные комиссии, занятые общепольными культурными задачами, настолько же быстро справляются с своим делом те, которые готовят проекты «упразднения».

Дело идет, действительно, о новом упразднении — об упразднении для г. Петербурга того подобия городского самоуправления, которое существует по городскому положению 1892 г.

Когда в прошлом году реакционная печать во главе с «Моск. Вед.» начала поход против городского самоуправления вообще и в столице в особенности, она прибегла к нередкому в ее практике приему: в интересах бюрократии и самодержавия спекулировать на демократическое и либеральное недовольство теми сторонами нашего самоуправления, которые проникнуты сословным и классовым духом. Подобно тому, как по отношению к Финляндии реакционные газеты, замахиваясь на ее свободу, подчеркивали неравноправность финского крестьянина и пролетария с землевладельцем и буржуа, так и по отношению к городскому самоуправлению России нападали на узко-буржуазную и плутократическую его подкладку и требовали передачи городских дел в руки чиновников во имя интересов бесправного большинства городского населения. При этом реакционная печать бесстыдно умалчивала о том, что существующее городское положение 1892 г. — по сравнению с действовавшим до того — сильно сузило круг лиц, имеющих право на участие в городских выборах, и переместило центр влияния на городские дела в сторону наиболее богатой буржуазии. Реакция словно нарочно лишила общественное самоуправление всяких следов связи с широкой массой городского населения для того, чтобы через 10 лет потребовать его упразднения в интересах этих широких масс.

К счастью, уже безвозвратно прошли те времена, когда в русском обществе еще могли находиться люди, искренно верившие в какие-то «демократические» начала во внутренней политике царизма. Благодаря, главным образом, резкой критике (в просторечии именуемой «непозволительной полемикой») русских социал-демократов, из репертуара либерально-народнической интеллигенции должны были исчезнуть все вздорные песни о «демократическом царе», ведущем борьбу с капитализмом и буржуазией. «Демократические» фразы реакционеров принимаются уже всеми за то, что они есть на самом деле: за бесстыдную ложь, должную прикрывать безнадежно-противообщественные стремления самодержавия.

Выводы правительственной комиссии, о которой мы здесь говорим, проникнуты тою же гнусной тенденцией, — провести «захватные» планы самодержавия под шумок «демократической» критики существующих (самодержавием же и созданных) зол буржуазного хозяйничанья в городских думах. «Гласные являются представителями интересов преимущественно домовладельческого и промышленного класса населения. Интересы же прочих разрядов столичных обывателей остаются мало обеспеченными»... «Гласные, в большинстве их состава, относятся совершенно безучастно к принятым на себя обязанностям и очень неаккуратно посещают заседания думы... „исполнительные органы петербургской думы“ нередко оказываются не на высоте своего положения; и ошибки их, хотя бы граничащие с злоупотреблением, покрываются снисходительным отношением к ним думы...» — таков отзыв правительственной комиссии о грехах нынешнего городского самоуправления столицы.

Для исцеления всех зол нынешнего самоуправления комиссия, между прочим, предлагает: распространение избирательных прав на «некоторые разряды квартиранимателей»; учреждение особой должности председателя думы, назначенного высочайшей властью; признание гласных «должностными лицами», включение в состав думы представителей от правительственных ведомств; замену постоянных заседаний думы периодическими сессиями (по образцу земских собраний); «сокращение круга предметов ведения думы путем сохранения за ней лишь обсуждения городской сметы и отчетности... с предоставлением мелких дел самостоятельному ведению городской управы; предоставление городской управе в кругу ее непосредственного ведения большей, чем ныне, самостоятельности по отношению к городской думе»; назначения городского головы, его товарищей и половины членов управы по выбору административной власти без срока и «предоставление администрации права продолжать полномочие выборных членов управы, по усмотрению своему, и на следующие сроки»; «предоставление издания обязательных для жителей Петербурга постановлений власти министра внутренних дел» и т. д. в том же роде.

Достаточно простого перечисления этих предположений, чтобы видеть, как много места самодержавие согласилось «уступить» общественным силам в деле городского хозяйства. Осуществление программы комиссии будет означать непосредственно полное уничтожение городского самоуправления для Петербурга, а косвенно — и для всех русских городов. Даже при Николае I Петербург пользовался, по сравнению с большинством русских городов, более широким самоуправлением. Лишение жителей главного городского центра права самоуправления явится, без сомнения, первым шагом по пути к всероссийскому

упразднению городского самоуправления. Кто сомневается в этом, — пусть припомнит, что реакционная печать в период подготовительных работ упразднительной комиссии в своей полемике против городского самоуправления козыряла доводами, заимствованными из думской практики не одного лишь Петербурга, а и таких городов, как Одесса, Киев, Тифлис, Иркутск. Доводы эти сводились к двум: 1) пренебрежение интересами населения, доходящее до систематических злоупотреблений со стороны городских воротил; 2) политическая неблагонадежность (армянская оппозиция в Тифлисе и либеральная в Иркутске).

Что касается доводов первого рода, то прежде всего следует подчеркнуть то указывавшееся уже в нашей либеральной литературе и часто забываемое обстоятельство, что если мы очень часто слышим о думских и управских хищениях, злоупотреблениях и т. п. «ошибках», то более чем легкомысленно было бы отсюда сделать вывод о преимущественной подкупности и развращенности тех деятелей, которые ведают городские дела. Было уже неоднократно указано, что сравнительно (для России) широкая гласность, которою обставлено городское и земское хозяйство по сравнению с хозяйством государственным, позволяет печати и частным лицам гораздо чаще раскрывать и клеймить злоупотребления земских и думских деятелей, чем злоупотребления чиновников. Вот почему стотысячные хищения городских заправил становятся подчас известны всем и каждому, а миллионные хищения Кривошеинных и Сиягиных остаются невыясненными, благодаря высочайшим указам о прекращении следствия и цензурным циркулярам, предписывающим газетам строгое молчание.

Не русской бюрократии — этому воплощению взяточничества и казнокрадства — «кивать на Петра», на городское самоуправление. О том, как будет вестись городское хозяйство по упразднении нынешнего самоуправления, достаточно красноречиво говорит эпизод с проектом городских железных дорог в Москве и Петербурге, взбудораживший думские сферы и печать обеих столиц.

Правительство, — без согласия обеих дум и вопреки явному неодобрению с их стороны, — намеревается выдать концессию на проведение городских железных дорог нескольким подозрительным спекулянтам, при чем особая правительственная комиссия должна «в принципе решить вопрос об отобрании от города без его согласия принадлежащих ему конножелезных дорог» и об отчуждении — тоже без согласия города — городских земель. И петербургские и московские думы довольно резко отозвались об этой попытке «облагодетельствовать столицы без их согласия». В собрании «общ. сод. русск. торг. и пром.» известный петербургский гласный Кедрин разоблачал невыгодность для населения тех условий, на которых правительство намерено выдать русско-американским гешефтмахерам концессию. Ни один голос в «обществе содействия» не высказался за проект. Но правительство, не дожидаясь официального упразднения городского самоуправления, уже распоряжается так, как будто бы его вовсе не существовало. Петербургские газеты недвусмысленно намекают на то, что гг. Балинский, Вернер и К⁰ 1 достигли своей цели, — поддержки правительства — не без посредства «барашка в бумажке». Поучительное предзнаменование для будущего городского

хозяйства в руках назначенных правительством отцов-командиров!

Мы упоминали выше, что «Моск. Вед.» в числе прочих доводов против городского самоуправления приводили и политическую неблагонадежность некоторых дум. Едва ли, однако, правительство всерьез поверило хоть на минуту доносам Страстного Бульвара². В заключениях «упразднительной» комиссии ни словом не упомянуто о каких-либо «крамолах» среди думцев. И, действительно, даже самодержавная подозрительность не могла бы отыскать в истории нашего городского самоуправления каких-либо «политических тенденций». Но именно потому-то нынешний набег самодержавия и представляется нам особенно характерным: в разгаре борьбы на все фронты с целыми полчищами «внутренних врагов» оно удосуживается нападать на наиболее мирные общественные учреждения; с риском посеять новые семена недовольства, оно стремится сузить до крайних пределов те рамки, в которых хотя бы часть «обывателей» могла считать себя хозяином в своем собственном деле. Нехитрый политический расчет, казалось бы, должен был подсказать правительству, что набег его на лишенное политической окраски самоуправление городской буржуазии неизбежно раз'яснит этой последней всю невозможность для общества «размежевания» с всевластной бюрократией. Но, очевидно, *c'est plus fort que lui* *, самодержавие не может не вторгаться ежедневно в им же самим признанные права своих «подданных». Тем лучше: и слепые, наконец, увидят, что какие бы то ни было общественные права могут быть сколько-нибудь ограждены от захватов чиновничества только таким прочным барьером, как завоеванная революционным путем конституция.

Предчувствуя вспышку общественного негодования, правительство желает подсластить свой упразднительный проект расширением круга избирателей. В безгласной думе, заседающей несколько недель в году под председательством назначенного «высочайшей властью» лица, правительству не опасны избранники несколько более широкого круга населения, чем тот, который теперь пользуется избирательными правами. Но само расширение предполагается очень мизерным. «Некоторые разряды плательщиков квартирного налога», т. е. плательщики высшей суммы налога, — это, в сущности, лишь новый слой все того же класса, который ныне пользуется избирательным правом. Речь идет о лицах, платящих, во всяком случае, не менее 1.000 р. в год за квартиру — т. е. о чиновниках высших рангов, о частных служащих с большими окладами и о вполне буржуазной части интеллигентов из «вольных профессий».

Если б даже избирательное право было распространено на всех плательщиков квартирного налога, то из всех квартирнанимателей столицы (134.413) этим правом воспользовались бы менее половины (61.561). И в то время, как самодержавное правительство, собираясь упразднить последние остатки самоуправления, щеголяет своим «демократизмом» в форме распространения сомнительных прав на несколько тысяч буржуазных избирателей, сами деятели нынешнего буржуазного самоуправления выдвигают гораздо более демократический принцип. Как со-

* Это ему не под силу

общает г. Д. Семзнов в «Нов. Врем.» (№ 9504), приглашенные в правительственную комиссию «городские деятели... отметили в своих авторитетных мнениях крайнюю несостоятельность распространения городского избирательного права на квартирантов и наметили различные центы: уплату квартирного налога, или определенный минимум такого или, наконец, наем квартиры независимо от уплаты налога». (Курсив наш).

Если упомянутые городские деятели своими заявлениями имели в виду опередить правительство в его тактике заигрывания с ныне лишенными избирательных прав обывателями, то они поступили как нельзя более целесообразно, и мы можем лишь рекомендовать им в неизбежной борьбе за право самоуправления держаться постоянно этой тактики. На каждый шаг в сторону упразднения свободы самоуправления они должны отвечать агитацией в пользу распространения избирательных прав на все городское население. Только при этом условии их борьба за свои права привлечет к себе внимание и сочувствие той «бедноты», без которой они будут бессильны бороться с завоевательными планами зазнавшейся бюрократии. Опыт прошлого должен был им подсказать, что ни одно сколько-нибудь свободное общественное учреждение не может считать себя прочно утвердившимся в стране самодержавного произвола, если оно не связало своего существования с интересами самых широких слоев трудящегося населения, если на его защиту не готовы встать широкие массы самого революционного, самого грозного для реакции общественного класса.

Свободное местное самоуправление, организованное на основе всеобщего избирательного права, — таков принцип рабочей партии в земском и городском вопросе. Этот демократический принцип может быть осуществлен только на развалинах самодержавия, и именно потому рабочая партия заинтересована в успехе борьбы каждой общественной группы против расширения сферы всевластия этого самодержавия. Поэтому либеральные элементы городской буржуазии в борьбе за права своего самоуправления могут рассчитывать на сочувствие социал-демократии. Но на успех своей борьбы за право общественной самостоятельности они могут рассчитывать лишь постольку, поскольку поймут всю важность для них самих сделать вопрос о городском самоуправлении вопросом о правах всего населения.

[Л. Мартов]

РЕВОЛЮЦИОННАЯ «БЕЛЛЕТРИСТИКА».

Мы помним время, — всего несколько лет тому назад, — в кружках русских социал-демократов шли споры о том, не поторопился ли съезд местных организаций 1898 года, полагая основание Росс. Соц.-Дем. Р. Партии; не слишком ли были слабы еще силы для того, чтобы называться этим ответственным именем. Для нас безразлично сейчас, кто был прав из споривших. Для нас этот спор — симптом настроения социал-демократии. Расходясь в оценке факта, все были согласны в том, что дело социал-демократии, дело организации и просветления масс не выносит иллюзий, не терпит ми-

ража преувеличений. Всегда производить точный учет действительности, как бы горек он ни был, и пуще всего бояться мистифицировать и себя и других, — насчет собственных сил и собственной организованности! Партия, рассчитывающая исключительно на сознательность масс и согласованность их действий, не признает и не может признавать приемов, к которым так часто прибегает «сознательное меньшинство», выступая самостоятельной силой. Партия массы *par excellence*, социал-демократия, уже в силу своего характера, застрахована от скользкого пути игры в темную, от соблазнительного желания муссировать свое значение перед противником и казаться в глазах «общественного мнения» тем, чем пока еще она быть не в силах.

И мы не сомневаемся, — в настоящий исторический момент общественного под'ема и пробуждения масс, когда революционер, что город на горе, всем виден, и каждый шаг его всенародно судится, — верная своим традициям социал-демократия даст должный отпор таким поползновениям. Положение слишком критическое, революционная среда слишком серьезно настроена, чтобы проходить с одной лишь усмешкой мимо того сдвигания, которым потчуют нас «Рев. Росс.» и связанные с ней организации.

Универсальные люди подносят каждый день по новинке: вчера — «партия», сегодня — «боевая организация», завтра — «крестьянский союз», послезавтра — еще что-нибудь. Их орган — «Рев. Росс.» — изнемогает под бременем притекающего материала *, «мы принуждены почти вдвое увеличить размер» номера, «громадный фактический материал, скопившийся в руках редакции», «много рукописей лежит и ждет очереди» — не перестает плакаться газета. Дело за деньгами, но и это не беда: «если так много сочувствующих (аграрной) Лиге, то найти деньги «будет не так трудно». «Доставка литературы поставлена» ими «хорошо», прокламации их распространяются — «благодаря имеющимся связям» — «очень удачно» или «с чрезвычайной быстротой»; результаты их пропаганды в крестьянстве — «блистательны», писания их имеют — «большой успех», и пишут они неизменно талантливо: «брошюра захватывает читателя и производит особенно сильное впечатление, даже на самых неподготовленных», «брошюра написана популярно и читается с интересом», прокламация «прекрасно составлена» и т. д. и т. д.

Универсальные люди! Талант окрыляет их, подымает на высоты... беллетристики.

Знаете ли, читатель, почему Балмашев стрелял в здании комитета министров? Об этом вам расскажет «боевая организация».

Он стрелял там — «не случайно», не потому, что для успешного выполнения своего плана нашел это место наиболее пригодным, а потому, что Сипягин «в этом комитете совершал свои преступления»!..

Из отчетов о суде над Балмашевым нам точно известно его «последнее слово». Он объявляет в нем убийство Сипягина своим единоличным делом. Можно как угодно толковать мотивы этого заявления, но нужно обладать своеобразным талантом для того, чтобы отвергнуть самый

* Все нижеследующие цитаты заимствованы из различных №№ «Рев. России», до 9 № включительно.

факт заявления. И, однако, это ухитрился проделать... 7 № «Рев. Росс.». Полемизируя с «Летучим Листком» «Петерб. Союза Борьбы»*, он обозвал эти известные нам данные — «абсолютно неверным сообщением». Утверждение смелое, что и говорить, но понятное в устах «беллетриста». Правда «художественного» произведения для него выше подлинной правды действительности — поэма о систематическом терроре, практикуемом «боевой организацией», перевешивает быль показаний свидетелей.

Искусство Балмашева, обдуманность его выступления — есть та почва, на которой необходимо во что бы то ни стало построить престиж организации. «Акт революционера был подготовлен тщательной предварительной работой выдвинувшей его организации»... «Балмашев явился исполнителем решения боевой организации партии», — такие и подобные им выражения начинают со смерти Балмашева — пестрить страницы «Рев. России».

«Вот перед нами Лаговский — человек, решившийся на подвиг самоотвержения и вынужденный стрелять, вместо Победоносцева, в стекло окна квартиры Победоносцева»...

...«Вот Алларт, револьвер которой в роковой критический момент отказывается служить», «вот Михалевич»...; «вот Гирш Леккерт, который при сравнительно благоприятных обстоятельствах достигает лишь частичного успеха». Почему это? — вопрошают социалисты-революционеры. Да потому, что за ними не стояло «боевой организации». Все эти факты тем ярче оттеняют казнь Сипягина... казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящим успехом производит глубочайшее впечатление на всех.

* Как нам сообщают петербургские товарищи, этот листок лишь напечатан в типографии «Союза», но исходит от самостоятельной группы.

К ВОПРОСУ О ПРОГРАММЕ.

Нам доставлено следующее сообщение:

Обсудив проект программы Росс. С.-Д. Партии, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», группа соц.-дем. одного из южных городов России и лиц, сочувствующих соц.-дем. (всего 15 чел.), пришла к следующим заключениям:

С.-Д. Р. П., возникнув как таковая, необходимо должна дать программу, ясно и определенно формулирующую теоретическое обоснование деятельности этой партии, ее конечные цели и ближайшие требования.

Необходимость такой программы вообще обуславливается потребностью партийного объединения для планомерной совместной работы. Но при наличности одновременно действующих революционных и оппозиционных групп необходимость эта усугубляется потребностью отграничения от указанных групп. Так как из различия основных положений вытекают и различия в практической деятельности, то Р. С.-Д. П., действуя среди разнородных революционных и оппозиционных течений, необходимо должна присоединить к своей общей программе

И в другом месте: «Не нашлось организации, которая бы обеспечила их (т. е. Леккерта и его товарища) попытке успех так, как был, напр., обеспечен успех попытке Балмашева». Если в одном случае организация гарантирует «все шансы на удачу», то в другом — успех покушения «может быть только счастливой случайностью».

И в твердом сознании, что «все шансы на удачу гарантированы», что успех покушения — при организованном терроре — не есть «счастливая случайность», — «боевая организация» посылает своего человека стрелять в харьковского губернатора кн. Оболенского.

Выстрел раздался. Пуля пролетела мимо... не получилось даже и того «частичного успеха», которого достиг одиночка Леккерт. И лишь в виде символа «организованности», «обеспечивающей все шансы на успех», остались нам — кровавые слова на стенках револьвера, пучок прокламаций с напечатанным на них «смертным приговором» Оболенскому да «беллетристика» сообщений «боевой организации», которыми она — тотчас же после события — возвещала миру о разговорах стрелявшего с допрашивавшей властью и даже о чувствах его в самый момент покушения («стрелявший, опасаясь ранить стоявшую рядом даму, направил выстрел выше ее головы»).

Est modus in rebus! И у «беллетристики» есть свои правила, которые нельзя переступать безнаказанно. «Безмерный» «беллетрист» рискует произвести «анти-художественное» впечатление.

Именно такое впечатление, — думается нам, — получили наши немецкие товарищи, получил всякий сторонний наблюдатель, которому попали в руки сообщения «боевой организации».

Так, известная «Leipzig. Volkszeitung», «Лейпцигская Народная Газета», издающаяся при ближайшем участии Мeringa и Розы Люксембург, в статье от 27 августа с. г. «К вопросу о терроризме в России», говорит: «Заметим еще, что одно само по себе второстепенное

и точно определенную программу практической деятельности, программу тактики.

Исходя из этих основных положений, упомянутая группа лиц находит, что предложенный «Искрой» проект программы, удовлетворяя вполне первому требованию, выполняет второе лишь формальным образом, ибо дает только общие, неопределенные указания, — «социал-демократия организует его (пролетариат) в самостоятельную политическую партию» и т. д., — отнюдь не касающиеся конкретных вопросов практической деятельности, требующих от члена партии определенного и ясного отношения.

Переходя к рассмотрению программы ближайших требований, группа считает необходимым сделать следующее замечание:

Понятие «ближайшие цели», заимствованное из западно-европейских социал-демократических программ, в этих последних имеет известный определенный смысл и не подает повода ни к каким недоразумениям.

Ближайшими называются те требования, которые непосредственно предъявляются партией буржуазному правому государству и могут быть осуществлены в пределах его. Употребляя без оговорок тот же термин в русской соц.-дем. программе, мы должны помнить, что

обстоятельство подтверждает, повидимому, нашу точку зрения (отвергающую систематический террор). Это те шум и треск (*Brimborium*), которыми русский террористический комитет обставляет свою деятельность, та шумиха заранее приготовленных приговоров, которые вручаются оставшимся в живых приговоренным, пистолеты с выгравированными страшными словами, поспешный детальный отчет партии о том, как держится заключенный, доступ к которому так затруднен, отчет, производящий впечатление, что он составлен просто-напросто на основании заранее условленных с покушавшимся слов и жестов и т. д. Мы отнюдь не желаем на этом основании хотя бы сколько-нибудь унижить личное мужество, убежденность, готовность к самопожертвованию того русского революционера, который покушался на кн. Оболенского. Но вся обстановка покушения, в особенности же сообщения террористического комитета, производят невольно впечатление какой-то игры (*Spielerei*), игра же в самом начале террористической деятельности представляется нам тонким, но верным симптомом ошибочности самой тактики» *.

Центральный орган немецкой социал-демократии, который, — по словам «Рев. России» (см. № 7), — «всегда

* Кстати отметим еще один «интересный факт», подчеркиваемый автором цитируемой статьи. «В то время как у нас, немцев, — говорит он, — ортодоксальных марксистов подозревают в бланкистских склонностях и отыскивают даже у Маркса бациллу бланкизма, — в это время в России, — единственной стране, где бланкистская тактика могла бы найти практическое применение, — за нее высказываются не „ортодоксальные марксисты“. Напротив, русская социал-демократия, как она представлена Верой Засулич и другими, самым решительным образом отвергает для данного момента систематический террор. Террористическая же тактика, которая во всяком случае очень сходна с бланкизмом, защищается и проводится той группой русских социалистов, которая, подобно нашим немецким ревизионистам, ведет освободительную борьбу против «марксистской догмы».

в этом западно-европейском смысле перечисленные в проекте политические и экономические требования, в целом, ближайшими названы быть не могут, ибо ни в пределах самодержавного строя, ни в самый момент низвержения его, «последовательно, полно и прочно» эти требования осуществлены быть не могут, и только форма правового государства сделает возможным предъявление их как ближайших. Поэтому для Р. С.-Д. Р. П. ближайшей политической целью будет самое осуществление правового государства, в пределах которого и могут быть осуществлены минимальные экономические и остальные политические требования, до требования демократической республики включительно, что и должно быть оговорено в программе.

Что касается самих требований, то, не рассматривая их детально, группа тем не менее предлагает: 1) дополнить их пунктом об амнистии государственных преступников и прекращении всех политических дел, самое возникновение которых обязано существованию уничтоженного режима, и 2) вообще пересмотреть их, пополнив существенные пробелы (напр. организации суда, администрации, местного самоуправления и проч.).

Присоединяясь в общем к предложенной программе, группа особо выделяет аграрную программу. Вполне

подробно, со знанием дела и с глубокой симпатией знакомит немецких товарищей с перипетиями русской революционной борьбы», с своей стороны замечает (см. «Vorwaerts» от 30 авг.): «Мы не отметили этих сообщений («боевой организации») потому, что нам казалось, — они слишком явственно носят печать неправдоподобия. Если существует террористический комитет, по поручению которого совершаются в России политические покушения, то он будет тщательно избегать попасть в крайне стеснительное положение, распространяя подобные сенсационные сообщения»...

Нет сомнения, стремительно-хаотический рост вовлекает в водоворот движения накупив неразбирающихся и неразборчивых элементов. Русскому революционеру начинает угрожать серьезная опасность — быть скомпрометированным и лишиться того ореола доверия, которым доньше окружала имя его приходящая в сознание масса. Бесполезно замалчивать, надо бороться. Невозможно ждать до тех пор, пока вражья рука ткнет перстом в обнаженные язвы.

Вот почему русская социал-демократия, не колеблясь, во всеуслышанье скажет: прочь «беллетристику»! и да будет им стыдно!

[А. Потресов]

К ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ БАЦИЛЛАХ.

(Размышления на бактериологическую тему.)

Хлопотам науки с микроорганизмами не предвидится конца. Страшно подумать, сколько неимоверных усилий, сколько казенных денег, сколько хитрости, изобретательности, коварства человеческого ума потрачено было на борьбу с этими микроскопическими существами. «Лови микроба», — кричали нам на всех перекрестках, — «лови

признавая важное значение аграрной программы в программе всякой русской революционной партии, тем более в программе партии, представляющей интересы трудящихся масс, группа полагает, что и в вопросе о крестьянстве должно руководствоваться основными научными положениями и общими принципами соц.-демократической программы. Поэтому национализацию земли она признает конечным пунктом аграрной программы, как вообще обобществление средств производства конечным пунктом всей социал-демократической программы. Отдельные частичные аграрные мероприятия, идущие вразрез с этой целью, тем самым группой отвергаются.

Что же касается ближайших требований аграрной программы, предложенной «Искрой», то часть ее (пункты I и II), представляющую детальное развитие общедемократической программы (уничтожение сословий, равноправность всех граждан, прогрессивный подоходный налог, свобода передвижения и промыслов), группа вполне признает и считает целесообразным особое выделение ее. С пунктами же III и IV группа согласиться не может, ибо лежащий в основе их принцип исправления исторической несправедливости основным принципом революционной партии, — стремящейся подготовить условия будущего, а не исправлять ошибки прошлого, — признан

бациллу», и у нас не будет ни голодных тифов, ни чумы, ни холеры, ни чумы, ни болезней вообще. А оправдались ли эти розовые мечты?

Благодаря самым утонченным ухищрениям бактериологической тактики, правда, удастся с грехом пополам усмирить тот или другой вид не особенно строптивых бацилл, но зато сколько еще остается упорных, закоренелых, живучих, приводящих в отчаяние самых искусных бактериологов...

Сколько, например, ни старались истребить революционную бациллу, а она, злодейка, живет, развивается, растет, множится, разбрасывает по всему свету миллионы своих спор и вызывает такое поистине грандиозное брожение, что весь синклит докторов, магистров и профессоров полицейской бактериологии теряет голову и решительно бессилен приостановить быстрый ход разрушительного процесса...

Чем обуславливается специфическая энергия этих своеобразных микроорганизмов, каковы их физиологические и психические особенности и какие меры должны считаться наиболее целесообразными для их поголовного истребления, — вот те вопросы самой животрепещущей злобы дня, которые разрабатываются теперь в специальной санитарной комиссии департамента полиции под председательством г. Плеве.

Читатели «Искры», принадлежащие к категории самых зловерных ортодоксальных бацилл, надеюсь, не будут на меня в претензии, если я предприму маленькую экскурсию в область отечественной бактериологии и поделюсь с ними некоторыми соображениями о новейших течениях в этой, ныне модной, науке бессмертного Пастера.

Г. Плеве, известный своими трудами по истреблению революционных бацилл народовольческой эпохи, выпустил лет 20 тому назад книгу под заглавием «Русская революционная бацилла и борьба с ней», посвященную спе-

циалистам, работавшим под его руководством в департаменте полиции. Очень жаль, что эта замечательная книга, производившая в свое время большую сенсацию в мире бактериологов, изъята теперь из продажи и недоступна профанам. Она бросает яркий свет на господствующие в официальной науке взгляды, — и революционной бацилле, право, не мешает знать, что про нее пишут авторитеты официальной бактериологии.

Вот заключительные тезисы этого ученого трактата:

1) Жизнеспособность и живучесть нераскаившихся революционных бацилл объясняется, главным образом, их специфическими революционными свойствами и в значительной степени их семитическим происхождением.

2) Число имеющих в наличности по всей империи настоящих революционных бацилл весьма ограничено.

3) Смерть через повешение каждой такой революционной бациллы является самым безупречным средством против брожения вообще и потрясения основ в особенности.

Не входя в обсуждение и оценку этих тезисов, я констатирую прежде всего тот несомненный факт, что эти руководящие начала в борьбе с революционными бациллами, составлявшие квинт-эссенцию официальной бактериологической мудрости начала восьмидесятых годов, сохранили свою полную силу вплоть до наших дней. А, между тем, как раз за это последнее двадцатилетие быстрый рост бактериологических знаний как в России, так и в Западной Европе произвел такой переворот в наших основных воззрениях на бациллу, на ее роль в процессах брожения, на среду и законы ее эволюции и т. д., что пришлось перевернуть вверх дном все здание научной бактериологии. Никому из серьезных бактериологов нашего времени не придет, например, в голову та дикая мысль, что можно приостановить раз начавшееся химическое брожение, подвергнув смертной казни каждую бациллу в отдельности и оставляя ее питательную среду

быть не может. Исходя из этого принципа, партия не должна бы остановиться перед частичным исправлением (возвращением выкупных платежей и прирезков), но потребовать возвращения всей помещичьей земли, всех когда-либо уплаченных косвенных и иных налогов (как подушные подати мещанства) и проч. В частности, проведение требования, с одной стороны, содействовало бы укреплению частной собственности (и притом ее наилучшего вида — мелкой собственности), следовательно, пришло бы в противоречие с нашим основным принципом; с другой — практически явилось бы наименее пригодным (и даже не вполне справедливым) pallиативом, распространяющимся не на все крестьянство и не устраняющим основной причины крестьянских бедствий — малоземелья. Выставление этих двух пунктов (III и IV) могло бы оправдываться чисто практическими соображениями — интересами агитации, стремящейся найти доступ к крестьянину и потому избирающей в качестве боевого лозунга излюбленный пункт его мечтаний. Но группа полагает, что именно интересы социал-демократической агитации заставляют не приспосабливаться к наличной психологии трудящихся масс, но всячески расширять и углублять ее. Со всех этих точек зрения (принципиальности, практической осуществимости и радикальности и интересов

агитации) группа находит более целесообразным на место III и IV пунктов вставить приведенный ниже III.

Предпосланный же перечислению требований текст группа предлагает изменить, согласно сделанным замечаниям. Таким образом, вся аграрная программа представится в следующем виде:

Устранения всех остатков крепостного порядка, тяглым гнетом лежащих на крестьянах, и всех препятствий к свободному развитию классовой борьбы в деревне партия достигает путем проведения своей демократической программы, требуя в частности:

I. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также и всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

II. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении земель.

III. Отдачи в долгосрочную аренду крестьянским обществам и отдельным крестьянам государственных, удельных и монастырских земель; покупки за счет государства для той же цели частновладельческих земель; сосредоточения операций как по покупке, так и по раздаче земель крестьянам в руках органов местного самоуправления; установления определенных условий аренды, ограничивающих количество государственной земли, приходящейся

при тех же условиях неустойчивого химического равновесия, при той же восприимчивости к бациллярному яду и т. д.

Всякий теперь понимает, что раз среда остается та же, то достаточно малейшего зародыша, чтобы процесс заиграл снова; что как ни храбрись, — всех зародышей не перебежешь, что было бы болото — черти всегда найдутся, и т. д., да мало ли что можно еще сказать...

Но я не имею ни малейшей охоты полемизировать с г. Плеве и предоставляю это моему либеральному коллеге из «Освобождения» г. Струве, который имеет в запасе целый букет самых веских аргументов. «И в этом акте, — пишет г. Струве по поводу казни Балмашева, — сказало либо опять-таки полнейшее бессмыслие, либо явная безнравственная и отвратительная задняя мысль. Смертною казнью Балмашевых не устрашишь и не отпугнешь от террористических действий. Наоборот, такие казни только усиливают общественное настроение, в атмосфере которого зреют террористические планы; эти казни не способ устрашения, а метод провокации. И если правительство, прибегая к казням, действует так не по бессмыслию, а вполне осмысленно, то, очевидно, оно рассчитывает, всячески провоцируя террор, вызвать общественную реакцию и таким образом остановить освободительное движение». Это совершенно справедливо. Г. Струве отгадал черную заднюю мысль правительства, только напрасно он так осторожен и нерешителен, и напрасно он портит свою прекрасную формулировку правительственной мысли этими совсем неуместными «либо» да «если». Неужели его смущает то обстоятельство, что эта задняя мысль «явно безнравственная и отвратительная»? Г. Плеве, поверьте, этим не смущается; эта старая полицейская крыса прекрасно знает что делает. Нет, он действует не по «бессмыслию», он остается верным своему любимому основному тезису, и он не остановится ни пред какой провокацией, чтобы приложить

его на практике... Удастся ли этому испытанному заплечных дел мастеру затормозить на время быстрый ход революционного брожения? Не думаем. Многое зависит от тебя, — о, родная бацилла, — от ясности твоего революционного сознания, от правильного понимания твоей роли в процессе революционного брожения, от твоей организованности, от твоего единодушия, от твоей энергичной воли...

О, я знаю, хорошие люди и плохие музыканты поют тебе теперь дифирамбы, воспевают твою «готовность» пойти по пути великомучеников, радостно отдающих свою жизнь в поединке с самодержавием; я не меньше их благоволю перед героизмом твоего чистого сердца, но не возгордись, бацилла, и твердо помни, что ты только тогда — титаническая, грозная сила, когда ты связана с массой пробуждающегося к жизни пролетариата, жаждущего героических подвигов; изолированная, отрезанная от твоей «среды» — ты никому не страшна...

Старый испытанный в бою боец Либкнехт³ имел обыкновение отвечать анархистам, пристававшим к нему с вопросом: почему он, старый революционер, не восхищается их героическими подвигами, — следующими словами: *Die Faust, meine Freunde, ist verteuert nothwendig, aber der Kopf muss dabei klar sein* *. О, да, боевые организации чертовски необходимы, нанести смертельные удары врагу крайне нужно, но поймите же, юные бациллы, что все это только тогда имеет смысл, когда эти героические действия совершаются на виду, в присутствии волнующейся революционной толпы, активно поддерживающей своих смелых застрельщиков. Эта революционная толпа, к счастью, уже появилась, и вам, рвущимся на бой революционным бациллам, ничего дру-

* Кулак чертовски необходим, друзья мои, но кроме того и в голове должно быть ясно.

на отдельного арендатора, обеспечивающих возможность ее обработки и гарантирующих высокую степень культуры.

IV. Устранение остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

V. Предоставление судам права понижать непомерно высокие арендные цены и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

В заключение группа намечает ряд вопросов тактики, которые, по ее мнению, должны быть выяснены в программе тактики:

1) Деятельность среди городского пролетариата: а) отношение к экономической борьбе, б) отношение к легальным организациям рабочих, в) отношение к широким нелегальным организациям, г) способы политического воспитания и политической борьбы рабочего класса (демонстрации и пр.).

2) Деятельность среди крестьян, формы деятельности; отношение к крестьянским беспорядкам.

3) Деятельность в армии.

4) Деятельность совместно с другими оппозиционными группами; формы отношений.

5) Отношение к социалистическим группам других национальностей.

6) Вопрос о терроре.

По всем этим вопросам группа предполагает представить ряд соображений.

* * *

Поскольку товарищи, принявшие эту резолюцию, не согласны с нашим проектом программы, их несогласие сводится к двум пунктам:

1) Неправильная формулировка ближайших политических задач социал-демократии.

2) Непригодность §§ III и IV нашей аграрной программы.

Соображения группы о формулировке политической задачи русской рабочей партии, — как задачи «осуществления правового государства» без дальнейших определений (как данное нами: «республика на основе демократической конституции»), — представляются нам ошибочными.

Мы думаем, что в интересах того «отграничения» от других борющихся с царизмом партий, о котором упоминает Южная группа, мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно определенным образом. Мы должны дать рабочим точный ответ

гого не остается, как внести свою боевую организацию и свою революционную энергию в эту самую толпу.

Проповедывать же теперь анархический образ действия, — это значит действовать в руку гг. Плеве и их присным, бьющимся пуще огня массового характера революционного движения. Это до того ясно, что революционные бациллы, я в этом уверен, не поддадутся на эту удочку.

Заметьте, что я не строю себе никаких иллюзий. Я прекрасно знаю, что зверства царских опричников вызывают с железной необходимостью и будут вызывать и в будущем индивидуальные акты мести, но это ничего общего не имеет и иметь не может с действиями революционной партии. Это не способ борьбы, а симптом разлагающегося самодержавного строя. Борьба начинается там, где выступает революционная масса, и туда будут направлены все силы революционных бацилл.

[Ефрон]

ЧТО ДЕЛАТЬ?

От редакции. Предлагаемое письмо петербургского товарища касается жгучей темы — вопроса о том, как готовиться к внушительным политическим демонстрациям. Автор предпослал своей статье общее введение по вопросу о невозможности успешной экономической борьбы для русских рабочих, которое мы не помещаем здесь за недостатком места и в виду самостоятельного интереса главной темы статьи.

Взгляды автора, в общем совпадающие с нашими, сводятся к тому, что поглощение наших организаций экономической борьбой является невыгодным для партии и что основные условия развития русского рабочего движения требуют от нас сосредоточения главного внимания на борьбе за политическую свободу. От себя прибавим, что, таким образом, мы косвенно способствуем и успеху той экономической борьбы, которую приходится вести рабочим массам при всяких условиях: уступки в области

фабричного законодательства и т. п. делаются правительством тем охотнее, чем более грозной представляется ему опасность политического возмущения рабочих масс. Ценные указания, даваемые автором относительно недостаточности совершенной подготовки наших демонстраций, во многих пунктах совпадают с теми мыслями, которые по этому вопросу высказаны автором интересного очерка о киевской демонстрации 2 февраля, помещенного в 4 книжке «Зари». Можно только приветствовать, как признак революционной зрелости наших практиков — социал-демократов, тот факт, что частные неудачи нашей партии побуждают их еще более деятельно работать над усовершенствованием наших боевых приемов, а не следовать за теми, кто кричит о полной неудаче массовой политической борьбы и призывает «пополнить» ее вредной в настоящее время тактикой «единборства».

Товарищи!

Этот вопрос касается только нас, сознательных рабочих, студентов и интеллигентов; нам нужно приготовить людей, т. е. не всю массу, а по возможности, кто сколько может, к будущей демонстрации. Начнем с того, что у нас чуть ли не на каждом заводе или фабрике существуют кружки организованных рабочих, которые достают или получают литературу и распространяют ее между рабочими. В этих кружках каждый из нас должен говорить, что общий наш враг есть, главным образом, наше самодержавное правительство, что главная наша задача есть свержение самодержавия. Притом, раз мы доверяем им литературу, то мы должны и сойтись с этими людьми поближе для того, чтобы воодушевить их и постараться узнать их мнение, согласны ли они идти на демонстрацию; если же кто из них откажется, то того нужно постараться убедить и, если он не соглашается ни на какие доводы, то самое лучшее постепенно оставить его, но, конечно, не сразу. Мы должны помнить слова Лассалля, первого организатора немецкой социал-демократической партии: «Кто не за нас, тот против нас». И таким путем каждый из нас пусть приготовит для этого дела двоих или троих, а те, в свою очередь, также могут постараться. При этом те из организованных товарищей, которые состоят в кружках, должны готовить товарищей только от своего имени, не приобщая к этому других кружковых; собственно, каждый должен делать так, как будто один такой на заводе или на фабрике; так же должны поступать и те рабочие, которых вы знакомите с этим делом: они, в свою

на вопрос: какой политической формой должна быть заменена современная государственная форма, против которой мы боремся? Формула: «правовое государство» даст слишком общий ответ, и политическая агитация, которая ограничивалась бы такой формулой, не дала бы руководимым нами народным массам отчетливого представления о тех политических гарантиях, которые им необходимо отвоевать для свободной борьбы за свои классовые интересы. Точное определение требуемой нами конституции тем более необходимо для социал-демократии, что другие политические партии, со своей стороны, не ограничиваются простым требованием устранения самодержавия, а определяют основные черты желательного им «правового порядка», притом с той именно стороны, с какой этот порядок не удовлетворяет законных требований пролетариата. Так, «конституционалисты» в газете г. Струве настаивают на том, что дело установления конституции должно быть поручено непременно выборным от земских, — т. е. избранных на основе сословного и имущественного ценза, — собраний. И они совершенно основательно указывают, что характер того правового порядка, который будет установлен таким учредительным собранием, будет обусловлен его составом, т. е. что степень демократизма конституции, которая может

выйти из такого собрания, ограничена его классовым характером.

В виду свойственной всяким буржуазно-либеральным партиям склонности «смягчать» переход от самодержавия к правовому порядку и в силу этого соглашаться украсить последний всякого рода «ограничениями» и изъятиями, ведущими к сохранению в новом режиме многих учреждений и пережитков старого; в виду склонности мелкобуржуазных демократов пассивать перед подобными стремлениями либеральных буржуа, по соображениям «практического оппортунизма» («не раз'единять оппозицию из-за второстепенных вопросов» или, как это делает «Рев. Росс.» в № 9, говоря об органе г. Струве: «надо брать либералов такими, какими они есть»), — в виду всего этого партия пролетариата должна пропагандировать замену нынешнего порядка последовательной демократией. Только такой пропагандой она будет практически бороться против столь милого всяким буржуазным политикам затушевывания непримиримых противоречий между интересами народных масс и нынешними политическими учреждениями; только выставляя требование последовательной и всесторонней демократизации, она оградит народные массы от влияния лицемерных друзей свободы, которые под видом «правового порядка» будут рекомендовать

очередь, должны посвящать также только от своего имени и т. д. Эта предосторожность относится к провокаторам. Кружковые рабочие могут, конечно, время от времени собираться и сообщать друг другу о своих знакомствах, в виду того, чтобы каждый из кружковых при случае мог последить и за тем из рабочих, которого посвящает один из товарищей кружка. И вот таким путем мы можем раньше знать наши силы. Например, Рабочий Комитет за неделю делает запрос районным представителям: можно ли назначить демонстрацию на 20 апреля или на другое какое-либо число или месяц. Районные представители ответят с таким вопросом к кружковым представителям, а те в свою очередь к товарищам кружка. И каждый сознательный рабочий должен отдать верный отчет, сколько выйдет с ним на демонстрацию — двое или трое. Эти сведения нужно давать верно, не преувеличивать, не нужно совеститься, что один приготовил 8—10, а другой 1—3 или даже того нет. Помните, что от этого зависит весь наш успех, мы можем начать только тогда, когда мы верно знаем, что у нас есть сила, а если нет, то мы лучше отложим на время. Помните, если мы будем говорить вместо одного 5 и так вместо предлагаемых 200 явятся 40, что же тогда будет? Худший позор! Этот позор должен камнем лечь на тех, которые из стыда говорили вместо одного — 5. Затем, когда Комитет получит сведения от всех организованных рабочих о числе демонстрантов и найдет возможным выйти на демонстрацию, тогда на нашей обязанности лежит: 1) выпустить прокламацию не раньше 2-х или 1 дня к призыву рабочей массы и также учащейся молодежи выйти на демонстрацию на известное место. 2) Назначить известное место (угол или № дома) для каждого завода или фабрики отдельно, если только кучка демонстрантов будет человек в сорок; если же менее, то можно назначить одно место для двух заводов. Каждая кучка должна знать еще одно-два места на случай, если будет разогнана. Это, конечно, нужно передать на словах представителям, а те, в свою очередь, передадут организованным рабочим и т. д. Деление на кучки важно потому, что каждый сознательный рабочий приходит в назначенное место и видит своих товарищей, знакомых по заводу, он видит в них не любопытных зрителей, а своих единомышленников, в нем прибавляется бодрость и сила; он знает, что если нужно, то эти товарищи могут и постоять за него; затем еще потому, что таких кучек, предположим 10 — 12, полиция во всяком случае не

будет настолько осведомлена, чтобы сразу напасть на эти кучки. Допустим она нападет на 5, а остальные 5 все-таки будут держаться, когда же она бросится на остальные 5, то первые в это время могут сойтись в другом назначенном месте и т. д.

Но представим себе, напротив, что мы оставим демонстрацию по-старому, как было 3 марта 1902 г. или 1 мая. Напр., 3 марта рабочих было много, которые сочувствовали этому делу, но что они могли сделать? Решительно ничего. Многие из них даже не знали места, где должна была происходить демонстрация, во 2-х, они разрознены толпой совершенно незнакомых лиц, в которой масса шпионов, за одно слово человек должен попасть в предвараилку и никто за него не постоит, чтобы отбить его от полиции, потому что каждый боится, каждый знает, что он один среди чуждой ему толпы. Так же и на 1 мая: вышли рабочие в довольно-таки порядочном числе, погуляли с 8—10 часов и ушли по домам ни с чем, потому что каждый отдельно боялся начинать. Теперь, кажется, всем известно, что рабочий Обуховского завода, знаменщик, хотел выкинуть знамя у Гостиного Двора, но, между прочим, шпионы и полиция заметили это прежде, чем рабочий успел это сделать, кинулись на него... он, было, бежать, но они с криками: «держи! карманник!» за ним. Рабочие заметили эту суматоху, конечно, бросились бежать туда с криком, со свистом, даже послышались крики: «ура!», но, когда подбежали к месту и слышат крики: «держи карманника!», то сразу все как-то почувствовали себя неловко, они надеялись увидеть тут совсем другое, а не ловлю карманника. Полиция просила разойтись, что, к ее удовольствию, было исполнено. Итак, рабочие остались в дураках перед самими собой, когда не могли воспользоваться тем, что собралась кучка и могла бы произойти демонстрация.

Так вот видите, товарищи, весь успех будущей демонстрации зависит от нашей организации. Но мы, ведь, вполне можем надеяться еще на солидарность с нами учащейся молодежи и на полное сочувствие массы; если только мы будем так организованы, в нас будет сила, которую не в состоянии разогнать жандармерия и полиция. Еще раз говорю, в нас будет сила, наши десятки знамен будут развеваться не по 10 или 20 минут, а по несколько часов или по целому дню. Наши требования («дойлой самодержавие!», «8-часовой рабочий день и политическая свобода») будут раздаваться не 10—20 мин., а

народу позолоченный и подновленный абсолютизм (вроде «лорис-меликовской конституции»).

Пропагандируя республиканскую политическую программу (самодержавие народа, всеобщее и равное избирательное право), мы тем самым боремся за возможность проведения тех социальных реформ, которых осуществление необходимо для прочного успеха политического переворота, долженствующего возродить нашу родину. Чем полнее и решительнее будут проведены эти реформы, тем менее возможна станет «контр-революция». А полное и решительное проведение этих реформ требует не просто «правового порядка», а именно демократически-республиканских учреждений. Поэтому крайний радикализм в формулировке наших политических задач оправдывается и практическими соображениями об успехе «общенациональной» борьбы за свободу.

С другой стороны, наши социальные требования, предъявляемые нами к современному строю, должны быть сформулированы так, чтобы требовать для своего осуществления, как неизбежного условия, решительного разрыва с нынешним политическим режимом. В противном случае мы всегда рискували бы тем, что недостаточно радикальные социальные реформы, пропагандируемые нами, послужат в руках реакционеров средством отвращения

известного слоя народных масс от дела революции, орудием примирения народной массы с господствующим режимом. Руководясь основным принципом содействия развитию классовой борьбы и коренного устранения всех пережитков крепостных отношений и делая из этого принципа все выводы, мы и строим свою социальную программу ближайших задач так, чтобы сделать ее неприемлемой ни для какого реакционера или якобы либерала. Социальный радикализм нашей программы-минимум, таким образом, является также одной из гарантий успеха борьбы за свободу.

С этой точки зрения мы должны — совершенно безотносительно к тому пункту нашей программы, который предполагается отменить — отрицательно отнестись к § III в проекте аграрных требований, предлагаемом южными товарищами. Отдача государственных земель в долгосрочную аренду крестьянам и покупка государством в этих видах частных имений, — это такие меры, которые, без сомнения, напишут на своем знамени консервативные и либеральные социал-реформаторы и которые не помогут ни устранению пережитков крепостного права, ни развитию классовой борьбы в деревне.

Разбирать возражения южных товарищей на нашу аграрную программу мы здесь не станем. Защита этой

также целый день и притом же наши знаменщики и передовые люди будут целы. Мы не дадим их в руки полиции, отобьем их и спрячем между собою. И еще: при такой организованной силе мы можем требовать не только словами, но и действием. В нас, рабочих, — вся сила. Мы содержим царя и министров, мы содержим богачей-кровопийцев, мы содержим попов-тунеядцев, мы солдат — своих же братьев — даем для царя и содержим для них генералов и содержим для их же пользы целую свору паразитов, шпионов, жандармов. Долой дармоедов! Всем им сладко живется за нашей спиной. Так помните: в нас, рабочих, вся сила, так зачем же мы будем кормить дармоедов, целую свору, миллион негодяев?!

БЕСЕДА С «ДРУГОМ» - ЧИТАТЕЛЕМ.

Мы получили письмо за подписью «читателя-друга», вызванное передовой статьей № 23 «Искры» о полицейских насилиях над демонстрантами. Автор возмущен нашей статьей, которая рекомендует «отчаянное сопротивление со стороны всех тех, кому угрожает телесное наказание».

Вот что говорит он по этому поводу: «Люди, которых подвергли поруганию в застенке, были взяты на улице, во время демонстрации, их истязали за их стремление к свободе, за проявление классового самосознания, за солидарность с соц.-дем. партиями и их органами. Их дело — дело всего рабочего класса и революционных партий; их поругание — поругание всего пролетариата, всей социал-демократии». Поэтому «ответ на вопрос „как мстить“ должен был возложить долг мести на действующие организации, а не на самих и без того пострадавших товарищей»... «Искра» же «не видит надобности вмешательства действующих организаций. По крайней мере, она ни одним словом не обмолвилась, как поступать остающимся на свободе товарищам. Вся тяжесть мести и защиты своего человеческого достоинства возлагается на

самых заключенных...» «Господа, да, ведь, это похоже на издевательство! Ведь смешно говорить заключенному, которого держат 4 дюжих городских: „защитайся“. Если „Искра“ не находит решения вопроса в той или иной форме активного вмешательства организации, если она чувствует себя бессильной перед этим глубоко-трагическим вопросом... то пусть она будет искренней, пусть бросит красивые, но жалкие в данном случае слова о „геройской самозащите“, о „борьбе“, и тогда для всякого ясен будет единственный логический и психологический вывод из сделанной „Искрой“ постановки вопроса: „те, кому угрожает телесное наказание, должны сопротивляться... путем самоубийства!“» «Есть, господа, вопросы, на которые та или иная организация может оказаться не в силах дать в данную минуту удовлетворительный ответ, но из этого не следует, чтобы она имела нравственное право затыкать такую прореху первой попавшейся тряпкой. Предоставление арестованным и истязуемым рабочим управляться, как они сами знают, лишь бы прославлено было имя бога революции, лишь бы можно было факт их отчаянной борьбы использовать в агитационных и педагогических целях, — и есть именно такое затыкание дыр сомнительного качества тряпками».

В этом письме нас особенно поразило крайне невнимательное отношение его автора к нашей мысли. От «друга» мы могли бы ожидать несколько большего внимания.

Мы сказали, что если А будет сегодня оскорблен в участке, а Б завтра, послезавтра или вообще впоследствии убьет оскорбителя, то А вряд ли почувствует себя отомщенным. Мы ссылались на пример Боголюбова, тяжелое нравственное состояние которого не было, да и не могло быть рассеяно выстрелом Веры Засулич. Отсюда для нас сам собою следовал тот практический вывод, что мстить покушениями

последней дана нами в № 4 «Зари», которого товарищи не могли видеть в момент составления своей резолюции. В «Заре» мы разобрали главные возражения, предъявляемые к пункту о возвращении крестьянам «отрезков» и, в значительной степени, совпадающие с возражениями южных товарищей. Заметим только, что неверно предположение, будто авторы проекта программы в основу ее аграрной части ставили «принцип исправления исторической несправедливости» (см. «Заря» № 4, III, стр. 174). С другой стороны, неверно, будто осуществление требования возвращения отрезков и выкупных платежей означает «укрепление частной собственности (и притом ее наихудшего вида — мелкой собственности)», неверно по крайней мере в том смысле, в каком такое укрепление признается соц.-демократами реакционным стремлением. «Укреплять» мелкую собственность против развивающегося капитализма соц.-дем. не должны; освобождая эту мелкую собственность от тяготеющих над ней пережитков крепостных отношений, соц.-дем., напротив, способствуют ускорению процесса общественного развития и обострению классовых противоречий.

Что касается желания товарищей видеть в проекте программы формулировку основных начал тактики партии, то нам кажется, что эти основные начала даются теми положе-

ниями программы, которые говорят о характере конечной цели мирового движения пролетариата (интернационализм его; непримиримая противоположность интересов пролетариата интересам других классов; необходимость социальной революции), о революционных методах достижения этой цели (развитие классового самосознания пролетариата — организация его в самостоятельную политическую партию — диктатура пролетариата) и о национальной задаче русского пролетариата (завоевание политической свободы, устранение всех пережитков крепостных отношений, поддержка всех действительно освободительных движений). Конкретные же формы, в которых должны выразиться на практике эти основные начала, уместнее формулировать особыми резолюциями, которых проекты будут, без сомнения, представлены к будущему съезду партии.

[Л. Мартов] 4

значит избирать наименее действительный способ мести.

Если наш «друг» находит, что наши психологические соображения ошибочны, то ему следовало сказать и доказать это. Он этого не сделал. Почему? Потому, что он очень невнимательно, — совсем не по-дружески, — отнесся к нашему рассуждению и не понял, где лежит его исходная точка.

Мы снова обращаем внимание нашего «друга» на эту точку и просим его сказать прямо: счел ли бы он себя отомщенным, если бы, подвергшись истязанию розгами в участке, он услышал впоследствии, что его товарищи убили того или тех, по чьему приказанию истязание совершилось?

Мы думаем, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Мы уверены, что и сам сердитый «друг» наш, чуточку подумав, тоже ответит на него отрицательно. А если наш сердитый «друг» ответит отрицательно, то он необходимо должен будет встать на нашу точку зрения... и сменить гнев на милость...

Далее. Если когда-нибудь нашему сердитому «другу» будут угрожать полицейские розги, то мы уверены, что он, не уповав ни на какие последующие действия оставшихся на свободе товарищей, скажет себе, что ему остается именно то, и только то, на что указывала «Искра», т. е. сопротивление палачам, сопротивление во что бы то ни стало, сопротивление до последних сил, до последнего издыхания. И говоря себе это, он будет гораздо дальше, чем когда-либо, от всякой мысли об издевательствах над самим собою. Напротив, сознание своего человеческого достоинства и сознание необходимости отстаивать это достоинство достигнут у него тогда высшей степени ясности.

Наш «друг» думает, что сопротивление невозможно. Он думает так потому, что не знает истории нашего движения.

К лучшим, наиболее ободряющим страницам нашей истории принадлежит то сопротивление наших арестованных товарищей самодурству тюремного начальства, та «борьба в тюрьме», о которой говорит Вера Засулич в первой книжке «Зари». Издевается над товарищами не тот, кто советует продолжать эту борьбу, а тот, кто заговаривает об ее невозможности. Неужели нескольких пучков розог достаточно для того, чтобы разбить энергию русских революционеров?

Издевается над товарищами не тот, кто говорит им: «У вас есть выход; вы можете отстоять свое достоинство энергичной борьбой», — а тот, кто говорит им: «Ваше положение безвыходно; вы ничего не можете сделать для самозащиты; но на свободе у вас найдутся самоотверженные товарищи, которые отомстят за вас».

Пассивная толпа, покорно лежащая под розги, и самоотверженные герои, мстящие за эти розги, вот в каком виде представился бы нам состав нашей партии, если бы был прав автор письма. А так как история делается не единицами, то в этом зрелище было бы очень мало привлекательного. К счастью, наш автор жестоко ошибается: героическое настроение перестает быть уделом единиц; масса становится все более и более

активной, и ее арестованные полицией представители сумеют постоять за себя в участке.

Мы указывали на шлиссельбургских узников, которых можно было убить, — говорили мы, — но нельзя наказывать розгами. Наш «друг» мог не согласиться с нами, но он не имел права обойти этот довод молчанием. Почему же он обошел его? Он не вдумался в его значение, он невнимательно, — повторяем, совсем не по-дружески, — прочитал нашу статью. И только потому, что он невнимательно прочитал ее, он вообразил, что «Искра» чувствует себя бессильной перед вопросом о полицейских розгах. Как бы не так! Наш «друг», очевидно, проникнут взглядами наших противников: он думает, что если мы не рекомендуем террора, то значит мы не рекомендуем ровно ничего. Но от такого взгляда давно пора отделиться, потому что, если бы такой невероятной узкий взгляд сделался общим достоянием наших революционеров, то мы никогда не пришли бы к победе.

А что делать остающимся на свободе товарищам? Что делать тем организациям, арестованным представителям которых придется «до последнего издыхания» отстаивать свое достоинство в участках?

Им надо делать то, что они делали до сих пор: развивать классовое (т. е., следовательно, и политическое) самосознание массы; способствовать росту массового движения в ширь и вглубь; всеми зависящими от них силами ускорять наступление того момента, когда одного слуха о том, что в участке истязуют арестованных демонстрантов, будет достаточно для того, чтобы эти притоны полицейских разбойников были осаждены грозными толпами рабочего народа; усиливать свою собственную партийную организацию до той степени, на которой она сможет повести эти грозные толпы к победе.

Говоря это, мы, — в интересах нашего невнимательного «друга-читателя», — ставим точку над *i* в нашем ответе на вопрос: как мстить? Раздраженный «друг» не понял этого ответа; мы разъясняем ему нашу мысль и, расставаясь с ним, мы говорим ему с полнейшим убеждением: указанный способ мести есть единственный способ, достойный тех людей, которые принадлежат к серьезной политической партии, а не составляют простого общества взаимного отмщения.

Говорят, что Пугачев, исполняя в армии свою казацкую военную повинность, был высечен по приказанию начальства и что это унижение впервые заронило в его голову мысль о бунте. Не знаем, правда ли это; должно быть, это — простая выдумка. Но — *se non e vero e ben trovato* (если не верно, то хорошо придумано). Мсть *à la* Пугачев несравненно страшнее, чем мсть *à la* Лекерт.

[Г. Плеханов]

«Полицейские всех стран, соединяйтесь!».

Международно-шпионские услуги одного правительства другому дело довольно обычное. Услуги европейских полиций полиции русского самодержавия становятся все циничнее по мере того, как растущая сила рабочего класса в зап.-европейских странах делает невозможным для их правительств систематическое преследование соб-

ственных «внутренних врагов». Воспитанные долгим «подбором», инстинкты охоты за человеком ищут себе применение в деле добровольной травли «подданных» того правительства, которое еще удерживает в своих руках право неограниченного преследования всякой свободной мысли. Положение русских, живущих за границей, становится все более необеспеченным от полицейского насилия. И всего хуже обстоит дело в Германии.

Нельзя, впрочем, умолчать о том, что усердием немецких полицейских не всегда руководит одно только бескорыстное служение идее международной солидарности шпионов. В своих воспоминаниях * Л. Г. Дейч, подло выданный в 1885 г. германским правительством России, рассказывает о том, как немецкие чиновники, участвовавшие в этом деле, интересовались вопросом о вещественной награде, которую они получают от русского правительства.

Мы не знаем, кому из немцев достанутся 30 серебряников за выдачу бывшего студента Калаева, арестованного недавно в Мысловицах (Пруссия). Знаем только, что все прежние случаи предательских услуг германского правительства русскому (Дейч, Гр. Гуковский, Славинский, Владисл. Анелевский) ** бледнеют перед наглým, беззаконным и истинно-русским произволом дела Калаева.

Платон Калаев отправился из Австрии в Берлин. На прусской границе таможенный чиновник подсмотрел в его вешах русские издания. Он пригласил жандарма, который и арестовал Калаева. Последний был показан вызванному для того жандармскому офицеру (русская граница находится вблизи от Мысловиц) и затем отвезен к русской границе, где его и приняли русские жандармы.

Когда германские социал-демократические газеты забили тревогу, реакционная печать стала утверждать, что Калаев-де выдан как соучастник Балмашева. Но долго настаивать на этой лжи было невозможно, и правительство поспешило с полуофициальным разъяснением, представляющим любопытный образец той смеси цинизма и трусости, изуститства и грубости, которой проникнута политика нынешних германских правителей.

Северно, заявляется в этом разъяснении, что Калаев был «выдан» России. Для «выдачи» его не было никаких законных оснований. Но он был задержан с русскими изданиями анархического содержания и, как анархист, выслан на родину, в Россию. Только и всего.

Не выдан, а выслан! Но выслан не туда, куда он хотел ехать из гостеприимной Германии, а туда, где его ждали предупрежденные о его «высылке» русские жандармы.

Мы почтительно просим германское правительство назвать нам те издания, которые были найдены при Калаеве. Тогда публика увидит, о каком «анархизме» идет здесь речь. С своей стороны мы категорически утверждаем, что, по собранным нами вполне достоверным сведениям, Калаев ничего общего не имеет не только с анархизмом, но и с русским терроризмом, который, в свою очередь, далек от анархизма. Мы утверждаем, что, как нам теперь доподлинно известно, Калаев — принципиальный противник русского терроризма.

Разумеется, факт выдачи русского социалиста не стал бы менее подлым от того, что был бы применен к стороннику террора или принципиальному анархисту. Но характерна эта ложь, употребляемая для возбуждения в немецкой публике сочувствия к проявлениям самого недостойного пресмыкательства немецких правителей перед русским самодержавием. И такая ложь применяется впервые. Замученный 10-летней пыткой несчастный Григорий Гуковский был арестован в Аахене в 1889 г. по лживому обвинению в участии в террористических предприятиях, несмотря на то, что он был социал-демократом и стоял в стороне от террористических групп.

Наши немецкие товарищи, без сомнения, поднимут в рейхстаге запрос о поведении немецких властей в деле Калаева. Нам же только остается пожелать германскому

* Они будут изданы на русском и немецком языках.

** Кстати заметим, что германскому правительству везет в его травле иностранных социалистов. Из перечисленных нами лиц студент Гуковский и польский каменщик Анелевский после 5 лет тюрьмы и нескольких лет Сибирской ссылки покончили с собой в 1899 году.

народу поскорее избавиться от тяготеющего над ним ига прусских дворянчиков — Бюловых и Позадовских — которые у себя на родине травят славян-поляков и в то же время пресмыкаются перед монгольско-славянскими сапожниками Романовых.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОБЕГ ИЗ КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Через несколько дней после варварского избиения политических заключенных в Одесской тюрьме социал-демократии удалось «наказать» правительство освобождением из Киевской тюрьмы 11 «важных преступников». Побег совершился 18 августа, через 3 недели после удачного освобождения из-под ареста в Екатеринославе Бабушкина и Горвица (см. № 24).

В феврале нынешнего года, в самый разгар демонстраций, по всей России были произведены сотни арестов. Между прочим, не менее тридцати человек, арестованных в разных концах России по делу «Искры», было свезено в Киевскую тюрьму, так как «знаменитый» жандарм Новицкий был уполномочен вести следствие по делу о нашей организации. В числе этих товарищей были: Лев Гальперин, бывший уже в ссылке в Астраханской губ.; Виктор Крохмаль, вернувшийся из Уфимской ссылки в 1900 г.; Иосиф Тарсис, портной, арестованный в Вильне, и двое нелегальных — Николай Бауман, ветеринар-врач, сосланный в 1898 г. в Вятскую губ. по делу Спб. Союза Борьбы и бежавший из ссылки через год, и Иосиф Басовский (впервые привлекался в Одессе в 1897 г.).

В марте к тому же делу присоединен наборщик Иосиф Блуменфельд, взятый на границе с германским паспортом (был в 1886 г. изгнан из России), а в апреле — Бор. Мальцман, арестованный в Теофиполе, Волынской губ., где состоял под надзором. Эти семь лиц, на которых концентрировались главные обвинения по делу «Искры», и бежали вместе с ветеринаром, врачом Владимиром Бобровским, обвинявшимся в организации киевской демонстрации 2 февраля, и еще тремя товарищами, сидевшими уже более года (с апр.—мая 1901 г.): Марианом Гурским, М. Валах и Болеславом Плесским (первые двое по делу Киевского Комитета Партии, а последний по делу Партии Соц. Рев.). О самых подробностях побега участники его сообщают следующее:

«Орудиями» побега послужили сшитая из разрезанных простынь лестница и полупудовый якорь. Как последний очутился в руках бежавших — это, конечно, секрет организаторов побега. 18 авг. вечером, когда заключенные гуляли по двору около стены, несколько из них напали на стоявшего вблизи часового, забили ему рот и связали его по рукам и ногам. Операция проделана была не вполне совершенно, так что солдат мог несколько раз крикнуть: «Ратуйте, ратуйте!» К счастью, заглушенный крик его не был услышан. Пока одни возились с часовым, другие образовали «живую пирамиду», верхний конец которой доходил почти до верхних стен. Отсюда не трудно было взлезть на стену и прикрепить якорь, к которому с одной стороны была привязана лестница, а с другой — веревка, по которой спустились вниз. Через десять минут после того, как благополучно спустился последний из беглецов, из тюрьмы раздался выстрел, означавший тревогу. Бежавшие направились в разные стороны.

Немедленно во все концы России дано было циркулярно извещение о побеге и сообщены приметы бежавших. Двое из последних через несколько дней попали в руки полиции, но через короткое время освободились... каким путем, об этом умолчим, дабы не компрометировать того урядника, который, наверно, никому не рассказывает, как он упустил двоих из «одинадцати».

Не обошлось и без курьезов: двое бежавших пролежали целые сутки в поле недалеко от тюрьмы и имели удовольствие видеть суету, поднятую надзирателями после того, как они хватились.

После того, как беглецы были доставлены «по назначению» (часть уже находится за границей), Киевский Комитет Партии и организация «Искры» издали сообща (печатную) прокламацию (от 27 августа), из которой извлекаем следующие строки:

«Сидение по 2—3 года в тюрьме, долголетнее прозябание в далекой ссылке не может иметь места в настоящее время, когда все кипит, все волнуется, когда каждый революционный работник имеет перед собой широкое поле для плодотворнейшей деятельности. Побег из Сибири и тюрем учащаются и начинают принимать массовый характер. При чем беглецов вынуждают к этому не тяжести ссылки и тюремной жизни, а жажда кипучей деятельности, желание принять снова участие в горячей борьбе переживаемого момента. И вот в вечер 18 августа из Киевской тюрьмы был совершен чрезвычайно смелый и остроумный по замыслу побег 11 человек (следуют фамилии). При этом организацией были употреблены все усилия, чтобы бегство обошлось без малейшей капли крови со стороны тюремной стражи, что, к счастью, и увенчалось полным успехом. Кроме средств, отпущенных из соответственных сумм организации, было собрано с этой специальной целью среди общества — 1.795 руб.

«Все это за крайне малый промежуток времени. Цель отовсюду вызвала живейшее сочувствие и энтузиазм, что наиболее ярко указывает на то враждебное отношение, которое встречает русское правительство. Киевский Комитет и организация „Искры“ считают нужным в особенности отметить чрезвычайно ценное участие общества, выразившееся в полном содействии многим важным конспиративным мероприятиям настоящего дела. Только при полном сочувствии всех честно мыслящих общественных элементов возможна победа над русским самодержавием, а это сочувствие мы видим только на стороне революционной партии.

«Да здравствует рабочее дело!

«Киевский Комитет и организация „Искры“ Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Киев, 27 августа 1902 года».

Прибавим, с своей стороны, что возвращение посланных и заключенных революционеров в ряды действующей армии потребовало от нашей организации и будет еще требовать больших денежных средств. Читатель представляет себе, что значит работа «на нелегальном положении». Организация «Искры» надеется, что лица, сочувствующие ее деятельности, дадут ей возможность обеспечить этой работе благоприятные условия. Только при энергичной поддержке со стороны всех, сознающих настоятельную необходимость создания сильной революционной организации, сможет правильно функционировать такая организация, немислимая без значительного числа «нелегальных».

Побоище в Одесской тюрьме.

В ряде сообщений из Одессы нам пишут о сценах, разыгравшихся в местной тюрьме в начале августа. Около 150 политических заключенных мужчин постепенно прикнуло к «голодовке», требуя, чтобы их товарищ, бывший студент Кочурьян, заболевший двусторонним плевритом, был перевезен в больницу вне тюрьмы для производства операции (на этом настаивал тюремный врач Стадлицкий, но комиссия из полиц. врачей постановила считать К. здоровым; Стадлицкий в виде протеста вышел в отставку). В тюрьму были введены две роты солдат, к заключенным применены разные репрессивные меры. На 11 день голодовки несколько мнимых «зачинщиков» были увезены в один из участков. Товарищ Гинзбург (арестов. в Елисаветграде в феврале 1902 года) отказался пойти добровольно, его стали «тащить». Гинзбург оказал весьма энергичное сопротивление: несмотря на долгое голодание, он один оборонялся против нескольких палачей, которые наносили ему жестокие удары. В глубоком обмороке он был вытаскен в коридор. Сцена в камере Гинзбурга вызвала «бунт» во всей мужской тюрьме: заключенные уничтожили все в камерах, стучали... В ответ на это разъяренная свора солдат и надзирателей ворвалась в оди-

ночки и стала производить методическое избиение. Одному заключенному (туберкулезному) болгарину пробили ключами голову, пострадали еще Штернберг, И. Ройзман, рабочий Анисимов и другие. Некоторые покушались на самоубийство, но неудачно... Заключенные женщины разбили стекла и стали звать на помощь. Все это вызвало страшное возбуждение среди уголовных арестантов, которые произвели разгром в своих камерах и бросали тяжелыми предметами в солдат и надзирателей.

Всей бойней распоряжались бывшие в тюрьме тов. прокурора палаты Поллан и исп. должн. градоначальника Старков. Бойня была подготовлена — был наряжен усиленный состав тюремной стражи. Все это происходило 7 августа.

Результаты этой «Варфоломеевской ночи» таковы: 35 человек развезены по провинциальным тюрьмам: в Ломжу, Седлец, Вильну и Гродну, оставшимся даны некоторые «послабления», уголовные же подверглись варварской порке.

В письме одного заключенного указывается на то, что местные организации слишком поздно — уже через несколько дней после избиения — издали прокламацию по этому поводу, а между тем, общество с самого начала голодовки было в напряженном настроении. С другой стороны, социалисты-революционеры в одном листке (из матер. «Рев. Росс.» № 74) сопровождают свой рассказ такими словами: «больные, истерзанные и униженные, они ждут, что рука карающая заглядит новые раны». Мы думаем, что соц.-рев. опять «не в то место попадают». Найдется ли карающая рука, чтобы ответить за насилие «Варфоломеевской ночи» или нет — эти насилия останутся совершенными и повторение их в другом месте — одинаково возможным... до тех пор, конечно, пока будет продолжаться нынешний режим. Вместо того, чтобы толковать о «карающей руке», следовало бы подумать о том, почему так часто местные революционные организации оказываются не в состоянии оказать поддержку акту протеста своих заключенных товарищей? А ведь только при такой поддержке «с воли» такие акты протеста смогут оказать серьезное агитационное влияние, и без такой поддержки все участвующие тюремные «голодовки» рискуют потерять значение, как средства вынудить у притерпевшегося к ним начальства какие-либо уступки.

Странное дело: вечно толкуют нам о возможности — даже при терроре — сохранить связь революционеров с массой, а между тем, каждый раз, как практика показывает «маленькие недостатки механизма», действующего на массы, мы слышим вздыхания о «карающей руке».

С своей стороны, мы еще раз скажем товарищам: развивайте организацию, усиливайте ее воздействие на широкие слои населения, и тогда акты «борьбы в тюрьме» станут тем, чем они должны быть, — эпизодами нашей борьбы «на воле».

В окрестностях Риги имеются городские земли, захваченные денежными тузами города. Обыкновенно эти тузы состоят и членами городского управления. Эти земли 30 лет тому назад представляли из себя или пустыню или болото. При начинающемся промышленном росте города и дороговизне жизни рабочим в городе являлось очень обаятельным приобрести «свой уголок» неподалеку от места работы. Это стремление обзавестись своим уголком было быстро понято владельцами капиталов, и городские земли были сняты ими в аренду на 99 лет и т. п. Уже от себя эти крупные владельцы стали сдавать эту землю рабочим — обыкновенно одно «пурное место» (½ десятины). При полном отсутствии возможности обзавестись своим углом как-либо иначе, рабочий быстро залез в лапы владельцев. Забыли о том, что земля отдана в аренду на сроки, гораздо меньшие, чем владельцам, что по истечении сроков владельцы имеют «законное право» повышать как угодно арендную плату, а при случае просто согнать арендаторов-рабочих. Началась деятельная работа по приведению в порядок снятых участков. В настоящее время уже нет ни пустырей, ни болот: все сравнено, осушено, унавожено; везде стоят домики с огородиком и садиком. Одновременно проснулись аппетиты гг. «владель-

цев», арендная плата быстро повысилась. Земли отдавали на таких условиях: три-четыре года бесплатно, а потом по 6 руб. за пурное место (сами владельцы платят по 6—9 руб. за десятину). В настоящее время тем, у кого кончается аренда, предлагают заключать новые контракты по 15—30 руб. за пурное место. В случае несогласия процесс очень прост: оценивают дом, приезжает пристав, описывают все и предлагают убраться. При упорном несогласии является полиция, дом ломают — и дело сделано. Встревая рабочие начали подавать просьбы городу, чтобы сам город отдавал земли в аренду. Город ужаснулся отсутствию законности у рабочих: как можно просить отнять у владельцев землю, заарендованную ими на 99 лет (раз платят арендные деньги). Обратились с прошением на высочайшее имя. Увы! Высочайшее имя не отозвалось (хорошо еще, не выдрало нагайками!). А время шло, и никому не хотелось уходить с насиженных мест. В мае 1902 г. приехал к крестьянину Карлину судебный пристав с приказом выселиться с земли, арендуемой г. Гакеном (член управы). Крестьянин, поддерживаемый соседями, не уезжал. 4 июня явился пристав Цитович, 1 московского участка, 6 околоточных надзирателей, 40 пеших и 10 конных городовых. Собрались и соседи, человек 15; кроме того, собралась большая толпа народа — зрителей, явно сочувствующих выселяемому. На сопротивление полицейские ответили силой, били нагайками, кого попало. Пристав Цитович вышел полным победителем из боя, и, вероятно, этой его заслуги не забудут рижские рабочие.

13 июня предполагалось выселять крестьянина Зиверта с земли того же владельца. Отличившийся пристав естественно был во главе команды, усилившейся уже до 8 околоточных, 60 пеших и 10 конных городовых. Явились в 11 часов утра, истоптали все овощи в огороде, вынесли из дому мебель и начали ломать строение. Хозяина не было дома. Бревна и доски вывозили слуги Гакена в его усадьбу. Между полицией, насильничавшей над зрителями, и слугами Гакена, с одной стороны, и соседями выселяемого и публикой, с другой — поднялась драка. Был страшно избит крестьянин Янсон, ударивший вилой слугу Гакена. По приказу пьяного уже пристава, избитого крестьянина снова приволокли, снова били и бесчувственного отправили в участок. В доме, куда спрятался этот крестьянин, был страшно избит какой-то старик. Победа в 6 час. вечера снова за Цитовичем. Наступает очередь конца аренды других. Урок, данный полицией, надеемся, не пропадет даром. Вероятно, арендаторы теперь будут знать, что можно ждать от высочайшего имени.

От редакции. Обращаем внимание читателей на то, что факты, здесь описанные, не представляют чего-либо, знакомого одной только Риге. В массе русских городов происходит такая же, или подобная, беззастенчивая спекуляция общественными землями со стороны капиталистов, в руки которых самодержавие отдало заведывание городским хозяйством. Всюду можно отыскать глупое недовольство беднейших жителей города той эксплуатацией, которая вырастает на этой почве. Соц.-дем. организациям следует пользоваться всеми этими поводами недовольства и развить планомерный протест бесправного городского населения против современных «отцов города» и против полицейской системы, на которую они опираются.

Поучительные прения. В заседании Нижегородского Уездного Комитета о нуждах сельской промышленности зашла речь об отмене выкупных платежей — этой дани, которую уже 42 год уплачивают русские крестьяне за полученную ими часть их собственной земли. Предложение ходатайствовать об отмене было принято, однако, не без противодействия со стороны ревнителей помещичьих интересов. Один из них, г-н Н. Н. Каргер, заявил, что «отмена выкупных платежей несправедлива по принципу», а другой, г. Н. П. Шеглов, «указал, что часть крестьян в настоящее время уже выкупила свои наделы, и если остальным крестьянам простить (курсив наш) выкупные платежи, то этим выкупившимся крестьянам внешние ими платежи надо по справедливости возвратить».

Ценные указания для революционеров заключаются в этих помещичьих заявлениях. Да, это верно, что отмена выкупных платежей «несправедлива» с точки зрения «принципа»... принципа крепостного строя, того принципа, который положен был в основу препрославленной «крестьянской реформы» 1861 г. Этот крепостнический принцип требовал, чтобы сословие душевладельцев было вознаграждено за потерю «законного» права на львиную долю труда крестьян. Проведенный в положении 19 февраля, этот крепостнический принцип наложил свою печать на все дальнейшее развитие русской жизни, и выкупные платежи до сих пор служат как бы выражением этого крепостнического «принципа», принципа гражданского бесправия стомиллионной крестьянской массы, обложенной особыми платежами, судящейся особым (волостным) судом, подчиненной особым (земским) начальникам, ведущей свои хозяйственные дела на основании особых законов. Через 40 слишком лет после «освобождения» крестьян, последние являются в России не полноправными гражданами, а бывшими рабами, и выкупные платежи являются одной из печатей этого вчерашнего рабства.

Но то, что представляется «несправедливостью» с точки зрения крепостнического «принципа», то является требованием справедливости с точки зрения принципа демократического, принципа гражданского равенства, принципа личной свободы. И первым делом освобожденной России должно быть уравнивание крестьян в правах с остальными сословиями (следовательно, уничтожение сословий) и окончательное освобождение крестьян от крепостной зависимости, которая продолжает сказываться, между прочим, и в выкупных платежах.

Когда г-н Шеглов говорит, что несправедливо «прощать» крестьянам невыплаченную ими цену их освобождения от помещиков, он проговаривается очень удачным словечком. Да! Для помещиков и помещичьего правительства крестьяне все еще «виноваты» тем, что экономическая необходимость вынудила 40 лет назад отказаться от крепостного права, и, конечно, ростовщическая «справедливость» правящих классов не допускает и мысли о «прощении» хотя бы гроша той пени, которую они получили с крестьянства за эту его «вину».

Если г. Шеглов беспокоится, что отмена выкупных платежей будет несправедливой подарком только тем крестьянам, которые еще не погасили их, тогда как крестьяне, уже выплатившие выкуп за землю, останутся обделенными, то — по нашему мнению — есть простое средство избежать этой «несправедливости»: возвратить всему сельскому населению в общественное пользование (напр., на культурные и благотворительные нужды деревни) все суммы, собранные государством в виде выкупных платежей. Государство, уплатившее дворянам-землевладельцам в счет этих платежей сотни миллионов постыдного вознаграждения за отказ от рабовладельческих прав, сумеет выискать обратно с этого сословия эти суммы, которыми воспользуется все нынешнее сельское население для исцеления тех язв крайней нищеты, невежества и одичания, которые привиты ему грабительской политикой самодержавия.

Курск. Август. В виду ожидаемого в Курске приезда царя, принимаются экстраординарные меры охраны. На главных улицах полиция запечатывает подвальные помещения (не те, конечно, которые заняты винными погребами, а где ютятся слесарные и т. п. мастерские). Из тех подвалов, где вместе с мастерскими находятся и жилые помещения хозяев, последним велено временно убраться. Запечатано, между прочим (если только это не шутка, пущенная в оборот каким-нибудь юмористом-обывателем), неизвестно по каким мотивам, и несколько голубятен в слоб. Казацкой, на территории которой состоит царский смотр войскам.

Жандармская комиссия не ограничивается главными улицами, на которых, кроме подвалов, в некоторых домах были осмотрены и квартиры верхних этажей, и распространяет свое внимание и на боковые улицы. Было произведено несколько обысков. Между прочим, у административно-высланной Ермоловой.

Был обыск у прислуги гостиницы Бель-Вю, один из лакеев которой арестован по доносу... неперменного члена губ. по земским и городским делам присутствия г. Вишневого. Дело было так. Кто-то из останавливавшихся в гостинице забыл в номере нелегальную брошюру. Брошюра попала к лакею, была прочитана, видимо, всей прислугой гостиницы, пока не попала, наконец, в руки горничной, прислуживавшей г. Вишневскому. Горничная забыла книжку на столе у барина, барин нашел и по долгу присяги донес в участок. В результате — лакей сидит в тюрьме, а барин, надо думать, радуется, что одним крамольником меньше стало. Стыдно, г. Вишневский!

Во время торжественного следования царя по Московской улице из окон домов разрешено смотреть на процессию только тем, кто получит на это специальные билеты за подписью губернатора. Знакомых в этот день приглашать к себе не велено, в чем и отобраны соответствующие подписки. Еще курьез (не ведают, что творят!): организация добровольческой охраны высокой особы царя поручена местному отделению общества... покровительства животных.

20 августа состоялось заседание дворянского депутатского собрания, на обсуждение которого был поставлен вопрос, не следует ли представителям курского дворянства так или иначе выразить свой протест по поводу инцидента с суджанским предводителем дворянства А. В. Евреиновым. (Г. Евреинов, вызванный, как известно, в департамент полиции, был принят министром внутр. дел, от которого и получил в крайне грубой и резкой форме вৃшение по поводу составленной им и принятой Суджанским уездным комитетом о нуждах сельско-хозяйственной промышленности либеральной программы работ. По представлению того же министра, за свою программу г. Евреинов получил затем и «высочайший выговор»). Формой протеста депутатскому собранию было предложено избрать заявление всех уездных предводителей дворянства Курской губ. об отказе от председательствования в уездных комитетах о нуждах сельско-хоз. промышленности. Предложение это, однако, не прошло, и представители дворянства ограничились лишь тем, что написали г. Евреинову коллективное письмо с выражением соболезнования и недовольства на неуместное и неприличное поведение г. фон-Плеве. Как слышно, предложение о выражении протеста, может, и было бы принято, если бы о нем заранее не проведал губ. предводитель дворянства шталмейстер Дурново. Последний нашел, что выражать протест перед приездом государя неудобно. Кроме того, царь, наверное, осчастливит представителей верного курского дворянства пожалованием камергерских ключей для ношения на установленных для того местах и т. п. милостями. В случае же выражения протеста коллегам оскорбленного А. В. Евреинова от надежды получить эти милости придется отказаться. «Лукавый царедворец» достиг цели, и поруганный царским слугой представитель благородного дворянства остался неотмщенным.

Крови, крови!

Английский «Times» сообщает, что между харьковским губернатором кн. Оболенским и мин. юстиции Муравьевым произошло столкновение по вопросу о приговоре, который должен постичь рабочего, стрелявшего в князя-секундатора. Муравьев-де против смертной казни, князь же за нее. «Повесили для фон-Валя, повесьте и для меня», — просит добрый князь. В самом деле: для полного блеска карьере кн. Оболенского не хватает только виселицы. Пересечь сотни крестьян — это сумеет сделать любой полицейский; получить по шее от «боевой организации» — это уже редкая удача; но только труп революционера может поднять «престиж власти» на должную высоту.

Добрый Муравьев напрасно старается вырвать из рук харьковского сатрапа его «законную» добычу. Невозможно не повесить одного человека за легкую контузию на губернаторской шее, когда только что повесили троих за убийство «простого» городского Лагутина. Повесили, несмотря на несовершеннолетний возраст обвиняемых;

повесили, несмотря на поданные осужденными просьбы о помиловании. Николай II отослал эти просьбы на усмотрение донского наказного атамана, а последний решил, что повесить необходимо. Николай II решительно входит во вкус человеческой крови. Пять смертных казней в 4 месяца — такой «урожай» был редким и для «незабвенного родителя»!

Романовы в роли приобретателей.

Крым. Здесь много говорят о новых подвигах великого князя Александра Михайловича по части «округления» своих владений. Этот царственный рыцарь первоначального накопления давно уже заглядывался на землю, смежную с его имением «Ай-Тодор» и принадлежащую обществу Гаспринских татар. Само собой разумеется, что, если бы татары были немножко более «патриотами», они догадались бы преподнести царскому зятю предмет его вожделений; но татары не оказались на высоте положения. Делать нечего — пришлось покупать. Однако, покупать землю по их настоящей цене (от 3 до 7 тысяч за десятину) великий князь все-таки считал ниже своего достоинства.

Старики гаспринского общества были подкуплены, остальное довершили угрозы, и земля была куплена по 600 руб. десятину. Но этого еще мало. Отняв у татар землю, великий князь пожелал избавиться и от самих татар, т. е., другими словами, от соседства целого селения Гаспры. Ведь «они» невоспитаны, живут грязно, среди них свирепствуют разного рода эпидемии, а тут семья, дети, того и гляди кто-нибудь заразится. Нет, уж лучше подальше от этих соседей. И подобно щедринскому дикому помещику, его высочество решил, если не совсем истребить, то, по крайней мере, изгнать «мужика». Попытки привести это решение в исполнение были уже сделаны. В свой последний приезд в Гаспру таврический губернатор убеждал гаспринцев переселиться подальше в горы, великодушно предлагая правительственное пособие в размере... 10—15 руб. на двор! Само собой разумеется, что гаспринцы не соблазнились подобными «щедрими» посулами и в самом предложении помощи склонны скорее видеть насмешку, чем искреннее желание помочь. Но губернатор угрожает непокорным татарам насильственным переселением. Поживем — увидим.

В Москве произошел курьезный инцидент, показывающий, к каким комичным случаям может приводить полицейский произвол на нашей бесправной родине. В июле на одной из улиц Москвы, по приказанию обер-полицеймейстера, был арестован... кто бы вы думали, товарищи?... подольский губернатор, камер-юнкер, статский советник Эйлер. Дело было так. Губернатор с дочерью шел по улице. Навстречу ему мчался Трепов. Желая быть по возможности менее обрызганным грязью из-под шин полицеймейстерского экипажа, губернатор (бывший, к слову сказать, в штатском платье) слегка ударил тростью пристяжную. Г. Трепов в этом деянии усмотрел оскорбление собственного величества и ничтоже сумняшеся кратко приказал постовому городскому: «взять!». Исполнительный городской тотчас подскочил и потащил. Г. Эйлеру за 3 руб. удалось выкупить дочь (это еще не дорого, г. Эйлер!), сам же он вынужден был последовать за городским в участок. Пришли. Как водится — протокол. «Ваше звание?» Следует полный титул. Картина. Трясущейся рукой помощн. пристава звонит в телефон. — «Соедините с обер-полицим!». Через несколько времени прилетает смущенный, сконфуженный Трепов. «Простите, вашево! Ах, какое неприятное недоразумение». — «Не смущайтесь, генерал, я вполне понимаю ваше распоряжение, но и вы, конечно, понимаете, что об этом неприятном недоразумении я не могу не довести до сведения его высокопревосходительства г. министра...».

Дешево отделались, ваше превосход.! Наш брат, рабочий, так бы легко не отвертелся.

Пермь. У нас жандармы выдумывают дело за делом... 15 июля в Мотовилихинском заводе ночью была подброшена граната управляющему сборным цехом инженеру Назарову. Вместо Назарова пострадал ночной сторож; его ранило в шею (теперь в больнице). Арестовали проходивших мимо 3 рабочих: Постоногова, Мальцева и Дудина. Сначала арестованные сидели в общей камере, но после допроса их рассадил по одиночкам. Значит, — вздумали придать делу политический характер.

20 июля в Красноуфимском уезде в Саранинском заводе арестовали псаломщика Н. Г. Ряпасова и 3 рабочих: один из них, будто бы, выдал Ряпасова, а двое других притащили книги, данные им, будто бы, Ряпасовым. Все находится в Красноуфимской тюрьме.

Со 2 августа политические заключенные в Пермской тюрьме (из февр. и март. арестов) голодали 8 суток, требуя отмены одиночки и совместных прогулок, т. е. следствие закончено. Общество волновалось. Обращались к губернатору с просьбами похотатайствовать об удовлетворении требований заключенных. По городу разбрасывались листки о голодовке, от родных посылались телеграммы в Петербург.

Теперь голодавшие переведены в общую палату больницы, а на их место в одиночки посажены другие...

10 августа сняты полетела жандармерия с обысками и на этот раз к железнодорожным... Арестованы: Матвеев, Каменев и Еленов. Причина обысков и арестов неизвестна. При обысках ничего не нашли. Из сидевших по «учительскому» и Добрянскому делу 7 выпущено в конце июля и немедленно высланы из Перми: Бокова, Глушков, Лихачев, Коптевский, Мостовенко, Левин и Булатов, остальные (Рутман, Владимирский, Ставровский, Трапезников и супруги Ягодниковы) сидят, жандармы обещают не выпустить до приговора.

Феодосия (Крым). 24 июля 1902 г. в г. Феодосии местной рабочей организацией были впервые распространены прокламации к рабочим, в количестве 450 штук. В прокламациях выяснялось значение борьбы, в которую вступил русский рабочий с капиталистом и царским правительством.

Прокламации были распространены очень удачно. По всем слободам были разбросаны во дворах, а также расклеены на стенах многих зданий. На местную табачную фабрику Стамболи прокламации были доставлены в количестве 48 штук. Побывали также прокламации на механическом заводе Наделя, в железнодорожных мастерских, на кирпичных заводах (2) и пр. — всюду вызывая оживленный обмен мыслей.

На одном из кирпичных заводов (Французск. общ.) прокламации вызвали забастовку. Рабочие добились небольших уступок. Местной же организацией были распространены листки, перепечатанные с издания «Петербургского Союза Борьбы» — «О том, как берут с нас незаметно налоги», в количестве 150 шт. Об этих листках точно также говорилось очень много. По мнению одного лодочника, — «быть сегодня бунту». На вопрос — почему? — лодочник ответил, что студенты будут требовать понижения цен на продукты, которые у нас стоят дороже, чем за границей, а потому и недоступны для рабочих.

Листки и прокламации были также разбросаны на базаре, где они читались громогласно, и обладающий листком вступал в пререкания с полицией, прежде чем отдавал листок городскому. В эту же ночь были распространены в уезде 300 шт. прокламаций к крестьянству. В них указывалось на бедственное положение крестьян, как следствие грабежа помещиков и правительства, которое, давши ничтожные надель, сглато выколачивать последние гроши из крестьянского кармана непомерными налогами и платежами.

Прокламации везде читались с большим интересом. Соседи собирались вместе, вслух читывалась прокламация, а потом слышались возгласы: «верно», «так оно и есть» и т. д.

В ту же ночь была разбросана «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого, в количестве 150 шт., на задних рядах ла-

геря. Утром много солдат прочли и стали рассуждать о прочитанном. Только часов в 10 или 11 было доложено дежурному офицеру, который распорядился отобрать книжки у солдат. Солдаты остались недовольны только тем, что брошюры не то писаны, не то печатаны (гектографированы).

Местные власти всполошились. Вызван жандармский генерал из Симферополя и жандармский полковник из Керчи, которые на месте изучают «дело». Был губернатор, объезжал уезд и говорил речи. Было несколько обысков, которые ни к чему не привели. В город присланы новые шпионы. Кстати, можно упомянуть о шпионской системе, которой держится жандармерия в Крыму. Шпионы долго не засиживаются в одном городе, чтобы не обратить внимания местных жителей. Перед 1 мая было 25 обысков в одну ночь. В обысках принимали участие пристав и полицмейстер.

В г. Ялте умер Г. В. Зуев, инициатор и организатор местного рабочего движения. Смерть его вызвала много знаков сочувствия как в местном обществе, так и в периодической печати — «Спб. Велом.», «Южн. Кур.» — и др. газетах, в которых он сотрудничал. Несмотря на сдвигивание его चाहотку (от которой он и умер), Г. В. почти до самого конца принимал горячее участие в местной работе, служа блестящим примером для всех товарищей. Пусть будет легка ему земля!

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Путивля, Курск. губ., сообщают: недавно в с. Крупец приезжал путивльский исправник, который собрал сходку и сказал речь в том духе, что теперь есть злые люди-студенты, которые распространяют «пропаганду». «Так вот вам, ребята, правительство доверило охранять самих себя, и вы постойте за себя и за батюшку-царя. Ведь вы знаете, что мы им держимся и без него пропадем». И еще говорил много, много в том же духе... Однако, «пропаганда» путивльского исправника достигла совершенно противоположных его намерениям результатов. После речи блюстителя порядка один дед, по прозвищу Корчага, так остервел, что если бы сам поп заикнулся про студентов, то Корчага и попа бы растерзал.

По слухам из Полтавы, надо ожидать новых крестьянских волнений. В страдную пору в некоторых местах крестьяне поголовно отказывались от уборки помещичьего хлеба, несмотря на высокую плату, которая им предлагалась. За уборку десятины давали по 15—17 руб. — «Уберите сами, — говорили крестьяне нанимателям. — А не можете, так не жадничайте и сейте столько, сколько ваши бабы могут убрать», — это помещицы-то. В настоящее время полтавцы принялись, повидимому, своеобразно применять свою трудовую теорию на деле: по весьма достоверным слухам, крестьяне жгут помещичий хлеб. Палить панскую пшеницу они обещали еще вскоре после экзекуций бывшего губернатора Бельгарда. Теперь они сдерживают свои обещания.

Неспокойно и в Суджанском уезде, Курск. губ. Крестьяне раздражены мерами, принимаемыми в виду маневров. Так, между прочим, крестьянам велено довести проселочные полевые дороги до узаконенной ширины. Для этого пришлось скашивать еще недозревший хлеб, посеянный по краям дорог. — «Еду я, — рассказывал один помещик, — и вижу, как крестьяне, иные со слезами на глазах, косят зеленый хлеб. — „Что вы делаете, — спросил я, — с ума, что ли, сошли?“ — Что делаем? — ответил один из косцов. — А вот дороги прокладываем, по которым, как царь уедет с маневров, бунт пойдет. Дорогу, значит, для бунта».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Еще стачка у белого царя. В Ливадии в середине августа началась стачка рабочих, занятых малыми работами. Требование — повышение заработной платы. Стачечники держатся стойко целую неделю. Характерно, что забастовка в царском имении происходит теперь как раз накануне приезда Николая II, когда в имении идут самые спешные работы.

В Симферополе — в ночь с 8 на 9 августа и днем 9-го — произведено 11 арестов и много обысков. Взято 3 портных (из них Мышкин — во второй раз, первый — в Киеве), 2 столяра, 2 сапожника, 1 модистка, 1 папиросница, 1 иконописец, 1 массажистка. Из них 9 человек арестовано за городом. Окруженных 30—40 городовыми, их привели в город, и весь следующий день водили то того, то другого в жандармское управление, в участки, в полицейское управление, на квартиры для обыска и т. п. В любое время дня можно было натолкнуться на такую процессию. Таким образом, всполошился весь город и даже вышла своего рода демонстрация. Сочувствие всеобщее, даже среди самого консервативного еврейского купечества (большая часть арестованных — евреи). Много пожертвований и добрых пожеланий. Из арестованных одного выпустили на следующий день, а всех остальных перевели в губернскую тюрьму. В общем, надо признать, что жанд. генерал Трубников, руководящий военными действиями против социалистов, на этот раз потерпел неудачу: 1) он не разбил и даже не нанес значительного вреда организации, 2) он упустил одного намеченного им субъекта, как ни старался словить его; сделал обыски в нескольких домах, между прочим, в городской еврейской больнице, требуя выдачи ему «важного преступника», поставил специальных шпионов на всех выездах из Симферополя, и все-таки... не словил его. Уже второй раз в этом году (в мае и августе) делает Трубников набеги на организацию, но каждый раз его неудачи только усиливают ее нравственно и увеличивают ее влияние.

Симф. С. - Д. Раб. Союз.

Одесса. К нам приехали члены Еврейской Независимой Раб. Партии. Встретили их не очень-то дружелюбно, на другой же день по приезде одного из «независимых» жестоко избили. На устраиваемые ими собрания рабочие не идут, т. к., говорят они, «с шпионами жандармского управления и Зубатова не желаем иметь сношений». На-днях «Южная Революционная Группа Социал-Демократов» выпустила, по поводу приезда «независимых», прокламацию под названием «Новые союзники самодержавия», которую в громадном количестве распространила среди рабочих...

В чайной развесной Высоцкого продолжают рассчитывать рабочих мужчин, и взамен их нанимаются девочки-подростки, с платой 5—7 р. в месяц. Каждому рабочему при расчете выдается трехмесячное жалованье, и этим дирекция обезопасила себя от стачки, т. к. оставшиеся рабочие, из боязни лишиться наградных денег при расчете, не желают бастовать. Мне рабочие говорили, что посредством замены мужчин девушками дирекция получит ежегодный доход 25—30.000 руб. Хитроумная дирекция, рассчитав рабочих, обрекает их этим чуть ли не на голодную смерть.

Обыски и аресты продолжают. На прошлой неделе арестовано 4 девиц и 3 мужчин. Большинство арестованных рабочие.

Другой корреспондент сообщает: председателем в кружке «зубатовцев» состоит елисаветградский жанд. полковник. В конце июля бастовала табачная фабрика Бабадылы (160 ч.): стачечники требуют уменьшения рабочего дня, повышения заработной платы и лучшего обра-

щения. Возмутительные условия царят на фабрике Вальтуха (500 рабочих): обращение зверское; особенно отличается заведующий фабрикой Атливаник (один из столпов местных сионистов) и мастера — Ройтман и Табачников (бывший полицейский надзиратель).

Тифлис. После маевки 1901 года, когда рабочие прошли через весь почти город с развевающимися знаменами, революционное настроение у нас все повышается. Уверенный в наличии благоприятной среды, местный Комитет Партии развил в течение нескольких месяцев громадную организаторскую и пропагандистскую работу. Появилась — на грузинском языке — газета («Борьба») и несколько переводных брошюр. Прекрасно написанные прокламации выходили на русском, грузинском и армянском языках и заполняли все кварталы Тифлиса. Ежемесячно выходили отчеты рабочей кассы. Влияние пропаганды Комитета отразилось и на других общественных элементах. Учащаяся молодежь сделала попытки создать организацию, обнимавшую все, довольно большое, число тифлиских средне-учебных заведений. В издававшемся ею бюллетене общество освещалось о ходе студенческих волнений. За подписью «Комитета тифлисской учащейся молодежи» было выпущено несколько уже отпечатанных бюллетеней, касавшихся той системы забивания личности учащегося, которою правительство думает создавать себе рабов.

Жандармерия, успокоившаяся, казалось, на той добыче, которую она захватила весной 1901 года и которую терзает до сих пор (Франческо, Курнатовский и др. сидят уже больше года без приговора), увидела, что срезать колосья не значит сделать бесплодную почву, на которой они выросли. Решено было переменить тактику. — «Мы — друзья ваши: обращайтесь к нам», — сказала рабочим-стачечникам один из жандармских деятелей. Но надо было видеть то смущение и растерянность, которые охватили жандармское управление при виде сотни рабочих одной табачной фабрики, явившихся просить у начальства поддержки их борьбы против эксплуатации... После недолгих переговоров рабочие ушли, вероятно, сильно разочаровавшись в силе жандармов.

Пользуясь смешанным составом рабочих, особенно в железнодорожных мастерских, где много пришлых русских, жандармы вздумали поиграть на струне «национализма», но и это им плохо удалось. Толки о «грузинском царстве», за которое будто бы борются грузинские рабочие, не могли поддеть никого, кроме маленькой кучки пришлых русских, предводимых изменником С.

Весною, перед 1 мая, были произведены аресты. В тюрьме сидело до 80 человек — рабочих и интеллигентов, в том числе 2 гимназиста. Спустя месяц многих стали выпускать, но в городе никого не оставили.

Потеряв много деятельных работников, организация осталась в довольно тяжелом положении. Разросшееся шире движение требует много интеллигентных сил. Но Тифлисская организация оправилась от этого удара. С июня Комитет опять начал выпуск бюллетеней. А жандармская тактика и аресты озлобили рабочих и оставили след в том смысле, что с этого времени начинается хроническое избиение шпионов. Не проходит нескольких дней, чтобы не был избит провокатор... Это закончилось убийством в начале августа мастера Платто. Ни один из участников ни избиений, ни убийства не найден. В озлоблении рабочих виновата жандармерия, которая, не довольствуясь тем, что продлевает на «воле», задумала мстить заключенным. Она решила, что слишком много света и воздуха льется в камеры заключенных, и потому полковник Девилль отдал приказ закрыть окна колпаками. Товарищи, из которых некоторые томятся год в ожидании приговора, решили протестовать и сбили все колпаки сразу. Тюрьма была объявлена на военном положении. Колпаки восстановлены. Заключенные, которые за недостатком места, сидели вместе, рассажены в одиночки, лишены выписки припасов, свиданий, переписки, прогулки. Из камер все вынесено, кроме привинченной постели.

Хлудовская мануфактура (Смоленск. губ.). Общество для борьбы с крамолой.

В конце великого поста на фабрику явился человек 20 жандармов и произвели обыск у многих рабочих. На мосту, среди бела дня, они арестовали бывшего студента и жители фабрики. Арестованный выбросил из бокового кармана пальто пачку бумаг в реку. Пачка эта моментально была поймана спустившимся туда на лодке жандармом. Арестованный студент служил уже несколько месяцев на фабрике рабочим и перед арестом только что приехал из города и передал фельдшернице письмо ее подруги. Вслед затем был произведен обыск в квартире фельдшерницы, которая, увидав жандармов, испугалась, растерялась и стала звать на помощь. На ее крики прибежал коллега-фельдшер и стал кричать на жандармов, те напомнили ему, что он, по закону, должен остаться до конца обыска. Фельдшер не хотел и вырвался, ударив одного из жандармов. Немедленно по телефону было предложено уволить фельдшера и в 24 часа выселить с фабрики. И только после выяснения полной невинности фельдшера, администрация больницы еле упростила простить фельдшера, который все-таки должен был извиниться перед жандармом.

После обыска фельдшернице, у которой ничего не было найдено, предложено было фабрикой немедленно удалиться за то, что она вышла совершенно правой из этой истории. Был арестован также и один прядильщик, который, впрочем, скоро был отпущен.

Во вторник на страстной неделе с колокольным звоном из церкви были вынесены иконы и хоругви и перед ними совершен был молебен об избавлении фабрики от грозившей напасти. При этом директор фабрики старался выяснить значение надвигавшейся грозы и предложил основать на фабрике общество охраны. Поп со слезами в голосе говорил о святости задач общества. Хозяин фабрики, с своей стороны, жертвовал выигрышный билет в пользу общества. Рабочие громко и дружно благодарили хозяина, и около 300 человек записались членами общества. С тех пор на фабрике усиленный надзор: усиленная стража при входах и выходах, ночные обходы казарм членами общества охраны и т. д.

Херсон. У нас есть фабрика Лермана, существующая лет 35. До 97 года условия работы там были прямо ужасные: работали 14—15 часов в сутки за ничтожную плату при весьма плохой гигиенической обстановке. С 97 года введен 11-часовой рабочий день, и, по жалобе рабочих, постепенно улучшаются гигиенические условия. В 1901 году введен даже 10-часовой рабочий день. Зато приблизительно с этого времени управляющим фабрики делается 19-летний сынишка г-на Лермана, тиран (рабочие так и зовут его) в полном смысле слова, который на каждом шагу оскорбляет и ругает работников, а особенно работниц. С 1901 года ко всему этому прибавляется еще постепенное понижение расценок многим рабочим.

Рабочие, между тем, становились все сознательнее и стали все более возмущаться выходками Лермана-сына. Серьезные стычки между г-м управляющим и рабочими все учащались. Особенно много стычек за последнее время происходило по следующему поводу: жара стояла тут невыносимая, рабочие открывали окна, но так как от этого сох табак, то г. управляющий запретил открывать окна. Рабочие же не слушались его и все-таки открывали. Происходили также стычки из-за выдаваемых к работе мелкого табаку и плохих гильз, которые очень легко рвались, так что рабочие должны были тратить напрасно много времени. Нужно заметить вообще, что больше всего стычек выпало на долю папиросного отделения. Более крупное столкновение произошло недавно из-за попытки Лермана снова ввести 11½-часовой рабочий день.

Рабочие не хотели работать 11½ часов и послали за инспектором. Вместо последнего явился какой-то помощник, который стал убеждать рабочих работать 11½ час., они-де ничего от этого не потеряют, а если они посмеют устроить забастовку (рабочие писали инспектору, что если он не придет, то они забастуют), их заберут в острог. Рабочие были возмущены инспектором и стали серьезно толковать о стачке.

На другой же день один папиросник открыл окно. Управляющий «приказал» закрыть, тот не послушался — и ему объявили расчет через две недели. Тогда все рабочие стали отдавать свои книжки, чтобы и их уволили в этот срок. В пятницу вечером было отдано более 150 книжек (вся фабрика, за исключением 4 старших мастеров и еще двух рабочих) с требованием расчета.

Рабочие выработали следующие 6 требований: 1) 10-часовой рабочий день; 2) надбавка: поштучным — по 5 к. на тысячу, а помесичным — по 2 рубля; 3) обеспечение работы на год; 4) удаление управляющего, сына-Лермана; 5) выдача мужчинам порций по фунту табаку в неделю и 6) гарантию на зиму определенного минимума заработной платы. Требования были отправлены инспектору и хозяину, но первый не явился. Надо сказать, что рабочие решили готовить во время 2-х недель по 5—8 сотен (вместо 5—6 тысяч) в день для того, чтобы к началу стачки истощился у г-на Лермана весь его запас, который и без того был ничтожен.

По окончании 2-недельного срока началась стачка. В первый день никто не явился на работу. На другой день приехало двое рабочих из Бессарабии и эти, вместе со старшими мастерами, пошли на работу и приготовили 5 пудов табаку. На 3-й день приехало еще двое рабочих, достали тут же на месте каких-то работников, и общими силами (работали сам хозяин и сын-управляющий) было приготовлено 15 пудов. Но, несмотря на это, г. Л. чувствовал себя очень плохо: со всех сторон требовали табаку, за 10 папирос 3-го сорта брали уже 4 коп. вместо трех, и он был принужден начать переговоры с рабочими. Он заявил, что удовлетворяет все требования, только исключает 22-х рабочих — «бунтовщиков». Рабочие и слушать не хотели об этом. На другой день он сдался. Все требования были удовлетворены, управляющий же остался, только обещано с его стороны вежливое, человеческое обращение. Весь город толкует о стачке и выражает свои симпатии рабочим.

Полиция и жандармерия, вследствие того, что стачка была устроена на «законной» почве, ничего не могли сделать. Г. Лерман, правда, очень уже умолял жанд. полк. арестовать кого-либо, да и охота помочь ему была у жандармов, но ничего нельзя было сделать. Позвали даже двух-трех рабочих — «сицилистов» в полицию, но ничего не получилось.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Б е ж а л и: из Верхотурска, Иркутск. губ. — Горвиц (по польскому делу) и Ципкины (из Вильны); из Котельнича. Вятск. губ. — Горбачев (по делу Пет. Союза Борьбы 1899 г.); из Вологодск. губ. — Лев Гаврилович Волков, рабочий, привлекавшийся впервые в Спб. в 1897 г., а второй раз — в Тифлисе (в тюрьме сидел 19 мес.); из Вологды — Станисл. Густ. Петрашкевич, бывш. студент, привлекался по делу Союза Борьбы в Спб. (1901 г.); из под надзора в Кишиневе — Полина Горлен (недавно привлекалась в 3-й раз по делу «Искры») и из Рязани — бывш. студ. Евг. Тарасов (по делу Спб. Союза Борьбы). Из тюрьмы в Александровске, Екатор. губ., бежал Наум Голуб (рабочий).

В Полтаве арестован загранич. студ. Сандомирский — отвезен в Спб.

Сослан в Вост. Сиб. по делу типогр. «Южный Раб.» Илья Виленский (просидел 25 мес. в одиночке). Туда же высылаются екатеринославские рабочие — Томигас, Кириллов и Лавринович (все сидели по два года) и бывш. студ. Сергей Харченко (просидел в Харькове 16 мес.).

ИЗ ПАРТИИ

Нам пишут из Петербурга.

Среди наступившего после весенних событий затишья весть о сближении «Искры» с «Союзом Борьбы» вызвала радостное и бодрое настроение среди петерб. рабочих.

За последнее время «Искра» приобрела среди передовых рабочих очень много приверженцев — ненавистников «экономизма» — и завоевала всеобщее сочувствие рабочей массы... Еще до того момента, когда стало окончательно известно, что сближение между «Искрой» и «Союзом» состоялось, рабочие открыто заявляли, что «если наш Комитет не объединится с „Искрой“, мы сами объединимся». Эти слова ясно показывают, по какому руслу течет мысль передовых рабочих: революционное настроение захватывает все силы рабочего люда, рабочие рвутся на борьбу с самодержавием... Нередко раздаются голоса рабочих на собраниях, что экономическая борьба нам ничего не дала... «Только тогда мы легче вздохнем, как свергнем самодержавного тирана...». В рабочих кружках редко слышны разговоры о «заработной плате» или о «прибавочной стоимости» — враг русского народа приковал все внимание пролетария... Перед первым мая настроение рабочих было резко-революционное: все рвалось на Невский, но... полнейшая дезорганизация и отсутствие прокламаций не дали возможности вылиться накипевшему протесту.

Не может быть никакого сомнения, что «Раб. Мысль» не отвечала даже скромным запросам массовых рабочих, искавших ответа на волновавшие всех события. А само «направление» «Раб. Мысли» дало основание рабочим высказывать подозрение, что «Раб. М.» играет в руку либералам... Отсутствие хорошей агитационной литературы, посвященной вопросам дня и освещавшей все стороны русской жизни, еще более усиливало этот крупный пробел. «Искра» безусловно могла бы уничтожить этот пробел, но, расходясь в очень незначительном количестве, «Искра» не могла удовлетворить назревшую потребность. Но, несмотря на это неблагоприятное условие, «Искра» оказала крупное влияние на петербургских рабочих.

Мне хотелось еще указать на те нападки, которые раздавались со стороны экономистов на недоступность «Искры» для рабочей массы. Не может быть никакого сомнения, что совершенно темный рабочий, никогда ничего не читавший, не разберется в «Искре»... Но «Искра» вряд ли может быть предназначена для таких рабочих; для этой цели существует агитационная литература в виде листов, брошюр и т. п. Являясь руководящим органом рабочей партии, «Искра» не может и не должна «подделываться» под понимание даже самых темных слоев рабочей массы, потому что для ее сознательной части «Искра» вполне доступна. Наоборот, приходится слышать жалобы, что в «Искре» нет, напр., научного отдела (конечно, по вопросам научного социализма и т. д.). Кстати, мне приходилось указывать, что этот недостаток в избытке удовлетворяется «Зарей», но... у нас имеются лишь единичные экземпляры. Журнал же, подобный «Заре», в настоящее время является насущной потребностью. Передовая часть рабочих не может удовлетвориться одной лишь «Искрой», и поэтому сплошь и рядом прибегают к легальной литературе, в которой безусловно царит буржуазное направление. «Заря» должна энергично противодействовать влиянию этого направления на рабочих. Таким образом, резюмируя все вышесказанное, мы приходим к тому заключению, что в настоящее время для русских революционеров насущной задачей является регулярное распространение (и безусловно в достаточном количестве) как газеты «Искра», так и журнала «Заря». Только при этом условии мы можем рассчитывать на успешный ход нашей революционной борьбы.

Киевским Комитетом за период с 1 марта по 25 июня издано 12 печатных прокламаций: 1) о демонстрации 2 февраля (в двух с половиной тысячах экземпляров); 2) о значении демонстраций (в двух с пол. тыс.); 3) к слесарям; 4) к столярам; 5) к рабочим стекольных заводов; 6) на первом мая (в двух с пол. тыс.), призывавшая к забастовке; 7) о том же, призывавшая к демонстрации (в 3-х тыс.); 8) к парикмахерам; 9) о крестьянских волнениях (в двух с половиной тыс.); 10) о казни Балмашева и Леккерта (в двух с пол. тыс.); 11) к рабочим завода Гретера и 12) к портникам и модисткам.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

В прошлом № мы сообщали сведения об Исааке Персице, который своим подозрительным поведением обратил на себя внимание товарищей в Швейцарии. В настоящее время нам доставлено печатное заявление от 22 августа 1902 г., подписанное тов. Штейном, Кармин, Диттлер и Глико, в котором сообщается, что собрание уполномоченных от разных социалистических групп в Женеве рассмотрело объяснения Персица и признало, что «объяснения, данные Персицем, и расследование об его теперешнем поведении подтвердили, что г. Персиц все еще остается такой личностью, которой должны остерегаться социалистические и революционные организации».

Приметы Персица: 28 лет, высокий рост, блондин, светлые, немного косые глаза, круглое лицо, крупный горбатый нос, знает немецкий, польский, русский, еврейский, французский, итальянский и арабский языки.

По поводу нового назначения Зубатова.

Как известно из газет, пресловутый Зубатов переведен в непосредственную близость Плеве, при котором он будет отныне состоять чиновником по особым (особо-гнусным) поручениям. Вероятно, фактически Зубатов явится руководителем политической полиции, а, следовательно, и руководителем борьбы с социалистами. Следует ожидать, что специфические приемы «зубатовской» провокации и более тонкого сыска станут применяться более систематически по всей России.

В виду этого, обращаем внимание всех товарищей на необходимость «подтянуться» и подтянуть более молодых деятелей со стороны конспиративности постановки революционной работы. Возможно больше осторожности с адресами, в выборе псевдонимов, в устройстве конспиративных квартир, в употреблении шифров! Возможно более строгое отношение к себе и к своим сотрудникам, возможно более активное воздействие на неопытных товарищей со стороны более опытных — в интересах революционного воспитания первых.

Зубатов, конечно, не преминет повторить во всероссийском масштабе свои московские опыты дурачения рабочих. Кстати, московские «зубатовцы» поднесли своему патрону адрес, в котором благодарили за его «попечение о рабочих».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Васину. Несчастный случай уничтожил ваше прекрасное письмо, пришлось воспользоваться только сообщенными в нем фактами.

Сознательному шахтеру. Последнюю корреспонденцию получили; прежние — нет.

В отчете прошлого № вкралась ошибка, благодаря которой 100 фр. с вечера, полученные Лигой, занесены в отчет Цюрихской кассы.

Получено: от Ш. (Мюнхен) — 25 мар. и 10 руб.; через Рудникова из Б-а — 172 фр. 45 с. (за литературу — 32 фр. 50 с., от Б-а — 34 фр., от А. Б. С. — 45 фр. 95 с.); от родителей — 50 руб.; от подписчика — 5 руб.; с юга через Ант. — 25 руб.; через Шурку — 25 руб.

Из Льежа — 24 фр.; из С. (за литер.) — 96 фр. 65 с.

Из Д-а: с 21 июня по 11 сентября получено: за «Искру» — 15 мар.; «Зарю» — 32 мар.; брошюры — 3 мар. 10 пф.; из Штутгарта — 2 мар. 85 пф.; от Г. С. Д. — 172 мар. (из них: из Х. — 45 руб. и от В. Л. С. — 5 руб.); разный приход — 112 мар. 30 пф.

В организацию «Искры» переданы полученные в конце марта местным представителем от Киевского Комитета 200 р.; с декабря 1901 г. по август 1902 г. по 25 руб.,

согласно напечатанному в «Искре» постановлению Комитета.

Вышла в свет брошюра: «Самодержавие и стачки» (Записка мин. финансов о стачках), с приложением статьи Л. Мартова «Новая победа русского пролетариата». Женева. 1902 г. Издание Загр. Лиги Русской Революц. Социал-Демократии.

Вышла в свет брошюра: «Революционный авантюризм» (отдельный оттиск из №№ 23—24 «Искры»).

Вышел № 3 «Echos de Russie» — бюллетень на французском яз. о русск. рев. движении, издаваемого группой, примыкающей к «Искре».

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Балинский, Вернер и К^о — коммерческие дельцы, добивавшиеся концессии на постройку городских жел. дорог в Петербурге на очень невыгодных для населения условиях.

Прим. 2. Здесь имеются в виду доносы реакционной газеты «Московские Ведомости», редакция которой помещалась на Страстном Бульваре.

Прим. 3. Вильгельм Либкнехт (1826 — 1900) — вождь германского пролетариата, основал вместе с Бебелем на Эйзенахском съезде (1869) Германскую Соц.-Дем. Партию и был одним из ее лидеров. Неоднократно выбирался в члены рейхстага. Выступал вместе с Бебелем против франко-прусской войны. (См. некролог, посвященный В. Либкнехту, в № 1 «Искры».)

Прим. 4. Статья «К вопросу о программе» раньше приписывалась В. И. Ленину. В настоящее время установлено (см. «Под знаменем марксизма» 1923 г. № 6 — 7, стр. 105 — 109), что она принадлежит перу Мартова.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКАНСТВО.

Внутреннюю политику русского правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть в настоящий момент в недостатке решительности и определенности. Борьба с внутренним врагом в полном разгаре. Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных «экспедиций», пересылать в Сибирь с обычными «транспорти» всех ссылаемых, нет сил и средств поставить в одинаковый режим всех заключенных, которых особенно возмущает и толкает на протесты, борьбу и голодовки полный произвол растерявшихся и самодурствующих местных властей. А высшие власти, предоставляя мелким сошкам разделяться с пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжают работать над «улучшением» и реорганизацией полиции в целях дальнейшей борьбы с корнями и нитями. Это — прямая и настоящая война, которую все большие и большие массы русских обывателей не только наблюдают, но и ощущают более или менее непосредственно. За авангардом летучих отрядов полиции и жандармерии медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная машина. Возьмите законы последнего месяца, — и вам прежде всего бросятся в глаза новые указы, добивающие последние остатки финляндских свобод, да еще, пожалуй, обширный закон о дворянских кассах взаимопомощи. Первое из этих мероприятий совершенно подрывает самостоятельность финляндских судов и Сената, давая возможность генерал-губернатору все знать, все ведать, т. е. фактически превращая Финляндию в одну из многих бесправных и униженных русских провинций. Отныне — замечает полицейски-официальная «Финляндская Газета» — есть надежда на «гармоническую» деятельность всех местных учреждений... Не знаю уже, злорадная ли это насмешка над получившим самый подлый и самый решительный удар безоружным неприятелем, или елейное пустословие в духе Иудушки Головлева.

Второй из названных законов — новое детище того самого Особого Совещания по делам дворянского сословия, которое уже одарило отечество разграблением сибирских земель («насаждение поместного землевладения в Сибири»). Во время жестокого торгово-промышленного кризиса и полного обнищания деревни, когда голодают, не доедают и бедствуют миллионы рабочих и крестьян, нельзя себе и представить, разумеется, лучшего употребления народных денег, как на подачки несчастным гг. дворянам-землевладельцам. Правительство даст на каждую

дворянскую кассу взаимопомощи, во-первых, единовременно известную сумму («по усмотрению государя-императора»), а, во-вторых, в течение десяти лет будет давать по столько же, сколько будут собирать и сами местные дворяне. Касса будет помогать тем, кто затрудняется платить проценты по долгам. Гг. дворяне могут без стеснений делать займы, когда указан такой легкий путь брать на уплату деньги из народного кармана.

И как бы нарочно для подведения итогов этой политики травли, насилия и грабежа, для ее обобщения и освящения явились царские речи к дворянам, земцам, крестьянам и рабочим (в Курске и Спб.). Дворян царь благодарил за службу ему, службу «не за страх, а за совесть», и обещал непрестанные заботы об укреплении поместного землевладения, «которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России». Земцам царь ровно ни слова не сказал ни об их оплоте, ни о нравственной силе России, ни о службе не за страх, а за совесть. Он объявил им коротко и ясно, что их «призвание — местное устроительство в области хозяйственных нужд», и что, только памятуя об этом, только выполняя успешно это призвание, они могут быть уверены в его благоволении. Это был вполне определенный ответ на конституционные поползновения земцев, это было прямое предостережение (или, вернее, вызов) им, угроза отнятием «благоволения» в случае малейшего выхода за пределы «местного устроительства в области хозяйственных нужд».

Далее, крестьянам царь уже прямо выражал порицание за «беспорядки» и «разграбление экономий», назвав зверское избиение и истязание восставших от голода и отчаяния мужиков «заслуженным наказанием» и напомнив слова Александра III, повелевшего «слушаться предводителей дворянства». Наконец, рабочим царь говорил не больше и не меньше, как «о врагах», его врагах, которые должны быть и врагами рабочих.

Итак, дворяне — верные слуги и исконный оплот порядка. Земцы (или земские дворяне?) заслуживают предостережения. Крестьяне — порицания и приказа слушаться дворян. Рабочим ребром ставится вопрос о врагах. Поучительные речи. Поучительно сопоставление их, и очень было бы желательно, чтобы посредством прокламаций, листов, бесед в кружках и на собраниях возможно большее количество народа было ознакомлено и с точным текстом и с настоящим значением этих речей. Простые пояснительные замечания к тексту этих речей могли бы послужить великолепным материалом для агитации среди самой темной части самых неразвитых слоев рабочего класса, мелких торговцев и промышленников, а также крестьянства. Но не только «темному» народу, а и многим просвещенным и образованным русским обывателям не мешало бы хорошенько вдуматься в царские

речи, — особенно обывателям из числа либералов вообще и земцев в особенности. Не часто приходится слышать из уст коронованных особ такое определенное признание, подтверждение и объявление войны внутренней: войны разных классов населения, войны с внутренними врагами. И открытое признание войны — весьма хорошее средство против всех и всяческих видов политиканства, т. е. попыток заглушевать, обойти, потушить войну, или попыток сузить и измельчить ее характер.

Политиканство, о котором мы говорим, проявляется и со стороны правительства и со стороны оппозиции мирной и даже иногда со стороны революционеров (правда, в последнем случае в особой форме, не похожей на предыдущие). Со стороны правительства это — сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название «зубатовщины». Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической, — вот в чем суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто из земцев видит уже, что разговоры министра внутренних дел г. Плеве с Д. Н. Шиповым (председатель Моск. зем. управы) есть начало «зубатовщины земской». Плеве обещает «более благоприятно» относиться к земству (ср. «Освоб.» № 7), обещает созвать в начале будущего года совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях». Казалось бы, дело яснее ясного: обещание самое неопределенное, а требование таково, что при исполнении его земские вожеления становятся неосуществимыми. Против этого политического обмана, фокусничества и разврата может быть только одно средство: беспощадное разоблачение фокусников и решительная политическая (т. е. по русским условиям, революционная) борьба с полицейским самодержавием. Наши же земцы, насколько можно судить по «Освобождению», оказываются еще не на высоте этой задачи. На политиканство они отвечают политиканством, их орган проявляет полную неустойчивость. В № 7 «Осв.» вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакция, но и некоторые сотрудники, с которыми редакция более или менее несогласна. В передовой редакционной статье то мнение, что обещания Плеве есть ловушка и зубатовщина, приводится лишь как мнение некоторых земцев, при чем рядом с ним сообщается и мнение других земцев, которые склонны последовать указаниям г. министра» (!!). Редакция далека от мысли поднять поход против земской зубатовщины. Она предостерегала земцев от «уступок» правительству (в №№ 5 и 6), но она не выступает с решительным осуждением г. Шипова и К^о, которые послушались советов старой полицейской лисы и выкинули из программы весеннего земского с'езда 4-й пункт (указывавший на необходимость выборных земских деятелей для пополнения состава Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности). Редакция делает в передовой статье не тот вывод, что земство унижено согласием части земцев на подлые приманки полиции, а тот вывод, что самый факт переговоров правительства с земством «доказывает,

что земство уже и теперь есть „представительство“» (!!) и что обещанный г. Плеве «с'езд» (г. Плеве говорил, кажется, только о «совещании»?) «во всяком случае желателен», ибо он «не может не внести ясности в отношения между земством и правительством». Редакция «твердо уверена, что земские деятели сумеют заявить себя в нем тем, чем они должны быть, — представителями населения, а не подручными министров по хозяйственной части». Если судить только на основании одной передовой редакционной статьи, то надо, наоборот, быть твердо уверенным в том, что земцы окажутся опять «подручными» полицейского ведомства, как оказались гг. Шипов и К^о (пока их не оттеснит или не видоизменит другое земское течение).

От политиканства передовой статьи с удовольствием отдыхаешь на дальнейших статьях сотрудников: г. Антона Старицкого и еще более — земского гласного г. Т. Первый называет поступок г. Шипова и К^о «ложным шагом», советует земцам «не спешить учсть свое первородство в виде какого-то с'езда, который оформит г. Плеве», советует не итти на приманку и не политиканить. Редакция делает примечание: «мы в общем согласны с автором статьи», очевидно находя, что в частности нельзя так односторонне осуждать политиканство*.

Второй сотрудник прямо уж восстает против всей позиции «Освобождения», нападая на незаконченность и нерешительность, осуждая такие фальшивые фразы, как ссылка на «народную анархию», заявляя, что «нельзя довольствоваться полумерами, что необходимо решиться итти до конца», что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции»... «не останавливаясь перед жертвами», что, «не став революционерами, мы (земцы) не сможем сделать существенного вклада в дело политического освобождения России». От всей души приветствуем эти честные и твердые речи г. земского гласного и усиленно советуем ознакомиться с ними всем, кто интересуется разбираемым вопросом. Г. земский гласный в с е ц е л о подтверждает данную нами в «Искре» оценку программы «Освобождения». Больше того: его статья доказывает не только правильность нашей точки зрения, но и целесообразность нашего резкого изобличения половинчатости либерализма. Оказывается, что и в самой земской среде есть люди, которым претит всякое влияние и которых мы особенно должны стараться поддержать беспощадной критикой этого влияния с нашей точки зрения.

Редактор «Освобождения», конечно, не согласен с г. земским гласным и — почтительно, но твердо — заявляет: «На многое мы смотрим иначе»... Еще бы! И каковы же возражения редакции? — Они сводятся все к двум главным пунктам: во-первых, г. Струве «принципиально» предпочитает мирные пути в отличие, по его мнению, от некоторых революционеров; во-вторых, этих последних он обвиняет в недостатке терпимости. Рассмотрим эти возражения.

* В только-что полученном № 8 «Освобождения» мы видим уже более решительное осуждение политиканства и ложного шага г. Шипова. В добрый час! Может-быть, случай с сим почтенным деятелем побудит редакцию поискать корней «политиканства» в основных ее взглядах на отношение либерализма и революционных направлений?

В статье «По поводу одного упрека» г. Струве (статья подписана. Ред.) цитирует мою статью в № 2—3 «Зари» («Гонители земства и Аннибалы либерализма»¹). Ему особенно не понравились, разумеется, слова: «если бы народ хоть раз хорошенько проучил правительство», то это имело бы «гигантское историческое значение». Г. Струве, видите ли, решительно и безусловно не согласен с тем, что насильственная революция предпочтительнее мирной реформы. Самые решительные русские революционеры, — говорит он, — принципиально предпочитали мирный путь, и этой славной традиции не заглушить никакими доктринами.

Трудно себе представить что-либо более фальшивое и вымученное, чем это рассуждение. Неужели г. Струве не понимает, что восставший раб в праве говорить о предпочтительности мира с рабовладельцем, а раб, отказывающийся от восстания, впадает в позорную фальшь, повторяя те же слова? «Элементы в России еще, к сожалению, или, к счастью, не созрели», — говорит г. Струве, и эти слова «к счастью» выдают его головой.

А насчет славных традиций революционной мысли лучше уж г. Струве помалкивать. Нам достаточно указать на знаменитые заключительные слова «Комм. Манифеста». Нам достаточно напомнить, что тридцать лет спустя после «Манифеста», когда немецкие рабочие были лишены частички тех прав, которых никогда не было у русского народа, Энгельс дал такую отповедь Дюрингу²:

«Для г. Дюринга насилие есть нечто абсолютно злое. Первый акт насилия был, по его мнению, грехопадением. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этот акт насилия запятнал первородным грехом всю историю вплоть до настоящего времени, что все законы природы и законы социальные позорно извращены этим орудием дьявола — насилием. О том, что насилие играет также в истории и совсем иную роль — революционную; о том, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда это последнее беременно новым; о том, что насилие является орудием, посредством которого общественное движение прокладывает себе дорогу и разбивает окаменелые, отмирающие формы, — об этом ни слова нет у Дюринга. Лишь со вздохами и стенаниями допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, к сожалению, насилие, — к сожалению, ибо всякое насилие развращает, извольте видеть, того, кто его применяет. И это говорится после того, как всякая победоносная революция сопровождалась высоким моральным и духовным подъемом! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, к которому народ может быть ведь прямо принужден, имело бы по крайней мере то преимущество, что вытравило бы из народного характера лакейский дух, внедренный всеми унижениями 30-летней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеют навязывать самой революционной партии, какую только знает история!».

Перейдем ко второму пункту насчет терпимости. Нужно «взаимное понимание», «полная искренность» и «широкая терпимость» в отношениях разных направлений, — елебно поучает нас г. Струве (подобно многим соц.-рев. и представителям публики). Ну, а как быть —

спросим мы его — если полная искренность наша покажется вам отсутствием терпимости? Если мы, напр., находим, что в «Освобождении» есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязывает ли нас полная искренность к беспощадной борьбе с этой шуйцей? Не обязывает ли она нас к борьбе с авантюризмом (политиканством тож) соц.-революционеров, когда они проявляют его в вопросах теории социализма и в отношении к классовой борьбе во всей своей тактике? Есть ли хоть капля политического смысла в требовании обкарнать, сделать дряблой эту борьбу в угоду тому, что угодно называть терпимостью людям, против которых борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное наивничание, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк³ однажды назвал самоурезыванием и самозапрятыванием, не условной ложью дипломатического взаимопризнания, — а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы. Когда у немецких соц.-дем. борьба против военно-полицейской и феодально-клерикальной реакции действительно становилась общей с борьбой какой-либо настоящей партии, опирающейся на известный класс народа (напр., либеральную буржуазию), тогда совместность действия устанавливалась без фразерства о взаимопризнании. О признании явного для всех и осязаемого всеми факта не говорят (не просим же мы ни у кого признания рабочего движения!). Думать, что настоящему политическому союзу в состоянии помешать «тон» полемики, в состоянии только люди, смешивающие политику и политиканство. А пока вместо действительного участия в нашей борьбе мы видим уклончивые фразы, вместо действительного приближения к нашей борьбе другого какого-либо общественного слоя или класса одну лишь авантюристскую тактику, — до тех пор никакие ни грозные ни жалкие потоки слов ни на йоту не приближат «взаимопризнания».

[Н. Ленин]

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО.

(Посвящается тем, кто не боится грозы.)

Будет буря... мы поспорим
И поборемся мы с ней!

По некоторым признакам можно судить, что неугомонная «Искра» снова (в который уже раз!) возбудила неудовольствие многих читателей-друзей. Два-три протестующих письма, один формальный протест, несколько предостерегающих указаний от уважаемых нами товарищей... при неизвестной неподвижности русского человека в выражении своих чувств — этого достаточно, чтобы признать, что наша газета опять напроказила, и оттолкнуть от себя тех, кто уже готов был, ну, совсем-таки был готов, сменить старый гнев на милость и протянуть руку этой грешнице. И с горестью приходится думать, что на этот раз многие мягкие по природе люди дают себе строгий зарок: «Ну, уж это в последний раз, уж больше

меня к ней—к „Искре“—и калачом не заманишь! Впредь никакой поблажки ее нраву не полагается».

Тяжело терять друга, с которым долго шел рука об руку; но в своем роде не менее тяжело терять кандидата в друзья, который не успел еще стать настоящим другом. Бесспорно, старый друг лучше новых двух, но, принимая во внимание, что старый друг от нас никогда никуда не уйдет и что жадность присуща человеческой природе вообще, а природе революционера в особенности,—вы поймете, что перспектива иметь и старых и новых друзей была заманчивой... Счастье было так близко, так возможно...

Но в самом ли деле так близко? Верно ли, что читатель готов был уже забыть все старое огорчение и стать под наше знамя, и что только неумеренная наша драчливость его опять — сведующие люди утверждают, что в последний раз — оттолкнула от нас?

Один за другим являлись к нам товарищи и заявляли: «Мы были бы с вами, ибо мы принимаем вашу точку зрения, но нас отталкивают ваши приемы борьбы с противниками, а потому... а потому... мы пойдем к вашим противникам и будем вместе с ними бороться против вас и вашей точки зрения, которую, однако, мы считаем правильной точкой зрения».

Признаемся, мы этого не понимаем. Мы, конечно, знаем, что в наш век общей расслабленности люди стали чрезвычайно чувствительны к внешним формам; но мы все же никак не можем поверить, чтобы серьезные революционеры могли класть свою душу на борьбу с тем самым делом, которое им представляется правым делом; чтобы могли так поступать только потому, что им не по душе форма, в которой ведется борьба за правое дело. Говорят, Владимир Красное Солнышко, выбирая новую религию, остановился на православии потому, что его прельстило благолепие православной службы, но ведь так рассказывается только в истории Иловайского, и есть

полное основание думать, что этого святого князя привлекла сравнительная близость между духом православия и языческими представлениями тогдашних славян.

Нет, мне положительно кажется, что действительный сторонник наших взглядов не поссорится с нами из-за несогласия о форме, в которой мы ведем борьбу с противниками этих взглядов; нам кажется, что, когда человек порывает с нами из-за нашей «нетоварищеской полемики» против такого-то направления, он это делает лишь потому, что бессознательно для себя стоит ближе к этому именно направлению, чем к нам: ему непонятна необходимость борьбы с этим направлением, а потому так болезненно рожут его ухо литературные проявления этой борьбы. Когда мы боролись с бернштейнианством, наша полемика казалась непозволительной тем, кто, сам того не зная, стоял ближе к Бернштейну, чем к Марксу; то же было во время нашей полемики с «экономистами», то же происходит и теперь, когда ведется борьба с терроризмом.

«В принципе» все согласны с тем, что старая народо-довольческая тактика была бы пагубной для современного движения; «в принципе» все соц.-дем. считают нежелательным развитие терроризма, и столь же решительно большинство соц.-революционеров признает («в принципе»), что всякий терроризм, развивающийся на счет массового движения, грозит отдалить победу революционного дела. И тем не менее, все соц.-революционеры в глубине души не верят в жизнеспособность движения народных масс, и восторженное удивление перед героическими актами отдельных террористов делает в их глазах все более ничтожным значение великого исторического процесса революционного пробуждения русского народа. И также бесспорен, к сожалению, тот факт, что немало количество социал.-демократов до такой степени не верит в возможность для русского пролетариата в ближайшем будущем выступить сознательной, организован-

ЛОГИКА РУССКОГО «ТЕРРОРИЗМА».

Не то хочу, что творю, но еже
не хочу, то содеваю...

Перед нами лежит вторая книжечка журнала «Свобода»⁴, издаваемого «революционно-социалистической» группой того же имени. Об этом «журнале для рабочих» нам хотелось бы подробно поговорить с читателями, но мы вынуждены отложить это до того — не знаем, близкого ли — времени, когда ясно определится его направление и когда мы увидим, в чем же именно расходятся издающие «Свободу» «революционеры - социалисты» с «социалистами-революционерами», издающими «Революционную Россию». Теперь же, пока это остается неизвестным, мы можем рассматривать лишь отдельные мысли «Свободы». Возьмем сначала мысль о так называемом терроризме.

В статье «Укрепление основ... розгами (по поводу виленинских истязаний)» мы встречаем следующие строки:

«Раз правительство вводит порку, избияния в тюрьмах, всяческие надругательства над движением в постоянный обиход жизни, как орудия борьбы, — нам волей-неволей приходится придерживаться „террористического

образа действий“. Если бы поступок фон-Валя был личною мерзостью обезумевшего царского опричника, нам не пришлось бы говорить ни о какой организации террористической борьбы с правительством: в рабочей массе всегда найдется самоотверженный Леккерт, который отомстит за поруганную честь товарищей и вынудит представителей правительства смирять свои варварские наклонности. Но тут проявляется уже предпрешенный взгляд правительства, одно за другим следуют дикие и гнусные действия. На план приходится отвечать планом — организацией террористической дружины, мстящей правительству и наказывающей его».

Организованная «террористическая» борьба, борьба, ведомая по заранее составленному плану, это — не что иное, как систематический террор.

Группа «Свобода» и прежде совсем не была чужда идеи систематического террора, но прежде значение этого рода борьбы представлялось ей в другом свете. Так, напр., брошюра «Возрождение революционизма в России» рекомендует террор лишь как «эксцитативное» средство. По мнению автора этой брошюры, террор нужен собственно только затем, чтобы вызвать усиленную политическую агитацию в массах. «Раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах — его

ной и революционно-непреклонной силой, что невольно склоняется к мысли: а, может быть, террор и вывезет?

Разумеется, все это совершается бессознательно, и те соц.-демократы, которые переживают указанный процесс, тщательно стараются скрыть от себя самих его значение. Отрицая слова, принимают и признают понятия, которым эти слова соответствуют; отвергая исходный пункт, не признавая логических из него выводов; осуждая терроризм, протестуют против «слишком резкого» его осуждения. В № 27 «Arbeiterstimme» — центральный орган Бунда — редакция очень красноречиво оспаривает тактику террористов. Мы боремся с системой, а не с отдельными личностями, говорит она. Но... у редакции имеется очень значительное «но»... но когда демонстрантов подвергают телесному наказанию, то партия должна отвечать политическим убийством. Такие акты мести, организованные партией, — вовсе не террор, ибо террор есть тактика политической борьбы с данным режимом (а розги разве не представляют собой проявления этого режима?). Вообще говоря, террор вреден потому, что отвлекает партию от работы в массах; но организованные партией политические убийства по случаю каждого применения телесного наказания обладают, повидимому, свойством не отвлекать партийных сил от этой работы. Орган Бунда чувствует, что тут что-то не ладно, и старается примирить свою пропаганду нетеррористической системой политических убийств с принципами социал-демократии и с резолюцией последнего съезда Бунда, отвергающей террор*. Старания эти не делают точки зрения редакции более убедительной, и мы несколько не удивимся, если редакция органа наших

* В настоящее время опубликована резолюция, принятая конференцией комитетов Бунда, санкционирующая эту точку зрения «Arbeiterstimme». Бюллетень, издаваемый Загр. Комитетом Бунда, выступил с критикой этой резолюции.

эксциративная* (возбуждающая) роль сыгранна, и останется ли он тогда в качестве действительного террора или сейчас же уступит место ряду вооруженных массовых нападений на правительственных властей, — решат обстоятельства, решит сама жизнь» (стр. 68 первого издания).

Что такое действительный террор?

По здравому рассуждению выходит, что действительный террор есть тот, действие которого соответствует этимологическому смыслу слова террор. Это слово означает, как известно, страх, ужас. Поэтому приходится предположить, что, по мнению автора брошюры «Возрождение революционизма», террор, имеющий теперь лишь «эксциративное» значение, может приобрести со временем значение устрашающего. Но этой естественной и, можно сказать, неизбежной гипотезе резко противоречит то мнение того же автора, что террор устрашающего значения иметь совсем не может. «Мы считаем нужным, — говорит он, —...возможно резче подчеркнуть отсутствие у нас веры в устрашающую роль террора, потому что такая

еврейских товарищей окажется в числе недовольных «нетоварищескими приемами» нашей борьбы с терроризмом.

Короче говоря, мы переживаем момент некоторого шатания умов по вопросу о терроре. Недоверие к возможности развить революционную энергию пролетариата до той степени, при которой он сумеет дать отпор всяким проявлениям реакции; сомнения в возможности создать истинно-боевую и истинно-народную революционно-социал-демократическую партию — при наличных условиях — охватили не малую часть революционной интеллигенции, и в этой атмосфере безверия и сомнения не всегда может устоять социал-демократическое отрицание бесполезной и бессмысленной тактики «единоборства» сознательного меньшинства с самодержавием». Люди, поддавшиеся роковому влиянию этой атмосферы, не могут не раздражаться при виде решительной борьбы, которую ведет социал-демократическая газета против террористической рекламы.

Дело осложняется тем элементом легкомыслия, который вносится в эту атмосферу существованием так называемых «тушинских перелетов». Под этим именем в смутное время (в XVII веке) были известны те бунтари этой бурной эпохи, которые перебежали от одного из самозванцев к другому, от последнего к полякам и т. д. Современники утверждают, что эти перелеты составляли сущее бедствие для всех борющихся с тогдашней Москвой партий. Такое же приблизительно бедствие представляют эти «перелеты» и в настоящее время. Мы до сих пор еще не покончили со своим собственным смутным временем, когда параллельное существование старого революционного мировоззрения в различных степенях его разложения и нового в различных стадиях его развития создали ряд соблазнов для нагур, одаренных инстинктом кочевника. Переходя из лагеря в лагерь, не под влиянием коренного перелома в убеждениях, а под влиянием

вера в иллюзии будет разбита на первых же порах работы реальными фактами действительности, а продуктом этого может явиться самый безвыходный и расслабляющий пессимизм. Поэтому-то мы и отрицаем совершенно устрашающую роль террора, а выдвигаем его эксциративное (возбуждающее) значение» (стр. 64 той же самой брошюры).

После этого категорического заявления прямо-таки невозможно защищать ту гипотезу, что — по мнению группы «Свобода» — действительный террор есть террор устрашающий. Но в таком случае, как же мы должны понимать сей загадочный террор? Неизвестно. Это очень жаль; но дело, собственно говоря, не в этом. Оно в том, что наш автор допускает возможность наступления у нас такого периода революционной борьбы, когда террор должен будет уступить место крайним формам массовой борьбы с правительством. А вот «Свобода», — издаваемая «для рабочих» той же самой группой, которая издала названную брошюру, — думает, как видно, что наступление такого периода невозможно. По крайней мере, она ни одним словом не намекает на то, что проповедуемый ею систематический террор может оказаться впоследствии неуместным. Чем объясняется эта разница? Скажут, разницей во времени: вторая кни-

* Смысл этого странного, поистине варварского термина очень хорошо передается русским словом: возбуждающее, как справедливо пояснил в скобках сам автор.

этого беспокойного инстинкта, эти люди в каждом проявлении определенности убеждений усматривают почти личное для себя оскорбление и, в свою очередь, деморализующе действуют на неустановившуюся молодежь, являясь несомненными сеятелями беспринципности и «многосторонности».

Мы упоминали выше, что получили уже один формальный протест против нашего поведения. Протест этот исходит от «саратовской объединенной группы социалистов-революционеров и социал-демократов»⁵. Наш «способ ведения полемики» группа признает «неприличным и недостойным звания революционера». «Такая полемика создает огромные препятствия к объединению всех революционных сил России в одну партию или союз партий, дружно действующих в одном направлении по определенному, сообща выработанному плану». Поэтому группа объявляет бойкот нашим изданиям и обращается ко всем «чисто-социал-демократическим и смешанным организациям с приглашением присоединиться» к ее постановлению.

Нам кажется, что поведение «смешанной» группы представляет характерное явление для нашего смутного времени. Что социалисты-революционеры, участвующие в «смешанной» группе, жалали бы бойкотировать социал-демократическую литературу, это мы хорошо понимаем: социалисты-революционеры весьма и весьма заинтересованы в том, чтобы наша критика их частью реакционной, частью утопической программы и их частью наивной, частью развращающей революционное сознание тактики осталась неизвестна широкой публике. Гораздо легче и удобнее отрезать читателя от писателя, чем ответить ему по существу вопроса. Хорошо понимаем мы также, что для такой цели весьма и весьма удобны всякого рода «смешанные» группы, в которые входят «социал-демократы», не нашедшие себе места в рядах социал-демократической партии. Эти «социал-демократы» играют для

наших противников роль того «народа», который так нужен для «обстановки», для того, чтобы то или другое крикливое выступление против социал-демократии могло быть перенесено на почву внепартийную, на почву нравственных принципов и «нетоварищеских приемов», т. е. на почву, освобождающую от обязанности высказываться принципиально по принципиальным вопросам. Чего мы никогда не могли понять, — это того, как люди, именующие себя социал-демократами, могут согласиться играть такую, выражаясь их слогом, «неприличную и недостойную революционера» роль перебежчиков?

Нам думается, что «смешанная группа», которая существует уже год, должна была бы прежде, чем приглашать организации нашей партии к дружному походу против «Искры», прежде всего объяснить с ними по вопросу: что собственно она собой представляет? В какой пропорции и как смешаны в ней элементы пролетарского социализма и той смеси, которую, в свою очередь, представляет собою программа социалистов-революционеров?

Энергичный стиль протеста «смешанной» группы может служить образчиком того возбуждения, которое в данный момент царит в некоторых слоях революционной среды по отношению к дерзкой «секте» революционных социал-демократов, осмелившихся поднять оружие критики на кумир нынешнего дня. Неудивительно поэтому, что многие наши единомышленники, которым приходится отстаивать дорогое для нас дело на месте — среди разгоряченной публики, смущены поднявшейся бурей. Некоторые из них, сами мужественно борясь с террористической фразой, в то же время признаются нам, что, хотя они самостоятельно от нас пришли к характеристике тактики соц.-революционеров как «революционного авантюризма», тем не менее смутились, прочитав в «Искре» эту характеристику. Мы понимаем хорошо этих товарищей, но мы думаем, что они ходом борьбы придут к убеждению, что нам необходимо сказать то, что

жечка «Свободы» только что вышла, а брошюра «Возрождение революционизма в России» появилась года полтора тому назад. Это так; но что же изменилось за это время? Если поверить «Свободе», то надо сказать, что изменилось отношение правительства к революционерам. В поступке фон-Валя, — говорит «Свобода», — появился уже предрешированный взгляд правительства, вследствие чего на план приходится отвечать планом, — организацией террористической дружины (стр. 188—189).

Допустим на минуту, что это так, т. е. что организация такой дружины действительно необходима. Но неужели группа «Свобода» только теперь убедилась в том, что «одно за другим будут следовать гнусные действия» нашего правительства? Неужели она имела наивность сомневаться в этом не далее, как полтора года тому назад?

Она ответит нам, пожалуй, что хотя она вообще никогда не сомневалась в гнусности русского правительства, но что она не могла предвидеть таких возмутительных действий, как телесное наказание участников демонстраций. Но внимательный читатель таким ответом не удовлетворится. Во-первых, в 1901 г. — когда вышла брошюра «Возрождение революционизма

в России» — группа «Свобода» могла и должна была знать, что уже в 1894 г. правительство прибегало к телесным наказаниям для подавления «беспорядков» на Тагильском заводе, а во-вторых, посмотрите, какую перспективу рисует нам та самая брошюра «Возрождение революционизма», во время появления которой будто бы нельзя было предвидеть гнусного плана правительства:

«Теперь оно вводит разряд людей „порочного поведения“, куда оно заносит непокорные ему элементы рабочих, смешивая их с грязью и обрекая на более чем голодное существование в ссылке; скоро оно прекратит судебные разбирательства стачек... потом вместо бичей введет скорпионы, вместо простых устроителей — смерчи вселенские (!), пообъявит всюду военное положение с произволом, изумительным даже и для русских порядков (sic). Повысит все степени наказания, начнет буквально гноить людей по тюрьмам за всякое подстрекательство рабочих масс к политическим волнениям. Будет карать смертной казнью... все жать, все крушить и гнуть в бараний рог, чего бы это ни стоило и чем бы это ни грозило. При такой своей тактике русское правительство неминуемо должно ополчиться всеми своими силами и самыми возмутительными средствами против

есть, не смущаясь подымающимися отовсюду воплями. Буря будет, но из этой бури революционная социал-демократия еще раз выйдет окрепшей, и, чем более непопулярной в известный момент будет представляться небольшая кучка «ортодоксов», тем более популярны станут те идеи, в борьбе за которые она пожертвует своей популярностью. За это ручается недавнее прошлое.

Маленькой «сектой» вступили мы в борьбу с бернштейнианством и «экономизмом» в то время, когда «общественное мнение» революционной среды было настроено в пользу этих направлений. Бурю возмущения вызвали наши писания. Мы объявили бернштейнианство буржуазным натиском на рабочее движение, — в ответ, вместо разбора наших доводов, раздавались крики о нашей ортодоксальной нетерпимости; мы объявили русский «экономизм» попыткой сузить силу и размах рабочего движения, — нам отвечали обвинением в непочтении к действующим организациям, нас печатно упрекали в том, что мы позволяем себе говорить о комитетах партии... в примечаниях! Мы словом и делом пытались вывести партию из состояния младенческого «кустарничества», — нас обличали в диктаторских замашках и в посягательстве на демократические принципы... И хотя все эти обвинения и вопли создавали нашей «секте» большие затруднения в ее пропагандистской и организационной работе, тем не менее, самая резкость нашего выступления способствовала тому, что согласные с нами принципиально, но не «скомпрометировавшие» себя «нетоваришескими приемами» наши товарищи могли с меньшими трудностями проводить в жизнь эти идеи. А вслед за нашими единомышленниками могли безвозбранно добивать наших противников и «тушинские перелеты». Мы дожили, наконец, до той минуты, когда, напр., группа «Свободы» могла заявить печатно, что пропаганда бернштейниады большее оскорбление для революционера, чем плевков в лицо, — и эти слова, которые за два года до

того были бы объявлены кощунственными, уже не вызвали противоречия. Та же «Свобода» могла заявить, что наши комитеты не больше, чем студенческие кружки (и тут она, бесспорно,хватила через край); могла позволить себе издеваться над теми, кто вечно уверяет, что в партии все обстоит благополучно, — и «Свободу» уж никто не решился «призвать к порядку»... ибо к тому времени наши «нетоваришеские приемы» притупили уже чрезмерную чувствительность читателей в этом пункте. Само собою разумеется, что «Свобода» должна была для облегчения своей задачи с добровольным осуждением отозваться о нашей манере полемизировать*.

Мы надеемся, что по вопросу о полемике с терроризмом дело пройдет через те же стадии. Мы — «секта ортодоксов» — должны концентрировать на себе все то негодование, которое вызывает необходимая в нашем деле борьба с модными в данный момент предрассудками; мы должны этого достигнуть именно для того, чтобы облегчить массе участвующих в нашем движении распространение общих наших идей на расчищенном полемикой поле... Мы должны добиться, чтобы для «широкой» публики все смешное предстало в смешном виде, чтобы все пошлое предстало во всей наготе своей пошлости и чтобы всякий зародыш реакционной идеи, скрытой за революционной фразой, уже за версту отпугивал от себя человека массы... И когда мы этого добьемся, тогда и «тушинские перелеты», обругав нас за «неприличную»

* Недавно вышла книжка Д. Рязанова, посвященная строгой критике программы «Рабочего Дела». Принимая во внимание, что всего несколько месяцев тому назад группа «Борьба», издавшая эту брошюру, нас упрекала (в своем «Летучем Листке») в том, что мы своей полемикой обострили существовавшие в с.-д. лагере разногласия, — приходишь к выводу, что один факт появления критики этой программы уже давно невыходящего журнала свидетельствует о полном исчезновении из влиятельных кругов нашей партии тех идей, с которыми мы боролись в прошлом году.

рабочего движения, прокладывающего себе политическую дорогу...» (стр. 15—16).

Если это не «план», — то мы право не знаем, что и называется планом. А если это «план», то почему же группа «Свобода» только теперь убедилась в том, что на «план» правительственного террора необходимо ответить планом революционным? Это тоже неизвестно.

В еще более густом — совершенно уже непроницаемом — мраке неизвестности остается значение того террористического «плана», который будто был столь необходим теперь, благодаря полицейскому террору. Будет ли этот планомерный революционный террор иметь только «эксцикативное» значение, или он будет устрашать правительство, вопреки мнению группы «Свобода» о том, что устрашающее значение террора есть пустая и вредная иллюзия, за которой необходимо должно последовать тяжелое разочарование?

Многоглаголевая «Свобода» не проронила на этот счет ни одного хотя бы самого коротенького словечка. Почему? Потому, что она и сама не свела концов с концами в своем взгляде на террор. Ей хочется террора, и она проповедует его при всяком удобном и неудобном случае, а почему собственно нужен террор, этого она и сама хорошенько не знает. Бей, а на том

свете разберут, кого и зачем убили: для «возбуждения», для устрашения или для какой-нибудь другой потребности.

В той же книжечке «Свободы» напечатана интересная корреспонденция об известной батумской бойне. Редакция дополнила эту корреспонденцию своим собственным рассуждением, особенно наглядно показывающим, как запутаны и противоречивы ее взгляды на современное русское рабочее движение вообще и на террор в частности.

«Батумские рабочие, — говорит она, — по кавказскому обычаю ходят при (?)! оружии; являясь требовать освобождения товарищей, они оставили дома не только револьверы и кинжалы, но даже и перочинные ножи... Этот факт — самое блестящее доказательство того, как высоко стоит самосознание батумцев. Ни на одну секунду ни у кого не может зародиться мысль, что батумцы — трусы, ибо последующие события доказали совершенно противное. А если они не трусы, не из боязни столкновения с правительством оставили дома оружие и держались самым мирным образом, — значит, они всей душой понимают великое значение организованной толпы... При таком влиянии мысли на всю натуру человека мы не найдем никаких тревожных признаков в словах автора корреспонденции: «им, как борющимся

полемику и за братоубийственные наклонности, начнут, наконец, от всего сердца отстаивать дорогие нам идеи; и это будет значить, что мы уже достигли цели, ибо, когда «тушинские перелеты» отстаивают правое дело, это значит, что правому делу уже не грозит никакая опасность...

«Всегда в меньшинстве!» — объявляли мы в прошлом году, когда шла война из-за экономизма и бернштейнизма, и этим заявлением доводили до белого каления тех, кто привык быть всегда с большинством... Наши друзья, смущенные воплями, вызванными нашей полемикой, сумеют, в случае надобности, бросить этот вызов большинству возмущенных.

Для этого им следует только проникнуться пониманием всей трудности переживаемого нами момента. Самыми рискованными средствами современные террористы стараются построить популярность террора, поставить его в глазах революционной массы на такую высоту, на которой террористическая партия была бы ограждена «общественным мнением» от всякой критики. Допустить это — значило бы для социал-демократии совершить самоубийство. Не горячась и не теряя хладнокровия, она должна противопоставлять слепому увлечению свою трезвую критику и низводить с пьедестала все то, что незаконно пытается на него взгромоздиться.

Читателю же «другу», стоящему еще в нерешительности перед убедительностью наших доводов, с одной стороны, и «возмутительностью» и пр., с другой, — мы скажем по-дружески: мы хорошо понимаем, что тебе никак невозможно устоять. Гряди же с миром в стан «протестующих», ибо в борьбе, нами предпринятой, не нужны (и скажем по секрету, даже вредны) люди твоего настроения и твоего темперамента! Гряди же и со спокойной совестью прими участие в составлении протестов и резолюций против нас! Иди же и пребывай в состоянии негодования до тех пор, пока ныне для тебя горь-

кие истины приобретут «прочность предрассудка», и ты вернешься под наше знамя, не позабыв обругать тех, кто во время бури до последних сил держался за его древко...

[Л. Мартов]

ПО ПОВОДУ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ НАШИХ ЗЕМЦЕВ.

Как всем известно, русское правительство в борьбе с крамолой не останавливается ни перед какими средствами. Чаше всего и больше всего оно пускает в ход, конечно, всякого рода насилия и преступления. Но за последнее время оно начинает все больше и больше прибегать к другому также излюбленному политическими деспотами способу. Сущность этого способа сводится к тому, чтобы посеять раздор в среде самих тех, кому приходится солоно от нашего самодержавия, натравить одну общественную группу на другую, или, по крайней мере, на время прикинуться, что оно берет под свое покровительство интересы какой-нибудь группы, пообещать ей какую-нибудь самодержавную милость и тем хотя бы на время умиротворить ее. Такую цель преследовало правительство и по отношению к студентам своей политикой «сердечного попечения» и по отношению к рабочим в форме пресловутой зубатовщины. Но в этих слоях оно потерпело неудачу: и студенты и рабочие ответили революционными взрывами.

Теперь такую же политику правительство ведет по отношению к земцам, и, повидимому, в этом случае оно может рассчитывать на больший успех, чем прежде. Объясняется это, конечно, тем, что сама та общественная среда, с которой теперь заигрывает самодержавие, состоит из людей, у которых отвращение к самодержавию в значительной мере ослабляется страхом перед действительной

при русских условиях, дозволительны все и всякие средства». Такое само по себе рискованное убеждение не является опасным, если людьми все время руководит полная сознательность. Не будь этой сознательности, поджог дома Антадзе, покушение на жизнь Вайнштейдта могли бы явиться весьма нежелательными и даже вредными для дела. Вместо организованной, сознательной рабочей борьбы, просто месть нескольких человек нескольким человекам, хотя бы она и одобрялась всеми! — Это, в сущности, небольшой выигрыш для революционного дела, ибо завтра придет другой Антадзе и будет то же самое проделывать (над) бессознательной толпой... Но чуть она сознательна, тут она думает и действует вся целиком. Все тысячи понимают, что их гнетет строй, и борются против этого строя, и если необходимость вынуждает убрать в этой борьбе нескольких зловредных зверей, вообще наказывать их за их гнусные поступки, — это совершается как одно из проявлений рабочей борьбы, ни мало не угрожая перевести самую борьбу на почву убийств и поджогов. Все живут, все действуют, и только в крайних случаях, как бы по приговору самой сознательной толпы, организуется малым числом людей специальный урок каким-нибудь Вайнштейдтам и Антадзе» (стр. 216, 217 и 218).

Не сетуйте на нас, читатель, за длинную выписку: ее длина с избытком искупается ее высокой поучительностью. В самом деле, заметьте то — по мнению редакции «Свободы» — коренное условие, наличие которого необходима для того, чтобы «террористические» действия не вредили рабочему движению. Это условие может быть выражено словами: высокое развитие классового самосознания пролетариата. Когда это условие еще не достигнуто, тогда террористические действия становятся очень опасными для рабочего движения, так как ведут к тому, что сознательная организованная борьба рабочего класса заменяется «просто мезтью нескольких человек нескольким человекам». Очень хорошо! И очень решительно! Теперь спрашивается: достиг ли уже русский пролетариат высокой степени развития классового самосознания? Всякий тот, кто понимает значение слов: классовое самосознание, скажет, что, хотя самосознание русских рабочих делает теперь чрезвычайно быстрые успехи, но, несмотря на это, только пустые и жалкие льстецы могут уверять русский пролетариат в том, что им уже достигнута высшая степень классового самосознания. Само собою понятно, что группа «Свобода» к числу этих пустых и жалких

революцией и, значит, опасением, что «шкура убитого медведя» достанется целиком не в их руки. В силу этого и та оппозиция, которую проявляют земцы, носит уже слишком «верноподданнический» характер. Земцы, желающие освободиться от опеки самодержавия, действуют до такой степени трусливо, до такой степени не хотят выступить с возможно большей резкостью, что при первом же заигрывании со стороны Плеве готовы тотчас успокоиться и дать обещание быть верными слугами своего коронованного идиота! Уже на самом своем совещании в Москве, 23—25 мая, земцы, решая протестовать против того, что их не пригласили в Особое Совещание о нуждах сельского хозяйства, сохраняют в то же время до такой степени верноподданнические чувства, что не осмеливаются предложить управам совершенно отказаться от участия в комитетах, как неизбранных земскими собраниями, а назначенных от правительства. «Полный отказ явился бы нарушением высочайшей воли»,—а ведь это так ужасно!.. И это было высказано в том самом собрании, на котором сами земцы признали, что «при нашем государственном строе едва ли можно говорить об обеспечении устойчивости земских учреждений». Сами земцы, таким образом, признают, что прочное существование земства несовместимо с самодержавием, но нарушить приказ этого самодержавия для них кажется совершенно недопустимым... Неудивительно поэтому, что уже теперь в среде земцев заметно усиливается попятное движение. Во главе этого обратного движения стал теперь председатель Моск. губ. земской управы Шипов, которому Плеве обещал в награду «за такт и спокойствие», ожидаемые им от земцев, заседающих в комитетах,—устраивать с'езды председателей управ при... министерстве внутренних дел и под председательством его, г. Плеве. Шипов даже не заметил, что хитрый жандарм очень недвусмысленно желает обратить председателей земских управ в своих собственных чинов-

ников и, таким образом, сделать их менее зависимыми и нравственно обязанными перед избравшими их земскими собраниями. Иначе говоря, если даже затея Плеве осуществится, то она нанесет сильнейший удар самим земствам — их независимости и самостоятельности, если только эти термины сколько-нибудь приложимы к современным земствам. Трудно думать, чтобы Шипов, а вслед за ним и все те земцы, которые поспешили присоединиться к его мнению и тактике, не понимали внутреннего смысла этого нового фокуса нашего самодержавия. Но дух «благоразумия» и ничем неискоренимая маниловская уверенность в том, что «волк, авось... ха-ха-ха!» и помилует», заставляют их становиться постыдными отступниками и всю земскую оппозицию превратить в ничтожную шумиху.

Теперь те господа, которые на московском с'езде голосовали за либеральные постановления, ведут себя в открывшихся комитетах тише воды, ниже травы, постоянно испуганно озираясь по сторонам, «как бы чего не вышло», и когда им приходится касаться общих условий современного строя, то они бормочат про себя что-то такое неразборчивое, что даже самые тонкие и настороженные уши не в состоянии ничего разобрать. Теперь уже вполне ясно, что ожидать какого-нибудь серьезного результата от всей этой комедии нет никаких оснований, и те из земцев, которые не хотят быть участниками в этой комедии и сделаться жертвами новой шуллерской затеи самодержавия, уже уклоняются от участия в комитетах. Так, напр., один из старых земцев, отказываясь от участия в заседании уездного комитета, пишет своему предводителю: «...Я не могу воспользоваться вашим предложением, ибо на склоне лет утратил веру в искренность забот, направленных якобы на общественную пользу. Не нужды сельского хозяйства интересуют высшие сферы, а упадок общего благосостояния и наша отсталость от всех культурных народов. Борьба

льстецов не принадлежит. Автор брошюры «Возрождение революционизма» категорически заявляет (стр. 14), что в нашей рабочей среде «идея политической борьбы находится в зачаточном состоянии» *.

В свою очередь «Свобода», — повторяя высказанную «Искрой» мысль о необходимости организации отпора полицейской силе во время демонстраций, — замечает: «Если бы демонстрации исходили от большинства населения, то все же были бы полезны боевые дружины... Услуга же таких отрядов в настоящее время стоит выше какой угодно оценки: громаднейшее большинство демонстрантов состоит из публики, из любопытных, часто совсем случайного народа, пока еще не успевшего в должной мере проникнуться враждебными чувствами к правительству и не считающего своим долгом наносить ему удар за ударом» (кн. 2, стр. 95—96).

Рабочая масса еще не участвует в демонстрациях. Это совершенная, хотя и очень печальная правда; но о чем свидетельствует этот факт? О том ли, что самосознание русского пролетариата уже достигло высшей степени, или о том, что такая

степень, к сожалению, еще далеко не достигнута?

В другом месте той же книжечки «Свободы» говорится, что «наша» * Росс. С.-Д. Партия «к несчастью, еще мало захватывает рабочие массы... Многие из мыслей, твердо усвоенных партией и легших в ее основание, еще не сделались достоянием русского рабочего люда» (стр. 133). Это тоже — совершенная, хотя и весьма горькая истина. Но не эта горькая истина убедит нас в том, что русский пролетариат уже достиг высокой степени классового самосознания. Она свидетельствует именно о том, что такая степень еще не достигнута.

А если это так, то значит у нас пока еще нет налицо того условия, которое, — по очень разумным словам ред. «Своб.», необходимо для того, чтобы «террористическая» деятельность не вредила рабочему движению; чтобы она не выродилась — по прекрасному выражению той же ред. — в простую месть нескольких человек нескольким челове-

* Группа «Свобода» иногда причисляет себя к русск. соц.-дем.; иногда говорит, что каждый из нас должен чувствовать себя «членом единой социалистич. партии» (стр. 99), а иногда же говорит о своей партии, как о партии «революционно-

* Курсив наш.

с этим хроническим недугом возможна только мерами общего характера, — быть-может, нужно создать благоприятную почву для проявления самостоятельности в обществе и дать простор личной инициативе. Если бы общество пользовалось хотя немного свободой схода, свободой печати и свободой совести, оно тотчас проявило бы свою деятельность в интересах общего блага. Но высказанные мною мечтания не соответствуют вкусам высших сфер, а потому и разговоры в комитетах дадут только возможность чиновникам в Петербурге, которые будут их разрабатывать, получать очень долгое время хорошие оклады. На этом дело и кончится».

Если бы автор этого письма захотел и сумел договорить свою мысль до конца и сделать из своих замечаний надлежащий вывод, то таковым могло быть только одно: пора, давно пора земцам перестать надеяться, чтобы наше самодержавие само полезло в петлю; и если земцы действительно хотят покончить с ним, то они должны присоединить свои усилия и оказать содействие тем, которые уже взяли на себя труд сплетения этой петли.

Не-земец.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Помпадурские шалости или либерал в роли секутора. За нынешним саратовским губернатором Энгельгардтом установилась довольно прочная репутация «либерала» и «просвещенного администратора». В бытность архангельским губернатором он возбуждал против себя неудовольствие департамента полиции приличным отношением к политическим ссыльным. В то время он проявлял стремление поднять экономическое положение поморских рыболовов и даже написал

книгу об их нуждах. В качестве саратовского губернатора он произнес речь о необходимости провинциальной печати и, как передавали, очень волновался при виде избияния демонстрантов полицией 5 мая.

К несчастью, губернаторствовать в Саратове Энгельгардту приходится в такое время, когда крестьяне «волнуются», а высшее начальство волнуется сугубо. Свыше дан пароль — «сечь!».

В качестве губернатора Энгельгардт обязан распоряжаться поркой и присутствовать при этом неаппетитном зрелище. Губернатор-реакционер исполнил бы эту роль с артистическим наслаждением; губернатор-карьерист постарался бы «отзвонить, и с колокольни долой»; либеральный же губернатор непременно должен был внести в порку элемент «нравственного воздействия». Достаточно красноречивый свист розги ему понадобилось осложнить красноречием либерально-помпадурского катехизиса. Вопли истязуемых должны быть дополнены слезами «искренного раскаяния», вызванного душещипательным словом. Высек — и сказал теплую речь; сказал теплую речь — и высек... А мужикам предоставляется определить, под каким соусом розга бьет сильнее: под звуками «рассейской» ругани администратора-крепостника или под журчание речи администратора «гуманного».

Энгельгардтовская гуманность нашла самое полное выражение в отчетах об его триумфальном шествии с розгой, печатаемых в местных «Губ. Ведомостях». Реакционная «розга» в этих отчетах заменена гуманным «наказанием». Реакционер сечет, либерал — наказывает. Говорят, тем не менее, что от «наказания» кожа чернеет не менее, чем от розги.

В описании похода на деревню Глебовку, Балашовского уезда, «Ведомости» сообщают и о самом характере «волнений». Жители Глебовки «издавна отличались предосудительным поведением» и «позволили себе самоуправные действия по отношению к имуществу соседних владельцев». Именно — о, ужас! — они «явились в сад г. Сафонова, где сбили все яблоки, при чем двое вошли в кухню и, ради озорства, сели приготовленный обед. Другие увезли снопы с поля г. Кожевникова, а, проходя мимо народного училища, разбили в нем окна».

По русским законам, все сие — мелкие проступки, подлежащие ведению волостного суда и земского начальника. Но «по нынешним временам» это — начало рево-

кам. А отсюда следует, что «Свобода» должна была бы энергично высказаться против тех, которые прибегают к этой борьбе в настоящее время. Должна была бы, если бы хотела и умела быть логичной. Но быть логичной она и не умеет и не хочет. Она не замечает своих собственных противоречий и не видит того, что в «террористической» борьбе, — как и во всякой другой, — есть своя собственная логика, неизбежно и неумолимо приводящая к таким умозаключениям, которых подчас вовсе не ожидают борцы. Вот посмотрите, что мы видим теперь.

Между тем как «Свобода», советуя нашим революционерам выступить на путь систематического террора, все-таки находит, что главные революционные силы должны быть направлены на дело агитации в рабочей массе, более последовательные люди приходят к другим выводам.

Карпович писал своим друзьям из тюрьмы: «Будет организация, сама жизнь заставит ее вступить в политическую борьбу, т. е. борьбу непосредственную с русским правительством. Без этого она растворится, рас-

социалистической» («Возрожд. Революц.» стр. 48), при чем самым ярким историческим выражением «революционно-социалистических» стремлений в нашей революционной истории она считает партию «Народной Воли» («Возрожд. Революц.», стр. 19).

тает и упрется в тупой угол, откуда выхода нет. А другой борьбы, как террористической, я не знаю»*.

Людям, «не знающим другой борьбы», кроме «террористической», освободительная политическая борьба рабочего класса, очевидно, должна представляться просто-напросто немислимой, по крайней мере, при современных русских условиях. И самое существование таких людей беспощадно опровергает ту мысль редакции «Свободы», что увлечение «террором» нисколько не угрожает нам ослаблением притока революционных сил в рабочую массу. Нет, очень угрожает. Если все «террористы» проникнутся на этот счет взглядами Карповича и все революционеры сделаются «террористами», то массовое рабочее движение будет предоставлено на произвол судьбы, в полном смысле этого слова.

А можно ли опасаться того, что взгляд Карповича распространится среди наших «террористов»? Тем более можно, что он и теперь уже очень распространен между ними. Балмашев заявил на следствии, что при

* См. брошюру «Карпович и Балмашев перед судом» Берлин, 1902 г., стр. 27.

люции. В сбитых с деревьев яблоках губернаторское око, очевидно, усмотрело прообраз голов, сбиваемых с плеч их владельцев восставшим народом. Ужас! ужас! И губернатор явился восстанавливать порядок.

«Губернатор приказал задержать 15 главных виновников и подвергнуть их наказанию, но когда, после внушения, сделанного губернатором собравшимся крестьянам, виновные (лежа под розгами?) принесли повинную и выразили полное раскаяние, а крестьяне, осенив себя крестом, дали торжественную клятву, что никогда не дозволит себе никаких самоуправств... губернатор снизошел на просьбу крестьян о прощении и приказал остановить наказание. При этом его превосходительство сказал крестьянам, что он верит их кресту, потому что сами они понимают, что тогда ответят не перед законом только, но и перед богом.

«При этом нужно заметить, — говорят «Губ. Вед.», — что экономическое положение крестьян дерезни Глебовки вполне удовлетворительное».

Не понимаем значения этого укоризненного замечания. Мы полагали до сих пор, что с'есть чужие обеды и питаться яблоками, взрошенными чужим трудом, запрещается только людям, экономическое положение которых вполне «неудовлетворительное». При таких условиях эти поступки называются нарушением права собственности. Со стороны же лиц, пользующихся удовлетворительным экономическим положением, с'едание чужого обеда и лакомство чужими яблоками принято называть «пользованием плодами своего трудолюбия», о чем любой сельский батюшка сумеет красноречиво рассказать жертвам «неудовлетворительного экономического положения».

В Петровском уезде паш либерал произвел чудеса. Он «выяснил», что на поведение населения дурно влияет «распущенность среди молодежи», и по сему случаю прочел «предику», в которой заявил: «Смотреть сквозь пальцы на разврат детей — значит подтакать разврату... и, прежде всего, во вред самим же родителям, а затем во вред им самим и всему обществу». Речь эта произвела, по словам летописца из «Губ. Вед.», «сильное впечатление». Чего сильнее! Крестьяне тут же на сходе постановили известных среди них «головорезов» подвергнуть наказанию. Бедные крестьяне, как видно, решили «откупаться» от речистого помпадуря определенным количеством добровольно выбранных жертв... Они пошли даже дальше. «Затем сами же крестьяне, объяснили, что на молодежь и,

вообще, лиц порочного поведения вредно влияют разные глупые книги, и в скором же времени представили такие книги, из просмотра коих оказалось, что большинство их по содержанию своему совершенно неподходящие к умственному кругозору крестьянина и, действительно, легко могут вселять самые превратные понятия о жизни». Естественно, эти вполне легальные книги были изъяты из обращения. Жаль, что летописец не назвал ни одной из них! Зато он обязательно пояснил, что «крестьяне объяснили — откуда и кем эти книги были получены ими». Но опять-таки умолчал, что случилось с теми грешниками, которые давали крестьянам легальные книги.

Дальше — больше. Крестьяне Чернышевского общества — 50 дворов! — «на которых по преимуществу падало подозрение в разных противозаконных поступках, сознавая, что худая молва не приведет к добру, стали просить губернатора, чтобы им позволили переселиться в Енисейскую губернию». Едва ли какой-либо реакционный секунтор достигал таких блестящих результатов! Сами себя секут, сами у себя делают обыски и выдают «вредные» книги и, наконец, сами себя ссылают в Сибирь! Прав был Плюшкин, говоря, что перед душевспасительным словом не устоишь!

Новый полтавский губернатор, князь Урусов, прибыл в «свою» губернию после того, как все, подлежащее порке, были уже высечены «гуманным» Бельгардом. Князь, однако, не отстал в изобретательности от саратовского либерала и придумал себе оригинальную забаву: он раз'езжает по деревням, и крестьяне за версту становятся на колени. Князь произносит вразумительную речь, после которой возглашает: «Пойте „Боже, царя храни!“ а затем кричите „ура!“».

Заставить высеченного «внутреннего врага» спеть гимн самодержавия — до этого не додумался бы никто, кроме разве князя Мещерского! Лет семь назад кн. Урусов был за излишнюю развязность побит одним московским студентом-революционером С., но мы не слышали, чтобы товарищ, применивший к князю меру физического воздействия, догадался после этого заставить его спеть «Марсельезу»...

тех репрессиях, к которым прибегает русское правительство в борьбе с революционерами, «мирная» социалистическая работа невозможна *. Принимая в соображение, что под «мирной» работой «террористы» обыкновенно понимают всякую другую борьбу, кроме единоличной (собственно - «террористической»), и массовой борьбы с оружием в руках, приходится признать, что и Балмашев, подобно Карповичу, считал политическую агитацию в массе невозможной при современных наших условиях. Это — новое опровержение мысли, высказанной «Свободой», и новое указание на то, чем угрожает нам увлечение «террором».

Всякий имеет право быть нелогичным. Не лишена этого права и группа «Свобода». Но жизнь не останавливается перед промахами субъективной логики людей. У нее есть своя объективная логика, которая особенно больно бьет именно тех, кто не одарен большими логическими способностями. Таким людям она на каждом шагу преподносит крайне неприятные сюрпризы и заставляет их сегодня делать как раз то, что они не далее, как вчера, объявляли ненужным и невозможным.

* Та же брошюра; курсив опять наш.

Именно такие люди могут сказать о себе словами Писания: «не то хочу, что творю, но еже не хочу, то соделаю...»

Когда законы объективной логики общественного движения остаются непонятными для некоторых отдельных лиц из числа сторонников этого движения, тогда «промахи незрелой мысли» скорее смешны, чем страшны. Но когда этих законов не хочет или не может понять значительная часть тех, которые так или иначе примыкают к движению, тогда приходится признать, что делу прогресса угрожают тяжелые поражения. Это ярко подтверждает история революционного движения в России. В семидесятых годах у нас был период, когда революционеры, придя к тому убеждению, что террористическая борьба неизбежна, твердо убеждены были, однако, и в том, что «террористы» могут и должны составить лишь «охранительный отряд» революционной партии, главные силы которой должны идти «в народ». Они рассуждали так, как рассуждает теперь «Свобода» и, к сожалению, не одна «Свобода». Этот их взгляд был очень определенно выражен в передовой статье первого № «Земли и Воли»⁶. Если бы в то время кто-нибудь сказал нашим революционерам, что их «охранительный отряд» скоро поглотит

Новая пощечина русскому правительству. Протест защитников на разборе первой серии дел о крестьянских беспорядках в г. Валках, Харьк. губ.

Накануне первого заседания Палаты защита из разговоров с председателем вынесла впечатление, что ей не дадут возможности выяснить те средства, которыми были подавлены беспорядки в Харьк. губ. В день заседания предположения защиты вполне оправдались. Председатель запретил ей касаться неудобных сторон дела. Одного за другим он оборвал нескольких защитников, пытавшихся поставить на своем. Тогда защита потребовала перерыва и внесла след. заявление:

В Особое Присутствие Харьк. Суд. Палаты.

Защитников подсудимых крестьян Степана Лозенка, Павла Летюка, Федора Козерого и др., обвиняемых по 269 ст. Улж. о наказ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Защита убедилась в том, что подсудимые, прежде чем были преданы суду по обвинению в приписываемых им деяниях, потерпели следующие наказания: 1) были подвергнуты тяжелому телесному наказанию розгами, 2) в местах деятельности подсудимых был назначен постой войска, при чем мужчины подверглись со стороны солдат и казаков побоям, а женщины — изнасилованию, 3) на счет подсудимых содержались расквартированные по селам и деревням войска. Защита находит, что по основному положению уголовного права никто не может быть дважды наказан за одно и то же; между тем, подсудимые за деяния, составляющие предмет настоящего дела, подверглись карам, которые несравненно превышают кары, налагаемые за те же деяния по уголовным законам. Защита полагает, что выяснение тех наказаний, которым уже подверглись подсудимые, должно было бы повлечь за собой освобождение их, в случае признания виновными, от вторичного наказания за одно и то же деяние. Значение

наказаний, уже понесенных подсудимыми по распоряжению административной власти, отчасти разъяснено и указано Правительствующим Сенатом в решении по делу Алимова, 1873 г., № 32.

Защите запрещено г. председателем касаться обстоятельств, клонящихся к выяснению понесенных подсудимыми наказаний; таким воспрещением из рассмотрения особого присутствия Палаты устранены доводы и соображения, которые должны были бы иметь решающее влияние на приговор. Это равносильно лишению возможности защищать подсудимых, а потому мы, нижеподписавшиеся, заявляем об отказе от дальнейшего нашего участия в деле в качестве защитников, а настоящее заявление просим приобщить к делу.

Прис. пов. Н. Тесленко, пр. пов. Н. К. Муравьев, кандидат прав С. Е. Кальманович, пр. пов. Н. Морев, пр. пов. Н. Рапп, пр. пов. А. Ф. Стааль, помощн. пр. пов. Ф. Волькенштейн, помощн. пр. пов. А. Белоусов.

Подав заявление, защита удалилась, а при дальнейшем разбирательстве ее обязанности были выполнены кандидатами на судебные должности. Палата сообщила о поступке защиты подлежащим советам прис. поверенных. Таким образом, Петербургскому, Московскому и Харьковскому советам придется установить то или иное отношение к факту, беспримерному в летописях русского суда.

Поживем — увидим... А пока-что — местные власти усердно инсинуировали по поводу поступка адвокатов. Сперва били на то, чтобы внушить обвиняемым мысль, что «адвокаты их продали». Тем не менее, при личном свидании с обвиняемыми защите удалось объяснить им мотивы отказа. Тогда пошли слухи о том, что «адвокатов Палата выгнала».

Картина «усмирения», которую удалось восстановить путем расспросов обвиняемых. — по возмутительности превосходит все, что может себе представить даже избалованный в этом отношении русский человек. В то время, как мужчины, избитые, сидели взаперти в сараях, целые взводы солдат насиловали женщин. Были случаи самоубийства изнасилованных и высеченных. Офицеры смотрели на все сквозь пальцы. Одному полковнику принадлежит такое выражение: «Ну, теперь мы с мужиками покончили, теперь нам баб надо!..»

все их организованные силы и тем положит конец их деятельности «в народе», то они только пожали бы плечами: «Ведь мы прекрасно понимаем, — говорили они, — что без поддержки народа мы, революционеры, не имеем ровно никакого значения». Но прошло едва полгода после появления первого № названного органа, и в организации «Земля и Воля» стало брать верх то «террористическое» направление, сторонники которого со страстью доказывали, что работать в народе при современных русских условиях это — то же, что «биться, как рыба об лед» (см. журнал «Народная Воля») ⁷. Люди сели на верхний конец наклонной плоскости и надеялись удержаться там, с убеждением повторяя, что спуститься к нижнему концу ее значит совершить самоубийство, т. е. погубить все революционное дело. Но объективная логика раз принятого положения столкнула их вниз, незаметно для них самих и вопреки их, повидимому, твердому решению остаться наверху. Avis ⁸ для нынешних наших сторонников «охранительных отрядов» «эксциративного террора» «террористической мести» и т. п.

Повторяем еще раз: «терроризм», — как и всякий другой род борьбы, — имеет свою собственную логику. Кто сегодня «признает» террор лишь как прием самоза-

щиты или как способ «мести», тот завтра или послезавтра станет — подобно Карповичу или Балмашеву — считать его единственно возможным у нас видом революционной борьбы. А тогда прощай социализм! Прощай всякая, сколько-нибудь основательная надежда на близкую победу над правительством. Все дело сведется тогда к «мести нескольких человек нескольким человекам», по прекрасному выражению «Свободы». Мстители погибнут. И пусть на их место появляются временно все новые и новые кучки («дружины»). Такая борьба не может все-таки не быть безнадежной. Удары мстителей будут становиться все реже и реже, их силы будут становиться все слабее и слабее, а злорадная клика реакционеров, громко радуясь их гибели, будет — по не менее удачному выражению той же «Свободы» — то же, что и прежде, продолжать над бессознательной толпой...

Caveant consules! ⁹.

[Г. Плеханов]

Мы не узнали его фамилии, но это безразлично: к позорному столбу этого человека-зверя, которого вскормила проклятая русская действительность!

Как достоверный факт сообщают, что убытков до сих пор местными помещиками заявлено только на 75.000. Причиной — боязнь мести со стороны крестьян.

Нам нечего прибавлять к протесту защитников харьковских крестьян. Из него русское общество и весь цивилизованный мир узнают, что такое представляют собой те строгие меры, которыми, по словам царя (в его курской речи к крестьянам), были заслуженно наказаны валковские крестьяне. После слов царя защитники имели полное право говорить об изнасиловании крестьянских женщин, как о «каре», которую русское самодержавие применяет, через посредство своих слуг, к нарушителям «общественного порядка».

Батумский процесс. Нам доставлен обвинительный акт по делу 21 батумских рабочих, преданных Кутаисскому окружному суду по делу о бойне, произведенной местными властями 9 марта 1902 года. Согласно обвинительному акту, повodom к беспорядкам в Батуме послужило увольнение 26 февраля 389 рабочих с завода Ротшильда. Общее число рабочих на заводе равнялось 900; увольнение столь значительной части рабочих объясняется «сокращением спроса на керосин в жестианках». 27 февраля все рабочие завода бросили работу; «они требовали, чтобы никого не увольняли, а если работы на всех не хватает, то чтобы завод установил их очередную смену, при чем те, которые были бы заняты работами, получали бы полную рабочую плату, а внеочередные, остающиеся без работы, получали бы половину этой платы».

Далее, обвинительный акт сообщает, что прибывший в Батум кутаисский военный губернатор, собрав стачечников, пригрозил всем тем, которые не пойдут на работу, высылкой этапом на родину, и, когда увещания не возымели действия, полиция «по указанию администрации завода Ротшильда» арестовала в ночь на 8 марта 32 рабочих, для высылки по этапу. 8 марта толпа человек в 400 явилась к полицейскому управлению, требуя «освобождения задержанных товарищей». От полицейского управления толпа направилась к зданию тюрьмы, куда прибывший за ней пом. военного губернатора полк. Дрягин вызвал роту 7 кавказского стрелк. батальона. Толпа требовала, чтобы или арестованных выпустили или арестовали всех. Полк. Дрягин исполнил последнее и, арестовав 348 человек, вместе с 32 заключенными ранее в тюрьме, увез всех в пересыльную тюрьму. На следующее утро, 9 марта, «в девятом часу, к пересыльной части подошла огромная толпа рабочих с вожаками впереди, шествуя правильными рядами с песнями, шумом и свистом». Вышедшему навстречу полк. Дрягину стоявшие во главе толпы рабочие Мих. Хиримьянц и Теофил Гогберидзе заявили от имени толпы то же самое требование — или освободить заключенных или арестовать всех. На этот раз полковник ответил приказом расходиться. В виду отказа толпы исполнить это приказание, Дрягин вызвал в подкрепление к стоявшей здесь команде крепостного батальона роту 7 кавказск. стрелк. батальона. На попытку солдат очистить площадь от рабочих, последние ответили градом камней. Рабочие пытались отнять ружья у солдат и слышны были крики: «Бей их, бери ружья, они не могут стрелять». К рабочим, бывшим на площади, присоединились заключенные в пересыльной части, бросавшие оттуда камни и под конец вырвавшиеся из тюремного двора. В заключение войска стали стрелять и убили 14 рабочих и многих ранили. Задержанные в толпе и позднее — по указаниям полицейских — 21 рабочий обвиняются в явном противодействии местной административной власти, с целью принудить ее освободить арестованных рабочих, при чем Гогберидзе (26 л.) и Хиримьянц (31 г.) «управляли действиями толпы», т. е. по 13-й, 264-й и 1 ч. 266-й ст. Улож. о наказ.

По поводу этого обвинительного акта наш корреспондент пишет:

По показанию жандармск. полк. Зейдлица, толпа, хлынувшая из ворот пересыльного пункта, оказалась между войсками и толпой, стоявшей на улице. Зейдлиц признал,

что, если бы вышедшие хотели бежать, то не могли бы этого сделать, так как выхода не было. Прокурор в обвинительном акте почему-то предпочел показаниям полк. Зейдлица показания переводчика жанд. упр. Кякива, который, напротив, утверждал, что у толпы был выход на право от ворот.

В другом случае обвин. власть поступила как раз наоборот. Никто из свидетелей, стоявших около губернатора, в том числе и Кякива, бывший рядом с Зейдлицем, не видел, что Гогберидзе, разговаривавший с помощником губернатора, при приближении стрелков бросился к ним с криками навстречу. Это усмотрел только Зейдлиц, и только на основании его показаний Гогберидзе привлечен как вождь толпы, будто бы призывавший ее к насилию.

Обвинительный акт совершенно игнорирует обстоятельство, установленное большинством свидетелей — помощн. губ. Дрягиным, жанд. полк. Зейдлицем, офицерами и приставами, что во время всех волнений между рабочими замесчалась группа, настойчиво требовавшая от губернатора освобождения товарищей, но в то же время сдерживавшая толпу от всяких насилий. К числу этих лиц принадлежали Гогберидзе и Хиримьянц, которые обвинительным актом выставляются как руководители насильственного сопротивления.

Наконец, нельзя не обратить внимания на в высшей степени странные приемы следственной власти для открытия виновных. Не говоря уже о пользовании агентурными сведениями, о которых цинично говорит сам обвинительный акт, надо представить себе обстановку, при которой составлялся список обвиняемых. Когда 14 трупов и десятка четыре раненых были привезены с места побоища в военный госпиталь, туда явился судебный следователь Плетников, который опросил всех раненых, и тех из них, которые показали, что насилие начато войсками, а не толпой, зачислил в число обвиняемых. Хороший прием для того, чтобы освободиться от свидетелей защиты, так как если они и будут оправданы, они не будут свидетельствовать.

О легкомыслии, с которым люди привлекались в качестве обвиняемых, можно судить по следующему. Околоточный надзиратель Кардашев заявил, что он видел, как Гогберидзе дрался с солдатами. Только на этом основании последний был первоначально привлечен к обвинению. На другой день Кардашев арестовал на улице Бахтадзе и заявил, что дрался не Гогберидзе, а Бахтадзе. В результате, оба на скамье подсудимых. Следователь в порыве усердия привлек в качестве обвиняемых и посадил в тюрьму около 10 человек только потому, что показания их были невыгодны для администрации. Прокурорская власть распорядилась об их освобождении за отсутствием каких бы то ни было улик к их обвинению.

Нахальство следователя доходило до того, что он ссылаясь в своих постановлениях о заключении под стражу на то, что за два дня до столкновения администрация арестовала данное лицо и потому-де одному оно является солидарным с рабочими, сопротивлявшимися войскам.

Изложенная в обвинительном акте история того, как правительственные власти вызвали «беспорядки» и закончили их хладнокровным убийством 14 человек, может служить иллюстрацией к агитационной записке г-на Витте о преступном отношении самодержавного правительства к профессиональной борьбе рабочих.

Последствия Киевского побега. Как нам сообщают, киевский губернатор получил выговор за дозволение политическим заключенным гулять по вечерам. За то же, по слухам, тюремный инспектор уволен от должности. От должности уволен и помощник смотрителя Сулима, забредший вечером 18 августа, на свое несчастье, в тот корпус, откуда имел место побег; вина его только в том, что, разговаривая с заключенными в корпусе, он не слышал, что делалось на дворе. Другой помощник смотрителя, Федоров — дежурный в этот день, отдан под суд. Четыре жандармских офицера под наблюдением товарища прокурора Корсака ведут следствие о побеге. Не знаем, какой из них варварски избил вызванного для дачи показаний надзирателя Войтова (предварительно из-

битого тюремным начальством). По Киеву ходят упорные слухи о том, что другой надзиратель, Лука Степаныч, предвидя ту же участь, повесился. Слух этот не проверен и опровергается одним из наших корреспондентов.

Что касается самих бежавших, то все они ускользнули от преследования полиции, за исключением Б. Плесского, который вскоре после побега был арестован в Кременчуге, в ночлежном доме. Плесский отвезен в Киев и помещен в крепость. Через несколько дней после побега киевская полиция объявила дворникам, что, в случае розыска И. Басовского, И. Блюменфельда и В. Крохмалю, разыскавший получит по 1.000 р. за каждого.

Курск. В течение недели наш город был «центром» русской жизни. У нас, или точнее, в 6-ти верстах от нас, гостил царь, у нас говорились «исторические речи» сословиям, у нас всемогущий Плеве читал в сердцах представителей этих сословий, чтобы впоследствии... прописать им... Впрочем, гг. дворянам он уже прописал тут же на месте. Как вам известно, курские дворяне письмом на имя г. Евреинова выразили благородное негодование на неблагодарный способ обращения министра внутренних дел с представителями «первенствующего сословия». Казалось бы, после такого обращения и такого письма г. Плеве не мог рассчитывать на ласковый прием со стороны курского дворянства. Некоторые из дворян так именно и думали поступить и предлагали при приеме государя в дворянском собрании совершенно обойти г. Плеве и не посылать ему приглашения.

Плеве легко расстроил эти козни. Узнал ли он об этом, почуял ли верхним чутьем опытного сыщика, только незадолго до приема выразил губернскому предводителю желание посетить дворянский дом. Дурново немедленно об этом поспешил оповестить уездных предводителей, предлагая достойно встретить высокого гостя. И они явились. Да не только они, но и сам поруганный и обиженный А. В. Евреинов. Высокий посетитель был необычайно ласков и приветлив. Хвалил дом, хвалил дорогое убранство, на которое в чайники новых подачек не покусилась дворяне для царского приезда (все из твоего кармана, товарищ-рабочий, да на счет мужицкой мощны) и в особенности остался доволен роскошным главным залом. — «Акустика плоха», заметил кто-то из предводителей. — «Ну, у курских дворян прекрасные легкие», милостиво пошутил министр, намекая на крупный и «громкий» разговор, который он имел с Евреиновым. — «Суджанский предводитель не нуждается в акустических приспособлениях для того, чтобы его слышали»... «А вы значительно поправились после Петербурга, — продолжал Плеве, обращаясь к Евреинову, — знаете... осанка у вас... сделалась как-то представительнее...». — «Это Ал. Вл. заведывал убранством», — заметил Дурново, желая поспешно восстановить восстановлению репутации неблагонамеренного коллеги. — «А! Прекрасный, прекрасный вкус. Очевидно, вы большой знаток по части... эстетики». Ловкий человек г. Плеве! Отчитал в Петербурге, высмеял в Курске и оставил в дураках (простите, но не могу подыскать более учтивого выражения) и г. Евреинова и курских дворян вообще.

За г. Плеве я чуть было не позабыл о царе. Что делать? Это обычный удел маленького Николая. Бог забил наделить его разумом и волею — качествами, хотя и не безусловно необходимыми для человека в его положении («самодержца полумира»), но и не совсем лишними, — министры только потому не забывают, что приходится давать ему бумаги на подпись... Курская полиция, в хлопотах об охране его особы, позабыла, что царь должен быть встречен не одними шпионами, а как это ни беспокоит, но и настоящим народом. Товарищ-читатель не верит, а между тем — это факт. Не придавайте значения телеграммам Российского агентства о несметных толпах, восторженных громовых кликах, слезах умиления и проч. Все это даже не обычные гиперболы агентства, а прямая ложь. Был народ, и то не в таком количестве, которого можно было ожидать от такого города с 50 тысячами населения, только в местах остановок царя. Вообще же на улицах, по которым следовал царский поезд, народу было мало, «ура» были жидки, а в иных местах

не было ни народа, ни ура... Признаюсь, мое республиканское сердце радовалось, видя такой пассаж (отправляясь в Курск на «маневры», я ожидал «патриотических» неистовств). Радость мою отравляла мысль, что отсутствие народа при проезде царя является не следствием антидинастических чувств населения, а результатом «мер» администрации. Последняя сделала все от нее зависящее для того, чтобы охладить верноподданный пыл курян. (Сердечное спасибо ей за это!) Предо мной билет, подаренный мне одним почтенным гражданином на память о пребывании моем в родном городе. Билет этот выдан не более и не менее, как «на право нахождения на улицах в домах и вообще в местах по пути следования государя-императора в г. Курске». А вы жалуетесь на отсутствие прав, товарищи! Каких еще прав вам нужно. Шутка сказать: «право нахождения на улицах!». «Вот счастье, вот права!» — сказал бы Пушкин. Кроме этих билетов, было придумано еще несколько видов: кучерам и извозчикам «на право проезда в местах пребывания» царя и другие, значение которых хозяев позабыли... Ясное дело, что такие билеты могли получить сравнительно немногие. В большинстве же слухи о билетах вызвали раздражение и боязнь, что без билета «царя-то не увидишь, а в шею наладут». А тут еще повальные осмотры подвальных помещений, по главным улицам запечатывание погребов. В еврейских кварталах, где живет ремесленная беднота, перед приездом производились и совсем уж гнусные исследования. Из дома в дом ночью шаталась шайка жандармов, перерывая все вверх дном, оскорбляя чувство стыдливости женщин и девушек... По отношению к торговым помещениям были придуманы такие меры. С владельцев лавок и магазинов, расположенных по главным улицам, кроме подписки, взятой со всех вообще хозяев квартир о недопущении к себе в день приезда лиц, не снабженных пресловутыми билетами, отобрана была еще и другая подписка, по которой они обязывались торговли не производить, но и магазинов не записывать. Иначе, мол, вид закрытых ставнями дверей и окон произведет удручающее впечатление на императора.

Накануне приезда администрация поняла, что в своем охранительном усердии зашла слишком далеко и рискует вместо «патриотических» манифестаций устроить комичное следование царя по пустынным улицам. И вот, высуня языки, помчались околоточные и пристава возвещать курянам, что царя все увидят. Рассказывают, что эти благовестники прежде всего напали на оторопевших и со сна (дело было ночью) ничего не понимавших извозчиков, справедливо полагая, что на лошадях благая весть быстрее распространится по городу. Было, однако, уже поздно, контр-меры не помогли, и «народных масс» не создали.

Не забыты были, конечно, и «враги порядка». Рано на зорьке были приглашены в участки и там задержаны до вечера: Ермолова, Фортунатова, Н. Никитин, Каллистратова (жена стат.) и бывш. стат. Попов. К ним присоединили задержанных на улице Воробьева (раб.) и Будякова (студ.). В участках же сидело и 7 крестьян, задержанных с прошениями на высочайшее имя. (Один частный пристав хвастался, что один он отобрал у крестьян более 40 таких прошений. Вот они, истинные-то самодержцы!)

Всех этих лиц и задержали и выпустили самым бесцеремонным образом. Городовые взяли, городовые и выпустили, а за что, про что — начальство знает. Глупые и смешные вы люди, гг. охранители. От кого вы оберегаете вашего царя? Кому он нужен, бедный, убогий Ника? Придет время, мы, конечно, его уберем, но уберем без шума и треска выстрелов, тихим манером отправим на теплые воды коротать остатки дней в спиритических гаданиях да размышлениях о великих, но невольных грехах, совершенных им перед родиной и трудящимся людом. А пока пусть себе тешился, пусть себе катается, доказывая народу наглядно все убожество, до которого дошло в его лице самодержавие. Правда, это стоит денег, но даром ничего не дается... Курские мужики чешут себе в затылках, видя, какая уйма денег (до 16 милл., если верить слухам) пошла на царскую поездку и маневры, в которых московский дядя царя вел. кн. Сергей воочию обнаружил,

какими глупыми и бестолковыми людьми замешаются в настоящее время высшие государственные и военные должностные. Но тот же курский мужик рассуждает: «Вот жили себе тихо и царя не видали, а как забунтовали — и царь приехал. К новому году, слышь, будут землю делить». Крестьяне, более осведомленные о причинах царского приезда и слышавшие или читавшие его речь, рассуждают не менее революционно, но более осмысленно. «Да, — говорит один, — приехал... „Помните, — говорит, — что богатеют не захватом чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям божьим“. Мы-то, брат, видали, как богатеют, а ты, видно, не очень в этом смыслешь... То же нашел дураков учить».

Не хочет, а учит, открывает глаза народу Ника. Пусть же себе ездит пока-что. Мы его не тронем.

К р а с н ы й.

Архангельск. («Стачка» лесопромышленников). Между управлением государственных имуществ и местными лесопромышленниками возникли уже давно неприязненные отношения, вызвавшие, наконец, настоящий бойкот у местных буржуа-лесопромышленников по отношению к казенному лесу. Поводом для бойкота послужили установленные казной цены на срубленный лес. Все лесопромышленники Архангельской, а за ними и Вологодской губ. отказались покупать казенный лес, так что на зиму совершенно почти нет заготовленного леса, и все со дня на день ждут приостановки всех лесопильных заводов. Казна терпит весьма чувствительные убытки, особенно, если принять во внимание те миллионные обороты, которыми ежегодно ворочает лесопромышленность только одной Архангельской губ., не говоря уже о Вологодской.

Значительные бюджетные недоборы по управлению госуд. им. сильно встревожили цербера казенного сундука г. Витте, и он теперь рвет и мечет на Ермолова за то, что он добывает мало денег. Говорят, что создавшийся на этой почве конфликт обещает со стороны Витте переход к наступательным действиям против Ермолова...

Но «паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат»: искусственно созданный кризис в нашей лесопромышленности выбрасывает на улицу тысячи рабочих, занятых обыкновенно в этой промышленности, и как раз в такое время, когда некуда больше деться. Положение ужасное... Что будет здесь в предстоящую зиму, трудно себе представить, так как лесопромышленность — единственный способ добывать хлеб для голодной архангельской деревни. Кроме местных крестьян, на лесопильных заводах в Архангельске, особенно с проведением железной дороги, работает пришлый элемент из центральных разоренных деревень. Обыкновенная заработная плата на местных заводах даже в хороший год почти нищенская, а если прибавить к этому низкий культурный уровень здешнего рабочего, неумеющего еще отстаивать и своих ближайших экономических интересов и всячески эксплуатируемого «чужаками» лесопромышленностью, то картина жизни местного рабочего, не втянувшегося еще в классовую борьбу, получится довольно мрачная. Во всяком случае, этот год с «кризисом», вызванным бойкотом эксплуататоров, должен кое-чему научить и здешнего забитого полурабочего и создать довольно благоприятную почву для социал-демократической агитации и пропаганды. Попытки до сих пор в этом отношении были почти неудачны, так как они волей-неволей распространялись лишь на тесный круг более культурного пришлого рабочего люда, масса же еще спала. Теперь же не то. Симптомов нового настроения массы здесь много. Недовольство распространяется и на загнанного и забитого беспросветной нуждой архангельского пролетария.

Из области сыска.

М. В. Д.

Совершенно секретно.

...го Губернатора.

Циркулярно.

По канцелярии.

Гг. Полицейскому и уездным исправникам... губернии.

6 июня 1902 г., № 1559.

Из полученных в Департаменте Полиции сведений усматривается, что в настоящее время наиболее серьезным значением среди членов революционного сообщества, присвоившего себе наименование «партии социалистов-рево-

люционеров», пользуются розыскиваемые циркулярами Департамента Полиции нижеследующие лица:

1) Гершуни (он же Гершун, он же Гершунин), Григорий Андреев, из мещан гор. Шавли, Ковенской губ., врач бактериолог; подробные сведения о прошлой деятельности, о родственных связях, приметах изложены в циркуляре от 22 июня 1901 года за № 2234 и в приложении к циркуляру от 1 мая 1902 года за № 3362, при коем разослана и фотографическая карточка.

2) Василевский, Петр Иванов (циркуляр от 1 апреля 1902 года за № 2447).

3) Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна, урожденная Вериги, крестьянка Забайкальской области, Селегинского округа, Иволгинской волости, Зуевского селения (циркуляры от 12 октября и 12 ноября 1901 г. и 1 мая 1902 г. за №№ 3362, 3947, 3392).

Департамент Полиции придает первостепенное значение аресту названных лиц, а потому предлагает принять все находящиеся в распоряжении полиции меры к розыску их и с этой целью проверить всеми способами подозрительных лиц и совокупными с чинами общей и жандармской полиции усилиями задержать названных преступников, подлежащих препровождению в распоряжение Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления.

Поставляя об изложенном в известность гг. Полицеймейстера и Уездных Исправников, предписываю им установить через подведомственных им чинов полиции самое тщательное наблюдение за появлением означенных личностей и, кроме того, проверить всех вообще подозрительных лиц в подведомственных им районах, — с целью выяснения, не скрываются ли у них Гершуни, Василевский и Брешковская, и в случае обнаружения их таким путем, — немедленно их арестовать и поступить согласно указаний Департамента Полиции.

Вместе с сим предписываю гг. Полицеймейстеру и Уездным Исправникам оказывать чинам жандармской полиции всякое содействие в видах обнаружения Гершуни, Василевского и Брешковской, фотографические карточки которых при сем прилагаются.

Подписал: Губернатор... в.

Скрепил: Управляющий Канцелярией... ъ.

Верно: за Помощн. Правит. Канцелярии (подпись неразборчива).

Е. К. Брешко-Брешковская — известная пропагандистка 70-х годов, осужденная на каторгу по делу 193-х и несколько лет назад вернувшаяся в Россию.

Х а р ь к о в. Нам пишут: в городе распространен и ходит по рукам гектографированный листок «Долой социал-демократию!», подписанный «Группой независимых». Листок распространен среди машиностроительных рабочих...

Общее его содержание — критика деятельности социал-демократии. Обобщенным нападениям подвергнуты «оппортунисты», «изменники народного дела», при чем наряду с Фольмаром, Мильераном, Жоресом стоят Бебель и Плеханов.

«Независимые» призывают рабочих к личной инициативе, к личному почину, организации на началах «свободной ассоциации без авторитетов, без удушливой партийной дисциплины» и приглашают к «открытому протесту, к борьбе с оружием в руках с врагами народа и тиранами». Воззвание кончается словами: «Товарищи, будем же бороться, полагаясь только на самих себя, и прочь предрассудки, прочь авторитеты. Долой деспотизм!».

Очевидно, «независимые» (источник этих изданий для нас очевиден) выступают в новой роли — западно-европейских анархистов.

Не прогресс ли это зубатовской политики новой формации?!

«С т о р о н н и й».

Р. С. Листок, в общем искусно составленный, произвел на читателей большое впечатление.

Ставрополь Кавказский. 28 июня арестован в городской роще местный крупный землевладелец Н. Н. Безменов, живущий на хуторе Николина Пристань. Безменов стал известен своей продолжительной борьбой

с местным судом и администрацией, возникшей на почве ограждения им своих личных имущественных интересов. В этой борьбе Безменову пришлось несколько раз судиться по обвинению в оскорблении должностных лиц, о чем он рассказывает в изданной им брошюре («Дело Безменовых»). За несколько дней до ареста Безменов судился в Ставропольском окружном суде за оскорбление словами товарища-председателя окружного суда Дадьянца и был присужден к одному месяцу ареста. Местная администрация ликует, а ей вторят те обыватели, которые всегда идут впереди «видов начальства». К числу таких, повидимому, принадлежат заправила местной газеты «Северный Кавказ», которые ополчились на Безменова за то, что последний вызывающе держался по отношению к председателю суда — этому представителю «законности» (заметка об этом была написана в доносительном духе). Суд в Ставрополе — без присяжных, а потому можно себе представить, какую «законность» он выражает.

Рабий дух, одушевляющий местную прессу, отличается собой и местную интеллигенцию. Недавно живущий здесь г. Кулябко-Корецкий, кричащий на всех перекрестках о своих передовых взглядах, лобызался с вице-губернатором Ключаревым во время устроенного последнему прощального обеда (Ключарев переведен в Витебск). Г. Кулябко-Корецкий провозгласил за него тост как за «лучшего цензора в России». Вслед за Кулябко редактор «Сев. Кавказа», г. Евсеев, старейший представитель местной адвокатуры, приветствовал все того же вице-помпадур. Таковы понятия о такте у наших местных либералов!

Неудивительно, что среди царящей здесь рабской тишины арест Н. Н. Безменова должен был произвести сенсацию. Вслед за арестом Безменова были арестованы на хуторе, где жил Безменов, двое крестьян. Жандармы из кожи лезут, чтобы во что бы то ни стало создать громкое дело. Крестьян, как говорят, хотели подкупить, чтобы добыть «данные» для дела. За ходом последнего все власти следят с неослабевающим любопытством, так как все они заинтересованы в том, чтобы каким-нибудь способом избавиться от беспокойного человека в своей губернии.

Из сидевших в местной тюрьме двух московских студентов, отбывавших наказание за демонстрацию, один — Корде — был выпущен до срока, а другой — Захаров — все еще сидит.

Нам пишут из Перми. 20 августа из местной тюрьмы выпущены и оставлены в городе впредь до окончания дела 9 человек, обвинявшихся в устройстве вечеринок во время учительского съезда: вечеринки устраивались с преступной целью пропаганды среди учителей. Шесть человек сидело с февраля-марта, трое сидело всего лишь 10 дней. Выпущены они были после голодовки, в которой участвовало 6 человек. Поводом к голодовке послужило введение более строгого режима в распорядки тюрьмы, так что требования их сводились к требованию, напр., восстановления общих прогулок и т. д. Голодали они 8 дней, после чего их требования были удовлетворены. Одному из них — сотруднику «Пермск. Край» — Трапезникову пришлось проголодать 14 дней, т. к. к общим требованиям он присоединил еще требование своего освобождения. Свою голодовку он прекратил лишь тогда, когда ему показали бумагу о скором окончании его дела. На другой день он, вместе со всеми другими, был выпущен. Эта голодовка произвела глубокое впечатление на городское население. Были распространены воззвания к обществу, принятые последним сочувственно. Вообще, в обществе замечается увеличение революционной «нервозности».

Большие толки также вызвало «покушение» на инженера М. Д. Назарова: в окно его квартиры был брошен патрон. Дело было вечером, патрон ударился в косяк, упал на землю, где, разорвавшись, ранил подбегавшего ночного сторожа (теперь он вполне выздоровел). По этому делу было арестовано 3 проходивших случайно рабочих, по общему мнению, не имеющих к делу никакого отношения. Сначала они сидели в общей камере, но затем, после посещения тюрьмы жандармским полковником, рассажены по одиночкам. Жандармы потирают от удоволь-

ствия руки: ведь чуть не террористическое дело наклеывается!

А сам г. Назаров поспешил поскорее убраться, с соблюдением известной помпы. В знак благодарности за свое патриархальное отношение к рабочим (особенно склонность пускать в ход кулаки) он устроил себе торжественные проводы, при чем нашел рабочих, которые согласились сказать ему благодарственные речи и сделать какие-то подношения.

Красноярск. В июне месяце Красн. Комитетом Сибирск. С.-Д. Союза была распространена прокламация № 14, по поводу наказания розгами виленских рабочих, покушения и казни Леккерта. Это — первая печатная, с обозначением: «Типография Комитета». Таким образом, Красн. Комитет в техническом отношении прогрессировал даже очень успешно. За 6—7 месяцев своего существования он перешел от гектографа (2 прокл.) через мимеограф (11 прокл.) до печатного станка.

«Столбам» (живописные скалы в 15—17 верстах от города), о которых упоминалось уже в 22 № «Искры», еще раз суждено было сыграть роль... идиотизмометра для нашей красноярской полиции. 28—29 июня поклонники и любители природы и сильных ощущений (которые, как известно, получают не только от головокружительной высоты, но и от головокружительных напитков!) перешли справить юбилей избушки-приюта, возведенного ровно 10 лет тому назад самими же «столбистами». Сказано — сделано. За несколько дней до 29 июня «столбисты» наши начали уже делать приготовления к предстоящему торжеству. Полиция, пронюхав о каких-то сборах, имеющих касание к «неблагонадежной местности», постаралась, конечно, обеспокоиться и тоже стала снаряжаться в поход на «столбы».

Ко дню Петра и Павла на «столбах» кишмя-кишел народ. Скоро (иные говорят — и ранее) явилась туда и полиция с жандармерией. Недалеко от избушки-юбилея был разбит неприятельский стан. Лазающие по скалам и выпивающие у скал «столбисты», настроенные хотя уж и весело, но, однако, весьма еще мирно, — тут, естественно, не могли стерпеть, и вознегодовали... Синие мундиры уже, конечно, совсем не входили в программу праздника! И вот к вечеру, когда немного стемнело, по адресу вражеского лагеря понеслись со всех соседних камней всевозможные возгласы: «Анафема, долой жандармерию» и даже — «Долой самодержавие!».

Полицией был сорван красный флаг с надписью: «Свобода» с одного из высочайших столбов; избушка затем оцеплена, и все в ней присутствовавшие, человек 12—14, заарестованы и под конвоем — на крестьянских повозках из ближайшей деревни — торжественно препровождены до города, в тюремный замок.

Большинство из арестованных было выпущено в следующие же дни. Трое же, признанные почему-то за особо-опасных, просидели 3—4 недели каждый. Шуму в городе эта полицейски-азиатская история наделала ужасно много. Иные негодуют, иные смеются. Красноярская полиция, кажется, потеряла теперь всякий кредит в глазах даже... обывателя. Крестьяне ближайшей к «столбам» деревни, принужденные неожиданно-негаданно нести «подводную» повинность в страдную пору, были порядком возмущены полицией и до сих пор издеваются над ней.

Енисейск. В один прекрасный июльский день властями губернского города Красноярска получена была телеграмма из г. Енисейска, как говорят, такого содержания: «Город в опасности». В самом Енисейске в этот день был изрядный переполох. Пришли грозные слухи, что рабочие Неробеловских приисков (которые верст за 100—120 от города), поднявши красные знамена, двинулись на Енисейск. Энергичная сибирская администрация не растерялась и, быстро приводя в боевой порядок свой жалкий гарнизон, выставила его перед городом для отражения... неприятельской армии. И вот через некоторое время неприятель показался... Человек 70 рабочих, в сопровождении своих жен и детей, мирно тянулись к городу. Храбрый гарнизон мужественно преградил «неприятелю» дорогу и грозно спросил: «Стои! Куда? Зачем?»

— В город по начальству, жаловаться на хозяина, — отвечали рабочие.

Но, несмотря на такое мирное настроение «врага», вся «неприятельская армия» была взята храбрым гарнизоном... в плен и отправлена в тюремный замок.

Скоро все страхи и все это дело объяснилось просто. Неробелов, хозяин присков, тип таежного зверя-человека, на душе которого, как говорят, лежит не мало пролетарской крови, не одна пролетарская жизнь, намеренно устроил весь этот переполох. Обладая необыкновенной физической силой, этот зверь нередко собственными руками жестоко расправляется с своими рабами-рабочими. И бывали случаи, когда бежавшие из его «каторги» исчезали бесследно... Ведь, тайга велика, темна и молчалива!

Но сей звероподобный субъект, как оказывается, однако, не лишен некоторого рода «цивилизованной» сметки. Когда рабочие, выведенные из себя его придирами и истязаниями, решили сообща бросить работу и идти в город жаловаться, сей таежный зверь доказал, что и он — «плод» современной культуры. Прослышав, что по России за последние годы происходит что-то неладное и что в этом «неладном» не малую роль играют именно «рабочие с красными знаменами», он приехал в город, обогнав шествующих рабочих, и перепугал наших властей ужасным заявлением: «Революция идет!» И, конечно, ловко попал в цель. Перед российской полицией, заброшенной в глухой таежный угол, встал грозный призрак — неведомый и страшный... И в результате — вся эта комедия. Арестованные рабочие, конечно, скоро были выпущены, а администрация г. Енисейска постаралась замазать всю эту историю. (Вице-губернатор из Красноярска, однако, ездил зачем-то в Енисейск).

Одно можно сказать: у страха глаза велики!

Приближающаяся к России исполинскими шагами политическая революция дает о себе весточку и к нам, в глухую таежную Сибирь, заставляя представителей российской самодержавно-полицейской власти то тут, то там выкидывать самые идиотские истории.

Иркутск. В июне и начале августа местным Комитетом Сиб. Соц.-Дем. Союза были распространены 2 прокламации — №№ 4 и 5; № 4 — по поводу маленького народного бунта, случившегося у нас в июне месяце, № 5 — по поводу покушения на Оболенского. Что касается бунта, то дело происходило так. Один мошенник-лавочник, из ссыльных черкесов, обчитал рабочего (строительного). На требование рабочего он отвечал тем, что стал выгонять его из лавки. Началась ссора. Рабочий апеллировал к присутствующим и к толпе возвращающихся с работы товарищей. Толпа стала грозить лавочнику, что разнесет все. Лавочник, видя, что дело плохо, выстрелил в нападающих и всадил пулю в горло одному из толпы, а сам успел убежать и скрыться. Тогда толпа, подкрепленная новыми партиями возвращающихся с работы, вознегодовала и устроила жестокую бомбардировку из камней. Весь товар и самое здание, где помещалась лавка, через несколько минут представляли уже весьма жалкое зрелище. Народ сбегался со всех улиц сотнями. Новые и новые толпы вступали в ряды разрушающих. Появился и наш иркутский люмпен-пролетариат, которого здесь (благодаря железнодорожному строительству) довольно много. Картина стала принимать вид не только внушительный, но и грозный — грохот камней, крики, гиканье, иногда выстрелы в воздух, — все это начинало походить далеко не на «большой скандал», как постарались потом представить эту вспышку народного гнева представители полиции.

Городовые сбежали со всех постов, кое-кто из них был побит довольно основательно. Вскоре прибыл и более крупный представитель власти — полицейский пристав и, войдя в толпу, властными жестами попробовал было разогнать ее. Но, — увы, — весь страх и почтительность толпы перед полицией исчезли куда-то бесследно... и пристав был жестоко избит. Гиканьем, свистом и смехом были прогнаны затем еще какие-то два представителя вла-

сти. Эти почтенные чиновники пресмешно улепетывали вдоль улицы! Наконец, явился и сам хозяин города — губернатор... но и ему пришлось не сладко... Толпа встретила его издевательствами и смехом. Сидя в своей коляске, обескураженный, он разводил только руками да растерянно бормотал: «Что станешь делать? Войска в городе нет»... (солдаты были увезены далеко на маневры). Так, разводя руками, он и уехал.

Пригнали было для усмирения несколько пожарных частей, но народ пригрозил изорвать, изрезать рукава, если они осмелятся разливать. И пожарные части благо-разумно покорились.

Народом были разбиты еще две лавки, принадлежащие черкесам же, прославившимся своими мошенничествами и обманами. И только часам к девяти (началась же с 8 час. вечера), когда почти все «бунтари» устали и разошлись, прискакали казаки и, напрасно отыскивая «неприятеля», отхлестали по пути кое-кого из любопытствующих обывателей. Таким образом, день этот стал днем «крещения» иркутского обывателя, и через православную казацкую плетью он был введен и причислен, наконец-то, к сонму истинно-русских и православных...

Вся эта баталия, надо сказать, происходила в еврейском квартале города, и можно было опасаться, что стихийная вспышка эта может легко превратиться в анти-еврейские беспорядки. Но ничуть не бывало. Лавка черкеса, разбитая вдрызг, находилась рядом в одном здании с лавчонкой еврея-ювелира, и в этой последней не были разбиты даже стекла.

Весь этот «бунт» скорее всего и справедливее всего можно назвать анти-полицейскими беспорядками, ибо негодование против полиции выразилось здесь слишком ярко и ощутительно... и не только в толпе «бунтарей», но и в массе любопытствующей публики. Иркутская полиция (конечно, по отношению к «простому» народу) есть нечто невозможное по своей наглости и алчности. Все мошенники (а также, значит, и потерпевшие лавчончики) под ее покровительством и защитой. Многие иркутяне не сомневаются, что не только некоторые воровства и грабежи произошли с ведома и с помощью местной полиции, но не мало и убийств (а они у нас так часты, что наводят общую панику и иногда, по вечерам, обыватель только в крайности вылезает на улицу, дрожа и крестясь...), в которых полиция нагревала руки.

В последующие дни за этим «бунтом» немало было шуму по городу. Но, поговорив немного, особенно когда появились листки по этому поводу от местного С.-Д. Комитета, обыватели скоро забыли всю эту историю. Листок Комитета разъяснял нецелесообразность таких протестов, указывая на злейшего народного врага — самс-державие, с его полицией, и на то, как следует бороться с этим врагом.

[К сожалению, листок Комитета не совсем удачно использовал этот случай в агитационном смысле. (Таково мое мнение!) Миновавшая эпидемия экономизма, очевидно, помимо собственной воли писавших, отразилась и в этом листке. Факт ярко-политического характера почему-то непременно понадобилось скрепить и связать с повседневной экономической борьбой. Не есть ли это принижение и сужение агитационного размаха?! Наши задачи (полагаю я) пользоваться подобными фактами именно как таковыми, способствуя тем самым высвобождению сознания рабочего класса из узкой сферы повседневных отношений работника и хозяина. Именно только такой способ использования фактов внефабричной жизни и способен воспитать политическое сознание рабочего класса.]

Прокламация № 5, по случаю покушения на Оболенского, говорит, между прочим, что из нашей среды всегда найдутся мстители и, опять-таки, к сожалению, не указывает на единственную целесообразную форму борьбы — борьбу масс...

Обе прокламации были распространены в жел.-дор. депо, в депо ст. Инокентьевской, в городск. типографиях и по городу.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ*.

Нынешние зима и лето ознаменованы в Финляндии беспримерным массовым сопротивлением беззакониям царского правительства. Такого внушительного и вразумительного протеста масс оно не встречало еще нигде. Николай II открыл в 1898 г. свой возмутительный поход на финляндскую автономию проведением нового устава о воинской повинности, утвержденного им 29 июня 1901 г., вопреки решению чрезвычайного сейма 1899 г. Читателям «Искры» (см. №№ 11 и 22) известны суть этого т. н. «закона», состряпанного г. Куропаткиным, и грандиозные протесты всех классов населения финского народа против этого грубого насилия. Российское самодержавие, начав свою преступную «обрушительную» политику в Финляндии с вопроса, касающегося в одинаковой степени всех слоев народа, сразу открыло глаза почти всем финляндцам на истинный характер своей «многосторонней» деятельности и достигло их быстрого сплочения для упорной борьбы за свою конституционную свободу, утвержденную пятью русскими царями. Дважды обращался весь финский народ к жалкому клятвопреступнику с лояльными полумиллионными протестами-адресами, но «его величеству» было благоугодно оставить их без последствий: так же он отнесся и к представлениям финляндского Сената, единогласному решению сейма, грандиозным, истинно-народным демонстрациям во многих кирках при обнародовании «закона», солидарному отказу многих пасторов и большей части городских и сельских общин принять участие в этом царском преступлении, подаче в отставку (в виде протеста) многочисленных секретарей воинских присутствий и полного состава медицинского управления и т. п. Царские советники на все это отвечали одними лишь бессмысленными угрозами и репрессиями, исходящими от царского имени.

Второго апреля по всей Финляндии открыли свои заседания незаконные призывные по воинской повинности присутствия, составленные «с высочайшего соизволения» впервые без участия выборных общинами членов. Юноши всех классов общества оказались на высоте своего призывания — отважных борцов за политическую свободу отчины. Процент юношей, отказавшихся исполнить беззаконие, подтвержденное приказанием и угрозой клятвопреступника, достигает в Вазаской губ. внушительной цифры 85,9 и лишь в трех губерниях он ниже 50. Всего из 23.757, подлежавших призыву молодых людей, явилось в присутствия только 9.753 чел. Русское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы добиться повиновения в столь важном для себя вопросе, как военная служба, и все его старания увенчались полнейшей неудачей. А чего только не делал царь со своими слугами! Проведение его произвольного «закона» сопровождалось по всей Финляндии рядом грандиозных мирных всенародных демонстраций, продолжавшихся в течение 3—4 месяцев. В одном лишь Гельсингфорсе, вследствие неслыханной наглости ньюландского губернатора Кайгородова, занимающего этот пост совершенно незаконно, произошло 5 (18) апреля описанное нами в прошлой статье избиение мирной публики казаками, окончившееся, в сущности, настоящим поражением башибузуков. Г. Бобриков поспешил им выразить свою похвалу и закончил свою резолюцию откровенным признанием главного назначения войска в борьбе с «внутренними врагами». «Державный» господин сатрапа пошел еще дальше и награждал главных виновников избиения ко дню русской пасхи: так, за «отличие по службе» ген. Кайгородов получил бриллиантовую табакерку, годный полицеймейстер Карлстедт произведен в полковники, а четыре полицейских чина, присужденных гельсингфорским судом за ложное обвинение, ложную клятву, незаконный арест и т. п. к тюрьме, «всемилоостивейше награждены» чинами и деньгами. Николай II «оставил без по-

следствий» жалобу гельсингфорских гласных и магистрата на Кайгородова и Карлстедта, объявил «высочайший» выговор абоскому губернатору, осмелившемуся вмешаться 5 апреля в распоряжения Кайгородова по просьбе публики, и, наконец, приказал финляндскому Сенату немедленно выработать проект реорганизации гельсингфорской полиции. Гельсингфорские гласные отклонили составленный в таком духе бесстыднейший проект Карлстедта, предложившего, между прочим, введение петербургских дворников и сыщиков, домовых книг и т. п. И вот полицию берет под свою «августейшую» защиту сам царь, откровенно показывая всем финляндцам свои жандармские таланты и симпатии. Насколько мало русский сатрап в Финляндии заботится об общем поддержании порядка, доказывает его упразднение организовавшегося из студентов и рабочих, по инициативе гельсингфорских гласных, добровольного отряда, сумевшего без оружия водворить образцовый порядок в ночь на русскую пасху.

Русское правительство само скоро убедилось в своей ошибке, но исправить ее уже было поздно. Солидарный протест новобранцев оно объяснило, разумеется, «стараниями агитаторов», однако, дело от этого не выигрывало. Массовый отказ юношей свидетельствует, понятно, не об агитации, а о политической зрелости всего финского народа, которого не могли сбить ни царь-батюшка своими «временными послаблениями», ни его ревностные агенты, пускавшие в ход, действительно, «преступную» агитацию. Если финские новобранцы отказались подчиниться незаконным действиям правительства, когда «монарх» милостиво разрешил призвать всего 280 чел. в финский гвардейский батальон, то как должны были бы они поступить, если бы их без всякой «милости» тысячами стали отправлять, на основании «закона» г. Куропаткина, в русские войска, в Россию, где они даже не понимают самого языка? А такая перспектива открывается перед финляндской молодежью, если она не сумеет во-время оказать отчаянного сопротивления. Агенты самодержавия были поставлены в тупик мужественным поведением большей части новобранцев. Генерал-губернатор еще в июне беспомощно прибег к изобретательности финляндского Сената, настаивая на необходимости во-время принять энергичные меры по отношению к неявившимся в присутствия, чтобы внушительно повлиять на благоприятный исход набора новобранцев в 1903 г. Дело в том, что выборский суд, руководясь финляндскими законами, освободил от ответственности неявившихся. Бобриков отлично сознавал преступность нового «закона» и потому был уверен в том, что любой финляндский суд поступил бы так же. До сих пор еще не состоялось никаких «мероприятий» относительно неповинующей молодежи. Единственный благоразумный выход из щекотливого положения, в котором очутился правительство, было бы «оставить без последствий» протест новобранцев и «временно» отменить призывы; затем поручить финляндскому Сейму самостоятельно издать новый закон о воинской повинности. Но русское самодержавие благоразумие никогда не отличалось, а потому оно и в данном случае измышляет себе на зло одни лишь репрессии.

В связи с новым «законом» находится начавшаяся в этом году «реорганизация» финляндского кадетского корпуса — попросту постепенное превращение его в русский кадетский корпус. Пока упразднены специальные классы корпуса, так что воспитанникам необходимо в русских военных училищах заканчивать свое образование*. Вообще, обрушительная политика в Финляндии теперь в полном разгаре. Так, в июле издан «указ» о новом порядке обнародования законов; цель этого, в сущности второстепенного, постановления — формальное уничтожение Сената и увеличение престижа власти генерал-губернатора и министра статс-секретаря. Этот пост, который все время Плеве занимал противозаконно, не думает все еще слагать с себя министр-палач, соединяющий в своей особе «временно» два министерских поста. Упомянутый «указ» бесцеремонно, между прочим, повелевает:

* Разумеется, финские кадеты спешат переходить в университет, политехнический институт и в средние учебные заведения.

* Под этой рубрикой мы намерены впредь аккуратно, по возможности в каждом № «Искры», знакомить читателя, на основании самого точного и свежего материала, со всеми наиболее возмутительными текущими мероприятиями русского правительства и борьбой финского народа за свою конституцию.

«Собрание постановлений В. К. Финляндского» впредь издавать в русском оригинале, с точным переводом на оба местных языка. До сих пор было наоборот: русский текст являлся переводом. Однако, и всем этим далеко не ограничивается «плодотворная» обрусительная деятельность царского правительства. В начале сентября финляндский Сенат, без всяких протестов, согласился признать законами 5 указов, состряпанных совершенно противозаконно русской комиссией в Петербурге. Такое грубое вероломство, как новейшие царские «законы», возможно только со стороны русского правительства, т. е. шайки разбойников. Наша статья и так уж затянулась, поэтому мы укажем пока лишь в нескольких словах суть новых беззаконий, являющихся откровенным попранием основных финляндских законов. К этим указам мы, по всей вероятности, вернемся в следующих статьях. Первый указ превращает и формально и практически финляндский Сенат в учреждение, подчиненное воле генерал-губернатора или его помощника. На всех «наиболее важных» заседаниях хозяйственного департамента они будут присутствовать вместе или по одному, будут председательствовать и «руководить» прениями и т. п. Новый устав войдет в силу с октября 1903 г., когда будет введен в этом департаменте русский язык. Сенату, между прочим, запрещено принимать подписанные несколькими лицами петиции, в которых порицаются действия правительства и т. п. Словом, в благодарность финляндскому Сенату за всю его уступчивость перед беззакониями Николая II за последние 2 года, он фактически будет превращен в канцелярию агентов российского самодержавия. Так как все, за немногими исключениями, финляндские чиновники и судьи выказали преданность конституции, то царь повелевает всех неудобных для него чиновников смещать административным путем и предоставить русским те же служебные права, какими до сих пор пользовались финляндские граждане. Последним «указом» санкционируется практика, так как с 1899 г. русские чиновники назначались на некоторые финляндские должности. Сам Плеве положил начало этим «мероприятиям», заняв высший финляндский пост, и с его легкой руки посыпались подобные назначения.

Недавно Выборгским губернатором назначен один из прислужников Плеве, Мясоедов, и впервые учреждена новая должность «гражданского ведомства» — помощник генерал-губернатора, которую занял председатель Петербургской судебной палаты Дейтрих, один из бывших сотрудников палача русских революционеров. Финляндские чиновники-граждане заменяются покорными рабами российского тирана. Наконец, один царский указ запрещает чиновников привлекать к ответственности за злоупотребления, совершенные ими по должности без разрешения их начальства, при чем этот «закон», как и указ о смещении с должности финляндских чиновников, имеет и обратную силу, т. е. будет применяться задним числом; поводом к такой несмысленной доселе в Финляндии наместке над законами послужило справедливое осуждение финляндским судом нескольких полицейских чиновников и цензоров-сыщиков, действовавших во славу самодержавия. Все новейшие преступные указы Николая II, как видит читатель, находятся в тесной связи и направлены к уничтожению законности и политической свободы в Финляндии. Они красноречиво доказывают, насколько представители старо-фенноманской партии заблуждались, доверяя всяким обещаниям и намекам Плеве, который начал заигрывать с финляндскими близоруками оппортунистами, как, напр., гг. Ирио Коскинен, проф. Даниельсон, архиепископ Иогансон и др. Последние, в свою очередь, начали печатно в своей реакционной газете «Nusi Suometar» и устно распространять в Финляндии ложные слухи и надежды среди легковерных людей. Но таковых, к счастью, оказалось сравнительно немного, тогда как подавляющее большинство всех слоев финского народа убеждено в том, что ему нечего больше ожидать «милостей» и справедливости от российского самодержавного правительства. Все сознательные финляндцы относятся с истинным сочувствием и искренней, горячей симпатией к борьбе русских революционеров и пробуждающегося русского пролетариата с издыхающим чудовищем. В русских само-

отверженных борцах за политическую свободу финский народ видит уже своих братьев, стремящихся к той же цели, которую преследует и он. Для финляндцев делается ясным, что его будущность связана с судьбою всех борющихся с одним и тем же врагом. Дни русского царизма, несомненно, уже сочтены, и он сам всячески ускоряет свою гибель, сея повсюду ненависть к себе. Солидарный натиск всех страдающих от позорного ига элементов свергнет русское самодержавие.

Р. С. Летом примкнула к Международному Социалистическому Бюро в Брюсселе Финская Рабочая Партия, число членов которой в настоящее время достигает, приблизительно, 10.000. Мы предполагаем вскоре посвятить особую статью финскому рабочему движению.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Льгов, Курск. губ. В с. Ольшанке, Льговского уезда, один крестьянин, зайдя в лавку, вступил в разговор с хозяином и бывшими в лавке покупателями на злобу дня — о больших маневрах. «Сколько это стоит денег, сколько стоит! И все это с нас, мужиков, сдерет потом, — говорил крестьянин. — Да, с нас-то берут, а нам-то ничего не дают, черти проклятые», — заключил он свою речь и к стати запустил по адресу «возлюбленного монарха» крылатое слово, неудобное для печати.

Лавочник оказался большим «патриотом» и немедленно донес на разговорчивого мужика становому. Тот — исправнику, и началось «дело» об оскорблении величества. И вот в Ольшанку нагрянули власти: становой, жандарм, тов. прокурора. Стали судить да рядить. Мужик не отпирается. «Ругал, — говорит, было дело. Да и как не ругать, коли кожу с нашего брата дерут и конца этому дранью не видно». Что делать с таким упорным злодеем? В другое время власти не стали бы долго думать, как поступить. А тут маневры, петербургское начальство... призадумалась: «Как, мол, допустили крамолу? Распустили мужиков!». И надумали власти предложить ольшанцам, чтобы те составили приговор об исключении из общества поносителя царского имени, как порочного члена. Предлагают, а ольшанцы отказываются: «За что ж исключать? Он мужик хороший, ничего дурного за ним не знаем». Так и не дали приговора. Тогда наиболее изобретательный товарищ прокурора придумал исход: замать дело таким образом: предложили мужику подать заявление в том смысле, что, дескать, говорил он в лавке в пьяном виде и очень может быть, что по пьяному делу и царя ругнуть случилось.

Ромны, Полтавской губ. В здешнюю тюрьму привезли из ближайшего села политическую преступницу «Аришу»: у нее нашли нелегальную литературу. Увидели у одной девушки брошюру, недозволенную цензурой, спросили, где достала, указала на «Аришу». Отправились к виновнице преступления и ярко убедились в верности указания, — нашли «Аришу» с поличным. Откуда у «Ариши» литература? В Киеве была, барышня съезжала с квартиры, приказала сжечь, а «Ариша» решила, что гораздо полезнее повести в деревню мужикам на «сигарки». На вопрос — грамотная? — «Нет» — отвечает. — Кто такая барышня? — «Не знаю». — «На какой квартире?» — Не помнит. Держат ее в тюрьме — все один ответ: «Ничего не знаю, ничего не ведаю, книжки привезла на сигарки мужикам». Решили отпустить. Во время последнего допроса ввели в комнату фельдшера из ее деревни, сна увидела его и лишилась чувств. Ее посадили опять. — Дальнейшая судьба «Ариши» нам неизвестна.

В имении гр. Ламсдорф «Ветрищах» были сильные крестьянские беспорядки. Крестьяне другого графского имения в Роменском уезде ждут к себе студентов, чтобы начать бунтовать.

На днях вспыхнуло несколько пожаров в Роменском уезде: крестьяне поджигают убранный хлеб у помещиков.

С Кавказа. Месяца два тому назад крестьяне одного села Кутаисской губ. постановили на сходе: не платить попом установленной обычаем платы (по три рубля

с дома); не платить помещикам за аренду земли (большинство крестьян арендует помещичьи земли) больше четверти урожая вместо половины; ничего не платить помещикам за пользование пастбищами, лугами и лесом; не давать прислуги из своей среды дворянам и князьям, так как крестьяне находят очень унижительным для себя прислуживать им. Очень скоро такие же требования были выставлены почти во всем Озургетском уезде. Крестьяне известили попов и дворян о своих решениях; те сначала, конечно, и слушать не хотели крестьян и начали посылать своих представителей с жалобами к губернатору и дальше. Приезжал губернатор и пробовал уговаривать крестьян отказать от постановления сходов, но безуспешно: придраться на «законном основании» он не мог и уехал ни с чем. Тогда князья начали действовать сами, запросили еще больше арендной платы, не позволяя выгонять на свои земли скот и проч. Трех наиболее злых князей и одного попа убили крестьяне. Губернатор явился вторично и арестовал очень много людей, между прочим, трех сельских старшин, сельских учителей, недавно выпущенных из Тифлисской тюрьмы литератора Ноя Джордания и интеллигента Сил. Джибладзе, которые были высланы туда жандармами. По целому уезду теперь размещены войска. Крестьяне упорно стоят на своих решениях и не хотят ни в чем уступить. Большинство попов и князей пошли на уступки и принимают все условия крестьян. Оживление большое. Батумская соц.-демократическая Группа выпустила по этому поводу прокламацию на грузинском языке и обращение к солдатам на русском (печатное). Движение поражает всякого солидарностью крестьян и их большой выдержкой.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ.

Краткий очерк рабочего движения
в Бежице.

(Завод Брянского акционерного общества.)

Бежица представляет собой огромный заводский поселок в 9 верстах от города Брянска, Орловской губ. Население поселка по переписи 97 года равнялось, приблизительно, 20 тысячам, рабочих же, работающих на заводе, считалось в то время 10—12 тысяч. Кроме того, посредине между Брянском и Бежицей находится вагоностроительный завод Мальцевского общества, а в окрестностях стеклянный завод того же общества и другие мелкие заводы, так что весь район от Брянска до Бежицы является кипучим рабочим муравейником... Первая попытка со стороны «интеллигентов» завязать знакомство с рабочими была сделана в 1896 году; но это была единичная попытка, вызванная, так сказать, субъективным желанием познакомиться с представителями нарождающейся в России общественно-исторической силы... Иначе дело обстояло в 1897 году. В это время среди бежских рабочих замечается сильное оживление. Создается довольно обширный основной кружок развитых рабочих; образуется кассовая организация с писанным уставом; в организацию в самый момент ее возникновения вошло 30—50 членов, и затем она стала быстро расширять свое влияние. Одновременно с этим происходили не раз собрания рабочих, иногда довольно многочисленные; на этих собраниях говорились речи и происходил оживленный обмен мнений. Нелегальная литература циркулировала среди всех причастных к организации наряду с усиленным распространением хорошо подобранных легальных книг. Вскоре по возникновении организации, заводская администрация удалила с завода (вся Бежица расположена на заводской земле) Б. А. Кварцева, которого она заподозрила в пропаганде среди рабочих. Однако, образовательное движение среди них продолжало идти своим путем. Впервые настроение рабочих вырвалось наружу и всколыхнуло не только местное, но и все губернское

общество в начале июня 1898 года. Нужно заметить, что отсутствие борьбы у бежских рабочих с администрацией завода в течение 25 лет, наряду с блестящими делами завода, побуждавшими последний добровольно повысить заработок рабочего до порядочных размеров (конечно, при соответствующем повышении интенсивности труда), — все это водворило на заводе такие патриархальные порядки, что заводская администрация не могла даже представить себе возможности иначе регулировать жизнь рабочих, чем своим абсолютным произволом. Поэтому в ведении работ господствовала целая масса самых вопиющих нарушений закона. О табелях с расценками рабочие не имели даже понятия; заработная плата выдавалась раз в месяц; в штрафах, конечно, полнейший произвол; делались, кроме того, никому непонятные вычеты; купоны в фабричные лавки пользовались самым широким распространением, и пр. и пр., не говоря уже о безобразном обращении, о притеснениях, связанных с арендой земли и, вообще, проживанием на заводской территории. В мае 1898 г. завод праздновал 25-летие своего существования. Высшее приезжее начальство объявило рабочим, что по случаю праздника рабочим ассигновано 300 тыс. руб. на устройство праздника (или в качестве наградных: достоверно неизвестно, — предполагалось ли раздать их рабочим, или устроить празднество). Юбилей прошел, но никакого празднества, ни наградных рабочих не получили. 300 тысяч канули, как в воду. Уже один этот факт сильно возмутил рабочих. В середине мая по заводу были разбросаны листки с двояким содержанием. В одном перечислялись все те беззакония (с указанием соответствующих статей из правил о фабриках и заводах), которые делала заводская администрация по отношению к рабочим, и последние призывались к борьбе за свое материальное положение; другой листок был посвящен майскому празднику; в нем разъяснялось значение первого мая для рабочих и необходимость борьбы с правительством за политическую свободу. И в том и в другом листке были выставлены определенные требования — в первом местные экономические, во втором — общие политические. Листки произвели очень сильное впечатление на рабочую массу. Главное, она в целом ни о чем подобном даже не слыхала. Конечно, толки эти листки вызвали самые разнообразные, но общее настроение стало еще более приподнятым, потому что рабочие почувствовали, что за ними стоит какая-то неизвестная им сила. В начале июля это настроение разразилось хаотической бурей, так как в целом рабочая масса в Бежице была еще слишком сера. Случился инцидент, указывающий степень того деспотизма, который царил на заводе. Мальчик—сын рабочего—вздумал подразнить собаку одного из заводских сторожей; последний, после одного-двух окриков на этого мальчика, выхватил револьвер и наголов убил им несчастного шалуна. Терпение рабочих лопнуло. Мрачные собрались они вокруг труп. Сторож исчез, но явился из Брянска пристав Квитницкий и велел нести убитого в больницу. Рабочие сдержанно, но решительно объявили, что нести в больницу труп они не позволят, так как доктора там запишут убийство несчастным случаем по собственной неосторожности. С развязностью и пылом квартального, Квитницкий заругался по-извошичьи на рабочих с приправой всевозможных угроз. Тогда вдруг раздался крик: «А, он еще ругаться! Бить его!». И злополучный квартальный бросился бежать от ожесточенной толпы, забрался со страху в попутную рабочую казарму, ухватил там женский костюм, пролез в клозет и оттуда самым трагикомическим способом как-то улизнул во-свои. Между тем, толпа бросилась громить лавки; разбила пивную, булочную; кто-то бросил при этом спичку или папиросу в сени булочной. Булочная вспыхнула. От нее загорелась механическая мастерская, тушить пожар рабочие не позволили и перерезали один или несколько пожарных рукавов. Пробовали разбить дом директора. Разломали один большой заводский магазин. Бросились было к потребительной лавке, но ее отстояли рабочие же, участвовавшие в потребительном обществе. Всю заводскую администрацию буквально охватила паника. Директор бежал в Петербург, оставив весь дом свой открытым. Другие служащие бежали тоже куда попало, наскоро захватывая с собой лишь самое необходимое из имущества, остальное же бросая на произвол судьбы. По-

боища не было, но не раз дело обострялось настолько, что еще момент... раздалась бы команда: пли. Так, в одном дворе рабочие бросились к выходу; оказалось, он занят солдатами под командой полковника и одного или двух офицеров. Офицер пустил в ход обычное средство — самую отборную и самоуверенную ругань. В этот момент какой-то рабочий из толпыогревает его лопатой. Пораженный и сконфуженный, сын Марса кричит команду к прицелу, солдаты бегут ружья на плечо. В этот момент один из рабочих обращается к офицеру и солдатам с горячей речью. «Г. офицер! Что вы хотите делать? вы хотите устроить взаимное избиение братьев». Офицер, взволнованный, говорит: «Проходите скорей, господа!» и открывает проход: в то же время что-то объясняет полковнику. Рабочие под влиянием некоторых, сохранивших спокойствие, товарищей, решили уйти, и катастрофа была предотвращена. В другом месте около станции «Бежица» полиция посадила в вагон нескольких арестованных рабочих. Как только остальная масса узнала об этом, она двинулась к вагону-тюрьме. У солдат, приставленных к вагону, повырывали ружья и воткнули их штыками в песок, которым некоторым из солдат засыпали глаза. Затем от случившегося здесь же на станции пристав (другого — не Квитницкого) потребовали немедленного освобождения товарищей. Тот благоразумно исполнил это требование, арестованные вышли, и толпа с криками «враг» приняла их в свою среду. Между прочим, рабочие остановили один из пассажирских поездов, думая найти там беглецов, но остановка закончилась лишь переполохом среди пассажиров, так как поезду скоро позволили ехать дальше. К ночи весь завод был оцеплен солдатами: дороги в Брянск тоже были заперты кордоном солдат, который тянулся версты на две, на три от Бежицы. Ночью боялись возобновления разгрома, и бедные солдаты дрожали на своих постах, так как их гонимое ничем не значило перед многотысячной толпой. К тому же Бежица очень удобный пункт для разгромов, так как завод окружен лесом и парками. К следующему дню, однако, все стихло. Через неделю заводская работа шла уже своим чередом. Это была внезапная стихийная вспышка негодования и гнева рабочих против бесовского 25-летнего гнета со стороны заводской администрации. Как водится, после затишья начались аресты. Арестовали сначала громадную массу, но вскоре оставили только около 40 человек. Это были, исключительно, те рабочие, которые собрались валившимся по дороге или брошенным в настежь открытых домах имуществом заводской администрации и попытались сбить его в Брянск. Некоторых обвиняли, впрочем, как подстрекателей, проинсценировавших во время разгрома зажигательные и угрожающие фразы. В общем взяли самую самую простодушную публику. Только одного или двух (Ефимова и еще кого-то) выделили в качестве руководителей и подвергли административному суду. Всех этих 40 человек продержали целый год в тюрьме, затем судили и осудили очень сурово (до двух лет арестантских работ с лишением прав), и здесь сказались вся бесчестность закрытого, коронного суда.

На суде ясно было доказано и общепризнано, что «бунт» был вызван самим заводом, что строго относиться к «грабежам» при тех обстоятельствах, при которых действовали обвиняемые, нельзя, и тем не менее последних подвергли строгой каре, потому что нужно же было наказать кого-нибудь за такой беспримерный факт в летописях орловского суда, как «бунт рабочих».

(Продолжение следует.)

Ст. Алмазная (Екатеринославской губ., Славяносербского у.). На нашем Голубовском каменноугольном руднике за последнее время положение значительно ухудшилось. По случаю кризиса штат мастеровых и шахтеров сокращают. Литейный совершенно стал, и около тысячи мастеровых пущены по миру. Не лучше положение и на Максимовских шахтах.

У нас рабочих до 3.000, не считая администрации и цеха, кузнецов, мастеров и пр. Положение невыносимое: работаем 12—13 час.; с утра до вечера в сырых подземельях темной шахты. Работа страшно изнурительная и подчас не под силу. Темно, как в могиле, холодно кру-

гом, с потолка капает; часто приходится тратить часы не на выработку угля, а на ремонт во время обвалов. Бывают взрывы газа, особенно трудно в боковых штольнях. Работаем целую жизнь, как кроты, и нет нам ни надежды, ни просвета в нашем «темном царстве».

На наших шахтах не велась пока систематическая пропаганда, не было организации, а на литературу большой спрос. Инициаторами социалистической пропаганды были здесь безработные, пришельцы с Юзова, Бахмута, Луганска. Наш народ все неподвижный, темный, большинство орловцы, либо курские. Местные хохлы не идут на эту каторжную работу.

История наша бедна событиями. Правда, в 90-х годах были бунты. В середине 90-х годов бунты, возникшие на почве эксплуатации рабочего труда, приняли грандиозные размеры. Шахтеры поднялись, изломали вагончики, спустили машину, сбили помпы, рубили лавки, контору. Пошли по соседним шахтам, потом по селам. Местные власти с земским начальником Сошальским во главе пытались прекратить «бунт», но безуспешно. Из сел вызывали вооруженных крестьян с дубьем. Произошла свалка, было много ранено и десять чел. убито, при чем ни одного крестьянина, а все наши. «Бунт» был усмирён окончательно только по прибытии войск, двух сотен казаков и роты пехоты Пенз. полка, во главе с губернатором Мартыновым. Главные «бунтовщики» подверглись экзекуции. Потом был в Луганске суд, и 20 обвиняемых в бунте и убийстве пошли в Сибирь, кто на поселение, кто на каторгу. Злая ирония: в числе осужденных на каторгу оказались и четыре крестьянина из сел Голубовки и Михайловки, осужденные за особое рвение в выполнении приказа начальства.

После этих «бунтов» у нас было ничем не нарушенное затишье.

И эта «кровавая страничка» из истории ступенька в общем сером фоне будничной прозаической обстановки.

Темно, нет просвета нигде, и мы ждем, не дождемся, когда и у нас будет праздник, когда проникнет «светлый луч» в это «темное царство».

Сознательный шахтер.

Херсон. Недавно окончившаяся с таким успехом стачка на табачной фабрике Лермана вызвала сильное брожение среди херсонских ремесленников. У нас в Херсоне насчитывается около 500 ремесленников — обувщиков, работающих по заказу на обувные магазины. Эта система домашней капиталистической промышленности и в Херсоне проявила все свойственные ей прелести эксплуатации. Мастера, непосредственно получающие заказы от владельцев магазинов, эксплуатировались этими последними, подмастерья — мастерами. Низкая заработная плата, невозможно длинный рабочий день (от 14 до 13 часов) — все это стало, наконец, невозможным. Успех Лермановской стачки побудил и обувщиков, обладающих, правда, меньшей способностью сопротивления, благодаря своей разбросанности во многих мастерских, — бросить работу и требовать от владельцев магазинов повышения заработной платы. Забастовали мастера вместе с подмастерьями. Требование мастеров о надбавке по 40 к. на каждую пару обуви было через несколько дней удовлетворено, и сейчас же солидарности мастеров и подмастерьев настал конец. Мастера взялись за работу, в то время как требования подмастерьев еще не были удовлетворены. Будучи стихийной и неорганизованной, стачка подмастерьев, при отсутствии денежных средств, долго продержаться не могла и окончилась скоро, добившись не для всех, а лишь кое-где незначительной надбавки на каждую пару обуви. Говорят, что мастера теперь удлиннили рабочий день подмастерьев и выколачивают, таким образом, добытую некоторыми подмастерьями надбавку. Этого и надо было ожидать. Полиция, узнав о брожении среди обувщиков, сильно всполошилась. Она даже была настигнута одно собрание мастеров (человек 10) и привела их в полицию, но сейчас же отпустила. Затем, говорят, что раз'езжали патрули, искавшие за городом рабочих собраний. Возбуждение среди ремесленников сильное, и, во всяком случае, для возникающего херсонского рабочего движения бесследно не пропадет.

ИЗ ПАРТИИ

Заявление С.-Петербургского Комитета ¹¹ КО ВСЕМ РОССИЙСКИМ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Товарищи! Неудержимо развивающееся революционное движение ставит перед нами каждый день все более сложные задачи, и от того, насколько нам удастся выполнить их, зависит в значительной степени успех той освободительной борьбы, в которой социал-демократии принадлежит передовая и самая ответственная роль.

На Спб. Комитете тяжелее всего отзывались традиции того направления, которому присвоено было в литературе название экономизма. И опыт многих лет убедил нас в том, что мы сами себе связывали руки недостаточно широкой постановкой задач политической агитации и революционной борьбы, тяжеловесными формами организации, неприспособленными к русским условиям. Сделав все возможное, чтобы в этих недостаточно широких и недостаточно подвижных рамках работать над организацией пролетариата, Спб. Комитет пришел к убеждению, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласности.

Закончить эту ликвидацию тем более необходимо, что всякое промедление в этом деле неминуемо пошло бы на пользу другим революционным или оппозиционным течениям, дало бы им возможность усилиться за счет социал-демократии и тем самым сыграло бы в руку интересам буржуазной демократии. А, между тем, ни одно революционное направление в России не обладает и в отдаленной степени такой революционной теорией и такими элементами массовой организации, какими обладает социал-демократия, которая упорной 10-летней борьбой пробила первую брешь в твердыне политической и общественной реакции и которая самыми тесными узами связана с наиболее революционным и непобедимым классом.

Приступая к осуществлению намеченных выше задач, Спб. Комитет заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии. Пусть придут на помощь нам все партийные организации, пусть теснее сплотятся они на общепартийной работе под знаменем революционной социал-демократии. Мы не можем пассивно ждать одного только формального восстановления всероссийской партийной организации, мы должны немедленно активно взяться со всех сторон за ее созидание, чтобы оказаться на высоте своей задачи: руководить решительным натиском масс на русское самодержавие.

Спб. Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.
Союз Борьбы за освоб. раб. класса.
С.-Петербург, июль 1902 г.

Заявление Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

«Признавая за литературной деятельностью Лиги Русск. Рев. С.-Д. исчерпывающее значение в деле теоретической борьбы с многочисленными течениями, стремящимися опознать и исказить великие революционные принципы международной социал-демократии; разделяя и признавая вполне отвечающую насущным нуждам русского рабочего движения те организационные планы и ту боевую тактику, убежденными защитниками которых являются издания Лиги и газета «Искра»; желая сблизить и объединить местную работу с общепартийными задачами и целями, — Моск. Ком. Р.С.-Д.Р.П. объявляет:

- 1) «Лигу» своим заграничным представителем,
- 2) «Искру» своим руководящим органом.

Южные товарищи о терроре. С величайшим удовольствием перепечатаем мы прокламацию, изданную группой «Южного Рабочего» ¹⁰ — наиболее влиятельной в нашей партии южно-русской организации. Ве-

ское слово этой группы окажет, без сомнения, плодотворное влияние на тех революционеров, которые сбьются с толку небывалым в нашей истории — по своей крикливости — выступлением представителей отжившего революционного мировоззрения.

Прокламации предпослано следующее заявление:

Необходимость определенно и резко высказаться по вопросу о терроре в настоящий именно момент, когда импонирующая, бьющая на эффект тактика социалистов-революционеров вызвала шатание не только среди зеленой молодежи, но и среди деятелей, со стороны которых можно было ожидать большей устойчивости, эта необходимость заставила группу «Южн. Раб.» выступить с настоящей прокламацией, правда, не исчерпывающей всех доводов против террора (что и неместимо в рамках прокламации), но раскрывающей перед читателем сущность того, что для многих соц.-рев. скрыто «за порогом сознания», Группа «Южн. Раб.», солидарная с «Искрой» по всем почти программным, организационным и тактическим вопросам, надеется, что «Искра» поможет широко распространению этой прокламации, перепечатав ее в одном из ближайших номеров.

Группа «Южного Рабочего».

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

О ТЕРРОРЕ.

Революционное движение в России началось с так называемого хождения в народ. Первые русские революционеры думали, что свобода народа может быть добыта только самим народом; для этого, полагали они, нужно только, чтобы народ усвоил социалистические идеи, и народ считался способным усвоить эти идеи. Считалось, что в «мире» и общине народ обладает учреждениями, которые несут в себе семена социализма, что эти учреждения могут стать основами устройства общества на социалистических началах; революционеры надеялись, что и в проповеди западно-европейского социализма народ узнает свои же чаяния, получившие только более определенные, более зрелые формы, и радостно пойдет навстречу этой проповеди.

Но народ не понял своих друзей и встретил их враждебно. Оказалось, что учреждения, зародившиеся в рабстве, не могут сделаться основанием нового строя. Оказалось, что вчерашний крепостной способен на бунты, но неспособен на сознательную революционную работу. С болью в сердце революционеры должны были признать, что они обманулись в своих надеждах на народ. Вокруг них не было революционных общественных сил, на которые они могли бы опереться, а примириться с существующим строем насилия и рабства они не могли. И вот загорается последняя надежда, надежда утопающего, который хватается за соломинку: кучка героических и самоотверженных личностей выполнит сама своими собственными силами трудное дело освобождения России от гнета самодержавия. Она должна это сделать, потому что кроме нее нет других сил, пригодных к этому делу. Но в силах ли она выполнить свое решение? Этот вопрос для нее почти не существовал. Ведь борьба этой кучки против самодержавия — это последнее героическое средство, на которое решается врач, когда нет надежды на выздоровление больного. Единственным же средством, на которое могла рассчитывать героическая кучка в своей одинокой борьбе с самодержавием, был террор; вместе с тем, он давал естественный исход непосредственному чувству, являлся реакцией против жестоких преследований правительства. Образуется партия «Народная Воля», и мир в течение нескольких лет был свидетелем невиданного в истории зрелища: ничтожная по количеству, но сильная духом партия «Народной Воли» вступила в единоборство с могущественным русским правительством. Ни казни, ни каторга, ни тюрьма и ссылка не сократили энергии революционеров: под их выстрелами падали один за другим наиболее яркие и типичные представители правительственного произвола и насилия; убит был, наконец, царь...

А многомиллионная масса крестьянства была попрежнему чужда всему этому движению — невежественная, забитая, она не имела понятия о том, что какие-то чуждые ей люди жертвуют своей жизнью за ее благо. Рабочий

класс был почти таков же, как и крестьяне. Что касается культурного общества, оно способно было только втайне рукоплескать подвигам революционеров и... подавать рабские верноподданнические адреса. Одинокая кучка самоотверженных героев не могла заменить реальных освободительных сил; со смертью лиц не уничтожились ненавистные учреждения. Начинается царствование Александра III, время беспросветного мрака и сугубого гонения на всякую свободную мысль. Партия «Народной Воли» сошла со сцены.

Но жизнь не остановилась; зажатая в тиски всевозможных цензур, мысль не перестала работать. Россия независимо от чьей-либо воли становилась все более и более европейским цивилизованным государством. Потребности этого государства с роковой необходимостью заставляли и заставляют правительство вызывать к жизни враждебные ему общественные силы, силы, призванные уничтожить самодержавный произвол. По сравнению со временем «Народной Воли» многое в России существенно изменилось: культурное общество стало более зрелым, крестьянство — более сознательным, а главное — выступил на арену истории, как активная и сознательная общественная сила, рабочий класс. В лице рабочего класса русские революционеры приобрели тот народ, которого революционеры 70-х годов не могли найти. В ряде демонстраций русский рабочий класс засвидетельствовал свою способность стать активной политической силой, свою готовность бороться не только за свои непосредственные интересы, но и за дело народного освобождения. В этом верный залог лучшего будущего нашей родины: рабочий класс нельзя истребить ни смертными казнями ни каторгой.

Но как ни далеко ушла Россия по пути прогресса, преувеличенное мнение о ее революционных силах может быть пагубно для дела революции. Мы должны помнить, что пока выступили на сцену только передовые отряды рабочего класса, первые ласточки грядущей революции; мы должны помнить, что дело революционной организации рабочего класса еще только началось, что предстоит еще огромная работа пробуждения могучей политической силы, дремлющей в массовом рабочем. Для русского революционера-социалиста теперь задача ясна: это пробуждение самосознания в рабочем классе и организация разрозненных революционных сил в большую могучую политическую партию. Политическая партия, опирающаяся на рабочий класс, непобедима, и перед ней должны будут отступить темные силы, как бы грозны и силочены они ни были.

Но пока создается эта партия, путь революционера попрежнему тернист: ему приходится иметь дело с врагом-азиатом, вооруженным для борьбы всем, что дало последнее слово европейской цивилизации. Эти жестокие преследования по свойству человеческой природы не могут не оказать своего влияния на некоторую часть революционеров, на тех революционеров, которых сильное чувство возмущения заставляет забывать обо всем другом. Глаза этой части революционеров под влиянием преследований заволакиваются туманом и не видят единственного пути, ведущего к желанной цели. Измученные и ожесточенные травлей правительства, они хотели бы забыться в сладком чувстве мести врагам. Но революционер не должен забывать из-за дела революционеров дела революции. Если мы твердо верим в правоту своего дела, если мы знаем, что победа неизбежно будет на нашей стороне, нас не устрашат преследования и не заставят сойти с избранного единственного верного пути организации революционных общественных сил. В примере наших отцов и старших братьев, сложивших свои головы за великое дело свободы, мы будем почерпать мужество для этой борьбы. Но мы обнаружили бы неблагодарность к их памяти и оскорбили бы их, если бы стали повторять их способ борьбы, как будто за 20 лет мы ничему не научились. Мы показали бы этим, что жертвы их были бесплодны.

Но в работе по пробуждению самосознания и организации партии революционеру приходится сталкиваться с такими отвратительными фактами, как сечение розгами участников демонстрации в Вильне. Неужели можно не отвечать на эти возмутительные факты унижения человеческого достоинства? У всякого живого человека невольно сжимаются кулаки и сознанием овладевает гне-

тушая мысль: да какая же планомерная работа возможна при таких условиях? Но истинный революционер не должен давать как нельзя более понятному чувству овладеть собою. Если мы будем иметь мужество заглянуть дальше внешней стороны этого возмутительного виленского факта, мы должны будем признать, что если бы виленские рабочие были вполне сознательными людьми, их было бы невозможно, физически невозможно подвергнуть сечению: арестованных в Вильне секли по очереди, и в то время как одного секли, другие тут же ждали своей очереди. Этого факта не уничтожил выстрел Леккерта. Но пусть рабочие станут развитее и сознательнее, и такие факты будут невозможны. Не нужна станет и смерть таких необходимых для родины людей, как Леккерт. Отдельных фактов насилия и форм оскорбления человеческого достоинства безграничное множество, и революционная партия погубила бы себя, если бы увлеклась партизанской борьбой с единичными представителями этого насилия. Мы должны всегда помнить, что насилие есть лишь проявление общего строя, а изменить общественный строй можно единственным путем политического воспитания. Каждый акт насилия должен в руках революционеров служить орудием пропаганды, но революционер не может стать ни судьей ни палачом. Если оскорбляется человеческое достоинство, то только один оскорбляемый может восстановить его, но никто более. Другие люди могут создать новые условия, при которых оскорбление сделается невозможным, но не казнь оскорбителей создадутся эти новые условия. Тот же, кто не может овладеть непосредственным чувством, пусть поступает по указанию этого чувства. Мы не осудим его: неприкосновенно святы для нас люди, своей кровью запечатлевающие бесконечную свою преданность великому делу освобождения. Но мы со всей энергией протестуем против попытки бюрократической организации этого непосредственного, и потому по самой своей природе неподлежащего такой организации, чувства, мы протестуем против литературной проповеди организованного террора, как исхода этому непосредственному чувству.

Протестуя против террора, мы не должны забывать, что всякая неправда, каждое насилие, мимо которого мы проходим без непосредственного протеста, подсказываемого чувством, налагают на нас все новое и новое обязательство отдавать всю свою жизнь на создание таких условий существования, при которых эта неправда и насилие станут невозможными.

Группа «Южного Рабочего».

Нижегородским Комитетом выпущены за последнее время листки: 1) к солдатам, 2) к учителям и учительницам, 3) к крестьянам двух волостей Балахнинского уезда, 4) к рабочим села Горodzца, 5) к раб. зав. Тер-Акопова, 6) к рабочим зав. Добровых, 7) к сормовским рабочим, 8) «Почему крестьяне разоряются?», 9) отчет комитета за год, 10) Ответ «злых наушников» на «задушевное слово генерала Богдановича», 11) о самодержавии. Листок к солдатам хорошо распространен и имел успех.

Донским Комитетом Партии в сентябре изданы прокламации: 1) по поводу казни трех рабочих за убийство городского (в 950 экз.), 2) к рабочим зав. Кекишева и фабрики Максимовых, 3) к раб. цементного завода, 4) к рабочим табачной фабрики Асмолова.

Лодзинским комитетом «Бунда» издана 9 сент. прокламация (на евр. языке) по поводу покушения, произведенного на директора одной местной фабрики. Покушение было вызвано жестоким обращением директора с рабочими. Как видно из воззвания, Лодзинский комитет не разделяет точки зрения, усвоенной недавней конференцией представителей «Бунда» и выразившейся в признании необходимости организованных единоличных актов насилия против полицейских насильников. Напротив, Лодзинский комитет протестует против такой точки зрения, говоря (цитируем по переводу, помещенному в № 90 «Последних Известий»):

«Но достигается ли такими средствами (обливание кислотой и пр.) цель защиты человеческого достоинства рабочих? Всякий, кто над этим поразмыслит, должен отве-

тит: нет, не достигается. Уже не говоря о том, что всех извергов, которыми кишит современное испорченное плутократическое общество, не уничтожишь, человеческое достоинство еще не защищается тем, что кто-нибудь из-за угла отомстит за всех рабочих; наоборот, это еще притупляет их человеческое достоинство, приучая их верить, что другие за них отомстят, и они остаются столь же равнодушными к оскорблениям, как прежде.

Рекомендуя рабочим бороться против насилий массовыми протестами, воззвание заканчивается следующими словами: «Пусть каждый стоит за свою честь и все за честь каждого, тогда не будет более надобности в актах единоличной расправы, и мы гордо и победоносно поведем нашу борьбу за честь и свободу рабочего класса, за равенство всех людей».

Немецкие социал-демократы о терроре. Революционное движение в России, нет сомнения, начинает привлекает к себе все в большей степени внимание западно-европейской — особенно немецкой — социал-демократии. Прежний скептицизм мало-по-малу уступает место живому интересу, появляется тщательная регистрация событий и, наконец, — за самое последнее время — мы находим уже не один простой отчет о происходящем, но и критику того, что происходит, желание разобраться в течениях русской социалистической мысли, дать оценку тактике наших революционных организаций.

В прошлом номере мы отметили уже тот прием, который оказала немецкая печать «беллетристским» аллюрам «боевой организации». Сейчас мы обращаем внимание читателей на передовую статью в Лейпцигской Народной Газеты — «Новейшие течения в русской социал-демократии» от 10 октября сего года. Статья говорит о той «большой опасности», которая грозит русской социал-демократии от «оживления» в ее среде «террористических тенденций». «Опасность была не велика до тех пор, пока эти тенденции находили себе место в кругах, с рабочей массой непосредственно не соприкасающихся. Другое дело, когда это течение начинает обнаруживаться в организации, стоящей в тесном общении с массой — духовно и материально — с нею прочно связанной». Речь идет о Всеобщем Еврейском Рабочем Союзе и о резолюции его сентябрьской конференции — о «тактике обещания».

Эта резолюция.—говорит «Лейпц. Нар. Газ.» — «ясно показывает, на какой опасный путь может вступить партия, удаляясь с твердой почвы основных принципов и становясь на точку зрения временных настроений и личной психологии. Для партии существуют только мотивы целесообразности, их действия должны соответствовать их общим целям, осуществляемым массовым движением и только в нем находящим себе выражение. Месть, как таковая, не может быть руководящим принципом борющейся партии... В партийном движении такие акты (месть) неизбежно либо приостанавливаются, либо превращаются мало-по-малу в средство систематической борьбы. И раз только соц.-дем. партия, приспособившая свою организацию для политической борьбы, захотела бы войти в эту атмосферу мщения, — мщение же непременно стало бы в скором времени ежедневным и повсеместным, раз только партия захотела бы всегда разыскивать виновных — а список виноватых начинается городским и жандармом и кончается царем — ей бы ничего другого не оставалось делать, как уйти целиком в эту террористическую борьбу, постепенно потеряв всякое общение с массами и обресть эти массы на бездействие. Это значило бы на десятки лет вырвать почву из-под ног у соц.-дем. Опасный, ложный путь, и мы надеемся, что организация на него не вступят. Во всяком случае характерно то, что инициатива исходит от такой влиятельной группы, как центральный комитет Евр. Раб. Союза, хотя, правда, точка зрения его и не разделяется его заграничным комитетом.

«Справились с „экономизмом“ и справятся с этим опасным течением, как только уляжется возбуждение, и русская социал-демократия выйдет из этих внутренних битв окрепшей, для того, чтобы со всей силой, дружно и организованно, вести массовую борьбу против существующего порядка».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Из западно-европейской общественной жизни.

Стачка сельско-хозяйственных рабочих в Галиции обрала на себя всеобщее внимание. В этой стачке одинаково приняли участие как мелкие крестьяне, так и настоящие рабочие-пролетарии. Впрочем, галицийский крестьянин является собственником только по названию. Освобожденные от крепостной зависимости в 1848 г., галицийские крестьяне за огромный выкуп получили ровно столько земли, сколько необходимо было, чтобы гарантировать правильное поступление платежей и налогов. Так как все леса и выгоны отошли к помещикам, то крестьяне лишены были возможности вести сколько-нибудь правильное хозяйство. Бремя налогов бросило их в объятия ростовщика, и скоро весь доход с своего жалкого участка стали они делить между кулаком и казной. Им самим и их семьям не оставалось ничего, и чтобы хоть как-нибудь прокормиться, пришлось прибегнуть к продаже своей рабочей силы. Покупателем явился живший тут же под боком помещик, который не преминул воспользоваться своим положением. Длинный рабочий день, ничтожная заработная плата, плата поштучная и уплата натурой, система посредничества (сдача земли крестьянам, дробящим ее на мелкие участки и сдающим их более бедным) и даже нечто вроде фабричных лавок — обязательная покупка дров из леса помещиков, словом, все тонкости капиталистической эксплуатации были пушены в ход, чтобы держать крестьянина в материальной, а затем и политической зависимости. Помещики и попы являются полными господами этой австрийской провинции; в руках одних вся власть, все депутатские места, вся администрация, весь суд; другие завладели умом и душой крестьянина. И те и другие, и помещики и попы, связаны между собою крепкими узами — эксплуатацией крестьянской нищеты и темноты.

Австрийская конституция не спасла крестьянина от разорения и угнетения: права остаются на бумаге, пока масса не научается ценить их и пользоваться ими. Но австрийская конституция дала возможность австрийской социал-демократии, выросшей и окрепшей при других условиях, в других более промышленных областях Австрии, начать и здесь свою агитационно-организаторскую работу. Не соц.-дем. организовали стачку: она была скорее стихийным движением, начавшимся в одной деревне и как бы по волшебству охватившим свыше 100 тысяч человек в 250 разных деревнях. Но предварительная пропаганда социал-демократии содействовала тому, что стачечники выступали с сознанием своих прав, с ясным пониманием своих задач. Правда, этому движению не доставало единства; в разных деревнях выставлялись различные требования относительно увеличения заработной платы, относительно уменьшения рабочего дня (в одном месте требовали 10-часового рабочего дня, в другом — девятичасового, а в третьем — даже восьмичасового), но все беспристрастные наблюдатели принуждены были отнестись с уважением к выдержанности стачечников, их чувству солидарности, проявлявшемуся даже в мелочах. Товарищ Виттик, много поработавший над организацией стачечников, так описывал их настроение: «Всякий вновь прибывший в места, охваченные стачкой, будет поражен той торжественной тишиной, какая царит в деревнях. Так бывает только в дни больших праздников. Образцовая солидарность и полное спокойствие крестьян приводят в изумление даже самих землевладельцев. Нигде никаких драк, не видно нигде пьяных, не слышно музыки; кабаки остаются пустыми. Солидарность и спокойствие! Таков лозунг, передающийся из деревни в деревню».

Но так продолжалось недолго. Было время жатвы, время горячее, и землевладельцам волей-неволей пришлось уступать. И, действительно, в очень многих округах победа осталась за стачечниками. Но наиболее богатые из панов считали унижением уступку мужику. Надо сломить его упрямство и не дать ему возгордиться победой — так гласила панская мудрость. Единственная надежда была на вмешательство правительства. Галиция

была наводнена жандармами и солдатами. Жандармы полагали приказание арестовывать, солдаты — стрелять. Последовавшие затем сцены хорошо знакомы русскому читателю по личному опыту и вовсе не являются редкостью в стонущей под гнетом шляхты Галиции. Успеха, однако, эта гнусная политика запугивания не имела, если не считать успехом несколько десятков более или менее тяжело раненых и несколько сотен арестованных крестьян.

С концом жатвы стачка сама собой прекратилась. Так как в большинстве случаев победа оставалась на стороне крестьян, то надо думать, что стачечное движение возобновится и в будущем году, хотя введение сельскохозяйственных машин несколько затруднит эту борьбу. Обязанность социал-демократии своевременно заняться необходимостью для успеха организации. А социал-демократическим депутатам предстоит в парламенте свести счеты с правительством и галицийскими помещиками за подлую расправу со стачечниками.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. В начале октября арестованы дантист А. Зельдов и курсистка Пантелеймонова. — Аресты в Баку, Батуме и Тифлисе. В Тифлисе арестован во второй раз Простосердов. — Одесса. В августе в Холодной балке арестованы: земский врач Ульянов, женщина-врач Могилевская, фельдшер Меденяк и фельдшерница Нищеретова. — В Кремленчуге на вокзале арестована в конце августа с литературой Инна Леман (нелег.), бежавшая из Вятской губ. в 1899 г. Отвезена в Киевскую тюрьму.

Сосланы в В. Сибирь: Менкес (ткач, нелегальный, арестован в 1902 г., по делу «Раб. Знам.»), Кузьмин (старый ссыльный; жил в Омске); врач Бродский из Киева; бывший рядовой Берлин, обвинявшийся в том, что намеревался освободить из Киевской крепости заключенного в ней Урицкого на 8 лет.

Бежали из Вост. Сибири: Виктор Вейншток (из Забайкальской области, где был на поселении; в 1892 г. был арестован за пропаганду в спб. войсках и среди рабочих и, как вольноопределяющийся, осужден военным судом на 10 лет каторги); Николай Кудрин (сослан на 5 лет по уральскому с.-д. делу 1899 г.); Бронштейн (сослан на 4 г. в 1899 г. по делу Южно-Русского Рабочего Союза в Николаеве); Стан. Полинский (раб., арестован в Варшаве в 1893 г. и после четырех лет тюремного заключения сослан на 10 лет в Якутскую область); Евгения Гуревич (сослана по делу «Бунда» в 1898 г.); Бергер (по польскому делу); Скрипник (петербург. технолог); Файн (арест. в Спб. весной 1901 г.); И. Ленский (учитель из Вильны).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Приговор по делу Михаила Ивановича Гуровича (он же Гуревич), бывшего государственного ссыльного, принимавшего участие в издании журнала «Начало», около 40 лет от роду.

В течение лета и осени 1901 г. в революционных кругах в России возникли весьма веские обвинения против М. И. Гуровича в том, что он служит в департаменте полиции в качестве агента-provokatora. Расследование этих обвинений по желанию как русских товарищей, так и самого Гуровича было поручено особой комиссией за границей. В комиссию вошли уполномоченные Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии, Союза

Русских Соц.-Дем. за границей и соц.-демократической группы «Борьба» *.

В течение продолжительного и тщательного расследования дела комиссия выслушала в ряде заседаний подробные объяснения Гуровича, как отдельно, так и на очных ставках с двумя свидетелями, выслушала показания шести свидетелей и рассмотрела письменные сообщения С.-Петербургского Комитета Росс. С.-Д. Р. Партии и отдельных товарищей. Все добытые этим следствием точные и проверенные данные вполне подтверждают предъявленные Гуровичу обвинения, вследствие чего комиссия единогласно постановляет объявить М. И. Гуровича агентом-provokatorом.

Подробный мотивированный приговор по этому делу комиссия разошлет конфиденциально действующим в России и за границей революционным организациям.

Уполномоченные представители организаций: Заграничной Лиги Революц. Соц.-Демократии (следует подписать).

Союза Русск. Соц.-Демократов за границей (следует подписать).

Соц.-демократич. группы «Борьба» (следует подписать).
5 октября (22 сентября) 1902 года.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: через Рудникова за литературу по 10 октября — 85 фр. 40 с.; от «буддиста» — 50 руб., от Е. А. — 50 руб., от друзей — 50 руб., от Макара — 506 р., от Ольги Юрь — 12 руб., от Архаровца — 23 руб., от А. — 200 руб., из Льежа за литературу и сборы — 77 фр. 36 сент., из Брюсселя — 25 фр. 20 сент., из Гейдельберга — 200 мар., от Каца сбор в пользу «Искры» — 5 мар., от Орлова для «Искры» — 20 мар., из Цюриха через Д. Д. — 368 фр., из Ньюкастля — 1 ф. ст., из М. М. — 10 мар., от К. К. С.-Д. — 150 руб. На революционное предприятие («Когда-б я был царем земным») получено 800 руб. От Юлия в сибирскую кассу — 5 фр., от Ронской долины для «Искры» — 18 фр., от Юлия для «Искры» — 13,50 фр., от кружка в Цюрихе — 10,70 фр., за литературу — 23,75 фр. В пользу бежавших из Киевской тюрьмы: из Льежа — 59 фр. 80 сент., от общ. английских друзей русской свободы — 11 ф. ст., от Гали — 5 фр., от П. Б. Струве, через П. Аксельрода — 10 крон, от Германа из Зофингена — 5 фр., от Е. А. Л. — 10 фр., от Каца — 3 фр., из Винтертура — 6 фр., с Ронской долины — 10 фр., из города Л.: от Мити — 1 фр., от Х. — 2 фр., от олд фрэнд — 20 фр., от членов группы — взнос 7 фр.

В пользу заключенных в Одесской тюрьме получено от Сибирской кассы в Цюрихе 150 фр.

В помещенном в прошлом № отчете вкралась ошибка: за литературу чер. Рудникова получено не 32,50, а 92 фр. 50 сент.

Зайчику. Письмо написано непонятным ключом.
А. В. С. Прокламация Тверского Комитета не получена.
«Дневник К-ца» получен.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

* К участию в комиссии были приглашены и представители соц.-революционеров, но они от этого отказались.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. См. Собр. соч. Н. Ленина, Гиз, т. V, стр. 29—66.

Прим. 2. Дюринг, Евгений (1833—1902 гг.) — немецкий философ и экономист, в своих произведениях, вышедших в конце 60-х и начале 70-х годов прошлого столетия: «Курс философии», «Курс национальной и социальной экономики», «Критическая история национальной экономики и социализма», выступил с громадной претенциозностью и самохвальством с «критикой» Гегеля, Дарвина, Маркса, Лассалля и др. и провозгласил себя реформатором философии, политической экономики и социализма. Несмотря на очень невысокую научную ценность его произведений, его эклектический мелкобуржуазный социализм, его проповедь гармонии общественных классов, идея о возрастании абсолютной доли рабочих в распределении благ и пр. нашли себе сторонников среди германских социалистов. Это заставило Маркса и Энгельса выступить с резким разоблачением Дюринга в знаменитом сочинении: «Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом» (сокращенно: «Анти-Дюринг»), вышедшем в 1878 г.

Прим. 3. Степняк — псевдоним писателя-народовольца С. М. Кравчинского, талантливого автора ряда беллетристических произведений: «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов», «Штундист Павел Руденко» и др. Степняк принимал активное участие в революционной борьбе 70-х годов, участвовал в «хождении в народ», в террористических актах (убийство шефа жандармов Мезенцова в 1878 г.), в пропагандистской работе (написал популярную брошюру «Мудрица Наумовна») и т. д. Эмигрировав, продолжал свою литературную и революционную деятельность. В 1892 г. выпустил брошюру: «Чего нам нужно и начало конца», в которой, окончательно отказавшись от своего аполитизма 70-х годов, проводил идею борьбы за демократический строй, как основное условие достижения социализма. Трагически погиб в эмиграции, попав под поезд.

Прим. 4. «Свобода» — журнал для рабочих, издававшийся «революционно-социалистической группой» того же названия, во главе которой стоял эмигрант Надеждин (псевдоним Зеленского). Эта группа (1901—1903 гг.) занимала промежуточную позицию между с.-д. и с.-р. и выпустила 2 номера журнала и несколько брошюр («Возрождение революционизма в России» и др.). После II съезда Зеленский вошел в меньшевистское крыло Р. С.-Д. Р. П. и участвовал в издании популярной меньшевистской газеты «Социал-Демократ». Умер в 1905 г. в эмиграции.

Прим. 5. См. «Искра» № 21, прим. 10-е.

Прим. 6. «Земля и Воля» — под таким названием в XIX в. в России существовали две революционные организации. Одна из них возникла в 1862 г. по инициативе Н. А. Серно-Соловьевича. В состав ее входили, кроме С.-Соловьевича, Л. Ф. Пентелеев, Утин, Рымаренко и др. Программа этой организации: свержение самодержавия путем восстания и созыв народного собрания из выборных от дворянства, городских и сельских обывателей. Она просуществовала до осени 1863 г. Выпустила нелегальное воззвание «К образованным классам» и № 1 листка «Свобода». Сер.-Солов. и Рымаренко были арестованы в мае 1862 г.

Другой организацией, носившей название «Земля и Воля», была организация революционного народничества, возникшая осенью 1876 г. из объединения ряда народнических групп. Эта революционная организация имела свои съезды и свой орган («Земля и Воля» — с октября 1878 г. по апрель 1879 г. вышло 5 №№, не считая шести №№ «Листка З. и В.»). О ней и говорится в ст. Плеханова «Логика русского терроризма». Наиболее видными работниками в рядах организации были: Марк Натансон, Валерьян Осинский, Андриан Михайлов, Александр Михайлов, Плеханов, Зунделевич, Квятковский и др. «З. и В.» ставила своей целью экономическую революцию, которая должна привести к отнятию земли у помещиков и бояр, изгнанию, а в случае необходимости и поголовному истреблению, всего начальства, всех представителей государства и учреждению «казачьих кругов», т. е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли.

Выдвигая на первый план аграрную революцию, землевольцы, как они сами признавали это в программной статье своего органа, «оставляли в тени» рабочий («фабричный») вопрос.

Как и громадное большинство народников, землевольцы отрицали в первый период существования общества политическую борьбу. Но вскоре этот аполитизм стал в среде общества «З. и В.» вытесняться признанием необходимости политической борьбы с самодержавием. Вместе с этим стали меняться и методы работы.

Уже в самом начале существования «З. и В.», наряду с группами для работы среди крестьян, рабочих и учащейся молодежи, была организована «дезорганизаторская» группа, функция которой состояла в освобождении арестованных товарищей и террористической деятельности, направленной как против шпионов, так и против тех агентов власти, которые отличались особой жестокостью по отношению к заключенным, при чем на эту деятельность «З. и В.» сначала смотрела лишь как на подсобную, считая основной своей задачей пропагандистскую и агитационную работу среди крестьянства.

Но в действительности «З. и В.» уже в 1877 г. и особенно в 1878 г. все более и более широко применяла террор по отношению к агентам власти (убийство шпиона Финогенова, выстрел Засулич в Трепова, покушение Осинского и Ивичевича на киевского прокурора Котляревского, убийство в Киеве жандармского офицера Гейкина, убийство в Петербурге Мезенцева и др.). С другой стороны, работа в крестьянстве никаких сколько-нибудь заметных результатов не давала. К 1879 г. в обществе образовалось два течения: одно («деревенщики») стояло попрежнему на позиции аполитизма и стремилось сосредоточить главные силы на социалистической пропаганде и агитации среди крестьянства, другое — террористы, которые, не отрицая необходимости работы в народе, настаивали на переходе к политической борьбе и террору, как одному из средств этой борьбы.

Разногласия в среде землевольцев привели после Липецко-Воронежского съезда (июнь 1879 г.) к формальному расколу общества на две организации: 1) «Народная Воля», в которую входили сторонники политической борьбы, при чем почти все силы этой организации были брошены на героическую террористическую борьбу с царизмом, и 2) «Черный Передел», куда вошли «деревенщики». Организация «Черный Передел» скоро распалась, не проявив себя сколько-нибудь крупными революционными действиями, и многие из наиболее видных ее членов в 80-х годах стали на точку зрения марксизма, часть других перешла к «Народной Воле».

Прим. 7. «Народная Воля» (см. выше прим. 6-е) — центральный орган партии революционного народничества того же названия.

Прим. 8. Avis — предупреждение.

Прим. 9. Caveant consules — берегитесь! Будьте осторожны! (Точный перевод: пусть остерегаются консулы.)

Прим. 10. Но и после этого заявления петербургские экономисты с Токаревым («Вышибайло») во главе не сложили оружия. Ссылаясь на то, что при голосовании в Комитете постановления о признании «Искры» руководящим органом не было двух членов комитета — рабочедельцев, экономисты объявили это постановление недействительным. Помимо этого они выпустили от имени Комитета рабочей организации листок с протестом против признания «Искры». В. И. Ленин, лично руководивший путем переписки с питерскими искровцами их борьбой с экономистами, был страшно возмущен выступлением экономистов против постановления Петербургского Комитета и Союза Борьбы. «По всему видно, — писал В. И. в Питер, — что Вышибайло нахально идет „на войну“, и искровцы оскандалят себя навеки, если не ответят на это самой решительной и отчаянной войной. Не бойтесь никаких угроз... ставьте дело немедленно по-военному... Если даже Вышибайло увлечет еще кое-кого (если даже вас останется только половина или меньше половины), все должны идти до конца и требовать изгнания Вышибайлы безусловно, ни капли не боясь „раскола“ союза. Затем перед рабочими вы тоже должны поставить ультиматум: или раскол союза и война, или решительное осуждение Вышибайлы рабочими и удаление его». Но песенка экономизма к этому времени в Питере, как и во всей России, была уже спета. Осенью 1902 г. искровцы в Петербурге победили по всей линии.

Прим. 11. Группа «Южный Рабочий» — социал-демократическая организация на юге России, издававшая в 1900—1903 гг. газету «Южный Рабочий». В этой газете принимали участие: А. М. Гинзбург (Наумов), Е. Я. Харченко, Левин, В. Розанов, Е. С. Сысоев и др. После II съезда Р. С.-Д. Р. П. организация «Южного Рабочего» была распущена и вошла в общепартийные организации.

К ЭПИЛОГУ КРЕСТЬЯНСКИХ БУНТОВ.

С харьковскими и полтавскими процессами закончится весь эпизод весенних «бунтов». Теперь уже всякому должно быть ясно, что чиновничья и помещичья Россия совершенно неправильно приписала революционной агитации ответственность за случившееся. Совершенно неправильно прежде всего потому, что, как ясно вытекает даже из материала, собранного обвинительными актами по крестьянским процессам, недавнее движение было непосредственно вызвано крайним обострением хронической нужды систематически и бессовестно ограбляемых крестьян.

Об участии «агитаторов» в возбуждении крестьянских «бунтов» обвинительные акты ничего не говорят, если не считать отмеченного в обвинительном акте по делу о разгроме экономии Рабича показания подсудимых крестьян, которые, «упомягая о своей крайней нужде, высказались, что действовали по примеру соседних деревень Полтавской губ., где, как они слышали, появлялись „студенты“, которые или учили народ, что ему дано право пользоваться имуществом „панов“, или даже сами, предводительствуя толпой, производили взломы амбаров и приглашали крестьян к их расхищению». Нигде в актах нет и речи о том, чтобы предводителями толпы при разгромах являлись революционеры. Такими предводителями бывали или местные же крестьяне или прибывшие из «бунтовавших» местностей.

Что среди крестьян местами велась пропаганда — в этом нет сомнения. Верно и то, что вызванное крайней нуждой возбуждение крестьян было значительно усилено смутными слухами о городских волнениях, отразившихся в умах крестьян как борьба «студентов». Но все это говорит только о том, что русское крестьянство, несмотря на китайскую стену, которою самодержавие его отрезало от культурной России, — начинает если еще не жить историческою жизнью, то уже прислушиваться к ней. И если при этом вся веками воспитанная крестьянская темнота резко дает себя знать в формах проявления мужичьего недовольства, то нелепо ответственность за эти формы взваливать на те первые лучи политического сознания, которые пыталась внести в эту среду революционная пропаганда. Не новая Россия с ее гражданскими формами и с ее классовым самосознанием сказалась в этих стихийных вспышках; в них проявила себя — вероятно, еще не в последний раз — старая Россия с ее азиатскими формами политических отношений, с ее дореформенными политическими горизонтами, с ее стадной импульсивностью, далекой от правильного представления о соотношении между целью и средствами.

Испуганному уму собственника картина расхищений «панского» имущества представляется первым практическим приложением учений социализма. Но это неверно. Социализм никогда не призывал «делить» богатства эксплуататоров. «Дележ», — говорит Каутский («Эрфуртская программа»), — это — социализм мелких производителей, это — социализм так называемых „консервативных“ слоев народа, это не есть социализм пролетариата крупной промышленности». Не вышедшее еще из круга предрассудков, воспитанных условиями существования мелкого самостоятельного хозяйства, крестьянство, естественно, видит свое спасение от нищеты в разделе тех земельных богатств, которые захвачены помещиками и служат в их руках ближайшим образом средством закабаления крестьян. Как отмечает там же Каутский, этот прием «дележа» захваченных монополистами богатств крестьяне неоднократно применяли на деле. «Всего только сто лет назад — во время французской революции, которая так резко подчеркивала право частной собственности — ремесленники и крестьяне совершили раздел церковных имений». Этот раздел, как известно, всего менее способствовал устранению капитализма; напротив, он послужил одним из средств преобразования феодального строя в буржуазно-капиталистический. Не иначе отразился бы на современной России и раздел между крестьянами даже всей помещичьей земли. Этот раздел послужил бы сильнейшим толчком к развитию товарного производства, внутреннего рынка для фабричной промышленности, а, след., к дальнейшему разложению крестьянской массы, росту в ней классовых противоречий и классовой борьбы. В конечном счете он создал бы благоприятные условия для развития социалистического движения, но сам по себе он был бы не методом осуществления социализма, а методом развития буржуазного строя на развалинах вымирающего крепостного. Если поэтому организуемое социал-демократией классовое движение пролетариата встречает на своем пути в современной России нерешенный историей вопрос о стремлении многомиллионного крестьянства решительно развязаться с вековым гнетом помещного землевладения; если в этом своем стремлении крестьянство не выходит — и в целом еще не может выйти — из круга по существу буржуазных представлений о разделе, равенстве и т. п., то, далекая от священного трепета собственников перед такою «грубостью простонародья» социал-демократия одинаково далека от вульгарно-«социалистической» идеализации этих стремлений. С точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата, — единственной борьбы, ведущей к освобождению человечества, — она взвешивает социальную и политическую ценность всех возникающих в современной России общественных движений, берет на себя поддержку всего того в них, что содействует

общественному развитию, подхватывает все те требования разных общественных классов, которые таят в себе революционную борьбу против учреждений и порядков, стоящих на пути развития пролетарской классовой борьбы, освобождает эти требования от налипшего на них в процессе исторического развития покрыва мистических и реакционных представлений, тем самым связывая эти требования с основным великим «национальным» требованием дня — с задачей гражданского и политического раскрепощения русского народа, и доводит до логического конца революционные и демократические элементы этих требований. Она не скажет крестьянам, что осуществление их притязаний на панскую землю будет началом конца всякого буржуазного развития, началом конца всякой эксплуатации человека человеком. Она не скажет этого, потому что сказать это — значило бы вдаваться в демагогию и дурачить крестьянство. Напротив, она скажет ему (и рабочему и «обществу»), что осуществление его стремлений к прирезке земли может, при известных условиях, избавить его от мучений докапиталистической, кабальной эксплуатации, но не разрешит вопроса о той общей буржуазной эксплуатации, которая тяготеет над всеми трудящимися массами и обуславливает собой содержание социалистического рабочего движения. Она поддержит крестьянские требования об экспроприации земель, служащих средством поддержания кабальных, полукрепостнических общественных отношений, и поможет рациональной формулировке этих требований, но она никогда не опустится до того, чтобы в этих требованиях признать свой социалистический идеал и чтобы питать в крестьянстве веру в исцелимость всех его социальных недугов применением этого средства.

И с той же точки зрения социал-демократия должна отнестись к выставленному теперь с разных сторон требованию «национализации земли». В этом требовании она прежде всего усматривает попытку прикрыть социалистическим ореолом буржуазные требования «раздела» и «равнения», попытку дешевой ценой откупиться от кажущегося противоречия между нашей социалистической конечной целью, требующей об'единения средств производства в руках общества, и ближайшими лозунгами дня, среди которых всего громче раздается крестьянское требование о «прирезке земли».

Недавно, на одном русском собрании за границей, оратор, громивший «Искру» за ее аграрную программу, сказал, что в настоящее время всякий политический шарлатан, который предложит крестьянам национализацию земли, будет иметь успех. Очень может быть. Но именно поэтому социал-демократия имеет все основания не спешить подхватывать этот соблазнительный лозунг. Мы слишком отчетливо представляем себе, какие общественные классы приобретут политическое господство в России на другой день после переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передаче в руки этих буржуазных классов распоряжения земельным фондом страны. А, с другой стороны, мы слишком хорошо понимаем всю психологию требования национализации. Мы знаем, что большинство русских социалистов, говорящих о ней, не дают себе отчета, в каком отношении это требование должно стоять к конечной цели движения. Сама по себе национализация земли далека

от того, чтобы быть преддверием к социалистическому строю, подобно тому, как переход в руки государства железных дорог или даже угольных шахт не есть еще само по себе начало осуществления социализма. Не устраняя капиталистических отношений и порождаяемой ею классовой борьбы, национализация земли только изменяет форму борьбы за владение одной частью средств производства, превращая ее в борьбу не с классом землевладельцев, а со всем капиталистическим обществом, владеющим землей (или рентой на землю). Поскольку такая перемена упрощает механизм социалистической борьбы пролетариата, она может считаться прогрессивной. Но другое дело, когда — а таков, несомненно, наш случай — национализация земли в представлении ее апостолов связана с упрочением и увековечением мелкого, изолированного крестьянского хозяйства, с подменой пролетарского социализма мелкобуржуазным индивидуализмом или кооператизмом. Говоря, что национализация обобщает нынешние требования русских крестьян о «прирезке» земли, наши демократы и «соц.-рев.» тем самым признаются, что им эта национализация нужна именно для поддержания если не самого крестьянского «самостоятельного» хозяйства, то, по крайней мере, крестьянских предрассудков об укреплении такого хозяйства при капитализме.

Если же при этом, полемизируя против нас, говорят, что наша ближайшая революция будет не буржуазной, а демократической, хотя и не социалистической, то это несравненное возражение окончательно выдает с головой возражающих, свидетельствуя, что их ближайшим идеалом является мелкобуржуазный уклад крестьянского хозяйства, «ограничивающий» (в их представлении) господство капитализма, неизбежность дальнейшего развития которого уже не отрицает ни один «соц.-рев.». Социал-демократия не может приложить своих рук к делу одурачивания мужика уверениями, что ближайший политический переворот, при условии национализации земли, обеспечит ему безмятежную обитель в царстве развивающегося капитализма. Поддерживая и помогая ему формулировать его требования о «прирезке», она не станет скрывать, ни от себя ни от него, паллиативного характера этих требований и полной совместимости с нормами буржуазного строя тех методов «раздела» и частичной экспроприации, которыми могут быть достигнуты эти прирезки; она не станет замалчивать того для нее несомненного факта, что для «трудового крестьянства» задача социального освобождения неразрешима вне задачи социального освобождения пролетариата, вне социальной революции.

Русское рабочее движение начинает политически формироваться в то время, когда история еще не разрешила тех свойственных докапиталистической эпохе общественных вопросов, которые не могут быть разрешены без применения таких — непосредственно «несоциалистических» — методов политической борьбы, как «раздел», частичная экспроприация, как сословное восстание против привилегированного сословия туземцев, как «общенациональное» движение «народа» против учреждений, временно пригнетающих и буржуазные, и пролетарские, и промежуточные элементы этого народа. Закрывать глаза на этот факт значило бы проявлять крайнюю близорукость. Но выбрасывать из-за этого факта за

борт все то, что дает нам наше социалистическое сознание, было бы политическим авантюризмом. Поддерживая борьбу революционной и оппозиционной интеллигенции с самодержавием, мы никогда не опустимся до того, чтобы уверять (или верить), будто ее политическое движение тождественно с борьбой против классового господства; руководя стачечной (профессиональной) борьбой рабочих масс, мы не станем поддерживать предрасудка, будто эта борьба сама по себе приведет к освобождению рабочего класса. И, помогая крестьянству вести успешную борьбу с крепостниками, мы не станем сеять вредных иллюзий о значении этой борьбы, не станем повторять за соц.-револ., будто бы объединение этого крестьянского и нашего рабочего движения достигнуто «навечно нерушимо» тем фактом, что рабочий-революционер стреляя в палача крестьян—Оболенского. «И отныне чистой кровью Фомы Кочуренко навеки связана крестьянская и рабочая борьба», повторяет «Народное Дело»¹ (№ 2, стр. 19). Кровь рабочих смельчаков, как Кочур², очень дорога нам, но мы позволим себе все же высказать ту кощунственную мысль, что такой дешевой ценой та связь, о которой говорят соц.-револ., не может быть достигнута даже в деле завоевания одной только свободы. Фраза «Народного Дела» выражает вздорную и вредную мысль. Не потому только, что по ее точному смыслу, если г. Плеве вздумается не казнить Кочура, а заключить его в Шлиссельбург, то связь между крестьянской и рабочей борьбой несколько ослабнет. Мысль, выраженная здесь, вздорна и вредна потому, что она является порождением все той же попытки спутать и воедино смешать задачи социал-демократического движения рабочего класса и демократической борьбы подавленных самодержавием других слоев народа, порождением все того же пренебрежительного отношения к политическому воспитанию, извлекаемому народными массами из долгой, упорной и открытой классовой борьбы. Так просто, как у соц.-револ., только «сказка сказывается», а не дело делается. Над делом же создания крепкой связи между «крестьянской и рабочей борьбой» придется поработать и крестьянству и рабочему классу. Рабочий класс должен стать во главе освободительного движения и громче и решительнее всех других борющихся отстаивать действительно прогрессивные интересы крестьянства. Крестьянство должно открыто поддержать политическую борьбу пролетариата. Что же касается до связи между крестьянством и пролетариатом в деле борьбы за социализм, то эта связь будет создаваться по мере того, как все большие и большие массы разоряемого капитализмом крестьянства будут переходить на классовую точку зрения пролетариата и сознавать, что только социалистический переворот освободит их от экономического рабства.

[Л. Мартов]

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И НАРОДНИЧЕСТВО, ВОСКРЕШАЕМЫЕ СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ.

Насмешка оказывает свое полезное действие. В статьях под названием «Революционный авантюризм» мы выражали твердую уверенность, что наши соц.-рев. не пожелают никогда прямо и точно определить свою теоре-

тическую позицию. Чтобы опровергнуть сие злостное и несправедливое предположение, «Рев. Россия» начинает в № 11 серию статей под заглавием «Программные вопросы». В добрый час! Лучше поздно, чем никогда. Заранее приветствуем все статьи «Рев. России» о «программных вопросах» и обещаем внимательно следить за тем, можно ли в самом деле вычитать из них какую-либо программу.

Присмотримся с этой целью к первой статье: «Классовая борьба в деревне», но сначала заметим, что наши противники паки и паки чересчур... «увлекаются», заявляя (№ 11, стр. 6): «наша программа выставлена». Неверно ведь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т. е. не только не дали законченного и официально-партийного изложения своих взглядов (программы в узком смысле слова или хотя бы проекта программы), но и не определили даже вовсе своего отношения к таким основным «программным вопросам», как вопрос о марксизме и его оппортунистической критике, о русском капитализме и о положении, значении и задачах порождаемого этим капитализмом пролетариата и т. д. Все, что мы знаем о «вашей программе», это то, что вы занимаете совершенно неопределенную позицию между революционной социал-демократией и оппортунистическим течением, с одной стороны, между русским марксизмом и русским либерально-народническим направлением, с другой.

В какие безысходные противоречия запутаетесь вы вследствие этой потуги сесть между 2 стульев, это мы вам сейчас покажем и на выбранном вами вопросе. «Мы не то что не понимаем, мы не признаем принадлежности современного крестьянства, как целого, к мелкобуржуазным слоям», — пишет «Револ. Россия» (№ 11). «Для нас крестьянство делится на две принципиально отличные категории: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы (!??), и 2) сельскую буржуазию, — среднюю и мелкую, — в большей или меньшей степени живущую эксплуатацией чужой рабочей силы». Видя «основной отличительный признак» класса буржуазии в «источнике дохода» (пользование неоплаченным трудом других людей), теоретики соц.-рев. усматривают «огромное принципиальное сходство» между сельским пролетариатом и «самостоятельными землевладельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства. «Основой существования тех и других является труд, как определенная политико-экономическая категория. Это раз. Во-вторых, те и другие в современных условиях безжалостно эксплуатируются. Они должны быть поэтому соединены в одну категорию трудового крестьянства».

Мы нарочно изложили рассуждение «Рев. России» так подробно, чтобы читатель мог хорошенько вдуматься в него и оценить его теоретические посылки. Несостоятельность этих посылок бьет в глаза. Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода — значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношения к средствам производства.

Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу.

Пойдем дальше. «Основой существования тех и других является труд, как определенная политико-экономическая категория». Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде. В другой форме здесь повторяется та же ошибка вульгарного социализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляют: «Существо взаимных отношений между сельским хозяином и батраком, с одной стороны, между самостоятельным земледельцем и заимодавцами, кулаками, с другой стороны, совершенно одинаково», то они целиком повторяют ошибку хотя бы немецкого вульгарного социализма, который, напр., в лице Мюльбергера, заявил, что существо отношений хозяина к рабочему то же, что домовладельца к квартиранту. Наши Мюльбергеры точно так же не способны выделить основных и производных форм эксплуатации, ограничиваясь декламацией по поводу «эксплоатации» вообще. Наши Мюльбергеры точно так же не понимают, что именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо-противоположные классы, и только с точки зрения этой классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в распылчатость и беспринципность. Наши Мюльбергеры поэтому должны встретить со стороны русских социалистов, дорожащих цельностью своего движения и

«добрым именем» своего революционного знамени, такой же решительный, беспощадный отпор, какой встретил Мюльбергер немецкий.

Чтобы яснее показать путаность «теории» наших соц.-рев., мы подойдем еще к тому же вопросу с практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопрос конкретными примерами. Во-первых, трудится и эксплуатируется везде, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазии. Почему бы иначе и относить ее к переходным и промежуточным слоям? Во-вторых, совершенно так же, как крестьяне в обществе товарного хозяйства, трудятся и эксплуатируются мелкие ремесленники и торговцы. Не хотят ли наши соц.-рев. создать также «категорию» «трудового» торгово-промышленного населения вместо «узкой» категории пролетариата? В-третьих, пусть попробуют соц.-рев., чтобы понять значение столь нелюбимой ими «догмы», представить себе подгородного крестьянина, который, не нанимая рабочих, живет своим трудом и продажей всяких сельскохозяйственных продуктов. Сеем надеяться, что отрицать принадлежность такого крестьянина к мелкой буржуазии и невозможность «объединить» его в один класс (заметьте, речь идет именно о классе, а не о партии) с наемным рабочим не решатся даже ярые народники. А есть ли какая-нибудь принципиальная разница в положении подгородного торговца-земледельца и всякого мелкого земледельца в обществе развивающегося товарного хозяйства?

Спрашивается теперь, чем объяснить это приближение (мягко выражаясь) гг. соц.-рев. к вульгарному социализму? Может-быть, это случайная особенность данного автора? Чтобы опровергнуть такое предположение, достаточно привести следующее место из № 11 «Рев. Россия». «Как будто, — восклицает автор, — здесь все дело в размерах одной и той же хозяйственной категории» (крупный и мелкий буржуа), «а не в принципиальном различии»

ПРИЗНАКИ «БЕЗВЛАСТИЯ» И «ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗЛОЖЕНИЯ» РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Письмо из Киева.)

Подоспело удобное время —
И в комиссию мрачный донос
На погибшее, блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержащим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Бусловия гидру сотри!».

Некрасов.

Перед нами чрезвычайно интересное литературное произведение: секретная докладная записка бывшего киевского цензора Б. М. Юзефовича⁵ «о мерах к прекращению студенческих волнений и беспорядков и к восстановлению нарушенного ими нормального течения школьной академической жизни». Эта записка издана в количестве 25 экз., «вместо рукописи», и, как упорно у нас говорят, на казенный счет; она разослана министрам, членам «Комиссии по пересмотру Университетского Устава», заседающей теперь в Спб., и, само собою разумеется, «повергнута к стопам».

Интерес этой «записки» заключается не в проникающем ее беззащитным духе ничем неприкрытого «негодяйства». С этой стороны личность г. Юзефовича чересчур известна и в этом отношении ему — автору утвержденного Боголеповым проекта «Временных правил» о солдатчине — ничем никого не удивить. Пристрастие у г. Юзефовича к партизанской войне с внутренним врагом, видимо, врожденное и перешло к нему от его отца, обесславившего себя мерзким предательством Костомарова и его друзей. Деятельность автора «записки» также изобилует подобного рода проявлениями верноподданнических чувств. Так, хотя бы его недавний донос на директора Киевской конторы Государственного банка, опального профессора г. Афанасьева, показывает, как верен этот назойливый ретроград отцовским заветам по части добровольного сыска. Приехав в прошлом году в Киев и случайно попав на лекцию г. Афанасьева о Мирабо⁶, г. Юзефович телеграфировал немедленно Сипягину, что по приезде в Киев он сразу наткнулся на призыв к революции. Последствием этого доноса было запрещение г. Афанасьеву читать публичные лекции, отмененное лишь после продолжительной переписки между министрами под влиянием угроз г. Афанасьева оставить занимаемую им должность. Не брезгая мелкими доносами, г. Юзефович занимается преимущественно писанием

(слушайте!) «двух категорий: трудового и буржуазно-капиталистического хозяйства!» Нам трудно было бы и представить себе более полное и наглядное подтверждение сказанного нами в статье «Революционный авантюризм»: «поскребите соц.-рев.—и вы найдете г. В. В.» Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с эволюцией русской общественно-политической мысли, позиция соц.-рев. выясняется из одной этой фразы. Известно, что основой того бледно-розового квази-социализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» и буржуазного хозяйства. Эта идея, в разных оттенках ее подробно разработанная гг. Михайловским³, В. В., Ник.—оном⁴ и др., была одной из тех твердынь, против которых направлялась критика русского марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо уметь отказаться от иллюзий и прямо взглянуть на действительность, разрушающую туманные мечты о трудовом хозяйстве (или «народном производстве»?) и показывающую нам мелкобуржуазный уклад крестьянского хозяйства. И у нас, как и везде, развитие и упрочение мелкого трудового хозяйства возможно лишь путем превращения его в мелкобуржуазное хозяйство. Это превращение, действительно, происходит, и на стоящая реальная тенденция трудового крестьянина к мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата, который связан с «хозяйчиками» целым рядом переходных ступеней полуробочих и полухозяев (эти переходные формы существуют во всех капиталистических странах и во всех отраслях промышленности).

Как же отнеслись соц.-револ. к этой смене двух течений социалистической мысли, к борьбе старого русского социализма и марксизма? Они просто-напросто пытались уклоняться, покуда можно было, от разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя, когда от людей, пожелавших создать особую «партию», потребовали определенных объяснений, когда их принудили к ответу, принудили и насмешкой и прямым обвинением в беспринципности,— тогда они только и стали повторять старую народническую теорию «трудового хозяйства» и старые ошибки вульгарного социализма. Повторяем: лучшего подтверждения нашего обвинения соц.-револ. в полной беспринципности, как статья в № 11, пытающаяся «соединить» и теорию «трудового хозяйства» и теорию классовой борьбы,— мы не могли и ждать.

* * *

Как курьез, отметим еще, что в № 11 «Рев. Росс.» делаются попытки «благовидно» объяснить решение уклониться от принципиальной полемики. В статье «Рев. авантюризм» «Искра», видите ли, неверно цитирует. Например? Например, опускает слово «местами» (земля местами перетекает от капитала к труду). Какой ужас! Опускают не относящееся к делу слово! Или, может быть, «Рев. Росс.» вздумает утверждать, что к вопросу об оценке перетекания земли вообще (буржуазный это процесс или нет) хоть какое-либо отношение имеет слово «местами»? Пусть попробует.

Далее. «Искра» прекратила цитату на слове «государством», хотя дальше стоит «конечно, не нынешним». «Искра» поступила даже еще злее (добавим от себя): она дерзнула назвать это государство классовым. Не станут ли наши «обиженные в лучших чувствах» противники утверждать, что в разбираемой нами «про-

доносов квалифицированных, — докладных записок, главным образом, по университетскому вопросу. Судя по многочисленным ссылкам в настоящей «записке» на другие подобного же рода произведения его пера, они посылаются в надлежащие учреждения не «в три приема», а просто-таки в бесчисленном количестве.

Одним словом, перед нами характерная фигура профессионального добровольца-доносчика, ярко очерченная Некрасовым:

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловерный.

На журналы, на книги бросался,
С карандашом вечно в руках;
Поясненья, «записки», запросы
Составлял трудолюбец-старик;
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.

В данной «записке» «трудолюбца-старика» наше внимание останавливает на себе, повторяем, не беззастенчивость взглядов его автора. Несравненно интереснее те ценные признания, которые делаются в ней усердным защитником самодержавия относительно рас-

шатанности самодержавного строя, свидетельствуя о его безотрадном взгляде на существующее положение дел. Эти признания, исходящие из уст влиятельного «прозорливого», по его собственному выражению, и преданного самодержавию советника, сами по себе являются симптомами разложения и порчи правительственного механизма, расшатанного в последние годы напором живых общественных сил, руководимых в борьбе с правительством русской соц.-демократией. Положение вещей, по мнению г. Юзефовича, очень серьезно:

«Болезнь, угрожающие симптомы которой стали с особенной силой проявляться в последние годы минувшего XIX столетия, с тех пор сделала большие успехи. Микроб лжелиберализма, или, выражаясь по-русски, свободомыслия, целым столетием раньше начавший свою разрушительную работу в Западной Европе, вскоре перенесен был и к нам, а в пореформенную эпоху нашел для себя благодарную почву в нашей незрелой печати, в наших увлекающихся неразумным милосердием обновленных судах, в нашей близорукой педагогической практике, в нашем лицемерно-пристрастном народолюбии и, под покровом благодушно настроенного правительства, ныне охватил почти весь государственный организм, оставив более или менее нетронутыми весьма немногие его органы» (62 стр.).

грамме-минимум» речь могла идти не о классовом государстве?

Наконец «Искра» цитировала прокламацию 3 апр., в которой сама «Рев. Россия» нашла оценку террора «преувеличенной». Да, и мы привели эту оговорку «Рев. Росс.», но добавили от себя, что видим тут «эквилибристику» и неясные намеки. «Рев. Росс.» этим очень недовольна и пускается в объяснения и сообщения подробностей (подтверждая, таким образом, на деле, что неясность, требующая объяснений, была). И каковы же эти объяснения? В прокламации 3 апр. были, видите ли, сделаны поправки по требованию партии. Эти поправки, однако, «были признаны недостаточными», и потому слова «от партии» из прокламации были удалены. Но слова «издание партии» остались, и другая («настоящая») прокламация от того же 3 апр. ни слова о разногласиях или преувеличениях не упомянула. Приводя эти объяснения и чувствуя, что они только подтверждают законность, предъявляемого «Иск.» (в словах: эквилибристика и намеки) требования объяснений, «Рев. Росс.» сама задает себе вопрос: как партия могла издать в своей типографии прокламацию, с которой она несогласна? Ответ «Рев. России» гласит: «Да совершенно так же, как под фирмой Росс. С.-Д. Раб. Партии печатается „Р. Дело“, „Искра“, „Р. Мысль“ и „Борьба“». Очень хорошо. Но, во-первых, у нас разнородные издания и печатаются не в типографии «партии», а в типографиях групп. Во-вторых, когда у нас выходили «Р. Мысль» и «Р. Д.» и «Искра» вместе, мы это сами же и называли разбродом. Посмотрите же, что отсюда выходит: соц.-демократия сама вскрывает и бичует разброд у себя и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинают признавать свой разброд лишь после того, как их изобличат, и лишний раз по этому случаю щеголяют своей широтой, позво-

лившей им по поводу одного и того же политического события издать в один и тот же день две прокламации, в которых политическое значение этого события (нового террористического акта) толкуется прямо противоположно. Зная, что из идейного разброда ничего доброго не выйдет, соц.-дем. предпочли «сначала размежеваться, а потом объединиться», обеспечивая этим будущему объединению и прочность и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою «программу» на разные лады «кто во что горазд»*, играют в фикцию «практического» единства и свысока заявляют нам: это у вас только, у соц.-демократов, разные там «группы», у нас же — партия! Совершенно верно, господа, но история учит нас, что иногда отношение между «группами» и партиями бывает подобно отношению между тощими и тучными фараоновыми королями. Разные ведь бывают «партии». Была, например, «Рабочая партия политич. освоб. России», а, между тем, ее двухгодичное существование прошло столь же бесследно, как и ее исчезновение.

[Н. Ленин]

«ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ».

Орган еврейского «Бунда», «Голос Рабочих» («Arbeiterstimme»), недоволен передовой статьей 22 № «Искры». В № 28 этого органа напечатана статья, где нас, между прочим, сравнивают с талмудистами.

* Сравните только «Наши задачи» бывшего «Союза Соц.-Рев.»⁷ с «Манифестом» бывшей «Партии Соц.-Рев.» (о нем в № 6 «Искры»), затем с редакц. заявлением № 1 «Вестн. Р. Рев.», с «программными» статьями №№ 7—11 «Рев. Росс.» и с брошюрой «Свобода», изданной так наз. «Раб. партией политич. освобод. России»⁸, о соединении которой с Партией Соц.-Рев. недавно сообщено в «Рев. России».

Отметив роль «зловредного Запада», г. Юзефович продолжает в другом месте: «Заразой охвачены почти все органы государственного организма; разлагающий микроб свободомыслия, эгалитаризма, атеистических, анархических и социалистических идей проник повсюду — в школу, правящие учреждения — от сената до уездной канцелярии включительно, в печать, в городскую и сельскую жизнь и даже, отчасти, в среду нашего духовенства. Единственным более или менее здоровым органом может считаться армия, в которую, однакоже, зараза всеми силами старается проникнуть» (63 стр.).

... «Явление это очень серьезно, симптомы разложения становятся все более и более угрожающими, и, если правительство не сознает необходимости применить к больному государственному организму строжайший гигиенический режим и радикальную дезинфекцию, рекомендованную мною в первой части записки, то организм можно считать погибшим — заражение крови и гангрена станут неизбежными» (62 стр.). «Поняло ли это правительство — не знаю, но если поняло, то не слишком ли поздно?!». Вопрос так и остается открытым.

Делая такие откровенные признания в секретной «записке», г. Юзефович пуще всего боится, как бы взгляды, подобные высказанным им, не сделались общим достоянием, и с прискорбием замечает, что... «постоянные

колебания, слишком частые смены наказаний и милостей, заискивающие увещания со стороны начальства и т. п. окончательно деморализовали эту сбитую с толку молодежь и вселили в нее не столько веру в милосердие и отеческое попечение о ней верховной власти, сколько убеждение в полном безвластии и безволии правительства... Убеждение, добавим от себя, разделяемое и г. Юзефовичем, как это ясно видно хотя бы из приведенных выше мест его «записки».

Что же так дезорганизовало наше правительство и привело его к состоянию, столь близкому к банкротству и столь красноречиво описанному г. Юзефовичем?

По его мнению, причин этому очень много: и «распространяемые среди молодежи анархические, социалистические и иные антикультурные учения», и «влияние незрелой антилиберальной печати», и «неумеренное благодушие и долготерпение правительства», и масса других более мелких явлений... Одного только не приметил г. Юзефович, это — вступления в сознательную жизнь нового общественного класса, способного бороться за свои политические права, оживления в силу этого общественной жизни, появления на очереди таких вопросов, разрешение которых с исторической неизбежностью властно выдвигается общественным развитием страны и разрешить которые наше правительство не

Приведя из указанной статьи нашей те строки, где говорится, что полицейские расправы с участниками майских демонстраций вопиют о мщении, и указав, с другой стороны, на то, что, по нашему мнению, только полное политическое освобождение России может явиться достойной местью за все притеснения и за все унижения, испытываемые русскими пролетариями, «Гол. Раб.» замечает: «Это значит говорить языком талмудиста, который учит, что Илья-пророк даст ответы на все вопросы».

Орган «Бунда» находит, как видно, что мы хотим отложить дело мести в слишком долгий ящик. Ему кажется, что это дело не терпит отлагательства. Он не хочет ждать. Он хочет немедленного отмщения.

Такой мести хочет не только «Гол. Раб.». Под влиянием новой тактики борющегося за свое существование правительства у нас теперь очень быстро растет число тех людей, которые ждать отнюдь не согласны и которые именно поэтому готовы упрекать нас не только в талмудизме, но и в еще гораздо более тяжких прегрешениях. Иные доходят до того, что, повидимому, искренно считают нас... реакционерами. Мы говорим не шутя и, если понадобится, докажем это ссылками на некоторые, недавно вышедшие произведения печати.

Что ответим мы на нападки этих людей?

Мы скажем им так:

Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпеть, пока не сумели вооружиться, не сумели внушить доверие народу! Вы не хотите ждать? Вы не хотите? Право? Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской революционной фантазии вы бросите на карту будущность народа? Года через два народ мог бы победить; но вот, видите ли, русской революционной молодежи невтерпех. Надо сейчас, сию минуту... Нет, если бы самые скептические мнения о вас были верны, я все-таки не верю в суще-

ствование революционной партии, которая не хочет, не может ждать минуты, когда победа будет возможна, когда победа будет вероятна. Только за народ, только с народом имеете вы право идти в бой...

Как вам нравится наша отповедь, читатель? Наверное, совсем не нравится. Да мало того, что не нравится, — мы видим внутренним оком, как вы, прочитав слова: «слабонервные трусы», судорожно сжимаете в руке нашу газету, а дойдя до слов: «революционный зуд, барская революционная фантазия», с негодованием бросаете эту бедную газету на пол и бежите составлять «протест», стараясь присоединить к себе какого-нибудь «объединенного» социал-демократа, алчущего попасть в «трясину популярности», и повторяя всем и каждому направо и налево, что «Искра» полемизирует не по-товарищески, что она перешла все пределы, что она посылает своим противникам оскорбления, беспримерные в истории нашей революционной печати, что она и т. д. и т. д. и проч. и проч. и проч. Мы заранее знаем, что ваш «протест» будет красноречив и благороден, но прежде, чем вы возьметесь за перо для его составления, обратите внимание вот на какое, далеко не маловажное обстоятельство.

Строки, вызвавшие ваше благородное негодование, от слов: «вы не можете» включительно до слов: «идти в бой», принадлежат не нам. Они взяты нами из брошюры П. Л. Лаврова⁹ «Русской социально-революционной молодежи», вышедшей в 1874 г. в Лондоне. Мы только по рассеянности забыли поставить нашу цитату во вносные знаки. Стало-быть, если вы опубликуете ваш протест, то он окажется направленным против редактора «Вперед» и «Вестника Народной Воли», и все ваши обвинения пойдут по его адресу. А это, пожалуй, вызовет неудовольствие «Революционной России», которая, если мы не ошибаемся, считает себя состоящей в некотором духовном родстве с покойным. А что, если

в состоянии. Впрочем, в одном месте г. Юзефович упоминает иронически о «либеральном духе времени», но рекомендует правительству игнорировать его: «...если мы будем в данную весьма серьезную минуту считаться с той фикцией, которая именуется духом времени, то это равносильно предоставлению государственного организма разрушительному действию раз'едающих его сил, ибо в этом-то духе времени и заключается инфекционная зараза, от которой мы так тщетно искали спасения» (стр. 64).

Упрекая правительство в отсутствии энергии и решительности и указывая при этом на англо-бурскую войну и германизацию Познани, г. Юзефович рекомендует ему взять пример с западно-европейских правительств, «которые систематически действуют в духе намеченных ими программ даже тогда, когда право не на их стороне» (стр. 18; курс. г. Юзеф.).

* * *

Значение, придаваемое г. Юзефовичем «подпольной интриге» в деле дезорганизации правительства, так велико, что русский соц.-демократ, как единственно серьезный враг правительства, невольно должен почувствовать себя польщенным при чтении «записки». Особенно большое значение г. Юзефович приписывает «тайной и явной

пропаганде» в деле приготовления студенческого движения. Первоначальной причиной студенческих волнений является, по его мнению, как мы уже упомянули выше, «распространение среди школьной молодежи анархистских, социалистических и иных антикультурных учений».

«Люди прозорливые, — пишет он, — давно уже отметили это прискорбное явление и не скрывали опасений своих относительно неизбежных последствий такой пропаганды; но благожелательное и доверчивое правительство, опираясь на близорукое общественное мнение, к несчастью, слишком долго лелеяло себя иллюзиями и приписывало студенческие волнения юношеским увлечениям, духу товарищества, недовольству некоторыми распоряжениями школьной жизни и даже бестактности властей и педагогического персонала» (стр. 5).

Меры «предупреждения и пресечения», употребляемые правительством для борьбы с «преступной пропагандой», г. Юзефович находит неудовлетворительными и недостаточными: «Какими путями проникает в Россию крамола, свившая себе в Западной Европе (опять «зловредный Запад»!) прочные гнезда, какими ловкими и искусными приемами раскидывает она свои сети, — судить не берусь; но в чем не может быть сомнения, это — в том, что для борьбы с ней правительство не располагает ни удовлетворительно - организованной силой ни достаточными

«Революционная Россия» напишет протест против вашего протеста, при чем тоже пригласит каких-нибудь захудалых социал-демократов? Ведь тогда пойдет совсем уже нелепая неразбериха. Так уж не лучше ли вам оставить всякую мысль о протесте? Не лучше ли вам сделать вид, что протестовать вы даже и не собирались? Что строки, взятые нами у Лаврова, вас нимало не возмущали, и что впросак вы ни на одну секунду не попадали? Право же, это будет много превосходнее, тем более, что все эти «протесты» подчас являются не чем иным, как замаскированным покушением на свободу революционной печати, попыткой зажать рот противнику.

А теперь сядем рядком да потолкуем ладком все о той же, не отмеченной вносными знаками, цитате.

Как царь Алексей Михайлович пользуется славой «тишайшего» царя, так и П. Л. Лавров имеет репутацию «тишайшего» писателя. Но как Ал. Михайл., при всей своей «тихости», иногда очень круто расправлялся со своими боярами, так и П. Л. Лавров, при всей своей литературной кротости, умел очень резко говорить о тех явлениях в нашем революционном мире, которые казались ему вредными для революционного дела. И замечательно, что хотя названная нами выше брошюра раздосадовала сторонников Ткачева¹⁰, — против которого она и была направлена*, но ни одного «протеста» она не вызвала, никто не закатывал глаз по ее поводу, никто не

бил себя в грудь и никто не кричал, что она содержит в себе выражения, беспрецедентные по своей резкости, и т. д. и т. д. и проч. и проч. Почему это? Вы скажете, пожалуй, что резкость Лаврова была вызвана резкостью Ткачева, который вызвал его на полемику? Но это не объяснение. Разве нельзя было протестовать против обоих? По нынешнему времени это, вероятно, так бы и было.

А кроме того, надо помнить еще и то, что цитированное нами (без вносных знаков) место относилось у Лаврова не к одному Ткачеву, а к целому течению в нашей революционной среде, течению, которое, разумеется, нельзя было делать ответственным за резкость одного Ткачева. В чем же дело? Почему же тогда никто не протестовал? Уж не потому ли, что «слабонервные» люди были тогда не столь слабонервны, как теперь?

Но как бы там ни было, а это — вопрос, не лишенный интереса. Главным образом в виду этого интереса мы и процитировали брошюру П. Л. Лаврова. Пусть не думают наши товарищи из «Гол. Рабоч.», что мы хотели применить к ним резкие выражения брошюры. Совсем нет. Мы хотели только поставить им на вид то мнение ее автора, что бывают обстоятельства, когда революционеры нравственно обязаны подчинять свое нетерпение доводам рассудка, оценивающего действия отдельных лиц и всей партии с точки зрения целесообразности, и когда нежелание «ждать» является преступным. Редакция «Гол. Рабочих» как будто позабыла об этом.

Правда ли, читатель, это значительно резче знакомого вам термина «революционный авантюризм», столь сильно расстроившего нервы некоторых слабонервных людей нашего времени?

средствами. Какие тому причины, чем объяснить, что правительственная власть, затрачивающая сотни миллионов ежегодно на предупреждение возможных в будущем столкновений с врагом внешним, в то же время обнаруживает столь преувеличенную бережливость (!?) в деле борьбы с наличным и несравненно более опасным врагом внутренним, — все это вопросы, на которые человек посторонний, не посвященный во все тайные пружины правительственного механизма, ответить не может. В качестве такого постороннего лица могу засвидетельствовать только одно, что организация правительственного надзора не только за тайной, но даже за явной пропагандой настолько неудовлетворительна, что правительству как будто бы неведомы имена и факты, которые известны всякому мало-мальски внимательному наблюдателю русской общественной жизни. В наших средних и высших правительственных школах, не исключая даже привилегированных и военных, не мало педагогов самого сомнительного направления, беззастенчиво вливающих яд зловерных учений в умы и сердца русского юношества, и правительство не только терпит их, но не делает никакого различия между ними и их благонадежными сослуживцами, а нередко даже, в силу их талантов и знаний, выделяет их над этими последними, вопреки неоспоримой истине, что люди эти тем опаснее, чем

обширнее их педагогические дарования и научный авторитет...» (стр. 8).

«Радикальное очищение наших профессорских кафедр от опасных элементов является насущнейшим вопросом нашей государственной педагогики и должно вестись беспощадно, хотя бы для замещения их пришлось временно прибегнуть к, может-быть, не вполне желательному приглашению профессоров из-за границы... Незнакомство иностранных ученых с русским языком не имеет значения» (стр. 8). В чем, в чем, а в бесстрашии мысли г. Юзефовичу отказать нельзя!

Не менее любопытны взгляды г. Юзефовича на значение «лжелиберальной печати»: «Для того, чтобы дух анархии и социалистические идеи могли водвориться в среде учащейся молодежи, необходимо было, чтобы к тому исподволь была подготовлена почва. Эту-то задачу приняла на себя наша лжелиберальная печать». Таким духом лжелиберализма, по мнению г. Юзефовича, проникнута вся наша печать: «Где в настоящее время те органы, к которым мог бы обратиться серьезный публицист, желающий независимо и беспристрастно обсудить любой из животрепещущих вопросов, затрагивающих нашу внутреннюю политическую жизнь и волнующих наше общество? Не вооружившись красным знаменем, он ни в один из мало-мальски распространенных

Позабыла она также и о том, что месть — мести рознь. Она несогласна с тем, что только полное политическое освобождение России достойным образом отомстит за все унижения и притеснения, выпавшие на долю русских пролетариев. Но не соглашаясь с нами в этом случае, она восстает против совершенно очевидной истины. В самом деле, о чем идет речь? О притеснениях и угнетениях, испытываемых русскими пролетариями от нынешнего политического порядка. Этим угнетениям и притеснениям нет числа, потому что они падают на головы русских пролетариев решительно на всех шагах их тяжелой жизни: в шахтах и на фабриках, на полях и на дорогах, в тюрьмах и острогах. Неужели редакция «Голоса Рабоч.» думает, что за эти унижения и оскорбления можно отомстить несколькими «террористическими» пулями или несколькими взрывами нескольких пудов динамита? Думать так было бы верхом наивности; думать так значило бы покинуть не только точку зрения рабочего класса, но и вообще точку зрения политической борьбы против данного политического порядка, и встать на точку зрения личной мести отдельным представителям этой системы. Такая месть есть все, что угодно, но только совсем не политическая борьба.

Наконец, позабыла редакция «Гол. Раб.» еще и о том, что соц.-демократам не пристала та логика, которую Энгельс, вслед за Гегелем, называл метафизической, и которая характеризуется формулой: «или — или». Любям, придерживающимся этой логики, дело представляется очень просто: или полная окончательная победа над правительством или полная невозможность отомстить ему за испытанные от него обиды. Марксисты же, стоящие на диалектической точке зрения, знают, что борьба за политическое освобождение страны есть длинный процесс, в продолжение которого революционеры ожидают целый ряд частичных побед над их смертельным врагом, побед,

несущих с собою, следовательно, и мщение. С этой точки зрения месть вовсе не представляется отложенной в долгий ящик: нет, к мщению надо приступить сейчас, немедленно, не теряя ни минуты и — как мы сказали в своей статье — не считая себя в праве хоть немного успокоиться до тех пор, пока обида не отомщена. Но, конечно, и тут остается нерешенным вопрос о том, что понимать под местью. На этот вопрос нет бесспорного ответа. Все зависит здесь от степени нравственного и политического развития отвечающего: для одного лучшая — наиболее «достойная» — месть заключается в успехе того дела, из-за которого он и его близкие подвергаются оскорблениям; другой, будучи оскорблен, забывает о деле и думает только о том, как бы наказать лицо, нанесшее оскорбление. Различные люди мстят различно. Но не трудно видеть, какой род мести выгоднее для дела. Возьмем хоть рассуждения «Гол. Рабочих». Правительство, устами Зубатова, говорит: «Я вас толкну на террор и потом раздавлю». Чтобы добиться этой цели, оно оскорбляет революционеров. А революционеры, будучи оскорблены, говорят устами «Голоса Рабочего»: «Выступим же на путь террора!». Не ясно ли, что та кой мести правительство не убоится?

Мы не сомневаемся в том, что у редакции «Гол. Рабочих» очень хорошие намерения. Но ее логика в данном споре слаба, так слаба, что над ней, наверно, очень посмеялись бы даже талмудисты, если бы дали себе труд ознакомиться с нею.

[Г. Плеханов]

ВСЕ О ТОМ ЖЕ.

В № 5 гектографированного издания «Вперед», помеченного «Петербург, 15 сентября 1902 г.» и подписанного буквами С.-Р. (соц.-революционеры?), мы —

органов лжелиберальной печати проникнуть не может; в лагере же так называемой консервативной печати он находит лишь «Моск. Ведомости» и «Гражданин». Обе эти газеты не удовлетворяют г. Юзефовича, первая «в усердии своем нередко заходит за пределы того, чему может сочувствовать человек, независимый в своих суждениях», вторая «в свою очередь представляет собой орган личных взглядов и убеждений его редактора и потому обращается лишь в тесном кругу единомышленников князя Мещерского». «Есть еще весьма распространенная газета „Новое Время“, которая позирует на благонамеренность, весьма, впрочем, дешевую: в действительности же газета эта представляет собою работу дружно сплоченной группы публицистов, готовых продать себя тому, кто дороже заплатит»... Это ли не знамение времени? Даже наш «внимательный наблюдатель нашей общественной жизни» бросает современный «чего-изволите?» упрек в продажность.

Виною такому «безотрадному положению нашей прессы», проникнутой «тлетворным ядом лжелиберализма», является, по мнению г. Юзефовича, «узко-формальное отношение к делу» цензоров, «пропускающих без внимания ядовитые книги и статьи, в которых между строками проводятся самые отрицательные учения, разжигается национальная и сословная вражда; растле-

ваются нравы и подрываются священнейшие авторитеты веры, закона, семьи и правительственной власти». Тут же г. Юзефович проводит оригинальную мысль, что слабость цензуры является в то же время и причиной упадка современной литературы и оскудения ее талантами: «...в самый разгар мнимых гонений на русскую печать... строгая расценка литературных и публицистических дарований выдвинула целую плеяду талантливейших имен, и первая половина XIX столетия не без основания может считаться самой блестящей эпохой в русской литературе. Не то явила нам вторая половина того же столетия... Данные в это время русской печати широкие вольности не оправдали возлагавшихся на них надежд: исчезли поименованные выше светочи русской литературы старой школы и оскудела вместе с ними русская печать. Под прикрытием дарованных вольностей на смену этих титанов из всех щелей стали выползать литературные букашки»... (стр. 11).

Итак, оживить русскую литературу можно, по мнению г. Юзефовича, очень просто: стоит только усилить (?) цензуру и «подвергать ударам самой решительной и настойчивой правительственной репрессии...» «все, что вносит в жизнь дух разлада и разложения». Кроме того, «трудолюбивый старик» рекомендует правительству оказать «материальную и нравственную поддержку» — для

среди всяких восхвалений политического террора — прочли следующие строки:

«... За 1901 — 2 год было семь террористических покушений: на Боголепова, Победоносцева, два на Трепова, на Сипягина, Валя и Оболенского. Из этих дел последнее только произведено „боевой организацией“. Остальные шесть — личные действия отдельных лиц. Эти шесть покушений (сюда входят оба удавшихся [т. е. покушения Карповича и Балмашева. Ред.]) — выражение общественного настроения, выражение негодования на существующий порядок и действия властей. Более чуткие, более горячие люди не могут жить в существующих условиях и смотреть равнодушно на все безобразия русской действительности. Им душно жить, нечем дышать, а потому, умирая, терять нечего. Они берут револьвер и идут убивать врагов народа...». Далее говорится: «Предположим, что Зубатов поймал всех членов „боевой организации“ и что вы, г. Плеве, всех их уже повесили. Чего же вы достигнете этим? За время погони вашей за „боевой организацией“ жизнь выставит ряд Карповичей, Балмашевых, Леккертов, действующих в одиночку (курсив везде наш. Ред.) смело и решительно».

Из этих строк читатель может видеть, что террористический кружок, издающий «Вперед», считает выстрел Балмашева делом единоличного его решения, возникшего как выражение «общественного настроения». Он говорит то же самое, что сказали мы в передовой статье № 20 «Искры». Мы только ближе определили это «общественное настроение», как настроение передовой части вовлеченного в борьбу с правительством студенчества.

Рекомендуем «Рев. Росс.» обрушиться на этих террористов, которые так «беспримерно» дерзновенны, что до сих пор, вопреки всем заявлениям «боевой организации»,

смеют свое суждение иметь, смеют считать и называть убийство Сипягина единоличным актом, выражением общественного настроения, не более того!

Наше мнение по этому вопросу составилось, как знает читатель, совершенно независимо от мнения нового издания «Вперед». «Рев. Россия» мечет громы и молнии против нас, приглашая всю Росс. С.-Д. Раб. Партию осудить «Искру» за ее «дерзкие» мнения. Мы не сомневаемся, что наша партия, при первых же шагах к восстановлению ее действительного единства, займется вопросом о Партии Соц.-Рев. и рассмотрит жалобу «Рев. России». Посмотрим, удовлетворит ли это рассмотрение жалобщиков.

От себя же мы поставим «Р. Р.» лишь такой вопрос: не «беспримерно» ли также в истории русского революционного движения, что иностранные революционеры вынуждены заговорить об «игрушке» и «шумихе» по поводу актов политического террора? О «Нар. Воле» так не говорили. И не вызывает ли крикливость сама собой сомнения в том, в чем крикливо стараются уверить? Заметим при этом, что «Искра» сделала с своей стороны все возможное, чтобы не дать публике вложить персты в эти столь некстати обнаружившиеся язвы нашего современного движения. «Искра» просто игнорировала противоречащие очевидности заявления «боевой организации», как продолжают их до сих пор игнорировать террористы издания «Вперед». И только высокомерное заявление «боевой организации», требовавшее, чтобы мы приняли «без разговоров» ее объяснение выстрела Балмашева, заставило нас формулировать наши сомнения.

Мы опасаемся, что «Рев. Росс.» не сможет ответить на поставленные ей выше вопросы. Ведь ей строго запрещено продолжать полемику с нами — в интересах благопристойности. Это запрещение исходит от Центр. Ком. Партии Соц.-Рев., каковой Комитет этим самым

издания литературного органа — «Русскому Собранию», «вокруг которого сгруппировался кружок людей, искренно преданных национальной идее, православию и принципу самодержавия»...

Тогда, надо полагать, дело будет совсем в шляпе!

* * *

Но особенно комичны упреки — «в неумеренном благодушии и долготерпении», посылаемые г. Юзефовичем по адресу правительства. Уж оно ли не старается?! Г-ну Юзефовичу все кажется мало: «К сожалению, такой недостаток решительности и настойчивости со стороны правительственной власти до сих пор обнаруживается не только к вредным тенденциям печати, но и в сфере иных прискорбных явлений в русской народной жизни. То же благодушие и неумеренное долготерпение проявляло правительство и по отношению к делящимся несколько лет школьным волнениям и беспорядкам, чем нанесен значительный ущерб русскому национальному просвещению вообще и личным интересам большинства учащейся молодежи в частности» (стр. 17).

Недоволен г. Юзефович и отсутствием какой-либо определенной системы в действиях правительства: «В течение нескольких последних лет меры строгости постоянно сменялись проявлениями монаршего милосердия,

к которому лица, у власти стоящие, должны были бы прибегать с гораздо большей осторожностью. Русский народ привык к тому, что всякое благо и милости изливаются с высоты престола, но потому-то именно со стороны ближайших советников царских желательно, чтобы в интересах законности и порядка они не обращали акты царского милосердия в орудие безнаказанности, влекущей за собой полную деморализацию в среде кружков, преступивших закон». «Продолжительная безнаказанность привела к тому еще, что школьные беспорядки вошли в привычку, обратились в явление заурядное; между тем, в среде студенческой молодежи все чаще и свободнее стали проникать воззвания и листки возмутительного содержания, радикально изменившие самый характер волнений и придавшие им небывалый прежде дух политических возмущений» (стр. 18). Упреки правительству в бездейственности и «попустительстве» «антикультурным» течениям Юзефович заканчивает советом взять пример с зап.-европейских правительств, систематически и настойчиво действующих в «духе намеченных ими программ даже тогда, когда право не на их стороне».

Одними наставлениями общего характера г. Юзефович не ограничивается и предлагает правительству «для оздоровления государственного организма» целую программу практических мероприятий, понятно, репрессивного

актом проявил впервые свое существование *. Мы очень сожалеем о судьбе нашего литературного коллеги, павшего жертвой строгости Центр. Комитета. Но, с другой стороны, мы — признаться — немного завидуем ему. Центр. Ком. нашей собственной партии (когда он будет создан), несомненно, будет обладать меньшей проницательностью и не догадается «запретить» нам, бедным соц.-дем. публицистам, продолжать полемику, если нам — от чего боже сохрани? — случится в ней... поскользнуться.

[Н. Ленин]

КОМИТЕТЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ.

(От редакции: нам доставлено «Письмо в редакцию „Искры“» за подписью А. и М. Авторы письма совершенно справедливо указывают, что социал-демократам «пора, в качестве полноправных членов, принять участие в политической жизни страны», что мы должны поэтому следить за работой Особых Совещаний, противопоставлять их программе свою программу и развивать эту последнюю ее ко всем сторонам общественной и политической жизни, обращаясь, в частности, с мотивированными резолюциями к комитетам Особого Совещания и т. д. и т. д. Мы приводим целиком ту часть письма, которая посвящена работе комитетов, позволяя себе опустить замечания о партийной программе, ибо эти замечания писаны, видимо, авторами до ознакомления их с нашим проектом программы.)

* Общепартийные прокламации соц.-рев. подписывались до сих пор просто партий. Ультиматумы правительству после террористических актов подписаны «боевой организацией». «Искра» чувствует себя безмерно польщенной: для борьбы с ней партия применила ту инстанцию, по отношению к которой является исполнительным органом группа, уполномоченная после покушений «истину царям с улыбкой говорить».

«Особое Совещание» возникло, как известно, вследствие того, что министерство финансов, являющееся у нас одновременно и министерством промышленности и торговли, в своем старании развить отечественную промышленность и упорядочить государственные финансы, несмотря на «магию» г. Витте, уперлось, как в глухую стену, в острую и все растущую нищету народа.

Развить производительные силы страны, для этого создать крупное производство, густую железнодорожную сеть и металлическое денежное обращение — такова была экономическая программа министерства финансов в течение последних 15 л. Сосредоточив, как и подобает бюрократическому министерству, дело руководства промышленной жизнью страны в своих руках *, занятое грюндерством, финансовой магией и борьбой за убежавшее из страны золото **, министерство финансов было в силах создать, однако, только иллюзию быстрого экономического развития страны и цветущих государственных финансов, иллюзию, разбившуюся о ничтожную производительность общенародного труда. Таким образом возникло сознание необходимости обратить, наконец, внимание на развитие производительности общенародного труда, а следовательно, кустарного производства и сельского хозяйства, как основного промысла массы населения. Отсюда кустарный съезд и, в настоящее время, Особое Совещание трех министров и нескольких сановников, снабженное чрезвычайными полномочиями и свидетельствующее, что, по сознанию самого правительства дело серьезно, чтобы не сказать больше.

Для всякого, а следовательно и для инициаторов Совещания, должно быть ясно, что тот или другой уровень

* Нормировка производства; концессионная система разрешения акционерных предприятий и др.

** Наш расчетный баланс в 1899 г., несмотря на продажу за границу процентных бумаг, на сумму около 150 миллионов, склонялся в пользу последней и обусловил отлив золота на 250 миллионов приблизительно; в 1900 г., по официальным данным, золотой запас уменьшился на 74,1 миллиона, — цифра, несомненно, уменьшена. К средине 1901 г. золотой запас Государственного банка спустился до 694 милл., уменьшившись в полтора года на 145 милл., в то время как кредитное обращение возросло на 61 милл. Явно, что золото утекает из страны.

свойства. Первым по важности он считает: «значительное усиление рабочих сил и материальных средств нашей политической полиции и организацию полицейских агентур соответственно современным условиям борьбы с анархией и политическими жеужениями». Далее следует целый ряд советов, изложенных в 22 пунктах и непосредственно вытекающих из общих положений его «записки».

Особенно интересны меры, касающиеся непосредственно университета; из них выделяется совет наказывать студентов за участие в беспорядках лишением аттестата зрелости. Совет довольно ехидный, но далеко не столь удобоисполнимый, как это воображает г. Юзефович; он забывает, что лишение аттестата есть один из видов лишения прав, налагаемый на преступника, даже по русскому законодательству, лишь по суду. Мы не сомневаемся, что эта незаконная мера, в случае ее применения, разделит участь «временных правил» Боголепова, предложенных тем же «трудолюбом-стариком».

Еще курьезнее следующие советы г. Юзефовича: «вернуть внутренний распорядок в высших учебных заведениях высокообразованным офицерам, установив в то же время для студентов ответственность по уставам военной дисциплины»,... организовать студенчество в... «школьные батальоны», произвести массовые увольнения «профессоров сомнительного направления», «со временем, под

предлогом (курсив мой. -ъ) подготовки воспитанников средних учебных заведений старшего возраста к предстоящей им лагерной службе, можно было бы ввести офицеров-инструкторов и в среднюю школу»... (стр. 64). Одним словом, перед нами стройная система утопических мечтаний, представляющих из себя любопытный пережиток старины в виде какой-то смехотворной отрывки аракчеевщины. Два года тому назад г. Юзефович предложил студентов отдавать в казармы, теперь же он хочет казармы перенести в университет. Все меры, предлагаемые г. Юзефовичем, глупы и ничтожны; пока они на бумаге — способны вызвать лишь смех, при осуществлении же — лишь всеобщее недовольство и взрыв общественного возмущения.

Мы советуем г. Юзефовичу прочесть чудесную сказку Щедрина, описывающую подвиги Топтыгина, посланного Львом в дальний лес «вроде как бы воеводой, внутренних супостатов усмирить» («Новые сказки для детей изрядного возраста», изд. 1893 г.). Из этой сказки г. Ю. увидит, что предлагаемые им мероприятия вовсе не новы. В самом деле: Топтыгин по приезде в лес первым делом «университет в полном составе разверстал в линейные батальоны»... а г. Юзефович предлагает отдать студентов в «школьные батальоны», «установив для них ответственность

производительности народного труда есть сложный результат хозяйственных, политических и культурных условий народной жизни; что затронуть этот вопрос — значит затронуть все социальные и политические проблемы современности, — а в русских условиях, — прежде всего, проблеме самодержавия. Но это значит рубить сук, на котором сидишь. Отсюда — трагикомическая попытка гг. Витте и Сипягина ограничить работу Совещания сферой специально технических вопросов и свести все дело к разрешению ряда мелких задач: о сельском кредите, организации сельско-хоз. союзов, распространении сельско-хоз. умений и т. д. (Заседание 2 февр.) Мотивировалось это предложение тем, что затрагивать вопросы общегосударственного значения, хотя и связанные с положением сельско-хоз. промышленности, значит — нарушать prerogative «ведомств» и лишать работы Совещания делового характера. Но так как совсем обойти эти вопросы явно невозможно, то предлагалось ограничиться по ним составлением общих предположений, представляемых на благоусмотрение государя. Некоторую оппозицию такая постановка дела встретила уже в самом Совещании: Ермолов указал на ряд вопросов общегосударственного значения, — исключительно экономических, правда, — настолько тесно связанных с судьбами сельского хозяйства, что разработка их Совещанием и обязательность выработанных им руководящих начал для «подлежащих ведомств» — неизбежна.

Еще шире были раздвинуты рамки Совещания в губернских и затем уездных комитетах. Здесь вопросы государственного значения, — а из них политические, — совершенно заслонили собой специальные сельско-хозяйственно-технические; вместо разработки узко-специальной программы, составленной бывшим радикалом Ковалевским, комитеты принялись за пересмотр всех устоев русской гражданской, политической и хозяйственной жизни, не касаясь, правда, центрального пункта — самодержавия. Оно для них, видимо, — запретная область.

Потребность выйти из границ, намеченных для работы комитетов Совещанием, была так сильна, так единодушно заявлена, так очевидна, наконец, что наше правительство, под непосредственным давлением многочисленных запросов председателей комитетов — губернаторов и предводителей дворянства, увидело невозможность противиться течению; последовало высочайшее разрешение комитетам

касаться всех вопросов, связанных, по мнению их, с делом сельско-хоз. прогресса; это разрешение сопровождалось кучей жалких слов о такте комитетов, о доверии к ним и надеждой, что они не злоупотребят этим доверием. Невольно спрашиваешь себя: где мы? В России ли? Слыхано ли, чтобы с высоты престола говорили таким тоном с каким-нибудь лохвицким или кобелякским парламентом, составленным из уездных гласных, крестьян, попов, учителей и прочей мелкоты, одна из секций которого заседает под председательством административно-ссыльного, г. Туган-Барановского?

Еще более тяжелое поражение понесло Особое Совещание по вопросу о личном составе губернских и уездных комитетов. Под тем предлогом, что земство было опрошено о нуждах сельского хозяйства в 1894 г. в связи с учреждением министерства земледелия, — а, в сущности, потому, что земство рассматривается как оппозиционный элемент, — Совещание устранило его от нового обсуждения вопроса и ввело в комитеты в подавляющем количестве высшую провинциальную администрацию, предоставив председателям право приглашать к участию осведомленных лиц, — этим гарантируется, по мнению Совещания, чиновно-дворянский состав комитетов. Но уже в губернские, а еще в большем числе в уездные комитеты начали поступать заявления о том, что устранение земских учреждений неправильно*. Заявления эти имели только значение протестов и кое-где послужили основанием для возбуждения ходатайств. Фактическое же участие земства, в лице гласных, осуществилось окольным путем. В целом ряде уездов, очевидно, под влиянием логики вещей и общественного мнения, председатели комитетов пригласили поголовно всех земских гласных, кроме того членов экономических советов, народных учителей, земских агрономов, крестьян и др. Таким образом определился состав провинциальных комитетов, оказавшийся, особенно в уездах, не дворянско-чиновническим, а зем-

* Так, напр., в Темниковский, Лохвицкий, Костромской, Рузский комитеты. Рядом с этим, в Орле члены и председатели управ несколько раз заявляли, что, не имея полномочий от земских собраний, они откажутся смотреть на себя как на представителей земств и присутствуют в комитете в качестве частных лиц. Мотивировка, достойная внимания.

по уставам военной дисциплины»; Топтыгин университет и академию спалил, а «академиков в душло заточил, где они и поднесь в летаргическом сне пребывают», господин же Юзефович предлагает даже и при нынешнем низком уровне профессуры, «поднесь в летаргическом сне пребывающей», произвести «беспощадное» «очищение кафедр» от лиц «сомнительного направления» с заменой их профессорами, не умеющими говорить по-русски. Топтыгин «забрался ночью в типографию, станки разбил, шрифт смешал, а произведения ума человеческого в отхожую яму свалил; сделавши это, сел, сукин сын, на корточках и ждет поощрения» — точь-в-точь то же рекомендует сделать г. Юзефович и, повидимому, также «ждет поощрения»... Кроме этого, г. Юзефович найдет в чудесной сказке немало для себя поучительного; он узнает там, что предлагаемые им мероприятия принадлежат, по терминологии Щедрина, к числу злодейств «срамных, малых, шуточных», которые «не только историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы». История лишь «отменнейшее кровопролитие» ценит, а о малых, каково кровопролитие, предлагаемое г. Юзефовичем, «упоминает с оплеванием».

«Проклятое то время, — восклицает сатирик, — которое с помощью крупных злодеяний цитадели общественного

благоустройства сокрушает, но срамное, срамное, тысячу раз срамное то время, которое мнит той же цели достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых!» Таким-то деятелем тысяча раз срамного времени и является г. Юзефович, — яркий выразитель процесса вырождения консерватизма и разложения самодержавного режима под ударами общественных сил, руководимых соц.-демократией; ей, как передовому отряду прогресса, принадлежит будущее, темным же деятелям «срамного времени» суждено раствориться во мраке прошлого. Будущее вспомнит о них лишь «с оплеванием». Память о деятелях такого типа, как г. Юзефович, будет увековечена лишь чем-либо вроде известной эпитафии:

Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив.
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив.

[Правдин]ъ.

ским, в широком смысле слова. При этом численный состав уездных комитетов часто очень значителен: в Суджанском — 48 чел., в Лохвицком — 60 и т. д.

Таким-то образом, вопреки предположениям Особого Сопровождающего, Россия покрыта целой сетью маленьких парламентов, обсуждающих, иногда гласно и публично, вопросы гражданского правопорядка и экономической политики.

Какие же идеи и тенденции сказываются всего определеннее?

Должно заметить, что работы комитетов только-что начаты и окончатся лишь в начале будущего года (срок окончания продолжен до 1 февр. 1903 г.) — вследствие этого пока можно говорить лишь об общих принципах и тенденциях комитетов. Картина, тем не менее, получается внушительная.

Выше мы уже указали, что в ряде комитетов было заявлено о праве земства принимать участие в обсуждении вопросов, имеющих общенародное значение. В связи с этим стоит требование расширить круг земской деятельности; сделать ее и более устойчивой и независимой от администрации; дать земству право периодических съездов; выслушивать его мнения о всяком законопроекте, затрагивающем местные интересы, ранее внесения его в законодательное учреждение; увеличить земский бюджет на счет государственных сумм (Костромской комитет). Все это старые требования земств, много раз высказанные и сводящиеся к расширению местной автономии и компетенции. Но одно — ново: это — требование обязательной передачи на обсуждение земских собраний всех законопроектов, имеющих местное значение. Но какие же не имеют его? Эта попытка земств приобрести политическое значение должна быть отмечена.

Довольно определенно и всеобщее требование установления одного общего для всех гражданского правопорядка. Так, Темниковский комитет требует поднятия личности крестьянина, а следовательно, уравнивания его с другими сословиями в личных и гражданских правах, путем подчинения общей админ. и общим судебным установлениям; Костромской — указывает на необходимость ослабить общинную и административную опеку над крестьянином; Суджанский и Курский — высказываются в том же смысле, что и Темниковский.

Достойно внимания совпадение требований местных комитетов с требованиями, высказанными кустарным съездом в неопущенных правительством резолюциях.

Единогласно и всеобщее требование образования для народа и освобождения от стеснений и опеки культурно-просветительной деятельности.

Многие комитеты высказались по вопросам общей экономической политики правительства, характеризуя ее как политику покровительства меньшинству, в ущерб интересам большинства; при этом выражалось желание, чтобы в основу податной системы лег принцип подоходности, а таможенная политика не служила бы целям охранения крупной промышленности в ущерб потребителю.

Таковы общие руководящие начала. Что многими комитетами они будут разработаны детально, несмотря на циркулярное сообщение министра финансов, помещенное в № от 10 авг. «Правительственного Вестника», — об этом можно судить по тому, как они приступили к работам. Комитеты разбиты на комиссии по группам сродных вопросов; выработаны детальные программы, заключающие, напр., в Суджанском комитете, такие пункты: § 4 — отсутствие явочного порядка для коопераций и союзов; § 15 — вопрос о прессе как общей, так и специальной; § 16 — о полном прекращении преследования сектантов; § 17 — о духовенстве и зависимости прихода от духовной консистории и епархиального начальства; § 20 — об организации земских учреждений вне зависимости от сословных соображений; § 53 — рабочий вопрос.

Земским экономическим советом внесено в тот же комитет предложение разработать вопросы: 1) об устранении крестьянского малоземелья, на основании заранее определенной нормы земельного участка, необходимого для существования средней крестьянской семьи; 2) об ограничении скопления в одних руках участков подворного землевладения; о праве крестьян самим избирать форму землевладения — общинную или подворную.

Не все, конечно, комитеты взглянули на дело с надлежащей широтой. Напр., Меленковский комитет, Владимирской губ., в составе предводителя дворянства, 20 земских начальников и 1 землевладельца, решил, что дело будет сделано, если в уезде будет не одно, а 10 сельско-хозяйственных обществ, каждое — с инструктором и субсидией, — и если кровельное железо подешевеет. Но, ведь, и Россия перестала бы быть Россией, если бы в ней перестали бы быть хорошие люди и плохие музыканты.

Теперь — вопрос: эти требования, зреющие теперь в комитетах и в сознании русского общества, требования, которые рано или поздно осуществляются, — являются ли они достаточно полным и достаточно соответствующим интересам социал-демократии решением поднятых общественных вопросов?

С уверенностью можно сказать, что — нет. Вопрос о самодержавии едва ли будет затронут, а следовательно, и вопрос о гарантиях того правопорядка, который признается желательным и необходимым. Даже в тех узких пределах, в каких он будет поставлен, вопрос об избирательном праве и народном представительстве в земском и городском самоуправлении едва ли получит демократическое решение. Об этом говорят следующие признаки: и в заявлениях, сделанных в комитетах, и в статье «От русских конституционалистов», помещенной в № 1 «Освобождения», говорится только о «бессословности» представительных учреждений и — нигде о всеобщем и равном избирательном праве. Статья «Освобождения» мотивирует это свое воздержание нежеланием делить шкуру неубитого еще медведя, но оговаривается, что «более подробное определение избирательной системы будет предметом особого обсуждения, при котором нельзя обойтись без технических деталей и принципиальных споров». Мы хотели бы знать, что скрывается за этой оговоркой? Имущественный ли ценз? и высокий? И притом множественность голосов?.. Что это — первые ли провозвестники грядущих притязаний российской буржуазии и предстоящей нам классовой борьбы за участие в государственном управлении, или только выражение недоверия к голосованию крестьянской безграмотной массы? Так или иначе, но с этим партией придется считаться; скрытым пока врагам демократии должно быть показано, что их намерения разгаданы, и социал-демократическая партия должна взять на себя ведение кампании в пользу всеобщего и равного избирательного права как для органов местного самоуправления, так и для парламента.

Требование уничтожения опеки, общинной — для крестьян и административной — для всех граждан и органов самоуправления, есть наиболее скромная форма требований элементарных личных и политических прав. Она требует, по всей вероятности, расширения и углубления. Особое внимание партии должен привлечь вопрос о союзах и о коалиционном праве рабочих как фабричных, так и занятых в земледелии и отхожих промыслах. Вообще, интересы рабочих сельскохозяйственной промышленности совершенно не представлены в комитетах, а они, между тем, разнообразны и требуют усиленного внимания, так как положение сельскохозяйственного рабочего до бесконечности жалко и необеспечено. Явиться выразителем его нужд может только соц.-демократия.

А. и М.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

В отдельной брошюре мы поместили обвинительные акты по политическим процессам о демонстрациях 1 мая в Нижнем-Новгороде и Саратове. Как оказывается, третий такой же процесс возбужден против 14 рабочих Сормовского завода (Нижегород. губ.), участвовавших в демонстрации в день 1 мая в Сормове. Сормовский и нижегородский процессы назначены к слушанию в конце октября. Саратовский уже назначался к слушанию, но был отложен.

Возобновление судебных процессов против участников политических демонстраций свидетельствует о край-

нем озлоблении царского правительства. После бессмысленной попытки подавить проявления революции полицейскими розгами, оно схватилось за старое орудие — подтасованный суд*. Мы уверены, что наши товарищи с честью выдержат новое испытание их политической зрелости и используют, в интересах партии, процедуру судебного процесса.

Не имея возможности привести целиком обвинительный акт по сормовскому делу, мы ограничимся наиболее характерными моментами.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

о крестьянине слободы Кошелевки, Елькинской вол., Нижегородского у., П. А. Заломове, 25 л., мещ. г. Лукинова А. И. Быкове, 22 л. и М. И. Быкове, 24 л., горнозаводском мастеровом Воткинского зав., Вятской губ., Е. Г. Наумове, 25 л., крестьянине села Сормово, Балахнинск. у., П. Д. Дружине, 26 л., крест. Н.-Сергинской вол., Красноуфимского у., Пермской г., Н. В. Фролове, 28 л., горнозаводском раб. Воткинского зав., Вятской губ., М. Е. Богатыреве, 27 л., крестьян. с. Сормова, Балахнинского у., А. П. Ляпине (Буренкине), 26 л., горнозаводском мастеровом с. Выксы, Ардатовского у., М. И. Самылине, 24 л., горнозаводском мастеровом з. Дождатого, Меленковского у., Владимирской губ., И. Ф. Сутягине, 19 л., крестьян. с. Масловки, Васильевского у., И. Д. Шибяеве, 24 л., крестьян. с. Пиловальки, Курмышского у., Симбирской губ., В. Н. Солдатове, 29 л., крестьянине с. Козина, Балахнинского у., А. П. Баранове, 17 л. и крестьянине с. Бахаревки, Курмышского уезда, Симбирской губ., Я. С. Полозове, 25 л., обвиняемых в преступлении, предусмотренном 252 ст. Ул. о нак.

В конце 1901 г. в с. Сормове, Балахнинского уезда, и на Сормовских заводах в различное время были найдены преступные воззвания, обращенные к рабочим. С наступлением 1902 г. появление таких прокламаций возросло и особенно усилилось в апреле месяце. Запрещенные листки, изданные типографским способом или воспроизведенные посредством мимеографа и гектографа, разбрасывались первоначально в черте заводов, между 5 и 6 час. утра, после окончания ночной работы, и мастеровые находили их на станках и в ящиках. Заводскою администрацией и полицией было учреждено неослабное наблюдение за цехами, вследствие чего появление воззваний в них прекратилось, но было замечено в Сормовском поселке, преимущественно в тех улицах, которые идут к заводу. Не ограничиваясь этим, неизвестные злоумышленники расклеивали свои произведения на стенах заборов и столбах. Таким образом, в заводах и с. Сормове было найдено: 27 ноября 1901 г. — несколько воззваний «Нижегородского Ком. С.-Дем. Раб. Партии», от 25 ноября — «К вагонным кузнецам», с приглашением заявить требования о введении порядка повышений и объявлений расценок и вежливом с рабочими обращении мастера, при чем указывалось, что путем массовых забастовок и бунтов рабочие добились издания законов о штрафах, расценках и введении одиннадцатичасового рабочего дня. В этом же воззвании обращается внимание рабочих на то, что им нечего рассчитывать на поддержку со стороны губернских властей. Там же обнаружена 6, 7, 8 и 9 декабря «Нижегородск. Рабочая Газ.» № 1, 11 декабря — воззвание «Ко всем сормовским рабочим», 22 и 23 декабря — 38 экз. листка, озаглавленного «Ко всем нижегородским рабочим», 5 и 6 марта

* Автор передовой статьи № 9 «Освобождения» ошибочно думает, что новые политические процессы являются первыми со времени дела Софьи Гинзбург (1890 г.), если не считать последних дел о террористических покушениях. Хотя изредка, но политические процессы происходили во все время 90-х годов, являясь, конечно, редкими исключениями, только подтверждавшими общее правило «административной» расправы. Нам известно дело Каурихина и Архангельского в Казани (1892 г.) о покушении на губернатора; дело «пролетарията» Славинского в 1892 г. в Варшаве; дела вольноопределяющихся Виктора Вейнштока и Биндера — в Спб. и Варшаве в 1893 г.; дела рабочих Грубецкого, Клепсателя, двух Карчмарек и Циммермана — в Лодзи в 1895 г. и, наконец, 3 дела об убийстве шпионов в Польше в 1900 году.

1902 г. — «Нижегородская Рабочая Газета» № 2, 31 марта — та же газета № 3, в количестве более тысячи экзempl., 11 апреля — та же газета № 4, а 26 апреля — № 5 той же газеты, с заголовком «Первое мая»*. Характер этих изданий постепенно видоизменялся; авторы не ограничивались только экономическими требованиями, но призывали рабочих к политическим демонстрациям, имеющим конечную целью ниспровержение существующего порядка управления. Почти все листки заканчиваются требованиями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Кроме таких преступных подстрекательств, в некоторых изданиях помещены песни революционного содержания: «Дружно, товарищи, в ногу!», «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами!». В № 5, озаглавленном «Первое мая», Нижегородский Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии, объясняя рабочим значение этого дня, приглашает всех бросить работу, выходить на улицу и идти толпой с пением революционных песен и с красными знаменами, на которых должны быть изображены перечисленные выше дерзостные восклицания. Независимо от преступной пропаганды путем воззваний, на заводах стали распространяться слухи о готовящихся беспорядках, при чем с первого января по первое мая назначались для такихых те или другие дни. Все описанные действия злоумышленников вызвали к первому мая тревожное настроение среди рабочих, некоторые из коих дня за три до этого числа получали приглашения от своих товарищей, как, напр., от крестьянина Алексея Быкова, бросить первого мая работу. Совокупностью показаний свидетелей-очевидцев (следуют имена)... установлено, что первого мая работы на заводе начались в полном порядке, после 12 час. часть мастеровых, согласно их просьбе, по примеру прошлых лет, была освобождена от занятий, при чем на работах оставалось около 5.400 чел. До двух часов дня в Сормове все было спокойно. Часу в третьем на Большой улице, по направлению от Дарьинских выселков и Дарьинского леса, стали появляться отдельные группы рабочих, среди которых слышались игра на гармониях, брань и пение фабричных песен. Бывший в наряде полицейский надзиратель Высоцкий пытался остановить тех из упомянутых лиц, которые наиболее шумели, при чем обратил внимание, что крестьянин Егор Наумов, собрав около себя толпу рабочих, шел по названной улице, играя на гармонике и особенно громко выкрикивая какую-то песню. В другой группе выделялся кр. Осип Матвеев, который, находясь в нетрезвом состоянии, бранился и кричал. Вскоре он отделился от своих товарищей, после чего и был задержан. При обыске у Матвеева оказалось в кармане воззвание «Ко всем русским рабочим», отпечатанное в типографии революционного журнала «Искра» и заключающее в себе требование устроить первого мая демонстрацию. Отдельные группы рабочих соединялись между собой, толпа стала увеличиваться, и настроение ее делалось все более и более возбужденным. В толпе начали раздаваться крики: «Долой царя! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует дружина социалистов!». В руках и на палках появились красные платки и, по показанию полицейского урядника Архипова, был выкинут красный флаг с какою-то надписью, которую он не мог разобрать, так как в него, свидетеля, бросили камнем. Флаг этот то поднимался, то опускался, и Архипов в числе стоявших около него рабочих заметил мастерового Михаила Самылина. Среди шумевшей толпы находились Никифор Фролов, приглашавший стоявших на улице лиц присоединиться. Михаил Богатырев, Петр Заломов, Алексей Быков, Иван Сутягин, Иван Шибяев, который махал красным флагом, прикрепленным к палке, и кричал: «собирайтесь сюда!», а также Василий Солдатов и Алексей Баранов. Все эти лица расхаживали по улице с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!». В это время на Большой улице собралось около 2.000 чел. Старания полиции водворить порядок оказались безуспешными, и толпа двигалась сплошной массой. На все просьбы разойтись отвечали бранью и бросали камни, при чем получил удар в лицо жандармский унтер-офицер Иван Рогалев. Возбу-

* Это говорится про «Листки Нижегородской Рабочей Газеты». Их было 5 номеров.

ждение толпы постоянно росло, и оскорбления наносились не только полиции, но даже и священнику, который, проходя с иконой владим. божией матери, подвергся глумлению. В 6 час. на заводе окончилась дневная работа, и после свистка к толпе примкнула значительная часть находившихся до этого на заводе мастеровых. Участники беспорядка несколько раз прошли по Большой ул., имея на палках и в руках красные платки, распевая революционные песни: «Собирайся, народ, под знамя свободы» и «Дружно, товарищи, в ногу!». Это пение, которое, как удостоверил свидетель Рогалев, начинал Михаил Самылин, неоднократно покрывалось криками Алексея Быкова, Наумова и др.: «Долой самодержавие! Долой царя! Да здравствует политическая свобода!». На углу Ал.-Невской ул., на повороте к заводу, толпа, во главе которой шли Ал. Быков, Заломов, Дружкин и Наумов, остановилась, видимо, для обсуждения дальнейших действий. Раздалось требование «настоящего знамени», на что Заломов отвечал: «успеем». Одни предлагали идти к заводу и заявить свои требования об увеличении заработной платы и уменьшении рабочего дня, а Заломов, Самылин и Мих. Быков, по показанию свидетеля Колина, уговаривали продолжать демонстрацию. После этого толпа разделилась, и часть ее, чел. в сто, с теми же преступными возгласами направилась к городской конторе. Среди этой части участников беспорядков крестьянин Сергей Тихонов заметил красный флаг, который нес на палке неизвестный человек, а рядом с ним шли Петр Дружкин и Ал. Ляпин, кричавшие: «Долой царя! Долой самодержавие!». В это же время Ал. Быков, заподозрив в Швилли полицейского агента, ударил его палкой по голове. Незадолго перед нападением на завод полицейский надзиратель Высоцкий и урядник Комаров, заметив, что беспорядки принимают угрожающий характер, передали об этом дирекции завода и распорядились запереть и укрепить ворота и входные двери, а местный исправник сообщил начальнику губернии о возникшей опасности, вследствие чего к заводу был немедленно отправлен 238 Клязьминский резервный батальон. Несмотря на то, что Заломов и Самылин продолжали настаивать на спокойном объявлении заводской администрации своих домогательств, часть бесчинствовавших, с криком: «Бей! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!», приступила после 8 час. веч. к насильственным действиям. В заводской конторе и в канцелярии полицейского пристава были выбиты окна. Несколько камней было брошено в окна директорского кабинета, расположенного во втором этаже, и, наконец, бесчинствовавшие рабочие пытались выбить ворота, но были остановлены своими же товарищами, которых заведующий материальным отделом Матвеевский и инженер Заварицкий успели собрать для защиты завода.

Несolidарность товарищей и раздавшийся барабанный бой, указывавший на появление войска, подействовали на толпу, которая стала разбегаться. Во время бесчинств у завода большая часть манифестантов оставалась на Большой ул., к ней присоединились и возвращавшиеся от завода рабочие, и толпа с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» подняла красное знамя, на котором белой краской был написан тот же дерзостный призыв, и с пением революционных песен направилась к Дарьинскому выселку. Знамя нес на древке Заломов; Алексей Быков, по показанию свидетеля Шмерли-Швилли, поддерживал другой его конец, чтобы яснее была видна надпись, около них шел Мих. Самылин, а Яков Полозов выкинул красный флаг меньшего размера, с надписью: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Едва все эти лица стали приближаться к Дарьинской проходной, как показалась первая рота Клязьминского батальона. По команде ротного командира, штабс-капитана Крылова, нижние чины, взяв ружье «на руку», устремились на участников демонстрации, но последние с криком стали наступать на солдат, вследствие чего и были окружены. Вырвав у Заломова знамя, штабс-капитан Крылов задержал его и Дружкина, который, по показанию этого свидетеля, растягивал свободный конец флага, при чем Заломов сказал: «Что вы меня держите? я ведь не вбегу!». Нижние чины роты успели взять из толпы чел. 15—17, а остальные разбежались по сторонам. Когда рота с арестованными двинулась дальше, в нее были брошены три

или четыре камня, из которых один попал в ногу фельдфебеля. После предупреждения, что будут стрелять, бросание камней прекратилось, а, вместе с тем, прекратились и самые беспорядки. В тот же вечер, по показанию свидетеля Лазарева, крестьянин Иван Шибаев, вернувшись домой, высказал удовольствие по поводу того, что ему удалось ускользнуть от солдат и что они не всех задержали, вследствие чего он, Шибаев, и был арестован. По показанию управляющего заводом, инженера Мешерского, в 1901 и 1902 гг. до дня беспорядков никто из рабочих не обращался к нему с требованиями об увеличении заработка и уменьшении часов рабочего дня. По удостоверению же свидетелей Старцева, Матвеевского и Заварицкого, во все время беспорядков бесчинствовавшие рабочие не требовали повышения рабочей платы и не жаловались на заводские порядки. Событие первого мая не оказало никакого влияния на ход работ, так как на другой день на работу вышли все люди, во всех мастерских. 5 мая был разбросан листок, сообщающий о бывших первого мая беспорядках, с указанием на вред, вызванный разгромом заводской конторы, послужившим поводом к вызову войск, на доблестное поведение небольшой толпы, ограничившейся политической манифестацией, и на героическое поведение несшего красное знамя, который один, не боясь солдатских штыков, твердо стоял на своем посту. Сообщение заканчивалось выражением надежды, что пример этого знаменосца возбудит в рабочих неуждимо твердое желание бороться за свободу и что к будущей демонстрации присоединится большая часть сормовских рабочих, — а также призывает к жертвованиям в пользу арестованных.

Из обвиняемых виновным признал себя лишь Яков Полозов, который показал, что в толпе демонстрантов были Михаил Быков, Наумов, Самылин, Богатырев и Заломов. Сверх того, Полозов показал, что в конце 1901 г. до него дошли слухи, что в Сормове организовалась партия социалистов. Желая узнать, что у них делается, Полозов стремился попасть в возникший кружок. Это ему удалось, и с января 1902 г. он стал уплачивать по 2 коп. с каждого заработанного рубля, каковые деньги, как он слышал от представителя кружка, рабочего Дмитрия Углева, поступали к казначею ассоциации Михаилу Самылину. Перед масляной неделей, в 10 час. вечера, в деревне Починках, Балахнинского уезда, было общее собрание членов кружка: на собрании этом, среди других лиц, присутствовали: Заломов, Самылин и Богатырев. Обсуждался вопрос об устройстве 1 мая в селе Сормове демонстрации, при чем было высказано желание, чтобы она носила «мирный характер» и т. д. Словом, вполне «чистосердечное» признание. Полозов, не в пример прочим обвиняемым, до суда находится на свободе.

Все остальные обвиняемые «отрицали безусловно свою виновность», либо отвергая факт своего участия в толпе, либо объясняя его посторонними причинами. Обвиняемый Ляпин, объясняя, что был во время демонстрации только зрителем, показал, что в толпе демонстрантов видел Дружкина.

Из числа свидетелей, на которых ссылались обвиняемые, отрицавшие свое участие в демонстрации, часть подтвердила эти ссылки.

Заключение обвинительного акта гласит:

Такие-то подсудимые, «на основании всего вышеизложенного...», обвиняются в том, что 1 мая 1902 г. в с. Сормове, Балахнинского у., с целью дерзостного порицания самодержавной власти и установленного законами образа правления, учинили шествие по Большой и Александроневской улицам с пением революционных песен, выкинув красные флаги, на одном из которых имелась надпись: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода», и дозволили себе, как во время этого шествия, так и при совершении насильственных действий у Сормовского завода, неоднократно кричать: «Долой царя! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!», — т. е. в преступлении, предусмотренном 1 и 2 ч. 252 ст. Улож. о нак. Вследствие сего и согласно 2 п. 1030 ст. Уст. Уг. Суд., все вышепоименованные лица подлежат суду Моск. Суд. Палаты с участием сословных представителей.

Сентября 12 дня 1902 года, город Москва.

Тов. прок. Суд. Палаты П. Курлов.

БОБЧИНСКИЕ В ОППОЗИЦИИ.

В почтовом ящике «Освобождения» (№ 9) г. Струве жалуется одному из своих корреспондентов на «неприятную враждебность», проявляемую некоторыми «революционерами».

Намек слишком ясен. Но нам, в свою очередь, непонятна «непонятливость» г. Струве. Мы всегда указывали и готовы указать еще раз, что наша «враждебность» направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служит приютом филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говорит голосом честного гражданина-демократа, мы всегда готовы его приветствовать.

Но к крайнему ущербу для собственной политической физиономии и к великому вреду для дела, которому он хочет служить, г. Струве не находит в себе отваги отказаться раз навсегда от роли литературного представителя земско-политического Massigkeit Verein'a (общества воздержания) и уверенной ногой стать на единственно-возможный, т. е. революционный, путь освобождения родины.

Г. Струве тяготеет к тяжеловесной земской оппозиции. Тут еще нет греха. Но чем авторитетнее «Освобождение» в земских сферах, тем обязательнее для его редактора выступать со словом решительного осуждения в тех случаях, когда обслуживаемые им земские деятели пытаются упрятать свои гражданские чувства в расщелины междуминистерских столкновений.

Г. Струве энергично полемизирует с «Моск. Вед.», которые, глумясь над Суджанским уездным комитетом, уподобляют его деятелей Добчинскому и Бобчинскому. «Если г. Евреиннов—Добчинский,—воскликает г. Струве,—то что же такое об'явленный ему высочайший выговор?».

Говорят, что истина нередко открывается через младенцев. Повидимому, иногда также и через юродивых злецов. Потому что «Моск. Вед.», уподобляя Евреиннова Добчинскому, поразительно близки к истине. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть рабье послание «почтенного земского деятеля» министру финансов*.

«4 августа. Ст. Вилейки, в ожидании поезда.

«Ваше Высокопр-ство, глубокочтимый Сергей Юльевич!

«Чтобы указать, что я не был голословен, когда говорил Ваш. Высокопр-ству, что при тех условиях, в которые ставит местные комитеты мин. вн. дел., невозможно работать, позвольте вам послать вырезку из газеты «Русск. Вед.» о заседании Пензенского губерн. комит. и Саратов. уездн. Из этого отчета Вы изволите усмотреть, что губернаторы не позволяют поднимать общих вопросов (то же самое было в Курском губерн. ком.), и уезды с ретроградами во главе занимаются лишь изыскиванием мер упрятывать полегче мужика в тюрьму. Очевидно, что при таких условиях Особое Совещание немного узнает об общих нуждах сельско-хозяйственной промышленности, и великое серьезное дело, Вами прекрасно задуманное,

может окончиться ничем, или очень малым. Мин. Вн. Дел поставил мне в вину, что я в уездном комитете поднимал общие вопросы, которые не входят в виды правительства; но общий вопрос о нуждах сельско-хозяйственной промышленности поставлен Особым Совещанием и его председателем. Кто же эти лица, как не то же правительство? И разве Ваше Высокопр-ство не такой же представитель высшего правительства, как и другие министерства, и почему Ваши требования для нас менее обязательны, чем неизвестные для нас желания других? Здесь кроется, очевидно, недоразумение, и мы за это платимся, а нам вместе с тем видно очень ясно то плачевное положение, в котором приходится жить в провинции. С одной стороны, запуганное и запугиваемое, вынужденное к молчанию, общество, с другой — разнузданная кучка анархистов, ничего не боящаяся, даже виселицы, и между ними мечущееся министерство внутр. дел, бесплодно ведущее борьбу с этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные земледельцы, боимся не менее министерства внутр. дел. Все эти убийства, волнения и погромы не дают мирно трудиться и даже жить спокойно. И вот, едва на сделанный правительством же запрос я и наш уезд хотели правдиво ответить, что тормозит нашу жизнь и главное наше занятие, сельско-хозяйство, как поднялись громы и молнии на осмелившихся сказать правду.

«Простите великодушно мою смелость писать Ваш. Высокопр-ству это частное письмо, но я считал своим долгом подтвердить фактами мои слова.

Глубоко Вас почитающий и искренно глубоко Вас уважающий, преданный вам А. В. Евреиннов».

Мы оставляем в стороне цинично-откровенный страх собственника перед «разнузданной кучкой анархистов, ничего не боящейся, даже виселицы»... Но и во всем остальном — какая поразительная смесь «долга» и личного «достоинства» с лакейской угодливостью и лестью. Какая гражданская отвага в этом стремлении торопливо укрыться от громов «его высокопревосходительства» от внутренних дел за спину «вашего высокопревосходительства» от финансов! Разве вы не видите Петра Ивановича Добчинского, который петушком, петушком бежит за экипажем «искренно и глубоко почитаемого и уважаемого» С. Ю. Витте и почтительно-торопливо докладывает ему, что если он, Петр Иванович, и прижил некоторые резолюции вне легального брака, то это ничего, «ибо все было так же, как бы и в браке»: разве, в самом деле, «Ваше Высокопревосходительство не такой же представитель высшего правительства?» Разве вы не наши отцы, и мы не ваши дети?

О, это земское холопство и оппозиционное лакейство!.. Какие же египетские казни, какие российские скорпионы нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконец, угодливо-согнутой спину либерального земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручным «представителей русского правительства», но уверенным в себе работником народного освобождения?!

[Н. Троцкий]

* См. бюллетень «Рев. России» № 76.

К ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДЕ В ВОЙСКАХ.

Военный Министр.
Главному Военно-Судному
Управлению.
12 авг. 1902 г. № 236.

Копия с копии.
Секретно.

М. Г.
(Командующий войсками округа).

Попытки политических агитаторов к распространению в войсках пропаганды, составлявшие ранее сравнительно редкое явление, за последнее время участились и сделались настолько дерзкими, что вызывают необходимость обратить на них серьезное внимание. Так, из донесений военных начальников и сообщений М. В. Д. и Юстиции видно, что в мае 1901 г. были найдены прокламации в казармах 116 пех. Малоярославского полка; в том же месяце из штабс-капитана 141 пех. Можайского полка Шереметева были присланы из-за границы две возмутительного содержания брошюры, под заглавием «Политика и офицеры» и «Уничтожение постоянных армий»; в августе того же года всем офицерам 27 пех. дивизии были доставлены подставными почтальонами воззвания к «офицерам» от «Виленской с.-д. группы», упрекающие офицеров в том, что они являются по приказу начальства «пзачами честных тружеников» и призывающие их «отказаться от этой позорной роли»; копия с этого воззвания была затем (в февр. 1902 г.) разослана по почте офицерам московского гарнизона и доставлена, также по почте, в офицерскую стрелковую школу; в январе 1902 г. подпоручику 9 гренадерского Сибирского полка Шельминову было доставлено письмо противоправительственного содержания, заключающее в себе энергичный призыв к общему отказу от военной службы; в том же месяце было обнаружено распространение, посредством списывания, и даже литографирования в полковых канцеляриях, среди нижних чинов 65 пех. Московского Его Величества, 66 пех. Бутырского и 21 драгунского Белорусского полков рукописи преступного содержания, под заглавием «Солдатское отче наш», возбуждающей солдат против их начальников; в феврале и марте офицерам петербургского гарнизона рассылалась прокламация, приглашавшие их стать вместе со студентами в ряды политических демонстрантов; в апреле офицерам виленского гарнизона снова рассылалась по почте прокламация «Росс. С.-Дем. Раб. П.», убеждавшая их примкнуть к «общерусскому революционному движению»; в том же месяце во дворах казарменного расположения войск Красноярского гарнизона оказались подброшенными в большом количестве прокламации «Сибирск. С.-Дем. Союза», озаглавленные «Войскам Красн. гарнизона», убеждающие нижних чинов «не поднимать оружия против своих братьев-крестьян и рабочих, борющихся за правое дело»; в том же апреле и в мае было замечено распространение в значительном количестве среди нижних чинов 13 пех. дивизии прокламаций под заглавием «К солдатам» и так называемых «памяток», призывающих к неповиновению Царю и к свержению правительственных властей, как незаконных и несправедливых, а затем обнаружены и попытки личного воздействия агитаторов на нижних чинов дивизии; при чем среди этих агитаторов оказалось не мало нижних чинов расположенных в Севастополе морских команд. Наконец, в марте 1902 г. была открыта организованная пропаганда среди нижних чинов лейб-гренадерского Екатеринославского полка, веденная уже не посторонними только армии лицами, но и самими нижними чинами, при чем во главе этой организации стоял рядовой (из дворян) названного полка Альшанский, умышленно скрывший при призыве свои права на сокращенный срок службы, чтобы иметь возможность дольше вести пропаганду среди нижних чинов; за время своего пребывания в полку Альшанский энергично пропагандировал революционные идеи как посредством личных бесед с нижними чинами, так и посредством раздачи им значительного количества брошюр, прокламаций и т. п., при чем некоторые нижние чины являлись прямыми сотрудниками преступной деятельности Альшанского, другие же являлись попустителями и недоносителями. Заслуживает также

особого внимания тот факт, что в числе лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по делу о недавних аграрных беспорядках в южных губерниях, оказался подпоручик 133 пех. Симферопольского полка, Пасько, изобличенный и сознавшийся в распространении среди крестьян Полтавской губ. различных брошюр и воззваний преступного содержания. Приведенные примеры, по всей вероятности, далеко не исчерпывают еще всех, имевших место за последнее время, случаев проникновения тем или иным путем пропаганды в войска, так как есть полное основание предполагать, что многие из таких случаев, при достаточной осторожности и скрытности действий подпольных агитаторов, остались неизвестными не только высшему, но и ближайшему военному начальству. Тем не менее, и эти примеры достаточно свидетельствуют о весьма настойчивом стремлении революционных и социалистических кружков к распространению своих идей среди военнослужащих как посредством рассылки по почте на имя офицеров и нижних чинов и разбрасывания в местах расположения частей войск преступных воззваний, прокламаций и т. п., так и посредством личных сношений с нижними чинами агитаторов, в числе которых оказались даже лица, состоящие на действительной военной службе.

Признавая ограждение армии от тлетворного влияния политических лжеучений делом первостепенной государственной важности и возложив на Главное Военно-Судное Управление всестороннее обсуждение вопроса о средствах борьбы с вышеупомянутым прискорбным явлением, я, вместе с тем, долгом считаю просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мне Ваше мнение о том, какие меры Вы, с своей стороны, признавали бы в сем случае наиболее целесообразными и необходимыми.

Подлинный подписал А. Куропаткин.

Циркуляр разослан командующим войсками всех военных округов.

«Неблагоприятные следы» правительственной мудрости.

Командир ... армейского корпуса.

Сентября ... дня 1902 г. Копия. Конфиденциально.

№ ...

(Командирам тех полков, в которых отбывали солдатчину студенты по временным правилам.)

По имеющимся в М. В. Д. сведениям, пребывание в войсковых частях студентов, зачисленных на службу, на основании временных правил (указ по Военн. Вед. 1899 г. № 297), оставило неблагоприятные следы во всех, вообще, войсках, где названные лица служили. Независимо сего обнаружено, что один из студентов, пользуясь будто бы, благодаря проявленной к нему командиром полка слабости, большой свободой, вредно влиял не только на нижних чинов, но даже и на офицеров полка; по увольнении от службы, означенный студент имел будто бы переписку, неполитического, впрочем, содержания, как с офицерами, так и с нижними чинами той части войск, где он состоял на службе. Вследствие запроса по сему предмету, за Воен. Министра Начальника Гл. Штаба, Командующий Войсками Округа просит собрать и доставить самые тщательные сведения о том, не наблюдалось ли подобных явлений во вверенном Вам полку.

Шемякин суд в Валках.

Валки, Харьк. губ., 1 октября. Харьковская судебная палата, в особом присутствии которой рассматривалось дело валковских крестьян, лишний раз обнаружила холопскую зависимость нашего «скорого, правого и милостивого суда» от велений свыше. Н. В. Муравьев (надо

отдать ему дань удивления) с большим искусством и знанием человеческой природы подобрал личный состав высших судебных учреждений. Благодаря умелому выбору г. министра юстиции, проделанным им и его предшественником «исправлениям» судебных уставов, «исправлениям», которые в значительной степени поколебали независимость и несменяемость наших судей, последние, в настоящее время, за весьма редкими исключениями, мало отличаются от прочей чиновничьей челяди и в руках самодержавных министров являются таким же послушным орудием произвола и беззакония, как какой-нибудь городской или урядник. Валковский процесс может послужить недурной иллюстрацией этой печальной и далеко не новой истины.

К делу было привлечено 1.090 обвиняемых и около 500 свидетелей. Можно было бы, конечно, обойтись и без свидетелей, засадив их также на скамью подсудимых. Я думаю, что гг. следователи так бы и поступили, если бы не вынесли из стен университета понятия о формальном различии между судебным процессом и административной расправой. Так как им велено было творить суд, а не расправу, они и выделили из поруганной, избитой крестьянской массы свидетелей и обвиняемых. Разделяя участников на овец и козлищ, гг. следователи руководствовались, очевидно, количеством и качеством знаков, оставшихся на теле привлеченных к дознанию после экзекуций князя Ивана.

У кого телесных повреждений было меньше, тот попал в свидетели, у кого больше — в обвиняемые. Я так смело говорю это потому, что в числе последних оказались заведомо невинные люди. Очевидно, что гг. следователи бросали в тюрьму первого встречного, всякого, кто попадался под руку. Ставить им это в особую вину, конечно, нельзя: все принимали участие в беспорядках, секли также всех, не разбирая, кто «разграбил» помещичьи запасы, и кто «с преступным попустительством» смотрел на расхищение панского добра, не принимая в нем непосредственного участия. Так решили и Плеве и великий государь: все виноваты, на всех наложить дань. Притом же необходимо было спешить для того, чтобы показать вышедшему из повиновения народу и волнующемуся обществу, что свирепый князь Иван — это так, для порядка, и что, кроме него, есть на Руси скорый и милостивый суд.

Подобно следователям, действовали и судьи. Когда защитники обвиняемых на судебном следствии попытались было выяснить обстоятельства, при которых совершалось «восстановление порядка» в охваченных волнениями селениях, т. е., попросту говоря, вывести на чистую воду все гнусности и жестокости, совершенные Оболенским и его приспешниками над крестьянами, и напомнить суду исконное судебное правило — «не отмстиши дважды за едино», — судья решительно запретил им касаться этой стороны дела. Да и, конечно, зачем? зачем волновать умы? (Судьи не очень полагаются на закрытые двери своих зал.) Зачем напрасно смущать человеческие сердца картинами нечеловеческой расправы над безоружным покорным народом? Зачем раскрывать гнойные язвы страны, истерзанной бешеными собаками самодержавия? До них нет дела суду! Это «внутренняя политика», которой должны быть чужды «бесстрастные» слуги закона!..

Защитники поняли, что оставаться дольше среди этих лакеев Муравьева значило бы участвовать в гнусной судебной комедии, которую так цинично разыгрывала харьковская судебная палата. Они поняли, что их песня спета и их долг отказаться от защиты. Так они и поступили. Удалившись в совещательную комнату, через несколько минут они вынесли оттуда заявление, прошедшее через закрытые двери суда и разлетевшееся по всей России*.

Смущенный, поблдевший председатель принял это заявление, и защитники покинули судебное заседание. Этим, в сущности, закончился судебный процесс, так как дальше уже началось ничем не прикрашенная, упрощенная судебная расправа. Говорил обвинитель. «Перед вами, гг. судьи, — сказал он в своей речи, — не бунтовщики, не революционеры, а такие же, как и мы, верноподданные русского царя, только сбитые с толку, обманутые врагами

народа». В виду этого прокурор не настаивал на тяжелом наказании. Суд отнесся к подсудимым, по российским законам, довольно мягко, и присудил их подвергнуть годичному тюремному заключению. Вместе с тем, суд постановил ходатайствовать перед верховной властью о сокращении заключения до 6 месяцев. Как видите, очень мягко, очень милостиво. Сначала разорили, искалечили нравственно и физически, а в заключение — милостивое царское решение — полгода тюремного сидения...

Обвинитель говорил об обмане темного народа. Да, действительно, его обманули. Но обманули его не мы, революционеры, и в частности, не мы, социал-демократы. Обманули его вы, «защитники правды и порядка», обманула его беспросветная тьма, в которой держите вы его и из которой не даете выбиться ему к свету науки и правды.

В настоящее время не подлежит уже никакому сомнению, что все слухи и толки о генералах, о подложных манифестах — совершенная чепуха и ложь, первоисточника которой надо искать в головах ошалевших от злобы и страха гг. помещиков и в застенках жандармских управлений. Ни один из привлеченных к делу крестьян ни словом не обмолвился о таком обмане.

Со слов потерпевших (вот настоящее имя для валковских «бунтовщиков») мотивы, заставившие их «разбирать панские экономии», как довольно точно называют они форму, в которую вылилось крестьянское движение, заключаются в следующем: стали ходить по народу листки и книжки, в которых говорилось о том, что земля должна принадлежать трудящемуся люду, а не панам-дармоедам. В этих листках говорилось и о многом другом: о неправильном распределении налогов, о невыносимом бремени податей, об ином, не самодержавном государственном строе, при котором народу легче будет выбиться из сети пауков-помещиков и капиталистов, но это другое не могло воспринять большинство не привыкшей мыслить крестьянской массы. Все думы и чувства мужика сосредоточились на одном, на необходимости земли, и идея национализации земли, своеобразно преломившись в крестьянском сознании, одна запала в умы, одна осталась в них из всех мыслей, которым были посвящены прокламации и брошюры. Если принять во внимание, что свободное печатное слово непосредственно было воспринято, сравнительно, немногими, до большинства же дошло в перетолкованном и дополненном крестьянской фантазией виде, то совершенно станет понятно, откуда взялось «разрешение разбирать панские экономии», и каким образом прокламации, призывавшие крестьян свергнуть царя-самодержца, превратились в «росписки», в которых крестьянам этим самым царем давалось это разрешение. Однако, сами по себе листки и книжки вряд ли натолкнули бы валковских крестьян начать свой, только в России возможный, «бунт». Как указывалось в свободной прессе, революционное семя упало на подготовленную почву. — Шутка сказать — на душу крестьянского населения Валковского уезда приходится, в среднем, не более одной десятины! При этом полное отсутствие энергии, глубокая косность и рутинность. На заработки крестьяне почти не ходят. «Куда итти? Отцы не ходили и нам не велели».

Но, быть может, несмотря на наличность этих тяжелых условий, сами валковцы не двинулись бы в помещичьи усадьбы, если бы не слухи о том, что поднялась полтавщина. Эти слухи окончательно взбудоражили валковцев и явились первой искрой, от которой запылал пожар в уезде. Я не стану описывать самого процесса «разбора» экономий, так как об этом достаточно говорилось в печати. Скажу только, что разбор совершался в замечательном порядке и чинился по самой строгой справедливости. К амбарам подходили голова в голову так, как это делается перед билетными кассами театров или железнодорожных вокзалов. Кому не хватало зерна, того вознаграждали чем-либо другим, равноценным. Безлошадных наделяли лошадьми, бескоровных — коровами. В самых усадьбах отчуждали, в большинстве случаев, только поля (очевидно, считали, что это излишняя роскошь), утвари же, вообще говоря, не трогали, оставляя дома со своей движимостью, кроме хозяйственных вещей и «15 десятин» в пользование владельца.

* См. № 26 «Искры».

Из всего сказанного явствует, что крестьяне отнюдь не думали, что совершают уголовно наказуемые деяния. В их глазах «разборка экономий» была таким же законным, правомерным делом, как передел полей и разверстка лугов. Даже солдат на первых порах они приняли не как усмирителей, а как военную силу, посланную наблюдать, чтобы при дележе панской земли и добра не было бы между ними ссор и напрасных пререканий. Скоро на своих спинах они поняли ошибку и немедленно покорно стали исправлять свой грех перед царем. И усмирение было тем возмутительнее, что в нем не было никакой надобности. Секские крестьяне солдаты под руководством офицеров (это факт!) секли их не в целях прекращения движения, а потому, что надо было наказать бунтовщиков, чтобы в другой раз они не посмели осуществлять своих мечтаний. Секли уж тогда, когда крестьяне добровольно возвращали взятое у панов добро и хлеб, обнаруживая этим полное и явное сознание ошибочности своих действий.

К 200-летию присоединения Шлиссельбурга. 11 октября Шлиссельбург был местом исторического торжества: высочества, преосвященства и превосходительства праздновали двухсотлетие того дня, когда Петр I, взяв «зело жестокий орех» (Нотебург или Орехгород), поздравил подданных «сею викториєю». С тех пор Шлиссельбург служит одновременно и «окном в Европу» и... важнейшей государственной тюрьмой.

Празднуйте, празднуйте, господа, — сегодня вы еще хозяева положения. Увы! Кто поручится за завтрашний день?

Но спокойно ли вы пировали в виду тюремных камней, которые впитали в себя трагическую повесть одиноких героев, павших в борьбе с самодержавием?

Не раскрыл ли вам очей страх перед зловещим для вас завтрашним днем? Если так, то вы должны были видеть, что по крепостным стенам Шлиссельбурга до сего дня бродят неотомщенные тени замученных вами рыцарей свободы. Они взывают о мести, эти страдальческие тени. Не о личной, но о революционной мести. Не о казни министров, а о казни самодержавия.

Сколько негодования будит в груди это «патриотическое» празднество, этот букет «высоких» негодаев, эти лицемерные речи, эти лицемерные клики — на проклятом острове, который был местом казни Минакова, Мышкина, Рогачева, Штромберга, Ульянова, Генералова, Осипанова, Андреюшкина и Шевырева, — в виду каменных мешков, в которых Клименко удушил себя веревкой, Грачевский облил себя керосином и сжег, Софья Гинсбург заколола себя ножницами, — под стенами, в которых: Щедрин, Ювачев, Коношевич, Похитонов, Игнатий Иванов, Арончик и Тиханович погрузились в безысходную ночь безумия, а десятки других погибли от истощения, цынги и чахотки.

Предавайтесь же патриотическим вакханалиям, ибо сегодня вы еще господа в Шлиссельбурге!

[Н. Троцкий]

Чернигов. «Умеренность обязывает», — заявляет «Освобождение», обращаясь к российским либералам, или, как оно выражается, «к отцам и умеренным». У нас, в Черниговской губернии, умеренность, повидимому, несколько не обязывает противиться царящему произволу... Среди черниговских либералов не только нет и речи о том, чтобы «бросить на весы истории свои политические действия, свое гражданское мужество», тут даже не умеют отстаивать и те, поистине нищенски жалкие права, которые значатся в законе...

Существует 286 ст. общ. губ. учреждения, которую должны руководствоваться и земства и губернская администрация в деле приглашения (функция земских управ) и утверждения (функция губернаторов) служащих в земстве. В силу этой статьи, губернатор обязан в течение двух недель ответить данной земской управе, встречается ли со стороны администрации препятствие к приему данного служащего на место или нет? Никакие отсрочки или условные ответы законом не предусматриваются и, след., не разрешаются. Но, как говорят остряки, если по закону всегда ходить, то его можно истоптать, и тогда закона вовсе не останется. Держась этого мнения и памятуя, что он является в Черниговской губ. представителем фирмы «Ника-Милуша и К^о», губернатор Андреевский всякими способами доезжает земство или, вернее, тех его представителей, которые не отвечают видам правительства. Представляет, напр., какая-нибудь земская управа губернатору на утверждение какой-нибудь «третий элемент». Губернатор или отвечает только через несколько месяцев — иногда даже через 5 мес. — или отвечает, хотя бы и через две недели, но условно, в таком роде: «приостановить с назначением Х. впредь до особого распоряжения». Что губернатор поступает таким образом — в этом нет ничего удивительного: губернатор не был бы губернатором, если бы он вздумал поступать по закону. Но едва ли приличествует представителям земства отказываться от прав, уже предоставленных им самим Николаем II. Чтобы защищать эти права, не приходится «бросать на весы истории свое гражданское мужество», нужны только самые простые, или, если угодно выразиться языком «Освобождения», самые «умеренные» действия — в данном случае такие: данная земская управа посылает губернатору «третье лицо» на утверждение и если, по прошествии двух недель, его превосходительство не соизволило дать никакого на это ответа, или дало ответ не законный (напр., «приостановить с назначением впредь до особого распоряжения»), она должна немедленно же — на основании 286 ст. — считать это «третье лицо» утвержденным и немедленно же допустить его к исполнению своих обязанностей. Кажется, просто? Ведь нужно только «мужество» действовать по статье закона, специально на данный предмет существующей и неотмененной... И, однакоже — ни одна из 16 земских управ Черниговской губ. (15 уездных и одна губернская) так не поступает!! Представители земств Черниговской губ. предпочитают не раздражать законностью местного царька-губернатора.

Разумеется, в случае конфликта на этой почве, губернатор, в конце концов, поставил бы на своем. Но, ведь, важен здесь не «практически» результат, важно то, чтобы ни один акт произвола и насилия, učinяемый представителями самодержавия, не оставался без протеста, без ответа... Протест — вот вполне реальный результат от предлагаемого нами в данном случае способа действия. Черниговские же земцы предпочитают покорно подчиняться нахальным распоряжениям губернатора. Расскажем такой случай.

Приглашает однажды губернская земская управа прежнего состава (с января этого года действует новая управа) некоего Х. для заведывания складом. Проходят две недели — ответа нет от губернатора; проходит еще время — все нет и нет. Управа решает вызвать приглашенное лицо в Чернигов, думая, — и вполне на законном основании, — что теперь неблагоприятного ответа от губернатора быть не может. Х. приезжает, но... вдруг от губернатора бумага: «не нахожу возможным и т. д.». Как тут быть? Сдвинули человека с места, где он, между прочим, оставил казенную службу (в мин. земл. и гос. им.)... Куда же теперь деть Х.? Управа в нерешительности. «Умеренность» никак не выручает, но «обязывает»... молчать, отчего Х. несколько не легче. Наконец, помощью каких-то протекций удалось добиться от губернатора разрешения допустить Х. ко всем должностям, исключая службы в книжном земском складе. Через некоторое время в губернской управе открывается место делопроизводителя, на которое и приглашается Х. Казалось бы, в виду только что упомянутого общего

распоряжения губернатора не было никакой надобности делать специальное представление об Х. Но... ласковое телятко двух маток сосет — и представление делается. Делается такое же представление о том же Х., когда он вздумал перейти на другую должность в том же земстве; делается еще раз представление о нем же, когда он хотел занять должность секретаря «Земского Сборника». Вот сколько раз была взвешиваема благонадежность Х.! Но в последний раз дело окончилось несколько иначе: прошло более двух недель со времени представления губернатору, а ответа никакого не было... Тогда управа нашла в себе «решимость» назначить Х. на службу. Вдруг через некоторое время после того губернатор соизволил ответить отказом. И опять «умеренность „обязала“... вытереть губернаторский плевком, как говорится, не моргнувши... Х. был переведен на прежнюю службу.

Крым. Ялта. В половине сентября сюда, в царскую резиденцию, ожидали приезда гг. Обмановых. Еще задолго до приезда царя его свора, как местная, так и наехавшая сюда в массе, принялась очищать город от всякого «неблагонадежного» элемента. Как это всегда случается, царские лакеи и тут слишком уж переусердствовали. Высылались не только поднадзорные, но и люди, заведомо не имеющие никакого отношения к революционной деятельности, люди, которых один вид прокламации приводит в содрогание. Вот несколько курьезов этого чрезмерного старания царской челяди. Один из местных коренных обывателей, бывший редактор «Крымского Курьера» г. Безчинский, был призван специально приехавшим в Ялту для очистки генералом Шмаковым. Можно себе представить крайнее недоумение г. Безчинского, когда ему было предложено в течение месяца выехать из Ялты. А и вся-то вина его состоит в том, что утром 1 мая, идя по улице, он встретил местного исправника с кипой прокламаций под мышкой и полюбопытствовал узнать, что это такое.

А вот еще курьез: призывает тот же генерал Шмаков проживающего в Ялте бывшего студента Кузьминского и объявляет ему, что он должен выехать из Ялты в две недели. Очевидно, царские холопы находят достаточной причиной его знакомство с поднадзорной интеллигенцией. Мотивировку своим произвольным действиям, как и всегда, они находят совершенно излишней. Весь этот штат опричников еще более встревожился после похорон одного интеллигента Зуева, умершего в нашем городе. Дело в том, что гроб его несли рабочие и, несмотря на то, что память умершего почтила своим присутствием и тайная и явная полиция, провожая его до могилы, — один из несших гроб рабочих сказал речь, в которой назвал интеллигента товарищем-другом рабочих. Некоторые из провожавших рабочих после похорон призвали в участок. Смерть этого интеллигента совпала с следующим инцидентом. В одну из местных типографий (Вах-типаза) явилась дама и заказала надпись на красной ленте такого содержания: на одном конце ленты: «Даром ничто не дается... Судьба жертв искупительных просит!» на другом: «Так не спите ж, силы новые, встаньте, храбрые бойцы!»; в месте прикрепления ленты было напечатано: «У могилы дорогого товарища». Полиция, узнав о заказе, воспретила выдачу уже напечатанной ленты и, связав этот инцидент с похоронами Зуева, произвела обыск в типографии.

Местные обыватели и приезжая «курортная» публика тоже не остаются без «отеческих» забот и «сердечных» попечений царских прислужников. Попечения эти выражаются в том, что в Ялту нагнали целую армию шпионов и сыщиков, усилили штат жандармерии, проектируется увеличить штат портовой полиции; словом, охрана, достойная самого главного жандарма Николая II. Угодничающая челядь, не довольствуясь рабскою покорностью поданных русского царя, старается развить в них и полицейские наклонности. Так, некоторых местных «благонамеренных» обывателей призывали в участки, где просили каждого из них организовать человек 10—15 для охраны царской особы, уговаривая их такими словами: «Надо же послужить отечеству и царю-батюшке». Роль всех этих

добровольных полицейских должна заключаться в том, чтобы стоять шеренгой в первом ряду толпы вдоль тротуара той улицы, по которой проедет царь в день приезда. Кстати все подвалы по этой улице были тщательно осмотрены царской полицией.

Самара. По требованию администрации уволен заведующий оценочно-статистич. бюро Пегеев. Вышли в отставку предс. управы Карамзин и два члена управы, не желающие подчиниться этому произвольному распоряжению. За образцовым заведующим-товарищем ушли и все 18 статистиков.

Письмо из Вятки. С весны в Вятке начинает чувствоваться сильнее, чем прежде, некоторое политическое возбуждение. По поводу Воткинской истории появились прокламации, расклеенные по городу; затем появились прокламации по поводу смерти Силягина. Часть прокламаций рассылалась и по губернии. — По городу циркулировала масса слухов, которые усиленно поддерживались и распространялись полицией. Один обыватель чуть не умер от огорчения, найдя на воротах своего дома приклеенную прокламацию. «Опозорили меня,—говорит,—да и только». Полиции не удалось ничего открыть: с перепугу ей стали мерещиться всякие ужасы, ей уже казалось, что в Вятке будут демонстрации. К первому мая были приняты даже чрезвычайные меры охраны, вызвали всех станowych и урядников в город. Урядников разместили на заводе (под самым городом), а становые сидели в номерах Ильина и ждали только сигнала. В железнодорожных мастерских тоже были приняты усиленные меры и чуть ли не сама полиция раз'ясняла, что будет демонстрация.

В мае же происходило в Вятке посвящение в архиепископа. Полицеймейстер предупреждал, что собор будет взорван и т. п. Еще больший переполох вызвала полиция в день 21 мая. В этот день из Вятки в село Великая-Река ходит крестный ход, к которому стекается народ со всей губернии. По пути следования процессии были распространены прокламации двоякого рода: одни из них обращались к крестьянам, другие — к крестьянам и рабочим. Обе начинались словами: «Православные христиане!», а одна даже имела в заголовке крест и кончалась словами «аминь». В прокламациях выставлены требования отмены недоимок и выкупных платежей и возврата хлебных ссуд пуд за пуд. Распространение было совершено настолько чисто, что полиция не удалось захватить ни одного распространителя. Прокламации иным попадались целыми пачками, и поднявшие иногда догадывались пустить их в продажу. На обратном пути крестного хода была выставлена чуть ли не охранная цепь. Получилась для крестьян новая натуральная повинность: от волости назначили человек по 8 на стражу: «листки там какие-то, так вот смотреть, кто бросать будет». Десятские — без блях — были расположены между богомольцами, чтобы оттуда смотреть, кто будет бросать. Прокламации урядники, действительно, пособрали, а распространителей так и не открыли. Когда потом икона Николая должна была двинуться из Вятки по городам, по тракту были расставлены пикеты из крестьян.

В начале августа в Уржумском уезде арестовали помощника волостного писаря, у него что-то нашли; жандармы скоро добились от него, что ему дал литературу; в результате арестован статистик Кислицин. Оба сидят в Вятке.

У страха глаза велики: в Малмыжском уезде власти, перепуганные крестьянскими толками о разделе земель местных богачей, отправили в уезд местную команду, которая с барабанным боем обошла деревни.

Спрос на нелегальную литературу значительный, особенно на литературу для крестьян.

Для многих из наших товарищей события последнего времени явились большой неожиданностью. По отношению к вопросам, выдвинутым крестьянским движением, приходится наблюдать все переходные ступени от полной растерянности и капитулирования перед ним до вер-

ного понимания значения этого движения. Вообще, около этого вопроса вертятся споры и в этом направлении работает мысль. К сожалению, соц.-дем. литературы здесь всего меньше. Благодаря этому, в понятиях местной радикальной публики царит сумбур, полное смещение всех программ. Местная молодежь формируется под влиянием несоц.-демократических идей и скорее склоняется к социал-революционизму именно потому, что для последнего ясность программы, дальнейшие перспективы не важны, важен ближайший эффект.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Воронежская губ. Среди наших земских начальников нередко попадают люди, лишенные самой обыденной добропорядочности. Так, напр., в Земляном уезде нашей губернии в течение 10 лет был земским начальником некий Матвеев, который брал взятки «с живого и мертвого», при чем не брезговал даже курами и яйцами. В одном селе, по поводу передела земли, отношения между крестьянами обострились настолько, что образовались две враждующие партии. Тогда одна партия стала открыто собирать деньги «на земского» и вручила Матвееву 400 р.; оказывается, что другая партия в это время также не дремала: с своей стороны собрала 400 руб. и передала их тому же Матвееву через его письмоводителя... Все эти поборы в течение 10 лет страшно возмущали крестьян, которые приносили много жалоб на Матвеева, но все эти жалобы, как водится, не имели никакого успеха. Наконец, крестьяне отправили своих уполномоченных в Царское Село, где они вручили свою жалобу наследнику. После этого уже нельзя было прикрывать Матвеева: ему предложено было выйти в отставку, но за его усиленные труды по собиранью взятки ему дана увеличенная пенсия в 1.000 руб. в год, вместо 500 р. Так награждает правительство даже таких негодяев, как Матвеев.

Другой земский начальник в Земляном уезде, Богданович, не только обирает крестьян, но даже надул предводителя дворянства Алехина. Богданович продал по частной расписке свое имение Алехину, а затем, получив с него деньги, продал это же имение другому лицу по крепостному документу. Когда Богдановичу после этого заметили, что Алехин будет на него жаловаться, то Богданович сказал: «Алехин не посмеет жаловаться, у него самого рыльце в пушку». Действительно, Алехин, как говорят, много «хапнул», когда возводил церковь на доброхотные даяния.

Отношения между крестьянами и помещиками все более обостряются. В селе Петровском, Землянского уезда, крестьяне просили владельца экономии Стрижевского сдать им землю, но Стрижевский не исполнил этой просьбы и сдал свое имение в одни руки какому-то арендатору. Вскоре после этого загорелась сначала надворные постройки, а потом через некоторое время сгорел громадный барский дом. Теперь арендатор уже сам отказывается от аренды.

В настоящее время все земские начальники Воронежской губернии получили от своего губернатора секретное предписание: обехать свои участки и внушить крестьянам, что они не должны надеяться на какие-либо нарезки земли или на переделы, что равным образом крестьяне не должны слушаться «элонамеренных» лиц, распространяющих среди них «вредные» книги и листки, а должны этих людей представлять по начальству!

Крестьянские настроения (из Чернигова). Перед зданием уездного съезда собралась толпа крестьян в ожидании «правого суда». Среди одной группы какой-то грамотей громко читает курскую речь царя к крестьянам, которую местный помпадур издал отдельным приложением к «Губ. Вед.» и распространил через полицию в большом количестве экземпляров. «Ты вперед нагодуй (т. е. ты вперед накорми)», — раздается вдруг голос одного крестьянина. «Да він же на кінці обіщає»... иронически вторит какой-то другой слушатель...

В одном местечке Козелецкого уезда во время полтавских событий сход решил: «подождем три недели... побачим, як буде в Полтавській губ., а тоді і самі почнемо»...

В другом селе того же уезда, по поводу знаменитого высочайшего повеления о наложении на крестьян контрибуции, местные мужики выражались таким образом: «Де тут справедливість?! Облагать тех, которые имеют землю и не бунтовали! За такую справедливость треба бунтовать... Це — разбой». А вот что нам пришлось услышать от одного крестьянина Переяславского уезда, Полтавской губ., с которым нам случилось недавно беседовать. Мой собеседник говорил, что тяжелое положение крестьян создается малоземельем, и на мой вопрос, как думают крестьяне жить дальше, ответил буквально так: «А будет то, что за кем будет сила, за тем будет и право». На замечание же наше, что одна сила вызывает другую силу — штыки, пули, нагайки, крестьянин, не задумываясь, ответил: «Чего нам бояться смерти?! Все равно, ведь, и так придется помирать от голода».

В одном местечке того же Козелецкого уезда были обыски у некоторых крестьян, окончивших (при содействии местной интеллигенции) разные учебные заведения (фельдшерскую школу, учительскую семинарию и т. п.). По поводу этих обысков крестьяне громко, прямо на базаре, выражались таким образом: «Жандармы обыскивают тех из нас, которые вышли в люди... Им не нравится, что наш брат становится паном». В той же местности имеется поп-доносчик. С ним у крестьян такая вражда, что однажды крестьяне чуть не вытащили его из алтаря. Против «зачинщиков» возбуждено дело. Недавно тот же священник в церкви, во время произнесения им проповеди, был ошкан народом.

Из Пермской губ. нам пишут: в августе арестовано 100 чел. крестьян Ильинской вол., Пермского уезда, за сопротивление властям. Администрация находящейся в этой местности дачи гр. Строганова начала принимать усиленные меры против порубок в лесах. Эти меры, в конце концов, так возмутили крестьян, что громадной толпой они двинулись в лес и произвели порубку. Явившаяся лесная стража была разогнана. В результате — дело; 18 чел. сидят в Перми, остальные по уездным тюрьмам.

К заботам о голодающих (из Вятской губ.). Голод в этом году грозит посетить некоторые из наших уездов, напр., Вятский и Глазовский: рожь почти совсем не уродилась. Особенно плох урожай в последнем уезде: даже по расчету земских начальников нужно выдать населению более миллиона пудов. Рожь для посева страшно запоздала и частью пришла уже по истечении времени сева. Рожь доставлялась с пристани Левшино на Каме; отправкой заведывал уполномоченный м-ва фин. Турбин. Турбин телеграфировал вятским властям: «Проверка веса не требуется; принимайте по счету мешков». Но увы! Когда принимавшие, по собственному, вероятно, опыту, зная, как легко прилипает к рукам хлеб для голодающих, отнеслись недоверчиво к такому заявлению и начали приемку по весу, то оказалась в каждом вагоне нехватка — в 70 пуд., а всего нехватало около 15.000 пуд! Теперь очевидно, почему «наш обожаемый монарх» не советовал в своей курской речи к крестьянам грабить чужое добро: эту профессию он монополизировал, видно, в пользу свою и своих чиновников.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Краткий очерк рабочего движения
в Бежице.

(Завод Брянского акционерного общества.)

(Окончание 11).

II.

В среде самих рабочих «бунт» 1898 г. остался все-таки некоторым светлым событием, очевидно, потому, что здесь, хотя и в грубой форме, рабочий дал впервые почувство-

вать заводу свою личность. Во всяком случае этот «бунт» несколько не обескуражил рабочих и не прекратил рабочего движения на Брянском заводе. Последующие факты ярко доказали это. В октябре того же года, т. е. всего через 4 мес. после «бунта», рабочие нескольких цехов забастовали и выставили определенные требования к заводу. Стачка продолжалась около 8 дней; проведена она была очень единодушно и выдержанно и почти все требования рабочих удовлетворены. Был сменен начальник механической мастерской, отличавшийся своими подлостями, Мускин; вывесили табель с расценками, хотя очень оригинальную: в ней были расценки для какого-нибудь десятка работ, указанных в самой общей форме, так что реального значения эти табели никакого не имели. Плату стали выдавать два раза в месяц и т. д. Вскоре после этой стачки был выпущен на заводе листок, в котором подводились итоги стачке и рабочие приглашались продолжать удачно начатую борьбу с хозяевами.

В начале сентября в Орле был арестован интеллигент Родзевич; затем из Москвы были привезены Русанов и Остров; далее в Орле был арестован Ильинский, затем Квиткин, Смирнов и Кварцев (привезен из Сум). Кроме того, постепенно были привезены в Орловскую тюрьму рабочие Ефимов, Лавринович и Жмуркин. Интеллигенты все были арестованы по разным делам, не имевшим отношения к делам Бежицы. Но затем у Родзевича было установлено какое-то отношение к брянским рабочим. Тогда следователи решили из всех арестованных создать одно сообщество, на которое и возложить ответственность за брянские дела. Арестованных терзали нелепыми вопросами, ничем необоснованными подозрениями и выпустили приблизительно в марте 1899 г., не приведши дело ни к какому результату.

Между тем, движение в Бежице вступило в старую колею — кружковой пропаганды, кружкового развития. Спрос на нелегальную литературу сильно возрастает, но достают ее рабочие с большим трудом. Рабочие собирают между собой деньги на покупку книг и заводят довольно большую легальную библиотеку. Изредка собираются большими компаниями и читают сообща или беседуют. Весь 1899 г. прошел в таком постепенном и тихом развитии. В январе 1900 г. делают обыск у трех интеллигентов в Орле: Квиткина, Острова и Русанова и затем через день Квиткина арестуют. Вскоре в Орел из Бежицы увозят нескольких рабочих (Жмуркина вторично, Ранкевича, Мишанова, Лосицкого, Худосовцева, Сычева и др.). Оказывается, один из молодых рабочих, у которого при обыске что-то нашли, испугался угроз брянского ротмистра Петрова и многое порассказал.

Но с этими арестами самостоятельное движение среди рабочих не прекращается. Оно вылилось в определенную нами форму и в таком виде продолжалось в течение 1900 г. В конце 1900 г., перед рождеством, были выпущены в небольшом количестве маленькие листки по поводу неуплаты администрацией завода заработанных денег в срок. Листки произвели свое действие: рабочая плата была немедленно выдана.

Весь 1900 г. настроение рабочих прогрессивно обострялось. Промышленный кризис сказался и на Брянском акционерном обществе — этой одной из самых прочных акционерных компаний. Собственно при большей энергии и деловитости администраторов компания всегда могла обойтись без сокращения производства. Но привычка получать огромные барыши (в одном из отчетов общества, которые лежат на столе Бежицкого клуба, было указано при валовом обороте в 56 милл. валовой доход — 4 милл. чистой прибыли) при полной халатности побудила заводскую администрацию пополнять уменьшение кушей обычным давлением на рабочих: начались небывалые штрафы, небывалые браковки; расценки страшно упали; и, наконец, стали распускать рабочих. Температура рабочей массы от всех этих стеснений подымалась. Рабочие представляли из себя порох, в который достаточно было бросить один горячий «листок», чтобы взорвать весь завод на воздух. Но листов не появлялось, и рабочие терпели. Только стремление к самообразованию проявлялось все сильнее, все лихорадочнее. В половине апреля 1901 г. на заводе произведены были обыски и арестовано и отвезено

в Орел 6 человек рабочих: Степанов, Самойлов, Мишанов (2 раз), Лосицкий (2 раз), Ранкевич (2 раз), Сычев (2 раз). Одновременно с этим были арестованы в Орле интеллигенты: Квиткин (3 раз), Колышкевич (2 раз), Русанов (3 раз) и Остров (4 раз). Обыски произведены были на основании временных правил об усиленной охране в виду ожидавшихся 1 мая повсеместных рабочих демонстраций. Поэтому арестованные через 4 недели были выпущены, кроме Степанова, Самойлова и Острова, которые обвинялись по новому делу, и Сычева, оставленного отбывать наказание по предыдущему делу. Новое дело состояло в том, что у Самойлова нашли нелегальную литературу, и он выдал Петрова, Степанова и затем Острова, а также запачкал и других. Был установлен факт сношений Острова с рабочими и распространение им среди них нелегальной литературы. Дело опять было оформлено. Таким образом, 1901 г. закончился обысками и арестами.

В общем, если окинуть бегло всю историю рабочего движения в Бежице, начиная с 1897 г., то это движение представится нам в виде медленного развития рабочих путем пропаганды и отчасти неширокой устной агитации. Каких-либо крупных организованных демонстраций в Бежице не было. Но одно можно отметить в этой истории: для наблюдателя, который видел рабочую бежицкую массу в 1897—1898 г. и затем в 1901—1902 гг., резко заметен подъем сознательности этой массы, широкое распространение среди нее всех общественно-политических запросов, которые возникали в 90-х годах лишь в головах немногих рабочих. Безусловно, что в настоящий момент бежицкие рабочие представляют из себя чрезвычайно пригодный материал для восприятия самых широких политических идей...

Смоленск. Рабочее население Смоленска — это, преимущественно, евреи из мелких мастерских ремесленного типа с 2—3, редко 8—10 рабочими. Большинство этих мастерских работает на магазины, что, конечно, сильно отражается на положении рабочих, так как из одной и той же шкуры приходится выделывать две шубы: одну — хозяину-посреднику, а другую — оптовому торговцу — заказчику. Особенно тяжелое положение рабочих в женских мастерских, где к обычной эксплуатации труда присоединяются еще невозможно тяжелые квартирные условия и весь так наз. «отеческий» режим: почти все работницы живут на квартирах хозяев, вместе с их семьями. О заработной плате и говорить, конечно, нечего: она «ниже всякого минимума», по выражению одного рабочего. Что касается рабочего дня, то в последние годы было несколько попыток свести его к законной десятичасовой норме. Первая попытка относится к 1898 г. Затем в 1900 г. рабочие подавали губернатору коллективное заявление о тяжелых санитарных условиях в большинстве мастерских и о рабочем дне. В результате этого заявления был устроен через полицию осмотр мастерских и опрос рабочих, но при осмотре, конечно, многого не разглядели, а при опросе большинство рабочих, особенно женских мастерских, было так запугано предварительно хозяевами, что не решилось указать истинное положение дел, а для полиции, конечно, чего же лучше, если «все обстоит благополучно!». Так из этого ничего и не вышло. Только с прошлого 1901 года здесь начинается более или менее осмысленное движение среди евреев-ремесленников, хотя оно все-таки напоминает более суетню, чем действительное движение. С того времени было несколько стачек, но, за исключением двух-трех, все они были столь незначительны как по содержанию, так и по количеству участников, что для них слишком громко даже название стачки. Требования не выходили из обычных границ — рабочий день, плата, помещения, обращение хозяев и т. п. Большинство еврейских рабочих — народ молодой, юноши и даже дети. Наиболее важными тормозами для развития сознательного движения является почти поголовное незнание рабочими русской грамоты — это во-первых, а во-вторых — безобразные квартирные условия: рабочие почти все время проводят на глазах хозяина и его семьи, а хозяева даже к чтению обыкновенной книжки относятся

с большой подозрительностью, не говоря уже о нелегальных изданиях. Есть мастерские со смешанным составом рабочих, но русские ремесленники стоят еще ниже еврейских — большинство из них пьет горькую и до сих пор проявляет мало склонности к более осмысленной жизни. Это роняет их в глазах евреев-рабочих и нередко создает взаимную вражду. Впрочем, нужно сказать, что за последнее время и в этом отношении замечен некоторый успех: на бывшем здесь мирном первомайском празднике можно было видеть и русские физиономии. Из более крупных заведений с исключительно почти русским составом рабочих можно указать только на два: бабиночную фабрику Гергарда с 200 рабочих и кафельный завод Будникова с 150 раб. Но уже по самым техническим условиям этих производств уровень развития рабочих не может быть сколько-нибудь высоким. Это — по большей части полурабочие-полукрестьяне, не порвавшие еще довольно тесной связи с деревней. Поставляют рабочих на эти фабрики ближайшей деревни, разбросанные около Смоленска верстах в 3—5.

Из других элементов пролетарского типа можно указать на торговых приказчиков, заявивших недавно, хотя и в очень слабой степени, о своем существовании. Трудно, конечно, ожидать, чтобы приказчицье движение приняло сколько-нибудь солидные размеры, по крайней мере, в ближайшем будущем, так как это как раз та именно среда, где мешанство в самых свирепых его формах свило себе наиболее прочное гнездо. Летом этого года было несколько стачек приказчиков (в магазинах Якобсена, Ланина, Английском и др.), с теми же требованиями, что и у ремесленников.

Из наиболее интересных событий местной жизни последнего времени нужно отметить образование соц.-демократической группы, выступившей в августе и сентябре этого года две прокламации — одну к приказчикам, а другую — к обществу по поводу насилий над заключенными в здешней тюрьме. Подписаны они были «Смоленским Соц.-Демократ. Комитетом». Существенным их недостатком была их неудобочитаемость и крайне жалкий внешний вид, вследствие чего они совершенно не могли импонировать обывателю. Но надо надеяться, что в дальнейшей своей деятельности молодой комитет справится с техническими затруднениями.

В Нежине, Черниговской губ., была стачка 65 чел. портных ремесленников (дамских и мужских). Требуют: одни — сокращения рабочего дня до 12 и до 14 часов в сутки, другие — увеличения поштучной платы. Четверо рабочих уже арестовано.

Астрахань. В нашем городе уже несколько лет замечаются проявления рабочего движения. Пока это движение носит стихийный характер: стачки происходят без всякого заранее обдуманного плана, без руководства. Такие забастовки были устроены в прошлом году на лесных пристанях чернорабочими и грузчиками. Всего забастовало около 200 чел. Было выставлено требование увеличения платы. Продержались около дня, и можно сказать, что выиграли. Хозяева не обращались к полиции и постарались сами уладить дело. Такая же забастовка была и на пристани Дембот. Пароход с баржами были готовы, а команда отказалась идти на баржи. В этот раз забастовало чел. 30—40. В виду того, что убытки от простоя парохода под парами огромны, администрация уже согласна была уступить, но нагрянула речная и городская полиция и силой принудила рабочих пойти на баржи и занять свои места. Рабочие Дембота не выставляли никаких требований улучшения своего положения, домогаясь окончательного расчета. Следует заметить, что фирма Дембот в отношении обирания рабочих перещеголяла здесь все другие. Такое грубое обирание, как у Дембота, редко встретишь, если не считать мелких пароходчиков, о которых мы поговорим в другой раз. Как всегда бывает, эти случайные и стихийные забастовки заставили призадуматься многих рабочих. Призадумались и предприниматели и стали все чаще и чаще страховать рабочих,

чтобы свалить со своих плеч на страховые общества плату за увечья и прочие несчастные случаи. Задумалась и администрация с фабричным инспектором (из «либералов»). Задумалась и полиция, и в результате своих размышлений обратилась в городскую думу с предложением ассигновать известную сумму на содержание нескольких тайных агентов и одного главного, в виду того, что полиция больше не в силах уже справляться с врагами. Говорят, что летом, проездом, был у нас «сам» архишпион Зубатов и оставил здесь на время свой хвостик, главные же свои «силы» он направил на гастроли в Тифлис и Баку.

Интересный случай имел этим летом место среди бондарей на форпосте. В бондарных заведениях работают по 200 и более чел. Все это уж более или менее «чистые» пролетарии, но ряды их постоянно пополняются выходцами с верховьев Волги, элементом, довольно косным. Большим влиянием пользуются старики. Проникнуть в эту среду чрезвычайно трудно. Книга здесь тоже не в ходу. Но хищническая эксплуатация, энергично охраняемая фабричным инспектором и полицией, «раскачивает» и эту среду. Хозяева бондарных заведений нанимают своих рабочих на два срока: от 1 октября до 1 марта, на зимние работы, и от марта до октября, — на летние. Разница в цене бывает постоянно очень значительна. Но в этом году, в виду того, что было много наготовленного товара, в рыбных же делах произошла заминка, крупные хозяева не стали делать прибавок на лето. Рабочие сначала отказались заключать условия, но нужда заставила пойти на уступки. К тому же, они надеялись, по примеру прежних лет, получить значительные задатки. Оказалось, однако, что фабричный инспектор распорядился задатков не выдавать. Это уж превысило меру долготерпения, и 28 июля бросили работу на четырех заводах, всего чел. 250—300. Продержались они до 31 июля. На одном заводе добились прибавки. «Победители», ободренные своим успехом, стали подговаривать своих товарищей тоже бросить работу. Нашлось несколько десятков смельчаков из молодых (кто говорит, что их было чел. 50—60; другие, — что более ста), которые прошлись с музыкой по главной улице и требовали приостановки работ. Первый день прошел тихо, но на второй хозяева дали знать уездной полиции и земскому начальнику. Полиция почему-то воздержалась от репрессалий (помнит, вероятно, «холерный бунт» 1892 г.), но за нарушение тишины было взято 11 чел. Из них 10 чел. приговорены земским начальником к аресту на семь суток, а один, за оскорбление городского, — на три недели.

Красноярск. 13 сентября наш город был поражен невиданным зрелищем: через весь город, от мастерских до губернского правления, прошли железнодорожные рабочие в полном составе (полторы тысячи человек). Дело в том, что, по правилам, «получка» в здешних мастерских должна происходить два раза в месяц, 12 и 27 числа. Обычно же платят 15—17-го и 1—2-го; это всегда раздражало рабочих, и они не раз уже выражали свое неудовольствие, но на это не обращали внимания. 11 сентября рабочие напомнили начальнику мастерских о предстоящей уплате, и он обещал уплатить 13-го; утром 13-го он подтвердил свое обещание, а часов в 10 объявил, что получки не будет. Сейчас же раздался свисток к прекращению работ; рабочие заволновались и после совещаний, увещаний, а в нескольких случаях и зуботычин, все головною отправились к губернатору. Попытки полиции задержать шествие (ограничивались увещаниями) окончились безуспешно, и процессия прибыла к губернскому правлению. Здесь ее встретил полицмейстер и предложил рабочим избрать депутатов для переговоров; они отказались. Тогда полицмейстер сам выбрал четырех человек, а остальным предложил разойтись. Рабочие не уходили, пока депутаты не вышли из губ. правления и не предложили им уйти к мастерским и там ждать ответа. Из губ. правления депутаты были приглашены к губернатору. Здесь был составлен протокол о случившемся, при чем вся вина возложена на администрацию мастерских; затем губернатор просил депутатов успокоить товарищей и обещал, что с 3 ч. начнут уплату, при чем этот день не будет вычтен. Сей-

час же был вытребован к губернатору начальник мастерских; губернатор дал ему 6.000 руб. и предложил немедленно принять меры, чтобы все рабочие получили плату. С 3 час. началась уплата. На другой день появилась прокламация Комитета и еще одна, без подписки, гектографированная, по содержанию мало отличающаяся от комитетской.

Летом здесь были убиты два ночных сторожа. Вице-губернатор (и. д. губернатора) вошел с докладом, чтобы убийц судили военно-полевым судом, так как убитые были чинами полиции при исполнении своих обязанностей. Ходатайство это уважено; 19-го убийц судили и приговорили к смертной казни через повешение! Осужденные — молодые люди 22—24 лет.

Нам пишут из Сибири. 16 августа на ст. Еланское, Енисейской губ., в депо забастовали все рабочие, 93 чел., требуя удаления монтера. Начальник тяги явился и сказал, что не может их удовлетворить. Однако, к следующему же дню дано было знать рабочим, что их требование исполнено. Каково же было возмущение рабочих, когда, явившись на работу, они узнали, что десять их товарищей удалены из депо. Все снова бросили работу; стачка продолжалась еще три дня. Но к 19-му были приглашены рабочие запасные из Красноярска, и более малодушные уступили, а за ними пошли работать и остальные. В результате 27 чел. уволено, а 13 сами ушли.

ИЗ ПАРТИИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОТ ГР. «ЮЖНОГО РАБОЧЕГО».

Шатание в области теории, хаос и разрозненность в деятельности, господствующие в настоящее время среди действующих в России товарищей, никогда еще не давали себя так сильно чувствовать, никогда еще не проявлялись так рельефно, как в данный момент. Если изолированная, ограниченная кружковая деятельность начала девятидесятых годов и примитивные формы рабочего движения середины тех же девятидесятых годов по своей определенности и несложности могли мириться с подобным состоянием действующих сил, то в настоящий момент, когда социал-демократия может и должна развернуть всю свою сложную деятельность, устранение подобной дезорганизованности является главнейшей и насущнейшей задачей, перед которой бледнеет все остальное. Партия, действующая сыграть роль крупной общественной силы в решении будущности России, такая партия не может довольствоваться господствующим кустарничеством; она должна сложиться в прочную, строго солидарную, централизованную и объединенную общей программой организацию, группирующуюся вокруг известного духовного ядра, дающего общее направление деятельности. Только подобное соединение может дать партии возможность выполнить всю ту сложную задачу, которую она на себя берет. Нельзя сказать: «пусть устроятся местные дела, тогда позаботимся об общих». Подобный взгляд представляет упрощение деятельности. Необходимо проникнуться убеждением, что не могут быть местные дела в настоящее время вне общих, что пока не будут решены общие вопросы, пока не будет покончено с нашей дезорганизованностью, всякая работа будет топтанием на месте. Но для этого недостаточно одного лишь призыва к объединению. Необходимо подойти к вопросу более конкретно, более активно. Для этого, прежде всего, необходимо каждому деятелю, каждой группе, каждой организации точно определить свое отношение к целому ряду вопросов, волнующих вот уж почти три года действующих товарищей.

Пора покончить с неопределенностью. Пора каждому определить свое место, высказать в недвусмысленной форме все, чего он хочет, к чему стремится, и провести это на практике. Мы думаем, что в настоящее время достаточно резко определились различные течения. Кто не смог разобраться в них до сих пор, кто из внешней

шелухи и личных недоразумений не видит сущности, тот, вероятно, уже не увидит ее. Не к ним мы обращаемся. Мы обращаемся ко всей массе тех товарищей, которые горячо жаждут скорейшего и прочнейшего, не бумажного, но реального объединения сил, которые глубоко чувствуют весь вред современной смуты.

Со своей стороны, мы делаем шаг в этом направлении. Признавая организацию «Искры» единственной за последние два года организацией, сумевшей при господствующих спутанности и шатаньи сохранить строгую принципиальность и бесстрашно бороться против всяких течений, стремившихся свернуть так блестяще начавшееся революционное движение с единственно правильного пути, мы, солидарные с этой организацией в вопросах программы, тактики и организации, присоединяемся всецело к ней, обязуясь работать совместно над делом фактического восстановления Российской Соц.-Демократ. Рабочей Партии.

Во избежание недоразумений, мы считаем своим долгом заявить, что мы далеки от мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работе, которую выполнила за это время организация «Искры», не было никаких ошибок и пробелов. Мы только думаем, что эти ошибки не настолько важны, чтобы они могли служить препятствием к соединению, что они легко устранимы, если необходимость объединения глубоко проникнет в сознание всех действующих товарищей, и дело, предпринятое «Искрой» за свой страх и риск, станет нашим общим делом.

Группа «Южного Рабочего».

Изданы прокламации: Киевским Комитетом — к киевским слесарям (от 16 сент.); Одесским Ком. — «К новобранцам» (печ.); Екатеринославским Ком. — «Ко всем гражданам Екатеринослава» (по поводу тюремных насилий) и 2 к кондукторам и вагоновожатым трамвая (оба печатные); Красноярским Ком. — к раб. жел.-дор. мастерских (от 14 сент., печ.); Харьковским Ком. — 1) о суде над крестьянами (в 1.100 экз.) и 2) к раб. жел.-дор. мастерских (по поводу несчастного случая с двумя рабочими), оба гектогр.; Нижегородским Ком. — 1) «Почему русскому рабочему нужна политическая свобода?» (печ.), 2) «Ко всем рабочим» (август), 3) «О солдатчине» (к крестьянам и рабочим), 4) «По поводу назначения фон-Валя», 5) к рабочим и работницам Куликовской фабрики в гор. Васильсурске; Донским Ком. — ко всем раб. главн. мастерских Владикавказской ж. д. (от 3 октября, гектограф.); Кишиневской объединенной соц.-дем. орган. — «Ко всем рабочим» (печ.).

Одесским Комит. издан № 2 газ. «Раб. Слово» (15 окт.); печатано в тип. Комитета.

Нижегородским Комит. издан отчет за первые восемь месяцев его деятельности (1 окт. 1901 г. по 1 июня 1902 г.). Заимствуем из него следующие подробности об агитационной деятельности Комит.: «Руководясь в своей настоящей деятельности основными принципами революционной соц.-демократии, Комитет начал массовую агитацию среди самых широких слоев рабочих Н.-Новгорода и некоторых заводов Нижегородской губернии. В последнее же время Комитет распространяет агитацию и на крестьянские слои населения, губернии и солдат... Всего было распространено различных прокламаций к рабочим разных заводов и к крестьянам — 1.515 экз., напечатанных, главным образом, в собственной типографии».

«Нижегородская Раб. Газ.» (№ 1) была издана в 350 экз. Затем газета была превращена в «Лист. Ниж. Раб. Газ.», который печатался все в большем количестве экз. (№ 2 — 1.200, № 3 — 2.000, № 4 — 2.400, № 5, майский, — 3.000). Кроме того, Ком. распространялись газ. «Искра» и «Раб. Мысль» и прокламации некоторых организаций, как, напр., «Искры», «Пет. Союза» и «Бунда». За восемь месяцев бюджет Комитета был: прих. — 1.135 р. 40 к., расход — 1.330 р. 95 к.

В № 5 «Жизни»¹² напечатана и ею же издана в виде брошюры статья т. Плохоцкого: «Взаимные отношения польских и русских социалистов». Автор обвиняет нас, русских соц.-дем., в «прискорбном незнакомстве с са-

ним польским движением и его условиями». Он думает, что именно это незнакомство порождает среди нас «ряд странных взглядов, совершенно напрасно нарушающих гармонию между двумя братскими по самому своему существу лагерями». Эти «странные взгляды» сводятся к оценке той постановки вопроса о национальной независимости Польши, которая дается в программе «Польской Соц. Партии».

Мы надеемся, что в недалеком будущем нам удастся по существу рассмотреть вопросы, поднятые т. Плохоцким. Пока заметим, что можно только радоваться прямому обращению польских социалистов к русским. Из брошюры т. Плохоцкого русские социал-демократы смогут ближе познакомиться со взглядами старейшей партии польских товарищей. Слово теперь за товарищами из польской соц.-демократии, которая, как известно, держится в вопросах программы взглядов, отличных от П. С. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге арестован учитель гимназии Экк. В Перми 12 сентября были обыски у служащих губ. земск. упр.: Крысина, Вошевой, Житковой и Дубровинского. Крысин и Дубровинский арестованы. 3 окт. был обыск у учителя Очерского зав. (Оханского уезда) Высотина и у волостного писаря Пашихина. Высотин арестован. Арестованный в Красноуфимском уезде 17 августа агроном Мальцев все еще сидит; псаломщик Рясасов выпущен. Взятые с ними крестьяне тоже сидят. В Севастопольской тюрьме сидят с июня рабочие: Бубнов, Фирсов, Горкунов, Евтушенко, Братуха, Зубарев, Воронов, Копец, Грибовский, Стефановский, Тамбовцев, Чернов, Бабенко, Чернышев и еще двое; кроме них, вольноопределяющийся Крюков, несколько солдат и матросов и один студент. Студент Щепетев перевезен в Симферополь. — Верховенск. (Ирк. г.). Арестован раб. Залкинд (ссылный). — В Нижегородской тюрьме, кроме 21 обвиняемых по делам о демонстрации, сидят: студент Сысин, техник Гусев, семинарист Никольский, бывш. гимназист Данилов, сормовские рабочие Углев и Рогалев и курсистка Софья Доброхотова. Из демонстрантов — 13 раб., 4 интелл. и 4 курсистки. — В Одессе 17 сент. арестованы рабочие: Хмельницкий, Дуб и Надворный; 24—25 сент. — фотогр. Шварц и уч. зубоврач. школы М. Львович. — Самара. 15—16 окт. произведено 20 обысков, между прочим, в аптеке Волянского (при этом кто-то арестован), в табачном магазине Габай, у управского служащего Иванова, железнодорожных служащих Барыбина и др. Арестованы: железнодорожный служащий Зиссер, бывшие статистики Евтимович и Акромовский, некий земский техник, один гимназист и семинарист. В уезде тоже были обыски, арестована одна земская учительница. Наши синие мундиры проявляют большое самодурство: за отказ давать показания или же за нежелание выдать товарищей они мстят заключенным отказом в пропуске сестных припасов и запрещением свиданий. — По делу о безобидной прошлогодней вечеринке мнимые ее устроители: бывш. студ. Кузнецов и учредитель курсов бухгалтерии Севрук сосланы в Вятскую губ. Барышни, танцовавшие на вечеринке, заключены в тюрьму.

Сосланы в Восточную Сибирь: токарь Юзеф Венх (из Олькуша, Келецк. губ.) — на 3 года; Влад. Вербицкий, хлебн. торг. (из Николаева) — на 3 года; Яков Борисов, городской учитель (из Спб., по делу раб. орган.) — до приговора; Залман Рояк, чернораб. (из Кайдан, Минской губ.) — на 2 г.; Сем. Вейсбрем, студ.-полит. (из Риги) — на 3 г.; Виктор Ногин, раб. и Сергей Антропов, бывш. студ. (оба нелегальные, из Спб.) — до приговора; Конкордия Захарова и болгарин Закубанский (по одесскому делу) — до приговора. В Вологодскую губ.: Влад. Куницкий, инж.-химик (из Домброва) и Дав. Самойлов (из Спб.) — оба на 3 г.

Бежали: из Вятской губ. — Рерих (студ.-лесник, сослан по делу Спб. Союза Борьбы 1901 г.); из Восточной

Сиб., кроме упомянутых в прошлом номере, еще в начале года из Олекминска, Якутской обл. — Мария Розенберг (сослана по Уральскому делу 1899 г.).

Предательство Н. К. Паули. Читатели помнят о впечатлении, произведенном на революционную среду слухом о предосудительных сношениях эмигранта Н. К. Паули с русской политической полицией, распространившимся года полтора тому назад. Все революционеры ожидали результатов расследования по этому делу, производившегося «Аграрно - Социалистической Лигой». Появившееся в конце прошлого года заявление упомянутой Лиги о деле Паули не могло удовлетворить этих ожиданий. Лига нашла, что попытка Паули «была с его стороны лишь плодом крайне ложного и безусловно вредного взгляда на способы революционной борьбы, а не чего-либо иного». Лига даже не исключила Паули из числа своих членов*, а лишь сообщила, что «Н. К. Паули больше членом ее не состоит» и никакого формального предложения другим революционным организациям о суде над обличенным ею Паули не сделала. Таким образом, вопрос об обязательном для всех, вообще, революционеров отношении к новому Дегаеву не был поставлен и не получил должного решения.

В виду этого, редакция «Искры» (см. № 15, «Разврат в революционной среде») сочла необходимым, в согласии с принципами, разделяемыми нашей организацией, указать на недостаточность решения аграрной лиги и квалифицировать поведение Н. К. Паули как «возмутительное и позорное». В то время наше заявление было многими признано излишне-жестоким по отношению к старому революционеру, каким был Паули. Мы считали необходимым резко высказаться, между прочим, для того, чтобы сделать невозможным для Паули попытки вступления в какую-либо новую группу, так как доступ в революционную организацию ему не был закрыт тоном и содержанием заявления Лиги.

Эта предосторожность оказалась нелишней. Попав каким-то образом в руки русской жандармерии, Н. К. Паули, как это нам достоверно известно, дает в настоящее время самые предательские показания, в духе Гольденберга. Этими показаниями предатель дает жандармам богатый материал о революционных делах, в которых он принимал участие, как член Агр. Лиги; так, напр., им даны показания о лицах, подозреваемых в сношениях с Карповичем. По указаниям Паули арестованы уже, по видимому, некоторые лица (называют московского издателя Чарушникова). Но, вероятно, лица, им оговоренные, не будут немедленно арестовываться, а послужат отправной точкой для расставления шпионской сети (таков метод Судейкина-Плева). Поэтому мы настоятельно приглашаем всех товарищей, имевших революционные сношения с Паули, проявить самую крайнюю осторожность и, во всяком случае, предупредить всех соприкасающихся с ними лиц о том, что такие сношения у них были. Поступив так, эти товарищи смогут оградить себя от справедливых упреков в случае, если окажется, что жандармы, заручившись ценными для них указаниями Паули, готовят «основательный» разгром революционных организаций.

Пользуемся случаем, чтобы еще раз указать, что в делах, подобных делу Паули, неуместна никакая снисходительность. Суровый (вполне заслуженный) приговор над Паули не оградил бы нас, конечно, от окончательного его падения, но он бы лучше обеспечил неприкосновенность чести революционных организаций.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Нас просят поместить следующее заявление:

В № 3 «Раб. Знамени», вышедшем в прошлом году, была помещена такая заметка: «К позорному столбу! Арабажин — петербургский литератор и редактор. Выгора-

* В настоящее время «Рев. Росс.» (№ 12) сообщает, что Паули был исключен из «Аграрной Лиги». Если так, то почему в прошлогоднем сообщении Лиги об этом не было прямо сказано?

живает себя в глазах полиции, выдавая неповинных подчиненных ему служащих».

Эта заметка, повидимому, относилась к ходившему в то время в литературных кругах определенному слуху о том, что г. К. Арабажин (бывш. издатель «Сев. Курьера») прикрылся именем одного из своих сотрудников для того, чтобы избежать ответственности перед полицией за участие в одном невинном литературном собрании.

По просьбе некоторых знакомых г. Арабажина, мы рассмотрели доставленные ими документы и пришли к заключению, что содержащееся в вышеприведенной заметке обвинение основано на недоразумении и что в инциденте, о котором упомянуто выше, г. Арабажин ничего предосудительного не совершил.

В. Засулич, Г. Плеханов, Л. Мартов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: Через моск. представ. от *** — 400 руб., через Бл. — 200 р., от буддиста — 125 р., чер. секретарей — 30 р., от старого друга — 700 мар., от лондонского соц-

дем. кружка — 1 ф. ст., от сочувствующего через Л. — 2 фр. 20 сент., из К-а — 10 руб., чер. Вас. Ник. от своих — 200 руб., чер. Кольцова: за литерат. из Женевы — 106 фр. 85 сент. и 81 фр. 85 сент., из Лозанны — 12 фр., от лозаннской группы — 40 фр., от проезжего — 20 фр., за литературу — 11 руб., из Льежа — 80 фр., из Цюриха: за литературу — 32 фр., за чтение от радикала А. — 50 фр., от старого соц.-демократа — 50 ф., из Москвы через Мюнхен — 50 фр.

Вышла в изд. «Искры» новая брошюра: «Демонстранты перед судом» (обвинительные акты по делу о саратовской и нижегородской майской демонстрациях, с пред. редакции).

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. «Народное Дело» — популярный орган партии с.-р., издавался с августа 1902 г. по октябрь 1905 г. в виде неперіодических сборников. С 1908 г. «Нар. Дело» возобновилось в Париже.

Прим. 2. Фома Качура — рабочий, с.-р., стрелял в князя Оболенского, усмирявшего расстрелами, поркой и проч. крестьян Харьковской и Полтавской губ., где в 1902 г. произошли крупные аграрные волнения.

Прим. 3. Михайловский, Н. К. (1842 — 1904) — крупнейший теоретик народничества, яркий публицист, пользовавшийся громадным влиянием в рядах народнической интеллигенции в 70—90-х годах. В начале 70-х годов проповедывал в духе народнической идеологии о первенстве социальных задач над задачами политическими, а в апреле 1878 г. выпустил подпольный «Листок» чисто политического содержания и примкнул к народолюбцам, сотрудничал под псевдонимом «Гроньяр» в газете «Народная Воля», где поместил свои «Политические письма социалиста», призывавшие народников к политической борьбе, редактировал написанное народолюбцем Тихомировым известное письмо Исполнительного Комитета «Н. В.» к Александру III после 1 марта 1881 г. С 1889 г. по 1877 г. был идейным руководителем журнала «Отечественные Записки», а с 1894 г. до смерти стоял во главе народнического журнала «Русское Богатство». В целом ряде своих литературных работ («Герои и толпа», «Что такое прогресс» и др.) доказывал исключительную роль в истории «критически мыслящей личности», развивая «субъективный метод в социологии». В 90-х и в начале 900-х годов вел ожесточенную полемику против марксизма.

Прим. 4. См. «Искра» № 24, прим. 1.

Прим. 5. Юзефович, Б. М. — известный крайний реакционер, не брезговавший в борьбе с революционным и оппозиционным движением никакими средствами, вдохновитель погромов, доносчик и пр.

Прим. 6. Мирабо, Онорэ Габриэль Викетти — крупный деятель эпохи Великой французской революции, сначала энергично выступавший против привилегий дворянства, потом продавшийся королевскому двору и поддерживавший монархию.

Прим. 7. Заграничный Союз с.-р. — группа молодых народолюбцев, возникшая в 1894 г., издававшая газету «Русский Рабочий» (всего вышло 11 №№ по февраль 1898 г.) и брошюры «Социализм и борьба за политическую свободу», «Наши задачи» и брошюру П. Л. Лаврова «Из рукописи 90-х годов».

Прим. 8. «Рабочая партия политического освобождения» — организация с.-р., существовавшая в Минске в 1897 — 1900 гг.

Прим. 9. Лавров, П. Л. (1829 — 1900) — известный писатель, один из основоположников и виднейший представитель революционного народничества — ученый, социолог и философ, автор «Опытов истории мысли», «Исторических писем», пользовавшихся в 70-х годах широкой популярностью, и других произведений. В 60-х годах был преподавателем математики и физики в артиллерийской академии в Петербурге. После покушения Каракозова на Александра II в 1866 г. был арестован и сослан в Вологодскую губ., откуда бежал в 1870 г. за границу. Здесь он примкнул к I Интернационалу и участвовал в борьбе Парижской Коммуны в 1871 г. В 1873 — 1876 гг. редактировал, по поручению петербургского кружка чайковцев, журнал и газету «Вперед». Лавров написал свою брошюру «Русский социально-революционный молодежь», в которой отстаивал точку зрения полготовки более или менее длительной революции путем пропаганды социализма в крестьянстве. Во второй половине 70-х годов «Вперед» группировал вокруг себя умеренные элементы революционного народничества, для которых и Лавров оказался слишком левым, и в 1876 г. он вышел из редакции «Вперед».

После раскола общества «Земля и Воля» (1879 г.) Л. отказался примкнуть к партии «Народная Воля» и принял в 1880 г. участие в органе чернопередельцев. Но в 1883 г. он сблизился с народолюбцами и вместе с Л. Тихомировым редактировал «Вестник Народной Воли» (до 1885 г.). П. Лавров был проповедником «субъективного» метода в социологии и доказывал, что прогресс в истории происходит под влиянием «критически мыслящих личностей».

Прим. 10. Ткачев, П. Н. (1844 — 1885) — революционер, писатель, привлекался по «нечаевскому» делу. В 1872 г. эмигрировал за границу. С 1875 г. по 1881 г. выпускал в Женеве сначала газету, а потом журнал «Набат», написал брошюры: «Задачи революционной пропаганды», «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» и др. Ткачев был ярким сторонником захвата государственной власти путем заговора. Осуществить этот захват власти может лишь строго дисциплинированная централизованная партия революционеров, которая «должна, с одной стороны, готовить захват власти наверху, с другой — народный бунт внизу». Ткачев, вслед за Бакуниным, доказывает в своем «Открытом письме г-ну Фр. Энгельсу», что Россия стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, так как русский народ «в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения, он... коммунист по инстинкту, по традиции».

Прим. 11. См. «Искра» № 26.

Прим. 12. «Жизнь» — сначала легальный журнал, называвший себя марксистским, но по существу эклектического характера. На нем отразился идейный разброд того времени в среде марксизма. Статьи русских «ревизионистов» занимали в этом журнале значительное место. Издавался в 1901 г. под редакцией Поссе и в том же году, 8 июня, был закрыт «совещанием четырех министров»: Сипягина, Победоносцева, Муравьева и Ванновского. Такой же эклектический характер имел и нелегальный журнал «Освобожденная Жизнь», издававшийся по инициативе Поссе и В. Д. Бонч-Бруевича с апреля по декабрь 1902 г. за границей в значительной мере на средства Г. А. Кукулина. В журнале «Освобожденная Жизнь» печатались произведения В. Д. Бонч-Бруевича, Поссе, Дебагория-Мокриевича, Соскиса, Плохоцкого (польского социалиста), Августа Бебеля, Лягарделля, Тана, Тахтарева («Петербургец») и др. Вокруг этого журнала с осени 1901 г. создавалась называвшая себя социал-демократической организацией, издававшая помимо журнала «Жизнь», «Листки Жизни» и «Библиотеку «Жизни».

«МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВОГО».

(Le mort saisit le vif.)

Социалисты - революционеры, стараясь убедить нас в спасительности политических убийств для предохранения демонстрантов от розог и нагаек, ссылались на времена «Народной Воли». В те времена, говорится, напр., в программной статье № 7 «Рев. Росс.», «правительство не осмеливалось на такую наглость, как порка десятками своих политических противников». Оно «втайне боялось и уважало их». Ничего убедительного, положим, в этой исторической ссылке не было. Ведь во времена «Народной Воли» не было и тени каких-нибудь открытых проявлений народного недовольства, связанных с политикой. Даже начинавшие входить в обычай демонстрации на похоронах совершенно прекратились во времена террора. При народных же «беспорядках» в городах или деревнях, при всяких проявлениях недовольства со стороны толпы, не принадлежащей к «насекомым» (как называл Герцен наше привилегированное сословие), национальная розга гуляла на просторе во времена «Народной Воли», как и все другие.

Теперь политика проникает даже в деревню, а в городах нельзя представить себе «беспорядков», совсем не связанных с политикой. Здесь народное недовольство слишком срослось с политикой, и в этом именно заключается величайшее приобретение современного движения и залог несомненной победы. Положение не то, что иное, а прямо противоположное тому, что было во времена «Нар. Воли». Но если ссылка на эти времена по поводу демонстраций и не была убедительной, она, по крайней мере, не находилась в прямом противоречии с истиной. Во времена «Нар. Воли» политических заключенных били кулаками, топтали ногами, изредка колотили прикладами, но ни розгами ни нагайками действительно не били. Теперь при проповеди террора место демонстраций заняли у соц.-рев. столкновения в тюрьмах, в особенности же самое крупное из них одесское. Подробности этого жестокого дела известны нашим читателям.

Уже в № 11 «Рев. Росс.», по его поводу, говорилось о необходимости «карающей руки». Теперь перед нами приуроченное к этой же истории воззвание «Партии Соц.-Рев.», озаглавленное: «Что делать?» и отвечающее, разумеется, на этот вопрос призывом к террору*. В этом

воззвании опять имеется ссылка на времена «Нар. Воли», на этот раз находящаяся в диаметральной противоположности с истиной.

В те времена, говорит прокламация, правительство «никогда, в минуты самых яростных разгромов и ужасающей реакции, не решалось оскорблять достоинство своих противников. Отправляя в ссылку, на каторгу и виселицу, оно все же вынуждено было держать себя так, как держат с противником, которого хотят уничтожить, но которого боятся. Правительство знало, что за малейшее оскорбление чести революционеров оно ответит жестоко перед их товарищами. И это сознание перед действующей партией сдерживало разнузданность властей. Теперь этой разнузданности дан широкий простор. И если мы хотим охранить наших товарищей от насилия и оскорбления и поддержать честь и достоинство революционной партии, мы должны... заняться террором. «Пусть эти палачи, отдающие приказы об избиении, выполняют приказы верховной власти. Но пусть они знают, что за каждое выполнение над революционерами их ждет смерть. И пусть они тогда выбирают».

Итак, во времена «Нар. Воли» правительство не решалось на насилия над заключенными. Оно не позволяло себе оскорблений по их адресу, и из этого следует, что посредством политических убийств можно предохранить наших товарищей от повторения насилий того рода, какие произошли в Одессе. Что это? Умышленное ли игнорирование во славу террора ужасающего мартиролога заключенных революционеров во времена «Н. В.», или незнание «писания» той самой религии, которая так усиленно проповедуется?

В этом «писании» засвидетельствовано, что с того момента, как террор начинает систематизироваться, он вызывает со стороны правительства все новые и новые жестокости в тюрьмах, сопровождаемые систематическим третиowaniem, умышленными оскорблениями заключенных. Это не мы говорим, об этом вопиет вся народолюбивая литература того времени. В «Вестн. Нар. Воли», напр., в статье «Надгробное слово Александру II», по-

жет «не клеймить» попытку возвести самоубийство в систему.

Это не более, как попытка возвести на «Искру» ложное обвинение. Она советовала оказывать сопротивление наказанию розгами, с которыми в России связан специфический, условно унижительный смысл. Сопротивление может, несомненно, отнять у него этот смысл, превращая «наказание» в простое избиение, которое является большим злодейством, все же ничего унижительного для потерпевшего в себе не заключает. Но «Искра» никогда не советовала оказывать сопротивление во всех случаях тюремной жизни, хотя бы при переводе в другую тюрьму или даже при перемещении в карцер. Если в таких случаях сопротивление и может иногда быть уместно, то возводить его в правило было бы безумием.

* Кстати, в том же воззвании говорится, что «Искра» «рекомендует... сопротивление самими заключенными всеми способами палачам и насильникам», что это сопротивление влечет за собою дикие насилия, приводящие к самоубийствам, — доказательством чему служат ужасы, разгравшиеся в Одесской тюрьме, и поэтому партия не мо-

дробно рассказано, как за каждое, буквально за каждое политическое убийство или покушение накладывались все новые, жестокие наказания на заключенных в Новобелгородской центральной тюрьме. По этим жестокостям они узнавали, что на воле что-то сделано. Вместе с тем и обращение с заключенными становилось все более наглым и оскорбительным, а малейший протест вызывал дикое насилие.

Заключенные в централках не были террористами, но и несомненным народовольцам в Алексеевском равелине¹ свой «страх и уважение» правительство выражало еще энергичнее. Там систематическая грубость и цинизм по отношению к заключенным превосходили все пределы, а содержали их так, что из 14, привезенных туда по процессу А. Михайлова, в первый же год умерло шестеро, а все остальные были в цынге, истощены, совсем больны, чего начальство упорно «не замечало», а доктор, тыча в их распухшие ноги, говорил: «Это еще пустяки». В Шлиссельбург² их привезли потом, по выражению Волкенштейн, «полусгнившими».

В наиболее дикой и зверской форме разыгралось правительственное бешенство в 1882 г. на Каре³, при чем и тут также главное заключалось в «канальском трети-ровании» заключенных, «в преднамеренных оскорблениях, в зверском и бесчеловечном обращении с больными». Во время этой оргии, — всюду, кроме Кары, где не было одиночек, — заключенные болели и умирали без всякого ухода, в полном одиночестве, запечатые на замок в тех же камерах, в которых жили. Такого систематического оскорбления, третиования и вымаривания заключенных, как во времена «Нар. Воли», ни раньше, ни позже не практиковалось.

Мы никогда не приводили этого обстоятельства в качестве аргумента против террора; не приводили потому, что, по нашему убеждению, революционная соц.-демократия не может и не должна руководствоваться предполагаемыми чувствами правительства. Она не должна добиваться ни его уважения, ни снисходительности, ни бешенства, не должна позволить ему ни мягкостью, ни жесткостью влиять на свою тактику ни на ту, ни на другую сторону. Но когда уверяют, что «если мы хотим охранить наших товарищей от насилий и оскорблений», то мы можем это сделать посредством политических убийств, и при этом ссылаются на ту самую историю, которая доказывает как раз обратное, мы не имеем права промолчать. Возможность помочь заключенным товарищам так привлекательна, что для всех тех, кто на-слово поверил бы социал.-революц., эта возможность была бы лучшим аргументом в пользу террора. Но на самом деле и было и не могло не быть как раз обратное. Личный страх, личное бешенство, вызываемое покушениями, могут еще внушить стремление задабривать (чтобы потом надуть) предполагаемых — полустителей - либералов, но уж никак не прямых врагов — революционеров.

«И пусть они тогда выбирают», — говорит «Партия Соц.-Рев.».

В такие времена, когда сверху идут экстраординарно жестокие приказы, «выбор» или, вернее, «подбор» действительно происходит. Робкие люди выходят в отставку, или их смещают. То же случается и с людьми, сравнительно порядочными, как Кононович, отказавшийся играть роль палача при казни карийцев за покушения, происхо-

дящие в Петербурге. Их места занимают проходимцы, способные на некоторый риск, вознаграждаемый большими выгодами.

* * *

«Р: Росс.» желала бы, чтобы мы судили о взглядах «Парт. С.-Рев.» только по ее программным статьям. Такая статья о терроре (в № 7) написана очень осторожно, старается не бить посуды, все оставить на месте и только прибавить отделенную от этого всего... «боевую организацию», занимающуюся «казнями». Но у террора своя логика, заставляющая соц.-рев., говоря о нем, постоянно противоречить своей «программе» и выяснить постепенно самую суть их разногласий с нами по этому вопросу.

Среди этих противоречащих «программе» статей и заявлений в высшей степени характерными являются упомянутая уже нами прокламация и передовая статья в № 12 «Рев. Росс.». Эта прокламация начинается с описания одесского побоища и перечисления ряда других полицейских безобразий и затем об'являет, что во всем этом виноваты именно мы тем, что «в течение 15 лет мы старались убить в себе дух прежнего революционера. Мы вытравили в себе и других всякий протест и своим послушанием дошли до какого-то непротивления злу... Мы никогда не давали отпора... Мы только бумажными жалобами отвечали на все мерзости и гнусности полиции и жандармерии... Мы перестали быть в их глазах революционерами, которые с оружием в руках готовы раньше всего защищать свое достоинство и честь, и нас перестали бояться».

Та же картина нашего ужасающего нравственного падения, от которого нас может спасти только террор, рисуется и в передовой статье № 12 «Рев. Росс.». Не отвечая единичными политическими убийствами на тюремные безобразия, мы развиваем в себе «рабью психологию», подвергаем партию опасности «полной деморализации».

В таком виде представляется соц.-революционерам современное движение, если исключить из картины несколько выстрелов.

А мы убеждены, что только за последние десять лет в России и началось настоящее революционное движение.

В глазах соц.-рев. революционно только действие оружием и, пока сражения на улицах еще не начались, — только террористические факты, а мы именно потому-то и против террора, что он не революционен, что его породила и вспоила в конце 70-х годов не сила, а бесилие революционеров сделать хоть что-либо для приближения революции. Террористы были, конечно, революционерами, но жили в ту неревolutionную эпоху, когда выработавшийся в революционера студент постепенно убедился в невозможности для него выйти за пределы все того же студенчества и соединиться с народом. Вся его вера, все надежды приурочивались к крестьянству, а в результате многолетних страстных усилий оказался только один заметный и осязательный успех: Чигиринское дело, самым своим характером говорившее все о той же невозможности влиять на крестьян. Революционерам, оставшимся до мозга костей революционерами и убедившимся, что упорствовать в стремлении сделать хоть что-нибудь для приближения народной революции значит «биться,

как рыба об лед», собственно говоря, ничего и не оставалось, как сосредоточить все свои помыслы на себе самих, на мести за товарищей, на том, как подороже продать свою жизнь при арестах.

Революционер это человек, готовый раньше всего с оружием в руках защищать свое достоинство и свою честь, говорит «Партия Соц.-Рев.»; он должен убедить правительство, что в его лице оно имеет дело не с поданным... Он должен стараться о том, чтобы правительство его боялось...

«Раньше всего» и на первом плане все это может стоять у революционера лишь в такое время, когда нет растущего и развивающегося движения, и вся революция «сводится на борьбу между полицией и конспираторами», как говорит Андрей Кожухов в романе Степняка.

Когда поле движения непрерывно расширяется, когда работы, направленной на это расширение, больше, чем возможно переделать, революционер «раньше всего» постоянный работник движения, он его должностное лицо, отдающее работе все свои силы. В качестве революционера (а не частного лица) его «достоинство» всецело сливается с достоинствами его работы, а революционная честь в том, чтобы сделать как можно больше. Ему нет никакого дела до чувств к нему правительства. Уже более ста лет, как это правительство постоянно боится революционера, даже тогда, когда его почти нет, и выражает избыток страха в усилении жандармерии и избытке всяких жестокостей. Это у него хроническая болезнь с неизменным лечением. Этот страх нам ни в чем не поможет — нужен иной, действительно спасительный.

Для революционера дело совсем не в том, чтобы убедить правительство в своем персональном неподданстве ему, а в том, чтобы непрерывно уменьшать количество его подданных, но уж никак не единичными убийствами, которыми, даже забросивши всякую другую деятельность, можно истребить лишь десятки, а разливом революционной мысли и революционного настроения в тысячах, пока они не превратятся в миллионы.

Вера молодежи 60-х и 70-х годов в близкую возможность крестьянского восстания основывалась на незнании: чтобы сохраняться, ей нужно было оставаться слепой: от близкого соприкосновения с действительностью она исчезала. Только теперь, когда в России началось действительное брожение, распространяющееся во все стороны, возникло впервые и серьезное убеждение в возможности революции, в ее неизбежности. И это убеждение, выйдя далеко за пределы учащейся молодежи, распространяется все шире и шире, питаясь именно впечатлениями действительности. Оно побеждает скептиков, захватывает даже трезвенных либералов (с прибавлением, конечно: «если раньше не будет дано конституции») и когда проникнет в среду правительственных слуг, оно вызовет, наконец, тот спасительный страх, который ослабляет удары. Широкое распространение убеждения в близости революции — это уже само по себе половина победы.

Что террор тесно связан с отчаянием революционеров в возможности работать для приближения революции, это как будто чувствуют сами писатели «Партии Соц.-Рев.». Только этим можно объяснить их судорожные (быть-может, бессознательные) усилия создать атмосферу отчаяния также и вокруг теперешнего бодрого и полного веры

в себя движения. Позор, позор, позор! кричали они про демонстрации. Партия обесчещена, унижена, оплевана, и как там еще! Даже красное знамя, и то опозорено тем, что его отнимает полиция, которая, на их страницах, все хохочет да хохочет, — уж такая смешливая! Аналогичное употребление делают они теперь и из тюремных историй. Что наша полиция вещь, в высшей степени дикая и зверская, а тюрьма очень неприятна — это что и говорить! Что голодовки в высшей степени вредны для здоровья — это более, чем верно, и революционерам следует серьезно подумать об этом слишком распространившемся способе тюремного протеста, подрывающего силы, которые следует беречь для работы. Но для соц.-рев. из тюремных историй и голодовок вытекает такой вопрос: «Да стоит ли отдаваться живыми в руки, если в тюрьме, быть-может, ждет медленная смерть?.. Зачем бессильно умирать медленную смертью в руках торжествующего врага, зачем замучивать себя самого в порыве отчаянного протеста? Коли смерть, так уж лучше смерть с оружием в руках, смерть, которая обходится недешево и врагу!» («Рев. Росс.» № 12).

На такой отчаянный вопрос простым ответом служит переполнение тюрем, которое теперь происходит. Ведь не то что записного революционера — трудно найти теперь просто порядочного человека, который не посидел бы разок — другой в тюрьме. Слишком вульгаризировалось теперь политическое гонение, чтобы вселять такой ужас, в особенности же «сильным и мужественным натурам», у которых, по уверению «Рев. Росс.», возникает вышеприведенный роковой вопрос. Слишком много теперь для таких натур конкретной работы, дающей осязательные результаты, чтобы они могли предпочитать немедленное удаление в иной мир — жизни в этом, хотя бы и с перспективой тюремных историй и даже побоев за сопротивление. Чтобы такой вопрос пришел в голову «сильному и мужественному» революционеру, надо, чтобы его охватила, через то или другое посредство, нравственная атмосфера былых, безнадежных, к счастью навеки миновавших, времен, когда революционеру ничего не оставалось, кроме такой смерти, «которая обходится недешево и врагу», — надо, чтобы его «живого схватил мертвец».

[В. Засулич]

ШУЛЕРА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА⁴.

Если у вас, читатель, недурное обоняние, вы должны были обнаружить в нашей атмосфере присутствие подозрительных токов «всеславянской» политики...

Снова, о российский обыватель, делается попытка открыть предохранительный клапан официального славянофильства, чтобы дать выход избытку твоих гражданских чувств. Снова, как двадцать пять лет тому назад, газетные подрядчики патриотизма извлекают из своих архивов временно сданные туда, на предмет востребования, идеи всеславянского братства и с шумом и звоном пускают их в оборот...

Недавно Болгария была местом «шипкинских» юбилейных празднеств. Редакциям бесцензурных изданий был разослан циркуляр, который предлагал представителям русской печати, как вообще русским подданным, которые будут присутствовать на означенных торже-

ствах, — «воздержаться от произнесения речей или то-стов», в виду того, что эти права предоставлены лишь е. и. в. вел. кн. Николаю Николаевичу и ген.-адъютанту гр. Игнатьеву... Тому самому Игнатьеву, который, по наглому уверению «Нов. Вр.»⁵, выступал в Болгарии исключительно как частное лицо.

Граф Игнатьев держал себя на юбилейных празднествах с дипломатическим искусством агента-provokatora, который каждую минуту готов предать того, кого ему удалось завлечь своими речами. В настоящее время «С.-Петерб. Вед.»⁶ — газета, у которой много хороших намерений, но обидно мало политического смысла — говорят: «Странно до некоторой степени слышать мнения о том, будто бы шипкинские торжества толкнули Македонию на путь восстания»... (курсив наш). Странно — только до некоторой степени? Значит, «до некоторой степени» все-таки — понятно? Того же мнения и мы. Правда, граф - provokator выразил ту мысль, что для освобождения Македонии еще не наступил благоприятный «психологический момент», — но тут же он указал, что «Россия — духовный и вещественный щит для славянства. В ней живут еще великие идеалы. Она способна еще на новый „крестовый“ поход, каким была война 77 — 78 годов». Оратор - монополист, под лицемерно - двусмысленными словами которого, по уверению «Нов. Вр.», «подпишется всякий русский человек» (тот самый русский человек, которому циркуляром за № 7.784 предложено «воздержаться» от речей), гр. Игнатьев, сыграв свою provokacionную роль, выразил затем в особой телеграмме «сожаление» по поводу «напрасных жертв македонского восстания»: очевидно, нетерпеливые болгары опередили «психологический момент».

Как же держат себя в этом случае наши газетные балканских дел мастера?

Мы оставляем в стороне всеславянскую болтовню «Спб. Вед.», в виду абсолютной невменяемости консервативно-либеральной газеты князя Ухтомского. «Бирж. Вед.»⁷, которые в смысле «отзывчивости» и «впечатлительности» стараются соперничать с «Н. В.», в несколько дней заметно изменили тон своих статей о балканских делах. Только вчера они резко отзывались о македонском восстании, как о несвоевременной и безумной авантюре. Сегодня они говорят уже такие речи: «Менее, чем где-либо, у нас допускают мысль о каких-либо агрессивных планах против Турции, но нет также страны в Европе, где вопли и стоны македонских христиан отзываются более мучительным эхо, чем в России. Политика, упорно не желавшая считаться с естественным сочувствием России к ее единоверцам, всегда оказывалась губительной для империи османов».

«Не подлежит, конечно, сомнению, — иезуитствует на ту же тему «Нов. Вр.», — что каждый сознательный русский искренно желает мира... Но кто же может не знать, что шипкинские памятники освежают и укрепляют в нас ничем непоколебимую решимость остаться навсегда верным заветам, в них содержимым, поддерживать и продолжать дело, за которое страдали и гибли чествуемые нами».

Не похоже ли, читатель, на то, что разбитной газетной братии заказано сверху изготовить «психологический момент»? Но чему послужит этот «момент»? Делу македонского освобождения? Или эксплуатации «славянских» чувств в целях укрепления позиций самодержавной бюрократии? Вопрос, у которого может быть только одно решение.

Поэтому, какое бы сочувствие ни возбудило в нас македонское восстание, мы не можем не отнестись отрицательно ко всякому движению в пользу его активной

ИЗ ЗАПИСОК ПРОПАГАНДИСТА.

I. Борьба.

Я пытаюсь наметить тип рабочего «книжника», «идеалиста». У меня было несколько друзей в этом роде. Двое из них, насколько я знаю, находятся именно в том положении, которое я описываю. Ужасное положение, хуже всякой «Якутки». Хорошо, если они сохраняют возможность писать или получать время от времени по несколько рублей от «Красного Креста». Нередко, к сожалению, эти люди теряют все связи.

Автор.

«И один в поле воин».

С далекого неба на сонную землю снова спустилась ласковая короткая весенняя ночь, накинувшая легкое прозрачное покрывало и на широко раскинувшийся луг и на всплывающую сквозь сон речку, и на холмы, убегающие вплоть до самого горизонта и кое-где чернеющие таинственно затихшими перелесками. Последняя, почти потухшая заря медленно подвигалась к северу. Чуткий воздух жадно подхватывал каждый звук: и торопливый посвист перепела и настойчивый самоуверенный крик коростеля. С реки благоговейно тянулись к небу белые

прозрачные тени; они нагибались к берегу, наплывали на луг и медленно таяли в воздухе.

Стреноженные лошади, пофыркивая, щипали белеющую от росы траву. Приехавшие в ночное ребята уже спали вокруг дымившегося костра. Не спал только высланный из Петербурга ткач Василий да дежуривший эту ночь молодой, здоровый мужик Степан, который обходил лошадей и высокая фигура которого мелькала в прибрежном тумане.

Василий пристально смотрел на угли догоравшего костра, и бледное, худое лицо его казалось еще бледнее в полусвете северной ночи. Он был еще молод: редкая короткая бороденка слабо оттеняла продолговатое лицо его, но выражение серьезных, впавших глаз и очертание бескровных крепко сжатых губ ясно говорили о том, что ему пришлось пережить уже много тяжелых дней, что жизнь не баюкала его, как мать, колыбельною песнью и не заглядывала любовно в душу его, а как злая мачеха толкала его, рвала и метала его в разные стороны. Что-то скорбное, придавленное и бесконечно усталое отражалось на этом лице, которое на первый взгляд казалось таким ординарным...

Он уже несколько месяцев жил в семье своего дальнего родственника, которая косилась на его полугородской костюм, враждебно следила за каждым его шагом, считая завистливо каждый кусок, достававшийся на его долю. От хозяйства отца давно не осталось ни кола

поддержки со стороны русского общества, лишенного тех органов, через которые оно могло бы провести свою коллективную волю. Всякое национальное движение, как только оно перестает быть платоническим, неминуемо проходит у нас через грязные руки царского правительства, которое с собственным народом обращается, как с презренной рабией. Нельзя ни на минуту забывать, что «турецкие порядки в России в течение всего XIX в. были лучшей опорой турецкого господства в Константинополе» (Драгоманов, «Турки внутренние и внешние»).

Турки пытаются македонских болгар в казематах, истязают их в домах, насилюют их жен, их дочерей, их сестер, избивают их детей, грабят их имущество... «Долго ли это может продолжаться?» — негодуя спрашивают «Спб. Вед.».

Но почему же вы молчите, господа, когда ваши домашние курды выполняют ту же турецкую программу на вашей несчастной родине? Разве наши тюрьмы лучше турецких? Разве там не истязают государственных заключенных, — нравственно, а в последнее время и физически? Разве наши солдаты-усмирители не насильствовали жен и дочерей полтавских крестьян? Разве они не грабили их имущества? Почему же не призываете вы к «крестовому» походу против бусурман царизма?

Граф Игнатъев имел нахальство сказать чествовавшему его представителям официальной Болгарии: «Устройте ваши внутренние дела, — и симпатии России будут с вами». Эти изумительно наглые слова были сказаны, читатель, в 1902 г. В том самом 1902 г., когда русское правительство, устроив «внутренние дела», вешало своих граждан, выражавших ему недоверие при помощи пистолетных выстрелов, сражалось на улицах с рабочими, заполняло тюрьмы и Сибирь своими студентами и пороло своих мужиков.

ни двора, а землю на полторы души уже лет пятнадцать держал «за подати» этот самый родственник, который круглый год перебивался с хлеба на квас. Опасаясь за «полторы души», которые он давно уже привык считать своими, он только и думал о том, как бы ему избавиться от неожиданно навязанного ему «барчука». Василий никогда раньше в деревне не жил и не умел даже рук приложить к деревенской работе. Отношение хозяина сделалось прямо злым, когда он понял, что слабосильный, слабогрудый «барчук» является решительно ненужным в его хозяйстве. Василий живо чувствовал всю униженность своего положения, а мелкие придирки и насмешки, самое название «барчук» часто выводили его из себя. Весь строй его жизни резко изменился, и он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что в кармане его никогда не было ни копейки своих денег: пришлось отказаться даже от махорки, приходилось приходить к лаптям. Но хуже всего было то, что он не видел кругом себя ни одного человека, с которым он мог бы перекинуться душевным словом; он чувствовал себя глубоко одиноким и затерянным в глухой деревушке, к которой был приписан его отец. Все это делало его жизнь в деревне совершенно невыносимой, и он часто с тоскою и сожалением вспоминал о том времени, когда он изо дня в день должен был задыхаться на пыльной фабрике и в петербургской квартире, битком набитой фабричными.

И это самое правительство парадит в тоге освободителя. А «руководящие» русские газеты создают благоприятный «психологический момент» этим политическим шулерам, спекулирующим во внутренней политике на македонскую кровь.

Те из восставших болгар, которым нужна свобода, а не замена турецкого ятагана всероссийской нагайкой, поймут наше отношение к их делу, как и мы вполне понимаем слова генерала Цончева: «Восстание будет потоплено в крови... Но встанет новый мститель, и освобожденный македонец сможет сказать, что он обошелся без помощи, которая часто стоит так дорого»...

Вот почему друзья свободы должны употребить все усилия, чтобы славянофильское шарлатанство правящей клики и ее газетных молодцов было оставлено революционными и оппозиционными силами нашего общества «без последствий».

[Н. Троцкий]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В ТЮРЕМНЫХ ЗАСТЕНКАХ.

Из разных мест приходят новые и новые вести о возмутительных насилиях, которым подвергаются политические заключенные. Нет никакой возможности помещать в газете все описания диких беззаконий царских холопов. Мы ограничиваемся поэтому для этого номера двумя сообщениями — из Александровска, Екатерин. губ., и из Гродны.

Бешенство, проявляемое нашими врагами по отношению к пленным, не может, само собою разумеется, слу-

У костра снова выросла фигура Степана с рваным армяком на плечах и с смятым картузом на затылке. Он поправил костер, подложил несколько хворостин в огонь, взял заскорузлыми пальцами уголек и закурил «цыгарку», осветив на минуту сильно загорелое и изрытое оспой лицо. Он еще раз оглянулся на широкий луг, который под туманной дымкой раздвинулся, казалось, чуть не до самого горизонта, и глубоко вздохнул: «Эх, простору-то, простору-то сколько! Благодать!».

— Ты чего, барчук, не спишь? — обратился он к Василию. — Чего тебя нынче урядник опять облаял? а? — прибавил он, расстелив армяк и растягиваясь на нем во всю длину.

Василий зашевелился.

— «Урядник-то? Сволочи! — медленно, словно через силу, проговорил он: — за письмо; письмо, вишь, начальству не понравилось».

«Братишка у меня в Питере остался. Мальцу девятый год пошел. Малый с мозгом: все как есть понимает».

«Мать - то, как помирала, на меня оставила, — как сейчас помню, — господом богом молила... Ему тогда третий год шел. Отец, коли помнишь, всегда выпивал, а тогда начал горькую пить... Мать на него и не надеялась».

«Я с мальцом, как с сыном родным: грамоте обучал и все... Ласковый был мальчонка: обед мне на фабрику таскал, чулки штопать обучился».

жить достаточным основанием для перемены нашей партийной тактики. Но все факты дикого произвола политической и общей полиции должны в руках наших организаций послужить средством агитации в рабочих массах и в обществе. Исчерпывающий ответ на бросаемые нам врагами вызовы мы им дадим тогда, когда начнется разрушение народной толпой русских бастилий. Это время не за горами. Наш долг приблизить его наступление.

I. Истязание тов. Голуба в Александровске.

(Рассказано с его слов.)

30 апреля Голуб приехал в Екатеринослав и, оставив чемодан у Каплана, был арестован на улице городовым по указанию шпионов и препровожден во 2-й участок. При обыске у Каплана, в чемодане, оставленном Голубом, оказались 844 первомайских прокламации. На вопрос исправника, откуда и кому он это привез, Голуб сказал, что будет отвечать только жандармскому офицеру. Исправник не ожидал такого ответа, а потому разразился целым потоком нецензурных ругательств. Видя, что и эта мера ни к чему не приведет, надзиратель Поручко, после непродолжительного совещания с исправником Бернадским и достойным помощником Анфиловым, обращается к Голубу, предлагая ему немедленное освобождение и 100 руб. денег от исправника, если только он скажет, где он взял прокламации и кому привез.

«Слишком дешевый способ вы предприняли, милостивый государь, — с улыбкой ответил ему Голуб, — повторяю, что показания буду давать только жандармскому офицеру». Квартиру осаждала толпа любопытных. Голуба отправили в полицейское управление.

В полиции, после нового отказа Голуба отвечать на вопросы, его избили. Били исправник Бернадский, помощник его Анфилов и надзиратель Поручко по лицу и голове кулаками; когда же и эта мера не привела ни к чему, Анфилов, проявивший усердия в этом деле больше всех, велел принести нагайку, говоря, что теперь Голуб станет поговорчивее.

Голуба раздели до-нага, положили на скамейку; городовым: Гуртовскому и Кириенко и др. велено было держать голову и ноги. На этот раз били только Анфилов

и Поручко. Бернадский же допрашивал. Истязания длились часа два. При пощечине Голуб ступил было шаг вперед к Анфилову, но сзади на него навалилось шесть городских и связали ему руки.

На требование Голуба о вызове врача для освидетельствования ответили смехом.

3 мая был у нас товарищ прокурора Рейхер. Выслушав жалобу Голуба, он что-то записал у себя в книжку и сделал распоряжение об освидетельствовании его. На следующий день прибыл городской (полицейский) врач М. Л. Гар, освидетельствовал Голуба, но не нашел следов истязаний (!), так, по крайней мере, сказано в протоколе освидетельствования, тем не менее, Гар прописал Голубу лекарство.

II. Письмо рабочего из Гродненской тюрьмы.

Нам передают, что в Одессе циркулируют неверные слухи о жестокой администрации нашей тюрьмы, что там не знают, верить или не верить этим слухам, которые представляются прямо-таки чудовищными. Мы спешим настоящим письмом поведать товарищам действительное положение заключенных в Гродненской тюрьме. Нас, 18 человек, после 12-дневной голодовки в Одесской тюрьме выслали в Гродну. Уехали мы, не прошившись с родными, без платья, белья, сапог и без денег на дорогу. Правительство, боясь сочувственных демонстраций со стороны товарищей, во всех городах при встрече с нами, вело переправить нас в Гродну как можно поскорее и секретнее. Вследствие этого нам не дали известить родных об отъезде. Никакие протесты и требования не помогли. Жестокость этого поступка станет яснее, если мы примем во внимание, что большинству высланных предстоит из Гродны отправиться в Сибирь.

Во исполнение приказа «свыше» — перевезти нас без шума, — нам не было объявлено, куда нас отправляют. Узнали мы это только в двух станциях от Гродны. В конторе Гродненской тюрьмы нас начали поодиночке обыскивать. Обыскивали в присутствии начальника в отдельной комнате. Вызвали первым товарища С. Р. Вскоре мы услышали шум из той комнаты, куда вошел Р. Мы подошли к дверям и начали прислушиваться. Оказалось, что

«Бывало, соберутся ребята потолковать, сидишь до поздней ночи, никогда не уснет: слушает. Как с обыском пришли, полез городской к нему под подушку, он городовому палец-то и укусил. В протокол занесли: „при исполнении служебных обязанностей“...»

«Да! И забрали малого в какой-то приют для исправления (шибко, говорят, порют ребят там). Окромя его, у меня и родных почитай и нету. Сердце у меня об нем каждый день болит: изуродуют, гляди, малого: либо из него лакея, либо жандарма сделают. А я матери обет дал. Ну, и нет мне больше покою, — ни день, ни ночь...»

«И написал я ему, стало-быть, письмо: помни, мол, о наших разговорах и на свою башку надейся, и знай, что обманывать тебя много будут. Письмо это и попадись по начальству: не понравилось! Уряднику беспокойство, он и норовит в зубу. Ну, а я тоже виды видал»... Василий замолчал.

— Пороть тебя, слышь, будут! — сквозь зубы пробурчал Степан.

Василий привстал и нервно запахнул свой армяк. Усталое скорбное выражение исчезло с лица, глаза ожились, а губы трогала насмешливая улыбка.

— Насчет этого у вас, действительно, просторно, — проговорил он совсем другим голосом, — только нет! Убить меня вы можете, а насчет телесного наказания... Не-нет! Посторонись...

Он отодвинулся от огня и быстрым движением сдвинул картуз на затылок.

— «Просторно у вас, что и говорить, — только благодать-то от простора этого не на вас нисходит! Захотел писарь корову со двора свести — сведет! Приглянулася становой баба — изволь! Потому простор и препятствий никаких не полагается... Не понравился старичкам твой обычай, — ставь ведро очищенной! Надоела хозяйину жена-старуха, — а вожжи на что? — бей, сколько влезет! Просторно — благодать!

«А только у меня от этого простору вашего душа вся измаялась... На три версты человека не сыщешь, листа печатного с огнем не найдешь! Либо бежать мне от простору вашего, либо руки на себя наложить... Вот!».

Василий снова опустился на землю. Голос его сделался ровнее и гуще, точно прямо из груди выходили слова.

— «Тесно у нас там было, что и говорить. На квартире народу напихано, — не продыхнешь. А только все мы там сгрудились, все заодно. — И в тесноте мы и в обиде, а только в тесноте этой правда слышится... Слышь, Степан? правда... А вы тут правды этой никак понять не можете! А сколько про правду это написано, про все написано: и как человек раньше жил, и как до нынешнего положения дошел, и как жить будет, и как жизни новой добиваться надобно. Попадется книжка хорошая, — дух захватывает, — и начинаешь это понимать, что и как, — словно просветление тебя охватит, — гени-

начальник вздумал обращаться с товарищем на «ты», последний протестовал против этой грубости. Увидя, что мы возмущены и возбуждены его дерзостью, начальник шепнул что-то на ухо старшему надзирателю, и тот вышел. Через четверть часа к нам в контору вошло 20 вооруженных солдат и надзирателей «на всякий случай».

Р. увели. Мы в тот момент думали, что его повели в камеру, но, как оказалось впоследствии, его прямо из конторы потащили в карцер на 7 суток. И это после 12-дневной голодовки и 2-суточной езды по железной дороге в душном тесном вагоне. Несмотря на то, что у нас следствие у всех давно кончилось и в Одессе мы сидели в общих камерах и гуляли вместе, нас здесь разместили по одиночным камерам и постарались разорвать всякие сношения между нами. Всякий революционер, вступая в движение, заранее знает, что, в случае ареста, ему нечего ожидать себе пощады от царского правительства. Он знает, что царские опричники постараются дать ему почувствовать всю тяжесть силы, орудующей штыками и нагайками. Знает он также и то, что, попадая в тюрьму, революционер вынужден продолжать ту же тяжелую борьбу со своим заклятым врагом — правительством, которую он ведет на свободе. Такая борьба ведется в настоящее время во всех тюрьмах России. Но успешна она бывает только тогда, когда она ведется дружными и общими силами. Примером такой доблестной борьбы может послужить Одесская тюрьма, которая за два года превратилась из ада в «гостиницу», как ее называют те, которые сидели при ее строгом режиме. Неуспешность нашей борьбы в Гродненской тюрьме объясняется сильнейшим физическим истощением после 12-дневной голодовки и полнейшим неведением об участии других товарищей. Бороться пришлось каждому в отдельности, а потому было очень легко с нами «сладить».

А бороться было против чего.

Начать хотя бы с того, что нас лишили табаку, давали самую отвратительную пищу, сырой хлеб, перемешанный с песком, вызывающий такую тошноту, что многие из нас предпочитали есть его раз в два дня, а остальное время голодать. Койку на целый день закрывали, несмотря на то, что все еще держались на ногах от страшной слабости после голода. Но все эти лишения кажутся незначительными, в сравнении с наглым обращением начальника

тюрьмы с нами. Мы теперь приведем несколько примеров такого обращения. На другое утро по прибытии в Гродненскую тюрьму большинство из нас сидело по карцерам за нежелание подчиниться приказанию надзирателя сойти с окон. Наказывали нас, не предупреждая о «проступках», влекущих за собой наказание. Обыкновенно это происходило следующим образом:

Заключенный стоит у окна и разговаривает с товарищами. Открывается дверная форточка, и надзиратель кричит: «Слезай с окна!...». Следует ответ: «Не хочу!».

Форточка захлопывается, и через десять минут входит начальник в сопровождении целой толпы надзирателей, и непокорного тащат на 7—8 суток в душный, темный карцер, где воздух — за отсутствием какой бы то ни было вентиляции — весь отравлен миазмами и где приходится питаться одной только вонючей водой, которая приносится один раз в два дня, лежать на голом полу, без одеяла и пальто, отдавая себя на съедение крысам, которые покрывают твоё тело и грызут его.

Начальник ведет себя при этом самым возмутительным образом. Входя в камеру, не снимает фуражки. Заключенный требует, чтобы он ее снял. — «Не тебе учить меня», — отвечает он.

Выслушав такой ответ, товарищ одевает демонстративно свою фуражку. За такую «дерзость» его сейчас же наказывают «лишением переписки с родными на целый месяц». Вообще, нужно заметить, что начальник очень «компетентен» (как он сам сказал одному товарищу) и изобретателен на всякие иезуитские наказания. Лишение прогулки, выписки провизии из лавочки, письменных принадлежностей и переписки с родными и т. д. и т. д. служат ordinарным средством для наказания непослушного. Заходит он к одному товарищу, чтобы наказать его за «перестукивание» с соседом, обращается при этом на «ты» по обыкновению. — «Я требую, чтобы вы мне говорили „вы“, а не „ты“, — заявляет ему оскорбленный товарищ. — «Я твой начальник, а ты мой подчиненный, поэтому не тебе учить меня», — отвечает зарвавшийся опричник. Несмотря на тяжелое состояние духа, товарищ не может удержаться от смеха при мысли, до каких чортиков доходило «царские слуги» в своих отношениях к представителям «крамолы». Начальник, уже выходя из камеры, доба-

альность твоя просыпается, слаще меду это показывается. И чем мы силу в себе, чем силу промежду себя. Сегодня промолчим, завтра промолчим, а там как один человек поднимемся. И всякий это очень хорошо понимает: и рабочий, и хозяин и полиция... Ну, нахальники-то и опасаются...

«Толстая книжка есть, — трудно понимать, — а стараешься, понимаешь. Ночи сидишь — допытываешься. А прочитал одну книжку, другую, — приобщишься и начинаешь это до корня все понимать. И ничего-то, ничего сладостнее этого и придумать невозможно...

«Сложилась мы: кто гривну, кто полтинник. Люди есть, которые и книжку тебе укажут и растолкуют, ежели что. И поднимается душа твоя и человеком ты себя понимаешь, а потом настоящую книжку принесут, запрещенную, где она, правда, так вся и выписана.

«Накопилась у нас этакая целая горка... Книг-то... И пришли они и забрали... Все забрали, до последнего листочка, — и дозволенное и недозволенное... Ничего не осталось, все пропало... Все разбили, все смяли... Всех разослали, — кого куда... Камня на камне»...

Слезы подступили к горлу Василия, и он уткнулся лицом в мокрую траву. Он старался сдержать накопившиеся в груди рыдания, судорожно хватаясь за траву и вырывая ее клочьями из земли.

Степан неподвижно лежал на армяке, закинув руки за голову, и смотрел на бледнеющие звезды. Ни один мускул не двигался на его нахмуренном лице.

— «Боятся они вас, народ-то вы того, — самоуверенно и тихо сказал он: — все мину, слышь, подводите под них.

Василий быстро подвинулся к Степану, слова которого поразили его своею неожиданностью. Две слезы остановились на его бледных щеках, но плакать ему более не хотелось.

— «Мину? Какую мину?! Мы и думать-то об мине не думали.

«И не нас они боятся: сегодня мы здесь, а завтра и нету никого. Идеи они нашей боятся, правды нашей. Ты пойми»...

Он вплотную придвинулся к Степану; настойчиво и упрямо он передавал ему фразу за фразой, отчеканивая каждое слово, всю душу свою вкладывая в свои речи.

— «Вы вот здесь стоите и никакого понимания не имеете и не видите, как они паутиной-то вас кругом опутали, — хитро и очень даже остроумно...

«Заслониться совсем от правды, как от солнца, не могут — ну, и пиши ты об ней так, чтобы и понять-то нельзя было, пиши толстые книжки, да мудреные, да дорогие, чтобы и подступу к ним нашему брату не было. А напишешь попросту, и печатать не дадут, да и самого утопят. И топят, топят они людей... — Василий волновался все больше, все настойчивее рассказывал он, как «они» душат мысли и людей, — везде: и в городе, и в деревне, и в деревенской школе, и в академии,

вил: — «Притом, ты разве князь или граф, что требуешь вежливого обращения? Ты, ведь, мешанин, а потому я буду обращаться с тобою грубо и буду говорить тебе „ты“».

В другой раз с тем же товарищем приключился сильный припадок от долгого сидения в карцере и от сильного истощения организма, вследствие питания через день сырым хлебом. Медицинской помощи не давали, и он в конвульсиях бился в течение двух часов на холодном полу.

Пришел начальник и, видя, что больной не встает, толкнул его ногой с криком: «Встать, сказано, ведь, тебе, что нельзя валиться на полу»... Последний очнулся, и вся его ненависть, все его негодование к своим мучителям-тиранам вылилось в один душу раздражающий крик: «Не мучьте меня, негодяи!..».

И он впал в беспамятство... — «Ташите его», — последовал ответ палача-начальника. И его потащили в карцер...

Карцеры постоянно были переполнены. Захотели нас насиловать — стричь под машинку № 1. Мы протестовали и не хотели идти в контору, где находится цирюльник; нас посадили в карцер и остригли.

Приказали на прогулке вести себя чинно, т. е. не разговаривать, не смеяться и складывать руки на груди и не размахивать ими; не соглашаемся — карцер.

Нужно заметить, что вершителем судеб в Гродненской тюрьме является исключительно начальник. Никакие жалобы не ведут ни к чему, отовсюду следует один ответ: «Нужно слушаться начальника». Начальник заявляет: «Мне приказано вас исправить».

Мы закончим это краткое письмо упоминанием о тюремном докторе. Этот господин является поистине апокалиптическим чудовищем. Он не верит ни в какие болезни. Совет его один товарищ, страдающий пороком сердца. Доктор берет его за руку, смотрит на нее и заявляет, что «еще ничего» и для такого пустяка очень глупо было его «беспокоить».

Другому на его заявление, что он страдает невралгией, следствием чего у него бывают частые припадки и обмороки, этот муж отвечает, что он при его припадках не присутствует, а потому ничем ему не может помочь — тут же велит надзирателю «подать себе другого». Посещает

он тюрьму один раз в неделю, а то и раз в три недели. В остальные дни умирай — не умирай, а медицина, в лице своего служителя, находится в отъезде.

Таково в кратких словах положение заключенных в Гродненской тюрьме.

Рабочий.

Р. С. Почти у всех заключенных анемия мозга, сам автор настолько разбит и слаб, что даже вспомнить всего еще не в силах. Потом только обнаружатся все страдания, пережитые товарищами, посланными по распоряжению г. Поллана на «исправление» гродненскому начальнику.

Протест защитников. Кроме заявления, помещенного в № 26 «Искры», другими защитниками крестьян в Валках были поданы несколько иные заявления:

I.

В Особое Присутствие Харьк. Судебной Палаты.

Присяжных поверенных Г. Г. Гонтарева и В. П. Куликова

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Правительствующий Сенат по Уголовному Кассационному Департаменту в решении 1873 г. № 32 по делу Алимова разъяснил, что в случае, если подсудимые до суда понесли наказание за судимое деяние в ином, не судебном (дисциплинарном или административном) порядке, то это последнее принимается судом во внимание при определении судебной меры.

Из разъяснений, данных нам, как защитникам, подсудимыми, мы убедились, что они несудебное наказание уже претерпели в форме сечения. Это обстоятельство мы считаем, по указанным выше основаниям, настолько существенным для дела, что в безусловный долг себе поставляем принять к полному выяснению его на судебном следствии все меры, преподанные Уст. Угол. Суд. имп. Александра II. Принимая затем во внимание, что этого

и в церкви и в театре. — На каждое слово смраду напустят, над каждым человеком надсмеются, надругаются.

«Свободы они боятся... Вот! От свободы смерть им... Для себя простор — от берегут, чтобы помехи им не было, чтобы им, толстопузым, безобразить вольготней было. И безобразят они и нахальничают, и безобразно нахальству их конца — краю не видно.

«Так пойми ты: ведь нужно их нахальничанию предел положить? Нельзя, пойми, нельзя, силы нету это терпеть! Ты пойми»... — Он нагнулся к Степану, крепко схватил его за армяк; он старался заглянуть ему в самые глаза, в самую душу.

Степан приподнялся и грубо, злобно отбросил его в сторону:

— «А ты не напирай! Чего навалился?»

Слова застряли в горле ткача, и он опять опустился на траву.

Мертвая тишина охватила их. Последние звуки исчезли: затих даже неугомонный перепел. Вся природа с изумлением смотрела на эту страстную борьбу двух людей; точно понимала она, какая важная, огромная борьба ведется здесь, точно она внимательно следила за этой борьбой и, затаившись, с нетерпением ждала исхода. Только туман попрежнему волнами поднимался с реки и подвигался все ближе и ближе, да какая-то насмерть перепуганная пичуга с тревожным щебетом промелькнула над костром и снова исчезла в темном воздухе.

Василий снова приподнялся. Нервная холодная дрожь пробегала по его телу. Душа его, как птица, билась в темноте и искала выхода. Ему нужно было, чтобы кто-нибудь понял его, ему нужно было завоевать себе товарища: иначе (это было ему ясно) — иначе чувство одиночества и затерянности задушило бы его.

— Господи! И отчего вы не понимаете? (голос его звенел). Ты, Степан, глянь только, сколько обиды кругом, — сколько обиды кругом, сколько издевки. Ведь вас, как скотину, обратали, хомут вам на шею надели: ворочай, гни, сей изо дня в день, из году в год... А у вас, как у скотины вашей, только ребра наружу. Сели вам на шею и кнутом погоняют — и десятский, и сотский, и земский, и пан: тащи, мужик, в казну, тащи, мужик, в кабак! Ведь и мысли все ваши связали, и глотку грязью заткнули, и в навозе вас вывалили... А вы... а вы... а вы понимать не хотите, а вы понять не можете. И подходу к вам нету: загородились... Захоронились... — Его напряженный звенящий голос долго еще звучал среди ночной тишины.

Из-за костра приподнялась маленькая высохшая фигура старика с желтым и сморщенным, как выжатый лимон, лицом, с маленькими злыми глазами и с жесткой, редкой, как у китайца, бородой. Казалось, он поднялся из-под земли, и земля прилипла и на согнутых пальцах его и между глубокими морщинами его лица. Он уставился глазами на Василия, и губы его быстро жевали.

долга защитников мы не можем выполнить вследствие категорического запрещения г. председателя касаться при допросе свидетелей этого важнейшего, с нашей точки зрения, предмета, мы не находим возможным лишь формально занимать место защиты, не выполняя ее священнейшие обязанности — принимать все законные меры к облегчению участи подсудимых, почему и считаем себя нравственно обязанными оставить залу заседания.

II.

В Особое Присутствие Харьк. Судебной Палаты.

Бывших защитников крестьян Карловской волости Андрея Тарона и др. прис. повер. Н. Н. Переверзева и пом. прис. пов. М. Б. Ратнера, М. В. Шейнмана и Б. Г. Барта

ПРОШЕНИЕ.

В заседании Особ. Прис. Харьк. Суд. Палаты в г. Константинограде 5 октября 1902 г. по делу об обвинении крестьян Андрея Тарона и друг. по 269 ст. Ул. о нак. прис. пов. Н. Н. Переверзев от имени нас всех, бывших защитников, заявил об отказе нашем от защиты подсудимых. В виду особенной важности для нас этого момента судебного заседания, мы имеем честь почтительнейше просить Особ. Прис. приобщить к протоколу по вышеозначенному делу точный текст заявления, сделанного от нашего имени Н. Н. Переверзевым: «Защита со слов подсудимых и из показаний свидетелей, данных на суде, пришла к убеждению, что обвиняемые совершили тайное похищение чужого движимого имущества на сумму менее 50 руб., т. е. деяние, предусмотр. 769 и 170 ст.ст. Ул. о нак., налагаемых мировыми судьями, далее, что деяние это было совершено подсудимыми в пределах их волости и, как таковое, на основ. 17 ст. Врем. правил о волостных судах, подлежит ведомству волостного суда. С другой стороны, защите со слов подсудимых известно, что за совершенные ими деяния они, по распоряжению губернатора, подвергнуты были тяжелым телесным наказаниям, далеко превосходящим высшую норму наказаний, налагаемых по приговору

волостных судов, — 20 ударам розог. В виду этого, защита, руководствуясь ст.ст. 135, 153 и 144 Ул. о нак., решениями Правительствующего Сената по делам Керянова (1867 г. № 347), Алимова (1873 г. № 32) и Кучеркова (1871 г., № 1312) и в силу основного принципа уголовного права, что никто не может быть дважды наказан за одно и то же деяние, считает необходимым выяснить, кто из подсудимых и в какой мере был подвергнут телесным наказаниям, и просит Палату дополнить судебное следствие выяснением этих обстоятельств», и после того, как председательствующим изложенное ходатайство защиты было отклонено, Н. Н. Переверзев, от имени нас всех, заявил след.: «Так как обвиняемые признали себя виновными в краже сена из экономии Карловки и так как это сознание их вполне подтверждается обстоятельствами настоящего дела, то защита усматривает единственное средство, могущее служить к облегчению участи подсудимых в указании на то обстоятельство, что они понесли уже за свои деяния наказание, далеко превышающее меру ими содеянного. Но вы, г. председательствующий, запретили нам касаться этого. Считая это запрещение стеснением законных прав защиты и, вместе с тем, лишенные единственного средства, которое осталось в наших руках для ограждения интересов этих несчастных (защитник указал на подсудимых), мы вынуждены заявить Особ. Прис. Харьк. Суд. Пал., что, не находя возможным с настоящего момента исполнить, согласно требованию закона и нашей совести, обязанности наши по отношению к подсудимым, мы отказываемся от их защиты». Присяж. пов. Н. Н. Переверзев и пом. прис. пов. М. Б. Ратнер, М. В. Шейнман и Б. Г. Барт.

Духовенство старается.

Копия.

Предложение духовенству херсонской епархии. Конфиденциально.

В циркуляре херсонского губернатора от 22 мая сего года, напечатанном в газете «Юг», находится следующее сообщение: «По имеющимся у меня сведениям за последнее время в пределах Херсонской губернии в селах и деревнях стали появляться злонамеренные лица, с целью воз-

Черная, как смоль, бороденка клином шевелилась, точно живая.

— Да! И в навозе вывалили и разорили нас... Это так! — прошамкал он. — А ты кто такой объявился, понятливый! Проповедь-то отчитываешь, а в бога не веруешь. Мимо храма божьего идешь, шапку на затылке бережешь. По-твоему, кто его, бога-то, выдумал, а? Пор-р-роть тебя, парень, надуть, вот что!

Степан медленно поднялся на ноги и, не глядя на Василия, злобным изменившимся голосом сказал ему:

— А ты не напирай! Навалился, как медведь на козу. Не напирай, дай срок!

Он медленно пошел к реке, и фигура его быстро потонула в белом тумане, только черный след остался на росистой траве.

— Вот! Слышал, что тебе малый сказал? — продолжал старик: — не напирай — вот! А то плохо тебе, парень, будет: дай срок...

— А ты, старая ворона, — громко ответил Василий, — в чужую борозду не лезь, своей придержишься!

Он быстро с головою закутался в армяк и лег на землю.

— Дай срок! Дай срок! — ворчал старик, укладываясь в свою очередь.

И природа перевела дух: пахнуло ветерком, где-то заквакала лягушка. Костер еле дымился.

Когда Василий проснулся, солнце уже торжественно поднималось над горизонтом. Ребята, громко переключи-

каясь, ловили лошадей. Степан угрюмо и сосредоточенно распутывал своего серого мерина. Положив на него армяк, он неуклюже взобрался на спину мерина и под'ехал к Василию.

— Вставай, Васька: день! — громко сказал он и, нагнувшись и глядя Василию прямо в глаза, таинственно прибавил: — А ты не напирай: сроку дай. Да при стариках остерегись: беды наживешь. Снохачи! — прибавил он как бы в пояснение и ударил мерина веревкой. Мимо пронеслись с топотом и криками возвращавшиеся домой ребята.

Василий глубоко вдохнул свежий воздух. Еще не высохший луг весь сиял и переливался в солнечных лучах, где-то в небе радостно трепетал жаворонок, а вдали звонко ржал отбившийся от табуна жеребенок.

Василий удивленно смотрел на все это; он как будто в первый раз заметил, сколько жизни разлило кругом, и он чувствовал, что и в нем прибыло и жизни, и веры, что и он не будет более себя чувствовать таким одиноким среди зеленеющих полей. Измученное лицо Василия несколько оживилось.

Н. Л. К.

буждения крестьян к аграрным беспорядкам. В народе распространяются нелепые слухи о каком-то наделении земель, возбуждаются превратные толки о значении частной собственности, а бывшие беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях возводятся чуть ли не на степень подвига крестьян, получивших будто бы при этом большие выгоды. — Такое опасное положение крестьян, конечно, не должно, да и не может оставаться в неизвестности для приходских пастырей, которые, как ближайшие приставники, благодатью божиею призваны быть учителями народа и долгом своей священной службы обязаны предотвращать во вверенных им приходах всякие неблагоприятные, а тем более преступные, влияния своевременным разъяснением их незаконности, вразумлением заблуждающихся и нравственным умиротворением совести совращенных с мирного пути общественной жизни. Для этого духовный пастырь, внимательный к своему долгу и заботливый о нравственной пользе своих прихожан, может воспользоваться церковными проповедями и внебогослужебными собеседованиями и частными с каждым из прихожан сношениями, соблюдая однако ж при этом крайнюю осторожность, чтобы, разъясняя преступность и гибельность противообщественного направления, преждевременно не ознакомить через это людей, еще не зараженных им, и, вместо отклонения от угрожающего зла, не ввести их в соблазн и искушение, так как все запрещаемое, по нравственной порче человека, сильно влечет к себе, особенно, если при этом еще имеется расчет на какие-нибудь материальные выгоды или мнимое улучшение условий общественной жизни. Священник с тем большим удобством может подметить среди своих прихожан какое-либо недоброе направление, обусловливаемое ложными слухами или же тайными внушениями разных прохождений, чем ближе он себя поставит к ним не только в служебных (официальных) отношениях, но и в самой жизни, когда будет стараться для них быть внимательным к их духовным и телесным нуждам наставником и руководителем, добрым отцом, пекущимся об их благе и во всякое время готовым разделить с ними радость и горе. То доверие и даже любовь, которые он возбудит к себе в прихожанах своею близостью к ним и обходительностью, дадут пастырскому его слову не только твердость и убедительность, но и такую духовную силу, против которой не возмужают успешно действовать никакие подпольные внушения людей злонамеренных. В случаях особенных, когда или слово пастыря окажется бессильным для нравственного воздействия на заблуждающихся или вредные внушения глубоко пустяк корни в приходскую среду, священник обязан совершенно секретно доложить о том архиерею, обстоятельно изложив сущность дела и подробно описав положение своего прихода, присоединив к сему и то, какие меры он сам употребил к исполнению лежащей на нем обязанности духовного просвещения своей паствы. Таким образом, при помощи выше, возникающее зло, если уже не будет искоренено, по крайней мере, будет, насколько возможно, ограничено в своем распространении и ослаблено в своей силе. И на нас всех — пастырях духовного стада христового — не сбудется грозное слово господя, реченное через пророков (Иезекииля 34 гл., Иеремии 23 гл., Захария 11 гл.). — Июня 11 дня 1902 г.

Иустин, архиепископ херсонский и одесский».

Надо думать, что архиереи станут препровождать доносы священников «совершенно секретно» в соответственные учреждения, которые будут ссылаться уже не на 34 гл. от Иезекииля, а подобающую статью «Уст. о пресеч. и предупр. прест.».

Вильна. В ноябре прошлого года, везая в Вильну, фон-Валь в своей «программной» речи отрекомендовался «службой царевым», обещая показать инородцам, что значит твердая власть. Задача выполнена блестяще. Теперь, в венце из окровавленных розог и ореоле виселицы, получив 16 тыс. рублей на лечение ран, возведенный в товарищи Плеве и сделанный начальником жандармов, — он выехал из Вильны, оставив город и губернию на положе-

нии усиленной охраны. Перед отъездом, однако, этот нравственный калека, вошедший во вкус человеческой крови, еще раз потешил себя порокою: он приказал высечь 20 мальчуганов-сирот, питомцев «Воспитательного дома младенцев Иисуса» (sic) за оскорбление зрителя. Врач заведения, Андреяшев, отказавшийся санкционировать экзекуцию, отстранен от должности.

15 октября, при открытии действия городского присутствия по набору новобранцев, военный врач Ерофеев отказался принять руку, протянутую ему сподвижником Валя городовым врачом Михайловым, и заявил о нежелании знакомиться с подобным господином; проглотив оплеуху, этот врач-городовой побежал к военному начальству с жалобой, в результате чего Е. устранили и заменен другим, более покладистым. Это заявление элементарной порядочности трактуется либеральной частью общества как акт величайшего гражданского мужества; все рады, что нашелся хоть один человек, плюнувший в лицо этой гадине; но открыто выразить сочувствие и солидарность с Е. не решился до сих пор никто даже из врачей. О, мудрые, дряблые либералы!!

Воронеж. (Из частного письма.) «У нас тут в Воронеже разыгралась недавно целая история. Здешний уездный комитет о нуждах сельско-хозяйственной промышленности составил доклад, где говорится о необходимости развития местного самоуправления, и во главе его „всероссийское земство“ с правом избирательной инициативы; затем, о необходимости гарантий личной свободы, свободы совести, печати, слова, собраний, о национализации земли и т. д. На заседании комитета один член его, С. В. Мартынов, уездный гласный и земский врач, предлагал комитету признать себя некомпетентным органом для решения вопроса о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, так как состав комитета случайный, зависящий от благоусмотрения администрации и юридически не пользующийся никакими правами. Но, рекомендуя признать себя некомпетентным, Мартынов предлагал, в виду крайне ненормального положения не только Воронежской губернии, но и всей страны, рекомендовать правительству созвать совещание из выборных от всего населения, гарантировав выбранным неприкосновенность их личности за все то, что они будут говорить в представительном собрании. Другой член комитета, гласный и известный педагог Бунаков, предлагал комитету разойтись, так как положение страны настолько безотрадно, что без радикальных перемен всего политико-экономического строя России говорить о частичных агрикультурных мероприятиях не только бесполезно, но и вредно, так как это только отвлекает от насущных вопросов. Комитет не согласился с мнениями Мартынова и Бунакова и выработал упомянутый выше доклад, принятый комитетом единогласно. Затем доклад был передан, в числе прочих, в губернский комитет, где его должны были обсуждать, так как губернатор допустил его в число докладов, подлежащих рассмотрению губернского комитета. Все это происходило в сентябре и октябре месяцах. Публика, сразу заинтересовавшаяся всеми этими вопросами, помаленьку приходила в норму и стала уже забывать... как вдруг в самых последних числах октября губернатор получил запрос, кто ответственное лицо за доклад Воронежского комитета. Алисов, уездный предводитель дворянства, председательствовавший в комитете, сказал, что всю ответственность он принимает на себя. Губернатор только что получил двухмесячный отпуск за границу, скачет к Плеве в Ливадию. Оттуда телеграммой вызывает Алисова. 26 окт., по телеграмме из Питера, делают обыск у Бунакова и Мартынова. От Бунакова берут подписку о немедленном выезде в Спб., а Мартынова арестовывают и везут туда же. 1 ноября приехал тов. мин. вн. дел Зиновьев для расследования всего этого дела. Губернатор уволен. Все члены комиссии, составлявшей доклад комитета, приглашены быть 1 и 2 ноября в Воронеже для беседы с Зиновьевым»...

Херсон. Давно уже (с самого 1899 г.) стало замечаться среди старших гимназистов Херсонской гимназии брожение.

Учителя, эти продажные и омертвевшие в своей рутине чиновники-педагоги, не на шутку встревожились: кружки, чтение литературы, живой обмен мыслей, идеальные общественные стремления стать на защиту угнетенных — ведь это так не похоже на то, что они привыкли сами создавать в своих питомцах, так чуждо им. От этого веет таким свежим, честным и новым, что единственным отношением «бывших людей» к этим новым явлениям могла стать только травля, самая бесстыдная и наглая травля. Учителя начали шпионить за учениками, выпытывать их убеждения, читать целым классам о бессмысленности студенческих волнений, о злонамеренных людях, о наказаниях, которые повлечет за собой малейшая замеченная связь между учениками и поднадзорными и т. д. Зимой этого года один из гимназистов 8 класса в пьяном виде (а надо сказать, что гимназисты резко делятся на меньшинство — серьезных и мыслящих и большинство — кутил, пшютов и будущих карьеристов) без всякого намерения прострелил портрет нашего Николая, и ведь экая шальная пуля: попала прямо в сердце! Представьте себе переполох среди учителей и инспекции. В этом факте они увидели политическое преступление, учиненное неблагонадежным гимназистом. Сейчас же все восьмиклассники были призваны в кабинет директора и самым строгим образом допрошены: кто и с какой целью совершил такой ужасный и дерзкий поступок. Директор ничего не добился и, так как он, очевидно, сам сильно струсил, то решил прикрыть это дело, приказав ученикам никому не говорить о случившемся. Простреленный портрет был заменен новым, — и дело, кажется, обещало этим кончиться. Но вот приехал к нам новый помпадур-губернатор. Узнав, по доносу какого-то усердного обывателя, о случившемся в гимназии, он предписал директору и всему педагогическому персоналу учинить форменный допрос. И вот весь сонм учителей обратился в форменных жандармов. Во главе с директором, весь педагогический персонал допрашивал учеников 8-го класса, каждого поочередно, стараясь выпытать, кто прострелил. Приемы допроса носили поистине жандармский характер. Учителя старались сбить учеников перекрестными вопросами, убеждая выдать своего товарища, так как, дескать, уже и так известно, кто стрелял. Усердно допытывались, не участвовали ли в кружках, не читали ли социалистической литературы, не носили ли ее в класс и т. п. Все показания записывались и подшивались учениками. Кончилось тем, что несколько учеников-субультников стрелявшего выдали его. В виде наказания, стрелявший получил 4 за поведение в аттестате, а все «неблагонадежные» — дурные характеристики. Итак, наши учителя, воспитатели молодежи, с покорностью, готовностью и ревностью прозелитов, взялись за новую службу царю и отечеству — службу жандармов и сыщиков. До большого позора и продажности своего «я», кажется, дойти нельзя. Какими словами заклеить это гнусное, мерзкое дело наших учителей?

Позорное усердие. (Из Чернигова.) Беседа между черниговским губ. Андреевым с председателем глуховской земской управы Аммосовым:

Губернатор. У вас там есть фельдшерница Алексеева. Присмотрите за нею... Ее отец был письмоводителем в Шосткенском пороховом заводе и теперь обвиняется в государственном преступлении. Сын его также человек, политически неблагонадежный. Так вот и за дочкой нужно бы присматривать...

Аммосов отвечает, что он не может исполнить эту просьбу, объяснив этот свой отказ не нежеланием играть роль шпиона, а просто технического трудностью для него выполнять эту миссию. «Вот если бы В. П. дали мне предписание уволить Алексееву со службы, это я бы мигом выполнил»...

Губернатор. К сожалению, такого предписания я вам дать не могу... нет для этого у меня никаких оснований... Но я очень был бы доволен, если бы вы сами уволили Алексееву со службы...

Аммосов. Если так... я готов...

Алексеева была немедленно уволена... Не правда ли, интересная картинка?! Губернатор не находит оснований увольнять Алексееву, а вот г. председатель уездной земской управы, представитель уездного земства... находит... Но наш земец захотел еще дальше пойти: следуя, вероятно, завету старого Иеговы («на вас и детей ваших»... Аммосов решил насолить и другой дочери того же Алексеева: он хотел помешать ей получить стипендию от губ. земства на фельдшерские курсы; на вопрос губ. управы, на каком основании Глуховская уездная земская управа отклоняет просьбу Алексеевой, земец грубо-полицейски ответил, что он не считает нужным объяснять это... — Чтобы читатель составил себе более полное представление о личности председателя Глуховской земской управы, мы расскажем о нем следующую историю. Службу свою престолу Аммосов начал еще на студенческой скамье. Когда умер Александр III, он вздумал собрать среди студентов деньги на венки. Денег ему собрать не удалось. Тогда он купил венки на свои деньги и повез его в Москву — возложить на гроб, где официально заявил, что приехал возложить венки по поручению и от имени киевского студенчества. Эта архи-подлая уловка наделала такого шума среди киевского студенчества, что Аммосов предпочел убраться из университета.

Секретно.

«Черный кабинет».

М. Ф.

Нач. Одесск. почт.-телегр. окр
Июля 1902 г., № 75.

Гг. начальникам почтово-телеграфных и почтовых учреждений одесского округа.

И. д. Директора Департамента Полиции уведомил меня, что за последнее время усилилась пересылка по почте из-за границы революционных изданий на имя разных лиц. Вследствие этого и на основании предписания г. Начальника Главного Управления Почт и Телеграфов от 19 июня сего года за № 197, подтверждаю Вам о неуклонном исполнении данных по сему предмету правил (циркуляр 6 июня 1895 г., за № АА), при чем следует обращать особое внимание на международную корреспонденцию, адресуемую в сельские местности на имя крестьян. Нач. окр. Маевский и, делопроизводит. Петухов.

Итак, г. начальник почтово-телеграфного округа Маевский состоит в непосредственных деловых сношениях с директором департамента полиции! Какими законами это предусмотрено?

Результаты травли ссыльных. Якутск. 20 авг. разбиралось здесь в окружном суде, при закрытых дверях, дело политического ссыльного Николая Лузина (сослан из Тифлиса), по обвинению его в покушении на убийство верхоянского исправника в феврале этого (1902) года (ст. 9 и 1 ч. 1454 Ул. о нак.). После судебного следствия и речи прокурора, требовавшего наказать «без послабления» (от 12 до 15 лет каторжной работы), Лузин сказал до словно следующее:

«Объясняя причину своего покушения на жизнь верхоянского исправника, — как на следствии предварительном, так и судебном, — я указал, что покушение это есть акт открытой мести, вынужденный у меня произволом существующего правительства. Произвол этот мне пришлось переносить на себе в течение более чем двух лет ссылки и особенно весной 1901 г., когда якутская администрация производила надоемно чуть ли не истязания. Так как это последнее обстоятельство не может не быть известным каждому из присутствующих, то распространяться о нем я нахожу излишним (см. „Искру“ № 9); замечу только, что оно послужило последним толчком, вызвавшим мое покушение.

«Верхоянский исправник сделался объектом моей мести только потому, что, живя в Верхоянске, я не имел возможности встретить более видного представителя администрации.

«Развивая свои показания, я мог бы доказать, что на покушение я был именно вынужден насилем властей, — что в этом случае я действовал, подчиняясь лишь голосу справедливости, — и что, следовательно, на самом деле виновен не я, а существующее правительство. Суду пришлось бы, таким образом, оправдать меня, тем самым осудив правительство, вынуждающее на преступления!

«Но я знаю, что коронный суд этого сделать не может ни в коем случае. Являясь органом того же правительства, он не имеет даже права рассматривать дела между частным лицом и правительством, а если он это берет на себя, значит, ему нужно не выяснение истины, а мое осуждение во что бы то ни стало. При таких условиях всякая защита явилась бы бесплодной, — и мне остается только одно: принять молчаливо какой бы то ни было обвинительный приговор суда, как насилие, перед которым бессильно слово истины».

Суд приговорил Лузина к четырем годам каторжных работ. Апелляции от Лузина не поступило. 3 сент. приговор объявлен в окончат. форме, а 17-го вошел в законную силу.

Нами только недавно получен следующий документ, изданный Нижегородским Комитетом Партии в июне сего года:

Адрес виленским рабочим — полякам и евреям — по поводу зверств, совершенных над ними нашим царским правительством.

Виленские товарищи, еврейские и польские рабочие! В мае сего года нами, сормовскими рабочими, были получены известия о вашей майской демонстрации, девиз которой был «политическая свобода». Из этих же известий мы, сормовцы, узнали, как зверски с вами, товарищи, расправились наши деспоты, как вас — борцов за свободу и честь угнетенного пролетариата — в присутствии представителя губернии, изверга барона фон-Валя, секли; как небывало жестоко над вами издевались, причиняя вам физические и нравственные страдания, бесконтрольно власть имущие люди. Поэтому мы, сормовские рабочие, слыша об издевательствах над нашими братьями-рабочими, поляками и евреями, и сознавая, что, только объединяясь, без различия наций и религий, под знаменем международного социализма, мы, пролетарии, будем способны сбросить рабство капитала и царство кнута и нагайки, — мы, сормовские рабочие, спешим выразить свое горячее сочувствие нашим братьям-рабочим, евреям и полякам, храбро борющимся и жертвующим своей жизнью за дорогую для всех угнетенных свободу. Да будет вечная память герою-мстителю за оскорбленную честь пролетариата — еврею Леккерту, павшему от рук палачей! Приветствуем вас товарищи, уже раздавшимся в Сормове 1 мая криком: «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода, да здравствует международное братство».

Организация сормовских рабочих.

К адресу присоединяется и Нижегородская Раб. Организация.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Озургетского уезда (Кутаисской губ.). Не прошло и нескольких месяцев после полтавских и харьковских событий, как наше забитое общество явилось свидетелем пробуждения крестьянской массы, на этот раз на далекой окраине, в Закавказье.

Довольно поздно вступила наша страна на путь революционного движения. Всего 5—6 лет тому назад у нас ни о чем не было слышно. Но раз вступив на этот путь, горячий южанин далеко и быстро разносит новые идеи, даже в деревенскую глушь, находя везде и всюду, особенно среди молодежи, горячий прием. Примером может служить Озургетский уезд. Он давно считается у нас беднейшим в Закавказье. Недостаток земли у крестьян сделал невозможным их экономическое благосостояние. Но это и вызвало сильное культурное поднятие деревни. Не

находя способов удовлетворения потребностей на месте, крестьяне бежали из деревень в города в наемные рабочие и на разные другие отхожие промыслы. Таким образом, крестьянин приходил в столкновение с цивилизованным миром, и все выгоды культурных приобретений в жизненной борьбе становились для него ясны. Это и вызвало в деревне насаждение школ, библиотек и т. п. просветительных учреждений. Благодаря этому, Озургетский уезд очень рано поднялся в культурном отношении, и он давно славится нас передовым.

К этому присоединилось одно важное обстоятельство, которое окончательно встряхнуло крестьян. В марте н. г. распоряжением губернской администрации, после знаменитой стачки, из Батума были высланы в деревни более 300 раб., преимущественно из крестьян Озургетского уезда. Эти-то рабочие и явились пионерами революционного движения в деревне. Таким образом близорукость правительства, как весьма часто случается, послужила на пользу революции. Рабочие привнесли новые идеи в среду крестьянства, взбудораженного убийствами «христолюбивым войском» 15 рабочих. Тотчас же крестьяне выступили против двух сословий — землевладельцев и духовенства.

Чтобы понять положение вещей, нужно обратиться внимание на земельные отношения, существующие в Озургетском уезде. Более трех четвертей всей площади земли находится в руках крупных и мелких землевладельцев-дворян. Остальная часть населения — огромная масса крестьянства — испытывает крайний недостаток в земле, так что принуждена пользоваться помещичьей землей на арендных условиях. Землевладельческий класс не преминул выжать последние соки из крестьян. Крестьянин-арендатор принужден треть, иногда даже половину, урожая отдавать землевладельцу, при чем, что хуже всего, обязан доставлять на дом помещику или его управляющему, хотя бы приходилось перевозить на расстояние 30 верст и более. Но главное зло в том, что за единицу принимаются всегда обильные урожаи, хотя бы в данном году совсем не было урожая, так что крестьянин в таких случаях обязан дать помещику из собственных средств треть предполагаемого урожая. Но зло и этим не ограничивается. У крестьян нет выгона для скота. Землевладелец, пользуясь этим, часто получает за право выгона не меньше половины всей стоимости животного, не считая того, что часто помещики и их управляющие захватывают животных, бьют, держат целыми днями без корма и т. д. Одним словом, крестьянин закабален землевладельцу. Добавить к этому обычное притеснение духовенства, тяжесть государственных налогов и различных сельских повинностей — и станет ясна картина бедственного положения крестьянства.

Еще в мае месяце крестьяне отказались обрабатывать помещичью землю, если земельная рента не будет понижена до одной шестой, а по местам даже до одной десятой с урожая, и не будут уничтожены все злоупотребления по выгону скота. В некоторых деревнях поговаривали и об уничтожении каких-то «драмовых денег», платимых духовенству подымно в размере 2 руб. ежегодно. Но вдруг разносится весть о полтавских и харьковских событиях. Крестьяне с радостью приветствовали своих новых товарищей. Это еще более ободрило по местам еще безмолствовавших крестьян, так что постепенно крестьяне целого уезда начали предъявлять вышеуказанные условия, отказываясь, в противном случае, обрабатывать землю, и отказались платить «драмовые деньги» духовенству.

Разумеется, и администрация не спала. Ей все мерещился «бунт» против правительства, хотя нужно сказать, что крестьянская масса против правительства редко что говорила, взваливая всю вину своего бедственного положения на низшую администрацию, которая якобы не сообщала вышнему начальству о нуждах крестьянства и т. п.

На помощь администрации явилась целая свора добровольных шпионов из среды духовенства и дворянства, решивших во что бы то ни стало не уступать «голышам». Впрочем, бывали примеры уступок со стороны как дворян, так и духовенства, примеры, строго наказываемые администрацией. На это крестьянство в некоторых местах ответило убийствами и поджогами: возгорелась гражданская война.

Администрация — губернатор, помощник губернатора, уездный начальник, пристава — принялась искоренять «крамолу», наказывать «зачинщиков», требуя выдачи последних от крестьянских сходов при разъездах по деревням. Получая отказ, они арестовывали и арестовывают всех и всякого. Арестовывали и арестовывают всех «приличных», по их выражению, людей, хотя бы только что прибывших из города или другого места и совсем незнакомых с крестьянскими делами. В своих стремлениях устроить крестьянство администрация не различала больных и здоровых, арестовывая кого попало. Так, 8 сентября арестован фельдшер Ан. Рамишвили при 40° темп., в злокачественной лихорадке, не встававший с постели более двух недель. Целыми партиями — часто в 60 чел. и более — арестованные доставляются в Озургеты, Батум и Кутаис, а за последнее время даже и в Тифлис, при чем помещаются такими же партиями в душной и небольшой камере... Во многих селениях свирепствует экзекуция. Закрывают все библиотеки в уезде.

Но все это послужило на пользу крестьянству. Оно лицом к лицу столкнулось с полицией, жандармерией и губернской властью; оно прежде и представить себе не могло, что правительство защищает несправедливые требования землевладельцев и духовенства. Теперь, по крайней мере, передовая часть крестьянства знает, что главный его враг, это — царское самодержавие, гнетущее «обывателя».

Не довольный.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Скопин. Скопин, некогда крупный центр хлебной торговли, прогремевший по всей России Рыковской панамой, в настоящее время небольшой пятнадцатитысячный городок. Он пережил и свое торговое значение, благодаря проведению по соседству железных дорог, оттянувших от него хлебные грузы, пережил, можно сказать, и свою славу, от которой остался только миллионный долг, всей тяжестью падающий на городской бюджет. Верст за 15 от него самые крупные каменноугольные копи московского бассейна с пятьюстами рабочих-крестьян, принадлежат они французской анонимной компании. Лет 16 тому назад в «шахтах» был большой бунт, но с тех пор до прошлого года рабочие ничем себя не заявляли.

Прошлый год прошел неспокойно: в небольшой промешутке времени «шахты» были разгромлены два раза; готовился и третий бунт, но почему-то не состоялся. Любопытно, что наивность некоторых крестьян шла так далеко, что в свои планы они посвящали даже земского начальника. Разгромы быстро подняли настроение рабочих: брожение среди них не прекращалось и к сентябрю весьма обострилось.

На-ряду с этим начинает проявляться сознательная революционная работа. К первому мая текущего года многие местные ремесленники, рабочие и приказчики получили письма, раскрывающие перед ними всю безвыходность положения разрозненной трудящейся массы и призывающие к объединению и борьбе; к письмам была приложена и прокламация на первое мая... И письма и прокламации были без подписи, гектографированные. Прокламации были разбросаны по всему городу также и в ночь на 19 апреля. Среди приказчиков в настоящее время возникло движение, направленное на ограничение часов торговли. В думе уже раз обсуждалась их коллективная просьба; для окончательного решения вопроса дума постановила пригласить в свое заседание представителей от приказчиков.

Первое мая прошло, вообще говоря, тихо. Отказались от работы и праздновали маевку лишь рабочие каретной мастерской Мызникова, силой принуждая присо-

единиться к ним попавшихся на дороге плотников, да в типографии Благих работы были остановлены к полудню.

В мае же месяце, по настоянию жандармской власти, в квартирующем здесь Зарайском полку был произведен поголовный обыск солдат, при чем у одного из них были найдены нелегальные издания. Ходят слухи, что при допросе перепугавшийся солдат оговорил одного из восьми студентов, отбывавших здесь, на основании временных правил, воинскую повинность.

Летом возникли «осложнения» в крестьянстве. В некоторых деревнях едва не были разобраны запасы в хлебных магазинах. Состоятельные крестьяне заявляли, что если правительство хочет кормить бедных, пусть кормит на свой счет, а не на их. Крестьяне упорно не соглашались также сужать своими хлебными запасами другие магазины, однако, в конце концов, принуждены были уступить. Летом же в одной из деревень, при покупке у помещицы земли, благодаря юридическим недоразумениям, возникло весьма серьезное брожение. В деревню послали полицию, которая успокоила крестьян угрозой казачьего поста.

Дабы выяснить восприимчивость крестьянства к агитации, в сентябре месяце были распространены в 15 деревнях Скопинского, Пронского и Ряжеского уездов прокламации, составленные в весьма умеренном тоне. Вот их содержание вкратце. Благополучие крестьянства — основа благосостояния всей России, положение же крестьян в настоящее время крайне тяжело. Испытанным исторически средством в таких затруднениях является не самовольный раздел чужого имущества, не насилие: пример полтавских и харьковских беспорядков показывает всю негодность таких мер. Собрание народных представителей у трона, участие народа в деле правления — вот к чему прибегали в трудные моменты русский народ и его цари. В этом и последняя, до сих пор невыполненная, воля царя-освободителя Александра II (?!). Крестьяне призываются отправить 19 февраля к государю депутацию (ходоков) с ходатайством о призвании к делу правления народных избранных.

Искоренители крамолы крайне встревожены и озадачены невидимым врагом. Остроумнее всех оказался местный предводитель дворянства Гологуанов, решивший, что крамолу кует его родственник и однофамилец, 12 лет уже занимающий пост земского начальника. Дворянская честь, перед которой преклоняется руководитель благородного сословия, не помешала ему отправить губернатору соответствующий донос, глубоко возмущивший местное общество. Несмотря на энергичное отпирательство Гологуанова, авторство его, как утверждают, было выяснено документально. Губернатор находится, повиному, в совершенно естественном недоумении, каким образом одно и то же лицо 12 лет охраняло государственный порядок и... крамольничало. Чем кончится вся эта курьезная история, еще неизвестно. — В сентябре же месяце недалеко от Скопина был пойман прохожий, весьма неуважительно отзывавшийся о царе и его правительстве. Конечно, немедленно он был передан в руки жандармской власти.

Екатеринослав. Заготовщики устроили стачку, требуя 12-часовой рабочий день, увеличение платы. После четырех дней хозяева уступили, но только по той причине, что наступали еврейские праздники, когда много работы. Но требования их не совсем точно выполнялись. Рабочие снова объявили стачку, которая продолжалась три недели, при полном спокойствии. Наконец, хозяева согласились признать 13-часовой рабочий день и увеличение платы.

В Новочеркасске в мае были разбросаны впервые майские листки. Появились они в железнодорожных мастерских, на железоделательном заводе Отто и Миненкова и в других заведениях. Другие листки около того же времени распространены в местной воинской команде. Листки вызвали переполох; в юнкерском училище про-

извели обыск, но ничего не нашли. Теперь (в сентябре) начальник жандармского правления вызывал к себе для допроса о листках хозяина слесарной мастерской Фесслера, управляющего Неске и казаков местной команды. «Расследование» не дало никаких результатов.

Из подмосковного района. На машиностроительном заводе Струве в Коломне идут волнения рабочих; завод падает и, как говорят, с нового года вовсе закроется.

Очень ничтожны заработки на фабрике Балашева (станция Куровская). Ткачи вырабатывают не более 10 руб.

Не лучше дело и в Егорьевске, Рязанск. губ. Рабочее население, доходящее здесь до 16.000 человек, еще крайне несознательно и враждебно иногда встречает попытки пропаганды. Нет здесь никаких просветительных учреждений, масса живет в полной темноте. В апреле этого года были здесь беспорядки на Хлудовской фабрике. Причина — сокращение числа рабочих и отмена грошевой наград. К сожалению, масса не слушалась советов лучших людей своей среды, а била окна и грабила. Тем не менее, кое-какие требования были удовлетворены.

В Иркутске в 20 числах сент. распространена Иркутским Комитетом Сиб. Соц.-Демокр. Союза прокламация по поводу забастовки и демонстративного шествия красноярских рабочих. Прокламация сначала подробно излагает самое событие, а затем, пользуясь им, указывает на необходимость объединения как на ту силу, которая всегда приведет к победе как в борьбе с капиталистами хозяевами, так и в борьбе с самодержавием.

Через 4—5 дней после появления этой прокламации (замечу в скобках, что составлена она очень неудачно) местная жандармерия и полиция решили сделать и сделали нашествие.

Ночью было обыскано человек 8—10, главным образом, высланные сюда студенты. Один студент и одна старушка, тетка одного из студентов, присланная сюда из Москвы, якобы за пособничество своему племяннику, были арестованы, и, переночевав в участке, выпущены. Племянник же этой старушки, у которого предполагался обыск, по оплошности полиции, не был найден в эту ночь, ибо полиция попала совсем не в ту квартиру, где он жил. При обысках, — у одного неарестованного студента найдена была нелегальная книжка, у арестованного — кое-что списанное его рукой из нелегальных источников; у старушки же — прокламация соц.-рев. «Ко всем поданным русского царя», — «явно противоправительственного содержания», как записано в полицейском протоколе. В городе много толков об этом случае.

Результаты поездки «шефа» начинают сказываться. Из департамента полиции получена бумага, освобождающая от ссылки и гласного надзора некоторых из студентов. Каждый получающий такую амнистию рзезает рот и недоумевающе спрашивает: почему же именно меня, а не другого кого?! Повидимому, правительство, не получив от «шефа» никаких особых данных, торопится освободить просто «каждого десятого», лишь бы выказать перед встревоженным духом русских отцов и матерей свою заботливость и добросердечие и тем успокоить солидного русского обывателя. Но... из овечьей шкуры предательски торчит волчья пасть!..

Харьков. Первое мая на Паровозостроительном заводе*. С утра завод имел свою обычную физиономию. Дымились заводские трубы, стучали молота, и далеко-далеко разносился грохот станков. Глухо стучали удары клепальщиков по котлам, сливаясь в бесконечный гул, наполнявший воздух. Рабочие стали

* От редакции. Помещаем этот запоздалый рассказ о мае нынешнего года в Харькове, как содержащий некоторые неопубликованные еще подробности.

в свое время на работу, и казалось, что сегодня, как всегда, пройдет бесконечно длинный рабочий день. Но если внутри мастерских, где за станками сосредоточенно стояли рабочие, вы не могли бы узнать, что сегодня первое мая, то зато у под'езда конторы вы сразу увидели бы, что сегодняшний день — далеко не обычный заводский день. Там, в мастерских, стоял грязный, изнуренный рабочий, проклиная в душе тот гнет, который не дает ему даже отпраздновать рабочий праздник; здесь, у под'езда, собралась полиция, разодетая в блестящие мундиры, лакированные ботфорты и белые перчатки, в ожидании «бунта». На улице, сопровождаемый сыщиками завода, шнырял директор, отдавая приказания полиции и расставляя посты городских. И как мило выглядело это единение директора завода, человека самовластного, не терпящего вмешательства посторонних в заводские дела, с околоточным надзирателем! Но чего не сделает первое мая, чего не сделает страх перед силой трех тысяч рабочих!

Уже 9 час. утра. Полиция торжествует. Вот что значит полиция! Рабочие боятся и потому продолжают тянуть лямку. Но это только с одной стороны. С другой стороны, несколько жалко. Ведь если бы рабочие забунтовали, можно бы себя показать. Она ли не сумеет усмирить рабочих! Конечно, несколько боязно, но можно отличиться: получить орден, благодарности, можно угодиться на счет завода. Впрочем, они это делают сейчас же, не дожидаясь бунта. Да оно и лучше. Храбрость полиции растет пропорционально числу выпитых бутылок...

Но что за дьяволы! Слышатся крики, шум; бегут рабочие. До гудка еще далеко. Гудок дается в 12 час., а теперь только половина десятого. Группа рабочих с криком бросается по всем мастерским, требуя приостановки работы. «Что же, праздновать, так праздновать! Бросай, братцы!». Тут и там образуются группы рабочих. Около паровозной мастерской столпились выходящие рабочие. Туда спешит заведующий этой мастерской; он спешит увещавать рабочих, но в это время шальная гайка, брошенная из толпы, попадает ему прямо в бровь и разрезает ее почти до глаза, оставляя на всю жизнь глубокий шрам. В другом уголку рабочие бьют монтера, обвиняемого в предательстве. В механической мастерской в заведующего бросают шрапнелями; он спешит убраться, но в это время встретившийся рабочий полосой железа разрезает ему кожу на верхней части черепа. В других мастерских рабочие бросаются на мастеров, но последние ускользают.

Не дремлет и полиция. Галопом несутся казаки. Широко раскрываются перед ними ворота завода, и казаки с остервенением бросаются на толпу. Как велико это остервенение! Нам кажется, что было бы оскорбительно для голодного зверя сказать, что он бросается на добычу с таким же остервенением, как казаки на толпу. Где уж там голодному волку взять такую свирепость! Лошади ржут, казаки гикают, а нагайки свистят и свистят. Рабочие бросаются врассыпную. Только часть рабочих забирается в мастерскую и, когда казаки хотят ее очистить, отстреливаются гайками. После нескольких попыток проникнуть в мастерскую, попыток, во время которых казачий офицер исчерпал все военные хитрости, предписываемые и тактикой и стратегией, казаки отступили. Результат стычки — раненая лошадь и несколько раненых казаков.

Вскоре на завод прибыла пехота и была расставлена по всему двору постами.

Часов около десяти на завод, сопровождаемый эскортом казаков, прибыл харьковский губернатор князь Оболенский. Приняв рапорт от полицмейстера и полковника, он направился во двор, где помещаются мастерские. Здесь перед небольшой кучкой рабочих он произнес речь. Вот, приблизительно, эта речь:

«Кто бунтует? Это все люди, находящиеся на содержании у иностранцев, это они мутят. Где лучше? Немцы сюда едут кормиться... Везде есть богатые и бедные. Так уж богом положено, везде... Покажите страну, где этого нет... А? Не покажете! Я могу стрелять, но не хочу стрелять, на мне крест (показывает на шею). Пойдите работать... Вы должны работать. Все должны работать... Если не пойдете, то уж придется сделать так, как требуют от меня долг и присяга».

Губернатор этой речью не ограничился и перед другой кучкой рабочих произнес вторую речь:

«Кто мутит? Это все жиды, находящиеся на откупу у иностранцев... Это они... А вы, бараны, тоже за ними. А где лучше? Немцы сюда едут кормиться... Везде есть бедные и богатые. Так уж богом положено... Я не хочу стрелять... На мне крест... Я крестьян сек, они ничего не понимают, но вы сами можете разобраться... Вам я этого не хочу делать... Вы читаете всякие прокламации. Я тоже читал и ничего не понял... Я не понял, значит, вы наверно не понимаете... Я могу стрелять, я не буду стрелять, на мне крест. Идите работать. Чего вы молчите? Я прибегну к тем мерам, которые найду нужным. Где бунтовщики?».

Вскоре, благодаря усиленным хлопотам полиции и заводской администрации, среди глубокой тишины, царившей на заводе, уныло заветались некоторые станки. После полудня на заводе работало человек 50 из трех тысяч. Через день на работу стали почти все рабочие. В ночь на первое мая и первого мая было арестовано много рабочих.

Если сравнить то, что было в 1900 г., с тем, что было в этом году, то приходится констатировать факт, что в то время, как в 1900 г. рабочие выказали полнейшее спокойствие и полную солидарность, в этом году они обнаружили излишек стремительности и полную дезорганизованность. Оно и понятно. В 1900 г., когда промышленный застой еще не чувствовался, когда, наоборот, все предвещало пышный расцвет промышленности, рабочий себя чувствовал хозяином положения. Первого мая, в 8 час. утра, завод стал, как один человек. Рабочие выставляли требования и вели себя совершенно спокойно. Не то в этом году. Заводы не дорожат рабочими. Промышленный застой заставляет заводы сокращать число рабочих, рабочая масса угнетена и физически и морально. Она не может устроить организованную стачку. Зато она вымещает свою злобу и ненависть на мастерах, монтерах и, при случае, накидывается на них, а в пылу раздражения рабочие готовы и на разрушение.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХ УГЛЕКОПОВ.

22 октября пронзительные свистки нарушили мирную тишину, царившую в полях Пенсильвании в продолжение более пяти месяцев. 150.000 углекопов прекратили свой вынужденный покой и, опять отозвавшись на зов свистков, спустились в крошечный ад подземных копей. Эта только-что кончившаяся великая стачка поучительна во многих отношениях.

Когда она около пяти месяцев тому назад началась, трудно было предположить, что по своему развитию и исходу она будет чем-нибудь отличаться от многих других крупных стачек, которые так часто здесь повторяются.

Интенсивный процесс концентрации капиталов и развития трестов, расширяющий с головокружительной быстротой базис производства, хотя и увеличивает в такой же степени размеры профессиональной организации рабочих, но, вместе с тем, сильно уменьшает их шансы на успех в экономических схватках с крупными капиталистами. Последние не стесняются, обыкновенно, никакими средствами, и для них «политика» в этой борьбе так же хороша, как и «экономика».

В начале стачки директор каменноугольного треста, г. Бэр, следующим образом характеризовал ход этого рода столкновений: «Стачка, вероятно, скоро кончится, — говорит он, желая успокоить общественное мнение. — Мы найдем достаточно рабочих, чтобы работы не прекратились совершенно; тем временем стачечники, изнуренные голодом и разными лишениями, раздраженные присутствием скзбов (замещающих стачечников), начнут бунтовать. Тогда мы от правительства потребуем войск для водворения порядка. Это сломит упорство рабочих». Это

откровенное заявление г. Бэра очень характерно. Оно ясно и рельефно обнаруживает методы, к которым в таких случаях прибегают, обыкновенно, капиталисты. Но на этот раз г. Бэр ошибся. Углекопы не пожелали доставить ему удовольствие и не давали повода для кровопролития.

Милиция, правда, была вызвана, но, при всем ее старании, пресловутый порядок не нарушался, хотя углекопы упорно отстаивали свои интересы и не сдавались. Это тем более удивительно, что в этом отношении организация углекопов находится в менее благоприятных условиях, чем все другие рабочие организации.

Одно из самых главных условий ведения крупной стачки, несомненно, — организованность, солидарность и, вообще, тесная связь между рабочими, составляющими армию борцов. Создать такую связь среди углекопов до сих пор трудно удавалось. В погоне за дешевой рабочей силой и рабами, которых можно было бы с успехом противопоставить строптивым американцам, владельцы угольных копей привлекали в свои районы малокультурные элементы со всех концов земли. В результате оказалось, что большинство углекопов — иностранцы, которые в культурном отношении не только ниже американцев, не только не понимают их потребностей, привычек и обычаев, но не знают и их языка. Как тут объединить в одну сильную организацию эти разнообразнейшие элементы, когда поляки не понимают венгерцев, венгерцы — итальянцев, последние — словаков, а все вместе не понимают американцев, их вождей и организаторов? В этом, отчасти, лежала причина почти постоянных поражений, которые терпели углекопы в борьбе за лучшие условия жизни. И если теперь «союз углекопов», несмотря на такое разнообразие составляющих его элементов, одержал блестящую победу над могущественным трестом, то главная заслуга в этом по праву принадлежит президенту союза, энергичному вождю углекопов, Джону Митчелю.

Насколько можно видеть из отчета, представленного секретарем на последнем конгрессе (1901 г.) этого союза, в 1908 г. (когда Митчелль был избран президентом платящих членов организации было не более 50.000, но с 1898 г. по 1901 число это возросло до 250.000. В этот союз входят рабочие каменноугольных и антрацитовых копей. С хозяевами первых рабочие живут, сравнительно, в мире. Благодаря тому, что хозяева признают союз, рабочие в этом районе добились, сравнительно, более сносных условий как в отношении платы, так и в отношении рабочего времени. Не то в районе антрацитовых копей, лежащих, главным образом, в штате Пенсильвании. Могучий трест, владеющий почти всеми копиями, упорно не признавал организации рабочих, предпочитая вести переговоры с каждым из них в отдельности. Несмотря на более тяжелые условия труда в антрацитовых копиях, рабочие получали меньшую плату и имели более длинный рабочий день. Все старания союза добиться каких-нибудь улучшений кончились ничем. Рабочие, теряя терпение, рвались на борьбу, и, если бы не энергичное противодействие Митчеля, стачка началась бы еще в прошлом году. Но Митчелль требовал мира не для мира. Как талантливый организатор и дальновидный человек, он хотел мира, чтобы выиграть время для приготовлений к войне. Он знал силу и могущество своего противника⁴; он знал, что от него он не может ждать пощады. Когда позже состоялось решение начать борьбу, углекопы были вполне к ней готовы.

Прежде, чем начать стачку, рабочие передали свои требования владельцам копей, предлагая им предоставить обсуждение их конференции, составленной из выборных треста и союза. Капиталисты, конечно, наотрез отказались. Тогда рабочие предложили им передать решение спорного вопроса третьейскому суду. Капиталисты и этого не захотели. После этого стачка была формально объявлена.

Рабочие требовали, главным образом: введения 8-часового рабочего дня, увеличения платы на 20 процентов и точного взвешивания количества угля, доставляемого каждым углекопом. До сих пор уголь принимался в вагонах, наполненных доверху. Капиталисты, конечно, уж заботились о том, чтобы содержащегося в них угля было вдвое больше требуемых по договору трех тонн. Требуя более точного взвешивания угля, рабочие хотели

также, чтобы при весах находились их представители, оплачиваемые из их собственной кассы, которые следили бы за тем, чтобы количество взвешиваемого угля точно регистрировалось.

Стачка с первого же момента приняла крайне решительный характер. Ни одна из сторон не проявляла склонности просить или давать пощаду. Во главе треста стоял Бэр, не только жестокий и неразборчивый в средствах эксплуататор, но и принципиальный и непримиримый враг рабочих организаций. «Божественная премудрость, — говорил он как-то раз, — снабдила капиталистов достаточными средствами, чтобы самим заботиться о своих рабочих».

Вождем рабочей армии был Джон Митчел. Еще молодой, но полный энергии и сил человек, он, по всей вероятности, будет играть очень крупную роль в эдшем рабочем движении. Сам углекоп, он испытал на себе всю тяжесть условий этого труда и лучше всякого знает нужды и потребности углекопов.

Выше было указано, как благотворно его деятельность повлияла на рост союза углекопов; но его организаторский талант и способности вождя проявились только во время описываемой стачки.

Как разумный тактик, он знал, что от решительности и быстроты первого натиска зависит, главным образом, дальнейшее развитие и, пожалуй, исход стачки; поэтому, не теряя времени на дипломатические переговоры с хозяевами, не разбивая своей армии на небольшие отряды, как это делал Шеффер в стачке рабочих по обработке стали, он сразу вызвал более 100.000 рабочих на стачку, оставив лишь машинистов и рабочих при насосах. Если бы последние сразу присоединились к стачке, копи наполнились бы водой. Митчел оставил их на время, надеясь, что капиталисты сдадутся. Но они не сдавались; мало того: они разослали агентов по всей стране нанимать рабочих; они выписали тысячи частнонаемных полицейских, вооруженных с ног до головы, якобы для оберегания их собственности, но на самом деле — для оберегания скэбов и провоцирования стачечников.

Митчелю ничего другого не оставалось, как вызвать и остальных рабочих на стачку, что он немедленно и сделал.

Борьба стала разгораться все более и более. 150.000 рабочих, как грозная армия, стояли в полях Пенсильвании, решившись преодолевать и голод, и холод, и всяческие другие лишения, чтобы добиться признания своих прав и улучшения своего положения. Их противниками были только несколько магнатов, но эти магнаты обладали несметными богатствами и крупным политическим влиянием. Последние старались всякими способами дискредитировать рабочих перед общественным мнением, они распространяли ложные слухи о буйствах, грабежах, пьянстве и т. д. Чтобы внести раскол в ряды стачечников, они наводнили их лагерь «рабочими газетами», в которых поносились их вожди, но все было напрасно, и их старания ни к чему не привели.

В стачку начали вмешиваться, как это всегда бывает здесь в подобных случаях, филантропы и разные другие господа, ищущие популярности, предлагая свое посредничество. Все безуспешно. Стачка затягивалась. Углекопы начали поговаривать о генеральной стачке. Как я выше заметил, в организацию углекопов входили рабочие не только антрацитовых, но и каменноугольных копей. Стачка охватывала лишь антрацитовый район; с хозяевами других копей рабочие жили в мире. Для обсуждения вопроса о генеральной стачке углекопов был созван специальный съезд представителей всей организации. Благодаря, главным образом, настоянию Митчела и его штаба, вопрос о генеральной стачке был решен отрицательно. Для этого были у углекопов очень серьезные основания. Лишь после продолжительной и упорной борьбы рабочим удалось заставить хозяев каменноугольных копей признать союз и заключить с ним договоры, сравнительно, очень выгодные для рабочих. Начиная теперь рабочие этого района стачку, это означало бы нарушение контракта со стороны союза, что сильно подорвало бы его авторитет в глазах капиталистов. Последние воспользовались бы этим в борьбе против организации рабочих.

Рабочие всей Америки с большим интересом и участием следили за ходом этой борьбы. Никогда раньше не проявляли они такой солидарности, как теперь. Чуть ли не во всех городах Америки организовывались комитеты из представителей разных рабочих организаций, которые собирали деньги для стачечников. Сотни тысяч долларов отсылались в их кассу. Дело углекопов стало делом всего организованного пролетариата Сев. Америки.

Чем дольше затягивалась стачка, тем больше стали чувствовать ее последствия. Несмотря на постоянные кичливые уверения директоров треста, что у них есть достаточно рабочих, чтобы доставить на рынок сколько угодно угля, нужда в нем начала сильно чувствоваться, и цена на тонну от 5 с чем-то долларов дошла до 25—30 долларов, да и за эту цену не всегда можно было достать уголь в нужном количестве. Многие торговцы угля в больших городах должны были закрыть свои склады. Много фабрик и заводов должны были прекратить производство. Положение становилось все более и более серьезным. К счастью, погода стояла теплая, но со дня на день ждали наступления холодов, а тогда возмущению и бунтам не было бы конца.

А борющиеся стороны сохраняли свои позиции и не думали об уступках.

По инициативе нескольких меров (городских голов) состоялся съезд представителей многих городов Америки для обсуждения положения, вызванного стачкой, и средств помочь ей. Характерно, что съезд этот, состоящий из самых благонамеренных граждан, солидных буржуа, очень далеких от «разрушительных» тенденций социалистов, не мог придумать ничего другого, как захват государством всех угольных копей.

Заволновались также политики всех партий и фракций. Им нужно было так или иначе выяснить свое отношение к стачке. Приближался день выборов — 4 ноября — и все понимали, что стачка будет центральным пунктом политической агитации всех партий. В виду этого положение республиканцев было особенно критическое. Их считали более всего ответственными за вызванное стачкой положение вещей не только потому, что они случайно в данный момент господствующая партия в стране, но, главным образом, потому, что они партия крупного капитала вообще и партия трестов в частности. Республиканцы прекрасно понимали, что если ими не будут приняты энергичные меры, чтобы прекратить стачку, то 4 ноября принесет им такое поражение, от которого им, быть может, впоследствии долго уж не оправиться. И вот начинается кампания политиканов.

Прежде всего, пенсильванский губернатор и пенсильванские члены конгресса стали обивать пороги магнатов треста; к ним присоединились скоро губернатор и крупные политики Нью-Йорка. Но все их конференции, переговоры и совещания ни к чему не привели — стачка и возбуждение продолжались попрежнему. Оставалось одно средство, и они решили его испробовать: уговорить президента Соед. Штатов повлиять на спорящие стороны.

Президент пригласил в Вашингтон вождей рабочих и директоров треста и обратился к ним с горячим воззванием, указывая на то, что от стачки, кроме спорящих сторон, терпит еще третий элемент — публика, в интересах которой стачка должна прекратиться. Он апеллировал к чувству патриотизма и человеколюбию капиталистов. В ответ на это г. Бэр заявил, что не капиталисты ответственны за стачку и ее последствия, а власти, которые не исполняют своих обязанностей. Они могли бы-де иметь сколько угодно рабочих и добывать сколько угодно угля, если бы в районе стачки было достаточно войска для охраны желающих работать от угроз и нападений со стороны стачечников. Митчел тут же назвал заявление Бэра полной ложью, так как солдатам некого было бы охранять, — у капиталистов нет рабочих.

Насколько сильна власть плутократии в современном государстве и насколько услужливы власти, ясно видно из следующего обстоятельства.

Казалось, что президент после такого резкого и возмутительного ответа Бэра, полного упреков ему, покажет свою власть господам капиталистам, или, во всяком случае, не будет помогать им. Но увы! — не успела конфе-

ренция разойтись, как губернатор Пенсильвании вызвал всю милицию штата, и генералы, распределяя войска, отдали приказ: следить зорко, чтобы порядок не нарушался, и, где надо, стрелять и убивать. Эта мера, поразившая всех своей бессмысленностью и неожиданностью, на стачку не имела никакого влияния. Стаечники держались дружно и безукоризненно, а в коях попрежнему все оставалось мертво и безжизненно. Митчелль был прав: Бэр, очевидно, лгал, когда говорил, что под сильной военной охраной нашлось бы достаточно углекопов, чтобы продолжать работы в коях.

Нужда в угле тем временем все усиливалась. Все ждали от президента решительных мер, чтобы прекратить стачку.

В это время явился в Нью-Йорк Рут, правая рука президента Рузвельта, министр в его кабинете, для переговоров с П. Морганом, одним из самых крупных финансовых тузов Америки. Он имеет безграничное влияние на бирже и связан со многими крупными трестами. Все знали, что одного слова Моргана было бы достаточно, чтобы заставить магнатов угольного треста подчиниться требованию публики. О чем совещались Рут с Морганом, публике осталось неизвестным. Но результат конференции был ясен: капиталисты согласились на предложение президента — передать спорный вопрос третьей стороне.

Они пытались, правда, ограничить свободу президента в выборе суда; но Митчелль категорически заявил, что он согласится на третейский суд лишь в том случае, если президент сумеет выбрать членов суда не под диктовку капиталистов.

На это президент ему ответил, что он совершенно свободен в этом отношении, и передал ему список лиц, которых он думает пригласить. Тогда Митчелль созвал представителей углекопов, которые после непродолжительных дебатов, санкционировали действия Митчелля.

Таким образом, эта громадная стачка окончилась блестящей победой. Если даже не все требования рабочих будут удовлетворены судом, победа рабочих все-таки громадна в виду того, что капиталисты, согласившись на третейский суд, косвенно признали союз углекопов.

Крупная промышленность развивается в Америке с неимоверной быстротой. Тресты и крупные комбинации капиталистов возникают везде, овладевая одной отраслью ее за другой. Рядом и параллельно с этим происходит процесс все большего сплачивания рабочих масс. Борьба, даже стачечная, принимает все более и более характер борьбы двух классов. Почти в каждой крупной стачке затрагиваются интересы, с одной стороны, всего рабочего класса, а с другой — класса капиталистов. Каждая такая стачка не только нарушает мирное развитие экономической и политической жизни страны, но также напоминает, как подземный гул перед извержением вулкана, приближение социальной катастрофы. Буржуазные и вполне благонамеренные представители городов, застигнутые врасплох стачкой, не находят другого средства для предотвращения вызванного стачкой общественного зла, как захват государством копей — это в момент стачки углекопов. Когда рабочие по обработке стали пойдут в стачку, государству надо будет захватить в свои руки стальной трест и т. д. Но это одна сторона вопроса. С другой стороны, — рабочие в этой стачке могли ясно видеть, что государство — очень крупный фактор для решения так называемого рабочего вопроса, и еще до захвата ими различных отраслей промышленности рабочим не может быть безразлично, кто владеет государственной машиной. Сенаторы, губернаторы, сам президент бежали, волновались, но ничего не могли сделать по той простой причине, что ничего существенного и не хотели сделать. И республиканская, и демократическая партии — политические организации капиталистов. Политиканы оказались в таком беспомощном положении потому, что, с одной стороны, хотели показать рабочим, что они их друзья, но так, чтобы, с другой стороны, интересы капиталистов не пострадали.

Рабочие могут рассчитывать на государство лишь в том случае, если машина его будет в их руках.

Социалисты также не бездействовали во время стачки. Во время, как республиканские и демократические поли-

тиканы фиглярничали перед рабочими, притворяясь их друзьями, социалистические ораторы с большим успехом агитировали в районе стачки. Никогда еще социалистические собрания не посещались такими массами в тех местах; никогда там слова социалистов не вызывали такого энтузиазма! Насколько агитация социалистов была успешна, видно из петиции, которую филаделфийские купцы подали губернатору. Прося его, чтобы он употребил всю свою власть и влияние, чтобы прекратить стачку, они, между прочим, там говорят: «Если стачка не прекратится немедленно, следующие выборы ознаменуются таким радикализмом, подобного которому наш штат никогда еще не видел. Социалистическая партия сделала бы могущественным фактором в политике нашего района».

ИЗ ПАРТИИ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ТЕРРОР.

Следующая резолюция о терроре принята одной из соц.-дем. групп на юге России.

«По вопросу о терроре* группа, которая представила критику проекта программы „Искры“ и „Зари“, полагает, что:

«1) Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия, признавая единственным средством ниспровержения существующего в России политического строя революционную борьбу масс, тем самым исключает из своей программы-тактики террор как средство борьбы. Не устранение того или иного представителя власти, не запугивание правительства является в ее глазах средством осуществления ее политической задачи, но противопоставление силе правительства другой силы, более грозной и могучей, силы сознательных революционных масс и общественных слоев. Нигде в Зап. Европе террор не сыграл роли средства осуществления государственного переворота. Поэтому в самом появлении террора в программах русских революционеров группа видит признак слабости и невольное признание неподготовленности почвы для политического переворота. Если масса и общество подготовлены условиями исторического развития к выполнению их исторической миссии, если они выросли до понимания необходимости для них политической свободы, то они ее завоевуют; если же они не в состоянии оправдать возлагаемых на них надежд, то никакие террористические акты не могут помочь делу революции. Удачный выстрел может напугать малодушного самодержца, но не самодержавие, которое опирается на силу, слишком серьезную, чтобы его можно было вспугнуть бомбами. Сила эта кроется, главным образом, в определенном складе сознания масс. Преобразовать это сознание в его противоположность, превратить верноподданных в врагов самодержавия — вот средство борьбы с ним.

«2) Но отрицая за террором значение средства непосредственной борьбы, мы тем самым его вовсе исключаем из программы-тактики, так как побочной роли в деятельности какой бы то ни было партии он играть не может. Террор — слишком чрезвычайное средство; он, как признают сами сторонники его, „противен человеческой природе“ (см. речи Желябова, Балмашева, прокламацию „боевой организации“ от 3 апр. 1902 г.), и поэтому применение его может быть оправдано лишь крайней необходимостью, безвыходностью и отсутствием каких-либо других мер, а это исключает возможность введения террора в программу как побочного, второстепенного средства (эксциративного, воспитательного и проч.). Кроме того, террор по самой своей сущности должен дезорганизовать всякую партию. Доступный лишь незначительному мень-

* Под террором группа понимает систематические и организованные убийства представителей правительственной власти с целью достижения партийных целей.

шинству избранных, он принижает деятельность всех остальных революционеров, так как в сравнении с героической, смелой и самоотверженной борьбой террориста, происходящей у всех на виду, всякая иная революционная деятельность представляется жалкой, мелкой и ничтожной. Это приводит к тому, что лучшие силы уходят в эту бездонную пропасть, а все остальные виды революционной работы, гораздо более важные и необходимые, постепенно падают, гложут и исчезают. Внимание всех всегда сосредоточивается на кучке борцов, водворяется атмосфера фантастических мечтаний, подрывающая энергию работников повседневной, упорной и самой главной революционной работы. После сказанного группа считает лишним критиковать самую пригодность террора для тех побочных целей, для которых он рекомендуется.

«3) Но террор защищается еще как естественная реакция против принижения человеческого достоинства, принижения, с которым революционеру приходится встречаться особенно часто в последние годы. По мнению группы, в такой постановке вопроса кроется глубокое недоразумение. Революционер, прежде всего, человек и на унижение своего достоинства и достоинства близких ему лиц отвечает, как всякий человек, т. е. согласно степени сознания своего достоинства, темпераменту и условиям момента. На истязания Сигиды карийцы отвечают самоубийством, на наказание розгами Боголюбова В. Засулич отвечает выстрелом. Могут быть самые разнообразные формы ответа, никакая партия не может вносить в свою программу пункт, обязывающий отвечать именно на всякое частное проявление насилия определенным образом, никакая организация (будь это „боевая орган.“ или „исполн. ком.“) не может взять на себя исключительную роль мстителя за поправленную личность революционера. Здесь, скажем, разделение труда и предварительный уговор противны человеческой природе; здесь мы находимся исключительно в области аффекта, не допускающего никакой регламентации.

«В виду всех приведенных соображений, группа резко и категорически высказывается против террора, признает вредными всякие попытки к возрождению его и призывает организацию „Искры“ и „Зари“ и все прочие соц.-дем. организации открыто высказаться против террора и всеми возможными средствами бороться против него»...

Прокламация Нижегородского Комитета, помеченная октябрем н. г. и посвященная назначению фон-Валя товарищем министра, заканчивается следующими словами:

«Молодой, честный, самоотверженный Леккерт не мог совладать с чувством омерзения при виде палача и явился мстителем за товарищей, решив истребить вредного, ненавистного всем человека. Кто решится осудить самоотверженного Леккерта и его праведный гнев? Но, ведь, и все русское правительство, со всеми министрами и царем во главе, вместе является жестоким палачом по отношению ко всему народу. Не лежат ли на нем тысячи преступлений и убийств, может-быть, тысячи и десятки тысяч человеческих жизней? А если так, то может ли обезвредить его уничтожение одной вредной личности? Мы убеждены, что, вместо уничтожения отдельных личностей, гораздо скорее можно обезвредить правительство, отняв силою его власть. На эту цель, товарищи, надо направить всю нашу энергию и всю самоотверженность».

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Мы, Харьковский Комитет, в качестве представителя соц.-демократической организации, главной своей задачей считаем защиту классовых интересов пролетариата; всякая деятельность в духе профессиональных, «чисто-рабочих» интересов массы, а не класса, а также в духе терроризма затемняет истинный смысл революционного движения и ослабляет его; поэтому попытки такого рода должны вызвать резкий протест с нашей стороны. Особенности нашего положения в государстве с самодержавно-бюрократическим устройством и полицейским произволом требуют, чтобы нами на первый план были выдвинуты широкие политические задачи низвержения самодержавия и провозглашения демократической республики.

Осуществление этих основных целей может быть возложено на партию, группирующую около себя всех сознательных революционеров соц.-демократов и ведущую работу по определенному, строго обдуманному плану. Необходимость такого объединения ощущается в данный момент всеми действующими группами. Практическое исполнение этого возможно только путем группировки всех единомыслящих около одного принципиально выдержанного органа, руководящего всем соц.-демократическим движением. Из этих основных посылок ясно наше отношение к органу «Искра»: и принципиальность ее позиции, ее резкая критика узкого экономизма и терроризма, ее борьба с кустарничеством, ее стремление об'единить действующие организации около широких политических задач и выработка плана для этого объединения, — все это побудило нас заявить о своей солидарности с «Искрой» по вопросам принципиальным, тактическим и организационным. — Желательно, чтобы и другие комитеты партии высказали свое отношение к «Искре», так как такое заявление способствует объединению. Заявляя о своей солидарности с «Искрой», мы всеми силами будем оказывать этому органу и его объединительным попыткам материальную и духовную поддержку.

Харьк. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Киевским Комитетом изданы в октябре прокламации: 1) «К новобранцам» (с приложением «Солдатской памятки Толстого») и 2) «Ко всем киевским рабочим» — по поводу суда над харьковскими и полтавскими крестьянами (с приложением заявления защитников). — Кишиневской об'единенной организацией выпущена прокламация «К новобранцам» (печ.).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге 30 октября арестованы, между прочим, студенты горного инст. Гербаненко, Константов и Кострыкин, студ. унив. Прорвич (выпущ.), Н. Полянская.

Вильна. 7 октября на вокзале арестован рабочий литовец Матвей Батулайтис с 3 пудами литературы.

Москва. В сентябре арестован литератор Мамалыжский.

В Костроме в апреле были арестованы, кроме поименованных выше: заведующий статистикой Тихон Попов, статистики: Марья Александрова, Алексей Загайный (за расклейкой прокламаций), Анна Третьякова, Сем. Колокольцев (рецид.); поднадзорные: бывшие студенты Ник. Масляников и Ник. Богданов, хозяин мастерской Василий Буянов (в 7-й раз), раб. Потехин и Кирсанов (старик 70 лет), чиновн. контрольной палаты Вас. Лебедев. Алексей Загайный взят по доносу статистика Кондратьева, который был арестован для виду, но через пять дней выпущен. В августе арест. раб. Морозов, Петровский и Галочкин; в сентябре 5 семинаристов: Краснухин, Невзоров, Чудецкий (выдавал) и еще двое. При апрельском разгроме произведено 200 обысков (у статистиков Грацианского, Мушленко, Гинзбург, Сабанеева, г-жи Шредер, учителей Виноградова, Смирнова, Виленской, Грацианской, заведующей земским книжн. складом Лапотниковой, вдовы офицера Стратилатовой, продавщ. в винной лавке Сперанской, банковского чиновника Беляева, у многих учителей в уездах, в некоторых усадьбах и у многих рабочих). Провокатор (по делу 1891 г.) техник Врублевский ныне состоит шпионом при костромск. губ. жанд. упр. Приметы необнаруженного провокатора по делу Сев. Союза: высокого роста, полный, лет 30—35, блондин, серые глаза, имеет вид ученый. Явился под именем Ивана Алексеевича и выдавал себя за негального и делегата от «Южнорусск. Раб. Союза». Обращаем внимание товарищей на то, что в настоящее время этот субъект, по слухам, находится в том же северном районе.

В Таганроге 11 сентября на вокзале, по приезде харьковского поезда, арестован некто Сапетов. В ту же ночь было около 12 обысков и арестовано еще двое рабочих.

В станице Каменской в середине октября по телеграмме из Спб. был обыск у г-жи Кунделековой.

В Екатеринодаре арестованы Як. Вас. Борисов (бывш. инспектор моск. студ. школы садоводства), в Москве по тому же делу взяты ученики этой школы Ал. Никифоров, Вл. Медведков, Н. Крылов-Баранов, а пять учеников исключено.

В Воронеже арест. 12 окт. заведующий ветерин. бюро Грюнер.

Сосланы — Николай Богданов, бывш. ст. лесн. инст. в Спб. — в Вологодск. губ. на три года (по Пет. и Кост. делам).

Бежали: Доливо-Добровольский (Яросл. дело) из Оренбурга; бывш. моск. студ. Радус-Зенкович из Балаганска.

О нижегор. демонстр. по частным сведениям слышно след.: по Сормовск. делу несколько чел., признанные действовавшими сознательно, присуждены на поселение в Вост. Сиб.; по делу городских демонстрантов высшая мера наказ. — 1 год тюрьмы.

пункт в позиц. соц.-рев. (да и вашей тоже) это тот, что их «обидели» и что они могут горько «жаловаться» «на обиду» всем и каждому, даже совсем не понимающему дела, человеку.

NNN. Письмо и корреспонденции получены.

Рязань. А. С. Получено и пойдет. Пишите.

Ответ Л. Дейча на статью «Подложные грамоты» в № 12 «Рев. Росс.» в виду его размеров отложен.

Получено: из Л. в пользу бежавших 175 фр., от Х. 32 фр., за литер. 18,40 фр., с реф. Ленина 64,60, всего 290 фр. Из Женевы с реф. Инсарова 39,40 фр. Из Цюриха: через Берлин из России в пользу бежавших из Киевской тюрьмы 100 р., от тов. из Линде у Берна 50 фр., из мертвого города 26 р., то же для закл. в Москве 15 р., то же для того же чер. Казанца 16 р., из Гейдельберга для Красн. Кр. 13,53 фр., из Л. от М.-ой, в пользу бежавших из Киева, 40 фр., из Нью-Йорка от гр. одесских товарищей для заключенн. в Одесской тюрьме 100 р. Из Парижа 100 фр., в Лиеже собрано 218 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Уральскому Союзу соц.-дем. и соц.-рев. «Протест» получен. Ответ смотрите в №№ 26 и 27, особенно в статьях «Последнее слово обвиняемого» и «Все о том же». Мы вполне понимаем, что самый сильный

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Алексеевский Равелин — один из бастионов Петропавловской крепости в Ленинграде, в ужасных казематах которого царское правительство морило политических заключенных.

Прим. 2. Смотри № 27 «Искры», заметку на стр. 19 (85): «К 200-летию присоединения Шлиссельбурга».

Прим. 3. «Кара» — название каторжной тюрьмы в Восточной Сибири. В ноябре 1889 г. начальник карийской каторги Масюков подверг политическую каторжанку Сигиду порке розгами. Сигида отравилась, а вслед за ней отравились: Калюжная, Ковалевская, Смирницкая, Бобохов, Калюжный и др.

Прим. 4. Славянофильство — реакционное националистическое течение в среде русских помещиков-дворян, сложившееся в 30—40-х годах XIX столетия. Виднейшими представителями его в 40—50-х годах были: Хомяков, братья Киреевские, Аксаковы и др. Краеугольным камнем всей системы славянофильства было утверждение, что Россия идет в историческом процессе самобытными путями и русскому славянству суждено обновить мир, избавив его от разлагающего влияния Западной Европы, с ее преобладанием материальной культуры над духовной, с ее борьбой классов и насилием и проч. Другой основой славянофильства было православие, сохранившее якобы в чистоте основные принципы христианства. Идеализируя общественные отношения допетровской Руси, славянофильство звало к исправлению того вреда, который, по их утверждению, сделал Петр I, сблизив Россию с Западом, к восстановлению традиций московских царей, при которых существовал, по их мнению, сердечный союз власти и народа («у царя — сила власти, у народа — сила мнения»). Особенность истории России выразилась, по мнению славянофилов и в том, что русский народ, опираясь на «согласие» и «нравственный закон» в противоположность классовой борьбе, господствующей на Западе, создал общину, «союз людей, отказывающихся от эгоизма» (К. Аксаков). Славянофилы были убежденными противниками промышленного капитализма. Они отражали взгляды помещиков-крепостников, стремились лишь к такой реформе крепостного строя, которая соответствовала бы нуждам торгового капитализма середины XIX в. и сохранила бы за помещиками возможность эксплуатации крестьянской общины. После реформы 1861 г. славянофилы стали служить опорой крайней реакции и национализма.

Прим. 5. «Новое Время» — реакционная петербургская газета, основанная в 1865 г. и с 1876 г. издававшаяся под фактической редакцией А. С. Суворина, известная своим угодничеством перед царской бюрократией и погромным национализмом.

Прим. 6. «С.-Петербургские Ведомости» — старейшая русская газета. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. она занимала умеренно-либеральную позицию.

Прим. 7. «Биржевые Ведомости» — газета, основанная Проппером в 1886 г., занимала в 90-х и начале 900-х годов беспринципную позицию, являясь отражением настроений в среде бюрократии. В конце 1905 г. «Б. В.» перешли в руки к.-д. с Милюковым, Гессеном и Струве во главе, были закрыты за напечатание Манифеста Сов. Раб. Деп. и снова вышли в свет под названием «Народная Свобода» (вышло всего 4 №). В конце декабря 1905 г. Проппер снова взял газету в свои руки и повел ее в прежнем беспринципном духе. В конце 1906 г. в эту газету хотели войти мирнообновленцы, но их попытка не увенчалась успехом, и «Б. В.» остались типичным органом желтой прессы.

Прим. 8. В подлиннике по ошибке было напечатано «предшественника».

НОВЫЕ СОБЫТИЯ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ.

Повидимому, непродолжительное затишье, которое отличало последние полгода или три четверти года нашего революционного движения, — по сравнению с предшествующим быстрым и бурным развитием его, — начинает приходить к концу. Как ни кратко было это «затишье», как ни очевидно было для всякого внимательного и сведущего наблюдателя, что отсутствие (на такое небольшое время) открытых проявлений массового возмущения рабочих не означает нисколько прекращения роста этого возмущения и вглубь и вширь, тем не менее среди нашей интеллигенции, настроенной революционно, но не имеющей зачастую ни прочной связи с рабочим классом, ни крепких устоев определенных социалистических убеждений, стали раздаваться многочисленные голоса уныния и неверия в массовое рабочее движение, с одной стороны, а с другой — голоса в пользу повторения старой тактики отдельных политических убийств, как необходимого и обязательного в настоящее время приема политической борьбы. За те несколько месяцев, которые прошли со времени демонстраций прошлого года, у нас успела уже образоваться «партия» «социал-революционеров», громко заговорившая об обескураживающем впечатлении демонстраций, о том, что «народ, увы, еще не скоро», что о вооружении масс легко, конечно, говорить и писать, а теперь надо взяться за «индивидуальный отпор», не отговариваясь от настоятельной необходимости единоличного террора избитыми ссылками все на ту же, одну и ту же (скучную и «неинтересную» для интеллигента, свободного от «догматической» веры в рабочее движение!) задачу агитации среди масс пролетариата и организации массового нажима.

Но вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и «будничных», на первый взгляд, стачек и приводит к событиям, которые показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народолюбивость со всеми его теоретическими и тактическими ошибками. Охватив многие тысячи рабочих, стачка, начатая из-за требований чисто-экономического характера, быстро вырастает в политическое событие, несмотря на крайне недостаточное участие в ней организованных революционных сил. Толпы народа, доходившие, по свидетельству некоторых участников, до 20 — 30 тыс. чел., устраивают поразительные своей серьезностью и организованностью политические собрания, на которых читаются и комментируются с жадностью соц.-демократические прокламации, говорятся политические речи, разъясняются самым случайным и неподготовленным представителям трудящегося

народа азбучные истины социализма и политической борьбы, преподаются практические и «предметные» уроки обращения с солдатами и обращения к солдатам. Администрация и полиция теряют голову (может-быть, отчасти, вследствие ненадежности войска?) и оказываются не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходок под открытым небом. И когда, наконец, пускается в ход военная сила, толпа оказывает ей отчаянный отпор, и убийство товарища служит поводом для политической демонстрации на другой день над его трупом... Впрочем, соц.-рев. дело представляется, вероятно, в ином свете, и, с их точки зрения, было бы, должно-быть, «целесообразнее», если бы шестеро убитых в Ростове товарищей отдали свою жизнь на покушения против тех или иных политических извергов?

Мы же думаем, что только такие массовые движения, связанные с наглядно выступающим перед всеми ростом политического сознания и революционной активности рабочего класса заслуживают названия действительно революционных актов и способны внушить действительное ободрение тем, кто борется за русскую революцию. Мы видим тут не пресловутый «индивидуальный отпор», связь которого с массами состоит только в словесных заявлениях, в напечатанных приговорах и т. п. Мы видим действительный отпор толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихийность этого отпора напоминает нам, как неумно преувеличивать свои революционные силы, как преступно пренебрегать задачей внесения вот в эту, настоящим образом борющуюся у нас на глазах, толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредством выстрелов поводы для возбуждения, материал для агитации и для политического мышления, а научиться обрабатывать, использовать, брать в свои руки тот материал, которого слишком достаточно дает русская жизнь, — вот задача, единственно достойная революционера. Соц.-рев. не могут нахвалиться тем, как велико «агитирующее» действие политических убийств, о которых шушукают так много и в либеральных гостиных и в простонародных кабаках. Для них ничего не стоит (благо, они свободны от всяких узких догм сколько-нибудь определенной социалистической теории!) заменить (или хотя бы даже дополнить) политическое воспитание пролетариата произведением политической сенсации. Мы же считаем способными иметь действительно и серьезно «агитирующее» (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо более важно) воспитывающее действие только события, в которых действующим лицом является сама масса, которые порождаются ее настроением, а не инсценируются «с специальной целью» той или иной организацией. Мы думаем, что целой сотне царевубийств не

произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами; как это участие в борьбе, действительно поднимает новые и новые «непочатые» слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе. Нам говорят о дезорганизации правительства (вынужденного сменять господ Сипягинных господами Плеве и «подбирать» себе на службу самых гнусных проходимцев), а мы убеждены, что отдавать одного революционера хотя бы за десять проходимцев значит дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и без того редки, так редки, что не поспевают за всей работой, «спрашиваемой» от них рабочими. Мы думаем, что настоящей дезорганизацией правительства являются такие и только такие случаи, когда действительно организуемые самой борьбой широкие массы заставляют правительство растеряться, когда законность требований передовых людей рабочего класса выясняется уличной толпой и начинает даже выясняться части войска, призываемого для «усмирения», когда военным действиям против десятков тысяч народа предшествует колебание властей, не имеющих никакой реальной возможности определить, до чего доведут эти военные действия, когда в убитых на поле гражданской войны толпа видит и чувствует своих товарищей, своих сочленов и накапливает в себе новый запас ненависти и желание более решительной схватки с врагом. И не отдельный проходимец, а весь современный строй выступает уже здесь врагом народа, против которого ополчаются местные и петербургские власти, полиция, казаки и войско, не говоря о жандармах и судах, дополняющих и завершающих, как всегда, всякие народные восстания.

Да, восстания. Как ни далеко было от «настоящего» восстания начало этого, повидимому, стачечного движе-

ния в далеком провинциальном городе, а его продолжение и его финал невольно наводят на мысль именно о восстании. Обыденность повода к стачке, мелкий характер выставленных рабочими требований особенно сильно оттеняют и могучую силу солидарности пролетариата, увидевшего сразу, что борьба железнодорожных рабочих есть его общее дело, и восприимчивость его к политическим идеям, к политической проповеди, и готовность отстаивать грудью в прямом сражении с войсками те права на свободную жизнь, свободное развитие, которые успели уже стать общим и элементарным достоянием всех мыслящих рабочих. И тысячу раз прав был Донской Комитет, который в прокламации, целиком воспроизведенной нами ниже, говорил «всем гражданам» о ростовской стачке, как об одном из приступов к общему подвигу русских рабочих с требованием политической свободы. На событиях такого рода мы действительно наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный практически-естественный, следующий шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности.

Неизбежный и естественный шаг, сказал я — и спешу оговориться: если только мы не позволим себе ни на шаг уклониться от надвигающейся на нас, нависшей над нами задачи помочь этим поднимающимся уже массам подняться смелей и дружнее, дать им не двух, а десятки уличных ораторов и руководителей, создать настоящую боевую организацию, способную направлять массы, а не так называемую «боевую организацию», которая направляет (если направляет) неуловимых личностей. Трудна эта задача, что и говорить, но мы с полным правом можем видоизменить так часто и так не-

НИЖЕГОРОДСКИЕ РАБОЧИЕ НА СУДЕ!

Перепечатаваем речи нижегородских рабочих с литографированного листка, изданного Нижегородским Комитетом Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии. Прибавлять что-либо к этим речам значит лишь ослаблять впечатление, производимое этим бесхитростным рассказом о бедствиях рабочих и о росте среди них возмущения и готовности к борьбе. Наш долг теперь — приложить все усилия, чтобы эти речи были прочтены десятками тысяч русских рабочих. Пример Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и их товарищей, геройски поддержавших на суде боевой клич: «Долой самодержавие!», воодушевит весь рабочий класс России для такой же героической, решительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклонного рабочего движения к светому социалистическому будущему.

РЕЧИ ОБВИНЯЕМЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ДЕМОНСТРАЦИЯХ 1 и 5 МАЯ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ ПЕРЕД СУДОМ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ 28 — 31 ОКТ. 1902 ГОДА.

Речь сормовского рабочего Заломова.

Я сознательно примкнул к демонстрантам, но виновным себя не признаю, потому что считал себя в праве участвовать в демонстрации, посредством которой был выражен протест против тех законов, которые, защищая интересы привилегированного класса богачей, не дают рабочим возможности улучшить условия своей жизни. А условия эти настолько ненормальны, что рабочие принуждены во что бы то ни стало бороться с препятствиями, стоящими на их пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена с потерей свободы и даже жизни. Я с раннего детства чувствовал непосильную тяжесть, взваленную на трудящийся класс. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившего все свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существование. Впоследствии я сам стал рабочим, сам стал затрачивать свои силы и здоровье, содействуя этим

удачно приводившиеся в последнее время слова Маркса и сказать: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины» индивидуальных покушений и отпоров, важнее сотни только-интеллигентских организаций и «партий».

На-ряду с ростовской битвой выдвигаются на первый план из политических фактов последнего времени каторжные приговоры над демонстрантами. Правительство решило запугивать всячески, начиная от розги и кончая каторгой. И какой замечательный ответ дали ему рабочие, речи которых на суде мы приводим ниже, — как поучителен этот ответ для всех тех, кто особенно шумел по поводу обескураживающего действия демонстраций не в целях поощрения к дальнейшей работе на том же пути, а в целях проповеди пресловутого индивидуального отпора! Эти речи — превосходный, от самих глубин пролетариата исходящий комментарий к событиям вроде ростовских и вместе с тем замечательное заявление («публичное оказательство» — сказал бы я, если бы это не был специфический полицейский термин), вносящее бездну бодрости в длинную и трудную работу над «действительными» шагами движения. Замечательно в этих речах простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных, десятками и сотнями миллионов повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения (я поставил в кавычки те выражения, которые мне пришлось употребить для характеристики речей нижегородских рабочих, ибо это — те самые знаменитые слова Маркса из последних страниц первого тома «Капитала», которые вызвали со стороны «критиков», оппортунистов, ревизионистов и т. п. столько шумных и неудачных попыток опровержения и изобличения соц.-дем. в том, что они говорят неправду).

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы; именно потому, что напирали они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России, — такое ободряющее впечатление производят их выводы: «Вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства». Обыденность и «массовидность» тех фактов, из которых они делали этот вывод, ручается за то, что к этому выводу могут притти и неизбежно придут тысячи, десятки и сотни тысяч, если мы сумеем продолжить, расширить и укрепить систематическое, принципиально-выдержанное и всесторонне-революционное (социал-демократическое) воздействие на них. Мы готовы идти на каторгу за борьбу против политического и экономического рабства, раз мы почувствовали дуновение свободы, — говорили четверо нижегородских рабочих. Мы готовы идти на смерть, — как бы вторили им тысячи в Ростове, отвоевывая себе на несколько дней свободу политических сходов, отбивая целый ряд военных атак на безоружную толпу.

Сим победиши — остается нам сказать по адресу тех, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

[Н. Ленин]

ЗАКОННАЯ ОППОЗИЦИЯ БЕЗЗАКОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Иностранные газеты сообщают, что фон-Плеве надоели широкие благопожелания уездных сельско-хозяйственных комитетов, и он предложил губернаторам обуздать зарвавшуюся земскую мысль и не позволять губернским комитетам выходить за пределы... сравнительной

накоплению богатств в руках немногих людей. Я видел, что и членам моего семейства, если бы я пожелал иметь таковое, грозит та же участь, что и мне. Отсутствие всякого света и понимания действительности, осуждающее рабочих на вечное рабство, невозможность для рабочих не только жить, но и мечтать о культурной жизни, — весь этот заколдованный круг, из которого я не видел выхода, приводил меня в отчаяние. Бессмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубийстве, как об единственно возможном выходе из невозможного положения. Но знакомство с историей других народов, трудящиеся классы которых, благодаря неустанной борьбе, выбились из положения, одинакового с нашим, привело меня к мысли, что такая борьба возможна и у нас. Возможность хотя бы в отдаленном будущем поднять экономический и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мне богатый запас жизненных сил. Я видел, что тяжела будет борьба для рабочих, трудно бороться с беспросветным мраком невежества, в котором насильственно держат рабочих и крестьян, что много, много будет жертв с нашей стороны. Но какой человек, у которого не вставлен в грудь камень вместо сердца, которого не удовлетворяет чисто животная жизнь, за дело своего народа не отдаст сво-

боды, жизни и личного счастья? Из личного опыта, вынесенного за 10 лет жизни по заводам, я пришел к заключению, что рабочий единичными усилиями не в состоянии добиться нормальных условий жизни, эксплуатация принуждает его довольствоваться положением выючного животного. Многие думают, что, благодаря задельным работам, рабочие имеют возможность при старании заработать больше. Действительно, рабочий может усиленно работать, но это ведет лишь к преждевременному истощению сил, потому что невозможно до бесконечности усиливать напряженность труда, а удерживать на известной высоте заработок возможно только при этом условии, так как больший заработок, вызванный усиленным трудом, ведет к сбавке расценков, сбавлять же расценки никогда не устанут. Дело сводится к тому, что рабочие, благодаря задельной плате и сбавкам расценков, лишаются последнего отдыха, будучи принуждены работать по ночам и по праздникам, сверх обычной дневной работы, не имея в то же время возможности при самом непосильном труде заработать средства, необходимые хотя бы для сносной жизни. Точно так же не может рабочий единичными усилиями поднять уровень расценков и заработка до высоты, необходимой для удовлетворения настоятельных потребностей. А потреб-

оценки методов удобрения. В таком «цыц!», брошенном с высот министерского трона, нет ничего неожиданного. Предполагалось, что комитеты оправдают «драгоценное доверие, им с высоты престола оказанное». Комитеты не «оправдали». Им предложено замолчать. Все последовательно.

В сущности, с первых же заседаний уездных комитетов стало ясно, что, вместо «оправдания доверия», произойдет суд земств над политикой бюрократического абсолютизма. Но — такова одна из ненормальностей нашей политической жизни — подсудимый оказался в роли председателя, который в праве закрыть заседание суда в любой момент. Конечно, подсудимый воспользовался своим правом.

Крайне поучительно отношение к комитетам тех газет, которые отражают «взгляды», излучающиеся из министерских канцелярий. «Гражданин» объявил комитеты «очагами оппозиционной болтовни». «Моск. Вед.»², с годами не теряющие остроты взора, нашли среди комитетов лишь немногих праведников, которые не вверглись в «дебри самохвальства и либеральничанья». Но комитеты нашли влиятельного покровителя в лице старой гетеры русской журналистики, А. С. Суворина³. Правда, и «Новое Время» признало, что большинство комитетов можно упрекнуть в «некоторой горячности охватить слишком широко каждый вопрос». Но — оппозиция? — недоуменно спрашивает почтенная рептилия, — где? и кому? Просто «местные деятели работают потому, что им это поручено». А оппозицию им делать не поручено, значит, о ней не может быть и речи. Конечно, не обходилось без «болтовни». Были и бестактности, вроде «недовольства порядками, указанными Особым Совещ.». Было и либеральничанье и самохвальство. Но «в громадном большинстве случаев на болтовню таких деятелей никто не обращает внимания». «С какой замечательной деликатностью и с каким политическим так-

том, — умиляется газета, — обсуждались, напр., вопросы в предварительном совещании председателей земских управ Моск. губ. Все, что могло подать лишь малейший повод к упреку, что земцы чего-либо домогаются от Особ. Совещ., тотчас было исключено из резолюции» (курсив наш). Деликатные, почтительные, милые земцы! Добрая, снисходительная рептилия!

Точка зрения «Нов. Вр.», берущего под свою опеку земцев, угнетаемых Мещерским и Грингмутом, может быть сформулирована так: Не беда, господа, что либеральный земец поиграет, это он от избытка преданности. Если он при этом слегка созорует, то и это «по поручению». Надо же застоявшемуся земцу дать время от времени политический моцион. Опасаться нечего: ведь все мы прекрасно знаем, что поступков отсюда никаких не произойдет.

Мы не утрируем. В № 9.560 черным по белому напечатано: «Чем больше шансов, что так или иначе работа будет оставлена без внимания петербургскими канцеляриями, тем более чести труженикам, которые не страшатся подобной перспективы, а делают свое дело». И ту же мысль, с восхитительной наивностью, переходящей в самодовольную наглость, высказывает значительная часть нашей провинциальной либеральной прессы.

Таким образом, предполагается, что сами земцы знают заранее о полной практической безрезультатности их дебатов и резолюций, но, «не страшась подобных перспектив», с достоинством упражняются в самодовлеющей гражданской гимнастике. Так ли это, милостивые государи?

Мы хотели бы, мы страстно хотели бы думать, что это не так. Мы хотели бы верить, что они, эти «милостивые государи» земской оппозиции, не позволят себя убаюкивать тем изболтавшимся либеральным публицистам легальной прессы, которые награждают их аттестатами гражданской зрелости в утешение за их бессилие... Мы

ности эти все увеличиваются, так как просвещение, хотя и медленно, но все же проникает в народные массы. Рабочие всеми силами стараются дать своим детям образование. Народные библиотеки могут доказать, насколько сильна жажда знаний среди рабочих. Во многих библиотеках, несмотря на то, что большинство полезных книг запрещено, число подписчиков превышает число книг. Рабочих не удовлетворяют грязные, засаленные тряпки, заменяющие им одежду. Насколько сильно у рабочих желание прилично одеваться, видно из того, что многие отказывают себе даже в пище ради приличного платья. Разумеется, не ради своего удовольствия рабочие ютятся и в каморках, не удовлетворяющих самым примитивным требованиям гигиены. Понимают также рабочие, что питательная пища и более продолжительный отдых лучше восстанавливают затраченные на тяжелый труд силы. Вообще рабочие нуждаются в культурных условиях жизни, и не видеть этого могут только люди, нарочно закрывающие глаза. Несоответствие условий, в которых приходится жить рабочим, с запросами, предъявляемыми к жизни, заставляет их сильно страдать и искать выхода из ненормального положения, в котором они находятся благодаря несовершенству существующего порядка. На гуманность предпринимателей рассчитывать нельзя, так

как они, признавая сами себя людьми, на рабочего смотрят не как на человека, а как на орудие, необходимое для личного обогащения, и чем короче срок, в который можно выжать все соки из рабочего, тем для них выгоднее. Для более успешной эксплуатации труда рабочих предприниматели соединяются в акционерные общества. Для того, чтобы удержать на желательной высоте цены на продукты, производимые трудом рабочих, но принадлежащие предпринимателям, образуются союзы и синдикаты, напр. союзы сахарозаводчиков и нефтепромышленников. Для этой же цели предприниматели добиваются и запретительных пошлин на ввозимые в Россию более доброкачественные и дешевле иностранные товары. Отдельный рабочий, защищаясь от эксплуатации, не может оказать предпринимателям большего сопротивления, чем кусок свинца давлению гидравлического пресса. Отдельный рабочий не может не соглашаться на условия труда, предлагаемые предпринимателем, так как без работы он существовать не может. И даже соединенными силами, при отсутствии благоприятных условий, рабочие не могут противостоять предпринимателю, которому от временной приостановки производства не грозит голод, как рабочим. Рабочие не могут добиться участия в прибылях, получаемых от их труда, не соединившись все вместе

хотели бы надеяться, что они сумеют потребовать у «петербургских канцелярий» внимания и уважения к своему оппозиционному голосу.

В уездных комитетах они старались сжаться в комок, они наряжали свои нелойальные желания в мундир полицейской легальности, они придавали своим конституционным требованиям абстрактную до бессодержательности форму, — и они достигли того, что «Нов. Время» не замечает в их «оппозиционных» резолюциях ничего, кроме похвальной вернопреданности. Что, если фон-Плеве и г. Витте тоже «не заметят» их замаскированной оппозиции? Найдут ли они в себе — они должны найти — достаточно решимости, чтобы членораздельной политической речью объявить агентам самодержавия, «какого они духа суть»?

Какой тактики они намерены держаться в губернских комитетах? Будут ли они покорно итти на вожжах у гг. губернаторов? Проснутся — не в первый и не в последний раз — с «бессмысленными мечтаниями» и примутся за трезвенную оценку удобительных материалов? Вновь оправдают «доверие, с высоты престола оказанное», и заодно уж докажут, что заслужили те покровительственные подзатыльники, которыми поощрил их маститый сутенер «внутренней и внешней политики»?

Или они, наконец, почувствуют себя в первый раз гражданами, а не школьниками? Решатся внести на обсуждение губернских комитетов и земских собраний точно сформулированную политическую программу? Сумеют открыть заседания после того, как губернаторы их закроют, и под председательством ими избранных, а не им навязанных лиц, не убоятся оправдать доверие, им с высоты истории оказанное?

Можно было бы ответить утвердительно, если бы мужественное политическое поведение уездного воронежского комитета не оставалось пока беспримерным и если бы «Освобождение», рабски старательно отра-

жающее господствующий тон земской среды, не ставило тактику оппозиции в зависимости от столкновений фон-Плеве с г. Витте, претендующим, по земской характеристике, на амплуа русского Неккера ⁴ (см. № 10).

Можно с уверенностью сказать, что, если бы русская свобода должна была родиться от оппозиционного земства, она никогда бы не увидела света. Но к счастью, у нее есть более надежные «предки»: во-первых, это революционный пролетариат, во-вторых, это внутренняя, пожирающая себя логика русского абсолютизма.

* * *

Кто выиграл от «прискорбных явлений нашей жизни»? — спрашивает некий публицист. И мужественно отвечает: «Увы! выиграл один только мнимый друг русского самодержавия, русского народа и русской свободы — централизующий бюрократизм, который рос, под всеми предложениями, пропорционально ослаблению правильной и нормальной общественной жизни, под предлогом противодействия эксцессам либерализма, под предлогом умаления общественной и личной инициативы (хорош «предлог»!), под предлогом экономических кризисов, рос и все шире захватывал в свои сети все свободные функции народной жизни».

Это не из заграничных брошюр г. Шарапова ⁵. Это не из последних речей г. Стаховича. Это и не со слов конституционалистов «Освобождения». Нет и нет! Это редактор «Гражданина», конкурент мага Филиппа, неутомимый князь Точка, бескорыстный (казенные объявления не в счет) страж государственных заветов Семибоярщины, взалкал свободы...

Скоро, читатель, настанет день на святой Руси. Ибо что же будет завтра, если уж сегодня сам князь Мещерский, старый петух реакционной полуночи, начинает

в один братский союз. Но и этого единственного выхода они лишены, так как закон, разрешая предпринимателям эксплуатировать рабочих, запрещает последним защищаться от эксплуатации, преследуя союзы и стачки. Чтобы добиться более культурных условий жизни, рабочим необходимо иметь право устраивать стачки против предпринимателей, иметь право организовать союзы, иметь право свободно печатать и говорить на сходках о своих нуждах и, наконец, через своих выборных принимать участие в законодательстве, так как всякая победа рабочих над предпринимателями может быть прочной лишь после ее узаконения. В силу всех изложенных причин, считая рабочих вправе добиваться за свой труд лучших условий жизни, я сознательно примкнул к демонстрантам. Узнав о предполагаемой демонстрации, я решил принять в ней участие и сделал знамена с надписями: «Да здравствует социал-демократия!» на одном, «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» на другом и «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» на третьем. Знамена, с которыми я пошел на демонстрацию, оказались очень кстати, так как у демонстрантов таковых не имелось, и они выражали свой протест лишь криками: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» и пением революционных

песен. Я знал, что за участие в демонстрации грозит каторга. Наказание страшное, в моих глазах хуже смерти, так как человеческая личность там совершенно уничтожается и бесчеловечно унижается на каждом шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своим братьям, дает полнейшее удовлетворение за все страдания, которые пришлось и придется перенести. Личное несчастье, как капля в море, тонет в великом горе народном, за желание помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочих до сих пор не удалось добиться чего-нибудь существенного, начальство и общество сквозь пальцы смотрит на злоупотребления и на явное нарушение законов со стороны предпринимателей. След., требуется что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы привлечь внимание общества на ненормальное положение рабочих и на игнорирование их интересов правительством. Рабочие, создавая богатство и защищая своей грудью общество от внешних врагов, все свои силы отдают государству, но им не дано никаких прав, так что всякий, обладающий капиталом и покладистой совестью, может обратить человека, не имеющего возможности жить без работы, в рабство. Я видел, что существующий порядок выгоден лишь для меньшинства, для господ-

сбиваться и испускать чуть ли не «конституционалистские» ноты!

А ведь только вчера «Гражданин» грозил охранительным перстом сельско-хозяйственным комитетам, этим очагам «оппозиционной болтовни»! Только вчера князю Мещерскому являлся в кошмарно-патриотическом сне призрак «образованного либерального купца», опошляющего вопросы русской государственности. А сегодня...

Что случилось, князь? Публицистический lapsus (описка)? Резиньяция (покорность) перед духом времени? Отошли ли казенные объявления?

Или же и ты, старая крыса, заметила непоправимую течь в корабле русского самодержавия? Если так — торопись, торопись, ибо завтра, пожалуй, будет уж поздно...

Но мало того, что редактор «Гражданина» сам становится на защиту «свободы» против бюрократического централизма, — он и Александра III превращает в тайного воздыхателя по свободе. Оказывается, что «великий Гатчинский Отшельник» — да будет ему тяжела земля! — только и мечтал об освобождении России «от гнета бюрократизма и централизации». Вот где иногда скрываются политические единомышленники!

«Благодаря мнимым союзникам самодержавия, — думал тайный коронованный конституционалист, — бюрократии и централизации, их всезахватывающая волна снизу все возносит вверх, в зародыше туша всякую свободу на месте: не лучше ли тихой волне идти сверху книзу и приносить свободу для каждой плодотворной мысли, для каждого жизненного труда?».

В самом деле, — не лучше ли абсолютизм, сочетавшийся со свободой морганатическим браком? Нагайка, завернутая в пергамент «Великой Хартии Вольностей»? ⁶

Что значит «свобода» на публицистическом жаргоне князя Мещерского, мы разбирать не станем. Может-быть, это паточная славянофильская «свобода» от всяких «бумажных», т. е. правовых гарантий, роль которых выпол-

няет благожелательная деспотическая воля, «тихою волною» изливающаяся «сверху книзу»? Другими словами, может-быть, это просто свобода... от политической свободы? Вопрос темный. Ясно одно: в интересах самодержавия, а значит (у князя — з н а ч и т!) и народа, централизация и бюрократизм должны уступить место общественной самостоятельности. Эту самую ноту — о самодержавии, опирающемся на самостоятельность граждан, вот уж несколько десятилетий усердно тянут наши народнически-либеральные и славянофильски-либеральные публицисты. И усердие их поистине самоубийственно! Вместо того, чтобы демонстрировать на каждом общественном факте ту несомненную истину, что самодержавие не по недоразумению, но по своему внутреннему политическому содержанию есть не что иное, как властная всезахватывающая и всепопирающая бюрократия, наши либеральные недоросли систематически развращали общественную мысль, отрицая противоположность интересов абсолютизма и земского самоуправления. Одни делали это по врожденному недомыслию, другие — в надежде «обойти» самодержавие двумя-тремя хитроумными силлогизмами. Но как политическая простота первых, так и политиканская вороватость вторых составляют самые позорные страницы в истории нашей публицистической мысли. Никакие «независящие обстоятельства» не могут тут служить оправданием. Не засорять обывательское сознание фикциями свободолюбивого деспотизма и конституционного кнута, но очищать это сознание от идеологических переживаний патриархальной государственности, — вот задача, единственно достойная политического деятеля!

И надо сказать, что самодержавие, дошедшее до самоотрицания в лице князя Мещерского, до самопожирания в лице Зубатовых и Плеве, Оболенских и Вaley, само облегчает нашу задачу. Нужно только, чтобы мы сами не отдалили часа своей победы, изменяя планы

ствующего правящего класса; что пока самодержавие не будет заменено политической свободой, дальнейшее культурное развитие русского народа невозможно; что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков; что самодержавие является врагом русского народа. И вот почему я написал на своем знамени: «Долой самодержавие и да здравствует политическая свобода!».

Речь сормовского рабочего Алексея Быкова.

Я не признаю себя виновным, но вышел на Большую дорогу, где была демонстрация, сознательно, присоединился и заявил свои требования. Отец мой всю жизнь провел в весьма бедном положении. Нас было четыре сына, он нас не мог даже воспитать, а не только дать нам какое-нибудь маленькое образование. Когда отец отдал меня работать, то я увидел со стороны заводской администрации одни только притеснения. Не только заведующие цехов, а даже нижние чины, которым я был отдан рабом, все меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не в состоянии

был выполнить. Потребности, которые касались моих душевных сил, я никогда не мог удовлетворить. Я видел массу обирательства со стороны заводской администрации, которые касались нашего материального положения, существования нашей жизни. Работал я на четырех заводах и ни на одном заводе нет честных правил и честных людей со стороны администрации и везде только сбавляют расценки и стараются только оштрафовать, да лишний час заставить проработать — это нет слаще для хозяина. Я работал под управлением Николая Леонидовича Мануилова. Мне приходилось несколько раз просить повышения расценок и поденного жалования, но он не обращал на все наши просьбы никакого внимания, отвечал всегда грозным голосом и говорил, что «если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю в полицию или рассчитаю». И я стал опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться без куска хлеба. После этого я проработал два месяца. Этим не я один был обижен, а все и каждый. Собрались рабочие и пошли к конторе просить повышения заработка. Заведующий обратился к ним и сказал: «Если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиции, что вы бунтуете, и вас арестуют и посадят в тюрьму». А рабочие сказали, что «мы не бун-

оппозиционных и революционных кампаний в зависимости от настроений правительственных сфер. И мы уверены, что соц.-демократия пребудет верна себе.

В этой политике нервных зигзагов, в этой сутолоке административных «единоборств», оппозиционных колебаний и революционной растерянности, в этом хаосе течений и настроений, которым кратковременность их существования не позволяет превратиться в направления, одна только партия революционного пролетариата имеет великое счастье сознавать прочность своей политической позиции.

Заигрывания бреттеров самодержавия так же мало способны бросить ее в зубатовские объятия, как издевательство самодержавных камаринских мужиков — в азартную игру политического террора. И на предательские заигрывания и на бешеные преследования она отвечает одним и тем же: расширением и углублением своей революционной работы. Сменится много политических курсов, появится и исчезнет много «партий», претендующих на усовершенствование соц.-демократической программы и тактики, но историк будущего скажет: «и эти курсы, и эти партии были лишь незначительными, отраженными эпизодами великой борьбы пробужденного пролетариата». Революционный по своей общественной природе, но никак не вследствие преследований, всегда революционирующий и всегда революционирующийся, верный своему классовому естеству при всякой политической конъюнктуре, он неизменно шел тяжелыми, но верными шагами по пути к политическому и социальному освобождению.

[Н. Троцкий]

ДВЕ КОМЕДИИ «ПОМИЛОВАНИЯ».

Фома Кочур, стрелявший в харьковского губернатора, присужден военным судом к смертной казни и затем «помилован» царем по просьбе самого князя Оболенского и приговорен к бессрочной каторге. Об этой просьбе упомянуто специально в официальном сообщении о приговоре суда, а затем самое прошение кн. Оболенского опубликовано в газетах. Князь Оболенский, его жена, мать и две дочери просят царя не допустить, чтобы князь, хотя бы косвенно, послужил причиной смерти другого человека. Так говорится в прошении.

Все это звучит наглой фальшью в устах человека, еще недавно засекавшего крестьян с утонченной жестокостью новейшего Аракчеева⁷. Конкуренту фон-Валя в деле кнутаобойства не приходится останавливаться перед лишим трупом. Не остановился же перед трупом Лекерта фон-Валь. Вся эта комедия с ее рекламным финалом имеет лишь один смысл: при помощи ее правительство пытается выйти из противоречивого положения. С одной стороны, новая виселица должна вызвать новое возмущение; с другой — в эпоху Плеве — нельзя обнаруживать «колебаний» в деле расправы с врагами. Едва ли, однако, кого-нибудь собьет с толку эта комедия. Правовое чувство политически-развитых слоев русского народа, — вопреки всяким «помилованиям», — будет возмущаться тем фактом, что исключительный суд на основании исключительных законов приговаривает к смерти и отправляет в бессрочную каторгу тех, кто пытается единолично протестовать против таких преступлений царских слуг, за которые в свободной стране князю Оболенскому и фон-Валю грозила бы каторга.

Не успокоит этого возмущенного правового чувства и весть об освобождении из сибирской ссылки лиц, арестованных за участие в московских и петербургских прошлогодних волнениях (главным образом, петерб. и

туемся, а просим свое, которое добывается нашим потом и кровью». «Если вы не будете работать, то я приведу полицию». Они побоялись и стали работать. «А того человека, как Быкова, я отправлю к местному приставу, откуда будет он отправлен в первый тюремный корпус». Когда я обратился к нему и стал просить, то он за это меня поставил на тяжелую работу и на маленькое жалование. Когда я проработал один месяц и нашел прокламацию, в которой было известно про первое мая, то я не мог дожидаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошел на Большую дорогу, где увидел партию демонстрантов и три знамени, на которых было написано: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» и «Восьмичасовой рабочий день!», и присоединился к этой группе сознательно и кричал: «Да здравствует политическая свобода, да здравствует восьмичасовой рабочий день!».

Речь сормовского рабочего Самылина.

В 1896 г. я работал на заводе Курбатова. Здесь из молодежи образовался кружок, имеющий целью самообразование, и носил чисто экономический характер. Наш кружок кто-то выдал, и меня посадили в тюрьму.

Пока я сидел в тюрьме, семья моя страшно бедствовала... дойдя до степени нищеты. Я был старшим в семье, оставшейся без отца, состоявшей из пяти человек, и все средства к существованию добывал только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что может заработать женщина на поденной работе? Жалкий грош. И вот за то, что я участвовал в экономическом кружке, меня продержали 15 мес. в тюрьме и выслали из Нижнего в место приписки на год, выбросив меня на улицу незнакомого места, где я, лишенный работы, ходил положительно голодный. Когда я сидел в тюрьме, у меня родилась мысль, что, если за то, что человек хочет защитить себя от насилия фабрикантов и старается пополнить свое образование совместным чтением, его сажают в тюрьму, то ясно, что фабрикантам покровительствует кто-то свыше и что интересы промышленного класса не чужды правительству... Когда я приехал из ссылки сюда в Нижний и поступил работать на Сормовский завод, здесь полиция стала являться под различными предлогами ко мне на квартиру и высматривала, нет ли чего подозрительного на моей квартире. И достаточно было появления на заводе или на улице Сормова прокламаций, как полиция являлась с обыском ко мне на квартиру. И хотя не находила ничего преступного, но это не ме-

моск. студентов). После того, как бывший командир корпуса жандармов кн. Святополк-Мирский потерпел позорное поражение в своей попытке личным объездом склонить студентов к подаче прошений о помиловании; после того, как громадное большинство сосланных отказалось построить самодержавию золотой мост для неизбежного отступления и ответило на заигрывание жандарма с подобающим его званию презрением, — правительству пришлось — дабы отнять у студенчества повод к непосредственному продолжению прошлогодних беспорядков — «помиловать» студентов без всяких условий. Чтобы скрыть скандал своего поражения, правительство не обошлось без обычного приема деления на овец и козлищ: постановлением императора все сосланные в Сибирь за участие в волнениях прошлой зимы разделены на три категории: в первую вошли лица (14 мужч. и 3 женщ.), которые теперь же освобождаются от всякого надзора полиции и лишь до 1 июля 1903 года им запрещено жительство в столицах. Второй категории (32 мужч. и 8 женщ.) предстоит остаться под гласным надзором полиции до 1 июля 1903 г. с тем, однако, что они могут избрать себе жительство в Евр. России вне университетских городов, если «по семейным и родственным отношениям, а также по условиям материального обеспечения (??) перевод их представляется возможным». Наконец, причисленные к третьей категории (50 мужч. и 7 женщ.) освобождаются из Сибири 1 июля 1903 г. с оставлением под гласным надзором полиции на срок до 1 марта 1904 года.

«Освободительная» царская грамота, между прочим, сообщает, что «тов. мин. вн. дел поручено было собрать сведения о поведении этих (т. е. сосланных в Сибирь) лиц на месте их пребывания и личным их опросом определить, насколько наложенные на них административные взыскания соответствуют учиненным ими проступкам». Эти зо-

лотые слова как нельзя лучше характеризуют царящую у нас гнусную систему административной замены суда. Через полгода после того, как 114 лиц по приказам царя сосланы в Сибирь, туда отправляется чиновник исследовать, заслужили ли они — с точки зрения самого правительства — эту расправу. Этими несравненными словами правительство само признает, что ссылало, не разбирая, правого и виноватого, что оно действовало в своей борьбе с общественным движением, как шайка разбойников, сбросивших с себя последний фигурный листок «законности». Эти слова должны заставить призадуматься каждого, самого умеренного обывателя о том, можно ли еще терпеть то правительство, которое не стесняется при случае рассказать, что оно сначала наказало, а потом разобрало!

Нам, социал-демократам, приходится во всем этом эпизоде приветствовать лишний раз услугу, оказанную правительственными мудрецами делу русской революции. Вынужденное путешествие студентов в Сибирь весной этого года обратилось в сплошное торжество в честь революции: ссылаемых демонстративно встречали на пути их следования в ссылку. Через полгода они возвращаются с запасом опыта достойной и мужественной политической борьбы, возвращаются не как «помилованные» побежденные, но как нравственно победившие люди, заставившие правительство выпустить их из плена, несмотря на их отказ просить об этом, несмотря на заявления многих из них, что они будут продолжать в России прежнюю борьбу. В добрый час! И пусть возвращенные не забывают, что их возвращение не было бы столь скорым, если бы самодержавие не имело всех оснований опасаться, что дальнейшее пребывание их в Сибири вызовет новые волнения среди всех слоев общества и особенно в пролетариате. Пролетариат своим вмешательством в последние события заставил правительство серьезно бояться новых поводов к револю-

шало ей прийти во второй и третий раз и, может-быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли в тюрьму. При обыске у меня, находя научные книги, спрашивали: «Для чего вы имеете у себя эти книги и тратите на них деньги, не библиотека ли у вас какая?»... А разве рабочий не должен пополнять своего скудного образования чтением книг? Разве рабочему не нужно образование? Разве ему не нужно знать, что делается на белом свете?.. Работая на Сормовском заводе, я видел, что крупные промышленные предприятия эксплуатируют рабочего еще больше, чем мелкие. Всякие притеснения со стороны администрации, взяточничества со стороны мастеров доходят до наглости. Помню один случай с подарком. Мастер той мастерской, в которой работал и я, ввел в правило, чтобы рабочие подносили ему подарок в день ангела. Деньги собирали старшие рабочие. Когда же один рабочий воспротивился этому, то мастер, придравшись к нему, рассчитал его с завода, как бунтовщика, который подбивает рабочих. Хотя эта история и дошла до фабричного инспектора, но все осталось по-старому.

Когда я узнал за несколько дней до первого мая, что в Сормове будет демонстрация, то вышел на Большую дорогу и сознательно примкнул к демонстрантам,

потому что считал себя в праве протестовать против насилия над личностью. И чтобы обратить внимание правительства на рабочих, нужно выходящее из ряда вон событие — резкое и энергичное.

Речь столяра Михайлова.

Я пришел на демонстрацию сознательно, потому что хотел вместе с другими показать, что я недоволен нашими порядками и хочу их изменения. Я, будучи еще 12 лет, был избит нагайками казаков. В то время я работал на винном заводе в городе Бежецке, и когда рабочие стали просить с хозяина прибавки жалованья, тот им отказал, а когда они прекратили работу, то хозяин обратился за полицией к правительству. Прислали сотни полторы диких казаков, и прежде, чем приняться за дело, хозяин их напоил водкой, и потом уже спустил на рабочих. На моих глазах одной девице вышибли глаз, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза, и я упал в обморок. Многих рассчитали, а я и другие немногие остались, ожидая улучшения, но ничего не было, и я тоже ушел. Я пришел в Нижний, чтобы и здесь найти, чем кормиться, но долго шлялся без куска хлеба и однажды

ционными протестам. Пусть же революционное студенчество проникнется убеждением, что его первый политический долг в настоящее время помогать партии пролетариата в ее работе над революционизированием и организацией широкой массы пролетариата.

[Л. Мартов]

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ИЛИ ОТСТУПЛЕНИЕ?

«Если бы Л. Дейч просто заявил, что некоторые наши выражения, напр. о „всеобщем осуждении“, преувеличены и если бы доказал такое свое заявление фактами, очень возможно, что мы с ним охотно согласились бы», — так рассуждает автор статьи «Подложные грамоты» в № 12 «Рев. Росс.». В своем письме, помещенном в № 23 «Искры», я говорил всего о двух выражениях — о «всеобщем осуждении» и о нашем «горьком раскаянии», след., мне невозможно было заявить о «некоторых» из двух! Но далее, так как я не «заявил просто» и не «доказал этого фактами», то, значит, «Рев. Росс.» остается при прежнем своем утверждении. Но в следующей же строке автор говорит: «Мы заявляли (?) и продолжаем утверждать, что подавляющее большинство русских революционеров и как раз наиболее видные и авторитетные, отнеслись безусловно отрицательно к принципу, на котором была построена чигиринская попытка».

Где и когда «Рев. Росс.» раньше заявляла это, мне неизвестно. В № 8, как мы знаем, она утверждает, что «весь революционный мир» отнесся с «резким осуждением к чигиринской попытке», а теперь она «заявляет» уже о «подавляющем большинстве», хотя бы и состоявшем «из наиболее видных и авторитетных революционе-

ров», отнесшемся отрицательно к «принципу», что уже далеко не одно и то же.

Этим, полагаю, автор сам признает, что он впал в «преувеличение» в № 8, когда говорил о «всем революционном мире». Таким образом, «огурец» оказывается уже не «с гору», а только «с дом», но и «дом» этот, как мы сейчас увидим, таков, что в него «двоим за нужду влезть и то ни стать ни сесть».

Кропоткин⁸ говорит в письме, что «большинство чайковцев было против них, но среди более боевых групп, особенно на юге, Дейч и Стефанович⁹ имели не мало сторонников». Автор статьи, очевидно, не соглашается с П. Кропоткиным; он, повидимому, думает, что «более боевые группы» не составляли тогда «большинства», и среди них не были «наиболее видные и авторитетные революционеры». Между тем, лицам, знакомым с историей нашего движения, известно, что в то время к этим группам принадлежало преобладающее большинство кружков: на юге кружки Ив. Ковальского (в Одессе и Херсоне), Виттенберга и Гобста в Николаеве, Брантнера и Глушкова в Харькове, а в Киеве, как известно, действовали В. Осинский, Мих. Фроленко и др., принимавшие самое активное участие в освобождении нас из тюрьмы. На севере, в С.-Петербурге, Москве, по Волге и Дону раскинула свою деятельность организации «Земля и Воля», к которой тогда принадлежали: Ал. Михайлов, Ал. Квятковский, Баранников, Абалешин, Ольга Натансон, Мих. Попов, Г. Плеханов и некот. другие. Эта организация не только не была против чигиринской попытки, но, главным образом, на ее средства была совершена последняя, а после нашего побега из тюрьмы, летом 1878 г., «Земля и Воля» предложила Стефановичу и мне отправиться в ее поселения, чтобы попытаться создать там тайные общества. Еще в живых Г. Плеханов, «земледелец», написавший воспоминания, и лицо, передавшее нам значительную сумму денег для чигирин-

утром взял у ночного сторожа жестяной чайник, который хотел продать и купить хлеба, но сторож заметил, и меня забрали и отправили в колонию. Жить там было плохо, с воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики из-за этого делали у себя в погребах и амбарах кражи, чтобы быть сытыми, и другие, как ястреба, бегали из колонии в деревню и ломали замки, а за то их арестовывали и они сидели в тюрьме. Воспитание тоже в колонии было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вот, чтобы избавиться от колонии и отдохнуть, воспитанники часто бегали из колонии, а другие, чтобы попасть в больницу, нарочно толкли стекло и им засыпали себе глаза, а другие, как Мишуков, ошпаривали себе кипятком ноги и руки. Часто за всякие пустяки сажали в карцер. Я сидел часто в карцере, всего 17 раз, не меньше 7 дней и не больше 16. Один мальчик из-за плохого карцера хотел покончить с собой через поджог, но его удалось спасти. Перед моим выходом был бунт из-за того, что директор из экономии не выдавал теплой одежды. Нас хотели силой гнать на ужин и для этого прислали рабочих, которых мы встретили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы так провели ночь и полдня; к вечеру нас стали осаждать по при-

казанию директора камнями. Многим моим товарищам проломили головы, и когда мы совсем изнемогли, нас всех перевязали и отправили кого в карцер, кого в овин и в баню. В овине привязали стоя к столбам, назад руки, и так продержали целые сутки и не давали есть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали под скамейкой и тоже продержали сутки голодным, а потом перевели в сушилку и продержали там 16 дней, и все время давали лишь кусок небольшой хлеба и стакан воды. Когда я вышел из карцера, директор меня наказал — без горячей пищи на две недели. Я не захотел этого исполнить, и меня опять посадили в карцер на четыре дня, но скоро совсем меня выпустили из колонии и почти голого оставили на улице осенью в Нижнем и даже не дали места, тогда как других ставили на места и одевали при выходе, но с меня еще и свои заработанные деньги вычли за бунт. Я начал работать, но и хозяин меня притеснял и плохо платил жалованье и, кроме того, часто штрафовал. Однажды пришли из ремесленной управы чиновники и стали всем выдавать расчетные книжки. Книжка стоит 1 р. 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что, когда я был маленький и ходил без куска хлеба и мерз, меня никто не видел, но когда теперь я могу работать, ко мне тянут руки купец

ской попытки. Что же, все эти кружки составляли тогда ничтожный контингент, а перечисленные мною лица принадлежат к наименее «видным и авторитетным»?

Но автор статьи имеет «свидетельство т. Е. Лазарева», что «петербургский кружок „радикалов“ (прод. кружка чайковцев), в котором участвовал Клеменц, Перовская, Степняк и др., подавляющим большинством отклонил предложение оказать Стефановичу даже простую денежную помощь для осуществления его проекта». Все это — сплошной вымысел. В описываемое мною время, т. е. до нашего ареста (осенью 1877 г.), никакого кружка «радикалов» (продолжателя кружка чайковцев) не было; Клеменц и Степняк были за границей и не входили ни в какой из действовавших в России кружков. «Большинство» же чайковцев, о которых упоминает П. Кропоткин, в России составляли: С. Перовская, А. Корнилова, Сердюкова, Чарушина и Л. Синегуб — и только. Они не представляли из себя никакого революционного кружка, и все их внимание было сосредоточено на оказывании помощи заключенным в тюрьмах. Как «большинство» это отнеслось к чигиринской попытке, мне неизвестно, но что касается С. Перовской, то, насколько я мог заключить из разговоров с нею осенью 1879 г., она сама готова была примкнуть к новому предприятию, если бы его затеял Стефанович. Об этом именно говорится в конце ее биографии, изд. загр. отд. Кр. Нар. В. (стр. 21—23).

Далее, этот же «свидетель» Е. Лазарев заявляет еще, что среди сидевших по делу 193 «не раздалось ни одного голоса в защиту операции с подложными манифестами». Это заявление столь же правдиво, как и вышеуказанное. Сидя в тюрьме, зимой 1877—78 г., мы переписывались с Е. Брешковской, которая сообщала нам, что ее товарищи — Ковалик, Войноральский, Муравский и др. — с большим сочувствием относятся к чигиринской попытке. При этом она пересылала нам

письма ее друзей, и ни в одном из них не было ничего похожего на отрицательное отношение. Е. Брешковская и С. Ковалик еще живы.

Сославшись на неимение №№ выходивших в то время революционных изданий, — о чем могу лишь пожалеть, — автор все же пытается подкрепить свое утверждение печатными источниками. Он указывает на воспоминания Дебагория-Мокриевича, печатавшиеся в «Вестн. Нар. Воли», но в середине 80-х гг., — а не в конце 70-х, что надо было бы автору для подкрепления своих утверждений, — и на статью Драгоманова¹⁰ в «Общ.»¹¹, будто бы направленную против чигиринской попытки. В действительности же было следующее. В ответ на напечатанный Стефановичем в «Общ.» разбор малорусских произведений Драгоманова, которого он упрекал за отрицательное отношение ко всему русскому революционн. движению, Драгоманов поместил там же свою статью, в которой, между прочим, сказано: «Что же касается, в частности, до нашего мнения о таких вещах, как прибегание тех или других из „русских революционеров“ к молебнам и к другим подобным приемам для возбуждения к себе внимания „народа“, напр., к самозванству, подложным грамотам от царя и т. п., то мы и после возражений Стефановича остаемся при том же своем мнении, что во всем этом мы видим примирение с тем, с чем следует бороться» («Общ.» № 8—9, стр. 55). Драгоманов, как известно, одинаково нападал на устройство демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г., как и на убийство Мезенцева «из-за угла», и на многое другое, если не сказать — на все русское революционное движение. Но нужно полное незнание нашего прошлого или очень богатое воображение, чтобы ссылаться на приведенный даже Драгомановым только пример, как на доказательство, что в изданиях конца 70-х годов была, мол, статья Драгоманова против чигиринской попытки!

и чиновники в лице правительства и начинают обирать, но на это не обратили внимания — и вычли больше, чем следует, — 4 р. Я стал думать: неужели же я создан для того, чтобы содержать людей, а самому вечно биться из-за куска хлеба?.. Я однажды нашел листок, и там говорилось, что правительство собирает с народа сотни миллионов с табака, спичек, керосина и вина, и эти деньги идут на армию и флот, никому ненужные, только для защиты своих мундиров. Я часто находил листки и все более стал убеждаться в произволе правительства. Потом и с самим был случай: из деревни прислали бумагу, чтобы я заплатил подати, но я отказался, говоря, что отец мой не пахарь, а земля принадлежит пахарю, а я столяр, и мне нужен верстак. Но вот, когда я поступил к другому хозяину, хотя и небогатому, но честному человеку, по донесению шпионов раз ночью ворвались жандармы и полиция и, ничего не найдя, хозяина увели в тюрьму, и я должен был содержать его семью, но жандармы мне не велели, потому что так пришлось бы скорее разориться и итти шляться, но я этого не сделал, и хозяина через полтора месяца выпустили. Наконец, я понадобился и в солдаты, но и здесь я отошел кое-как от службы из-за маленького брата. К нам часто в мастерскую привозили мужички

лес и жаловались, что у них описывают последние самовары и даже у невест приданое. Конечно, испытав сам много горя, я оставался недоволен насилием правительства и ждал случая, чтобы высказать свой протест. И вот перед первым мая 1902 г. я нашел листок, где звали желающих на демонстрацию, и я пошел, но в этот день ничего не было, а было 5 мая, и я взял красное знамя и пошел на назначенное место, но ничего не было. Я прошел на откос, где увидел группу людей и стал петь песни, потом, когда окружила полиция, выкинул красное знамя и крикнул: «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода и восьмичасовой рабочий день!».

* * *

На вопрос председателя палаты, кто ему дал знамя, Михайлов ответил, что это его тайна, и он не желает объяснять.

Столь же удачны и верны решительно все ссылки и доводы нашего автора. Так, он приводит кое-что из заявления редакции «Черн. Перед.», где говорится, что она «не думает пропагандировать тех средств, которые практиковались в чигиринском деле». Но что в этом заявлении не заключается «резкого осуждения» чигиринского дела, видно уже из отзыва постороннего человека, историка нашего движения, проф. Туна, который прямо упрекает редакцию «Черн. Перед.» в том, что она «ни единым словом не высказала своего порицания» и что «оправдывает» (entschuldigt) прибегание в этом деле к царскому авторитету («Geschichte d. rev. Bew.», стр. 137).

Совершенно таков же, как и редакции «Черн. Перед.», был мой и Стефановича взгляд на эту попытку: мы решительно стояли против пропаганды «авторитарного принципа», — мы говорили только, что, при сложившихся в чигиринском уезде условиях во время происходивших там волнений (1875 — 76 гг.), иным способом нам нельзя было там действовать. Это, думаю, подтвердит и П. Кропоткин, теперь утверждающий, что он тогда уже указывал на другие способы и приемы.

Но далее. Несколькими вырванными из общей связи фразами из «Подп. России» автор желает уверить читателя, что Степняк относился «безусловно отрицательно» к чигиринскому делу. Некоторые резкие выражения, встречающиеся в книге Степняка, наряду с восторженными, по поводу чигиринской попытки, объясняются тем, что он писал свои «профили» много лет спустя, а главное, что он предназначал их первоначально для иностранной публики и лишь в 1893 г. выпустил их по-русски. Глава о Стефановиче составлена к тому же из частей, писанных в разные эпохи. Но что в конце 70-х годов Степняк не относился к чигиринской попытке, как к «бесовской мистификации», знают находящиеся в живых друзья его. Наоборот, они смогут «засвидетельствовать», что отношение его тогда было скорее восторженное и что он сам просил Стефановича привлечь и его к делу создания где-либо в другом месте организации среди крестьян.

Еще более вески и убедительны доводы, приведенные в доказательство того, что мы со Стефановичем «горько раскаивались». Для этого автор ссылается на еще не напечатанное сообщение одного «Землевольца», заявляющего, что Стефанович отказался от «авторитарного принципа». Допустим, что на этот раз наш автор вполне верно цитирует находящуюся у него лишь в руках рукопись, по его словам, «одного из редакторов „Земли и Воли“, каковым, к слову, „Землеволец“, написавший записки, никогда не был. Что из этой цитаты следует? Только то, что и я выше сообщил, а именно — Стефанович вовсе не стоял за «авторитарный принцип». К тому же из чигиринской попытки он вынес знание и опыт, как взяться за устройство организации среди крестьян, уже не пользуясь именем царя. Но нужно обладать воображением «дворянина» или «князя», возвратившегося «из дальних странствий», чтобы, на основании сообщения «Землевольца», утверждать, что Стефанович «горько раскаялся в своем ложном шаге».

Второй довод в доказательство нашего «горького раскаяния» еще лучше указанного: один, видите ли, будто бы участник чигиринской попытки, Дебагорий-

Мокриевич, говорит, что, попав в тюрьму, он «чувствовал себя перед крестьянами, как провинившийся мальчишка». Но Дебагорий-Мокриевич к числу участников чигиринской попытки не принадлежал; он впервые узнал о ней уже после ареста нас троих — меня, Стефановича и Бохановского, которого автор почему-то упорно обходит молчанием. По поручению Стефановича, переданному из тюрьмы, Дебагорий-Мокриевич поехал разыскивать одного скрывшегося крестьянина, и в этом состояло все его прикосновение к нашей попытке. Можно было выразить удивление или даже восхищение по поводу впечатлительности Мокриевича, почувствовавшего себя виноватым за чужие деяния, но сделать из его слов заключение, что, след., Стефанович и Дейч «горько раскаивались», совершенно аналогично известному силлогизму: «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Мне следовало бы еще остановиться на чудесной ссылке на Бакунина — «духовного отца, отказавшегося от своих детей», надо полагать, от нас, чигиринцев, что он сделал, конечно, с того уж света, так как он умер в июне 1876 г., а чигиринская попытка была затеяна Стефановичем лишь зимой 1876 — 1877 г.; я мог бы кое-что сказать и о вольном комментарии письма П. Кропоткина, будто бы находившего лишь «смягчающие» нашу вину «обстоятельства»; не мешало бы, наконец, показать автору, что он обнаруживает полнейшее незнание с «народничеством», когда докторальным тоном поучает читателей, что я, будто бы, желаю взвалить вину «отдельных лиц или незначительного кружка на все „народничество“»; но мой ответ уж и без того чересчур растянулся. Скажу лишь, что решительно ни один из приведенных автором доводов не подтверждает ни прежних утверждений, сделанных в № 8 «Рев. Росс.» ни нового его заявления. Мало того, статья «Подложные грамоты» переполнена сплошь массой совершенно неосновательных и вполне произвольных утверждений.

Я поэтому уверен, что нашему автору придется сделать еще одну уступку и признать, что в новом его утверждении о «подавляющем большинстве» имеются также «некоторые преувеличения», и заявить, что, мол, «были отдельные лица и, в лучшем случае, незначительные кружки», к тому же состоявшие из наименее «боевых», революционных членов, которые в конце 70-х годов отнеслись отрицательно к чигиринской попытке. А если он к тому же прямо признает, что лишь на основании ложных посылок и неправильных сообщений сделал свою «аналогию» о моем и Стефановича «горьком раскаянии», то и я «охотно соглашусь» в этом случае с ним.

Л. Дейч.

БОРЬБА РОСТОВСКИХ РАБОЧИХ.

Грандиозная борьба вспыхнула в Ростове-на-Дону 2 — 4 ноября, обнаружив еще и еще раз, в назидание всем малочисленным, какая громадная революционная энергия накоплена рабочим классом и как глубоко проникли семена соц.-дем. пропаганды.

Приведем, прежде всего, сообщения наших донских товарищей.

«4 ноября, в 10 час. утра, в главных мастерских Влк. ж. д., в которых работает около 4.000 чел., вспыхнула стачка, в которой приняли участие все рабочие, почти без

исключения. Стачка была подготовлена. В этот день появилась прокламация местного Комитета с призывом к стачке, которая произвела сильное впечатление. С утра началось брожение, но рабочие не могли начать. В 10 час. утра в мастерские ворвалось несколько человек, не работающих в мастерских, с криком: «Бросай работу!». Рабочие нескольких цехов с криком: „стачка“ высыпали на двор. Заранее подготовленный отряд организованных рабочих бросился в машинное отделение и дал тревожный свисток. Инженер Голоцуцкий и кочегар, пытавшиеся воспротивиться этому, были избиты. Высыпавшим во двор после гудка рабочим была прочитана прокламация. Произнесено несколько кратких речей. Рабочие приняли все требования, выставленные в прокламации, именно: 1) 9-часовой рабочий день; 2) прекращение работ по субботам и накануне праздников в 2 ч. дня; 3) повышение жалованья на 20 проц.; 4) повышение расценок, чтобы они составляли не менее 50 проц. жалования; 5) полная отмена штрафов за неявку на работу; 6) удаление мерзавцев мастеров Вицкевича и Чернявского; 7) вежливое обращение мастеров; 8) устройство школы для детей рабочих; 9) вывешивание таблицы расценок во всех цехах. К этим основным требованиям потом была прибавлена масса требований второстепенных, всего 25 пунктов. В виду того, что рабочие являются сторонниками сдельных работ, Комитет должен был отказаться от агитации против сдельных работ. Стачкой предполагается воспользоваться для широкой политической агитации. Настроение среди рабочих хорошее; все говорит, что будут держаться до конца. Власти поражены умелым поведением рабочих: не слышно ни одного ругательства, не разбито ни одного окна.

На присланной нам (печатной) прокламации от 4 ноября Донской Комитет добавляет след.:

«5 ноября к стачке присоединились рабочие депо, 6 ноября рабочие завода Пастухова (400 чел.) бросили работу и присоединились к стачке. Возле мастерских собирается толпа на несколько тысяч человек. Произносятся речи интеллигентами и рабочими. Ораторов выносят на руках. На сходки рабочие приходят всем семейством — с женами и детьми. До сих пор (7/XI) ни одного ареста. Полиция и жандармы боятся дразнить голодающую толпу. На всех заводах страшное брожение. Ожидаем всеобщей стачки. Прокламации выходят по две в день».

6 ноября Донской Ком. обратился со след. прокламацией «Ко всем гражданам»¹².

«Первый снег, — и вместе с ним первый отдаленный раскат надвигающейся революции. Рабочие владикавказских мастерских бросили работу и выставили свои требования. В них нет ничего политического, но самый факт такой крупной стачки своим могучим напором рвет старые заржавленные средневековые цепи самодержавия. И не дождемся мы, быть-может, будущего „первого снега“, как те же рабочие стройной тысячной толпой пройдут под красными знаменами соц.-демократии с громким криком: „Долой самодержавие! Да здравствует свобода!“, пройдут по улицам Ростова, которые еще никогда не слышали вольных криков свободы. Они — и только они — в силах разрушить смрадное здание проклятого самодержавия, они — и только они — в силах дать свободу задуманной, голодной Руси.

«Придите же к нам на помощь в их первых трудных шагах борьбы. Придите вы, втайне ненавидящие запятнанное кровью гнуснейших преступлений самодержавие; придите вы, втайне болеющие за вымирающий от голода народ; придите вы, втайне робко мечтающие о свободе. Придите на помощь, чем можете. Окажите борющимся хоть материальную поддержку!

«Проснитесь же, граждане!».

Приводим те из многочисленных сообщений о событиях, которые наиболее полно рисуют картину борьбы и впечатление, производимое ею:

«Ростов переживает теперь тревожные дни. Он вышел, наконец, из своей спячки. 2 ноября началась стачка в мастерских Владикавказской жел. дор. Бросили работу котельщики, предполагалось это дело занять, но в понедельник, 4-го, бросили и остальные цехи, 5-го вышли прокламации от Донск. Комитета с программой действия и с требованиями (требования до 25 параграфов). Поли-

ция пока бездействует, и 6-го происходит грандиозный митинг. На дворе мастерских (Вл. ж. д.) сошлось более трех тысяч одних рабочих, не считая прилхых. Не взирая на присутствие переодетых и непереодетых жандармов, начальника их, жандармского полковника Артемьева и пр. и пр., произносятся громовые речи, поддерживаемые громкими криками собравшихся. На 7-е назначается новая сходка. В 12 часов на том же дворе, на прилегающих к нему пустырях, собирается еще большее количество народа, т. к. накануне были разбросаны и расклеены прокламации к обществу, и в тот же день неизвестно по каким причинам вспыхнул пожар на заводе Пастухова. Зрелище было еще более сильное. Речи не умолкали, крики свободные тоже. Пока еще не предпринимают ничего. На завтра назначена опять сходка, на которую ожидаются рабочие других заводов. Донской Комитет открыл свою типографию и выпустил к новобранцам массу прокламаций. В то же время обнаружилось странное и еще небывалое явление: в учебные заведения были присланы прокламации от Южно-Русской группы учащихся средних школ. Одна из таких прокламаций попала в руки инспектора гимназии, но он еще ничего не предпринял»...

«К рабочим Вл. ж. д. присоединились рабочие завода Панина (жел. зав.); забастовали пекари. На ст. Тихорецкой, Влад. ж. д., тоже побросали работу. В продолжение пяти дней рабочие, в количестве 3—4 и более тысяч, собираются за городом, разбрасывают прокламации, которые тотчас же прочитываются, затем говорят речи, прежде всего убеждающие рабочих продолжать стачку и не сдаваться. Сегодня за городом, кроме рабочих Вл. ж. д. в числе 4 тысяч, пришли с других фабрик и заводов, толпа собралась не меньше 10 тысяч. Собрались в предместьях Темернике на возвышении. Начал говорить один бывший рабочий: говорил, что унижительно уступить капиталистам, толпа прокричала, что не пойдет на уступки; потом он говорил, что рабочие в отдельности не должны вести переговоры с хозяевами, потому что рабочий обыкновенно не сможет ясно формулировать свои требования, его убеждения не настолько ясно сложились, чтобы он мог выложить все, что желает, для этого необходимо действовать целой массой, посредством печатно выраженных требований; потом сообщил, какие рабочие на других заводах забастовали, и сказал, что администрация очень трусит, потому что забастовка Влад. ж.-д. мастерских грозит раздвинуться дальше, и весь Ростов будет охвачен стачечным движением; он передал, что наказный атаман сказал, что если стачка еще продолжится 2 дня, то рабочие будут удовлетворены. Это он узнал из достоверных источников. Во все продолжение этой речи ему не мешали ни полиция, ни жандармы. Вот уже 5 дней, как у нас свободно говорят обо всем, ободряют стачечников и убеждают их держаться стойко, и жандармерия дает собираться народу и обсуждать его интересы. Когда говорил другой оратор, понемногу стали наезжать казаки с нагайками и пиками. Оратор, увидя, что начальство все больше приближается к народу и тем пугает людей, собравшихся не для каких-либо преступных целей, а мирно обсуждающих свои дела, спросил, зачем здесь жандармерия. В толпу в'ехал подполковник и стал читать рабочим ответ министра путей сообщения Хилкова: требования рабочих не могут быть удовлетворены, и если рабочему не нравятся условия найма и заработной платы, пусть берет расчет и, если чем-нибудь недоволен — обращается в суд. Оратор спросил, соглашаются ли на это рабочие, те закричали: нет!!

«Полковник велел разойтись. Толпа, подстрекаемая оратором, осталась на месте. Тогда прискакали казаки и стали об'езжать толпу, для запугивания. Народ вел себя очень сдержанно, спокойно и слушал оратора, который говорил, что толпу не имеют права трогать, потому что это мирная стачка, рабочие не буйствуют и никого не оскорбляют. Начальство все больше убеждало разойтись, но толпа не двигалась, а казаки все больше приближались к ней. Оратор обратился к казакам, говоря, что разве под их мундирами не бьется человеческое сердце? Что они сами вышли из тех же крестьян и, окончив службу, попадают на фабрики и заводы, они не посмеют избивать ни в чем неповинных людей, добивающихся только сносных условий труда. Потом оратор закричал: „Пока казаки не удалятся, народ не разойдется!“ Казакам велено было уда-

литься, и народ понемногу разошелся. Назначена сходка на завтра, на том же месте»...

«По улицам встречаются кучки рабочих, которые горячо толкуют о стачке. Пройдя Темерницкие ворота, поднимаемся на гору, со всех сторон идут рабочие. Все пространство площади было разделено на две части рвом. На одном краю его стояла масса рабочих, там и сям читались прокламации, рабочие, слушая их, все более возбуждались. Вдруг все закричали: „Товарищ идет!“ и зашевелились; пришел вождь, все очищали перед ним дорогу и оживились. Он остановился на другой стороне на площадке, масса двинулась за ним и заняла собою оба откоса и громадное пространство на дне рва. Народ все прибывал. Было около 8 тысяч рабочих и около полутора тысяч женщин, наконец, пришли ораторы и стали говорить речи. Толпа слушала очень внимательно и единодушно отвечала на вопросы ораторов. Они решили продолжать стачку и 13 числа взять получку за прошлый месяц.

«Во время речей толпа—рабочие, учащиеся и публика—сидела на земле. Многие женщины сели на краю рва и невозмутимо сидели, несмотря на то, что на них почти наезжали казаки. Оказалось, что казаки не уехали совсем, а только скрылись в стороне. На завтра назначена сходка в 12 час. дня»....

«Ростов-на-Дону, 13 ноября... Сообщаю новые подробности ростовских „ноябрьских дней“. Здесь творится нечто небывалое еще в России. Как только вспыхнула стачка в мастерских Влад. ж. д., на всех фабриках и заводах началось невиданное брожение. Во многих местах рабочие бросали работу и опять ее начинали, уходили с работы смотреть, что делается „на стачке“, и потом приходили обратно. Забастовала и предъявила требования понастоящему только фабрика Токарева (свыше 300 чел.). Требования эти удовлетворены, и 11 ноября на фабрике началась работа. Теперь, кроме мастерских ж. д., бастуют: плугостроительный завод „Акса́й“, цементный „Союз“ и табачная фабрика Асмолова; предъявленные требования, в общем, сходны с требованиями железнодорожников. Не работают на табачной фабрике „Работница“, на плугостроительном Григорьева и К°, на железоделательном и чугунолитейном зав. Дутикова. Не работает много мелких мастерских и отдельных рабочих всевозможных производств. Все забастовавшие и масса любопытных стекаются к одному центру — железнодорожникам. С первого дня стачки начались сходки, на которых говорят два постоянных оратора—интеллигент и рабочий. Речи эти исключительно ярко-политического характера. 4, 5 и 6 ноября сходки, вернее митинги, происходили во дворе мастерских ж. д., но когда количество участников этих сборищ превысило десять тысяч человек, и двор мастерских не мог вместить всех интересующихся, митинги были перенесены „на балку“ — в огромный крутой овраг, находящийся между Ростовом и ст. Гниловской. В четверг, 7-го, было уже тысяч 15 слушателей, и ораторы говорили с горы к народу не смущаясь присутствием войск. В четверг же в Ростов прибыли еще войска, вместе с атаманом и всей областной администрацией. Вообще административная жизнь области как-то замерла: в полиции целую неделю почти не вскрывается и не рассматривается. Срочные бумаги лежат без исполнения, тогда как все чины полиции усердно посещают митинги. В пятницу, 8-го, рабочим была прочитана телеграмма министра путей сообщения, который признал все требования рабочих незаслуживающими удовлетворения. Прочитав эту телеграмму, жандармский полковник Артемьев приказал толпе разойтись и больше не собираться скопом. Тот же самый приказ повторил и сам войсковой наказный атаман и пригрозил рабочим разными бедами за непослушание. Поднимается тогда оратор и, не смущаясь присутствием грозного начальника области, спрашивает: „Господа, боимся мы атамана?“ — „Нет, не боимся“, — отвечает толпа. — „Станем мы слушаться его приказаний?“ — „Нет, не станем“, — режут в ответ тысячи голосов. — „Ну, тогда оставайтесь на месте и будем продолжать наши разговоры“.

«Само собою разумеется, казакам дан был приказ разогнать толпу нагайками. Но избиение на этот раз не состоялось, благодаря замечательному маневру оратора. Он приказал всем сесть, и несколько тысяч человек, мужчин, женщин и детей, уселись на землю и смиренно ожидали

своей участи. Казаки опешили и остановились в недоумении. Бить сидячего с седла крайне неудобно, и казаки, погарцовав немного, прекратили это глупое занятие. В середине толпы встало несколько человек и подняли на плечи оратора, который обратился с речью к казакам. Тогда толпа объявила, что дальнейшие сходки запрещаются и с участниками их будут поступать по всем строгостям закона. Казаков убрали, и толпа разошлась.

«В субботу казаки заняли балку, но стачечники собрались недалеко от нее. Видя, что толпа велика и что с нею трудно справиться, стачечникам объявили, что атаман разрешает им на этот раз сходку для того, чтобы они выбрали депутацию к нему. Депутация была избрана, и политический митинг продолжался своим чередом. Характерно, что когда депутация явилась к атаману, этот глупый бурбон заявил, что он не желает с ними разговаривать и соглашается их выслушать в виде особой милости. Депутаты держались солидно и с большим достоинством ответили на эту нелепую выходку.

«В воскресенье атаман разрешил собраться только для выслушания ответа депутатов. Тем не менее митинг продолжался от 11 до 3 час. дня. Народу собралось видимо-невидимо; мы определяем толпу в 25—30 тысяч чел. Торжественное, неслыханное еще в России зрелище представлял этот митинг. Стояла прекрасная погода, и солнце освещало многотысячную толпу, в которой, тесно прижавшись друг к другу, стояли представители буквально всех слоев общества. Даже крупные буржуа на собственных рысках приезжали взглянуть на своего пробуждающегося врага. Как и в предыдущие дни, речи носили ярко политический характер. В одной из них сопоставлялось развитие христианства с развитием социализма. Одна речь была посвящена армии, ее роли и значению в капиталистическом государстве вообще и в России в частности. Комментировалось это примерами из китайской войны. В виду того, что значительная часть рабочих относится все еще крайне враждебно к политической агитации, а часть стачечников даже угрожала стать на работу, если их будут „запутывать в политику“, — было произнесено несколько речей на тему: „Почему мы произносим политические речи“. Речи эти произвели очень сильное впечатление на толпу. Дисциплина и порядок на митингах — образцовые, толпа повиновалась каждому слову ораторов. Митинг сопровождался возгласами массы: „Да здравствует политическая свобода, свобода стачек, сходок и собраний, слова и печати. Мы требуем справедливых законов и равенства всех перед законом“. Несмотря на категорическое запрещение атамана, толпа решила собраться на следующий день. В этот же день было расклеено по городу обязательное постановление о воспрещении носить оружие, останавливаться на улицах и т. д. Кроме того, было издано напечатанное крупным шрифтом новое постановление, по которому всякие сходки безусловно воспрещаются, зачинщики будут немедленно арестованы, а войска будут без всяких церемоний действовать оружием. В тот же день состоялось, под председательством атамана, экстренное совещание чинов администрации и представителей ж. д. Управляющий дороги готов был сделать все уступки, за исключением 9-часового рабочего дня и отмены штрафов, но атаман восстал против этого, говоря, что тогда другие рабочие не успокоятся, пока не получат того же. Совещание решило во что бы то ни стало арестовать ораторов и не допустить новой сходки, не останавливаясь даже перед самыми крутыми мерами.

«В понедельник с утра казачьи нагайки начали дружно действовать. Казаки напали на толпу женщин, шедших на сходку, и начали их колотить. Женщины героически защищались, отняли у казаков четыре пики и все-таки явились на сходку. В самой балке, едва только успела собраться небольшая толпа рабочих, как на нее напали казаки. Стачечники сели на землю, но и этот маневр не удался: казаки скакали прямо на сидящих. Тогда рабочие поднялись и оказали сопротивление. Камнями им удалось отбить казаков (во время свалки три казака с лошадьми были сброшены в овраг и казачий офицер поранен) и перейти на Темерник, где на перекрестке двух наиболее широких улиц собралась попрежнему громадная толпа рабочих и кучка интеллигенции. Решили не расходиться. Вскоре сюда явились солдаты и казаки, и началось сраж-

ние. Толпа разобрала несколько заборов, выдергивала колья во дворах, ломала деревья, крыши и „слег“ (для вывешивания флагов) и вооружилась всем этим. В несколько минут были наворочены целые груды камней. Рабочие взбирались на крыши домов, накладывали там груды камней и обстреливали ими казаков. Толпа вырывала у казаков пики и ломала их. Всадников стаскивали с лошадей, отбирали у них сабли и ружья, отнимали пики и нагайки. Шесть раз войска нападали на толпу и отступали с большим уроном. Град камней обращал в бегство казачьи лошадей. А толпа все прибывала и становилась свирепее. Наконец, казаки окончательно отступили, и началась сходка. С обеих сторон много раненых, одну женщину страшно искололи пиками. Сходка продолжалась до двух часов дня, и толпа решила разойтись с тем, чтобы завтра собраться на том же месте. В половине четвертого, когда уже осталось совсем мало народа, мальчишки насмешками разозлили солдат, и те бросились избивать их. За мальчиков вступились взрослые и очень скоро обратили солдат в бегство. Тогда в толпу по команде дан был залп, без предупреждения. На месте осталось 6 чел. убитых наповал, 12 чел. тяжело раненых; есть еще раненые, но число их не установлено. Слух о выстрелах страшно наэлектризовал весь город. На улицах заметно было значительное оживление. Толпы людей ходили и громко выражали свое возмущение. Можно было ожидать какого-нибудь взрыва. По улицам везде были расставлены усиленные наряды городских и патрули казаков (в понедельник же был ранен жандармский полковник Артемьев и еще несколько офицеров). Казаки с песнями и гиканием раз'езжали по всем направлениям — на страх врагам. Перепуганная администрация ночью экстренно отпечатала и облепила весь город брошюрой Богдановича: „Русским рабочим душевное слово“. Но русские рабочие срывают „душевное слово“, не дочитав даже первого столбца.

«Во вторник на сходку толпа шла вооруженная; все ожидали страшного кровопролития. Ночью прибыло из Екатеринослава 2.000 солдат и масса кубанских казаков. Комитет, как и в первые дни, находил, что если администрация не допустит митинга, то стремиться прорвать цепь войск и идти в город на демонстрацию. Войска преградили доступ на Темерникскую сторону ростовским и нахичиванским рабочим. По Доломановскому пер. и Темерникскому проспекту много дворов было заперено войсками. Особенно много их было во дворах фабрики Панченко и мельницы Филонова. Все проезды через Темерник были заняты войсками, но рабочие все-таки умудрились перебраться через замерзшую речку. На месте сходки народу собралось больше прежнего. Толпу выстрелы только озлобили, администрацию они испугали. После торжественных обещаний, письменных и устных, ни за что не допустить сборки — на месте сходки не было ни одного городского. Произносились попрежнему политические речи. В толпе лежал труп одного из расстрелянных, которого не выдали полиции. Хотели было идти с этим трупом демонстративно в город, но потом отказались.

«14-го была новая сходка, на которой попрежнему не было полиции. Войска со всех сторон стягиваются в город. Среди казаков растет недовольство атаманом; прокламаций к войскам не удастся распространить. Несколько дней уже закрыты все винные лавки, виноторговли, ренсковые погреба, даже увеселительное заведение „Палермо“. Торговые операции города страшно сократились. Торговцы просят атамана успокоить рабочих, фабриканты настаивают на укрощении и подавлении.

«Ежедневно выходят прокламации (печатные) в количестве 1.500—2.500 штук. Больше не успевает изготовлять типография за ночь. Количества этого не хватает, так как толпа набрасывается на прокламации с большей жадностью, чем голодные на хлеб. Распространяются они на виду у полиции и жандармов. Вначале прокламации бросались в толпу, но это вызывало слишком большую суматоху. Тогда решили их раздавать, но и тут результаты не вполне удачны. Одного распространителя чуть не задушили, на другом разодрали пальто. Из-за прокламаций происходят целые свалки.

«На сходке и вообще на Темернике не осмеливаются никого арестовать, зато на улицах прямо-таки хватают заподозренных лиц. Производится масса обысков. В по-

недельник исчез один из главных ораторов. Вероятно, он арестован на улице и увезен в какую-то тюрьму. Во вторник в двух случаях толпа отбивала у полиции арестованных. В пользу стачечников собрано уже 1.300 руб.

«Повторяю, события наши изобилуют массою любопытнейших подробностей, но теперь буквально не в состоянии описать их. События на меня сильно повлияли, и я все время страдаю бессонницей, так что едва вожу пером по бумаге.

«Как бы ни кончилась стачка, воспитательное значение ее колоссально, и уж сейчас явился огромный спрос на нелегальную литературу. Нужны буквально десятки пудов литературы, и заграничные организации нравственно обязаны теперь же посылать сюда транспорты».

Приводим еще одно письмо от 13 ноября в несколько сокращенном виде и опускаю фамилии ораторов: «На другой день (4 ноября) все рабочие (ж.-д. мастерск.) не работали и собрались на дворе для совещания. Один рабочий сказал речь на тему о силе единодушия, он пробовал указать и на политическую сторону стачки, но старики отнеслись неодобрительно. К этому дню вышла уже вторая прокламация, которая замечательно быстро расходилась. Город наводнен жандармами и шпионами, атаман с 4 сотнями донских казаков там же. Недавно прибыли кубанские и терские казаки числом до 1.000. Рабочие хотели пройти по городу с красным знаменем, но старики протестовали. На следующий день уже было до 8.000 чел., масса рабочих с других фабрик и заводов, а также много интеллигентов и учащихся (несмотря на строгое запрещение посещать сходки). На этой сходке нашелся новый оратор-интеллигент. Ясностью и пылкостью речи он приковал внимание всех, так что ему удалось указать на политическую сторону, и его последние слова: „Долой самодержавие“ были приняты дружными одобрительными возгласами толпы. С каждым днем бастуют все новые и новые рабочие, даже булочники и переплетчики мелких мастерских. Сходки — ежедневно от 11 утра до 5 вечера с речами указанных ораторов. Полиция боится трогать ораторов на сходках, но так рыщет по всем углам, а сыскать их не может.

«Следующая сходка, которая была еще многолюдней, состоялась в балке за Темерником, ибо во дворе было мало места. Пристав заявил, что атаман просит к себе депутатов. На следующий день количество народа на сходке достигло до 20.000 чел. Оратор-рабочий объявил результаты переговоров с атаманом: оказывается, что атаман не просил депутатов, он был груб и предложил выдать ораторов: тогда, де, он сделает уступки. При этом оратор заявил, что, если народ верит обещаниям атамана, то он и товарищи его сейчас, на глазах рабочих, отдадутся в руки полиции. Эти слова были заглушены единодушным криком: „Не выдадим!“ (некоторые из рабочих плакали). Уже вся 20.000-ная толпа подхватывала крик: „Долой самодержавие!“ Ораторы указывали на крестьянские голодовки и истязания и на тихорецкую драму. После речи был устроен сбор денег и было собрано 342 р. 80 к., но многие не ожидали сбора и пришли без денег; на-днях в обществе собрано свыше 1.000 руб.; во время сходки разбрасывались прокламации. Чернь со времени Нерона не бросалась так на хлеб, как присутствующие на прокламации. Происходила ужасная давка. Один рабочий, чуть не плача, кричал: „Хоть одну прокламашку“... Описав следующую сходку, речь к казакам, отражение их атаки и выстрелы в толпу, автор заключает: „Полицией были вывешены объявления о наказании за присутствие на сходках, но публика и рабочие срывали их, так что городские не подпускали к ним никого.

«9-го хотели устроить демонстрацию в театре: шли „Мещане“, но атаман велел эту пьесу снять».

«Ожидают тов. министра вн. дел. Мясоедова-Иванова. На-днях было совещание атамана, жандармов, фабрикантов и заводчиков. Последние хотели уступить, но атаман протестует, особенно против 9-часового рабочего дня. Он говорит: „Я их нагайками заставлю работать!“ Хозяева предлагают деньги на выписку войск. Общество возмущено избиением рабочих и всецело сочувствует им. Настроение бодрое и стойкое. Было получено сообщение, что в Ростов идут шахтеры из Таганрога».

Вот еще выдержка из письма:

«Уже восьмой день нас треплет нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходят собрания на Темернике. Вчера было шесть конных атак на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненых. Однако, толпа держалась стойко. Все атаки были встречены градом камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пехотинцы, и дан был залп без всяких предостережений. 7 чел. остались на месте убитые, 15 сильно ранены и отвезены в больницу. Убитых толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа опять собралась. Полиция не препятствовала, только устроила кордон вокруг реки Темерника, желая воспрепятствовать толпе, если она двинется в город. Обысков еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодетого гимназиста. По улицам раз'езжают и расхаживают целые отряды казаков. Приехал атаман, кто-то из министерства путей сообщ. и многие другие»¹³.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н. - Новгород. ... Сообщу, прежде всего, окончательную судьбу здешних судебных процессов: по сормовскому делу шесть человек лишены всех прав состояния и высылаются пожизненно на поселение в отдаленные места Сибири: Заломов, Самылин, Алексей Быков, Дружкин, Ляпин, Фролов. Остальные семь оправданы.

По нижегородскому делу двое — Кислова и Георгиевский — оправданы, двое — Моисеев и Лубоцкий — лишены всех прав состояния и высылаются пожизненно на поселение в отдаленные места Сибири, остальные пять — Доброхотова, Синева, Ленинова, Михайлов, Дертов — с лишением всех прав в не столь отдаленные места. Михайлову всего 21 г., Лубоцкому — 16.

Все обвиняемые держались, как говорят, геройски, не только не отрицая своего участия, но говорили речи, в которых открыто признавали себя революционерами, и говорили, что таковыми всегда останутся. Особенное впечатление произвели речи Заломова, Самылина и Моисеева. Они, да и все остальные, говорили, каким путем пришли к своим убеждениям.

Все держались на общей почве; во втором процессе почти ничего не говорили о самом факте 5 мая. Защитникам мало что оставалось говорить; некоторые даже жаловались, что обвиняемые так хорошо говорили, что трудно сказать лучше, да и опасно говорить лучше — самим можно попасть на скамью подсудимых, хуже же говорить было бы стыдно.

Главная роль защитников состояла в поддевании и уничтожении свидетелей. Надо им отдать справедливость, делали они это артистически.

Теперь по городу масса анекдотов: напр., спрашивают одного свидетеля, повидимому, сыщика; он отвечает на все вопросы все, как следует, кончает, и председатель спрашивает: «Можете еще что-нибудь сказать, свидетель?» и свидетель отвечает: «Нет, больше начальство не приказало».

Поддели здорово также директора Сормовских заводов. Он хвастался, как хорошо живет рабочим, завод устроил больницу, школу. На одну школу тратится 3.000 руб. в год. Защитник спрашивает, правда ли, что с жалования рабочих берется определенный процент. Директор успокаивает, что процент не велик, всего копейка с рубля, жалованья же рабочим в месяц выдается очень много, слишком 30 тысяч. «Так вы думаете, что завод на свои средства содержит школу?» — спрашивает защитник...

Обвинены все по 252 ст., только со смягчением на 2 степени.

Говорят, речь прокурора была очень коротка и странна; во втором процессе он сказал, что обвиняемые столько насадили о себе, настолько себя обвинили, что ему нечего прибавить. Насколько свободно давали высказываться обвиняемым, показывает тот факт, что Моисеев кончил свою речь словами: «Долой самодержавие!»...

Саратов. Таких массовых арестов, как в ночь на 1 ноября, здесь не запомнят. Очевидно, саратовское отделение его жандармского величества предполагало ко дню суда над демонстрантами (4/XI) очистить город от «неблагонадежных» элементов. Однако, старания его не увенчались успехом. Погром мало затронул Комитет, и он продолжает выпускать листок за листком.

Суд над демонстрантами (4—7/XI) прошел тихо. Безлюдно (если не считать за людей, шнырявших в массы шпионов и полицейских) было на улицах вокруг суда, как безлюдно было в самом зале суда — присутствовали одни женщины, матери и жены подсудимых: воля монарха закрыла двери суда даже для членов палат и председателя окружного суда. Обвиняемые заранее предвидели, что суд окажется трагикомедией с заранее предписанным решением, и некоторые из них отказались от защиты (Воеводин, Ефимов, Фофанов, Ошанина). И в своем приговоре, в своем отношении к подсудимым, суд оправдал это предвидение, но вместе с тем перед ним словно носился призрак грядущей революции и заставлял его высказывать возможную нелицеприятность. Это особенно проявилось при допросе свидетелей обвинения. Жандармское дознание, признанное судебным следствием, на суде было окончательно уничтожено и даже изобличено в подлоге. Судья Лазаревский, подавший потом голос за оправдание подсудимых, заставил свидетелей-полицейских признаться во лжи и подтвердить, что приказание «разойтись» не было. Единственно это избавило товарища Ефимова от каторги. Один из свидетелей обвинения заявил, что его весенние показания были сочинены жандармом Zubовым. Все свидетели обвинения были изобличены в прямом прикосновении к сыску; ни один не дал тех же показаний, что весною, ни один не признал в лицо тех обвиняемых, против которых лжесвидетельствовал.

И тем не менее, большинство членов суда (Стельмакович, Ухтомский, Арсеньев) высказалось за обвинение. Позорно вел себя председатель суда, лишивший подсудимых последнего слова. Лишь только т. Фофанов, излагая мотивы своей деятельности, начал свою речь: «Я соц.-демократ...», как сейчас же был прерван председателем: «Мы знаем, что вы соц.-демократ». Ошанина была обворована председателем после двух-трех фраз. Все это настолько возмутило всех подсудимых, что Ефимов вскричал: «Я презираю эту судебную трагикомедию», а Архангельская резко протестовала против поведения председателя и заявила о своем сочувствии и солидарности с товарищами. За это именно она и идет на вечное поселение — из следствия явствует, что Архангельская не была на демонстрации.

Говорить удалось одному только т. Воеводину. «Два года тому назад,—сказал он,—когда я работал в Екатеринославе, меня арестовали по причине, которая и до сих пор мне неизвестна, и выслали под надзор полиции в чужой для меня город — Саратов. Здесь, терпя голод, холод и всеческие лишения, тщето выпрашивая работу и всякий раз теряя ее вследствие настоящих полиции, испытывая унижения от любого городского и всяких других прислужников царского правительства, я 16 лет впервые понял, что моя беда лишь частица общего горя и гнета, которые тяготят над всей рабочей массой. Что наши враги — капиталисты, выжимающие из нас соки, царское правительство, всецело стоящее на их стороне и мешающее вести борьбу за наши интересы. Мне как и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, как выйти на улицу и кричать: „Долой капиталистов, долой самодержавие“. Участвуя в демонстрации, я исполнил свой долг, поэтому я требую для себя полного оправдания».

Из речей защитников замечательна пылкая речь спб. прис. пов. Волкенштейна. Указав на растущее сознание народных масс, на все учащающиеся проявления народного протеста, на всю политику самодержавия, заставляющую бороться с ним всех сознательных людей, защитник сказал: «...Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, принадлежащие к партии, которая спасет Россию!».

Приговор: 1) Архангельская Надежда, бывш. курсистка; 2) Бочкарев, ветер. врач; 3) Ефимов Василий, раб.; 4) Косович, б. студ.; 5) Ошанина, б. фельдш.; 6) Губаровская Анисья, б. фельдш., и 7) Фортунатов, стат. — к лишению всех прав и ссылке на вечное поселение; 8) Бударина, фельдш., и 9) Воеводин, раб. — 2½ г. тюрьмы; 10) Сарапу-

лова — 3½ г. тюрьмы. Григорьева, Дьякова, Фоминых и Штейнберг — освобождены.

Горько и тяжело здесь у всех на душе от этого приговора, но вместе с тем, весь этот суд — и самый способ суда, и эти закрытые двери, все поведение ссылаемых товарищей, защитников и самих судей невольно заставляет убеждаться, что это «вечное» поселение не будет таким. Пусть самодержавие прячется за закрытыми дверями судов, пусть оно в последней агонии ссылает и вешает борцов за свободу, — наемной шайке лживых и гнусных шпионов, какая дефилировала в суде, мы противопоставим сознательную и солидарную армию рабочего класса, и раскроются, наконец, двери всероссийской тюрьмы. Что приговор не запугает, а лишь заставит с еще большей энергией бороться всякого, в ком рождается мысль и живет чувство, — это слишком ясно. И если теперь выхваченные жандармами из толпы демонстранты показали яркий пример нравственной мощи, то близко уже время, когда большинство сознает, что это его дело сказать последнее и решительное: «Долой самодержавие!».

Исключение подтверждает правило. Мы не раз уж высказывались по поводу уездных комитетов и недостаточности их законной оппозиции незаконному самодержавию. Тем более необходимым считаем мы отметить отрадное «исключение» и привести целиком присланные нам доклад Мартынова и речь Бунакова, которые нашли в себе элементарное мужество высказать прямо и откровенно свои давние, затаенные убеждения. Проходит уже, к счастью, такое время на Руси, когда затаенные убеждения можно было считать действительными убеждениями...

«Доклад в Воронежский уездный комитет о нуждах сельско-хозяйственной промышленности члена комитета С. Мартынова: Современное критическое положение сельско-хозяйственной промышленности и громадное значение этой отрасли народного хозяйства, как основы сельско-хозяйственной жизни России, побудили правительство передать вопрос о нуждах ее на обсуждение местных полу-официальных учреждений и допустить к участию в последних различные и случайные элементы общественные. Само собой разумеется, что общество должно отнестись к этому факту с надлежащей осмотрительностью и не брать на себя таких задач, которых оно при современных условиях выполнить не в состоянии. Правительство уже однажды использовало этот путь, когда в 1894 г. обратилось за выяснением нужд с.-хоз. хозяйственных к земским учреждениям, и последние, при помощи своих стат. и с.-хоз. организаций, собрали и представили по этим вопросам огромный материал, громадная ценность которого, как в количественном, так и в качественном отношении, нашла себе надлежащую оценку в речи, произнесенной бывшим мин. вн. дел в первом заседании Особ. Сов. Таким образом, фактическое положение дел в настоящее время известно правительству. Тем не менее, последнее нашло необходимым дополнить этот огромный фактический материал и в инструкциях местным комитетам указало, что, кроме специальных вопросов, предложенных на их обсуждение, комитеты могут иметь суждение также и об общих вопросах, имеющих отношение к с.-хоз. промышленности. Таким образом, правительство само пришло к убеждению, что нужды сельского хозяйства так тесно переплетаются с вопросами общегосударственными и до такой степени зависят от того или иного решения последних, что отделить их друг от друга невозможно; с другой стороны, что огромный фактический материал, собранный земствами, все-таки не дает ключа для разрешения многих вопросов с.-хозяйственной промышленности именно потому, что последние рассматривались изолированно, без отношения к современному политическому и финансовому положению страны. Современный упадок с.-хоз. промышленности отнюдь не является случайным или местным. Хронические голодовки населения, уничтожающие огромные количества сельских хозяйств, захватывающие из года в год огромные районы в различных полосах России, а также аграрные движения, вспыхивающие со стихийной силой в различных, отдаленных друг от друга, местностях, доказывают, что причины с.-хоз. кризиса лежат глубоко в основах современного

политико-экономического строя страны и, завися в незначительной степени от местных условий, не могут быть устранены местными, случайными мероприятиями. Таким образом, при обсуждении нужд с.-хоз. промышленности, в комитетах неизбежно должны возникнуть и обсуждаться вопросы общегосударственные, а затем уже частные специальные вопросы. Между тем, ни состав местных комитетов, ни юридические полномочия их не могут дать ни правительству, ни обществу достаточной гарантии в том, что эти огромной важности вопросы будут поставлены и обсуждены с надлежащей полнотой и всесторонностью. Благодаря устранению выборного начала при составлении комитетов и пополнению их лицами, занимающими известное административное положение, члены комитетов отнюдь не являются законными и уполномоченными представителями нужд местного населения и потому, конечно, не могут взять на себя проектирование частных мероприятий, полезность которых для местного населения может оказаться в значительной степени проблематичной. При своем случайном составе, в значительной степени зависящем от благоусмотрения администрации, местные комитеты, не располагая организацией земских учреждений, не имеют ни времени, ни возможности собрать и дополнить фактический материал, который в свое время был собран и представлен земскими учреждениями, а устранение выборного крестьянского элемента из состава комитетов лишает их прочной связи с местным земледельческим населением, нужды которого они призваны выяснять. Наконец, при современных условиях члены комитета не имеют элементарных гарантий личной безопасности для свободного и объективного обсуждения вопросов общегосударственного характера. При таких условиях деятельность Воронежского уездного комитета не может дать никаких плодотворных результатов для выяснения нужд сельского хозяйства Воронежского уезда, а потому необходимо высказаться перед правительством за неотложность передачи вопроса о нуждах с.-хоз. промышленности и неразрывно связанных с ним общих вопросов правового и экономического благоустройства страны на обсуждение законного всероссийского и всесословного представительного учреждения с тем, чтобы входящим в состав его выборным людям была гарантирована законом необходимая для обсуждения государственных вопросов свобода слова и личная безопасность. Подано 26 августа 1902 г. Гор. Воронеж».

Речь Н. Ф. Бунакова: «Я хотел бы сказать несколько слов о предлагаемых нам занятиях с общей точки зрения, но сказать искренно, откровенно. Думаю, что это и нужно в настоящее время. Просматривая программу возложенных на уездные комитеты занятий, я вижу, прежде всего, в этой программе почти исключительно только частные практические вопросы о тех или других мероприятиях для поднятия в России погибающей с.-хоз. промышленности. Из этого ряда вопросов, более или менее детально обнимающих все стороны с.-хоз. промышленности, видно, что у нас, наконец, сознали печальное положение этой промышленности и предвидят его угрожающие результаты, но, к сожалению, без достаточного внимания относятся к причинам, вызвавшим это положение. А это очень жаль, потому что без устранения этих причин никакими частными мероприятиями нельзя поправить дела и предупредить надвигающиеся грозные последствия его современного положения. Ведь, упадок с.-хоз. промышленности в России только один из симптомов общей отсталости нашего отечества от других стран, т. е. явление не самостоятельное, а необходимо вызываемое общим неудовлетворительным строем русской жизни, государственной и народной, чуждым всей Европе, кроме разве Турции: полное бесправие личности, подавленность всех общественных сил, отсутствие свободного слова и независимой печати, антагонизм, даже вражда и взаимное недоверие сословий*, жалкое положение школы и ужасающее неве-

* Антагонизм и вражда «сословий», а тем более классов, не чужда свободной Европе. Оратор, как и все русские либералы, стоит на точке зрения буржуазной демократии. Он хочет свободы, воображая или мечтая, что она расчистит дорогу для примирения и гармонии

жество массы. Более четверти века мы упорно стоим на одном месте, а то и пятимся назад, когда вокруг нас все и все стремительно идут вперед по пути освобождения личности, расширения общественной самостоятельности, просвещения и очеловечения народных масс. При этом общем стремительном движении вперед уже и стояние на одном месте равносильно движению назад. Общий застой русской жизни, как понятно само собой, не может не сопровождаться и обеднением народа, и упадком народной нравственности, и многими другими печальными явлениями, а между прочим, и упадком с.-хоз. промышленности. При таких условиях думать и толковать о каких-то частных мероприятиях, вроде учреждения с.-хоз. инструкторов и коопераций, опытных полей, укрепления оврагов и т. п. — дело бесплодное, скорее вредное, нежели полезное, потому что оно будет только отводить глаза от настоящего дела. Понятно, что честные специалисты на такое предложение ответят: „Чего тут толковать о замках и ватерклозетах, когда дом валится. Надо его разобрать, да строить заново“. То же самое и в нашем деле: надо думать и толковать не об инструкторах да опытных полях, а о коренном изменении всего строя русской жизни. На мой взгляд, прежде всего, необходимо немедленное восстановление в полной мере всех освободительных начинаний, которыми ознаменовалась первая половина царствования имп. Александра II, которые остались незаконченными в свое время, а потом подверглись печальным изменениям и урезкам. В самом деле, возьмем хоть освобождение крестьян: разве оно было закончено, без достаточного земельного надела, без гарантированного крестьянского самоуправления, благоустроенной народной школы, даже без избавления от тяжелого наказания? Председ.: Я прошу вас, Н. Ф., держаться ближе к с.-хоз. промышленности. Бунаков. Ее-то я и имел в виду. Возьмем ли наш новый суд: что осталось в нем в настоящее время от идеала, начертанного в Суд. Уставах Александра II? Председ.: Я все-таки прошу вас держаться ближе к с.-хоз. промышленности. Бунаков: Возьмем ли мы наши земские учреждения: какие черты истинного, а не призрачного самоуправления сохранились в настоящее время в этих учреждениях, связанных по рукам и ногам, отданных в полное распоряжение административного произвола... Председ.: Я, как председатель... мне приходится руководить прениями, потому прошу вас не уклоняться... Бунаков: Затем столь же необходимо неотложное и последовательное развитие тех освободительных начинаний в смысле полного проведения их в жизнь в законном виде, в смысле возбуждения личной инициативы и привлечения свободных общественных сил ко всем сторонам народной жизни, чтобы в России создалось истинное, а не призрачное самоуправление. Тогда у нас поправится сама собой и с.-хоз. промышленность. Пока мы решительно и бесповоротно не двинемся вперед в этом направлении, до той поры русским честным людям приходится уклоняться от всяких совещаний о разных частных мероприятиях, оставаться в безотрадном положении зрителей постепенного, но неизбежного обеднения и увядания отечества. Это очень тяжело, очень грустно, но что же делать: как в старину говорили русские люди: „против рожа трудно прати“.

«Это все, что я хотел сказать».

Лицо, приславшее нам доклад Мартынова и речь Бунакова, добавляет: «Заседание комитета было бурно; речь Бунакова произвела сильное впечатление. Говорят, был очень хорош и доклад управы. В результате „боевого натиска“ земцев получились след.: Бунаков арестован и отправлен в Питер; Мартынов арестован; Шербине и какому-то гласному запрещен выезд из Воронежа; у 12 гласных произведены обыски; председатель Алисов, предводитель дворянства, смещен с должности; губернатор Слепцов тоже. Устранение от должности предводи-

интересов «сословий», а вернее: классов. Социалистический пролетариат борется за свободу, зная, что, уничтожая или подрывая сословные перегородки, она обострит классовую борьбу, и желая не затупить эту борьбу, а сделать ее более широкой, более открытой, более сознательной.

Р е д.

теля Алисова возмутило других предводителей, и большинство из них подает в отставку. Говорят, что один предводитель поехал в Ливадию, чтобы побывать у государя, но жандармерия вернула его с дороги».

* * *

Дополнение. Мы только-что получили известие о финале расправы с воронежскими «крамольниками»: С. В. Мартынова продержали две недели в тюрьме и выслали на три года в один из уездов Архангельской губ., Н. Ф. Бунаков выслан на 3 года в Новгородскую губ. Все воронежское дело разыгралось по доносу г. Бехтеева, задонского гласного.

Избавление студентов от Сибири или, вернее, Сибири от студентов.

«Секретно».

«Во исполнение Высочайших указаний для выяснения степени возможного облегчения участи лиц, подвергнутых высылке под гласный надзор полиции в пределе Азиатской России за участие в беспорядках, происшедших весной 1902 г. в высших учебных заведениях Петербурга и Москвы, товарищу Мин. Внутр. Дел Святополку-Мирскому поручено было собрать сведения о поведении этих лиц на месте их пребывания и личным опросом определить, насколько наложенные на означенных лиц административные взыскания соответствуют учиненным ими проступкам.

«По Всеподданнейшему докладу Мин. Внутр. Дел представленных Святоп.-Мирским сведений, Государь Импер. в 13 день сего сентября. Всемилост. повелеть соизволил:

«I. студентов С. П. Унив.: Аблова, Дыбовского и Таскина, студ. М. У.: Тер Авакова, В. Добромислова, С. Дрепера, А. Игнатъева, Кошкарева, В. Корякина, А. Фовицкого, М. Переломова и Шальет, студ. М. Сельск. Ин. Ад. Мосалинина, дв. Яценко, фельдш. Ф. Голяк, А. Пинегины и дом. учит. М. Фелицину — освободить от гласного надзора полиции и предоставить им повсеместное в империи жительство, ограничив лишь доступ в обе столицы по 1-е июня 1903 г., если ранее на жительство в этих городах не последует разрешение местного начальства.

«II. Студ. С. П. У. И. Соколову, студ. С. П. Техн. Инст. И. Китаеву, студ. Горн. Инст. В. Половникову и Глебу Бокину, студ. М. Ун. И. Урысону, Костецкому, Костюкевичу, В. Макарову, Л. Мееровичу, В. Ополовникову, В. Орлову, Л. Пересу, Г. Пиккоку, Г. Праздникову, Л. Саврасову, Соболевскому, П. Селенову, М. Терехову, Царику, Позерну, В. Гарбузову, А. Сыромятникову, Л. Залыгину, В. Савкову и Н. Сегеди, студ. М. Тех. Уч. Ю. Балталону, В. Добровольскому и В. Котельникову, студ. М. Сельск. Инст. В. Колокольникову, студ. Лазар. Инст. С. Киреевскому, слуш. Моск. Квр. Е. Найгебауер, В. Зотовой, Е. Второвой, А. Зайцевой, Л. Пекур, фельдш. Н. Устиновой, двор. Н. Новодворской и Андреевской, помощн. прис. пов. Волкову, мецан. В. Икову, крестьян. В. Глебову — сократить гласный надзор полиции с таковым расчетом, чтобы срок оно-го истек 1 июля 1903 г., освободив их от водворения ныне же в Сибирь, если по семейным и родственным отношениям, а также по условиям материального обеспечения, перевод их в одну из местностей Евр. России, за исключением универ. городов, Риги, Екатеринослава, Ярославля и Новой Александрии, представляется возможным.

«III. Студ. С. П. У. Ад. Корндорфу, ст. С. П. Техн. Инст. Н. Богатыреву и И. Трубев, студ. М. У. И. Церетелли, В. Абрамовичу, И. Баеву, В. Волгину, В. Бибегалову, Ю. Будилевичу, И. Борисову, Л. Зильбербергу, Камрокову, Касаткину, Б. Белоусову, А. Лосеву, Е. Первухину, Свешникову, А. Ховрину, Г. Чулкову, М. Шейцеру, А. Швгаму, Г. Шеголеву, Н. Алфееву, В. Боголюбову, И. Вейнштоку, А. Гейну, Н. Голике, П. Дрейеру, М. Киселеву, Л. Квшену, Н. Метальникову, К. Михееву, В. Нанейшвели, В. Пермикину, Радус-Зеньковичу, В. Рудневу, А. Соколову, А. Туманову, А. Турусову, У. Целикману, Е. Засоренному, ст. М. Тех. Уч. С. Сбитникову, Н. Столыпину, Н. Белову, И. Грабовникову, И. Ильину, И. Королю, И. Н. Кудряеву, ст. М. Сельск. Инст. И. Кожевникову, И. М., студ. Моск. Инж. Уч. И. Ратнеру, слуш. М. Курс. А. Барсовой, А. Мечниковой, Л. Николаевой и К. Панфиловой, дом. учит.

А. Полляк и Е. Алексеевой, фельдш. А. Лосевой — разрешить с 1 июля 1903 г. переселиться в Евр. Россию в избранные для жительства места, помимо универ. городов, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александрии, с оставлением их под надзором полиции до 1 марта 1904 г.

«О таковом Высочайшем Повелении имею честь уведомить Ваш. Превосх. в дополнение к телеграмме от 16 сент. с. г. для зависящих распоряжений и объявления вышеуказанным лицам, присовокупляя, что по вопросу о возможности представления перевода в Евр. Россию лицам, указанным в категории II, Мин. Внутр. Дел войдет в обсуждение о каждом лице особо, по получении соответствующих заявлений от их родителей или родственников и надлежащих сведений».

Мы слышали, что наше министерство вн. дел, озабоченное изысканием мер по обеспечению полного политического воспитания учащейся молодежи, решило отныне всегда отправлять «бунтовщиков» из ее среды на полгода или на год в такие места, где есть достаточное количество «политических преступников».

Казань. Полиция зачем-то из кожи лезет, чтобы раздражить студентов. Про некоторые ее проделки в этом отношении нам пишут: «Недели три тому назад здесь отравилась девица Акшаева. невеста захваченного в тюрьму студента технолога. Студенты и некоторые профессора университета оказали большое участие к подготовке ее погребения. Но полиция узнала все это, утром рано взяла труп ее из клиники и похоронила его сама. Когда известие об этом дошло до студентов, последние решили отправиться на могилу и возложить венок. Процессию встретила полиция. Пристав, предупредив, что не может этого допустить, предложил передать венок ему. Студенты отвечали, что им впервые приходится встречаться с фактом, где бы погребальный венок возлагался не на могилу, а на благополучно здравствовавшего полицейского чиновника. В это время из сараев и сторожки кладбища выбежали городовые, оцепили студентов и отправили в часть».

«5 ноября в университете был акт. Полицейстер приказал закрыть рестораны и пивные. Вечером было столкновение студентов с полицией; последняя забрала в часть 70 ч. универсантов, ветеринаров и штатских. На другой день часть арестованных была выпущена, а другая — 20 чел. — сидит еще и теперь».

«9 ноября, после окончания оперного спектакля в пользу студ.-ветеринаров, было ожесточенное столкновение студентов с полицией. Были пушены в ход нагайки, многих избили и подавили лошадьми. Особенно бесчеловечно избили одного студ.-ветеринара. Было арестовано 50 чел., среди которых попались: прис. пов. Петропавловский с женой, два военных врача и мн. др. 8 студ.-ветеринаров задержали, остальных выпустили. Поверенного и военного врача оштрафовали — первого на 100 р., второго на 50 р. Что будет с остальными — неизвестно».

«Казань, 14 ноября 1902 года».

«К учащимся средних школ» обращается следующее, недавно вышедшее на юге воззвание:

«Товарищи! Все сильнее и сильнее разгорается борьба за освобождение нашей родины от гнетущего ее ига самодержавия. Все громче и громче раздается могучий клич пролетариата, сзывающего под свои красные знамена всех честных и мыслящих граждан России... Борьба разгорается... Движение разрастается вглубь и ширь, захватывая все новые слои общества: крестьянство, студенчество, земство. Не могли ему остаться чуждыми и мы, учащиеся в средних школах. В последние годы, годы ожесточенной борьбы с самодержавием, учащиеся средних школ всей России признали неотложную необходимостью организацию всех сил школы. В марте 1901 года появляются на юге России три «письма к учащимся средних школ», выясняющие необходимость борьбы за политическую свободу, излагающие ход революционного движения и призывающие к всестороннему изучению социального вопроса. В Петербурге и Тифлисе образуются „Комитеты средне-

учебных заведений“, обращающиеся к учащимся и обществу с воззваниями, указывающими на положение нашей родины, на господствующую тенденцию в деле нашего среднего образования и на ход революционного движения. В начале мая в одном из южно-русских городов было положено основание новому союзу учащейся молодежи — Южно-Русской группе учащихся средних школ. Образовавшись в конце учебного года, она успела выпустить только одно воззвание к выпуску 1902 года. Все лето прошло в живой агитационной работе, — и в конце августа группе удалось созвать съезд из представителей средних школ нескольких южных городов. После оживленных прений съездом были приняты следующие резолюции: „1) Съезд признает, что наша средняя школа не может удовлетворить самым скромным требованиям молодежи, жаждущей знания, не дает ей ничего живого, бодрящую душу, ничего не делает для пробуждения в ней высших интересов, для ее умственного и нравственного развития; для подготовки ее к общественной деятельности; — более того, — она забывает в своих питомцах стремление к свету и истине, к серьезному научному познанию. Съезд признает, что только собственными силами может учащаяся молодежь достигнуть того, что должна была бы дать ей школа. 2) Съезд видит коренную причину ненормального положения нашей средней школы в социально-политическом строе самодержавной России, при котором интересам монархической власти приносятся в жертву интересы народа вообще, интересы народного образования в частности. Съезд считает невозможным коренную реформу средней школы без изменения всего социально-политического строя России. 3) Видя назначение интеллигенции в служении народу, съезд считает необходимым подготовить к нему учащуюся молодежь. Съезд признает насущною задачею российской интеллигенции внесение в среду трудящихся классов русского народа пропаганды социалистических принципов. 4) Признавая, что сила молодежи не только в сознании, но и в единении, и считая пока неосуществимою мысль о создании всероссийской организации учащихся средних школ, съезд признает необходимым создание единой организации для всех южно-русских средних школ. Съезд признает необходимою организацию Центрального Комитета группы, который ведал бы все дела группы и сношения ее местных комитетов. Съезд поручает Центральному Комитету вступить в товарищеские сношения с другими порайонными организациями учащихся средних школ. 5) Съезд признает необходимым издание журнала, посвященного нуждам и интересам учащейся молодежи. Съезд поручает издание журнала Центральному Комитету“.

«К началу октября Центральный Комитет окончательно организовался и начинает интенсивную революционную работу. Широкая культурная работа — организация кружков самообразования, библиотек и читален, которые доставляли бы учащимся здоровую духовную пищу; — издание печатного органа, посвященного изучению социального вопроса, дающего научное обоснование социального движения; ознакомление учащихся с ходом этого движения, разъяснение им соотношения движущих его сил, посредством распространения в широкой массе учащихся нелегальной литературы, как своего издания, так и общерусской социал-демократической — вот основные пункты программы деятельности Южно-Русской группы и ее Центрального Комитета».

«Центральный Комитет призывает всех товарищей-учащихся, в ком растлевающий режим средней школы не успел еще заглушить душу живую, оказать содействие начинаниям группы. Тех из них, которые уже признали необходимость борьбы с произволом и насилием, он призывает все более и более работать для ниспровержения существующего строя, занимаясь всесторонним изучением социального вопроса и внося посильную лепту в дело освобождения нашей родины. И когда мы выйдем, наконец, из стен средней школы, не давшей нам ни воспитания, ни образования, ни развития, — когда мы вступим, наконец, в новую жизнь, жизнь, полную борьбы с могущественными и грозными врагами, — мы сможем смело, без страха и сомнений, вступить в ряды активных борцов святого воинства свободы, под гордо развевающимися красными знаменами российской социал-демократии. Центральный Комитет Южно-Русской группы учащихся средних школ»¹⁴.

* * *

Приветствуя от всей души энергичный почин учащихся, мы со своей стороны дадим им такой товарищеский совет: Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных соц.-демократов. Отделяйте возможно более строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу от непосредственной практической деятельности. Старайтесь при вступлении (и до вступления) в ряды действующей армии завязывать самые тесные (и самые конспиративные) сношения с местными или общерусскую соц.-дем. организациями, чтобы вам не пришлось приступать к делу в одиночку, чтобы вы могли начинать уже не с начала, а продолжать сделанное раньше, становиться сразу в ряды и шеренги, двигать вперед движение, поднимать его на высшую ступень.

Проделки зубатовцев. (Рассказ рабоч.) С.-Петербург.

...«В мое отсутствие приходит ко мне на квартиру молодой человек и спрашивает меня. Хозяйка знала, что меня дома нет, и спросила пришедшего фамилию. Он ответил: „Коноплев меня не знает, но у нас есть общие знакомые, я приезжий, тороплюсь, зайти сюда больше не могу, а повидаться со мною можно в Юсуповском саду; в такой-то день и час пусть приходит в сад с подвязанной белым платком щекой“. Хозяйка передала слова незнакомца и обрисовала мне его наружность. В условленный час и день прихожу в сад, сажусь на скамейку с подвязанной щекой. Подходит молодой человек и спрашивает: „Вы будете Коноплев?“ — Я. — „Позвольте с вами познакомиться, я от таких-то; пришел предупредить вас, что у меня в девять часов будет литература“. — Хорошо, сказал я. — „Как у вас отзываются о смерти Сипягина?“ — спрашивает мой новый знакомый. — „У нас все говорят: «туда ему и дорога»“. — „Как у вас в массе движение рабочих?“ и еще несколько вопросов в этом духе. Не называя своих знакомых, я сказал, что масса возбуждена. „Пойдемте ко мне на квартиру“, — пригласил он меня. Мы отправились. На квартире он знакомит меня с товарищем (черный, как цыган). Тот начинает разговор на те же темы. Несколько минут спустя черный господин выходит, предупредив, что сейчас вернется. Минут через пять является уже в форме жандармского полковника. „Молодой человек, вы слишком доверчивы, — начал жандарм. — Доверяться так нельзя, видите, вы попали в просак“. — „Я говорил все прямо, как оно есть, а если вы меня обманули, то можете арестовать“. Они были со мной очень любезны и даже не угрожали, что меня арестуют, а только пригласили куда-то поехать. Взяли извозчика и приехали в Охранное Отделение.

«Там со мною был уже только один черный господин и был так любезен, что у него для меня явились и папиросы, и ужин, и комната (с дубовой дверью и с решеткой). — „Это вас мутит все подпольная интеллигенция, — начал он, — она всему виной... Вы ей доверяете, но знайте, что вы от этого ничего не выиграете; она вас вводит в заблуждение“. Продолжая в таком же роде, жандарм почти не давал мне говорить. „Ну, пусть интеллигенты хлопочут, о чем знают, но рабочим вовсе не к чему мешаться в эти дела. Правительство для рабочих сделает все: и восьмичасовой рабочий день и подымет заработную плату. Но вдруг: «долгой самодержавие!» это уж никуда не годится. Все время боролись за повышение заработной платы, и вдруг ни с того, ни с сего: «долгой самодержавие!». Интеллигенцию мы знаем, как пальцы на руках, и если какой интеллигент идет в рабочие кварталы, то это нам всегда известно, но, ведь, рабочих выслеживать трудно“. — „Это мы знаем и без вас“, — заметил я. — „Знаете, бросьте все это, всю эту чушь, а мы вам дадим место, куда вам вздумается, вы дайте слово, что не будете больше распространять литературы“. Я отказался. Разговор продолжался до 12 час. ночи с шести час. вечера, а на другой день опять то же до четырех часов вечера.

«Показывая „Искру“ и картинку „пирамиду“: „Мы царствуем над вами, мы правим вами, мы морочим вас“. Пи-

рамиде давали такое объяснение: „Видите, как далека масса народная от государя, а, ведь, ему надо удовлетворить по очереди: сначала дворянство, попов, купцов и потом уже и рабочих“. Я ответил: „Не лучше ли, чтобы маленькая кучка зависела от большой, а не большая от малой, т. е. не лучше ли перевернуть вверх ногами эту картину?“. — „Говорили потом и про Западную Европу и про парламент в Германии и о многом другом. „Если хотите, — говорит потом, — читать литературу, то можете брать у нас, какую угодно. Мы получаем всегда раньше рабочих. Но только с условием: никогда не распространять“.

«Усердно предлагали папиросы и еще усердней давали понять, чтобы поступил к ним на службу... Прямо, конечно, не говорили, что желают иметь своим коллегой, а понять давали».

Рязань. Наша монотонная провинциальная жизнь ничем не нарушается... революционная деятельность, которую было проявили наши «социалисты-революционеры» среди городской интеллигенции, учащейся молодежи и заводских рабочих, временно заглохла — многие рабочие, приехавшие сюда из Москвы, Иваново-Вознесенска, Ярославля, разбрелись в разные концы России в поисках за работой — кризис все время дает знать о себе.

Положение местных заводов очень печальное — дела здесь идут очень плохо. На заводе «Рязанского товарищества» осталось сто с небольшим мастеровых из всего числа около 400 человек. На заводе Антоновича положение дел не лучше: недавно сгорела котельная мастерская, так что контингент безработных увеличился на новые десятки...

На завод Полякова и К^о назначен новый управляющий Левонтин (бывший начальник узко-колейной Тульской ж. д.). Этот господин слывет за ярого сиониста, участвует на еврейских собраниях, где читает рефераты «К истории еврейства», был на конгрессе сионистов — одним словом «образованный и гуманный еврей», успевший уже зарекомендовать себя тем, что был побит за свои проделки рабочими узко-кол. ж. д. Пока еще на заводе ничего нового не предпринимает. На заводе Полякова работают 10½ часов в день, за последнее время была введена сдельная работа.

Благодаря прижимкам со стороны администрации, на заводе часто происходили волнения — местная «соц.-дем. группа» вела деятельную агитацию, распространяла среди заводских рабочих соц.-дем. литературу, прокламации. Но после январского провала 1900 года деятельность соц.-демократов была парализована, многие сознательные рабочие уехали из Рязани и движение надолго замерло. Последние годы агитация и пропаганда велась «социалистами-революционерами».

Группа эта выпустила в течение прошлого года несколько прокламаций: «К обществу», «К рабочим Полякова и К^о», «Ко всем русским рабочим», призывая рабочих к политической борьбе и возбуждая к стачкам и волнениям, — но воззвания эти, благодаря своей отвлеченности и абстрактному характеру, не имели влияния на рабочих и не вызвали сколько-нибудь серьезного движения.

В местных социалистических кружках, на рабочих собраниях много говорилось о «терроре», «анархизме», «Народной Воле», — но мало уделялось внимания насущной пропагандистской работе, — что особенно вредно отзывалось на молодом рабочем движении, не имеющем опытных руководителей, а «кружки» обыкновенно после каждых арестов и погромов прекращали окончательно свою деятельность, не имея глубоких корней в рабочей массе.

Так, мы можем видеть это в деятельности «соц.-револ.»: эпидемия прокламаций, литературы, боевой агитации, волнений быстро сменилась, с арестами 2—3 руководителей, всеобщей апатией, и рабочее движение, начавшее было разрастаться, надолго приостановилось. Желаем от души нашим товарищам соц.-демократам избегать таких «ошибок» и побольше уделять внимания насущной работе среди пролетариата.

Что касается жизни «общества», то постороннего наблюдателя поражает общая печальная картина спячки, апатии... оживление «мартовских дней» сменилось, кажется, долгим, непробудным сном.

Так, здесь недавно было земское уездное собрание, на котором было постановлено: ежегодно устраивать съезды народных учителей и учителей Рязанского уезда.

Первый съезд происходил в сентябре месяце, понятно, что съезд этот не имеет права ничего «постановлять», а лишь «высказываться». Вот решения, к которым он пришел: устройство бесплатного пансиона-общежития для детей бедных сельских учителей, учащихся в гимназии и устройству в сельских школах воскресных вечерних занятий. А вот к курьезам наших съездов. Учителям был предложен вопрос: желательно и возможно ли устроить при земских школах сберегательные кассы для детей? Все учителя единогласно высказались против. Тогда встал инспектор народных училищ Дроздов (он же и председатель съезда) и заявляет, что собственно нечего разбирать, желательно это или нет, так как «у нас есть циркуляр об обязательном устройстве касс», нужно лишь высказаться в том смысле, при каких школах это возможно устроить теперь. Бедные «земцы», принужденные разыгрывать жалкую комедию депутатов в земском собрании и лишенные права «сметь» свое суждение иметь!

Так же бесцельна и буднична обстановка и в местной военной среде. В учебн. команде офиц. Петров Нежинского полка, обучая солдат, в числе которых было много вольноопределяющихся, некоторые бывшие студенты, давал, между прочим наставления, как должны поступать рядовые, при выполнении своих обязанностей, с «внутренними врагами». Офицер Петров причисляет к «внутренним врагам» «студентов, рабочих, разную сволочь... и еще девчонок, называющихся курсистками». Говоря о курсистках, офицер разразился рядом циничных, пошлых замечаний по их адресу, и, сообщая о расправе, которую производят над ними казаки нагайками, он давал ряд советов, сопровождажая соответственными телодвижениями, выходящими по своему грязному цинизму из всякого предела. Таких негодяев, как Петров, особенно много в нашем провинциальном городе, и они, конечно, никого не удивляют своей наглой бесстыдностью, да и можно ли ожидать иного отношения к «внутреннему врагу» от постоянного завсегдатая кабака и публичного дома!

В нашей тюрьме содержится в настоящее время окончивший гимназию Виноградов и двое семинаристов по политическим делам — сидят, как обыкновенно, в одиночках-башнях.

Виноградов взят в Сапожке и, пробыв несколько времени под арестом, перевезен в Рязанский тюремный замок.

Либава. Нас просят поместить следующее заявление:

В № 6 «Листков Жизни» и во многих других нелегальных русских изданиях было напечатано или перепечатано сообщение из Либавы, что там арестованных на собрании за городом 18 апреля 1902 г. женщин-работниц подвергли медицинскому освидетельствованию и выдали им желтые билеты. Откуда взяли корреспонденты это сообщение, не знаю. Знаю только, что ничего подобного, ни освидетельствования, ни желтых билетов, ни даже намеков на это, не было. Арестованные были частью, сейчас же по приходе в участок, освобождены, частью высланы на место жительства этапным порядком, а две (одна акушерка, другая портниха) просидели — первая месяц, а вторая от 2—3 месяцев.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Тверской губ. Значительная часть тверских рабочих не порвала окончательно связи с деревней. Жители ближайших к городу волостей идут домой почти каждый праздник; многие рабочие, поставив за себя «сменщика», уходят в деревню на месяц-два на полевые работы. В лице рабочих этого типа городское мировоззрение приобретает ценных пропагандистов. Зачастую освоившиеся с кругом тех «вредных идей», которыми так богата теперь жизнь даже провинциальных городов, они не потеряли ключа к пониманию жизни деревни, ее горя и радостей, ее запросов и потребностей, и отрицательное

отношение к современному порядку вещей, и положительные требования, выработанные городом, тысячами неуловимых нитей идут в деревню, и деревня чутко прислушивается к тому, что говорит ей город, и начинает шевелиться понемногу, и в той или иной форме высказывать свое сочувственное отношение к веяниям, идущим из города. Таково впечатление лиц, близко стоящих к деревенскому люду. Учесть без остатка огромную духовную работу, которая совершается в деревне, вывести непогрешимо точное обобщение, пока, при скудости фактов, имеющих в нашем распоряжении, невозможно. Нам придется ограничиться несколькими примерами.

Использованная в городе литература постоянно течет в деревню, и не только брошюры и газеты, но и такая специфически-городская литература, как прокламации Тверского Комитета по поводу стачек на той или иной фабрике. Редкий рабочий не уносит с собой листка или книжки, и при встречах с рабочими перед праздниками интеллигентам постоянно приходится слышать просьбу: «Дайте для деревни что-нибудь почитать». Неизвестные добровольцы часто раскидывают и расклеивают городские прокламации на телеграфных столбах, воротах, колодцах. Такое распространение прокламаций вызвало даже набег голубых мундиров на одну деревню. Они поголовно всех допрашивали, но уехали ни с чем. Некоторые листки находят читателей; так, напр., майские (конференции Тверского Комитета) охотно читались по деревенским чайным, и к обладателям листов приходили с просьбой дать на прочтение. Но вообще крестьяне против таких листов: «О нас пишут,—говорят они,—а из-за этих листов только в полицию тягают». Комитетом была сделана попытка удовлетворить потребность деревни в своих листках; была издана листовочка: «Как царские слуги заботятся о крестьянах». В одной деревне ее прочитали на сходе, и крестьяне много толковали о ней. «Но чего же комитет о нас не пишет?—спрашивали они (в листке говорится о расправе с тамбовскими и саратовскими крестьянами),—ведь и нас помещики притесняют за potravу». Зато отлично шли и идут издания Аграрно-Социалистической Лиги и многие произведения городской нелегальной литературы. Случайно попавший в деревню экземпляр «Ткачей» Гауптмана шел буквально нарасхват. Бойко шли переизданные (под давлением нужды в литературе для деревни) на гектографе «Пауки и Мухи» Либкнехта, «Стачка лжи», «Хитрая механика». Огромным успехом пользуются «Песни борьбы». Нередко в деревне можно услышать хоровое пение песен из этого сборника. Случается встретить крестьян, цитирующих из него целые страницы. Лишний раз приходится убедиться, какое могучее средство воздействия имеет на массу революционная песня. Она всегда продолжит дорогу листку, брошюре, книге... Любопытно отметить, что иногда нелегальная литература развивает вкус к хорошей легальной книжке. Одно лицо, близко стоящее к деревне, рассказывало нам о крестьянине Андроне Т., который побывал в Питере извозчиком и вынес оттуда пристрастие к лубочным изданиям. Попали ему в руки «Песни борьбы» и некоторые другие вещи. Теперь он с презрением отзываясь о своих прежних литературных вкусах и требует хорошей «заправской» книжки.

Вот еще несколько эпизодов из деревенской жизни. В одном из сел во время богослужения на дверь церкви была прибит известная картина «На чем держится самодержавие?», и народ теснился и комментировал ее до тех пор, пока ее не убрали. В одном из сел X-ой волости нашей губернии о. благочинный решил вступить в борьбу с идейным развратом, вносимым фабричными в деревню. В воскресенье, после обедни, он произнес проповедь на тему о греховности стачек (дело было в «эру волнений»). «Будьте кротки и смиренны,—говорил он собравшимся прихожанам,—и довольствуйтесь малым». «А ты бы, батюшка, тоже малым довольствовался, брал бы за венчание полтора рубля, вместо пяти!» — раздался из толпы чей-то непочтительный голос. Бедный благочинный так растерялся, что, даже не кончив проповеди, ушел в алтарь... В одном из сел южной части Тверского уезда недавно возникло «политическое» дело. Крестьянин в трезвом виде

в клочки изрезал царский портрет. Туда ездили жандармы и арестовали, по слухам, 8 чел.

До чего заразительно влияние города, видно из того, что деревня начинает реагировать на свои домашние злобы дня своеобразными «прокламациями». В одном селе в двух-трех экземплярах было расклеено юмористическое стихотворение, направленное против попа и богатеев. Вкусы деревни тоже своеобразны: стихи эти изобиловали «крепкими» словечками, но имели успех.

О разных других происшествиях, о недороде, положении и настроении крестьян напишем в другой раз.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Русское правительство продолжает посредством беззаконий и насилий водворять в Финляндии самодержавие и уничтожать все следы вековой конституции и политической свободы. Словом, оно вводит в свободной до сих пор стране именно тот разбойнический режим бесцеремонного насилия и полнейшего бесправия «обывателей», против которого ведут отчаянную и самоотверженную борьбу все сознательные русские граждане.

В сентябре правительство опубликовало совершенно незаконные царские указы о смещении финляндских чиновников и судей административным путем, о превращении финляндского сената в канцелярию русского сатрапа в Финляндии, об увеличении власти губернаторов, о предоставлении русским чиновникам прав государственной службы в Финляндии и о запрещении привлечения чиновников к судебной ответственности за проступки, совершенные ими по службе, без разрешения их начальства. Эти манифесты известны читателям из русской легальной печати; кроме того, в последней нашей статье мы выяснили уже их значение. Эти царские беззакония являются грубым нарушением не только финляндских основных законов, но даже и пресловутого манифеста 3 февраля 1899 г., который в сущности отменил финляндскую конституцию. В конце сентября Николай II, по представлению финляндского сената, «всемилостивейше» уволил в отставку без пенсии двенадцать высокопоставленных чиновников, отказавшихся признать преступный новый устав о воинской повинности законом и исполнить требование сената, относившееся к применению этого царского «закона». Нынешний вероломный финляндский сенат «рад стараться» по указаниям гг. Плеве, Бобрикова и К^о и спешит проводить на практике их «благие предначертания». Неслыханный до времен Николая II разгром честных финляндских чиновников-граждан коснулся, главным образом, высших судов: из каждого из трех гофгерихтов уволено по три члена. Агенты российского самодержавия на первых же порах столкнулись с неподкупными финляндскими судьями, отказавшимися плясать по их дудке. Бобриков предлагал даже уменьшить число этих судов, а в сентябрьских указах говорится о предстоящих «реформах» судебного ведомства в Финляндии. Вообще, г. Плеве оказался энергичным «реформатором».

Несмотря на страшный голод в Финляндии, царь недавно приказал совершенно незаконным образом отчислить два миллиона марок из финляндского казначейства русскому военному министерству для покрытия издержек, связанных с проведением новой «военной реформы» в Финляндии. Николай II привык со своими опричниками грабить русский народ; теперь он вздумал расширить поле своей «благотворной» деятельности.

В конце лета еще Плеве издал секретный циркуляр о вскрытии писем в присутствии адресата. Это распоряжение было вызвано тем, что «неблагонадежные лица пользуются почтой для распространения периодических изданий и других произведений печати противоправительственного содержания». Однако, до сих пор мудрая «реформа» русского опричника остается лишь проектом, так как немисливо заставить честных финляндских чиновников совершать тяжкое преступление, за которое закон карает тюремным заключением до двух лет.

Старания Бобрикова, его недавно назначенного помощника Дейтриха, Кайгородова и прочей братии обречь мирную культурную страну не имеют границ. Бобриков

не утвердил программы торжественного открытия памятника известному собирателю финской народной поэзии Э. Ленроту, так как он запретил петь финляндский национальный гимн, который поется в Финляндии постоянно с 1848 г. Во время оно Александры II и III слушали его, стоя с обнаженной головой. Времена меняются. Финское литературное общество отказалось от всяких торжеств. Самое открытие 6 октября не состоялось, но «Наш край» демонстративно распевался целый день у памятника недовольной публикой.

Весь финский народ, за исключением все уменьшающейся консервативной старо-фенноманской партии, с каждым днем все более и более убеждается в необходимости свержения самодержавия в России и совместной борьбы с русскими революционерами за политическую свободу. Начав свой преступный поход на Финляндию, российское самодержавие само ускоряет свою неминуемую гибель.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. В начале текущего года военный министр запросил мнения начальников всех военных заводов и мастерских, поскольку они считают нужным и возможным введение 8-часового рабоч. дня в подведомственных им заведениях. На этот запрос ведомства инженерное и артиллерийское ответили, что проведение этой меры в их мастерских и заводах считают невыполнимым, так как громадное большинство занятых у них рабочих работают от подрабочников, и обязать этих последних нормой рабочего дня значило бы сильно повысить цену подрядов, на что у них не имеется кредитов от министерства. Только от интендантского ведомства, где наем рабочих производится без посредников и где слишком широко и планомерно организовано расхищение казенных денег, чтобы от нововведения можно было опасаться личного ущерба, получен был, хотя и с оговорками, утвердительный ответ. И вот — опубликованный в октябре месяце приказ по военному ведомству вводит 8-час. раб. день (чистой работы) для рабочих интендантских мастерских. Служатся молебны о здравии царя, явившего новое доказательство милостивого попечения о благе народа, произносятся речи о том, как употребить свободное время, как остерегаться социалистов, посещающих храмы божии и пр. Сколько же «народу» облагодетельствовал новый приказ? Ровным счетом 600 человек из 100 тыс. всех занятых в военном вед. рабочих!! Вот уж, поистине, гора мышья родила. Упрямого воюка, Куропаткина, не обезкуражил, однако, полученный им от артиллеристов и инженеров афронт: на-днях он снова разослал секретный (и благодетельствовать надо с осторожностью!) циркуляр к тем же начальникам, в котором «с высочайшего соизволения», озабочиваясь выработкой коренных мер к прочному улучшению положения рабочих, просит самые подробные и точные данные об условиях работы в их заведениях по предлагаемой им программе: о продолжительности раб. дня, о высоте зараб. платы, о гигиенических условиях труда, о том, что сделано для удовлетворения духовных интересов рабочих и пр., и о желательных реформах в этом направлении, при чем неоднократно напоминает, что следует иметь в виду не кажущиеся и паллиативные улучшения, а коренное и прочное изменение положения рабочих. В заключение министр сообщает, что необходимые для реформы кредиты испрашены им на шесть лет.

Мы уже видели, как дебютировал с «приказами» коллега г. Куропаткина в роли «коренного» преобразователя нашего учебного строя, и что из этого вышло; теперь другой военный же мин. взялся за «коренные» изменения, только в уже более солидной и трудной области социальных задач. И во всяком случае нельзя отказать русским военным министрам в решительности. Помещенный в № 27 «Искры» другой циркуляр того же г. Куропаткина объясняет

нам источник его социал-реформаторских начинаний: в его патриархальной, когда-то военной семье за последние годы частенько обнаруживаются случаи «преступной» пропаганды; приятно ли родительскому сердцу при таких условиях видеть в своей семье такого страшного уroda, как рабочий, находящийся с солдатом в постоянном общении по условиям работы?

Что гг. интенданты найдут тысячу средств, чтобы свести к нулю значение введенной реформы, — в этом сомневаться не приходится. Но громадное агитационное значение начатой г. Куропаткиным кампании не нуждается в каких-либо доказательствах, и несомненно, что действующие организации должны широко использовать эту новую правительственную попытку легализации рабочего движения.

Керчь, 16 октября. Как ни трудна работа в маленьком провинциальном городе, но отсутствие строгого жандармского надзора позволило местной интеллигенции образовать рабочую организацию, действовавшую без перерыва с самого начала возникновения в Керчи металлургического завода. Даже полное прекращение производства на заводе, вызванное общим промышленным кризисом, не могло приостановить деятельность молодой рабочей организации, вынужденной, благодаря закрытию завода, перенести деятельность в другую среду, менее благоприятную и доступную для массовой агитации. В период этой работы рабочая организация, помимо образования многих пропагандистских кружков, успела выпустить девять прокламаций, в которых откликалась на важнейшие вопросы как местные, так и вообще русской жизни. Такому успеху деятельности рабочей организации, считавшей всего три года своего существования и не располагавшей особыми средствами и силами, способствовало индифферентное отношение местной жандармерии, не произведшей за это время не только ни одного ареста, но даже и обыска. Это обстоятельство возбуждало недоумение в обществе, окружая имя подполковника Николаева некоторой таинственностью. «Уж не служит ли жандарм революции?» спрашивали себя местные Колупаевы и Разуваевы. Но вот в ночь с 14 на 15 октября жандармом Николаевым были произведены обыски среди местных обывателей, преимущественно из интеллигентной среды. Было произведено десять обысков, результатом которых явился арест трех лиц, и то арестованных по какому-то странному недоразумению. Так, рабочий Афанасов (на землечерпательном караване) был признан неблагонадежным и арестован за найденное у него стихотворение П. Я. «Восемь часов!» У бывшего студента Москаленко найдено стихотворение «Бог» Беранже и басня по поводу отлучения Льва Толстого от церкви, и у третьего, К. Верле, служащего в городском банке, найдено два разных номера «Искры». Вот и вся добыча после десяти обысков, из-за которых была поднята на ноги вся полиция и даже прислали жандармы-гастролеры из Симферополя. Обыску подверглись: бывш. студ. Гусов, учитель соборной школы Зеленкевич, служащий в городской управе Зубов, служ. на землечерпат. караване И. Коган, учитель ремесл. училища Марьяненко, служ. в городской управе Суворов и бывш. студ. И. Шик. У всех этих явно предосудительного ничего не оказалось. Так неудачно закончилось первое покушение на спокойствие обывателей.

С юга. Дела на юге не блестящи. Металлургические заводы продолжают сокращать работы или же приостанавливаются совсем. Толпы голодных, безработных рабочих высылаются на родину, на утешение и без того голодающих деревень. Что же — пусть голодает лучше в деревне; в городе безработный рабочий — горючий материал, в деревне не то: в деревне рабочий может «спокойно» издохнуть от голода. И какая злая ирония судьбы над существующим строем! Имеются фабричные здания, доменные печи, станки, есть чугун, железо, каменный уголь, в стране есть излишек хлеба, излишек русского сахара продается за границей за бесценок, толпы рабочих шатаются без дела, есть все необходимые элементы для производства, — это с одной стороны; с другой — страна ну-

ждается в железных дорогах, в орудиях земледельческого труда, вместо дорог — болота, вместо плугов — деревянные, потребности есть, но все мертво; печи разрушаются, станки ржавеют, рабочие издыхают с голоду, а крестьянин продолжает себе пахать первобытной сохой, а питаться мякиной, вместо хлеба. Что за дело капиталисту и современному государству до того, что есть потребности! Пока еще можно было драть с крестьянина, государство расточало свои деньги на заказы частным заводам, платя за все втридорога. Но Китайская война поглотила много миллионов, русский флот, наша армия — довольно прожорливые животные, а все десять шкур с мужика содраны; остаются одни кости да кожа. Конечно, правительство не побрезгает и последними остатками, но давать, как прежде, заказы — дело трудное. Все-таки на юге надеются на получение заказов. Финансовый гений Витте найдет средства на временные подачки заводчикам. На долго ли, однако, всего этого хватит?

ИЗ ПАРТИИ

АГИТАЦИЯ СРЕДИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ.

Почин в распространении соц.-дем. агитации на учительскую среду взял на себя наш Нижегородский Комитет, агитационная деятельность которого вообще отличается чрезвычайной разносторонностью (в нашем распоряжении имеются его листки к фабричным и заводским рабочим, к ремесленникам, к крестьянам, к офицерам, к солдатам и т. д.). Приводим полностью изданную им в июне этого года прокламацию к учителям, надеясь, что другие Комитеты воспользуются ею для того, чтобы, с своей стороны, обратиться к этому важному слою общества.

К НАРОДНЫМ УЧИТЕЛЯМ И УЧИТЕЛЬНИЦАМ.

Нижегородскому Комитету еще впервые приходится обращаться с воззванием к вам, народные учителя и учительницы. Он делает это с глубокой верой в то, что в настоящий момент такое обращение слишком своевременно, чтобы его можно было откладывать еще, и что в вас, народных учителей, он найдет друзей и единомышленников.

Господа, та конечная и те ближайшие цели, за которые борется русская социал-демократическая рабочая партия, не могут и не должны быть чужды вам. Русские социал-демократы, как и соц.-демократы всего мира, ставят перед собой, как конечную цель, торжество социалистического строя и, как ближайшее и в то же время единственное средство к достижению конечной — политическую свободу, самодержавие русского народа. Русские соц.-демократы, как и соц.-демократы всего мира, борются и будут бороться за права, свободу и счастье всего обездоленного пролетариата, будь то пролетариат фабрично-заводский, сельский, торговый или интеллигентный. Вы — такие же пролетарии, как и те рабочие или крестьяне, сыновей которых вы учите, вы — родные братья их, ваши интересы и их интересы одинаковы и нераздельны. Вот почему торжество социалистических начал должно в то же время быть и вашим торжеством. Интеллигентные пролетарии, — вы не можете не сочувствовать уничтожению частной собственности и передаче земли и всех орудий производства в руки всего общества, которые должны смести с лица земли, с одной стороны, нищету, голод и унижение, с другой стороны, праздное тунеядство и наглое измыывание над человеческой личностью, которые должны создать общество равных в правах и обязанностях тружеников. Вы не можете не сочувствовать такому общественному строю, при котором только и возможно главенство духовного начала над материальным и полное развитие духовной стороны человеческой природы.

Но к этому строю ведет сознательная политическая деятельность, которая возможна лишь при конституционной форме правления. И до тех пор, пока в России не будет политической свободы, вы, как и весь русский пролетариат, будете рабами не только капиталистического строя, но и самодержавного правительства. Ниспроверже-

ние самодержавия — вот первая, насущнейшая задача русского пролетариата, а потому и ваша.

Получая 20—25 руб. в месяц, а иногда и того менее, вы, особенно семейные из вас, должны владеть полуголодное существование. То самое правительство, которое сотни миллионов рублей бросает каждый год на армию, флот, полицию, явную и тайную, тратит на народное просвещение жалкие и ничтожные до смешного крохи. Обирая население при помощи тяжелых налогов, стесняя земскую и крестьянскую самостоятельность и устанавливая трехпроцентную норму для земского обложения, оно тем самым подрывает ваше материальное благополучие. Когда же вы хотите помочь своей нужде организацией общества взаимопомощи, оно уже заранее подозрительно смотрит на ваше намерение, и деятельность ваших обществ подвергается полицейским стеснениям. Оно запрещает столь необходимое для успеха дела объединение обществ взаимопомощи, запрещает съезды их представителей и вообще учительские съезды.

Вы, земские учителя, только по имени являетесь земскими, ибо в действительности правительственные чиновники владеют правом казнить и миловать вас. Вы окружены плотным кольцом всевозможных инспекторов и директоров, которые играют по отношению к вам роль явных шпионов. Они следят за направлением вашей педагогической деятельности, а, кстати, и за вашей личной жизнью, за вашими личными убеждениями, симпатиями и антипатиями. Вы в буквальном смысле слова принуждены плясать по их дудке, ибо с переменой начальства вы обязаны менять ваши педагогические приемы. Вам запрещают собираться друг у друга (недавний случай в Твер. губ.), следят за чтением вами книг, за вашей перепиской. Но правительство не только смотрит на вас, как на несовершеннолетних граждан, а на себя, как на вашего опекуна: при помощи своей опеки оно хочет сделать вас орудием своей противонародной, эксплуататорской политики. Стоя у источника знания, вы, по его плану, должны играть позорную и преступную роль развратителей народного сознания: оно требует от вас, чтобы вы давали народу то, что нужно ему, правительству, а не то, что нужно самому народу; оно требует от вас, чтобы вы скрывали от народа истинные источники знания и просвещения и воспитывали его в духе покорности и тупого послушания самодержавной короне. Однако, для этой цели одних явных шпионов оказывается недостаточно. И вот за вами имеют еще неуспынный надзор чиновники «других ведомств»: урядники, становые, земские начальники, попы-доносители и прочие добровольцы. Вас, учителей и учителей, весь этот сброд ставит ни во что и считает долгом подвергать вас всяческому унижению и оскорблению. Иногда сторож вашей школы играет большую роль, чем вы сами. Созданная для вас правительством обстановка скίζεται и на отношении к вам частных лиц — разных деревенских богачей и соседних диких помещиков. Ваше положение, поистине, является бесправным и тяжелым.

Как народным учителям, вам дорого дело народного просвещения. Между тем, это дело ежедневно и ежечасно распирает и казнит русское правительство. Специальные цензуры для народных и школьных библиотек и читален, а также для ваших учительских, нелепый надзор за народными чтениями, требование разрешений по начальству во всяком пустяке и мелочи, наконец, предпочтение, оказываемое правительством церковной школе, — все это создано и существует затем именно, чтобы истинное знание не могло как-нибудь проникнуть в народную среду через ваше посредство. И нет сомнения, что, удайся только правительству уничтожить земство, оно уничтожит и вас вместе с ним.

Итак, вывод из сказанного ясен: и духовные и материальные условия вашей жизни могут измениться к лучшему тогда, и только тогда, когда падет довлеющее себе самодержавие русского правительства. С его падением падут с народа и те путы, которые истощают его материально и препятствуют ему насытить свой духовный голод. Да, рабочие и крестьянские слои русского общества уже давно просят духовной пищи, и, освобожденные от правительственной опеки, они сумеют обставить ваше существование благоприятно и с материальной и с нравственной стороны. Нравственное и материальное благополучие низших слоев

русского народа есть в то же время и ваше благополучие.

Но мы призываем вас на борьбу с правительством не только ради ваших собственных интересов. Поступать так — значило бы слишком низко оценивать вас. Мы зовем вас под красные социал-демократические знамена во имя интересов всего русского пролетариата, промышленного и сельского, во имя всего угнетенного русского народа. Жадная свора царствующих, правительствующих, карающих и пресекающих усердно работает на благо свое и благо крупных собственников. Рабочие и крестьяне в поте лица трудятся на капиталистов, дворян и правительство; с них же это последнее собирает обильные денежные суммы в виде всевозможных налогов и, ничего не возвращая им обратно, тратит все на себя и буржуазию. Для крестьян же и рабочих оно держит многочисленные тюрьмы и суды, которые осуждают людей низкого звания и оправдывают людей «сверху» (высочайшие помилования проворовавшихся чиновников и офицеров; Мамонтов и проч.). Такова современная система, несомненно, стройная и цельная, рассчитанная на самую удобную и беззащитную эксплуатацию трудящихся классов общества.

Но всему бывает конец. Приходит конец и этой стройной системе, ибо она сама пожирает себя. Ограбленное крестьянское население обнищало в настоящее время в такой степени, что голод стал обычным фактом деревенской жизни. Этот голод — повторением — вызван не климатическими, но социальными условиями, и даже длинный ряд хороших урожаев не мог бы восстановить надорванных сил деревни. Но голод деревни ведет к кризису в обрабатывающей промышленности, ибо крестьянину не на что покупать товаров. Промышленный же кризис ведет и к голоду фабрично-заводских рабочих. С другой стороны, привыкшие к запретительным пошлинам, русские фабриканты совершенно не в состоянии бороться с промышленным застоєм. И вот правительство старается помочь им, торопливо захватывая восточные рынки. Но эти захваты с оружием в руках ведут к огромным расходам, а между тем, обнищавшее население отказывается уже платить подати, и недоимки все растут. Так правительство быстрыми шагами приближается к краху. Современное положение дел в России в сильной степени напоминает предреволюционное время в Западной Европе.

Неспособное ничему помочь и никого удовлетворить, русское правительство начинает вызывать уже недовольство самой промышленной буржуазии. С недовольством помещиков ему приходится считаться давно, ибо уже давно господствующим положением считается буржуазия. В настоящее время земская оппозиция, несомненно, растет (выступление дворянских собраний в защиту земств, земский районный съезд). О недовольстве интеллигенции (студенческие беспорядки), о борьбе рабочих распространяться не приходится. Только деревня — казалось — остается спокойною. Но события, имевшие место в Полтавской и Харьковской губ. прошлой весной, показали, что среди крестьян существует глухое недовольство и что оно уже прорывается наружу.

Вовлечение же деревни в революционную борьбу имеет огромное значение для успеха всего революционного дела. Оно должно разбить силы правительства и потому в конец обессилить его. В Полтавской и Харьковской губ. волновались всего лишь два уезда, и, однако, для умирения их пришлось послать почти все войска из Харькова и Полтавы. Отсюда видно, какую огромную роль должно сыграть восстание крестьян в момент решительной битвы с правительством. Благодаря этому восстанию, городу не трудно будет захватить правительственную власть в свои руки.

Но если деревня должна принять участие в революционной борьбе, то возникает вопрос, в какую форму должна вылиться эта борьба и выработалась ли уже эта форма. Полтавские и харьковские крестьяне забирали себе помещичий хлеб и помещичью землю присоединяли к своей. Иначе — их борьба носила экономический характер, а не была направлена против правительства. Мы склонны поставить ее рядом со стихийным движением фабричных рабочих, с так называемыми фабричными погромами. Но как рабочее движение очень быстро достигло высшей формы — стачечной борьбы, точно так же и крестьянское

движение, поскольку иметь в виду экономическую борьбу, можно и должно направить в эту сторону: в сторону стачек за повышение заработной платы, за понижение арендных цен и пр. Но гораздо важнее для крестьянского движения выработать форму политической борьбы. Рабочее движение уже выработало ее: это демонстрации и в конце — вооруженное восстание. Для крестьянского движения также не трудно указать соответствующую форму: это отказ всей деревни, волостью или более крупной единицей от уплаты государственных податей. Такой отказ будет самым непосредственным и самым ощутительным образом бить по правительству. Он окончательно подорвет его силы, поставит его в безвыходное положение, заставит его растеряться, ибо, повторяем, государственная касса находится и без того в печальном состоянии. Если же правительство вздумало бы поправить свои дела обложением промышленной буржуазии, оно тотчас вызовет взрыв недовольства среди нее, как вызвало в Москве ее недовольство заигрывание с рабочими.

Господа! Вы вынуждены жить в деревне, и потому Нижегородский Комитет считает своим долгом обратиться к вам. Вы можете быть истинными просветителями, истинными учителями народа. Ежедневно соприкасаясь с ним, вы можете сеять в его среде мысль о политической борьбе и о формах ее. Вы можете распространять в деревне нелегальную литературу, столь необходимую для выработки единства действий и сознания в крестьянской массе. Через ваше посредство может создаться живая связь между отдельными районами губернии. Вы можете руководить крестьянами в их повседневных столкновениях с местной администрацией и местными кулаками и помещиками. Вы можете, наконец, собирать богатый материал экономического и юридического характера для агитации на почве местных интересов — опыты такой агитации уже были сделаны Нижегородским Комитетом. Вынужденный до настоящего времени, в силу недостатка сил и средств, сосредоточиваться на агитации среди городского пролетариата, Комитет приложит теперь все старания к тому, чтобы развить широкую агитацию также в деревне. И, приступая к ней, мы еще раз обращаемся с призывом к вашему содействию и к вашей помощи. Мы убеждены, что при желании всегда будут найдены пути для обращения к нашему Комитету.

Кончая свое обращение к вам, мы повторяем еще раз: во имя собственного блага и блага того народа, делу просвещения которого вы хотели бы служить, становитесь под знамена международной социал-демократии, ибо, повторяем, — вы пролетарии. Предоставьте либералам всех оттенков, от умеренных до крайних, накладывать заплаты на рубище современного общественного строя, предоставьте им филантропию и скромную культурническую деятельность. Ваш же долг не просто бороться с правительством, но бороться в рядах социал-демократии, и мы выражаем глубокую уверенность в том, что мы найдем в вас наших друзей, единомышленников и помощников.

Июнь 1902 года.

Нижегородский Комитет Росс. Соц.-Демократ. Раб. Партии.

Ив.-Вознесенск. Весной привлекалось по делу местного Комитета Р.С.-Д.Р.П. 57 чел., в том числе нелег. Ник. Ник. Панин. Найдена литература; на допросах некоторые рабочие «болтали», особенно некрасиво вели себя рабочие из Питера, Фед. Семенушкин и Ив. Коротков, привлекавшиеся в 1901 году в Ярославле. — они, мало того, что рассказали все, что им было известно о деле, но угрожали, ссылаясь на свой прошлый опыт, еще и других давать показания, — тогда, дескать, скорее выпустят, и некоторых им удалось убедить. Предлагаем товарищам прервать с Семенушкиным и Коротковым всякие сношения, тем более, что против Семенушкина имеется еще более тяжелое обвинение, но опубликовать его не считаем возможным до получения некоторых справок и подтверждений. В связи с ив.-вознесенскими арестами находится и арест Доливо-Добровольского в Оренбурге, сосланного туда в 1901 г. по ярославскому делу; в мае Д.-Добровольский и Панин, первый из Владимира, второй из Покрова (Владим. губ.), пере-

везены в Москву и присоединены к делу Сев. Раб. Союза. Во Владимире по этому же делу 24 апр. арестованы: статистики Панкратов, Дубровский, Багаев, земские служащие Александров, Перегар, Афиногенов — фельдш., Черный — агроном. Был обыск у члена земской управы Смирнова (?). Все семеро арестованных через неделю перевезены в Москву; из них четверо последних сравнительно скоро освобождены. Дубровский вслед за обыском на допросе заявил, что нелегальную литературу («Искру», большое количество экз.) получил от Багаева; об этом своем показании он сейчас же сообщил и Багаеву, объясняя его желанием выгородить третье лицо. Какая наивность!

Пора бы не только революционерам, но и широким слоям оппозиционной публики, часто теперь попадающей в тюрьмы, усвоить себе ту азбучную истину, что при современном застеночном ведении следствия по политическим делам давать какие-либо показания значит играть на руку жандармам; в лучшем случае, если никого прямо не подведешь, все же даешь лишний материал для подтасовок гг. следователям-сыщикам. Полный отказ от показаний должен стать основным правилом для каждого политического арестанта. Этот принцип входит уже в нашу практику, чем дальше, тем полнее. Из лиц, привлеченных по делу Сев. Раб. Союза, очень многие принципиально отказались дать какие бы то ни было показания (некоторые отказались даже ездить на допросы), что поставило жандармерию в затруднительное положение. Всего арестовано было по этому делу в разных городах чел. 60, все они были сvezены в Москву. Дело создано провокатором, у большинства арестованных ничего не найдено. Следовательно, жандармский ротмистр Герарди, и тов. прокурора Поляков, оба порядочные мерзавцы, пустили в ход судейкинский маневр деморализации арестованных. С чисто жандармским бесстыдством они упорно каждому допрашиваемому в той или иной форме предлагали выдачу товарищей, уверяя, что остальные дают показания: «нам все уже известно, о ваших же показаниях никто не узнает». Этими честными представителями русского правительства были пущены в ход и угрозы (многолетним содержанием в одиночке) и заманчивые обещания немедленной свободы с предоставлением возможности жить где угодно, даже в Москве. Предлагали и деньги... Коса нашла на камень. Возмущенные наглой гнусностью Герарди, северяне в середине июля объявили голодовку; первым пунктом их требований являлось ограждение политических от подобного обращения при допросах, затем требовалось ускорение следствия (почти три месяца держали без допросов) и смягчение драконовских порядков Таганки — лучшего обращения со стороны тюремной администрации (преследования за разговоры приводили ежедневно к резким стычкам). Через пять дней явился тов. прокурора и обещал исполнить все требования: следствие кончится через шесть месяцев, Герарди «исправится», за разговоры не будут преследовать. Действительно, обращение в жандармском управлении изменилось к лучшему, тюремная «прижимка обмякла», Герарди был переведен вовсе из Москвы, а ведение следствия передано полковнику Бобчинскому, знакомому, вероятно, нашим киевским товарищам. Скоропалительный перевод Герарди вызван был, как выяснилось затем из разговоров в жандармском управлении, рядом жалоб прокурору Моск. Суд. Палаты на Герарди, где перечислялись все приемы его воздействия на обвиняемых для получения показаний, подтверждающих все провокаторские басни. Стойкий, последовательный отказ от показаний привел к тому, что следовательно признавался многим, что у них улики нет, и буквально просил давать какие-нибудь показания: «ну, что для вас выгодно, а на другие вопросы не отвечайте»; но и на эту удочку он не поймал северян; если бы все привлекавшиеся, в общем державшие себя на допросах хорошо, совершенно отказались от показаний, это обескуражило бы жандармов и вырвало бы из-под них и ту колеблющуюся почву, на которой они стояли.

Товарищи! Всегда и все без исключения отказывайтесь от показаний. Пусть, кроме шпионских свидетельств, у них не будет ни слова. Такой тактикой мы заставим их перейти к судебному разбирательству политических процессов.

(А. Любимов-«Марк»).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В московских тюрьмах сидят из арестованных по делу Северного Союза: учит. Ольга Варенцова, статистики Алек. Локтин, Ольга Дидрихиль, Новицкая, оконч. курс лесн. инст. Евгений Дюбюк, рабочий Глазунов, студ. лица Кедров, нелегальный (взят с подложн. пасп.) Заракович — все из Ярославля; затем: стат. Ал. Заварин, семинарист Вас. Заварин, рабочие Дм. Катков, Ив. Александров и Морозов, служащая в статистике Софья Загайная и нелегальный Григорий Вейсман («Александр Порфирыч») — все из Костромы; статис. Вал. Рудковский — из Воронежа; раб. Мих. Багаев и агроном Дубровский — из Владимира; нелегальный (рабочий) Ник. Панин — из Иваново-Вознесенска; раб. Яшин из Харькова; врач Федор Гурвич (нелег.), взятый в Москве на вокзале, и Таганов, арестованный на границе.

В ночь на 1 ноября над Саратовым разразилась жандармская гроза — сразу произведено около 100 обысков и арест. 34 чел. и, кроме них в уезде, Николаевский Городок, 17 чел. В Саратове арестованы: из земской статист.: Серебряков, старш. пом. зав., Россов, пом. зав., Норбеков, статист., Обухов, статист., Рыков. вр. служ., б. студ., Сорокин, вр. служ., ветер. врач; из городск. упр. Буланов, столон. гор. управы Оболдуев, гор. вет. вр.; из жел. дор. упр.: Попова, Шиллеров, Васильев; ученицы фельдш. шк.: Сдобнова, Устюгова (бывшая Фейдина) с ребенком, Костылецкая. Затем арест.: Корнилов пом. пр. пов. и б. зав. ред. «Сар. Дн.», Старынкевич и его жена, Мартыновский — бывш. карийцы, вернувшиеся из Сиб. в начале лета, Полянский, б. гимн. Мокруев, Огнев, Минович, Горелин, Морозов, Потапов, Гусев, Максимов, Карев, Иванов, Рейтлинг, рабочие. Арест. и освоб.: домовлад. Софинский и акуш. учен. Кирьякова. В Никол. Гор.: из Маринск. земледельч. уч. механ. Григорьев, кузнец Шнейдер, служ. Столяров, И. 10 уч. (Кузнецов, Пискарев, Ткаченко и др.) и четыре крестьянина.

Тула. За последнее время арестован рабоч. Кислов (сидит), раб. Синявин (выпущен), Дронов (военн. окруж. мастер, в сумасшедшем доме). Кроме того, сидит Иваницкая, с 21 апр., всего человек 7—8. Харьков. 6 ноября в Харькове арестован Владимир Цедербаум, а несколько дней раньше Доброхотов с товарищем, жившим с ним на одной квартире — фамилия неизвестна. Самара. 15 и 16 окт. в Самаре было 20 обысков. Арестованы железнодорожный служащий Зиссер, два бывших статистика Акромовский и Евтимович, какой-то гимназист и семинарист, земский техник. Были обыски в аптеке Волянского, кто-то взят, в табачном магазине Габай, у управского служащего Иванова, железнодорожного служащего Барыбина и др. Обыски захватили и уезд: оттуда жандармы привезли одну земск. учительн. Псков. Арестован стат. Лепешинский, было много обысков. С.-Петербург. Было много обысков. Арестован врач Краснуха, служившая у него фельдшерица, фельдш. Кожевникова и др. Нижний-Новгород, 10 октября. В тюрьме на-днях была голодовка. Голодали мужчины 6 дней из-за того, что посадили в карцер одного сормовского рабочего. Голодовка удалась вполне. Пермь. Во второй половине августа все политические, арестованные в феврале, марте и августе этого года, были выпущены. (Фамилии их: Ставровский, Владимирский, Ягодниковы, супр., Трапезников, Рутман, Каменев, Еленев и Матвеев, остальные были выпущены раньше). Все поименованные лица оставлены до приговора в Перми. Дело их передано в Казанскую Судебную Палату. 12 сентября были произведены новые обыски. Обысканы служащие Губернской Управы: Вошева (бывш. лесгафт.), Крысин (бывш. медик), Дубровинский и Житксова (слуш. жен. мед. инст.), при чем

Жидкова и Дубровинский 2 раза; Крысин арестован. Ровно через неделю, 19 сентября, был снова произведен обыск у Дубровинского. При обыске опять ничего не найдено, но Дубровинский арестован. Обыск произведен был в отсутствие последнего, и домой он пущен не был, а прямо из Управы увезен сначала в жандармское управление, а потом в тюрьму. 3 ноября был произведен обыск у учителя Очерского завода (Оханск. у.) Высотина и у волостного писаря из того же завода Пашихина. При обыске, говорят, ничего не нашли, но Высотин арестован и привезен в Пермскую тюрьму. Псаломщик Рясасов, арестованн. в Красноуфимском уезде 20 июля, теперь выпущен. Агроном Мальцев, арест. в том же уезде 17 авг., сидит. Из крестьян тоже никто не выпущен. Недавно в Красноуф. уезде были произведены 2 обыска.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Другу. № 1 не знаем, дело поручено Моск. Комитету.

М.У.Р. из Сибири. Зашифрованное письмо и шифр получили, но до сих пор не могли прочесть, так как никак не можем достать указанной книги. Кроме первого, получены еще два письма. Спасибо за присланное.

Эдуарду Шмидту. План и статья не получены, наше письмо, посланное по новому адресу, вероятно, попало. Повторите еще раз адрес.

Иркутская г. В-л-к-н. Воспользуемся. Благодарим. Пишите.

1900. Сообщите адрес для писем вам, нельзя ответить в двух словах.

Флор из О. Корреспонденция получена. Не помещаем ее потому, что в ней рассказ останавливается на конце октября, а в других подпольных изданиях есть уже известия о дальнейших событиях. Но когда вы пришлете обещанное «полное изложение», мы им воспользуемся для тех «комментарий», о желательности котор. говорили вам участники истории.

Комитет Сев. Союза горячо благодарит товарищей, оказавших ему в тяжелые минуты существенную материальную помощь в размере 1.000 руб. Также доводит до их сведения, что, согласно их желанию, другая тысяча передана в редакцию «Искры». Извиняемся за позднее уведомление.

Получено: От С.Д.Г.В. 10 р., Ж.Ж.Ж. 150 р., от Скидки 20 р., от одного из сиб. ком. 30 р., от брянского ком. на организац. дела «Искры» 250 р., чер. Сев. Союз от Гр. В. 1000 р., от Гр. В. 25 р., от Е. А. 100 фр., из Лиежа 117,55 фр., из Брюсселя 10 ф., из Женевы: за лит. 56,85 ф. и чер. Шура из Вильно 25 р.; из Нью-Йорка: от местной гр. 25 долл., в пользу бежавших из киевской тюрьмы 10 долл.; из Берна 200 ф., за лит. в Лондоне 23 шилл., из Цюриха: с реф. в К. 13,90 мар., из Л. с веч. у К. С. для Красн. Кр. 30 ф. От московского представителя старый долг 100 р., за чтение «Искры» 25 р., от студентов 18 руб. Спб.: через Георгина 58 руб., через Тону 12 руб., через Жана 10 руб., через Певуна 7 руб., от Саши 15 руб.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Весь этот материал был выпущен редакцией «Искры» отдельным оттиском.

Прим. 2. «Гражданин» (ред. — князь Мещерский) и «Московские Ведомости» (ред. — Грингмут) — газеты ярко-реакционного направления.

Прим. 3. Суворин, А. С. — с 1876 г. один из владельцев и фактический редактор газеты «Новое Время», известной своим угодничеством перед правящей бюрократией и крайним оппортунизмом и беспринципностью («парламент мнений»).

Прим. 4. Неккер — французский политический деятель эпохи Великой Французской Революции, финансист; был назначен на министерский пост Людовиком XVI перед самым началом революции для улучшения финансового положения королевства и пытался рядом реформ спасти королевскую власть, но был вынужден выйти в отставку под давлением аристократических кругов.

Прим. 5. Шарапов, Сергей — реакционный публицист, издававший журналы: «Русское Дело» и «Русский Труд» и издавший несколько брошюр за границей. Защищал интересы фрондирующих аграриев, вывозивших хлеб за границу, и боролся со все возрастающим влиянием промышленной буржуазии, выразителем интересов которых в правительстве в начале 900-х годов был гр. Витте.

Прим. 6. «Великая Хартия Вольностей» — договор, заключенный в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным с восставшими против него феодалами. Эту Хартию, ограничившую власть короля, буржуазные юристы и историки называют «краеугольным камнем английской свободы».

Прим. 7. Аракчеев — правая рука Александра I во вторую половину его царствования, устроил знаменитые «военные поселения», сделав наследственными солдатами несколько сотен тысяч государственных крестьян. Прославился своей жестокостью при подавлении крестьянских и солдатских бунтов.

Прим. 8. Кропоткин, П. А. (1842 — 1928), князь — один из виднейших русских анархистов, ученый географ. В 70-х годах принимал участие в кружке чайковцев, позже был членом общества «Земля и Воля». В 1874 г. Кропоткин был арестован. В 1876 г. ему удалось бежать из-под ареста и эмигрировать в Англию, откуда за пропаганду анархизма он был в 1877 г. выслан и поселился в Женеве, продолжая революционную работу. В 1881 г. был выслан из Швейцарии и переехал во Францию, где вскоре за анархистскую пропаганду был приговорен к 5-летнему тюремному заключению. В 1886 — 1917 гг. жил в Лондоне и занимался научной и литературной работой. Во время мировой войны занял оборонческую позицию. В 1917 г. вернулся в Россию и умер в 1918 г. Автор многих трудов по анархизму («Хлеб и Воля», «Современная наука и анархизм», «Анархия, ее философия и идеал» и пр.), географии, истории и пр.

Прим. 9. Стефанович, Я. В. (1853—1915) — сначала народник-бунтарь, позже член общества «Земля и Воля». В 1877 г. вместе с Дейчем и Бохановским решили использовать крестьянские волнения, происходившие в это время в Чигиринском уезде, Киевской губ., и составили подложный манифест от имени царя («Золотая грамота»), призывавший крестьян к восстанию против помещиков и чиновников, мешавших якобы царю наделить крестьян землей. Стефанович организовал в Чигиринском уезде до 1½ тысяч крестьян. Но вскоре он и его товарищи были арестованы, и их попытка поднять восстание закончилась, таким образом, неудачей. Тем не менее, по свидетельству землевольца Аптекмана, эта попытка, как первый почин построения крестьянской организации, имеющей своей целью восстание, произвела сильное впечатление на очень многих членов «Земли и Воли». Кравчинский в «Народной Воле» заявил, что чигиринскому делу «суждено быть одним из поворотных пунктов в истории русской революции». Но, как известно, это мнение не оправдалось. С другой стороны, уже тогда отмечалось, что в основу агитации Стефановича был положен реакционный принцип, который должен был привести лишь к укреплению престижа царя.

После раскола «Земли и Воли» Ст. перешел к чернопердельцам. В 1881 г. он пытался сблизить их с народовольцами и вошел в Исполнительный Комитет «Народной Воли», но вскоре был арестован и приговорен к 9 годам каторги. Вернувшись из Сибири в 1903 г., он отошел от революционного движения.

Прим. 10. Драгоманов, М. П. (1841—1895) — украинский националист либерального направления. Кончив университет и получив звание приват-доцента, читал в Киевском ун-ве лекции по истории, но был за свои либеральные воззрения лишен права читать лекции. В 1876 г. эмигрировал за границу и стал читать в Женевском университете лекции по всеобщей истории. За границей он примыкал к правому крылу русской эмиграции.

Прим. 11. «Община» — заграничный журнал анархическо-народнического направления, издававшийся в 1878 г. под редакцией П. Аксельрода, Н. Жуковского и З. Ралли (вышло всего 4 номера). Кроме их статей, в журнале печатались статьи В. Чернецова, С. Кравчинского (Степняка), Я. Стефановича, Е. Брешко-Брешковской и др. Последний номер заключает в себе полемику Стефановича с Драгомановым (первый из них отрицательно относился к политической борьбе, второй считал ее необходимой).

Прим. 12. Прокламация принадлежит перу г. С. И. Гусева.

Прим. 13. Большая часть корреспонденций в «Искру» из Ростова н/Д., за период 1901 — 1902 г., написана А. Локерманом.

Прим. 14. Это было первое воззвание Ц. К. Южно-Русской группы, составленное членом первого Ц. К. — С. М. Гурвичем, при участии Вл. и Арт. Плесковых и отпечатанное на гектографе. Центр этой группы находился в Ростове н/Д. и работал под руководством Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

ОСЕННИЕ ИТОГИ.

Лето и осень самодержавие посвятило судебным расправам со своими политическими врагами. Шесть процессов против виновников террористических покушений (Балмашев, Леккерт, Чепегин, Качур, Ергин и Лузин), три процесса против участников рабочих беспорядков (Батум, Сулин Донской обл. и дело о волнениях на Залогинской фабрике в Твери), бесконечное количество процессов против южных крестьян и, наконец, — три судебных дела о политических демонстрациях. Давно уже самодержавное «правосудие» не работало с такой интенсивностью.

И давно уже это «правосудие» не оказывало такой услуги революционному делу развенчания всех «святых» современного политического строя. Буржуазные идеологи по-своему правы, видя в уважении к судебным учреждениям страны залог устойчивости общественного порядка. Масса населения готова многое простить своим правителям, если верит в «беспристрастие» и законный образ действий суда — хранителя закона. И, истине, безнадежно положение той политической системы, которая для своего поддержания вынуждена неустанно развенчивать свое собственное «правосудие», применяя его для своих полицейских целей.

Новое «политическое» выступление российской юстиции ознаменовалось рядом скандалов для самодержавия. Присуждение к смерти несовершеннолетнего Балмашева, окруженного ореолом всеобщего сочувствия; присуждение к смерти Леккерта, который нанес легкую рану фон-Валю; присуждение к смерти Качура, который вовсе промахнулся; 20 лет каторги для Чепегина, несчастного юноши, который, изголодавшись, вздумал «убить» кого-нибудь из представителей буржуазии и напал на отставного генерала с тупым перочинным ножиком, не повредившим и генеральской шинели... Эти скандальные приговоры счастливо дополнялись скандальным поведением суда в харьковских крестьянских процессах, где с цинической откровенностью запрещалось защитникам расспрашивать свидетелей о подвигах кн. Оболенского при «усмирении» обвиняемых крестьян. Знаменитые протесты адвокатов впервые заклеили публично этот цинизм поседших в поппании закона российских чиновников от правосудия. Этот смелый шаг, который давно пора было сделать представителям адвокатуры, не должен остаться бесследным для дела освобождения России от царящей над нами азиатчины. Дело чести всех, выступающих защитниками в процессах, где фактическим преступником является правительство, будет следовать примеру харьковских защитников и на каждое насилие над правом отвечать презрительным протестом. Это, по нынешним временам, единственно возможный для адвокатуры способ

служить делу действительного правосудия, делу освобождения суда от властной опеки самодержавной бюрократии.

Если крестьянские процессы разоблачили лишний раз характер судебного следствия в процессах, устраиваемых против «внутренних врагов» самодержавия, то процессы против саратовских и нижегородских демонстрантов показали всю жестокость русских карательных законов. Хотя суд и применил одну из низших мер наказания, тем не менее более десятка мирных демонстрантов оказались присужденными к лишению всех прав и ссылке на поселение в отдаленные места Сибири. Только современный российский режим, бесстыдно пародирующий своей свободой от европейских «предрасудков», может еще выносить такие приговоры. Деяние, которое, по европейским понятиям, является неотчуждаемым правом гражданина — коллективное выражение своего политического мнения, по русским условиям немыслимо иначе, как сборищем на улице, — это деяние карается лишением гражданских прав и бессрочной ссылкой, на-ряду с весьма тяжкими уголовными преступлениями. Двадцать почти лет правительство остерегалось применять эти варварские законы о политических «преступлениях», законы, позволяющие применять каторгу и виселицу за деяния, которые по ту сторону Вержболова во всем цивилизованном мире признаются законным делом или, в худшем случае, причисляются к мелким полицейским проступкам. Почти двадцать лет правительство, посредством широкого применения административной ссылки и административного тюремного заключения, уклонялось от необходимости каждым «законным» приговором внушать обывателю идею: если то, что во всем цивилизованном мире совершается беспрепятственно, у нас карается самыми тяжкими уголовными карами, — стало-быть, наш политический режим никуда не гден. И такова ирония судьбы: в тот именно момент, когда широкие массы обывателей впервые проснулись к политической жизни, когда всякое злодеяние государственной власти весьма чувствительно воспринимается недавно еще равнодушной частью населения, — именно в такую минуту самодержавие спешит живым примером напомнить обывателю об азиатском характере своих карательных законов.

Вряд ли, веря серьезно в устрашительную силу приговоров на поселение и на каторгу, самодержавие, чтобы только порисоваться политикой «сильной власти», доставляет своим врагам случай к новой демонстрации — к демонстрации со скамьи подсудимых. И новые его революционные враги — социал-демократы — не преминули уже воспользоваться этим новым поводом.

Показавши себя в тоге «судьи», самодержавие спешит начать зимний сезон в испытанной роли палача. 11 ноября в Ростове н/Д., а 17-го на станции Тихорецкой

оно снова выступило в наиболее современном из доступных ему положений — в качестве наемного убийцы на службе у капитала.

После Ярославля — Дзюброво, после Риги — Мариуполь, после бои на Выборгской стороне в Спб. — сильнейшая — на Шлиссельбургском тракте, и через несколько месяцев после батумских расстрелов — на протяжении одной недели два новых преступления во славу божка-капитала.

Громадная по размерам, замечательная по выдержке рабочих, исключительно-удачная в смысле организованности участников, руководимых нашим Донским Комитетом, и беспримерная по решительности господствовавшего в ней политического настроения, — стачка ростовских рабочих как нельзя лучше открывает боевую кампанию социал-демократии в текущем году и — следует надеяться — явится лишним ярким доказательством того, что единственно серьезным революционным делом в наше время является дело организации так быстро развивающегося, так блестяще доказывающего свою революционную зрелость русского пролетариата.

Почти десять лет назад, зимой 1893 — 94 г., жел.-дор. рабочие мастерских Ростовско-Владикавказ. жел. дор. умело проведенной стачкой обратили на себя внимание революционеров, которые в то время в своей массе еще не выяснили себе всего значения начинавшегося рабочего движения. Ростовская стачка 1893—94 гг. была первым, сколько нам известно, крупным проявлением массового рабочего движения 90-х годов, руководимого социалистами (в числе многочисленных жертв ее был, между прочим, известный Мисеенко¹, бывший организатор знаменитой Морозовской стачки, сосланный по ростовскому делу в третий раз на три года). После этой стачки правильная революционная работа в Ростове и Д. временно оборвалась, и лишь с 1898 г. под руководством Донского Комитета она ведется систематически и все с большим успехом. В ноябрьских событиях с их громадными рабочими «митингами» и впечатлением, произведенным ими на общество, — местные товарищи могут видеть достойный результат своих усилий.

На эту-то дисциплинированную, сознательную и стойкую массу правительство выпустило своих янычаров. Само правительственное сообщение, в сущности, признает, что бойня вызвана казаками, что стремление властей разогнать спокойную сходку рабочих явилось причиной столкновения, в результате которого несколько человек убито. То же сообщение признает, что и столкновение на Тихорецкой спровоцировано казаками. Новые расстрелы стачечников-рабочих являются новой красноречивой иллюстрацией к так наз. «зубатовской» политике. Вчерашние поощрители «экономической борьбы» в Москве выступают сегодня в роли вульгарных охранителей капиталистических барышей, когда эта «экономическая» борьба организована самими рабочими, без участия шпионов-«легализаторов». Только вчера г. Витте² свидетельствовал о чудовищной несправедливости вмешательства правительственных властей в столкновения труда с капиталом. И уже сегодня правительство разоблачает лживость всех этих разговоров и тщету всякой попытки наших самодержцев внушить рабочему классу доверие к монархии. Работайте же дальше в этом направлении, господа! Пролитая в честном бою пролетарская кровь

не пропадет даром, и в предстоящем решительном столкновении монархии с народом первая встретит в рядах своих врагов такую силу, перед которыми окажутся одинаково бессильными и «твердая рука» г. Плеве³ и лживый язык г. Витте.

На яркой сцене классовой пролетарской борьбы с особенной рельефностью выступает поразительная серость того политического движения «солидных» кругов общества, центром которого являются уездные и губернские «комитеты Особого Сопещения». Выразившаяся в этих комитетах земская оппозиция пришла в настоящее время к тому пункту, за которым дальнейшая игра в «лояльность» становится невозможной. На первые разговоры о Земском Сопоре Плеве ответил арестом и привлечением к жандармскому дознанию представителей земства. И верное эхо умеренной земской оппозиции — «Освобождение» — не замедлило тотчас же отразить то политическое возмущение, которое охватило «верноподданных» либералов при слухе об этом насилии.

Правда, г. Струве⁴ и на этот раз старается во что бы то ни стало остаться позади своих сотрудников-либералов. В то время как последние все определеннее ставят вопрос о несовместимости «законности» с существованием самодержавия, г. Струве (№ 11 «Освоб.») в редакционной заметке снова двусмысленно повторяет, что требование созыва Земского Сопора «не противоречит само по себе существующему государственному строю»^{*}.

Тем не менее, и г. Струве почувствовал в факте жандармского набега на воронежских либералов повод для более решительного нападения на самодержавие. «Если, — пишет он, — правительство отвергнет требования о созыве Земского Сопора, то клич: „долгой самодержавие“ неизбежно и окончательно станет всеобщим лозунгом национального освобождения». Необычайного, конечно, нет ничего в аресте г. Мартынова и в обвинении его за умысел изменить существующую форму правления. Абсолютная идея «права», с точки зрения которой г. Струве не прочь «разносить» «относительность» наших социалистических идей, разумеется, оскорблена нынешним произвольным арестом г. Мартынова несколько не в большей мере, чем она была поругана в лице хотя бы того же г. Мартынова, когда он (в 80-х годах) по социалистическому делу был арестован и сослан без суда в Сибирь. Вероломство, проявленное ныне правительством по отношению к членам уездных комитетов, которые приглашались высказаться о местных нуждах и за открытое выражение своих нужд подвергаются арестам, — это вероломство (с точки зрения идеи «права») ничем не гнуснее того, которое проявлялось самодержавием бесчисленное множество раз по отношению к делегатам, выбравшимся рабочими-стачечниками по приглашению властей и потом подвергавшимся аресту по приказу тех же властей, или по отношению к выбранным по пригла-

^{*} Передовая статья того же №, подписанная Senex, напротив, резко высказывается о «славянской монархической идиллии» совмещения самодержавия с земскими соборами. Отчего бы г. Струве не высказать раз навсегда свое отношение к взглядам, развиваемым более радикальными из его сотрудников?

Кстати, г. Струве остался в долгу перед читателем: в примечании к статье земского гласного в № 7 «Освобождения» он обещал выяснить, в чем расходится с этим автором в вопросе об отношении к революционной борьбе. Этого обещания г. Струве все еще не выполнил.

шению начальства студенческим «старостам», когда последние, «в первую голову», отправлялись в Сибирь. «Поруганное и возмущенное чувство справедливости», о котором говорит г. Струве, как о стимуле к началу «политических действий», уже так давно привыкло к подобным заушениям и оплеваниям, что вряд ли само по себе может побудить «умеренную» оппозицию к чему-нибудь, напоминающему «политические действия». Есть нечто другое в воронежских событиях, что может и должно расшевелить земскую оппозицию, — это явное свидетельство растерянности самодержавного правительства, полной его неспособности рассчитать заранее результаты своих действий, решительного и окончательного банкротства обычных методов его политики.

Созыв местных комитетов имел совершенно определенную и ясную цель — отвлечь внимание более «солидных» кругов общества от все сильней разгорающейся борьбы более радикальных слоев его с самодержавием. На первые робкие шаги земцев, намекавшие на возможность их присоединения к общему лозунгу: «долгой самодержавие», правительство отвечало приглашением «сесть рядком и потолковать ладком» о «местных пользах и нуждах». Спекулируя на «умеренность» и «трезвенность» земских деятелей, правительство рассчитывало потопить их растущее возбуждение в глупых комиссионных докладах и игрой в парламент занять их в то время, пока на улицах и в застенках будет г. Плеве совершаться расправа с гидрой революции. План был сам по себе не дурен, и инциденты с гг. Шиповым⁵ и Евреиновым показали, что самодержавие хорошо изучило русского либерала. Но самодержавие не могло рассчитать одного фактора — той скорости, с которой прогрессирует его собственное разложение. План г. Плеве сам по себе был остроумен, но он для своего успеха предполагал сильную дозу самообладания со стороны его авторов. Надо было — до поры, до времени — открыть шлюзы для либеральных словопрений. Увы! в виду колоссального развития революционного движения, это самообладание не могло иметь места. Приближающаяся гигантскими шагами русская революция не дает самодержавию «ни отдыха ни сроку» для приведения в действие его иезуитских планов. И, забыв о всякой «государственной мудрости», оно бросается, очертя голову, в политику приключений, одним грубым ударом сводя на-нет плоды своей предшествующей работы. Казалось бы, весь ход работ в местных комитетах должен был подготовить правительство к тому моменту, когда будет сказано это ужасное слово «Земский Собор». Казалось бы, правительству смотреть бы и радоваться тому, что это слово произносится либералами с обычными оговорками о своей лояльности, с проклятием и осуждением по адресу так наз. «кучки анархистов». Но самодержавие уже неспособно холодно рассчитывать. Оно способно только судорожно реагировать. И обрушиваясь всей силой полицейской репрессии на мирных либералов, открывших рот, чтобы сказать первую букву своей политической азбуки, оно тем самым вынуждает их — во что бы то ни стало — пойти дальше.

В этой растерянности правительства либералы должны найти силу отрешиться от собственной своей «наследственной растерянности». В борьбе между старой и новой Россией нет места никаким сантиментальным сооб-

ражениям. Если враг начал явно шататься, — самое время участить удары и увеличить их силу. Не дожидаться, пока он найдет себе новую точку опоры, а нападать и нападать, чтобы каждым метким ударом увеличить смятение его духа!

Требования Земского Собора должны, как справедливо указывает г. Струве, подхватить все уездные и губернские комитеты. Но этого мало. Агестом стоявших на легальной почве либералов правительство показало, какое прозрачное значение имеет при русских условиях сама легальность. Пусть же и либералы спешат разбить рамки легальности! Пусть не отгораживаются попрежнему китайской стеной от того «внезаконного» народного движения, которое только и сделало возможным их собственное выступление и которое выбило уже самодержавие из его главных позиций. И если земские комитеты превратились уже в обвинительные камеры по делам о многочисленных преступлениях самодержавия, то пусть в раздающихся там обвинительных речах мы услышим, наконец, о тех злодеяниях, которые самодержавием совершаются над рабочим классом, над крестьянской массой, над революционным студенчеством! Нельзя более молчать об этих злодеяниях, когда каждый день приносит новые известия о «каторжных» приговорах, о массовых порках, о расстрелах безоружной толпы на улицах. Только заговоривши открыто об этих событиях, либеральные земцы покажут, что они поднялись на высоту тех исторических задач, которые стоят перед всеми серьезно работающими над освобождением нашей родины от позора самодержавия.

[Л. Мартов]

ЗУБАТОВЩИНА В ПЕТЕРБУРГЕ.

Хождение правительства «в народ» продолжается. Самодержавие, в лице некоторых своих агентов, как известно, разочаровалось в административном терроре, как единственном средстве противореволюционной борьбы, и решилось — не вместо террора, а вместе с террором — вести систематическую работу развращения рабочих масс.

В петербургской газете «Свет», находящейся в интимном общении с полицейской преисподней, напечатано следующее сообщение:

«За последнее время, по инициативе столичных заводских рабочих: В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанова, Д. В. Старсжилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахмова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова, в местном фабрично-заводском населении получила распространение мысль о возможности очень серьезного улучшения в жизненных условиях рабочей среды путем развития в ней сословной самодеятельности и взаимной помощи».

«С ведома столичной администрации, 10 ноября, в трактире „Выборг“, на Финляндском проспекте, инициаторы дела имели по этому предмету частное собеседование с несколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошение г. исправляющему должность с.-петербургского градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрешении товарищеского собрания. Со стороны послед-

него рабочие встретили внимательное и сочувственное отношение к своей просьбе и получили обещание, что он окажет зависящее от него содействие для удовлетворительного разрешения предпринятого ходатайства. Ободренные приемом г. исправляющего должность градоначальника и успешным началом своего дела, рабочие отправились в департамент полиции министерства внутренних дел, чтобы выяснить отношение министерства к задуманному ими делу. Директор департамента, статский советник А. А. Лопухин, выразил им свое сочувствие и готовность помочь осуществлению их намерений.

«Вследствие этого в воскресенье, 17 ноября, в том же трактире „Выборг“ состоялось первое в Петербурге официально-разрешенное собрание рабочих, а 21 числа, в 10 часов 30 минут утра, рабочие имели честь быть приняты г. министром внутренних дел, который выслушал благодарность рабочих за данное им разрешение собираться на товарищеские собеседования по вопросам их жизненного обихода, и высказал свое намерение поощрять их деятельность в усвоенном им направлении».

Со своей стороны, «Свет» обещает своим читателям, что «ход предпринятого рабочими начинания, а также и всестороннее обсуждение рабочего вопроса, в чисто русском духе, найдут на страницах газеты самое широкое место».

Давно уж известно, что «чисто русский дух», патент на который выдается из департамента полиции, включает в себе три составные части: полицейское самодержавие, полицейское православие и полицейскую народность. В приведенном сообщении ничего не говорится о роли петербургского духовенства («православия») в этом трогательном примирении полицейского насилия («самодержавие») с «сословной самостоятельностью и взаимной помощью» петербургского пролетариата («народность»). Надо думать, что при современном настроении рабочих масс поп, даже в глазах «высших сфер», является слишком устарелой и скомпрометированной фигурой, чтобы направлять его с пальмовой ветвью «социального мира» в рабочие кварталы. Агенты г. Зубатова тут гораздо более уместны. Они будут говорить рабочим не о смирении и покорности, а о «сословной самостоятельности и взаимной помощи». К зубатовским агентам примкнет несколько предателей и несколько глупцов (смотри выше их перечень), и разрешение рабочего вопроса «в чисто русском духе» будет на-мази. И в Спб., как раньше в Москве, начнутся «легальные» рабочие собрания, на которых зубатовцы будут, с одной стороны, примирять непримиримое (самодержавие и пролетариат), а с другой — выслеживать тех рабочих, которые станут высказываться не в «чисто русском духе». Прения, начавшиеся на легальной сходке, будут заканчиваться для рабочих-революционеров в Охранном Отделении. Таким образом, все эти перечисленные выше Пикуновы, Горшковы, Соколовы и пр. будут, по примеру своих московских единомышленников, играть роль агентов-подстрекателей в руках Зубатова. И те из них, которые не продали ему своей души, а попали к нему лишь по недомыслию, должны понять, что быть бескорыстным провокатором ничуть не менее позорно, чем наемным, — только гораздо глупее.

Наши петербургские товарищи будут, разумеется, внимательно следить за развитием этого нечистого пред-

приятия, которое встретило «внимательное отношение» и «готовность помочь» со стороны таких «испытанных друзей» рабочего класса, как петербургский градоначальник и директор департамента полиции. Правильно и широко осведомлять рабочих о причине, цели и ходе этих полицейских заигрываний значит уничтожить в самом начале возможность хотя бы временного их успеха: подобные авантюры рассчитаны исключительно на наши политические сумерки, в которых врагу подчас легко сойти за друга.

Мы не знаем еще, нашел ли Зубатов и в Петербурге профессоров, которые вступили бы с ним в сотрудничество в целях мирного профессорски-полицейского разрешения социального вопроса. Думаем, что нет, — не потому, чтобы морально политический ценз профессорской корпорации в Петербурге был выше, чем в Москве, а потому, что партия революционного пролетариата уже заклемила в глазах общественного мнения эту форму «сотрудничества», как позорное политическое предательство.

Если, тем не менее, петербургское охранное отделение от полиции найдет отклик в петербургском охранном отделении от науки, — мы надеемся, что революционное студенчество сумеет — в краткой, но выразительной форме — преподать своим профессорам элементарный курс гражданской нравственности.

[Н. Троцкий]

КАК СОЦ.-ДЕМ. «ПОВОРАЧИВАЮТ» К НАРОДНИЧЕСТВУ.

Недавно на юге образовалась новая русская организация, назвавшая себя «Южным Революц. Союзом Соц.-Демократов». В первом же воззвании этой организации говорилось, что она «безусловно разделяет направление „Искры“». Каково же было наше удивление, когда в № 13 «Рев. России» мы прочитали, что новый «союз» посрамил «Искру» своим отношением к аграрному вопросу, что данная им постановка этого вопроса «показывает, что готов рухнуть, по крайней мере, по отношению к части соц.-демократии, один из тех барьеров, которые разделяют русских революционеров на две враждебные фракции» и что ответ «союза» на этот вопрос «опрокидывает множество эфемерных теоретических преград, которые досужие люди понесли между двумя фракциями социально-революц. армии». («По поводу одной прокламации», «Рев. Россия» № 13). Необычайная «Ворошиловская» развязность, характеризующая цитируемую статью, сама по себе достаточно говорит о том, насколько читатель может доверять открытиям, сделанным ее автором. В таком тоне могут писать только очень невежественные и очень самодовольные люди. Бедный автор, конечно, и не догадывался, что редакция на 14 стр. того же № напечатает корреспонденцию из Одессы, в которой этот самый «союз» характеризуется упомянутыми выше словами, как «безусловно разделяющий направление „Искры“». Как же это «безусловно» солидарные с нами товарищи в прокламации к крестьянам посрамили нашу соц.-демократическую точку зрения? Слушайте: во-первых, прокламация адресована «ко всему трудящемуся люду» (курс. «Р. России»), при чем развязный автор дополняет это обращение своим собственным объяснением: «как к одному классу, связанному общими интересами трудовой жизни». О принадлежности пролетариев и собственников к одному «классу» прокламация ничего не говорит и все сюда относящееся относится к «беллетристике» «Рев. России». Во-вторых, прокламация заявляет: «Весь трудящийся люд — и крестьян и рабочих, — и всех честных людей мы зовем на кровавый бой с царем». Курсив опять принадлежит «Рев. России». Последняя, повидимому, не слыхала, что на «бой с царем», на политическую борьбу за свержение самодержавия мы, соц.-демократы, всегда

звали и рабочих, и крестьян, и «всех честных людей». Что же нового заключается в южной прокламации? И как смехотворен — в виду этой цитаты — вывод автора: «нигде в соц.-демократ. литературе общность социалистических (курсив «Р. России») интересов рабочих и крестьян не выражена так сильно и ярко, как в этой прокламации». Прокламация южной организации явно говорит об общности демократических интересов всех «честных людей», а соц.-рев. превращают эти демократические интересы в «социалистические». Лишнее доказательство того, что для них социализм является только фразой, которою замаскируется факт классового антагонизма между собственниками и пролетариями.

В-третьих. Прокламация говорит: «Мы в то же время боремся со всеми врагами трудящегося народа, со всеми грабителями народного труда... Мы требуем, чтобы земли, фабрики и заводы были отданы всему русскому народу, всем трудящимся людям». Вот он, отказ соц.-демократов от «узкой» пролетарской точки зрения. Ведь, соц.-демократы доселе, повидимому, требовали, чтобы фабрики и земли были отданы не всем труженикам, а только фабричным рабочим. Ведь, соц.-демократы, очевидно, до сих пор боролись не со всеми «врагами трудящегося народа». Мы не решаемся посоветовать бедному автору прочитать «Эрф. программу», — это чтение будет для него слишком утомительно, но, напр., из брошюры «Кто чем живет» он узнает, что соц.-демократы не нуждались в «поворотке» к народничеству, чтобы написать на своем знамени передачу в с е х средств производства в с е м трудящимся.

Мы не знаем ничего о новой южной группе, кроме того, что дается ее немногими воззваниями. В этих последних мы не усмотрели до сих пор никакой «ереси», которая шла бы вразрез с принципами нашей партии. Но публика, не осведомленная об истинном положении дел, может, пожалуй, поверить развязным людям, сочиняющим басни о небывалых скачках соц.-демократов в сторону мелкобуржуазной благонамеренности. Пора положить конец этим злоупотреблениям правом перетолковывать по произволу наши заявления. Долг нового союза ответить на оскорбительно-дружеское похлопывание по плечу, допущенное по отношению к нему «Р. Россией». Мелкобуржуазные революционеры, пытающиеся создать несуществующий антагонизм между отдельными группами соц.-дем., должны услышать в ответ: «руки прочь!».

[Л. Мартов]

БОРЬБА НАПРАВЛЕНИЙ — ПОЖИВА ДЕМАГОГАМ.

Среди петербургских товарищей снова произошел раскол, являющийся одним из последних эпизодов заканчивающейся там долголетней борьбы между революционным и оппортунистическим (бернштейнским тож) течениями в соц.-демократии.

В силу причин, на которых здесь не место останавливаться, внутренний кризис, пережитый нашей партией во второй половине 90-х годов, с особенной силой сказался в Спб. На развивающееся пролетарское самосознание сильнее, чем где бы то ни было, здесь давили сознательные и бессознательные влияния буржуазно-демократической интеллигенции, систематически внушавшей организованным пролетариям и их товарищам — интеллигентам идеи, последовательное усвоение которых неизбежно должно было бы сделать наше рабочее движение простым придатком к либерально-демократической буржуазии, руководимой гг. Струве и К^о. На пути к этому финалу многолетняя работа оппортунистов сумела затормозить революционное развитие спб. рабоч. движения и втиснуть его в такие организационные формы, в которых оно задышалось, не видя себе выхода. В то время как местные организации других городов, работавшие при гораздо

менее благоприятных условиях, все же двигались вперед в деле революционизирования и воспитания масс, петербуржцы в период 1898 — 1902 гг. беспомощно топтались на месте — от провала до провала.

Но под влиянием обострения борьбы с самодержавием и разгоревшейся в соц.-демократ. печати идейной борьбы за принципы революционного социализма спб. социал-демократы начали освобождаться от кошмара, нависшего над ними в период безраздельного господства бернштейнианства и «экономизма».

После длинного промежутка упорной внутренней борьбы Петербургский Комитет Партии пришел к сознанию необходимости решительно покончить со всеми пережитками экономизма и стать на путь революционного соц.-демократизма.

Необходимым условием для этого перехода являлась коренная реформа местной организации, совершенно непригодной для целей руководства революционным движением пролетариата.

Необходимо было, во-первых, освободиться от громоздкой организации, нелепо совмещавшей в себе задачи политической борьбы с задачами профессионального (цехового) движения; необходимо было очистить политическую организацию от всякой игры в «демократизм», т. е. от «широкого выборного начала», которое должно было вести и вело к ослаблению конспирации. При указанном же смешении задач организации это «выборное начало» ставило — по «уставу» — ход ее работ в зависимость от воли наименее сознательных участников рабочего движения. А так как на практике соображения конспирации не позволяли исполнять «устав» во всей строгости, то на самом деле произвол и случай играли решающую роль в ходе местной работы, и организация не давала своим членам того политического воспитания, которое одно только может выработать из рабочих действительных руководителей.

Необходимо было, наконец, уничтожить нелепое разделение между «рабочим» комитетом и комитетом партии («интеллигентским»). Разделение это, сложившееся во времена господства «экономизма», вполне соответствует бернштейнским представлениям о задачах рабочего движения: рабочей группе надлежит заниматься «чисто рабочим» движением, т. е. экономической борьбой, высшая же политика должна остаться в руках «интеллигентов», которые тем смиреннее признают себя простыми «слугами» пролетариата, чем более на самом деле они являются фактическими хозяевами движения. А таковыми они неизбежно должны быть, когда в соц.-дем. движении царит «экономизм», когда рабочих тщательно оберегают от всего, воспитывающего их политическую зрелость, когда их (чтобы, сохрани боже, не испортить) не знакомят с ведущейся в социалистических органах идейной борьбой по вопросам программы и тактики, когда их, при помощи лживых фраз об их самодержавии в вопросах «местной работы» систематически держат в стороне от общих задач движения.

Спб. Комитет, приступив в реорганизации местного движения, начал с уничтожения своего разделения на «рабочую» и «нерабочую» часть. В передовых спб. рабочих он встретил полное сочувствие в этом деле. Впрочем, если не ошибаемся, от них и исходил почин в этом вопросе.

В результате реформы самого Комитета явилось то воззвание «Ко всем соц.-демократическим организациям», которое закрепило окончательный переход петербургского движения под знамя революционной соц.-демократии.

Приступая к реформе, петербургские товарищи, конечно, понимали, что она вызовет возмущение всех тех, кто еще стоит на отжившей точке зрения, осужденной событиями, — всех тех, кто еще способен тешился игрой в «демократизм»; тех, кто должен был остаться обойденным при этой организационной реформе, потребовавшей повышения, так сказать, организационного ценза; всех тех, наконец, кто по своим партийным интересам не может не видеть в каждом шаге на пути к революционному объединению партии пролетариата ущерб для своего собственного дела. Было ясно, что помощью всякого рода демагогических средств все эти недовольные постараются вызвать смуту в Спб., чтобы затормозить дело Комитета. Не менее ясно было, что в ход будет пущено старое орудие натравливания несознательных рабочих против интеллигентов.

Соединенными усилиями всех, кровно обиженным Петербургским Комитетом, удалось вызвать разделение, и часть рабочих групп Спб. отделилась от Комитета. Во главе этих отделившихся стоит новый (заново отделанный) «Комитет Раб. Организации». Из двух (очень сдержанных по форме) его заявлений (см. отд. «Из партии») следует, во-первых, что он не признает решений Комитета Партии, опубликованных в воззвании «Ко всем соц.-дем. организациям»; во-вторых, что он желает, чтобы «Освобождение рабочих было делом самих рабочих», т. е., как выяснила практика наших «экономистов», чтобы «интеллигенты» не совались в «чисто рабочие» дела.

Эти объявления нового Комитета послужили главной темой для новой книжки, выпущенной группой «Свобода». Книжка эта называется № 1 приложения к социал-демократической (??) газете-журналу «Отклики». Ни газеты, ни журнала, ни газеты-журнала с таким именем мы еще не видали и не слышали, чтобы нечто подобное вышло в свет. Не слышали мы и о том, чтобы «революционно-социалистическая» группа «Свобода» перешла в лагерь соц.-дем. Последнее, между прочим, и не требуется: чтобы издавать «для рабочих соц.-демократическую» газету, по нынешним временам, вовсе и не нужно принадлежать к рабочей соц.-дем. партии: достаточно некоторой развязности и готовности надеть на свою физиономию террористического авантюриста соц.-демократическую маску. А маска эта нужна для успеха заигрывания с петербургскими сознательными рабочими, которые с «рев.-социалистическими» группами террористов не пожелают, пожалуй, и разговаривать.

Около половины книжки «Откликов» занято петербургским расколом, вернее, занято демагогическим раздуванием происшедшего раскола. Раздувание это производится с такой поспешностью и цинизмом, которые не позволяют читателю ни на одну минуту усомниться, что мы имеем дело с тем, что немцы называют попыткой «сколотить себе политический капитал». «Дождались!» кричит «Свобода» в заголовке статьи, занятой петербургским заявлением о расколе, предварительно подготавлив читателя другою статью к представлению об этом расколе, как о восстании мускулистой руки рабо-

чего против «командиров» — интеллигенции. Заявления «Комитета Раб. Организации», заключающие голый протест против решений партийного Комитета, «Отклики» называют «очень важными документами, показывающими в слишком некрасивом свете действия Петербургского интеллигентского Комитета» (стр. 19), вину за раскол они голословно вваливают на «интеллигентов» (стр. 26), при чем ни слова нигде не говорится о том, на какой почве происходит раскол, и нигде не видно, чтобы гг. Надеждин⁶ и К⁰ имели какое-нибудь представление о том, что имело и имеет место в Спб. Да и зачем ему это знать: достаточно, ведь, ловких инсинуаций, имеющих целью разжечь в деятелях-рабочих низменные инстинкты, которыми всегда пользуются политические авантюристы; достаточно послышать замутить воду, чтобы половить в ней рыбу.

Разговаривать с гг. Надеждиным и К⁰ нам не приходится: его группа слишком чужда нашей партии, чтобы всерьез считаться с его попыткой вмешаться в ее внутренние дела*. Мы отметим только две любопытные черточки в новейшем издании двусмысленной группы. Во-первых, укажем на то, что, расписавши в самом черном свете неизвестные ему деяния петербургских «интеллигентов» (среди которых имеются и подлинные рабочие) и наговорив кучу жалких слов об обидах, чинимых вообще рабочим интеллигенцией, автор вслед затем проливает крокодиловы слезы по поводу готовности рабочих обобщить свои претензии, распространив их на всю революционную интеллигенцию. Он объясняет петербургским рабочим, что им тоже не обойтись без интеллигентов (они понадобятся для «составления программы», для «издания газеты»). Короче говоря, после решительного «разноса» всех действующих в партийных комитетах интеллигентов, после прямого призыва, обращенного

* Как гг. «революционеры-социалисты» относятся к разбору разногласий по существу, видно из следующего. В брошюре «Что делать?» Ленин сделал «Свободе» прямой вызов, предлагая опровергнуть то положение, что «организация революционеров» необходима для распространения и укрепления работы в массах. Там же г. Надеждин обстоятельно разъяснялись весь вред и неприличие теоретического легкомыслия программной вертлявости («революционер-социалист» и почитай-что социал-демократ вместе с тем!), тактического шатания между революционизмом и экономизмом, между терроризмом и классовой борьбой пролетариата. Там прямо указывалось и доказывалось, что «Свобода» опускается до демагогии. Г. Надеждин предпочел уклониться от прямого вызова. Вместо открытой войны с поднятым забралом сей благородный вояка предпочел действовать из-за угла организационной распри. В «журнале для рабочих» (??) группа «Свобода», не разъясняя своих взглядов, только шипит, науськивая «массы» против «организации революционеров» и уверяя их, что «Искра» рубит «здоровый ствол» экономизма. Спорить по существу — это, ведь, только интеллигентская затея. А для «масс» достаточно воплей против «командирства» и прибауток — о «голодном брюхе и святом духе», о «вредном сапоге с гвоздями», о «свиньях и медных лбах», о «расслабленных мозговых желудочках» и «пятачках на хрюкале», о «швиоротной и зубодробильной части» и т. д. (см. «Отклики», стр. 30—55). «Массовую» литературу наши г-да революционеры-социалисты и социалисты-революционеры продолжают принижать до лубочной литературы и за эту свою заслугу они требуют себе права сеять разброд и разврат во всех серьезных партийных вопросах. Программа — двойная бухгалтерия, тактика — двойная бухгалтерия, практическая деятельность — демагогия, вот вам портрет «рев.-социалистической» группы «Свобода».

[Н. Ленин]

к рабочим других городов — бороться с интеллигентами (стр. 27), автор ставит свою собственную кандидатуру на должность того «белого ворона», которые, по уверению блаженной памяти «Раб. Мысли», встречаются среди черной «интеллигенции». Прелестно. И в заключении — «хочется и нам, с своей стороны, предложить вам посильную помощь... Если вы считаете неизбежным существовать в качестве отдельной организации от Петербургского Комитета... группа „Свобода“ предлагает вам воспользоваться ее литературными, денежными (курсив наш) и транспортными средствами, поскольку она сама располагает всем этим» (стр. 28). Работающие на местах товарищи, знающие по опыту действительную обстановку нередких распри рабочих с интеллигентами, поймут без лишних слов, почему мы цитированную фразу считаем верхом политического неприличия.

Второе любопытное место в «Откликах» — заметка под названием: «А дальше что?». Она начинается характерными словами: «Сию секунду нами получено коротенькое письмо из Н.-Новгорода». Падкая на сенсацию редакция не могла, конечно, за одну секунду, прошедшую от момента получения письма до написания статьи по ее поводу, отнестись критически к ее содержанию. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что в заметке «А дальше что?» шустрые «свободовцы» напечатали возмутительную клевету на нижегородских товарищей-демонстрантов. На основании «коротенького письма» они утверждают, что сормовские рабочие, за двумя исключениями, недостойно вели себя на суде, и по сему поводу опять обрушиваются на интеллигентов, — на этот раз за то, что они не сумели воспитать из рабочих таких деятелей, «за которых никому не придется краснеть» (стр. 64).

Опубликованные нами речи Заломова, Самылина, Михайлова и Быкова и появившиеся в различных нелегальных изданиях подробности о достойном поведении сормовцев на суде показывают достаточно, за кого «приходится краснеть» в этом случае. Как это часто бывает, распинающиеся перед несознательными рабочими «барчуки» обнаружили свое отношение сверху вниз и тайное недоверие к несознательным рабочим, легкомысленно напечатав полученное «сию секунду» обвинение, которое они никогда не позволили бы себе пустить в свет, не дождавшись его подтверждения, если бы оно относилось к революционерам-интеллигентам.

Попытка гг. Надежных эксплуатировать петербургский раскол не остановит наших товарищей во взятой ими на себя трудной задаче революционирования местного движения. Совершающаяся повсюду в России работа по восстановлению единства нашей партии будет, конечно, еще наталкиваться на всякие подводные камни. И все-таки она будет доведена до конца. Объединению русских соц.-демократов под знаменем революционного марксизма не смогут помешать никакие демагоги, никакие бернштейншанцы, прячущиеся за спинами «рабочих комитетов». Их попытки затормозить это объединение приведут только к их собственному политическому банкротству, к которому уже пришли их предшественники в деле дезорганизации русской социал-демократии. И те самые несознательные рабочие, с которыми эти господа так неприлично зангрявают, скоро

уже поймут, чего им ждать от тех «интеллигентов», которые, натравливая рабочих на интеллигенцию, систематически стараются не дать этим рабочим никакой серьезной умственной пищи, могущих сделать их способными исполнять, когда понадобится, работу интеллигентов; которые кормят их манной кашей особых «журналов для рабочих»; которые в книжках для «интеллигенции» пропагандируют террор, а для рабочих издают (не будучи соц.-демократами) «соц.-демократические» газеты и которые тем больше твердят о развитии самостоятельности масс, чем успешнее развращают они нашу молодежь, отвлекая ее от работы в массах к авантюризму террористических покушений. Рабочие уже начинают понимать цену этих расшаркиваний перед «мускулистым кулаком», и не далеко то время, когда господа, наострившиеся в искусстве говорить «со слезой» об обидах, чинимых рабочим их товарищами-интеллигентами, услышат внушительный ответ: «Нам не надо лакействующих».

[Л. Мартов]

НОВЫЙ «БЕСПРИМЕРНЫЙ» ПОСТУПОК «ИСКРЫ».

«Искра», как известно, редко бросает свой критический взор на Бунд, но когда это случается, вы можете быть заранее уверены, что тут дело не обойдется без некоторого, — парламентарно выражаясь, — логического кунштюка, обязывающего читателя к сугубой осторожности. Такими словами Загран. Ком. Бунда открывает № 96 своего бюллетеня («Последние Известия» от 26 ноября 1902 г.). Затем следует ряд «доказательств» непозволительного поведения нашей газеты по отношению к Бунду.

«Голос Рабочих» («Arbeiterstimme» № 27) развивал ту мысль, что на полицейские насилия революционеры должны отвечать террором. «Искра», передавая эту мысль, выразила ее словами: «партия должна отвечать политическими убийствами». З. К. Б. видит «введение читателя в заблуждение» в этой замене слова «революционеры» словом «партия». К сожалению, мы и сейчас не понимаем, в чем состоит наше преступление. Неужели «Гол. Раб.» давал указание революционерам чужой партии, а не своей собственной?». Не верится.

Говоря о резолюции V конференции Бунда, «Искра» «нигде не приводит ее текста». Не приводит это верно. Но «Искра» и не подрядилась приводить тексты всех резолюций, представляющихся ей противоречащими задачам соц.-дем. Ставить ей это «умолчание» в укор можно было бы лишь в том случае, если бы «Искра» неверно толковала содержание резолюции. Этого, однако, З. К. Б. не пытается утверждать. Он только говорит, что, не приведя текста, «Искра» «оставляет, таким образом, место самым диким предположениям относительно ее содержания, вроде того, что в ней рекомендуется, между прочим, экономический террор». Удивительно проницательные люди — редактора «Посл. Известий». В «Искре» прямо сказано, что резолюция Бунда «санкционирует точку зрения „Гол. Раб.“, а эта точка зрения определена там же как систематические убийства в ответ на розги. Где же тут «место» для «экономического террора»? И не стыдно ли редакторам «Посл. Извест.» так неумно изворачиваться, чтобы до-

казать прямую неправду, будто бы «Искра» умышленно искажала харзгер последних событий в партийной жизни Бунда?

Далее «Искра» «умалчивает, что резолюция необязательна, а составляет предмет свободной дискуссии в Бунде». Да, но «Искра» «умолчала» и о противоположном, т. е. она не утверждала, чтобы резолюция была обязательной. Указав, что резолюция принята «конференцией», т. е. совещанием, «Искра» тем самым исключила возможность предположения, что речь идет об обязательном решении. Наконец, «Искра» назвала конференцию «конференцией комитетов Бунда», а между тем «V конференция была только частным совещанием из членов Бунда, по выбору Ц. К., и комитеты, как таковые, в ней не участвовали». Мы, к сожалению, не имеем возможности знать внутренние дела Бунда настолько хорошо, чтобы безошибочно отличать совещания членов комитетов от совещания представителей комитетов. Думаем, что, поскольку идет речь о необязательной для Бунда резолюции, это отличие и несущественно. Если оно важнее, чем мы думаем, то в таких случаях среди порядочных людей принято фактической поправкой выяснять неточность передачи дела, а не вышивать по этому поводу узоры «кунштшюков», «введения в заблуждение» и т. п.

«А вот еще пример», — прибегает свой самый сильный удар ред. «Посл. Изв». Речь идет о статье в № 27 «Искры» «История повторяется», вернее о «фокус-покусе», проделанном «Искрой» по ее поводу. «Искра» привела след. цитату из № 28 «Гол. Раб.»: «Сказать, с одной стороны, что полицейская расправа с участниками майской демонстрации громко вопиет о мщении, и, с другой стороны, что только полное политическое освобождение России может достойно отомстить за все притеснения, унижения и т. д., — это значит говорить языком талмудиста, который учит, что Илья-пророк даст ответ на все вопросы». Слова, подчеркнутые курсивом, по мнению редакции «Посл. Изв.», «присочинены «Искрой» и намеренно вплетены ею в цитату для того, чтобы иметь возможность вывести пикантный узор для полемики с Бундом».

По мнению ред. «Посл. Изв.», словам, отмеченным курсивом, в еврейском тексте «Гол. Раб.» соответствует фраза, вполне тождественная с следующей затем частью цитаты («Илья-пророк» и т. д.). Сначала фраза сказана на древне-еврейском языке, а затем дан ее перевод на жаргоне. Совершенно верно. Но верно также и то, что эта древне-еврейская фраза представляет обычный ответ Талмуда на хитросплетенные вопросы. Вопреки утверждению «Посл. Изв.», эта древне-еврейская фраза вовсе не есть «обычный способ выражения у евреев безотносительно к талмуду», это — обычный способ, которым талмуд отделяется от неразрешимых вопросов, и наш переводчик имел полное основание, при передаче цитаты на русский язык, тот оттенок, который «Голос Раб.» вносил влечением древне-еврейского выражения в жаргонную речь, выразить словами: «говорит языком талмудиста, который учит» и т. д. Говорить по поводу этого, вполне законного объяснения читателям неизвестного им изречения о «сочинении» и «намеренном влечении» могут только люди, которым во что бы то ни стало хочется излить свое раздражение.

Предлагаем читателю судить, насколько рационально было со стороны Загр. Комитета Бунда возбуждение по-

лемики по поводу отдельных выражений. По существу дела — З. К. Б. отлично знает это — «Искра» была права, восстав против террористического течения в Бунде. И мы надеемся, что это течение исчезнет тем скорее, чем усерднее гг. соц.-рев. будут демонстрировать на своем примере, как поступать не следует.

[Л. Мартов]

из

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Вопрос об «отрезках» в Елецком уездном комитете о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. Внесенное в наш проект программы требование о возвращении крестьянам земель, отрезанных от их хозяйства так называемой «великой реформой» 1861 г., вызвало, как известно, много возражений. В числе прочих доводов против этого требования нам пришлось слышать, что оно является плодом кабинетной мысли, далекой от действительной жизни (см. № 13 «Рев. Росс.»). Насколько знакомы с действительной жизнью наши критики, видно из того, что такие несомненные «практики», как члены уездных комитетов, начали уже подходить к этому якобы «кабинетному» вопросу.

И подошли они к нему вплотную, как только серьезно занялись вопросом о регулировании арендных отношений.

Об арендных отношениях заговорили в Елецком комитете. Было констатируется, что в черноземной полосе громадный процент (чаще большинство) крестьян арендует помещичьи земли и что сплошь и рядом арендные цены превосходят чистый доход с арендуемой земли. Так, в Задонском уезде, при среднем чистом доходе с десятины в 10 р. 46 к., средняя арендная плата (с десятины) 14 р. 52 к. В Иземлянском уезде — доход — 16 р. 03 к., плата — 18 р. 53 к. Для противодействия этому ростовщическому вздуванию арендных цен елецкие земцы предлагают «обязательный выкуп тех земель, которые необходимы крестьянам и в то же время не имеют никакого хозяйственного значения для землевладельцев. Таковы так называемые „отрезные“ земли, прогоны, разные клинья и т. п. участки и клочки, без арендования которых крестьяне не в состоянии обойтись» («Нов. Вр.» № 9597 от 21 ноября).

Понятно, что, не имея для помещиков «хозяйственного» значения в смысле производительного использования, эти «отрезки» являются источником кабальной, принудительной эксплуатации крестьян. Пользование именно этими землями придает хозяйству наших помещиков крепостнический характер, а их самих делает господами над личностью «освобожденного» крестьянина. «Совершенно справедливо, — говорит корреспондент «Нов. Вр.», — что эти именно отрезки, прогоны и клинья идут всего дороже в аренду, потому что крестьянское хозяйство прямо нельзя вести без них. Снимай во что бы то ни стало, снимай в прямой убыток... но снимай, потому что без них «дохнуть нельзя».

Мысль об обязательном выкупе отрезков отстаивал в Елецком комитете А. А. Стахович¹. «Целый ряд сельских хозяев» во главе с А. Д. Поленовым восстал против обязательного выкупа. По мнению Поленова, «обя-

зательное отчуждение „отрезков“ должно применяться только в самых исключительных случаях „общественной пользы“. «Нов. Вр.» находит, что «с этим умеренным и благоразумным взглядом нельзя не согласиться», и предлагает выкупить отрезки при помощи крестьянского банка, как «миролюбивого посредника между обеими сторонами».

Возвращение отрезных земель и связанное с ним урегулирование арендных цен представляют единственно возможные средства нанести сильный удар крепостнически-кабальным отношениям в деревне — этому источнику нашей экономической, социальной и культурной отсталости. Но обставлять эту необходимую реформу какой-нибудь «выкупной операцией» и проводить ее методами «полюбовной сделки», — значило бы, пожалуй, еще больше запутать и без того сложную сеть, в которой бьется русский крестьянин-собственник. Развивающийся капитализм со всех сторон напирал на мелкое крестьянское хозяйство, и процесс его приспособления к создаваемым капитализмом условиям затруднился чрезвычайно, если освобождение от последних остатков крепостного права наградит крестьянина новыми платежами и повинностями. Только радикальное — безвозмездное, повсеместное и обязательное — отчуждение отрезков может принести крестьянам-собственникам заметное облегчение.

И только рабочая партия, чуждая и оппортунистической трезвости буржуазных реформаторов и утопизма романтиков-революционеров, воображающих, что, наклеив этикетку социализма или «полусоциализма» на дюжинные реформы, они создадут для крестьянства выход из теперешней нищеты вне широкой колеи классовой борьбы, — только рабочая партия сможет энергично агитировать в пользу этой радикальной, необходимой и истинно революционной меры, только она одна сможет собрать силы, необходимые для ее проведения в жизнь.

Поднимаемые в заседании земских комитетов важные общественные вопросы показывают всю настоятельную необходимость для нашей партии поскорее выработать и утвердить свою программу, могущую служить опорным базисом для воздействия соц.-демократических организаций на общественное мнение страны.

[Л. Мартов?]

Кострома. Присмирела наша Кострома: с самой весны у жандармов никак не наклеиваются «дела». Но связанные вынужденной праздностью силы ищут себе исхода. И вот наш полковник Кемпе предстает перед нами в роли любителя искусств... В Спб. есть некий жандармский офицер из делающих хорошую карьеру, Янов. Жене этого Янова, певице, вздумалось совершить артистическое турне. В маршрут этого турне включили и наш городок. Расклеили афиши там, где их «полагается» расклеивать, а затем... там, где ему совсем не подобало бы бывать, — в гостиных местных либералов появился Кемпе с билетами в руках. Странные речи раздались в либеральных гостиных! Он не просто пришел с билетами... О, нет! он хочет доказать «внутренним врагам», каким сочувствием общества пользуется его, Кемпе, деятельность. Нашим обывателям пришлось пережить неприятные минуты. Они отнекивались, придумывали разные предлоги, но... большую часть брали билеты, и сбор был почти полный. Треть чистого сбора с этого жандармского концерта пошла на дела благотворительности.

17 ноября в местном техническом училище праздновали юбилей основателя, Чижева. В числе прочих прибыл на юбилей и душеприказчик Чижева, известный всей России аферист Савва Мамонтов. Юбилей, как водится, за-

кончился обедом с обильными возлияниями. В самый разгар пира, когда затуманились уже буйные головы гостей, явился наш новый «общественный» деятель — Кемпе. Мамонтов приветствовал его речью о «подводных камнях», угрожающих «кораблю жизни», и предложил тост за него, как за один из этих «камней». Кемпе имел достаточно наивности или такта, чтобы принять тост благосклонно, но... больше никто тоста не поддержал. Хорошо же вышколен русский обыватель, если он не отзывается даже на застольную шутку, мало-мальски щепетильную.

Впрочем, как видно, не все у нас довольны поведением общества. Недавно вышла прокламация «группы свободомыслящих», авторы которой, резко клеймя деятельность Кемпе и тов. прок. Масальского, приглашают общество бойкотировать их.

Тоже недавно вышла другая прокламация «старых земцев», подписанная «Группа Освобождения». В этом воззвании, разосланном гласным костромского губернского земского собрания и гласным некоторых других городов, земские люди приглашаются — в виду политического кризиса, переживаемого Россией — перейти к новым приемам борьбы. Рекомендуются выставить лозунгом пресловутый четвертый пункт программы майского съезда земцев в Москве. Пункт этот содержал требование участия в Особом Совещании выборных земских представителей и был вычеркнут Шиповым после его разговора с министром. Авторы предвидят, что в «большинстве земских собраний такое требование не будет допущено до обсуждения, — среди председателей губернских собраний Стаховичей, к сожалению, немного». Но тогда остается еще один путь: «легальный протест», и такой протест должен вылиться в форме забастовки. Исполнимость доказывается прим. студ. и рабочих; возражение, что все земское хозяйство остановится при отказе от рассмотрения смет, опровергается доводом о возможности вести его по прошлогодней смете. Как-никак, — эта прокламация симптом брожения и в земской среде. Чтобы охарактеризовать строй мыслей ее авторов, приведем следующую выдержку. Речь идет о признаках политического кризиса, «значение которого не оценено в надлежащей его полноте ни одной из существующих наших партий. Самые факты, однако, указывающие на существование кризиса, неоспоримы. Эти факты — непрерывно беднеющее крестьянство с явными признаками вырождения, накопление в городах громадных масс безнадёжно безработных, глубоко проникшее во все слои недовольство, крайняя изнервленность и взвинченность всего общества, энергическая, вызываемая отчаянием (?) деятельность крайних партий, колебание дисциплины в войсках и, наконец, самое важное — глухое брожение среди народных масс, грозящее каждую минуту перейти в открытое восстание, которое может вместе с абсолютной монархией смести и самый принцип монархии, вместе с злоупотреблениями частной собственности смести и самый принцип (ого! Р е д.) этой собственности».

В августе месяце в «глухих местах» нашей губернии, по р. Вичуге, был большой переполох. Один рабочий, приехавший из Н.-Новгорода, привез с собой несколько штук прокламаций. Они быстро пошли по рукам, но скоро попали к уряднику, а потом к Кемпе. Голубые нагрянули и обыскали чел. 20. Виновника тоже обыскали и при нем нашли две прокламации, но так как он лежал в больнице, его не арестовали. Около этого же времени усердно, но безуспешно, искали одного интеллигента, некоего Щеколдина.

Место это дикое, и подобных историй там не бывало испокон веку. Теперь все от мала до велика об этом заговорили. Среди хозяев паника: «вот, мол, и к нам крамола забралась!», а серый народ начинает шевелиться и думать. Спасибо голубым «агитаторам по неволе»!

Самара город большой, но, как и за большими собаками, за ней смело могла бы сохраниться репутация отменной тишины и спокойствия. К ней приложена та же характеристика, какую один составил образцового учебника по русской истории дает всей России: чиновники тут управляют, купцы торгуют, рабочие работают, фабриканты и заводчики собирают барыши, учащие учат, учащиеся учатся, интеллигенты совершенствуются в саморазвитии,

словом, каждый занят своим делом, никто никому не мешает, и все в общем благоустраивают. Единственным диссонансом в общей гармонии интересов и всякого благополучия является самарская полиция, которая, наскучив сидеть без дела, волнуется и интригуется, провоцирует, словом, всячески добивается приложения своих сил, создает почву. После злополучного выстрела Логовского она упорно старается поддерживать в высших сферах взгляд на Самару, как на очаг всяческого революционного брожения.

Город, в котором, несмотря на безобразные условия работы на заводах: низкий заработок, рабочий день, удлиняемый под видом добровольных сверхурочных работ до 15—17 и 18 часов, полное отсутствие мер предосторожности (напр., в экипажном заведении Флеккел пилы без деревянных ручек), нахальное нарушение законов о штрафах (на заводе Лебедева рабочих, не потрафивших хозяину, рассчитывают вместо 8 дн. за 5 дней; там же рабочего, выработавшего на сдельной работе несколько больше, хозяин обзывает мошенником и рассчитывается с ним по-денно); город, в котором за несколько лет не было ни единой стачки, не говоря уже о какой-либо более серьезной вспышке, административная фантазия обращает в очаг революции. Каждую весну богобоязненные обыватели со слов знакомых околотовых рассказывают об имеющих быть в том или другом месте демонстрациях. В известные числа солдат не выпускают из казарм, ожидая чего-то. Проходит весна, лето, осень, а на Шипке все спокойно. И вот наша жандармерия нашлась. Из пустой вечеринки прошлого года она сумела создать дело, сослав в Вятскую губернию двух якобы устроителей ее — Кузнецова, бывшего ветеринарного студента, и учредителя курсов бухгалтерии Севруха и посадив в тюрьму барышень, повинных лишь в танцах на этой вечеринке.

15 и 16 окт. этого года она вновь предприняла поход, устроив до 20, по некоторым известиям до 35 обысков. Арестованы: железнодорожный служащий Зиссер, два бывших статистика Акримовский и Евтимович, какой-то семинарист и гимназист, земский техник, были обыски в аптеке Волянского, кто-то взят в ней, и в табачном магазине Габай, у управского служащего Иванова, железнодорожного служащего Барыбина (местного последователя Левицкого) и др.

Обыски захватили и уезд: оттуда жандармы привезли одну земскую учительницу. О причинах обысков говорят разное. Одни говорят, что это результат введения в Саратов Охранного Отделения, другие, что сыр-бор загорелся из-за невинного произведения пригородной музы социалистов-революционеров, попавшей в наши заповедные палестины. В произведении этом ставится на вид кому следует, что автор неудачного покушения на харьковского губернатора принадлежит к кругу заводских рабочих, и предлагается по этому поводу рабочим требовать себе фабрик, а крестьянам землю. Кстати, нельзя не упомянуть о проявлении нашими синими мундирами самодурства: за отказ давать показания или же за нежелание выдать товарищей они морят заключенных отказом в пропуске сестринских припасов и сведений. Прокурорский надзор, повидимому, считает это в порядке вещей.

Последствия киевского побега. Дело о побеге передано суд. след. по важнейшим делам. Помощник начальника Сулема сидит в крепости. Тюремное начальство предкажет каторгу Плесскому и тем участникам побега, которые будут вновь пойманы. Известие о самоубийстве тюремного привратника Луки подтверждается. Жандармы «пытались» доказать, что побег вовсе не совершен помощью лестницы, что этот привратник по одному выпустил беглецов через ворота, лестницу же после поставило тюремное начальство.

Курск. На земском собрании раздавалась гектографированная прокламация за подписью «Голос из публики», обращенная к «Господам гласным курского губернского земства» с эпиграфом: «Рожденный ползать — летать не может» («Песнь о соколе»). Приводим главные места этой прокламации:

«Возмущенная публика, собравшаяся в большом количестве на открытые земского собрания, не может обойти молчанием Вашего пассивного отношения к позорному событию — устранению кн. П. Д. Долгорукова от земской деятельности...».

Обрисовав эту деятельность, прокламация продолжает: «...Трудно прикрываться при данных условиях своею лояльностью, невозможно оправдываться тесными рамками закона, когда одна трусость, один шкурный вопрос соединил всех в этой безучастности, в этом почти индифферентном отношении к самому факту дикого произвола, царящего у нас на Руси. Высочайшие соизволения, как известно, находятся всецело в руках нахального временщика, г. Плеве; на докладах министра синим карандашом ставится царем буква „С“, т. е. „Согласен“; один почерк пера отставляет от должности председателя управы, другой подписывает тому же лицу почетное гражданство. Не зная этого губернским гласным, по меньшей мере, наивно. Отрезвленное последними катастрофами, совершившимися в земской жизни (аресты Бунакова, Мартынова, смещение уездн. предв. двор. Воронежского уезда Алисова и т. п.), губернское земство должно было бы протестовать и свой протест резко и достойно заявить, чтобы с поддержкой других земств сбросить с себя давящее иго министерского произвола. Вы робко поддерживали робкое предложение г. Белявского о выражении благодарности кн. Долгорукову; не было произнесено ни одной речи, в которой была бы сделана достойная оценка деятельности ушедшего товарища. Наконец, Вы даже не поддерживали предложение г. Жекулина послать князю сочувственную телеграмму — самая трусливая и безопасная форма протеста. Вы молча согласились на это, покорно выслушав запрещение Вашего „законного“ дворянского вождя, несмотря на его незаконные требования. Мы не будем говорить о гг. Суковкиных, Романовских, Исаковых, Касаткиных-Ростовских, Шпановых, Говорухе-Отроках, Мухановых и т. п., но даже такие, как гг. Евреинов, Якушкин, Рутцен, Ширков, Раевский, Шагаров, Влигенгейм, Овсянников, Куликовский и др., за которыми публика следила с напряженным вниманием, думая, что они спасут честь земского собрания, — остались безмолвны.

«Теперь администрация будет совершенно покойна: земских гласных можно напугать, они послушны, а таких бояться нечего. Не думайте, гг. гласные, что публика ушла с хор, испугавшись неистового звонка председателя!! Нет! Громадное большинство удалилось вследствие того негодования, которое испытывал каждый, присутствуя на одном из позорных заседаний Курского губернского земства».

* * *

Обращаем внимание всех товарищей на эту, заслуживающую подражания и развития, попытку открытого и организованного воздействия на господ «цензовых» представителей «земли» со стороны свободных представителей общественного мнения вообще и мнения рабочего класса в особенности. Ред.

Еще о студентах в Сибири. Нам пишут:

«По вопросу о том, как отнестись к предлагаемому сокращению сроков и возвращению в Россию, студенческая публика сильно раскололась; сказать в точности, за что стоит большинство, — трудно. Первая категория почти целиком уехала; часть второй стоит за возвращение, часть — против. Теперь одна группа взяла на себя инициативу опросить всех, подсчитать голоса и тогда, если будет большинство, послать отказ; этим путем надеются добиться сравнения II и III категорий и возвращения всех.

«Ссылка и ряд вопросов, связанных с ней (отношение к правительственным актам, возвращение и проч.), все это обнаружило ряд совершенно различных групп в среде сосланного студенчества: часть выделила себя совершенно, заявив, что ей до студенчества в массе нет дела; другие заявили, что хотя они себя и вычеркивают из студенческой среды, но по чувству товарищества присоединяются к решению и пр.

«У некоторых студентов заметна тенденция смотреть на сосланную группу как на какой-то авангард студенческо-

политической партии (на одном из собраний был даже задан вопрос: „Признают ли присутствующие студенчество партий?“)...

Мы получили также следующее «Письмо к товарищам-студентам», подписанное «группа ссыльных студентов в Сибири» и свидетельствующее об иных взглядах:

«Из далекой Сибири. Письмо к товарищам студентам.

«Товарищи! Перед нами — начало великой исторической драмы. Правительственная политика последних лет — это не что иное, как предсмертные конвульсии умирающего чудовища. Не по дням, а по часам растет та грозная сила, которой суждено стать его могильщиком. Это — русский рабочий класс, проснувшийся и уже расправляющий свои могучие члены, как сказочный богатырь. А за ним и вместе с ним ожила вся русская жизнь ожили все честные и лучшие силы России. Даже темное крестьянство — темной своей издавна служившее надежнейшей опорой русскому деспотизму — вдруг заколебалось и потеряло свою прочность и надежность.

«Чувствуя приближение конца, русское самодержавие растерянно кидается от одного средства к другому, напрасно ища спасения. Верно, почуяв, с какой стороны грозит ему неминуемая гибель, где тот непобедимый противник, «мускулистая рука» которого подымется, и «ярмо» деспотизма, огражденное солдатскими штывками, разлетится в прах», правительство наше испробовало уже не мало мер и средств — подлых и предательских, чтобы вновь усыпить проснувшегося богатыря. Но — напрасно. Пришлось бросить все хитрые уловки, как бесполезные. И самодержавное чудовище, принужденное скинуть с себя фальшивую маску, явилось перед всем русским обществом — имеющим очи и видящим — во всей своей отвратительной наготе. Пули, нагайки, виселицы, розги и море крови были ответом рабочему классу на его первые шаги по пути самосознания.

«Точно также и к нам — студентам, после целого ряда безнадежных помахиваний хвостом и неудачных „сердечных“ заигрываний, применена была „мера пресечения“, столь откровенно-циничная по своей беззаконности, столь грубо-бесцеремонная, что сумела вызвать нечто вроде ропота даже из уст вечно замкнутых и трепещущих...

„Скорый и правый“ суд, произведенный над студентами царским самодержавием, расшевелил даже нашу, всегда столь благоразумную и осторожную обывательщину.

«Ссылка в Сибирь — без излишних рассуждений и промедлений, — эта грубая и жестокая расправа, не прикрытая даже и комедией законности, растревожила, наконец-таки, и этого корректного, бесчувственно-осторожного раба с заячьей душой и с сердцем пигмея. И поистине надо признать, что это было последнее «героическое усилие» русского самодержавия: не оставить ни единого уголка нашей обширной родины, не забросив туда искры недовольства и справедливого гнева к его собственному беззаконию. Дальше идти уже некуда. Единственными искренними друзьями русского царизма остались теперь разве шпионы, жандармы и полиция.

«Но вот, совершив пакость, самодержавие, по старой своей привычке, вдруг спохватилось и... для „успокоения умов“ порешило выкинуть свою старую испытанную штуку: подсластить совершенное преступление. Ведь русский обыватель глуп и доверчив.

«И что же? К нам в Сибирь неожиданно-негаданно является фон-Плевевский посланник — жандармский шеф Святополк-Мирский с целью... совершить милосердие, „облегчить участь“ сосланных студентов.

«Подумайте только. Царское правительство шлет в далекую Сибирь самого товарища министра (ныне, как известно уступившего свою почетную должность distinguished мерзавцу фон-Валу), и притом шефа жандармов, чтобы оказать свою „справедливость“ и свое добросердечие. Высокопоставленный жандарм мягким, отеческим тоном говорит о „пересмотре дела“, предлагает раскаться, общается вспрошение и за все эти „милости“ требует лишь одного маленького честного слова: отказаться быть порядочным человеком и сделаться свиньей (комментируем: Святополк-Мирский предлагает многим из товарищей дать слово не участвовать ни в какой нелегальной деятельности).

«Но представьте себе: эти „крамольники“ — студенты, эти „нераскаянные злодеи“, все, как один, отказываются пойти навстречу царскому заигрыванию. Мало того: некоторые из них в „непозволительно-дерзком“ тоне заявляют свое нежелание вступать в какие-либо беседы с царским посланником...

«Да, товарищи, мы не пошли на позорную сделку. Мы резко отвергли жандармское предложение. Пусть знают все, что мы вступили в борьбу сознательную и бесповоротную, в которой нет места соглашениям с врагом.

«Какое впечатление произвела эта поездка жандарма на общество, мы не знаем, но нет сомнения, что безвозвратно прошло то время, когда русское правительство способно было „подавать надежды“ и порождать „бессмысленные мечтания“ своим жалким заигрыванием у кого бы то ни было... Поздно. Теперь иное время. Близка уже развязка, когда захлебнувшееся в крови русское правительство даст ответ за все свои обманы, пытки и преступления перед восставшим народом. Все жалкие заплатки-реформы, которыми оно растерянно силится умиротворить то возмущение рабочих, то бунт крестьян, то студенческие волнения, теперь никого не прельстят уже более.

«Мы, студенты, не хуже других знаем теперь всю цену хитрым и гнусным уловкам. Русское самодержавие, обезкураженное безостановочным ростом революционного движения, бросается с одного пути на другой, от одной крайности в другую, и, может-быть, еще не раз русское студенчество испытает на себе его тяжелую лапу — то заигрывающую, то зверски карающую... Но мы всегда и твердо будем помнить, с кем имеем дело. Мы всегда должны знать и помнить, что плодотворная научная работа, что истинная наука несовместима с царским самодержавием, как огонь и вода.

«В самодержавном государстве наука может процветать, но не процветать.

«Пусть сколько угодно твердят нам „ученые“ прихвостни самодержавия, что „политика“ не наше дело, что наше дело, заткнув уши, сидеть и зубрить, мы с презрением отвернемся от них. Нет, товарищи, мы не только учащиеся, не только студенты, мы прежде всего люди, и, как люди, мы не можем примириться никогда с нашим полным бесправием, с ежедневным издевательством и насильством всех добрых порывов, всех честных стремлений... Прежде всего нам необходимо стать гражданами, а не жить рабами, ежедневно рискующими быть униженными, опозоренными, втоптаннми в грязь. Тогда, и только тогда, сможем мы думать о мирной и спокойной научной работе. Теперь же такое спокойствие мы объявляем преступлением. В то время, когда родина наша стонет и истекает кровью под варварским игом царизма; в то время, когда то здесь, то там славной смертью гибнут борцы за свободу; в то время, когда проснувшийся богатырь, русский рабочий класс, скованный двойной цепью — самодержавия и капитализма, восстал на беспощадную борьбу и трупами своими усеивает путь, — мы... станем сидеть за ретортой, копать со скальпелем или, забившись в аудитории, слушать лепет „ученых“ чиновников?... Нет, товарищи, тысячу раз нет. На борьбу, на беспощадную борьбу должны мы пойти. Там наше место, там теперь место и всех честных русских людей. Бывают в жизни народа моменты, когда лишь одна наука — наука борьбы — обязательна для каждого. И такой-то именно момент переживает теперь наша родина. Борцам за свободу нечего бояться неудачи и горьких разочарований. Их ждет верная победа: за современным революционным движением — все экономическое и культурное развитие России. С 80-х годов это развитие сделало исполинский шаг вперед и выдвинуло на историческую сцену новую, еще невиданную доселе и могучую силу, армию русского пролетариата, сконцентрированную и сплоченную безостановочным ростом капитализма. И только он, этот новый, непобедимый борец, способен совершить многотрудное дело освобождения; только он — этот носитель великой идеи социализма, воодушевленный славной задачей, выпавшей на его долю — сотрет с лица земли позорное иго России.

«С каждым днем растет самосознание русского рабочего класса, с каждым днем близится гибель царизма.

«Наш долг, товарищи, наша святая обязанность пойти на помощь к этому проснувшемуся великану — освободителю, к этому победоносному борцу и могильщику самодержавия. К нему, к рабочему классу, должны мы снести все крохи своих знаний; ему, и только ему, должны мы отдать все свои силы и самих себя. Там, в его рядах, в рядах пролетариата, воодушевленного великой идеей социализма, мы должны найти и мы найдем себе место. И вместе с ним, под красным знаменем революционной социал-демократии, с негодованием оттолкнув всякие „ласки“ и заигрывания самодержавия, смело и дружно двинемся вперед на подгнившую, расшатанную крепость русского царизма.

«На борьбу же, товарищи! К верной победе! Долой царское самодержавие! Да здравствует социалдемократическое движение!

«Сентябрь, 1902 г.

Группа ссыльных студентов в Сибири.

Француз, как защитник русского «престола и отечества». В московской 4-й мужской гимназии учитель франц. языка, вместо преподавания ученикам своего предмета, занимается пропагандой антиреволюционных идей и является защитником монархического образа правления. Ведет он свои занятия систематически с учениками последних классов, особенно с выпускным классом, и нельзя сказать, чтобы занятия его были совсем неудачны: есть образчики его влияния и его успехов в этом деле. Так, он приносит в класс и дает читать ученикам сочинения Горького и «Воскресение» (заграничное издание) Л. Толстого, третируя и ругая их, как идиотов, болванов и бездарных писателей, искажающих действительность и приносящих вред настоящему образу правления. Доказывает ученикам, что Горький чуть ли не анархист; что он защищает всех пьяниц, воров и бездельников, покаяная их пьянству и бездельничанью; что все эти хитровцы — пьяные бездельники, не желающие работать, и что оттого-то они и голодают, что хотят все получить в даровину; что крестьяне бунтуют под влиянием «злой пропаганды революционеров»; что они вовсе не голодают, а хотят лишь ограбить помещиков и воспользоваться, не трудясь, их благосостоянием; что революционеры из-за своих личных выгод хотят воспользоваться крестьянами и рабочими, как пушечным мясом. Личная же выгода революционеров состоит в том, чтобы, воспользовавшись бунтами, самим захватить все видные и богато оплачиваемые посты и сделать таким легким путем себе карьеру, сделать же ее честным путем у них-де не хватает способностей, да и нет желания работать на пользу отечества. В таком же духе он проповедует им и о студенческих беспорядках, что все это, дескать, происки бездарных лентяев, которые хотят кончить университет, не трудясь; не трудясь честно, создать себе карьеру. В доказательство своих разглаговствований он приносит в класс нелегальные листки и брошюры (вероятно, из Охранного Отделения), стараясь опровергать их содержание. На учеников он производит сильное впечатление, они от него в первый, может-быть, раз слышат разговоры на политические темы, а запрос, конечно, у них есть, и вот они, вместо скудной зубрилки неправильных французских глаголов, слышат разглаговствования на столь животрепещущие темы; свободно могут задавать ему вопросы, слышать ответы, обсуждать совместно их и, под его предводительством, вырабатывать себе «резвые» взгляды. Ученики, 15—16-летние мальчуганы, уже хвастаются, что они-де в университет вступят уже созревшими людьми с определенной трезвой точкой зрения на все вопросы.

Вот еще пример той разлагающей атмосферы, под влиянием которой воспитывается наше юное поколение. В женской гимназии г-жи Пуссель (что на Покровке, в Москве же) практикуется систематическое преследование всех учащихся девочек-евреек; русские девочки решили во что бы то ни стало выжить их из гимназии: они с ними не играют, не ведут знакомств, подстраивают всякие шалости и обвиняют в них евреек; наконец, клезуничают, доносят на них. Все это проводится с молчаливого согласия школьного начальства. Были случаи, когда девочкам-еврейкам становилось невтерпёж дальнейшее пребывание в гимна-

зии, все эти издевательства и насмешки и прямо-таки преследование каждого шага и слова — и они уходили из гимназии. Есть такие же случаи и в мужских гимназиях: не особенно давно был случай, когда таким же способом выжили из гимназии одного поляка. Здесь уже мальчуганы ухитрялись не только издеваться, но прямо колотить его, чуть ли не всем классом...

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ростов-на-Дону. Мы можем теперь сообщить опущенные в № 29 имена ораторов на ростовских рабочих сходках: интеллигент Брагин (арестован) и рабочий Ставский. Последний, вместе с некоторыми своими товарищами, счастливо спасся от полиции и находится теперь за границей. Он прислал нам подробное описание всей стачки, которое мы, в виду его размеров, намерены издать отдельной брошюрой (вместе с собираемыми дополнительными материалами о стачке).

Приводим корреспонденции об окончании стачки, о впечатлении, производимом ею, и о событиях в Тихорецкой и Новороссийске.

«Ростов-на-Дону, 20 ноября 1902 г. Последние пять-шесть дней очень трудно было получить какие-нибудь сведения с „поля действия“. Полиция творила нечто невозможное. Приехала масса войск, в то же время некоторые фабрики удовлетворили незначительные требования, выставленные рабочими, и последние пошли на работу; осталось забастовавших рабочих около трех тысяч, которые, конечно, ничего не могли сделать с ордой полиции; поэтому, несмотря на все старания, общие сходки не могли состояться, переносили их в разные места, но полиция находила и разгоняла. Город имел вид завоеванного какими-нибудь дикарями. По главным улицам целыми днями ходили огромные патрули казаков, у разных учреждений стояли конные казаки, город был оцеплен казаками, равно как и таможенные входы и выходы. На вокзал публику не пускали без вещей и лишь из дрожек. Несколько рабочих Владикавказск. ж. д. взялись за работу, но были избиты товарищами; вмешалась, конечно, полиция, и было опять много раненых. На улицах казаки хватали подмастерьев, непричастных к делу, если они вели громко разговор о событиях, и арестовывали их. Пишущий эти строки видел третьего дня перед вечером, как несколько сильно выпивших (а монополия закрыта!) конных казаков выехали на тротуар и ударили нагайками нескольких девочек-подростков из работниц за то, что они будто бы их дразнили. На улице буквально невозможно стало ходить, чтобы не натолкнуться на какую-нибудь гадость. Полициймейстер расклеил очень „разумные“ прокламации, гласящие, что если у кого-либо найдены будут на дворе или в доме камни, то он будет строго наказан. Дворники тоже за этим следят. Третьего дня полициймейстер объявил рабочим, что велит гудеть к работе; если они за работу не встанут, то он их моментально вышлет на родину. Гудки третьего дня гудели, и вчера тоже; рабочие явились и спросили, удовлетворены ли их требования, и, получив отрицательный ответ, ушли во-свои. Вчера арестована масса рабочих, и уже началась их высылка; вчера по главной улице видна была масса женщин, стоявших кучками, — это жены арестованных.

«Сборы в последнее время идут лучше, дают почти все, ходят собирать по домам, в учреждениях служащие дают проценты с жалованья. Сочувствие необыкновенное, все только о стачке и говорят. Получаются вести из Тихорецкой; там происходило нечто ужасное; насчитывают более 30 (?) убитых и 100 раненых. Говорят, полиция врывается в дома зажиточных людей, грабит (нашли у полиции массу краденых вещей), колотила нагайками женщин и детей. Говорят, полиция предана суду. Отсюда отправлено туда много войск. В ростовских рабочих, особенно владикавказских, заметно желание бороться до последней капли крови.

«Бесь город проклинает полицию, которая своим поведением многих разозлила. Магазины пустеют, приезжих купцов совершенно нет, в театрах пусто; запретили пока ставить «Мещане», — бояться там демонстрации. Собирают деньги даже среди маленьких гимназисток, в разговоре которых слышатся слова: забастовка, сходка, требования и т. п. Праздно гуляющих на улицах очень мало.

24 ноября. Вчера уже рабочие и Владикавказ ж. д. принялись за работу. Атаман, бывший вчера несколько часов здесь, сказал одному знакомому: «Да, если бы не сочувствие публики, давно все кончилось бы; вот, если бы поймать тех, кто деньги давал, оштрафовал бы во сто раз больше».

«24 ноября вечером. Сейчас уже точно известно, что рабочие начали работать. Главный управляющий сказал, что почти все требования будут удовлетворены (они им ручаются своею жизнью), если они немедленно примутся за работу. Говорят, будто Хилков хочет, чтобы они первые взялись за работу, а потом требования будут удовлетворены.

Вот также в дополнение некоторые выдержки из частного письма одной «мирной ростовской дамы»:

«Ростов-на-Дону, 12 ноября... Сочувствие к рабочим в городе необыкновенное среди всех классов; несколько приказчиков вчера говорили: „Молодцы ребята, что отстаивают свое, нехорошо только социалисты чересчур много болтают неприличного“. Сегодня один извозчик сказал так: „Мы не допустим, чтобы резали, как в Петербурге“...

«...Говорят в банках, театре, дома только лишь об этом, горячо сочувствуют рабочим, хотя сочувствие у всех пока только в душе. До чего теперь говорят об этом, можно судить по тому, что одна маленькая девочка сказала своей матери, которая собиралась уходить: „Не ходи, голодные и тебя засекут“.

«14 ноября: Сегодня удалось говорить с женой забастовавшего рабочего, живущей на Темернике. Женщина 17 лет поразила своим сознательным отношением к соотечественникам. „Какое право имеют в нас стрелять? ведь мы собрались, чтобы потолковать о наших нуждах, ведь каждый сам за себя не в силах постоять“. В восторге они все, по ее словам, от речей: „Кажется, и сама это думаешь, а не выскажешь так“...

«...Много раненых в железнодорожной больнице говорят врачам: „Скорей подымайте нас, нас ждут товарищи“...

«...Целыми днями заметно сильное движение к Темернику кучками, горнорабочие, босяки и т. п. Извозчик сегодня, обернув спину, сказал: „Знаешь, куда идут все?“ и засмеялся. Сбор денег теперь идет гораздо лучше, несколько богачей русских (это особенно интересно) фабрикантов дали по 100 и по 50 руб. Воспитательное значение этих событий в Ростове необыкновенное. Они создают не одного революционера, пробуждают мысль и готовность хоть-чем нибудь служить. Это не выстрел, который действует на чувство, который быстро забывается. Люди, которые совершенно ничем не интересовались, целыми днями об этом говорят, ни о чем другом невозможно думать. Молодцы — комитетцы, их можно теперь смело поздравить и пожелать в дальнейшем успеха».

Интересно также следующее сообщение (из одного частного письма), проверить которое мы не имели еще возможности. «На первой сходке было постановлено: не пить водки во время забастовки, и это постановление свято всеми исполняется».

Последнее наше известие из Ростова гласит:

«Здесь происходит беспощадная высылка рабочих: мужчин отряпают от семей и отправляют поездом верст за сто, а потом выпускают на все четыре стороны — доходи сам до родины пешком. Брагин (оратор на сходках) сидит в тюрьме на ст. Каменской. Арестовано пока много рабочих. Около 300 чел. выслано. В пятницу, 29 ноября, взят, по доносу родственника, С. Мелешко, а 2 декабря выпущен после допроса, выяснившего всю лживость доноса. С 1 по 19 ноября Донской Комитет выпустил 17 разных прокламаций, числом 30 тысяч штук. Собрано денег 2.200 руб.

«Сюда ожидается фон-Валь, а с ним новые обыски, аресты и высылка поднадзорных. По квартирам учащихся

рыщут инспектора и директора и производят обыски. Гимназист 7 кл. Долженко, арестованный вместе с Брагиным, выпущен.

«В ж. д. мастерских удалили двух мастеров; остальные требования пока не удовлетворены. Доктор подал в отставку. Пришлые казаки уже уехали из города».

Тихорецкая. «Здесь вышло так: 15-го бросили работу; требования те же, что и в Ростове. 16-го явились казаки с Маламою (атаман из Екатеринодара) во главе. 17-го созвали рабочих и приказали идти на работу. Когда те настаивали на своих требованиях, Малама приказал напасть на толпу. Рабочие сели и снимали шапки. Но казаки, с обнаженными шашками и с нагайками, врезались в лежащую грудой людей, давя их копытами и рубя направо и налево. Рабочие голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на месте бойни осталась масса отрубленных частей тела, куча раненых. В бегущую толпу дано несколько залпов, 5 убито на месте, 17 тяжело ранено. Двое убиты так: один рабочий нес на коромысле два ведра воды домой: казак прицелился в несчастного и убил его наповал, а затем и жену, выбежавшую спасать мужа. Затем начался грабеж. Малама командовал очищать ж. д. казармы, в которых жили рабочие; казаки стали выкидывать на улицу все имущество рабочих, разбивать сундуки и грабить. «У вас недавно была полчка, давайте деньги», кричали озверевшие башибузуки. Одна женщина пыталась оборонить свое добро: ей рассекли шашкой живот... Что дальше творилось, неизвестно».

«Казаки неистовствовали, как звери, врвались в дома рабочих, били всех, — детей, женщин, стариков. Женщин и девушек насиловали, имущество грабили. В одной квартире на полу найден ребенок, пригвожденный кинжалом. Убитых и раненых отправляют в разные места. В Новороссийск отправлено 18 человек, из которых шестеро умерли в дороге. Так расправляются царские башибузуки с рабочими. Зверства дошли до того, что рабочие послали в Ростов телеграмму управл. дорогой: «Защитите нас от казаков».

Новороссийск. Весть о ростовской стачке сильно взволновала рабочих гор. Новороссийска. На приглашение принять участие и поддержать товарищей они ответили полным согласием. 17 ноября после завтрака рабочие стали звонить в колокол, давать гудок и т. п. Бросили работать все, работающие в мастерских (около 600 чел.), и пошли толпой по пристани и заводам. Работа приостановилась всюду: на мелких заводах, на элеваторах и на пристани, а на цементном заводе администрация, испугавшись погрома, сама выпустила рабочих и — «вмиг ворота на запор». К сожалению, между рабочими не было опытного человека, который руководил бы толпой. Все, однако, держали себя тихо и спокойно. На следующий день приехал на сходку вице-губернатор, появилась полиция и жандармы. В ответ на глумления вице-губернатора из толпы выступил юноша лет 16, бывш. гимназист Калинин, и повел с ним беседу в таком духе: Вице-губ. Что вы заступаетесь за рабочих и требуете увеличения платы? Они ведь ее и так пропивают. Кал. Рабочий получает 25—30 руб. в месяц и иногда большую часть пропивает. А вы получаете десятки тысяч и тоже пропиваете или проигрываете в карты. И т. д. На рабочих его речь произвела наилучшее впечатление. Они предъявили властям писанные требования, однородные с ростовскими, к которым были добавлены еще местные. Сперва их не хотели принять, но потом приняли и обещали ответ на завтра, 19 ноября, в 3 часа дня. В назначенный срок рабочие собрались около мастерских. Тут же стояли казаки, числом около 500 чел., полиция, жандармерия. Администрация объявила, что требований удовлетворить не может. Кто не желает работать, получит расчет и будет выслан на родину. Жандармы пытались арестовать Калинина, но толпа не дала... Были и прокламации (гектограф)... Но настроения рабочих хватило ненадолго. Узнав, что в Ростове стали уже работать, в субботу 23 ноября новороссийские рабочие тоже пошли на работу. Все же маленькие уступки были сделаны. На цементном заводе немного увеличена плата

за нагрузку, а в мастерских рабочим предоставлено вырабатывать неограниченное количество сдельной платы. По городу ездят казаки, которые не допускают новых собраний. Теперь производятся аресты, главным образом, среди рабочих. Калинин скрылся...

Новочеркасск. В мае в здешних железнодорожных мастерских на железодельном заводе Отто и Миненкова, в слесарно-механической мастерской Фаслера, Ф. Х. и немного по городу были разбросаны и расклеены майские листки (первый раз). Разговоров по их поводу было много. Приблизительно в то же время листки (другие) были и в местной воинской команде, но там их скоро отдали начальству (уряднику). Переполоху было много. В местном юнкерском училище весной был обыск, но ничего не найдено. 28 сент. начальник местного жандармского управления Тиханович вызывал хозяина слесарно-механической мастер. Фаслера, Ф. Х. и управляющего Ф. Ф. Неске для разговоров о майских листках. Приблизительно в то же время вызывали туда же и казаков местной команды, у которых нашли листки. И в том и в другом случае ничего не добились.

Сибирь. С проведением жел. дор. в Сибири и с возникновением соц.-дем. комитетов рабочее движение здесь растет и растет и из стихийного начинает уже превращаться в более организованное, сознательное. Особенно знаменательным временем в истории сибирского рабочего движения нужно признать осенние месяцы нынешнего года. Так, в конце сентября в г. Красноярске забастовали рабочие ж.-д. мастерских вследствие того, что им во-время не выдали расчета (см. об этом № 27 «Искры»). 9 октября в г. Иркутске произошла подобная же история. Там тоже в назначенный срок не выдали расчета рабочим ж.-д. депо. Эти рабочие поступили так же, как их товарищи-красноярцы: бросили работу и толпой — чел. в 200 — пошли по разным ж.-д. «службам» в поисках причин невыдачи им расчета. Не добившись никаких результатов, они в этом же количестве направились к губернатору, который, видимо, тоже по примеру своего красноярского товарища, перетрусил и сейчас же телефонировал начальнику депо, чтобы расчет был произведен. Требование было выполнено. (Форма протеста, — пишет по этому поводу другой корреспондент, — совершенная копия красноярской. Очень возможно, что листки Иркутского Комитета, оповещавшие о происшедшем в Красноярске и незадолго до этого распространенные, возымели в данном случае действие). По поводу красноярской и иркутской забастовок как местными Комитетами, так и Томским были выпущены соответственные прокламации (прокламация Иркутского Комитета, как сообщает нам третий корреспондент, помечена № 10).

9 сентября начальник Сиб. ж. д. отдал приказ за № 192, по которому «низшим агентам, слесарям мастерских и депо и рабочим вообще», не приглашенным с других дорог или вообще из России, а нанятым на месте работ, проездных билетов и нарядов совсем не будет давать. Если же кто-нибудь из этой категории лиц будет приглашен с Сиб. на другую дорогу, то билет и наряды выдает ему та дорога, которая приглашает, а не Сиб., как это делалось раньше. Относительно же тех, которым следует выдать билеты и наряды, как приглашенным Сиб. ж. д., будут наводиться предварительные справки о месте их приписки, постоянного жительства.

Этот приказ не объявлялся сразу, а вводился постепенно. И когда он, благодаря практическому применению, обнаружился во всей своей целостности, рабочие красноярских мастерских не замедлили дать ему дружный отпор. С 1 ноября они устроили стачку и стали требовать отмены нового приказа. Стачка эта была подготовлена, главным образом, Красноярским соц.-дем. Комитетом. Протест свой рабочие, между прочим, выражали и в том, что не пускали на поезда бригады и задерживали станционных сторожей, так что начальнику станции Красноярск пришлось дать телеграмму такого содержания: «В виду бунта рабочих и их воздействия на поездные бригады, я слагаю

с себя ответственность в случае приостановки движения». К несчастию, долгие восемь дней красноярские рабочие не продержались, так как у них истощилась касса. Были и аресты, но о них после.

8 ноября в омских мастерских по поводу того же приказа рабочие тоже забастовали. Они целыми массами (всех их там более 3000 человек) ходили по станции и даже отцепили паровоз у стоявшего на станции почтового поезда, охладили этот паровоз и угнали его в депо; затем выгнали со станции телеграфистов (ходят слухи, что там «действовали» казаки, но точными данными это еще не подтверждено)*. Этим рабочим пришлось недолго бастовать, потому что 11 числа по всей Сиб. ж. д. была дана телеграмма такого содержания: «По распоряжению мин. путей сообщения приказ за № 192 отменяется».

На станции Нижне-Удинск Сиб. ж. д. в депо тоже готовились по поводу этого же приказа стачка рабочих, но, видимо, запоздала.

Эти удачи очень приподняли настроение сиб. раб. и заставили их относиться с особенным доверием и к местным соц.-демократическим комитетам.

Томский Комитет, кроме злободневных прокламаций, выпускал еще бюллетени с выдержками из статей «Искры», «Зари», со своими предисловиями или же собственные статьи.

По поводу изложенных выше фактов другой корреспондент пишет:

«Почва для плодотворной деятельности сиб. соц.-дем. комитетов — создана. Широкая и всесторонняя политическая агитация теперь — более, чем когда-либо прежде — является настоящей необходимостью. Чтобы рабочее движение не застыло на своей первой ступени, надо вдохнуть в него душу живую, — вдохнуть сознание необходимости революционного свержения самодержавия для свободного развития пролетариата. Каждая забастовка, каждый протест, каждая вспышка недовольства должна быть использована в этом смысле. Только в таком случае всякая стачка, всякий протест, всякая вспышка возмущения послужат могучим средством для революционного воспитания рабочей массы».

«В половине октября, — пишет тот же корреспондент, — в стенах красноярской тюрьмы были повешаны четыре человека, убившие двух „пикетчиков“ (ночных караульных). Не мало наших красноярских чиновников усиленно добились „счастья“ присутствовать при совершении казни. И некоторые добились своего. После казни они явились в свои учреждения и с развеселым видом, пересыпая шутками и прибаутками, разглаговольствовали о полученном „сильном ощущении“...».

Ярославль. 1902 г. прошел в Ярославле крайне бурно, аресты продолжались весь год. Тотчас же по объявлении усиленной охраны перед рождеством в городе были расклеены прокламации соц.-рев.; по этому поводу были произведены обыски у студ.-костромичей и арестован студ. Захаров. В январе после разброса листов Ярославского Комитета Р. С.-Д. Р. П. были произведены массовые аресты студентов, при чем рабочий Калинин оказался провокатором. Затем было взято несколько наборщиков и след. лица: служащие в ред. газ. «Сев. Край»: Яшнов, Лаптев, Леонов и Смирнов, студ.: Першацев (плохо держался на допросах), Рабинович и Локтев, раб.: Потехин и Григорий Глазунов, Залман Захарович, который проживал под подложным видом. Великим постом были новые аресты среди рабочих, которых было всего взято около ста человек. В феврале, кроме листов с.-дем. Ком., стали выходить еще прокламации студ. Ком. Одна из них была обращена к офицерам и, говорят, имела среди них большой успех. По студенческому делу в феврале были взяты трое лицеевцев: Кедров, Зезюлинский и Покровский, по доносу инспекции, но скоро выпущены. В апреле были грандиоз-

* Мы тоже слышали, что в Омске было целое сражение войска с рабочими, что убитые и раненые были с обеих сторон и, конечно, в неизмеримо большем числе со стороны рабочих. Подробных сообщений еще не имеем. Ред.

ные обыски и аресты по делу Сев. Раб. Союза и студ. орган. Из арестованных известны следующие лица: Ольга Варенцова, учительница, статистики: Ольга Дидрихиль, Ек. Новицкая, Ал. Локтин, Бор. Трефолов, Гавеман, Трегубов, Леонид Петров, Флеров и Евг. Дюбюк, окончивший лесной институт, Мария Дидрихиль служ. в ред., студ.: Клириков, Завадский, Преснеченко и Алексинский. Летом были арестованы юрьевский студент Крылов и чел. 30 семинаристов; Кедров арестован в конце августа под Москвой. Арестованные северяне в мае перевезены в Москву.

29 августа, во время народного гулянья, рабочие сильно побили заведующего сыскной полицией пристава Петровского и некоторых шпионов и городских. Для усмирения рабочих были вызваны войска (фанагорийцы), но дело обошлось без кровопролития.

Москва. В конце октября вышел приговор арестованному первого мая за разброс прокламаций ж.-дор. машинисту Якову Иноземцеву — 7 мес. тюрьмы. В конце сентября арестованы ученики земледельческого училища: Медведков, Никифоров, Баранов и Яблоновский и раб. Прохор, ман. Кречетов. Летом отравился волостной старшина Мелитопольской волости Московского уезда потому, что был замешан в политические дела, а волостной писарь и его помощник успели скрыться до прибытия жандармов. В Таганскую тюрьму привезен техник Романовский, присужденный к 1 г. 8 м. тюрьмы, как уголовный, за Мариупольскую стачку на зав. «Провиданс».

Вологда. Массовые обыски и аресты, производившиеся в этом году по всей России, не миновали и нашей мирной Вологды. Все лето в ней то-и-дело шли обыски и аресты. Весной была арестована по кустромскому делу жена ссыльного Анна Третьякова и ссыльный Щеголев, бывш. петерб. студ. Последний был взят по полтавскому делу и без всяких допросов продержан три месяца в вологодской тюрьме, а затем освобожден. Летом были арестованы и увезены в Москву: адвокаты Жданов и Шен и служ. в стат. Брановицкая. Затем были обыски у ссыльных Ник. Малинина (из Саратова) и Саммера (из Спб.); против последнего возбуждено дело, так как у него нашли литературу. Кроме того, были привлечены, как обвиняемые, ссыльный Поморцев, техник из Кунгура и бывш. студ. из Нов. Александрии Шемякин. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что при перестройке на одной из вологодских улиц мостков плотники нашли под последними нелегальную литературу и письма, из которых выяснилось, что к этой находке имели отношения Поморцев и Шемякин. Затем местная жандармерия возбудила еще дело, довольно комичного характера, против стат. Зюкова, основанием для чего послужил донос. В октябре был обыск у ссыльного Савенкова (из Спб.). Вообще за последнее время усилен надзор за ссыльными, у ворот многих квартир по вечерам торчат шпионы.

Крым. Ялта. В одной из местных аптек Левентон-Гофшнейдер служащими этой аптеки была устроена небольшая стачка. За несколько дней до 1 сентября фармацевты потребовали для улучшения пищи выдачи кормовых денег. Через две недели требование было удовлетворено.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАЧКА ФРАНЦУЗСКИХ УГЛЕКОПОВ.

Еще в прошлом году французские угольщики пытались начать всеобщую стачку. Но в то время г. Мильтеран был еще министром, а его друзья, оппортунисты партии Жореса, только-что начали закреплять свою дружбу с буржуазными партиями, и в их расчеты такая стачка не во-

дила. В ход пущено было все возможное, чтобы не дать разгореться стачке. Хотя большинство угольщиков высказалось за немедленное объявление стачки, хотя национальный комитет уже назначил срок общего прекращения работы, — стачка не состоялась. Северные синдикаты, находящиеся под влиянием депутата Бали, — бывшего некогда рудокопом и ставшего называть себя социалистом с тех пор, как социалисты типа Жореса стали вульгарными радикалами, — заявили, что не оставят работы; политиканствующие оппортунисты грозили призраком разгрома, неудачи, несочувствия общества, сулили широкие реформы, добытые законодательным путем.

И в самом деле, палата депутатов вскоре приступила к разбору двух существенных требований рудокопов: сокращения рабочего дня и пенсии престарелым угольщикам. Назначены были даже комиссии, и «дело» угольщиков из-под зеленого сукна Палаты перешло под зеленое сукно комиссий. Угольщикам от этого легче не становилось, а в это время компании обогащались. Акции повышались, дивиденды росли.

Чистая прибыль акционерных обществ, владеющих угольными копями, поднялась с 26 милл. фр. в 1897 г. до 35,5 милл. фр. в 1898 г., 55 милл. фр. в 1899 г., 97 милл. фр. в 1900 г. и, наконец, до 110 милл. фр. в 1901 г. Такой колоссальный рост прибыли происходил не на счет увеличения количества добываемого угля, а на счет повышения цены его. Одна тонна угля стоила в 1897 году 10,84 фр., в 1898 г. 11,22 фр., в 1899 г. 12,41 фр., в 1900 г. 14,95 фр., в 1901 г. 15,1 фр. Каждый занятый рабочий добывал компаний угля: в 1807 г. на 184 фр., в 1898 г. на 238 фр., в 1899 г. на 370 фр., в 1900 г. на 600 фр., в 1901 г. на 635 фр. Таким образом, производительность каждого рабочего возросла за 4 года на 450 фр., а жалованье не возрастало, если даже в некоторых местах не уменьшалось. От 1877 г. до 1901 средняя заработная плата угольщика поднялась всего с 6,20 фр. до 6,35, т.-е. на 15 сант.

Понятно, что такое положение вещей не могло не вызывать ропота среди угольщиков. Правда, частичными стачками или мирными переговорами с отдельными компаниями, владельцами рудников кое-где удавалось добиться повышения заработной платы, но повышение это держалось недолго. В наиболее благоприятном положении находились северные синдикаты, которым удалось добиться повышения заработной платы на 40% выше средней нормы. В апреле текущего года, однако, истек срок контракта, в силу которого компании обязались повысить заработную плату. Компании воспользовались этим истечением срока, чтобы понизить ее на 10%. Теперь запротестовали и северные синдикаты и решили присоединиться к общему течению.

Стачка становилась неминуемой, и волей-неволей Жоресу, Бали и К^о пришлось склониться перед единодушно выраженным желанием масс. Они склонились, но не помирились с характером движения. Последовательные оппортунисты, они сделали все возможное, чтобы — хотя бы ценою неудачи движения — лишить его политической окраски. А таковую, как мы уже видели, стачка неизбежна носила. Помимо двух уже вышеуказанных требований (государственные пенсии и законом установленный рабочий день), выставлено было еще одно — третье требование: законом установленный минимум заработной платы.

Заметив, что единодушно начатая стачка (в один день забастовало до 160 тыс. угольщиков) грозит принять характер широкого социально-политического движения, Бали и находящиеся под его влиянием северные синдикаты заявили, что они намерены настаивать исключительно на третьем требовании и, как только оно будет удовлетворено, примутся за работу, хотя бы другие районы и продолжали еще бастовать. Такое заявление и последовавшее вслед за ним поведение северных синдикатов с самого начала уже подкашивало цельность и успешность движения. Следует заметить, что именно третье требование, сведенное, в конце концов, к простому требованию повышения заработной платы, помимо того, что оно носит чисто экономический характер, менее всего способно объединить угольщиков разных районов, так как уровень заработной платы различен. Есть районы, где рабочие им довольны, в других он слиш-

ком низок. Между тем, первые два требования и третье требование в первоначальном его виде (минимум заработной платы) одинаково заинтересовывают углекопов всех районов.

Мало того. В то время как национальный комитет всех синдикатов начал в интересах цельности движения переговоры с центральным для всей Франции бюро акционерных компаний, владеющих угольными копями, северные синдикаты и синдикаты района Кармо, находящиеся под влиянием Жореса, начали вести переговоры отдельно со своими компаниями. Таким образом, движение мало-помалу теряло характер солидарности и цельности. Компаниям оставалось только торжествовать, присутствуя при этом зрелище разногласия и раз'единенности в среде стачечников. Стачка начата была в такой момент, когда угольный рынок был переполнен заказами, когда компании должны были рано или поздно уступить требованиям рабочих. Только недостаточно развитое классовое сознание в среде углекопов и использовавшее это обстоятельство политиканство оппортунистов могли погубить так хорошо начатое движение.

Что мог сделать национальный комитет при таких обстоятельствах? Тщетно призывал он к порядку, напоминал о дисциплине бунтующим синдикатам, тщетно угрожал исключением из федерации, — уже в самых рядах его начинались разногласия. За северным и кармским синдикатами вскоре последовали и другие синдикаты. Борьба велась в одиночку. Делегаты углекопов вели переговоры с делегатами компаний. На севере делегат углекопов изменил своим поручителям и признал вместе с хозяевами требования рабочих неосновательными. Север заволновался, запротестовал; цинично обманутый, он обратился уже за помощью к другим организациям, но стачечники, измученные голодом, изнуренные, разочарованные, начали мало-помалу приниматься за работу. В Луаре, где делегатом углекопов был жоресист Аристид Бриан⁸, выбранный обеими сторонами третейский судья (председатель кассационного суда) высказался за незначительное повышение заработной платы. В Кармо переговоры ведутся еще до сих пор; там делегатом рабочих является Ренэ Вивьяни⁹, бывший секретарь Мильерана.

Всеобщая стачка закончилась неудачей. Тщетно проливая республиканская «демократия» крокодиловы слезы над горькой участью черных тружеников, тщетно обещала она стачечникам победу и реформы, если они не выйдут только за пределы экономических организаций и экономических требований... В то время как Жорес с компанией убеждали стачечников относиться с доверием к этой республиканской «демократии», последняя показала буржуазии, что она умеет поддерживать «порядок» обычными «мерами насилия». В Терр-Нуаре жандарм застрелил стачечника, и это глупое, бессмысленное убийство чуть-было не расстроило всей с таким трудом созданной фикции правительственного попечения о рабочем классе. Горькой иронией звучали после этого убийства слова мин. Комба¹⁰ о священной свободе стачек... Дружно проваливает республиканская демократия в палате резолюцию революционных социалистов. Она гласила: «Палата депутатов осуждает вооруженное вмешательство, которое, под предлогом защиты свободы труда, всецело направлено против стачки и стачечников; палата приглашает правительство немедленно удалить все военные силы и полицию из областей, где углекопы прекратили работу, и решает немедленно заняться рассмотрением и решением вопросов, выдвинутых требованиями стачечников». Вместо этой резолюции «демократическое» большинство палаты приняло другую резолюцию, подписанную представителями всех буржуазно-республиканских групп палаты, в том числе и Жоресом: «Принимая во внимание заявление председателя совета министров, — гласит резолюция, — что он поторопит в обеих палатах обсуждение и голосование реформ в пользу рабочих-углекопов, палата депутатов вполне полагается на твердость и благоразумие правительства для одинаковой охраны — как свободы труда, так и свободы стачек». Жандарм-убийца может быть спокоен: убив стачечника, он только охранял ту священную свободу труда, о которой так пекутся Жорес и Комб.

ИЗ ПАРТИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС 1903 г. в АМСТЕРДАМЕ.

Обращаем внимание товарищей на нижеследующий циркуляр международного секретариата. Всем комитетам, группам и организациям Росс. С.-Д. Раб. Партии следует немедленно и энергично приняться за подготовку докладов о ходе и успехах движения с 1900 по 1903 год. В виду наших русских условий желательно бы возможно аккуратнее (и хотя бы по частям) переправлять эти доклады за границу. Надо также заблаговременно подумать с серьезном представительстве на конгрессе. Что касается до вопросов, поднимаемых западно-европейскими социалистическими партиями и группами, то они могли бы послужить темами для очень полезных собеседований в рабочих кружках и собраниях.

Международное Социалистическое Бюро.

Секретариат: Maison du Peuple. Брюссель, 30/XI 1902 г. (Народный дом) Брюссель.

Международный социалистический конгресс в Амстердаме.

Международный Социалистический Секретариат, заседающий в Брюсселе, получил нижеследующие предложения для включения их в порядок дня Международного Социалистического Конгресса, который соберется в Амстердаме в будущем году, 16 августа (нового стиля):

От «Федеративной Унии Центра» (Франция): 1) всеобщая стачка; 2) уничтожение постоянных армий; 3) расширение международного секретариата в соответствии с современным положением; 4) ограничение рабочего дня девятью часами в странах, где это ограничение не существует.

От «Социалистической Партии Франции» (Социалистско-революционная уния); 5) международные правила социалистической политики.

«Социалистическая Партия Аргентинской Республики» ставит на рассмотрение Конгресса вопрос: 6) национальное и международное законодательство об эмиграции и иммиграции.

«Национальный Союз женщин-социалисток в Австрии» предлагает, чтобы: 7) избирательное право женщин — фигурировал в порядке дня Конгресса.

«Фабрианское Общество» (Англия) предлагает вниманию Конгресса след. вопросы: 8) обязательные третейские суды; 9) законодательный минимум заработной платы; 10) тред-юнионизм и политика; 11) муниципальная торговля спиртными напитками.

«Независимая Рабочая Партия» (Англия) ставит в порядок дня вопрос: 12) социализм и муниципальная деятельность.

Чешские социалисты Австрии предлагают включить в порядок дня следующий пункт: 13) поведение международного пролетариата в национальном вопросе.

«Голландская Социалистическая Партия» предлагает внести вопрос: 14) пенсия старикам и инвалидам труда.

«Французская Социалистическая Партия» (Федерация Жиронды) просит обсудить следующий предмет: 15) желательно, чтобы корреспонденты иностранных социалистических журналов избирались из среды активных членов конституированных социалистско-революционных организаций или были ими аккредитованы и во всяком случае поставлены под их контроль.

Мы просим все социалистические организации рассмотреть возможно скорее эти многочисленные и важные вопросы и доставить нам заблаговременно доклады по ним.

Мы приглашаем равным образом социалистические партии всех стран прислать нам до 1 мая следующего года доклад о рабочем и социалистическом движении, об успехах партии данной страны со времени парижского интернационального социалистического конгресса 1900 г. Секретарь Виктор Серви.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РАСКОЛ.

В Петербурге произошел раскол между соц.-демократами, сторонниками «Искры» (Спб. Комитет Росс. С.-Д.Р.П.), и сторонниками старого, более или менее близкого к экономизму направления. Последние привлекли на свою сторону часть рабочих и теперь выступают от имени «Комитета Рабочей Организации». Нам доставлен один листок этого Комитета (октябрьский), но если верить «революционно-социалистической» группе «Свобода» (см. выше ст. «Борьба направлений — пожизненный демагог»), то был еще сентябрьский листок след. содержания:

«Спб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.

«Комитет Рабочей Организации протестует против всяких постановлений, сделанных без его ведома — в том числе против постановления о признании „Искры“ и „Зари“ руководящими органами, о чем объявлено в прокламации от имени „Спб. Союза Борьбы за освобождение рабочего класса“ „Ко всем российским социал-демократическим организациям“, помеченной июлем месяцем 1902 года. Мы в настоящее время ни один из существующих органов не можем признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав. Спб. Сент. 1902 г.

Комитет Рабочей Организации».

Заметим по поводу этого, что прокламация Спб. Комитета выпущена была Организационной Комиссией его, которая была избрана с самыми широкими полномочиями и в состав которой входили делегаты и от Рабочей Организации. Мы можем заявить самым положительным образом, на основании сообщений одного из членов вышеупомянутой Орган. Комиссии, что в июне месяце на одном из загородных собраний в Петербурге, на котором присутствовали рабочие-представители всех пяти районов рабочей организации (составлявшие высшую инстанцию тогдашней «Раб. Организации») — были поставлены два вопроса: 1) о двух направлениях в русской социал-демократии, о старом (экономическом), которое господствовало до тех пор в Петербурге, и о революционном, как оно представлено «Искрой» и «Зарей»; и 2) о принципах организации, так наз. демократизм или «организация революционеров». По обоим вопросам все рабочие единогласно высказались против «экономизма» и «демократизма» и за направление «Искры». После этого решения тут же были выбраны двое рабочих в Орган. Комиссию, учрежденную для проведения в жизнь вышеуказанных принципов. Прокламация Комитета о солидарности с «Искрой» и была заявлением о приступе к работе на этих началах. Новый «Комитет Раб. Организации» имеет право быть недовольным чем угодно и становиться на чью угодно сторону, но «протестовать» против прокламации Спб. Комитета он совершенно не в праве.

Полученный нами листок следующего содержания:

«Союз Борьбы за освобождение рабочего класса. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. (Устав Интернационала). Признавая, что самым важным условием развития рабочего движения и успеха нашей борьбы является самостоятельность рабочего класса, мы находим, что отныне «Рабочая Организация» во главе со своим Комитетом должна иметь руководящее значение в деятельности Союза Борьбы, — и с настоящего момента мы всеми силами будем стремиться провести в жизнь этот наш взгляд. Отлагая подробное изложение нашей программы до выхода следующего номера газеты, мы пока ограничимся следующим: по основным своим убеждениям и целям мы — соц.-демократы: мы стремимся подготовить рабочий класс к социальной революции. Ближайшей целью мы считаем завоевание политической свободы — с тем, чтобы рабочий класс воспользовался всеми правами, плодами своей победы, и добился возможно больших прав в будущей конституционной России. Мы требуем всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права и стремимся теперь же пробудить в рабочем классе ясное сознание тех его прав, которые должны быть осуществлены законодательным путем непосредственно за введением конституции. Всех, кто считает правильной такой постановку дела, мы просим оказать нам посильное содействие и помощь, особенно ценные теперь, когда приходится испра-

влять недостатки прошлого. Всякие заявления, рукописи, книги, деньги и пр. просим направлять непосредственно для Рабочей Организации и требовать отчета за подписью ее Комитета. Спб. Октябрь. 1902 г.

Комитет Рабочей Организации».

Какое негодование вызвал этот последний листок среди работающих не вдали от Петербурга и близко интересующихся петербургскими делами социал-демократов, — видно из следующего, полученного нами, заявления, писанного, очевидно, в пылу возмущения, под свежим впечатлением события.

«„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“.

«На съезде 1898 г. было положено основание Росс. С.-Д. Р. П., но, к сожалению, ее дальнейший рост и развитие были задержаны целым рядом неблагоприятных обстоятельств, и только в последнее время, после нескольких лет разброда и шатаний, после нескольких лет господства экономизма и революционного кустарничества в русской социал-демократии, снова поставлен вопрос о создании единой общероссийской партийной организации. Железная логика жизни привела русских социал-демократов к сознанию ее необходимости и полнейшей непригодности прежней тактики и прежних методов организации. События последних лет ясно показали всю неподготовленность нашей партии к ее исторической миссии — быть руководителем народа в его борьбе с царизмом, — она была захвачена врасплох бурным движением 1901 и 1902 гг. и оказалась не в состоянии использовать его в надлежащих размерах. Русский пролетариат в лице своих передовых слоев дал блестящее доказательство тому, что он вырос из узких рамок борьбы за мелкие требования, „сулящие осязательные результаты“, что она не может удовлетворить проснувшихся в нем запросов, что ему нужно более широкое поле деятельности. Результатом этого явился решительный поворот русской социал-демократии. Голоса экономистов, почти безраздельно господствовавших в 1898 — 1900 гг., начинают стихать; теория стадий сдается в архив; на первый план выдвигается вопрос организации соц.-демократической партии, не партии „экономической борьбы с фабрикантами и правительством“, а партии широкой политической борьбы. (Не последнее место занимает здесь деятельность организации „Искры“, не мало содействующей делу объединения различных революционных сил и подготавливающей для него почву своей энергичной всероссийской агитацией). И в этот момент, когда русская социал-демократия стоит накануне окончательного создания и укрепления партийной организации, когда на обязанности каждой соц.-дем. группы лежит посильное содействие делу объединения, Комитет Рабочей Организации выступает от имени Петербургского Союза Борьбы с программным заявлением, носящим совершенно противоположный характер. Авторы этого заявления ни словом не упоминают о своей принадлежности к партии, хотя Петербургский Союз, от имени которого они выступают, как известно, был одним из основателей ее и принял название Местного Комитета. В настоящее время, когда самой жизнью поставлен вопрос о завершении начинаний съезда 1898 г., когда начинают оживать и поднимать голову несоциал-демократич. революционные организации, когда все в обществе находится в состоянии брожения, — в высшей степени важно и необходимо сплочение всех русских соц.-демократических групп вокруг девиза Росс. С.-Дем. Раб. Парт., в настоящее время уже нельзя ограничиваться общим заявлением, что «по основным убеждениям и целям мы — социал-демократы», как это делает Комитет Рабочей Организации; теперь русский соц.-демократ обязан резко и определенно заявить о своей принадлежности к партии, и, умалчивая об этом, ограничиваясь в своем заявлении заголовком „Союз Борьбы за освобождение рабочего класса“, Комитет Рабочей Организации тем самым, может быть и невольно, отказывается от нее, подчеркивает, что не принадлежит к ней. В то время, когда перед русской соц.-демократией стоит задача создания политической партии, которая взяла бы на себя гегемонию в борьбе с самодержавием и высшее руководство борьбой пролетариата против „всех форм национального и политического угнетения“, в это время Ком. Раб. Орг.

признает, „что самым важным условием развития рабочего движения и успеха нашей борьбы является самостоятельность рабочего класса“, и находит, что Рабочая Организация во главе со своим Комитетом должна иметь руководящее значение в деятельности Союза Борьбы. Очевидно, авторы заявления ничего не забыли и ничему не научились; для них совершенно бесследно прошел тяжелый период всеобщего разброда и шатаний, период сужения революционного размаха партийной деятельности и борьбы революционных элементов партии с оппортунизмом; для них, как и для печальной памяти авторов „Gredo“, социал-демократия не революционная политическая партия, а трэд-юнионистское бюро, обслуживающее исключительно нужды рабочего движения.

«Высший принцип — „самостоятельность“! Высшее учреждение — „Рабочая Организация“! И это в момент обострения революционной борьбы, когда рабочие массы рвутся в бой за свободу, когда по всей России то-и-дело раздаются раскаты грома народного негодования и до боли ощущается отсутствие и необходимость крепкой революционной организации, которая могла бы явиться руководителем этого всенародного движения! Комитет Раб. Орган. забывает, что задачи нашей Партии по существу революционны и, следовательно, во главе ее должна стоять не Раб. Орган, а организация революционеров; что именно на обязанности соц.-демократии — поднять рабочее движение с узкого русла трэд-юнионистской политики и направить на широкий путь социал-демократической борьбы против всего существующего строя.

«Выдвигая, как руководящий принцип, „самостоятельность рабочего класса“, отождествляя Раб. Орган. с организацией революционеров, — он воскрешает традиции самого грубого экономизма и в высшей степени вредное деление соц.-демократов на рабочих и интеллигентов. Ограничивая в настоящее время свое воздействие на пролетариат пробуждением в „рабочем классе ясного сознания тех его прав, которые должны быть осуществлены непосредственно за введением конституции“, и умалчивая о тех „правах“, которые не могут быть осуществлены в ближайшем будущем, авторы заявления тем самым выдвигают пресловутую теорию стадий „серой повседневной борьбы за требования, сулящие осязательные результаты“, и ясно показывают, что совершенно все называют себя соц.-демократами. И они еще находят возможным говорить об исправлении „недостатков прошлого“. Какие недостатки хотят они исправлять? Уж не отказ ли русской соц.-демократии от программы „Gredo“ считают они подлежащим исправлению недостатком?

«Не возврат к изжитым, самой жизнью отвергнутым методам тактики и организации, не преклонение перед стихийным движением полусознательных масс, а создание крепкой революционной организации и пробуждение в рабочем классе всестороннего классового сознания, т. е. приобщение его к международному социалистическому движению, — такова задача русской соц.-демократии, и всякие попытки совлечь ее с этого широкого пути на узкую тропинку трэд-юнионизма и борьбы „за требования, сулящие осязательные результаты“, являются вредными и потому подлежащими самому строгому осуждению.

«На основании этого, принимая во внимание: 1) что, умалчивая о своей принадлежности к партии, Ком. Раб. Орган. тем самым отказывается от нее, и что такое отношение к ней является совершенно недопустимым для людей, называющих себя соц.-демократами; 2) что в виду этого Ком. Раб. Орган. не имел права выступить от имени Петербургского Союза Борьбы, который до сих пор принадлежит к партии и не объявлял о своем уходе из нее; 3) что К. Р. О. является выразителем самого грубого и узкого экономизма, признающего соц.-дем. до трэд-юнионизма; 4) что такое толкование задач соц.-демократии является крайне вредным и недопустимым с точки зрения революционного марксизма и совершенно противным принципам Манифеста Росс. С.-Д. Р. П.; 5) что выступление Ком. Раб. Орган. с таким толкованием этих задач, заключая в себе семена нового разлада и разединения, особенно вредно в настоящее время, когда самой настоятельной потребностью русской соц.-демократии является создание общероссийской революционной организации, — мы считаем своим долгом выразить наш протест и самое решительное осуждение тактики и принци-

пиальных и организационных взглядов Ком. Раб. Орг., поскольку они выразились в его программном заявлении.

«Да здравствует революционная международная соц.-демократия!

«Да здравствует революционная Росс. С.-Д. Р. П.!

«Представители Комитета Латышской С.-Д. Организации в Прибалтийском крае и Русская С.-Д. группа».

Нам прислано следующее заявление:

«Нижегородский Комитет, заявляя о своей солидарности с «Искрой» по вопросам программы, тактики и организации, признает ее своим руководящим органом и желал бы видеть ее общепартийным органом».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Таганрог. Вечером 11 сентября в г. Таганроге на вокзале, по приезде харьковского поезда, был арестован К. М. Сопетов. В ту же ночь были обыски (приблизительно 12) и арестовано еще два рабочих. В станции Каменской около середины октября по телеграмме из Питера был произведен обыск у г-жи Кунделековой. При обыске, кажется, найден только один дневник. Прокурором предложено ей было 48—49 вопросов. На границе в Александрове арестован студент Кириченко (ехавший из Берлина).

Б е ж а л и за последние два месяца из Вятской губ.:

1) Петерб. студ. Горбачев (из Котельнича), 2) петерб. лесник Рерих, 3) дантист Кержнер из Глазова, 4) моск. студ. Величкин из с. Слудского, Орл. уезда. В Спб. арест. инженер Сокольский, Шапошников, бестужевка Левицкая, рабочие Петров и Гроздинский.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Л а в р у ш к а. Получаем, пишите.

Из Цюриха: 1) за литературу 39 фр. 90 с., через М-ую из Л.: от Маруси «Искре», созидающей Р.С.-Д.Р.П., 20 м., с реферата 12 мар., для беж. из Киев. тюр. 7 м., для Сибир. кассы 3 м. 50 пф.; 2) от Б-го кружка через С. 10 р.; 3) из Лион. кол. для Крас. Креста 25 фр. 80 с.; 4) от Фанни 62 фр.; 5) из Л. через М-ую 100 мар.; 6) собрано цюрихск. групп. в пользу семей убитых и раненых в Ростове 78 фр. 66 с.; 7) из Берна от Х. Р. в пользу семей убитых и раненых в Ростове 15 фр.; 8) из Мюнхена 300 мар.; 9) от одес. тов. в Нью-Йорке для одес. арест. и ссыльн. 70 р.; с «реферата Мая» 42 фр. Из Берна: за литературу 87 фр. 75 с. и от А. В. С. 12 фр. 30 снт. Из Льежа: от группы уральск. соц.-дем. 52 р., от студентов-поляков в Льеже для беж. из Киев. тюр. 20 фр. Из Женева: с реферата Ленина 151 фр. 40 с., от спектакля 148 фр., за литературу 73 фр. 25 с., по подпис. лист. 15 фр. и член. взносы местн. группы 6 фр. Из Парижа: сбор с веч., по подпис. лист. и за литерат. 615 фр.; из Южн. Африки от С. И. К. 15 фр. За лит. из Лондона 10 ш. 8 п. В № 27 «Искры» пропущ. 25 долл. за лит. из Н.-Йорка. Чер. Г. С. Д. 420 м. 84 пф. из них для бежавших 37 м., для ростовщ. 92,30 м. От Харьков. Ком. 125 р. С пред. приятия 100 р. От сибиряка В. 15 р. В Берлине гр. «Искры» собрано в пользу ростовцев и отправлено в Донск. Ком. 28 м.

Вышла вторым изданием брошюра Н. Ленина «Задачи русских социал-демократов» с предисловиями П. Б. Аксельрода (к первому изданию) и автора (ко второму изданию).

Печатается брошюра К. Каутского: «Социальная революция» (I. Социальная революция и социальная реформа. II. На другой день после социальной революции). Перевод с немецкого.

В немецком социал-демократическом журнале «Die Neue Zeit» напечатана в двух номерах (№№ 11 и 12) статья В. И. Засулич: «Террористическое течение в России». Мы надеемся познакомить с этой статьей и русских читателей.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Моисеенко, П. А. (1851 — 1923) — текстильщик, старый борец за рабочее дело. 13-ти лет попал на фабрику. 20-ти лет, работая на фабрике Зимина в Орехове - Зуеве, познакомился впервые с народнической литературой. В 1873 г. попал в Петербург, где стал членом кружка Нарвского района и познакомился с видными народниками. После стачки на Новой Бумагопрядильне в 1878 г. был арестован и выслан, но скоро вернулся в Питер и начал вести революционную пропаганду в рабочих кружках за Нарвской заставой, под руководством С. Халтурина. В 1879 г. снова был арестован и сослан в Енисейскую губ. В 1884 г., вернувшись из ссылки, он поступил на фабрику Морозова в Орехове - Зуеве, где был вместе с Волковым руководителем знаменитой стачки 1885 г., после чего снова очутился в ссылке. В 1893 — 1894 гг. работает в Ростове н/Д., участвует в стачке в мастерских Владикавказской жел. дор. и снова попадает в ссылку, после которой ведет революционную работу в качестве соц.-демократа в Мариуполе, Юзовке, Баку и т. д. После Февральской революции был послан на персидский фронт для проведения выборов военных комитетов. После Октябрьской революции работал в Красной армии потом в Отделе Народного Образования в Пятигорске. С 1922 г. до самой смерти работал в Истпарте.

Прим. 2. См. прим. 1-е к № 15 «Искры».

Прим. 3. См. прим. 7-е к № 21 «Искры».

Прим. 4. См. прим. 1-е к № 23 «Искры».

Прим. 5. См. прим. 2-е к № 24 «Искры».

Прим. 6. См. прим. 4-е к № 26 «Искры».

Прим. 7. См. прим. 1-е к № 16 «Искры».

Прим. 8. Бриз, Аристид (род. в 1862 г.) — бывший социалист, проводивший идею всеобщей стачки; позже, во время споров об участии социалистов в буржуазном правительстве, защищал это участие. Вскоре покинул ряды социалистов и в 1906 г. занял пост министра просвещения, который занимал и в 1908 и 1909 гг. Впоследствии неоднократно был премьером, проводившим империалистическую политику французского финансового капитала. Злейший враг Советской России, стремящийся в настоящее время (1926 г.) вместе с Чемберленом создать союз буржуазных государств против СССР.

Прим. 9. Вивиани, Ренэ — в 1906 — 1910 гг. министр труда. В начале мировой войны был премьер-министром и дважды посетил Россию по делам французского империализма. В апреле 1917 г. входил в состав делегации, посетившей Вашингтон и подписавшей договор о вхождении Соединенных Штатов в мировую войну. После войны принимает деятельное участие в Лиге Наций. См. также прим. 7-е к № 21 «Искры».

Прим. 10. Комб, Эмиль — французский государственный деятель, радикал-социалист. В начале 900-х годов вел деятельную борьбу с клерикализмом. В 1903 г. был премьер-министром и на этом посту продолжал борьбу с клерикализмом. Но на-ряду с этим его правительство вело деятельную борьбу с рабочим движением. Впоследствии К. состоял во главе фракции рад.-соц. во французском сенате, проводил в жизнь политику этой партии, идущей, несмотря на свои радикальные заявления, на поводу крупной буржуазии.

И С П Р А В Л Е Н И Я.

В № 15 «Искры» под статьей «Борьба с крамолой и „усердное попечение“ о рабочих» должна быть подпись: (К. Попов).